Иван Ильин

Ив. Шмелев

ПЕРЕПИСКА ДВУХ ИВАНОВ

*

(1927 — 1934)

Иван Ильин

Ив. Шмелев

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений

И.А. ИЛЬИН

Собрание сочинений

Москва
РУССКАЯ КНИГА
2000

Иван Бунин

Ив. Шмелев.

ПЕРЕПИСКА ДВУХ ИВАНОВ

*

(1927 — 1934)

Москва
РУССКАЯ КНИГА
2000

УДК 1/14
ББК 87.3
И 46

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ)
проект № 99 — 03 — 16015 д

Составление, вступительная статья и комментарии
Ю. Т. Лисицы

Расшифровка
и текстологическая подготовка писем И. С. Шмелева
О. В. Лисицы

Художник **Л. Ф. Шканов**

ISBN 5 — 268 — 00485 — 9
ISBN 5 — 268 — 00486 — 0

Предисловие

Я храню Ваши письма, как литературную драгоценность.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву 19.IX.1933

Ваши письма по нескольку раз — смакую, как ликер тонкий — на языке.

И. С. Шмелев — И. А. Ильину 9.III.1934

Письма Ваши (*все*, за *года*) храню как золото!

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву 14.XI.1945

Ваши — письма... — кладезь. Когда и кто приступят — черпнуть?!.. Не оторвутся.

И. С. Шмелев — И. А. Ильину 18.II.1947

«Переписка двух Иванов» является, пожалуй, пока что самой большой коллекцией писем хорошо известных и любимых в России и в Зарубежье людей — Ивана Александровича Ильина и Ивана Сергеевича Шмелева. Она содержит 233 письма русского религиозного философа, национального мыслителя и ученого-государствоведа и 385 писем великолепного православного писателя, художника слова. Эти послания они отправляли друг другу в течение 23 лет, вплоть до смерти Ивана Сергеевича Шмелева. Столь интересны и значительны сами авторы писем, столь драматичны события, происходившие в мире и отраженные в переписке, что невольно становится ясно: они не должны были пропасть, их должны прочесть будущие поколения. Понимали это и сами корреспонденты.

«Вчера получил Ваше интереснейшее и глубокотрепетное письмо. Спасибо. Я их все храню. И постараюсь сохранить для потомства. Последнее письмо целый клад вкладов и целый вклад в мои клады» (*И. А. Ильин — И. С. Шмелеву 2.4.1946*).

«...у меня все Ваши письма, как драгоценности, хранятся в душевном «сейфе» и все перенумерованы — для

будущих изыскателей и для **умных** любителей мысли и языка...» (*И. С. Шмелев — И. А. Ильину 18.VII.1935*).

«Напишите скорее! Мне всякое письмо Ваше — радость! Все письма Ваши берегу; потом выйдут отдельным томом: письма И. С. Шмелева к Ильину. Вот я и увековечен... Карьеру сделаю с того света» (*И. А. Ильин — И. С. Шмелеву 3.VIII.1932*).

«...Ваши письма должны **жить**» (*И. С. Шмелев — И. А. Ильину 30.III.1939*).

«Мне хочется связать навеки Вас с писателем Шмелевым. Мы — в одном дышле» (*И. С. Шмелев — И. А. Ильину 8.II.1947*).

«Ваши письма... все храню, как... глаз. Сколько там!... Вряд ли Вы и подозреваете... Это — какой-то сказочный блеск ума-духа-**слова**! Это не письма: песня играющего духа, — какое легкое-свободное дыхание! и какие же глубокие!...» (*И. С. Шмелев — И. А. Ильину 20.XII.1945*)

«Меня поражает, что мы с Вами в одни и те же годы, но в разлуке и *долгой* разлуке шли по тем же самым путям *поющего сердца*» (*И. А. Ильин — И. С. Шмелеву 15.III.1946*).

Непосредственный порыв опубликовать письма возникал у друзей не единожды, что и высказывалось подчас в шутливой (пробующей возможность) форме:

«Больше скажу — если Вы не будете писать в Колоколе, то я с отчаяния начну печатать в виде статей все Ваши письма ко мне. Это будет с моей стороны *нескромно до наглости*; но вина будет не на мне» (*И. А. Ильин — И. С. Шмелеву 15.VIII.1927*). У Шмелева были свои заботы: «Целая Голконда самоцветов — Ваши письма: Когда-то, кто-то... — опубликует. На радость и в научение — «вот как писали — не гуляли!..»

А мои-их писем раскидано-о-о!... Полагаю — найдется, что показать! Великие то-мы!... Кой-кто (о Вас-то знаю!) и бережет...» (*И. С. Шмелев — И. А. Ильину 21.X.1946*).

Однако до их публикации было еще очень далеко.

Ильин с самого начала переписки со Шмелевым хранил все его письма, понимая всю их значимость, о чем

неоднократно сообщал Ивану Сергеевичу. На первой странице, предваряющей подборку писем Шмелева, написано рукою И. А. Ильина: «Письма И. С. Шмелева к И. А. Ильину (*все*; в хронол<огическом> порядке) 1927 — 1950».

После смерти И. С. Шмелева (24 июня 1950 г.) Ильин обратился к его наследнице (племяннице жены Ивана Сергеевича Ольги Александровны) — Юлии Александровне Кутыриной с просьбой передать ему бережно хранившиеся у Шмелева свои письма. Большинство писем, но, к сожалению, не все были ему переданы. Иваном Александровичем письма были разложены по годам, правда, не всегда точно, поэтому мы стремились восстановить их более точную дату.

По-настоящему «Переписку двух Иванов» задумал и дал ей название, — взятое, конечно же, из писем: «Пока мы с Вами живы — мы два Ивана, российских сына; и никаких гвоздей» (*И. А. Ильин — И. С. Шмелеву 10. IV. 1938*), — ученик философа, ведущий исследователь творчества И. А. Ильина и создатель его Архива в Мичигане, профессор Питтсбургского университета Николай Петрович Полторацкий. Он много работал над перепиской 1927 — 1930 гг. Но неожиданная его кончина в 1990 году в Ленинграде во время поездки в Россию не позволила закончить этот грандиозный труд. Автор этих строк ровно десять лет тому назад впервые услышал о профессоре Н. П. Полторацком именно в связи с его замыслом издать «Переписку двух Иванов». Вдова ученого Тамара Михайловна Полторацкая разрешила опубликовать всю переписку в России, а ученик Николая Петровича профессор русской словесности Вассар-Колледжа (США) Алексей Евгеньевич Климов прислал копии этой коллекции из Мичигана, которая совсем недавно счастливейшим образом была пополнена четырьмя письмами Ильина к Шмелеву из личного архива сына Ю. А. Кутыриной Ивестиона Жантийома (Франция). Впервые публикуемая полная (без каких-либо купюр или пропусков) переписка с комментариями, фотоиллюстрациями, авторскими рисунками и приложениями составит три дополнительных тома к Собранию сочинений И. А. Ильина.

Подготовка к печати осложнялась тем, что в отличие от почерка И. А. Ильина, который был доведен, как и его философия, «до очевидности» — четкий, ясный, с нужными выделениями, в иностранных словах все на месте вплоть до густых и мягких придыханий, тупых, острых и обличенных ударений (древнегреческие фрагменты) («Знаете, даже самый Ваш **сильный** почерк дает мне радость и силу!» (*И. С. Шмелев — И. А. Ильину 22.7.1945*)), почерк И. С. Шмелева — почти стенографический и поэтому трудно разбираемый: для расшифровки его писем понадобилось более двух лет.

«Мы Ваши письма все читаем в умственную лупу — и признаюсь, машинкой легче...» (*И. А. Ильин — И. С. Шмелеву 24.10.1946*).

«Простите, я писал все это очень взволнованный, и почерк мой — волна в зыби, мелкой сеткой и крючком» (*И. С. Шмелев — И. А. Ильину 14.VIII.1934*).

«Позвольте покаяться: *если* Вам все равно, то при всей любви моей к Вашему тончайше-эмоционально-одухотворенному почерку — мне *легче* глотать Ваши письма в машинописи» (*И. А. Ильин — И. С. Шмелеву 26.I.1948*).

«... перо не поспевает часто» (И. С. Шмелев — И. А. Ильину 30.VI.1927).

«Получил Ваши открыточки, но, увы, разобрать мог *не все*. Недописыванием слов отменяются склонения и спряжения... Дублированием строк создается то, что у нас в детстве называлось «свадьба» (ворóн), а у Вас называлось «каша». Бились, бились, так не все и разобрали» (*И. А. Ильин — И. С. Шмелеву 14.VIII.1949*).

Поэтому отдельные слова Ильин надписывал над неразборчивыми словами письма Шмелева.

Все это не мешало переписке, появлению все новых и новых посланий (иногда по два в день — утром и вечером).

Известно, что письма пишут все. Менее известно, что порою даже у великих писателей и блестящих стилистов их письма *намного превосходят все* их литературное наследие (у Гюстава Флобера), иногда это в точности совпадает с их творчеством (сонеты Шекспира, Петрарки,

вообще в «стихах к...»), а о. Павел Флоренский написал свой главный труд жизни «Столп и утверждение Истины» в двенадцати письмах к другу: «Мой кроткий, мой ясный!» Письма — древняя и простейшая форма общения. «Дорогой(ая) N <...> Твой(я) M», а внутри — полная свобода! —ограниченная только глубиною души, любящим сердцем и потребностью излить из себя эти богатства и дары. Нужда в них особенно велика в лихую годину, в час смертной опасности — письма с фронта, письма на чужбине, письма к матери. Они как предсмертный крик, как последний вздох заложены в потаенных уголках нашей души, они в самой природе человека, в его потребности к общению, к общению не случайному, а значимому, главному. Шмелев был полностью в этой стихии: «...в письме — легкость, извинительная горячность, свобода, отрывочность, живость, и оно не обязывает к капитальной эрудиции, к обоснованности, к догме. Письмо — это настроение, но, для меня, **правда**, в которую я верю, которая — **моя**!» (*И. С. Шмелев — И. А. Ильину 29.VII.1927*).

Ильин не только умел писать прекрасные письма, но обладал высочайшей культурой чтения чужих писем: «Сегодня праздник — письмо от Вас. Как всегда читается и высасывается каждая строка, «дегустируется» всякий оборот и оборотик. Читается в строках, над строками, за строками и все многоточия, строкоточия и насыщенные паузы» (*И. А. Ильин — И. С. Шмелеву 17.III.1933*).

«В лекциях (между прочим) учил слушателей *читать* Шмелева. Ибо сие есть особое искусство — акценты, ритмы, паузы, взрывы, вздохи, стоны, выстрелы, спотыкания, скороговорки, растяжки, бомбы, шелесты, благовесты — и всегда и во всем разливное *лирическое пение*» (*И. А. Ильин — И. С. Шмелеву 23.VI.1931*).

«Счастлив, что Вы показали меня читателю, «раскрыли», учили — **читать**. Вы — высокий и тонкий музыкант слова, знаю. Как Вы перечислили мои ноты, как Вы изучили партитуру! Да, и — «спотыканья», да, и «растяжки»... — до чего же вы чутки» (*И. С. Шмелев — И. А. Ильину 29.VI.1931*).

Трудно переоценить значимость этой переписки для русской культуры. В ней не только персональный инте-

рес к таким выдающимся людям, как Иван Александрович Ильин и Иван Сергеевич Шмелев, а много больше. Это их умными и зоркими глазами мы еще раз (по-новому, а часто и в первый раз) увидим Церковную смуту Русской Православной Церкви в 20 — 30-е годы, борьбу монархических и либеральных сил в русском зарубежье, противостояние соборян и евлогианцев; больше узнаем о масонстве и католичестве в их наступлении на православие, о фашизме и коммунизме в их сущностях и смыслах, о литературном процессе за рубежом и о политике присуждения Нобелевской премии, об идее «сопротивления злу силою», о «грядущей России», о «русской молодежи», о «русской женщине», о «Христолюбивом воинстве». Увидим Ильина и Шмелева в их предельной откровенности, раскрепощенности и свободе, их юморе и добродушной издевке. Увидим, как беспощадны друзья друг к другу, когда дело коснется истины, России, Главного Предмета, поэтому подчас возникает и потаенная грусть о непростых путях, сложных отношениях, неспособности быть ровными до конца. И все-таки это была дружба духовно близких людей, ярких, но разных — контраст философской глубины и необычайной художественности, когда проникаешься мыслью одного, а затем в двух словах раскрывается образ смысла другого — но бесконечно любящих друг друга, болеющих друг за друга, подставляющих друг другу плечо (часто и кусок хлеба, спасающий от настоящего голода), посвящающих друг другу свои произведения (а Шмелев даже использовал отрывок из письма Ильина в своем рассказе «Куликово Поле»), печалующихся о русском народе, о своей горячо любимой Родине России.

И перефразируя строку из письма Ильина «Пишите мне, мне каждая весточка от Вас мила!» (*16.III.1939*), скажем: «Читайте эти письма, в которых даже пространство между словами наполнено смыслом и которые ждут своего собеседника в современной России».

Юрий Лисица

ПИСЬМА

Переписка двух Иванов

1927

1

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<19.I.1927>*

Дорогой!

Из самой сердечной и духовной глубины шлю Вам благодарность за чудесный рассказ «Свет Разума»[1]. Это самое необходимое, это самое живое, это незабываемое! Истинное искусство всегда философично, всегда метафизично и религиозно — горит, и жжет, и очищает душу. Я не один раз перечитал Ваш рассказ; и душа плакала слезами умиления; а воля крепла.

«Сухая слезинка, выплаканная во тьме беззвучной»[2]... Это не слова, а осиянные, пророческие глаголы.

Да утешит и да соблюдет Вас Господь!

Так хотелось бы иметь *все* Ваши творения.

Мы не встречались с Вами, но я давно духовно люблю Вас и горжусь Вами.

Жена моя, Наталия Николаевна шлет Вам привет.

С новым годом!

Ваш И. А. Ильин.

Не показывайте этого письма Ивану Алексеевичу[3]: он этого не лю-юбит!

1927.I.19.
Berlin — Wilmersdorf
Südwestkorso 18 Parterre

2

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<22.I.1927>*

22/9 янв. 1927 г.

2, Chemin des Coutures,
Sèvres, r. g. (S. et O.)

Дорогой Иван Александрович,

Большим, истинно светлым чувством отозвалось в моей душе письмо Ваше. Всегда хорошо на душе, когда

получаешь отклик, подтверждение, что не впустую твоя работа, что словом пробуждается доброе... Но когда слышишь привет и похвалу от человека, которого почитаешь, которому глубоко веришь, которым восхищаешься и гордишься... — у меня нет слов сказать ***все***, что я вижу и чувствую в Вас! — тогда крепнет и утишается душа.

Не раз, не раз порывался я написать Вам, приветствовать Вас за стойкость, за блеск дарованья Вашего, за мужество в борьбе, за великую честность перед Россией, за высокую и одухотворенную человечность — русскость! За ту горькую и такую нужную нам всем **правду**, которую Вы ищете, находите и поясняете всем. Вы один из первых — нужнейших родине, — нет, Вы — исключительнейшее, сколько я могу чувствовать, <явле>ние, светлейшее — в страшном и подчас <вели>ком разнобое, царящем в эмиграции — и повсюду. Я Вас так (!) чувствую! Вы не страшитесь вскрывать гнойники интеллигентщины (все еще!) русско-интернациональной, хронической болезни, одурь-дурман и — ложь! И много зато у Вас врагов. Но, — знаете Вы и сами, — и друзей, невидных сейчас, пока, — много! И будет все больше. Да, Вы **такой** — единственный у нас. И что важно — с таким блеском, с таким искусством живого и яркого слова, с такой широтой и духовной глубиной знаний! Для меня несомненно, что Вам выпала — и по праву! — доля высокая — представительствовать за Россию, за духовные ее ценности, — наследие от лучших из тех, кто эти ценности обрели в ней, развивали, очищали, вносили в жизнь мира. Воистину, за эти ценности должно душу свою отдать. И защищать их, — Божье дело, — Крестом — Мечом! Понятен мне весь фальшивый вой-вопль[4], поднятый слева, и вся эта эквилибристика, с опорой на Закон Христов! — вплоть до Бердяева[5]! Понятно все, — страх за содеянное понятен, и «круговая порука» в шулерстве. Непонятно лишь буквоедство и софистика гг. философов. Не могут понять, что и «всему применение бывает»! И если, для меня, самая математ<ическая> истина, примененная к живому, к вечно формирующемуся духу, губит его, я обязан эту формальную истину отвергнуть.

Ибо — не в лаборатории я и не у доски, а *при живом*! И — живу, и сам, мучаясь и принося жертвы, ищу истину. Великая свобода дана нам, великая carte blanche[6] — глубина безмерная: «Суббота — для человека!»[7] И всякий меч, да, Крестом осиянный, направленный против Зла — сам — Крест! Правда — в людях, не книжная. К людям Христос пришел и не книжное принес, а — жизнь, именно — Свет Разума. Так я чувствую. Иначе — рабы умствований и... похоти! Этого **иным** нужно. И — пугают, и путают умы. И давно запутались. И — про себя-то — говорят: немножко еще попутаем, а там — «оттянем». От-тя-нуть — иным хочется. Ибо — страх. Ибо — чувствуют. Тошна до ужаса — неизбываемая человечья подлость. Нехристиане, никакие христиане, когда полезно, за Христа хватаются, дьявольски во Христа облекаются! Чего — дальше?! Одно ясно: «собаки лают, значит едем!»[8]

Вы простите меня. Говорю, м. б., как язычник. И одно утешает: ведь к язычникам тянулся Христос, и — «с мытарями и грешниками» трапезовал. Не приемлю «святости» иных, непогрешимости их.

Сам ищу, и совесть говорит мне: кривою дорогой — дальше иди прямей!

Вы ревнуете о России и ее Правде. И если бы **народ** наш всего знал Вас, он сказал бы: благослови, Господь!

Я не мыслитель, не политик. Я — русский человек и русский писатель. И я стараюсь прислушиваться к правде русской, т. е. к необманывающему, к совестному голосу духа народного, которым творится жизнь. Я принял от народа, сколько мог, — и что понял — стараюсь воссоздать чувствами. И в этом деле столько созвучного нахожу в творчестве-деле Вашем! И Ваше письмо поэтому для меня великая радость!

Будьте здоровы, бодры, крепки, несокрушимы! Славьте Россию, громите палачей ее, не сдавайте «Крепости»! Учите интеллигентщину, образуйте из молодых — подлинно русских людей, — настоящую русскую здоровую интеллигенцию — духовных водителей и работников для России.

Привет самый задушевный Вам и Наталии Николаевне (я имел честь познакомиться с ней у В. Н. Буниной[9]).

Ваш душой Ив. Шмелев
(Ив. Сергеевич)

Позволю себе послать Вам «С<олнце> Мер<твых>» и «Неуп<иваемую> Чашу» с «Это было»[10]. Все остальное — 8 — 10 кн. буд<ут> переиздав<аться>, как и новые (3 — 4) и у меня по 1 экз., у переводчиков по б<ольшей> части. Но при выходе в свет — Вы их получите!

И. Ш.

3

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<23.II.1927>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Не мог отозваться сразу — завалила спешная работа, а потом пришлось уехать из Берлина с лекциями на 10 дней (не Христа славить, а сатану обличать)[11].

Спасибо Вам за чудесное письмо с помазанием и ободрением. Когда-то наши свечи горели рядом перед престолом Божиим и Господь не отвергнул их горения. Да призрит Он на нас и впредь, на нас и на наше духовное братство!

Вы чуднó пишете о «философах», как если бы они что-то знали, или чего-нибудь стоили... Какие же они философы! В каждой строчке Вашей философия живет и поет, а в их выдумках тлен и песок. Я много раз перечитывал Ваше письмо, и один, и вдвоем с Наталией Николаевной; и сохраню его на всю жизнь. Если устану или паду духом — перечитаю опять. Ведь философия — это не резонерство, а рост смысла в страдании; не выверты рассудка, а зовы и звоны таинственного колокола, молитва сокровенного ума; Божия молния в человечьей пещере.

Все истинно-художественное — философично: тою *главною* мудростью, из-за которой вообще и на земле-то стоит жить. А Ваши создания — дышат этой философией, поют ею. Потому полюбляешь их — и навсегда.

Мы прочли «Неупиваемую Чашу» — великолепную, чистую, с заоблачными серебряными колоколами. Про-

чли «Это было» — вещь страшную, бездонную; в ее бездну я (почти сознательно) избегаю пока заглядывать. Радостно встретил и перечитал «Чужой крови»[12] — вещь любимую, читанную уже не раз. Но у Вас *все* надо перечитывать заново по многу раз — вплоть до последней по времени Всенощной[13] в Возрождении. Теперь будем читать Солнце Мертвых. И ждать, что Вы не забудете Вашего обещания — *все,* что еще выйдет или перевыйдет!!

Об одном скорблю: что мы не в одном городе!

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет Вам привет. А я горячо Вас обнимаю и братски люблю.

1927.II.23. Ваш И. Ильин

4

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<1.III.1927>***

1 марта 1927. 2, Chemin des Coutures, Sèvres, r. g. (S. et O.)

Здравствуйте, дорогой Иван Александрович,

Ну, спасибо, я счастлив, сознавая, что Вы, Вы даете моей работе добрую оценку, — не напрасно, значит, торчишь на свете. А последние годы, тяжкие эти годы, жил как бы и без корней. Да и теперь — инерция. Только вот надежда, что вернешься в Россию... У меня там не доделано — из моей жизни[14]. Но, оставлю о сем, и не о себе надо.

Я рад, что мог доброе сказать в письме. Но что мне-то говорить Вам, когда у Вас учиться надо?! И я могу только восхищаться, что жива и творит в русском культ<урном> о<бщест>ве **совесть**, что **правда**, истинное **знание** основ жизни и знание своего народа, — забивавшиеся на протяжении более сотни лет, ругаемые, заушаемые всячески новейшими звонáми и всяческим бряцаньем и хулою, — не убоялись, не погасли, а получают и получат великую силу от... крови пролитой, от ужасов истинно апокалипсических. Я плохой историк и, во многом, несведущ. Любой Миркин-Гецевич[15] меня защиплет на «истории рус<ской> общественности» или там культуры, не говоря о Милюкове[16]. Но я — **чую**. И вижу пробивающуюся свежую и здоровую «травку». Вы-то —

высокий стебель, и горе наше, что мало, мало у нас талантов искрометно-пророческих и боевых в «русской соврем<енной> общественности»! **Ясных**-то мало, оч. мало! А надо, чтобы сильно «трава» полезла и накрыла проклятое каменье, забивающее родники живые. «Подлесок» надобен. Вы его создаете, конечно, — кто скажет, что в молодых совершается?! — но воителей-то, культурных воителей... — где они? Матерьялу мало в эмиграции, и неблагоприятна погода. Материал-то — **там**! Основа-то, квашня-то. Из него будет твориться Россия. И надо, — дай, Господи! — чтобы Вы дождались этого материала. Вы его двинете, душу и мысль его оплодотворите! Да, народ наш был — а теперь его и совсем с толку сбили! — госуд<арствен>но невежествен, но творил **инстинктом**. Вы светло правы. И не с народа и взыскивать. А с учителей лихих — с каменья! с тупорылья и туподушья — интеллигентщины! Она из-за этого туподушья и до сего дня не сознается. Или — по прирожд<енной> глупости. «В детстве мамка уронила» и т. д. Но народ и дальше будет творить **инстинктом**; *надо*, чтобы этот-то «инст<инкт>» чуяли-знали бояре и знать, всяческая и — прежде всего — *стали русско*-народными, при всем блеске образованности! Чтобы и у «бояр» (интелл<игенции>) тоже дрожал нерв «инстинкта» — родной сути. Потому и росло государство, что у знати-то все же был инстинкт к родному. Это, по-моему, обще для всякого народа-госуд<арства>. И я думаю, что на эту линию становится Италия (не в фаш<изме> дело!) и — гл<авным> обр<азом> это подпочвенно сильно — в Германии. Мож. быть и в мелк<их> госуд<арствах>, если им удастся миновать лямки и камертона «культ<уры> вел<иких> держав», которые могут лишить их «национального инст<инк>та», как случилось с нашей интеллигенцией, в силу тех или иных обстоятельств оттолкнутой от национального к метафизическому или слишком уж натуралистическому восприятию всякого рода социальн. и политических проблем, заманчивых своею новизною. Надо шевелить «инст<инк>т» у *верхушки*, а у народа он всегда! И даже большевизм ничего не мог истлить, а наоборот! Я даже в хулиганов-

комсом<ольцев> верю! И хулиганство-то — как протест против инстинктом чуемого уродования! **Там** — не пропало. «Бог» всегда в народе, ибо народ — все, жизнь. Надо, чтобы к нему **пришли**! А он та-ак примет!... И когда придет пора, когда сам народ (или с его пом<ощью>) счистит гнуса, выжжет для святости поганое, тогда — пора сеять. И бу-дет урожай! А для сего надо, надо, пока есть время, здесь создавать и будить, кадры духовных делателей творить. И Вы это делаете. Но надо батальоны иметь! Надо, чтобы во все веси и грады, только пути откроются, ринуться — истину народу открывать, инстинкт-то его оживлять, голову ему поднять! Сердце его разыграть надеждой, сказать — и все-таки ты народ великий! И он заплачет. *Я знаю*, что заплачет. И он тогда таких чудес натворит, такие армии молодого русского творчества создаст, что голова закружится. Слово-вера, Слово-правда, Слово-надежда для нашего народа — дождь вешний на ниву! По опыту, хоть и не ст<оль> большому, знаю. И — чую. Когда-то я в стр<ашные> дни в марте 17 года проехал Москва-Иркутск и обр<атно>, и слышал, и видел, и говорил сам, выбивая светлые огни. Но... тьмы — темь **сыпали**, лили отраву при покровительстве оголтелой власти (!). И я с перв<ых> дней револ<юции> метался от ожидаемого **ужаса**. И в Сиб<ирь> поехал, чтобы размотаться, убежать от себя. Чуял, чуял... И вот почему я, малая мошка русская, в русской туче, счастлив-рад, что вижу, как закладываете Вы и дерзание разрушать наваждения столетия (и остро режете!), бьете храбро «стар<ых> божков», сдираете с них одежду, прокуренную фимиамами. И видят — искусственные автоматы, а *не рожденное*. А народ-то посему и *выблевал*. Взял что мог, раз до раззора довели, на поток пустили, а... все же выблевал! Ибо — *жив*. Надо, чтобы работа Ваша ширилась, т. е. чтобы у Вас нарастала **школа**! Это поважней всяких политехникумов. Но... бедны мы всячески и не в пути поля засеивать. Но... слава Вам, сеете, несете огонь святой. И — дай же Господи — донести!

Я посильно делаю писаньем. И буду. Но — дай срок — в России я пойду **говорить**, как *Ваш,* дорогой Иван Александрович, ибо, чувствую, в наших духовных

основах — много общего, от общих корней, столь вырубавшихся некогда и теперь даже вбиваемых. Если я не полным голосом говорю, то не из страха подлого, а дабы не заострять оружия врагов, не лишать себя сил и средств выполнения, не сузить дыхания. Это как князья к татарам ездили! Порой и помолчать надо. И я столько молчу! Но работаю, и ск<олько> сил хватит — буду. И Ваше чуткое слово друга — мне в велик<ое> укрепление! Врагов много, и козней было много, и голос — даже тихий и горевой мой голос как заглушали! Как приняли мое «Сол<нце> Мерт<вых>»! Начиная с Милюк<ова>. Теперь, дал Бог, после Германии, выход<ит> на дн<ях> в Лондоне. Теперь и *здесь*, после Германии, сдали тону. Но я еще «Учителя» дам **им**, я дам «Кошк<ин> Дом», я дам, если сил хватит, самое последнее — «Спаса Черного»[17]. Это мое — заветное. Лишь бы сил достало. И *во всем* — я Ваш, словно Вы давно во мне жили и шептали! Это — из **недр**, из **вечного**, что в народе, что несли наши лучшие (говорю со светлой гордостью!), что обще всему истинно чисто-человеческому, естественному! Тоже д<олжно> б<ыть> «в детстве нянька уронила», но то была нянька особенная, не пьяная, не блудная-приблудная, а от божьего народа нянька — невидимая, русская божья нянька. Да, верно Вы про свечи, что перед Господом горели!... Дай же Боже и опалиться от сих свечей!

Да, очень жалею, что лишен живого слова Вашего. Обо многом бы хотелось и спросить, и послушать многое, и разрешать! Хотелось бы знать, **что** именно, по-Вашему, надо делать **сеятелям**-то, когда в России станем лицом к лицу с народом? Ибо духовная дезинфекция по всему лицу России необходима! И не столько печ<атное> слово, сколько живое. Тут нужна **школа**, план, армия! Теперь семенение! апостолы, орден! И будет та-ко-е движение — на годы, конечно! Под покровом сильной власти во-имя Божие, во имя *Бога*, рождаемого чутьем народным! Всего не скажешь. Скоро пошлю Вам Челов<ека> из рест<орана>[18] (рус<ское> изд<ание>, нем<ецкое> только что вышло у S. Fischer`a, 3-ья книга у немцев). Крепко жму В<ашу> руку и обнимаю братски.

Будьте здоровы, крепки. Кланяйтесь низко Наталии Николаевне, спасибо ей за память!

Сердечно Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Написал — разберете ли?!

5

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<18.III.1927>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Давно уже собираюсь написать Вам, да задержала ангина, которая тянулась две недели и меня душевно утомила и измочалила.

Я не могу писать Вам о «Солнце Мертвых». Потому что у меня нет такого чувства, чтобы это было «произведение», или «произведение искусства», или Ваше «сочинение». А есть чувство, что это *оно само*, сама бездна первозданная, сама *беда Божия*! Ибо все это так *есть*, так *было;* и если хотя бы только один раз *было* — то уже *есть навсегда.* И как бы ни было это *человечно* — человечьих рук и человечьих слабостей дело — — — все-таки самое *ужасное* здесь не то, что «мертвых», а то, что «*солнце*»!! Я думаю, что никто еще и не знает, что Вы создали — потому что, выйдя и отойдя, все-таки же понимаешь и соображаешь, что это *Вы — создали...*

Я читал Солнце Мертвых — долго; растягивал — откладывал; не то боялся, что кончится; не то боялся дальше читать; не то боялся, что я упущу что-то мимо своего духовного черпала. Это один из самых *страшных* документов человеческих. Мне: то казалось, что человеку от стыда нельзя больше жить на свете; то казалось, что *Бог ужасается, что создал человека.* Солнцу нельзя быть солнцем — мертвых! Чтó книга Иова? — рефлектирующее благочестие обедневшего и захворавшего жида!.. Чтó книга ходульных аллегорий и сонных страхов — Апокалипсис!?.. Первое — эпизод; второе — сон. А это — *система бытия.* В средние века верили, что есть такие в небесах сконцентрированные квинтэссенции бытия — spaecula mundi[19] — образы мира, сгустки прототипические. Вот — «солнце мертвых». Богу — меморандум; людям — обвинительный акт. И этот пророческий, гени-

альный бред доктора!... А возвращение Иваном Карамазовым «входного билета» — кажется после этого пустой, аффектированной фразой...

Я знаю, что *Вы не* возвращаете этого билета. И Вы еще покажете — *почему* не возвращаете. Жду этого. А пока — верьте, «не притомлюсь в борьбе со злом»; хотя и один Господь знает, как я *бездонно устал*. Но опять позовет духовная труба — и весь я как камень, как меч, а зубы зажимает рыдание. Но об этом никто не знает — и пусть не знают.

В пасхальный номер Перезвонов[20] послал статью маленькую «О путях России»[21]; написал под заголовком «Ивану Сергеевичу Шмелеву». Идея: нет народа с таким тяжким историческим бременем и с такою мощью духовною, как наш; не смеет никто судить временно павшего под крестом мученика; за то мы выстрадали себе дар — незримо возрождаться в зримом умирании — да славится в нас Воскресение Христово!

Не браните за то, что без разрешения.

Мне доставили номер рижского «Сегодня»[22] с Вашим суждением. Аттестат Ваш сохраню на память; если кто будет пиять — предъявлю.

Спасибо Вам за чудесное письмо. Я его много раз перечитывал. И конечно тоже сохраню. И во всем согласен.

Буду ждать еще книг Ваших. Как хорошо бы нам лично повидаться! А то у меня даже возникла потребность и настоятельная — портретами поменяться... Как Вы думаете?

Плохо и мало меня печатают в Возрождении. Чувствую себя как лошадь стреноженная. Если увидите Петра Бернг<ардовича>[23] — спросите его мимоходом и *от себя* — почему де мало «Ильина»?

Наталия Николаевна шлет Вам привет. Мы с ней постоянно говорим о Солнце мертвых; и восприняли его однородно.

Горячо Вас обнимаю и братски люблю.

Ваш И. Ильин

1927.III.18.

6

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<28.III.1927>***

28 марта 1927 г.

2, Chemin des Coutures,
Sèvres, r. g. (S. et O.)

Здравствуйте, душевно дорогой Иван Александрович, надеюсь, Вы оправились. Ангина — подлая вещь, и надо попасть на опытного доктора, чтобы с нею покончить навсегда. У моей жены ангина и катар горла повторялись по 3 — 4 р<аза> в год, пока не поехала к проф. Свержевскому[24] (где он теперь?!), в Москве, он что-то дал прижигать смазываньем, — и вот уже 10 лет ни разу, несмотря на всяческие простуды.

Нет у меня слов сказать Вам на Ваш отзыв о «С<олнце> М<ертвых>». Тяжелая это для меня книга и жуткая. Я не заглядываю в нее. Му́кой было для меня держать корректуру — к<ак> бы заглядывать в незасып<анную> могилу, где и я, и все мое. И говорить трудно. И не знаю, **как** мог я одолеть. Это — раны рвать, умирать. Это — сон страшный. Забыть? Нет сил и забыть. Можно лишь как-то бочком проходить, клапанчики прикрывать, **обманывать** себя. Господи, да сколько же мук-то неизбывных в мире! И не верится, как еще живешь, как еще свистят и попрыгивают люди! Выть надо, как собаки на месяц. Нет, не воют, а — общий канкан! Да ведь не только у «именинников», у Европы победоносной, чуть ли не 10 миллионов утратившей на войне (а у каждого трупа хоть по 5 родственников), а и у **нас**, *там* и *здесь*! Канкан! Как послышишь — да что тут «провалы» Достоевского! Не снилось и Ф<едору> М<ихайлови>чу! Он лишь зарисовочки и «кроки»[25] дал. Глубже — или — площе? — натура человека? ***Там*** такой свих и сдвиг — в

среде интеллигенции, такой **провал** (сужу по отд<ельным>, но очень характерным фактам), что не принимает ни разум, ни чувство. Распоясались «низы» в человеке, и духовная позолота сразу сгорела, хотя бы в деятелей Худож<ественного> Театра вдуматься! А ведь какие тонкие-то, чуткие-то были! Чехов бы поглядел!

Я положил на сердце слова Ваши (**Слово** Ваше) о «С<олнце> М<ертвых>». Нет, не приемлю, недостоин. Му́ка моя писала... М. б. и не надо было, но *не мог* я, с этим и сюда ехал. *Там* бы я онемел и сошел на нет. Но главного, главного я не сделал: мне надо еще «Учителя» дать и «Спаса Черного». Но что-то отодвигает. Летом хочу писать — кончать «Иностранца»[26]. Поймать **душу** неумирающую даже в человеке, превратившемся в ходячую машинку. Тоску об утраченном хочу дать в **американце**. И боюсь, как всегда, — выйдет ли. Но это уже вроде романа. Но заинтересовало меня. М. б. на сем и отдохну. Как отдохнул на «Истории любовной»[27]. Но «Спас Черный»... Господи, помоги! Тут я хочу Россию ощупать, душу ее темную-светлую уловить и показать. И многое надо **интуитивно**, хотя и путем образности. И почти все готово для приступа (уже 6 — 7 лет таю), а вот боюсь, и *что*-то не допускает. И не хочу «отпуска». Когда кончу — можно. Иначе не завершено, а только эскизы и «опыты».

Возвращение «входного билета»!... Нет, Вы правы, не смею и *не имею основания*, несмотря на **видимость**. Ибо не моим **весам** взвешивать. Я когда-то, в 1916 г. написал рассказ «Лик Скрытый» (печат<ался> в сб. «Слово» К<нигоиздательст>во Писат<елей> в Москве). Там есть о неисповедимых **весах**. Ив. Карамазов уж очень умен и любитель поиграть мыслями. И — дешев, — это карикатура на интелл<игента> русск<ого>. Улучшенное издание Смердякова. Ему легко вернуть «билет», ибо у него двадцать — собственной фабрикации, и подлинный ему не нужен. Да он его и не получал! У него его и нет, и он это знает. Почему с «пустышкой» не расстаться? Все это фарс словесный. И более гнусного не дано нашей да и мировой литературой. Но какое предвидение!!... Теперь этих Иванов Кар<амазовых> — пачки. И счастливы с

билетами, кучками штампуют — и все одного вида и на все проходы и выходы. Фальшивомонетчики. Их — по всей Европе. На днях возьму и перечитаю, вникну.

Чудесно восхитило меня «зерно» В<ашей> статьи «О путях России» (по кратк<ому> плану в В<ашем> письме). Жду с нетерпением. Я в каждую строку-слово Ваше духовно гляжусь, ибо Вы так мне близки. Господи, да теперь *такое* и *так* даваемое — это же живая, шумящая свежестью вода в суши пустынь! Дай Вам, Боже, сил! И низко кланяюсь за дар Ваш. Это мне честь, как святое. Именно — от Вас, дорогой Иван Александрович. И это — душой Вам говорю.

Чувствую, что надо углубляться в творчестве, ибо мы, особ<енно> мы, русские, поставлены судьбой-историей-Богом перед Зерцалом. И строго это Зерцало-испытание. И **тайна** в сем положении-испытании, России выпавшем! И надо ей себя **оказать**. Ибо — кому же и оказывать?! И в этом-то смысл истории. Ведь ищем Смысла! Иначе — как же? Для бессмыслицы живем? в бессмыслице?! И если убедился, что — в бессмыслице, тогда и подавно: можно легко расстаться с «билетом». Но... кому же и возвратить-то билет? Некому! **Никто** никакого билета и не выдавал! И, конечно, невер Ив<ан> Кар<амазов> ехидничает и притворяется, что очень богат. Никакого наследства не имел и возвращать ему нечего и **некому**.

Портрет я Вам пошлю на память, снимусь только. Все по издат<ельст>вам разослал и не получил обратно (по иностранным); и надо сниматься, что для меня — тоска. Буду счастлив получить от Вас. Очень, очень рад.

22-го марта встретил на улице Струве. И *от себя* спрашивал. Говорит: сдал только что Семенову[28] для выпуска. Даже он как-то заволновался, когда я спросил: почему давно не видно в «Возр<ождении>» Ив<ана> Ал<ександровича>? «Как же, как же... только что сдал!» Я еще ему сказал: от многих слышал — почему проф. Ильин редко появляется... молодежь особенно жаждет его и любит (и это — истина, и иначе не мож. быть!).

Тут Вы выясните прямо со Струве! К нему поступает, ведь. Мне Юл<ий> Фед<орович> Семенов (сегодня увижу его) сказал, что «у меня ничего нет из рукоп<исей>

И. А. Ильина!» Не копит ли Струве для «Рус<ской> Мысли»? Вы теребите! Много технич. недочетов и беспорядка в редакции. И не раз самому ругаться приходилось. Вы требуйте! Черт возьми, меня «Кокаин» Тэффи[29] вздернул. Зачем это?!! Надо вести читателя, а не за ним ковылять!

Сердечный привет Наталии Николаевне.

Братски Вас обнимаю, жму руку.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> *NB* Я великий неуч, и хочу просить у Вас совета насчет книг, к-е *надо* прочитать. О сем буду писать Вам со всею прямотою. Ибо чувствую большие пробелы и *ищу*. Мне для укрепы надо. И д. б. потому и от «Спаса Черного» ухожу.

<Приписка:> Сегодня у меня радость: приедет квартет Кедровых[30]!

<Приписка:> А когда будете в Париже — известите! Я в Париже до 10 — 12 мая.

7

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<22.IV.1927>***

<Открытка с изображением картины К. Юона «Русская провинция»>

22/9 апр. 27 г. Sèvres

Простите, старенькую карту посылаю, но она так мне мила! А сейчас поздно, вне Парижа. Снял со стенки и шлю. Примите за яичко.

Ваш Ив. Шмелев.

<Надпись, сделанная рукой И. С. Шмелева на лицевой стороне открытки:> Христос Воскресе!

8

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<22.IV.1927>***

22/9 апреля 1927 г. Великая Пятница. Sèvres

Дорогой Иван Александрович,

Привет Вам и Наталии Николаевне, сердечный, братский! Письмо попадет к Вам на Светлый День, и я при-

ветствую Вас: Христос Воскресе! И на Русской Земле — Христос Воскресе! Воскреснет с Ним и Душа Русской Земли! Да воскреснет и тело Ее, из гроба-смрада да зацветет, заблагоухает, оживет вновь! Хоть бы до первого мига этого Воскресения дожить, а там — и умирать легко будет.

Сейчас тихий и теплый-теплый вечер. Яблони цветут, дрозды посвистывают. И в этой предпраздничной тишине вечерней — душа томится и болью потерь, и ожиданием — **нового**, — потерь ли и потрясений, или — чудес и осуществлений?..

И вот потребность хоть на письме — перекликнуться. Изверилась, изождалась душа. И было бы непереносимо трудно, если бы не сознание, что есть еще люди, верящие в победы блага, бьющиеся во имя Воскресения. И — сострадающие. И радует это, и укрепляет, как свет из тьмы. Слушаешь тишину — уже сумерки — и мучительно-немо спрашиваешь молчание: будет? скоро — будет? Или — и кончишь посл<едний> день жизни перед замкнутой дверью?..

Но — пусть, что суждено. Лишь бы осуществилось, лишь бы на последних Весах Правда воссияла!.. Господи!

Христос Воскресе! И всем в ответ могилушки: Воистину Воскресе! О, если бы!..

Обнимаю Вас. Будьте здоровы и сильны. Получили ли Вы мое письмо от 29 III[31]? Боюсь, если оно затерялось: больно бы было мне чувствовать, что могли Вы подумать: оставил-де В<аше> письмо от 17 III[32] б<ез> ответа.

Сердечно Ваш Ив. Шмелев.

9

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<1.V.1927>***

Воистину Воскресе!

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Не браните меня за молчание. Я все получил: и первое Ваше письмо, и книгу (Чел<овек> из Рест<орана>) и второе письмо. Три радости; за каждую отдельно благодарю Вас и обнимаю. — Я только не могу писать Вам в

любое время. Ждешь, как для «статьи» — вдохновения, а его иногда не бывает, а иногда оно приходит, когда душа вся выдоена. Тогда — вот так бы и пошел к Вам разговаривать и душу отводить, а Вы за тридевять земель...

Я постоянно в течение дня по многу раз мысленно обращаюсь к Вам. Что бы ни делалось, ни затевалось — серьезного — бросаю Ваш луч на жизнь — что бы он сказал? Принял ли бы участие? Как бы отнесся? Вот и теперь опять. Напишите мне, пожалуйста, обстоятельно, какие у Вас планы на лето? Когда, куда, на долго ли? Мне непременно надо с Вами летом встретиться и договориться *о деле*. Слагаются некоторые возможности, о которых сообщаю Вам *строго конфиденциально*, и осуществление которых без Вас не мыслю. С тою же *конфиденциальностью* (*строжайшею!*) — я думаю быть в Париже в начале июля и затем провести во Франции месяца *три*. Где — еще не знаю.

А сейчас еду в Прагу читать по-русски нашей молодежи: О патриотизме, о монархии, об интеллигенции, об основах воспитания русского национального характера[33] и т. д. Дней восемь, каждый вечер. Дай Бог уехать живым! До 1 июля просижу здесь потом безвыездно.

Горячо Вас обнимаю и еще раз благодарю за письма. Я читаю их всегда по несколько раз в духовную лупу.

Ваш И. Ильин

Посылаю Вам мой любимый Рум<янцевский> Музей.
Как хороша присланная Вами открытка Юона[34]!
1927.V.1.

10

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<11.V.1927>***

11 мая 1927 г. 2, Chemin des Coutures, Sèvres (S/O)

Дорогой Иван Александрович,

Горячо благодарю Вас за книги, за трогательные посвящения, дорогие мне — и так мало заслуженные! Я буду все читать и во все вникать — не в этом хлопотливом и тормошащем Париже, где вот уже 2 мес. не могу,

тихо, работать, а в Capbreton'е (Landes), куда едем в 20-х числ. мая, и где как бы обосновались (4-ое лето пойдет). Там, в мал<еньком> домике, в лесах сосновых (до 300 верст леса, от Бордо до Океана), — тихо, я и работаю, и отдыхаю, — цветничок, огородишко. Я очень люблю копаться в земле. В прошлом году приехал туда А. И. Деникин[35] с семьей, и мы стали друзьями. И в это лето будет жить неподалеку от нас, в том же Capbreton'е. (Там и Бальмонт[36] осел.) От Океана 15 м. ходу.

В позапрошл<ом> году жил Бердяев и Булгаковы[37]. Я был бы счастлив увидаться с Вами и побеседовать-послушать. Мне боязно, и меня смущает, что Вы, дорогой И<ван> А<лександрович>, меня переоцениваете: как же я беден, и как я слаб духовно! Во мне нет боевой силы, волевой силы: я лишь хотел бы учиться быть стойким, гореть, не погасая. А я лишь вспыхиваю. Иногда эти «вспыхиванья» находят форму в писании. И только. Я еще часто — возмущаюсь, негодую... Но поглядишь в себя, — и сколько же немощности, — ах, «непромешанная каша»! Сгустки и — жижица. Я **хочу** быть человеком, быть достойным того трудного и ответственного положения, в которое мы поставлены судьбою. Только. На 3/4 я — литератор, за столом, в мечтах. А где мои — **дела**?! **В такое** время нужно **деятельно** жить, а не умозрительно, как я. Но через себя не перепрыгнешь. **Хочу**, но удерживает и безволие, и... много не сделано в отпущенном мне искусстве. Правда, получишь иногда отклик — и совесть успокаивается. Хорошо бы встретиться с Вами! Но я не могу отважиться — приехать в Paris, далеко и дорого, — живешь в урезках. Вы пишете — «о деле». Скажите если — приехать, я понапрягусь. Боюсь только отбиться от работы, начатой, кот<ору>ю буду продолжать в Capbret<on'е> (надо еще поехать в Пиренеи, Лурд, Тарб (для работы, кое-что заметить!). Пишу «Иностранца», — одолею ли? — вещь не только для рус<ского> читателя, и масштабик, к<ак> б<удто>, **человеческий**. Если Вы будете ездить по Франции, Вы мне напишете, — м. б. и съедемся. Пробыть думаю в Landes (Capbreton) до конца октября, как всегда. У меня нет постоянного гнезда (это же призрачная жизнь для меня **здесь**, во Фр<анции>), я не

оставляю квартиры, а живу в 2-х комн. Бросаю и еду. В Capbreton`е — домишко, плачу 300 fr. в мес. Полгода тут, 1/2 г. — **там**. И — **нигде**. Летаем, как чибисы тоскливые, — над болотиной. Гнездо разорёно, причалу нет. И — душе легче. Не подымается душа — вить гнездо. В дороге, все в дороге... Меня очень интересует, что Вы **думаете**, о каких «возможностях»?? Но об этом, надеюсь, *лично* узнать, от Вас, при встрече.

Приветствую Вашу деятельность, что не оставляете молодежь: **нужно** — с ней! На нее только надежда. Ей жить и делать. Старое отмирает, со своими заквасками, «очками», «сетками», привычками думать и болтать, с пороками-добродетелями, со всякими табу. Мне нужно от Вас услышать суждение о молодежи. Выработался же новый тип?! Вы помогаете выработке. Мне нужно и для работы — «Наследство» (Введение — «Въезд в Париж»[38] — я напечатал с год тому в «Совр<еменных> Зап<исках>»[39]). Но план мой — дов<ольно> широкий. Я должен коснуться «старого» — «наследства»-то! И хочу столкнуть два поколения. Как бы не вышло сгущенно слишком!

Посылаю Вам «Степное Чудо»[40], — сказочки, писанные тогда еще, когда самое светлое в душе-жизни не было еще побито... Писал в Алуште. Издал теперь, чтобы только в порядок понемногу привести разбросанное и уцелевшее. Для чего — сам не знаю. Ну, «прибираюсь»... Все под Богом. И надо итоги подвести, порядок навести. Все-таки — жена еще остается.

Не смущайте меня оценкой моей «духовности». Просто, я лишь хочу оставаться живым человеком, не уходить в **базар**. И горько-горько, когда видишь, что этот **базар** оглушает и крутит и помогает — **забывать**! Мы же здесь, воистину, Крестоносцами быть должны. В великом испытании — не создать, в сущности, ничего! Я только знаю: велика сила эмиграции, но она растрепана: «течения» ее дробят, отвлекают в разные стороны и усыпляют — базарщиной. Это *я знаю.* И слишком много веселья, до пустяков. И мы (в частности, русские писатели) не только не на высоте, но даже хуже обывателя! По-зор.

Привет Наталии Николаевне. Обнимаю Вас братски.

Ваш Ив. Шмелев.

11

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<14.VI.1927>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Наконец я могу позволить себе сообщить Вам основную сущность того «дела», на которое я Вам намекал и о котором нам следует поговорить лично.

Некоторое время тому назад один знакомый привел ко мне русского национально мыслящего человека, недавно приехавшего *оттуда* и имеющего очень солидное прошлое и очень солидные связи. Туда он больше не собирается, а желает работать здесь. После всесторонних и длительных обсуждений выяснилось, что мы с ним в большом и полном единомыслии и единоволении; что он имеет деньги на издание идеологического журнала и желает эти деньги предоставить в мое полное распоряжение à fond perdu[41]; и что мы друг другу вполне доверяем.

Ныне программа журнала мною выработана, деньги уже внесены, переговоры с типографиями уже налажены; и вот что решено.

1. Я есмь редактор-издатель. 2. Журнал будет выходить в Берлине, с 1 сентября, ежемесячно (?) размером в 5 листов, ценою в 1 1/2 марки, 9 франц. франков. 3. Он будет составляться на основе единой идеи и единомыслия, без разнобоя, полемики etc. 4. Это должен быть журнал *волевой* идеи, такой, чтобы ее хватило в России и на 50, и на 100 лет. 5. Каждая строка будет оплачиваться и *прилично* оплачиваться <—> 16 долларов за лист в 35 000 букв; деньги выложены на стол прямо на несколько номеров вперед. 6. Предполагается настойчивый, волевой аппарат распространения, повсеместный; и далее — отправка на *внутренний* рынок.

Я не могу скрыть от Вас, что от одной идеи о Вашем участии в этом журнале у меня делается радостно на душе. Одно только — по уставу мы не будем печатать художественную прозу, или «беллетристику»: не хватит места. Но мои надежды на Шмелева публициста, пророка и сатирика (сказки!). Ему будет одно из самых первых мест и притом самое почетное место в журнале.

Я не мыслю журнала без Вас. Откликнитесь! Загоритесь! Дайте *мне* Ваше вещее, глубинное, огненное слово! Хотите призыв к русскому народу — давайте призыв (как Вы мне писали в одном из писем...)! Хотите «горькую сказку» — давайте сказку! Хотите обличение наподобие «доктора» из Солнца Мертвых — давайте, давайте! Все будет приниматься с радостью и помещаться с гордостью...

Мы не будем забирать слишком направо; мы будем свободны от левизны. Я не наглашу туда ни колеблющихся, ни усталых, ни исписавшихся. Я буду искать «сенек» по «шапке»[42]. Я мечтаю о густом, почвенном, свежем, дерзающем и трезвенном, ответственном слове. На днях вышлю Вам два общих «досье» — о задаче журнала и об общем направлении. Пробегите их, но *не стесняйте себя ими*: пишите так и о том, как и о чем позовут Вас написать голоса, мудрые голоса в ночи!

Для первого номера (я не мыслю *ни одного* номера без Вас!) надо было бы иметь к 1 августа — но я мечтаю до тех пор увидеться с Вами лично. В начале июля буду в Париже, а потом проеду на юг Франции.

Итак: зову и мечтаю!

Ваш И. Ильин

Все сие пока *строжайше* между нами! Не хочу без нужды обижать людей...

Пишите сюда!

Спасибо Вам за «Человека» и за «Сказки»[43]. То и другое мы прочли с Нат<алией> Ник<олаевной> вслух. И глубоко оценили. Но какой же Вы *разный*! Полное перевоплощение... Такие ведь те Предметы, которые созданы Творцом. И из каждого Вы говорите на «евоном» языке.

1927.VI.14.

<Приписка:> Где Вы? С какого времени? Как Ваш точный адрес, если он новый?!

12

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<20.VI.1927>*

20 июня 27.

Новый адр., с 10-го июня:
Villa «A l'alouette»[44]
Capbreton s/mer
(Landes)

Здравствуйте, дорогой Иван Александрович, письмо Ваше от 14-го, заказное, переслали мне сюда, к Океану. Перемена места всегда выбивает меня из ходу, и вот — все не при себе, все «собираюсь», и ни к чему ни воли, ни охоты. Разбитость... Мука — не иметь твердой оседлости, книг, кабинета, собранности душевной! Да и события срывают душу, дробят ее, не питая.

Благодарю Вас, что дарите меня верой в мои силенки. Но я-то знаю себя: ох, не годен я на длительное, зажигаюсь, а не **горю**, взрывчиками живу. И вот посему-то я и ***разный***, что Вы отметили — в работах. Хотя эта «разность» объясняется тою или иною настроенностью в работе: в разных «ключах» дается, в зависимости от игры внутренней.

Боюсь, что в нужную-то пору, для журнальной работы, и окажусь ни в каком ключе, разве только в скрипичном. Знаете, я иной порой по 2 — 3 мес. ни строки не скажу — жду! **Никогда** не заставлял себя, а **что**-то заставляло меня, когда душа петь просилась. Но мысль Вашу приветствую и, если в силáх буду, буду писать.

Боже мой, сколько было толчков работать, когда был в Севре! Но боялся начинать писать, — масса всяких хлопотишек перед отъездом, чтений, тревог мелких, всяких «дней»... — стоит ли начинать! А вот как перебрался, все мысли попрятались, как мыши перед котом, а кот-то мой — новое (хоть и не новое, живу здесь 4-й сезон) место, запущенный садик, к<оторы>й просит забот, солнце в дождях, леса, где я еще не был, океан, ворчливый вдали, — его я еще и не навестил. И пусто, пусто в душе и голове. Но... буду работать. Незаконченный роман, брошенный давно «Иностранец» и тьма — тем... острых, резких. Как я себя оберегал от статей! Для меня — статья — вспышка, после которой долго не настроишься.

Ох, трудно 2-м богам (искусство и — *жизнь*!) служить: один другого частенько исключает. Но... попробую.

Очень хорошо, если заглянете и сюда. На Юг Фр<анции> хотите? В Ниццу? Здесь, кк. и в пр<ошлом> году, живет Ант<он> Ив<анович> Д<еники>н с семьей. Мы очень дружны, по-хорошему близки. Часто видимся и болтаем житейски. Мне хотелось бы о многом говорить с Вами. Хорошо ли Вы знаете того, кто предлагает издавать сборники? Ох, столько теперь «мистерий» открывается и паутин сложных и подлых?! Дьявол всякие личины принимает.

Итак — я с Вами, но хватит ли дара — писать и писать сердцем? и — регулярно?! Боюсь переоценивать силы свои. Во многом слаб я, а прежде всего — в длительности горения. Через себя не перепрыгнешь. Далеко мне до Вас, знаю. Восхищаюсь Вашей ***напряженностью легкой***, без усилий, верой Вашей. Читаю, как прекрасно делаете, не покидая молодежь, лучшее, что здесь есть, чистейшее. Плачет иной раз сердце мое, как подумаешь... Нет, нет вожаков для нее, ибо вожаки вразброд, не знают и не веруют. *Делать* надо так, как Вы пишете, — впрок, надолго... au fond[45], выверивши цели, зная, куда надо двигать, имея *Бога Истинного*, сознав ошибки и преступления прошлого. Да, думается мне, — надо в основу ***Бога*** положить, т. е. идейную основу, выверивши, иметь, философию русского возрождения построить и по ней — действия вести. Закваску надо. И я, думая о сем, блуждаю. Надо творить философию нашего бытия, надо новые идеалы **поднять** для поколения (как иконы поднимают!), зажечь ими, и тогда — построения политич<еского> и всякого характера д. б. ясны. Д. б. создан катехизис! Я вот пишу, чуя Вас, и сам я так малограмотен во всем этом! Но в одном я верен себе: я никогда не уходил в политику и в «партии», ибо никогда в них не видел того Бога, которому должен бы служить безотказно. Одно я знаю: надо самому страстно верить, чтобы руководить другими. В своих работах я лишь кусочками строил своего Бога, — и мозаичен Он, и не ясен до чистоты. Я лишь, — знаю, — доброе хотел будить или — не хотел, а, вернее, сам нащупывал. Да что ж, не моя и ответствен-

ность: я буду лишь служить **Богу**, как дьячок — козлячком да кадилкой. А таинства — кому сие даровано. Одно скажу: Ваша вера понятна и родна, и близка мне! Изворотов мысли непродуманной и витиеватой — не принимаю, ловким словесным вывертам не внимаю. Бердяевщина, Карсавинщина[46], Степуновщина[47] (жу-ти, пачули[48]!) — все это любомудрие и самолюбование — дессертики — не по времени, не по месту! Ибо — вне активности, — решение шарад словесных и канкан с подложной Софией[49], — последствия прежней привычки услаждаться извивами словесными. Это — блуд салонный, и хорошо, что не привлекает молодежь, видевшую столько **всего**! Эстетизм слов-мысли, безотчетный, беспардонный. Акробатизм на месте! Есть же любители головоломок, есть же штабные писаря, расчеркивающиеся непотребно-лихо!

Если надумаете сюда, вот путь: Gare d'Orlean, Quai d'Orsay, поезд 9-50 веч. (21-50) билет до Capbreton'а 155 fr., через Borddeaux, Labenne. В Labenne слезть и на мал<еньком> поезде — Capbreton. Дороговато в гостиницах, и тесно в сезон. У меня нет, к сожал<ению>, уголка, живем в 2-х комнатах. Но я Вам поищу ч<то>-ни<будь>. Если не попадете, спишемся. Эх, хотел я на Юг проехать (Ницца, Грасс), да вряд ли с деньгами соберусь. Вышло «Сол<нце> Мерт<вых>» в Англии, 1 — 2 июня, вовремя. Привет Вам сердечнейший и Нат<алии> Никол<аевне>. Напишите, где на Юге остановитесь.

Ваш Ив. Шмелев.

13

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<22.VI.1927>***

1927.VI.22

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за письмо — и за согласие, и за самый текст. Отвечаю Вам немедленно.

1) Позвольте сначала о журнале. Ваш «отказ», о котором я и не хотел думать, и боялся думать — был бы мне невероятно тяжелым ударом. Шмелев — *один*, единственный — и объективно (на Россию), и субъективно (в

смысле единомыслия). И я уже тревожился, что от Вас нет ответа. Теперь полегчало. И я радостно продолжаю работу.

Пишите нам так: *все*, что захочется и *в такой форме*, в какой захочется; позвольте себе *все*; как потянет, как придет; — *все* будет радостно принято. Одно только: *чистое художество* (как это мне ни горько писать в обращении к Вам) — не для нас... Я знаю, я остро чувствую, что в *последнем* плане это деление несостоятельно; и что оно особенно несостоятельно в обращении к Вам... Но я надеюсь, что Вы мне простите. Ведь журнал будет пока маленький и *идейно-волевой*. Так и будет называться: «Русский Колокол, журнал волевой идеи».

Но за этими пределами — летите туда и так, как позовет или заставит Вас *предмет*. Если захочется ободрить Россию, оправдать Россию, обличить — все, все, все хорошо; все возьму с радостью; мне хотелось бы, чтобы Вы считали Русский Колокол своим «филиалом» «публицистическим».

Вот я написал для ближайших сотрудников два досье «О задании журнала» и об «Общем направлении журнала». Но чутье не велит посылать их Вам, особенно второй. Первый еще можно — но *не для Вас*, а для того, чтобы Вы знали, чего я хочу от *других* сотрудников; а от Вас я хочу того, чего Вы сами захотите. Ибо Вы *видите идею* журнала; и когда я обдумывал журнал и запрашивал глубь свою о том, чтó нужно делать — то глубь, отвечая мне, все время добавляла — «куда Шмелев идет, туда...»

Не думайте, что я считаю себя «всемогой»... Куда там! Мне еще всю жизнь учиться надо. Я *лишь за краешек Ризы Божией держусь* — и меру «глупости» своей знаю твердо. Но за краешек-то я держусь всем существом моим; и в нем-то я уже не сомневаюсь ни капли. И когда говорю и пишу — то пишу только о Нем, и только от Него. И: *Россия зовет*. Отказа не может быть; и отсрочки нет. В чем застало... А остальное на ходу...

Нам надо *видеться* и *говорить*. Но Вы ведь видели жену мою, Наталию Николаевну; значит Вы осязали мое *главное*; живя, я барахтаюсь к тому берегу, на котором она стоит исконно.

Источник средств моих — чистый, как кристалл. Если бы Вы видели этого человека (исконно русского, замоскворецкого москвича, с крепким реальным прошлым и обеспеченным настоящим), Вы бы вместе с нами порадовались, что *жива Русь* и пережила все и уцелела; а он *оттуда* недавно, после 9 1/2 лет подъяремья...

Еще одно: первое досье посылаю. Но никому, *совсем* никому, ни при каких обстоятельствах не давайте его читать и не показывайте. Его увидят и могут видеть только люди, уже пользующиеся *моим личным* и *безусловным* доверием. Это *моя интимность*, редакторская.

2) Ваши письма я перечитываю по десяти раз. И это письмо чудесное. Все, что направлено против современных пустомудрых лжепророков — вырвано прямо из моего «философствующего» сердца: я твержу это уже двадцать лет и сколько раз Богу жаловался, зачем попускает?! И все, что Вы пишете о журнале — это и есть мой замысел...

Вы *абсолютно* правы, что никогда не заставляете себя. А со мною это бывает: то перевод с немецкого для заработка; то очередная лекция для туземцев — опять заработок; то завалят разными политическими «записками» — и *каждый раз* я после этого истощен — или навалится катастрофическая мигрень, или тупое отвращение ко всему, или еще что-нибудь...

Вот потому я думаю, что «голоса в ночи» мудрее нас. Но иногда можно бывает позвать младенца, как-то бережно «спросить» его и он сам «взыграет в утробе»...

Кончаю. Скоро напишу еще. Обнимаю Вас и братски люблю.

Ваш И. И.

Сотрудниками я мыслю пока немногих. И все люди чистые, искренние, с верою и волею: В. Х. Даватц[50], И. Д. Гримм (сын Д. Д.)[51], Н. А. Цуриков[52], Н. С. Арсеньев[53], В. Ф. Гефдинг...[54] Всех знаю лично и крепко.

Если захотите — я при свидании дам Вам и программное досье.

<Приписка:> Посылаю Вам № 32 Перезвонов. Яко дар. Там есть моя статья, Вам посвященная[55].

<Приписка:> До 1 июля мы здесь. С 1-го июля адрес:

Paris 16.
51 rue hardon Lagache
Mr. L. Meerowitch. Для меня.

14

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<30.VI.1927>*

30 июня 1927 г. Capbreton (Landes)

Дорогой и чудесный Иван Александрович,

Воистину, Вы — чудесный! У меня слов нет объяснять это «чудесный», или просто, не объяснишь, не скажешь так, как в душе звучит это, звучит беззвучно, ибо — ***есть***. Ну, как станешь объяснять самому себе — **свое**? Оно — **есть**. Оно — **понятно**. Оно — **необходимо**. И вот, когда видишь, что понимаешь другого, что в этом другом есть **все**, что **нужно**, о чем тосковал, чего еще ни у кого не встречал так ясно, ярко, и так полно, — то это и есть *открытие*, то потому-то это и есть — **чудесное**! Именно то, что нужно было всегда в творящем русском образованном человеке, и что особенно нужно-важно — **ныне**, для собирания, для сколачивания тела России, и для оживления его, воскрешения его Духом, подлинною Душою, русскою великою Душою, Святой Душою, единственной, неповторимой. Вот почему и говорю — чудесный. Вóвремя, в нужный срок — Вы есте!

Читал и познавал я Вас и раньше. Знал. Но вот прочел и перечел, и еще перечту — Ваше, «философию Духа Вашего о России» — «О путях России» — великий Ваш подарок мне, роскошный и — не в меру скромных моих и **блуждающих** писаний — щедрый, — радуюсь смущенно, и нежно благодарю, благодарю, — так вот, познал это **Слово**, которое должно занять — и уже заняло! — блистательнейшее место в небогатом ряду *проникновеннейших* о России «Слов» Достоевского, Гоголя, Ключевского[56], Хомякова[57], — кого еще? — и во мне говорит-кричит восторгом — вот, **оно**! Вот — истина, вот великое в столь

тесном объеме, но безмерное по содержанию, по силе, правде, мудрости и — оправданию! Да, по оправданию бытия России, ее путей, и — скрыто-целомудренно — ее целей, ее водимости божественным Кормчим. Россия — **дана** — миру! **Дана**. На ней — «блистание Божества». И это Вы вдруг осветили мне. **Я знал** это своими «потемками», **оно** таилось во мне, темное знанье это, и я жил им, и оно водило меня по шатким стезям в писаньях, в моих писаньях, но Вы осветили вдруг! Так охотничья собака идет верхним чутьем... Но вот — голос хозяина — и стал, и вздрагивает и — **видит**. Сравнение не по предмету, будто. Надо бы более **духовное**, и — красивое? Но мы все ищем, и что я, угадывающий пути, **знавший** их, — что я, в сравнении с чудесным и полным тайн движением великого, небесно-земного, космического «тела» России в Мире, что мои мысли в сравн<ении> с Мыслью Творческой, данной в удел Душе России?! Я, как лягаш лопоухий. И счастлив, когда дисциплинирующее и звонко-стальное слово идущего твердыми шагами, — вдруг открывает передо мной — цель и радость!

И знаете, что блеснуло мне? То, что Вы — по месту, в Велик<ом> Деле, — для меня не было и нет сомнений. Удел Ваш — учить, создавать поколение, открывать, **вести**. Вы многое сделали и еще б<ольше> — сделаете. Вот что блеснуло: Вы первый, починаете, от Вас — д<олжна> идти новая эпоха русской, образующей и *реальной*, подлинно **нашедшей** себя — культуры. Ибо прежние водители, лучшие и верные, хоть и делали, но дело их было засыпано камнями и мусором рухнувшей Вавил<онской> башни. Ибо — пресеклась русская дорога, в обрыв, в пропасть пала в стремит<ельном> и тревожном ходе. Да, Вы должны мостить и править заново — куда? — рабочие не поймут, — им ближайшие пункты только доступны, но Архит<ектор> и инженер должны знать. А чтобы и рабочим грезилось, — надо им дать краткий планчик...

Вот, а хотелось бы сказать о *частности*: теперь, теперь же создавать *учебник хода*, план, элементарный, **дороги**. Ваш журнал — так, он будет создавать, но целей у него — много. А нужно ржаное питание, как вода и хлеб, — всему народу. Народу — здесь и *там* — нужна

история. Такая русская история, где бы воочию предстала Рука Водящая, *Данность* России — Миру, Пути России, это д. б. *Священная Ист<ория> России*! Такой истории ни у одн<ого> народа еще не было, кроме еврейского. Она **должна быть — у Русского**! Вы-то меня поймете, не надо В<ам> объяснять. Два народа **даны** были Миру. Один — дал, как объект, (народ-то) Христа, — лишившись Его (сие — тайна): другой — *должен* сего Христа пронести и воплотить! И не Голгофа ли для сего народа — это 10-летие?! И — трагедия и ужас — (для меня): и *в сем* акте замешан — и как замешан! — сок народа I-го, у которого была Свящ. Ист<ория>?! Народ Русский имеет свою Свящ<енную> Ист<орию>. Надо, чтобы он ее знал, о ней знал! Знал, *что* возложено на него, какая его миссия в мире. Вы ее видите. Вы мне худож<ествен>но показали, подкрепили бродившее в душе. Не даром **такая** история! Дано — и неси. Пусть даже это удивительно сложная и даже играющая историческая «случайность». Но... случайность ли? И разве не цель человека в мире улавливать дыхание Божества в кажущ<ихся> случайностях? И разве не должно быть — **творчества**? **Творчества** в истории? Идти ввысь, дух вливать-вдувать в жизненное течение?! Т<ем> бол<ее>, что объект<ивные> данные сему способствуют? Делать народ — творящим?! И особенно теперь, когда испытана Голгофа, когда все европ<ейские> народы потеряли и Бога, и выси, и — самосознание, и мечтают о стаде, о потере лика, когда — на всем налет «мяса», когда «выси» меряются аэропланно?! Когда в нравственности дошли до окаменения, до безразличия?! Когда на всем клеймо все стирающего, все обращающего в размен<ную> монету «жидовства»?! Как будто разлитая в мире дух<овная> сила слилась в подпочву русской равнинности с гордых высот Европы?! И, как Китеж, ждет слова подымающего?

И вот — надо дать народу рус<скому> — катехизис *его* жизни в прошлом и настоящ<ем>, *его* — **истории**. Это трудно, но надо. И — сжато. И — творчески. Это д<олжны> Вы сделать, или по Ваш<ему> плану — другие, историки-философы (истинные!). Такая книга (Евангелие России!) нужна.

Вот сколько мыслей разбудили, осветили Вы во мне Вашей **речью**, «Словом» «О пут<ях> Рос<сии>». Что Вы его посвятили мне — я приемлю не без смущения. И покорно приемлю, как благословение. А благодарить — слова у меня нет, ибо это незаслуженный дар.

Я недаром отмахиваюсь от страха — писать у Вас. Я буду, но я — несистематичен! У меня — разбегается. Худ<ожественная> форма помог<ает> мне именно формой и образом. Я — недисциплинирован, я мыслю страстно, и — перо не поспевает часто. Мне кажется, что я весь израсходован. Я кричал — в Сол<нце> М<ертвых>, в На пеньках[58], в статейках, в десятках рассказов и этюдов. Сил нет. Ныне, вот сейчас, я — пуст, взбит, растрепан. Как я соберусь? и — на что?

Досье Ваше продумал. Да, все так. Именно — это и нужно. Надо, надо дать молодежи и здесь, и там, в России, хлеб духовный. Сказать, что по главному-то пути и не следовали еще, а все по фальшив<ым> европейским новеньким авеню, во сне виденным. А у нас свой — большак, далекий, широкий, обсаженный старыми березами, правда, частью побитыми грозою, но такой большак, такой широты по 20 по 30 сажен, что колей на нем и не сосчитать. И надо накатать главную колею. И идти этим большаком под Божьими грозами в Богом показанную в туманной дали Усадьбу.

Пишу Вам — и сотни путей-мыслей во мне о «сбивающих» с пути, о прошлом интеллигенции, о лжи, о злобе, о подлости, о глупости, о яде злых и «нерусских» мыслях, идейках, о «культуре», коей грош цена, о шулерах сознат<ельных> и бессознательных, о разлагающем все меркантильно-жидовск<ом> «духе». Мы живем в подлое время, когда величественное осмеивается, и мелкое возводится в догму. Когда человек признал себя за «подёнку», за эфемериду[59], и этот вывод кладет в основу своего Символа Веры, этим **все** меряет. Когда утратил смысл народности, и, изучая историками смысл «философии истории», сам (и каждый) от истории отмахивается, не желая знать никаких Водителей, особ<енно> ему невнятных, тайных. Когда в жизни и мире перестали видеть и чуять Тайну, которую раскрыть надо, чуемую

лишь в озирании этапов пройденных. Ибо Лик народа пишется медленно, и не сразу его увидишь. А ныне все надо **сразу**, ибо ритм уж такой, что не до озирания...

Буду ждать — свидеться с Вами. Во вс<яком> случае, спишемся.

Еще раз: горячо благодарю за доверие, — столь мало заслуженное! — и за присыл и посвящение мне Вашего проницательного и чудесного **Слова** «О путях России».

Передайте мой сердечнейший привет и низкий почтительный поклон Наталии Николаевне.

А Вас братски обнимаю.

Нерушимо преданный Вам Ив. Шмелев

Простите за сумбурность почерка и настроений.

15

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<23.VII.1927>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо за письмо! Оно застало меня в Париже, откуда мы уехали только 20 июля. Мы и до сих пор все еще неприкаянные. Месяца на два нужны *горы*. Хотим устроиться в Савойе и потому сейчас ищем вокруг «Annecy» в горах какого-нибудь убежища. Как только устроимся — напишу еще и сообщу адрес.

Сейчас только спешное.

А именно: 10 августа я должен послать в типографию текст первого номера Русского Колокола. Я *не могу* его помыслить без Вашей статьи. И потому заклинаю Вас всем, что нас связывает священного: напишите!!

Что хотите и *о чем* хотите. Отпустите на волю своего орла, чтобы он всклокотал о прошлом и будущем нашей России!

Иногда мне предносится Ваша статья о винах и заблуждениях русской интеллигенции в прошлом; это было бы дивно, дивно! В Вашем распоряжении до 12 страниц по 2100 печ. букв, но если нарастет больше — пусть!

Главное — поймите, что первый номер делает *лицо*! А у меня кое-кто уже сбежал в кусты — до дальнейшего! А времени немного...

Уговорите же Вашу музу! Шепните ей о том, что неудача *такого* журнала — будет ударом по идее!

Обнимаю Вас и мечтаю о нашем свидании

Ваш И. Ильин

1927.VII.23

Адрес пока на Париж:

Paris XVI. 51 rue Chardon Lagache
Mr. Meerowitch. Для меня.

16

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<27.VII.1927>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Простите карандаш. Мы осели вот где: France. Haute Savoie. 9 rand Bornand. Hotel Milhomme.

В душе все кипит первым номером Колокола. План зреет. Внутри как телеграфный столб.

И вопль к Вам: не оставь! не покинь! напиши! возблаговести!

О чем хотите — обличение ли, призыв ли, спокойное ли созерцание судеб, провидение или сатира...

Все хорошо. Все заранее приемлю.

Но срок есть: числу к 8 августа надо бы уже у меня рукописи быть... И легче мне было бы, если бы Вы меня теперь же известили: напишу приблизительно о том-то, в таком-то роде. Чтобы я мог приспособить.

Дорогой мой! Не могу первый номер создать без Вас. Урод выйдет, ублюдок! Скажите это Вашей музе! Она меня не покинет...

Все теперь думаю и воображаю: когда же и где мы с Вами съедемся и душу отведем!! Есть ли у Вас планы? Какие? На когда?

Обнимаю Вас.

Ваш И.

1927.VII.27.

17

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<29.VII.1927>*

29 VII 1927 г. Capbreton (Landes)

Дорогой Иван Александрович,

Адреса оседлости Вашей дожидался. Ох, задали Вы мне задачу — не по-силам! Я знаю, **кто** я, на что годен мало-мальски сносно. Не для статей, не для проповеди страстной, а скорей для изображения самому себе переживаемого. И тут-то месяцами подстерегаешь **волнение**. А если **срочно**, да под кнутиком, — топочу на месте. Но... воля Божия, покоряюсь, признавая **необходимость**. Да, Ваш «Рус<ский> Кол<окол>» нужен: пусть звонит-будит **русское**. Что за погань вокруг! Хотя бы отношение к воплю русск. писателей! Я, как тов<арищ> пред-с<едателя> Союза, послал письмо предс<едателю> Союза пис<ателей> и журн<алистов> во Фр<анции> — Милюкову: Союз ***должен*** проводить этот голос из могилы! Пришлось господчикам назначить заседание. Было. Зайцев Бор<ис>[60] пишет мне: «*<u>разумеется</u>*, высказались против (!), но мы все-таки настояли» (Алданов[61], Зайцев и К. Зайцев[62]). Видите-с?! *<u>Что</u>* это?! (Конечно, Познеры[63] и Вишняки[64] были против.)

Что — это?!! **Они** уже провалили предложение выступить с протестом перед латвийск<им> прав<ительство>м по поводу высылки Н. Бережанского[65] (из «Слова»). Да, Познеры и Вишняки! К счастью архиеп. Иоанн[66] заступился и **заставил** отменить высылку. «**Русский** Колокол» — **нужен**. Благовест нужен. Пугает он, святой, силу нечистую. Я весь взбит. Столько за эти недели всего со мною было, столько «помоев» вылито, (каждый же день плещут на душу — всячески (не лично о себе, кон<ечно>, говорю, а о том, что кругом творится!)<)>, что силы развеялись, и душа опустошена. Но, себя заставляя (я швырнул все **работы**!), я попробую написать, — писать. Что? Не знаю. Остановился на форме «**писем**». Я попробую дать как бы беседы с неведомыми корреспондентами, как бы спрашивающими меня. Т. е., с нашей, русской, молодежью-борцами. С **новой** интеллигенцией.

Тема I-го письма (в письме — легкость, извинительн. горячность, свобода, отрывочность, живость, и оно не обязывает к капитальной эрудиции, к обоснованности, к догме. Письмо — это настроение, но, для меня **правда**, в к-ю я верю, которая — **моя**! Сейчас у меня нет здесь ничего под рукой — для обоснования, — т. е. книг, в подкрепление. Пусть мои письма явятся **беседами**. Тут я более свободен.) — так вот, тема (приблиз<ительная>) I-го письма — какой должна быть буд<ущая> русск<ая> интелл<игентция> — и почему. И какой *не* должна быть. Тут — о многом можно. Если Вы предлагаете мне выбор, я с радостью выбираю, разбираясь в себе, в своем. Я и текущее схвачу, и ***больное***, и прошлое — из своего опыта. Как назову эти «пробы» — не знаю еще. Но эта форма открывает для меня дальнейшее участие в Р<усском> Кол<околе>.

Да, как бы хотелось лично говорить с Вами, многое сказать! Мои планы — неподвижность: я так изорван! Я никуда не способен сейчас метнуться. Я не могу: иначе я спутаю и покину все то, что робко собиралось во мне. Для меня, как писателя — немного художника (прости мне, Боже, но это не самолюбование, а робкая надежда!) великое мучение — писать острое, больное — *дня-века* сего. Я же **не знаю**! И жутко брать на себя — указывать пути. В художестве же — я вольнее, я без претензий. Берут — что трогает.

Ну, крепко жму руку. Братски обнимаю Вас.

Низкий поклон Наталии Николаевне.

Ваш, всем сердцем Ив. Шмелев.

Я «Прогулку»[67] написал — как бы вздохнул. Ох, за этот «гвоздик» меня пронзят кос<ыми> взглядами и будут орать (про себя!) — жидоед! Хотя «жида» и нет!? А только «теща». А, плевать.

Надо, надо перестать бояться выводов и табу. О том и в письмах будет! И. Ш.

<Приписка:> Надеюсь дня через 3 — 5 — послать Вам.

<Приписка:> Надеюсь, что мне удастся провести свое словечко «К пис<ателям> мира» в англ<ийской> и голландск<ой> и м. б. и герм<анской> печати (так пишут мне переводчики). Ш.

<Приписка:> *NB* Голланд<ские> пис<атели> и журн<алисты> на днях собир<ались> в Га<а>ге и ни к чему не пришли. Раскололись. Будет еще собрание (все по поводу «Гол<ландских> писат<елей>») (и любопытны же *мотивы* разнобоя!!!).

18

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<3.VIII.1927>*

<Открытка с изображением картины М. Добужинского[68] «Иверская»>

Дорогой Иван Сергеевич!

Радуюсь Вашему последнему письму. Приветствую Ваш замысел: он превосходен. Свободная форма — и учите, чему хотите. Не стесняйте себя ни курсивом, ни абзацами короткими, ни короткими строками, ни размером статьи — чем больше, тем лучше. Сам весь ушел в работу — вижу лицо первого номера...

Обнимаю Вас. Скоро еще напишу.

Ваш И. И. 1927.VIII.3

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. J. Chmélef
Villa a l'Alouette
Capbreton
Landes
France

19

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<7.VIII.1927>*

7 авг. 27 г. Capbreton (Landes)

Вот, дорогой Иван Александрович, статья. «Как нам быть»[69] — посылаю одновременно, зак<азной> бандеролью. Уфф... невмоготу! Не гожусь я, *не* мое дело это, мне легче за это время было бы роман написать. Я — в воображении, я люблю свободу. А *тут* я — невежда, книг никаких под рукой, и совесть неспокойна. Ну, какой я **вещатель**, какой трибун. Не гожусь.

И не знаю, буду ли в силах — продолжать. Я неделю потратил, да это плевать — дело бы написал! А то — бел-

летристика! Кому **это** нужно?! Писал, а в ухе: камни ворочаешь! А в воображении играет «Иностранец», вроде романа, чуд<есный> женский образ, океан, трррагедия, комедия... Я к этой работе два года готовлюсь.

Ну, ругайте — не ругайте, — не трибун я. Я на миг могу воспылать, а длительно — хром. Самое важное, чтобы душа была *на месте*, когда пишешь. Т. е., может и скакать, а — «на месте». Ну, как даже кухарка — при своем деле, у плиты! А у меня душа вертится и вертится, колет ее. Я исповедался перед Вами — убог я на проповедь.

Ну, а все же — дай Вам Господь удачи. Я, было, ругат<ельную> статью написал, а потом почистил и переписал: не хочу «мясо» свое давать на собачьи зубы «космополитам» и проч.

Привет Вам душевный и Наталии Николаевне.

Ваш Ив. Шмелев

Да и трудно **голому** писать. У меня кроме Библии да 3-х книжечек Пушкина здесь — ни *одной* книги, под руками. Эх, Герцена бы почитать еще. В нем много и порока **нашего** и — совестливости, помнится! А кого бы я проклял — это — Мих<айловско>го[70]. Но еще язва есть — это Белинский! А Пушкина надо **преподавать**! Пушкинознание!!! Пушкинометрия! По ступеням: с 5 летн. ребенка *до* — Академии! И должна быть наука Пушкинография! <Пушкино>номия!!

20

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<15.VIII.1927>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам. Вы меня утешили и поддержали! Это как раз то самое, о чем я мечтал и о чем Вас просил. И какие дивные слова! Напр., о почве и сеятеле... Номер слагается так:

1. Вступительная, программная, о Рус<ском> Колоколе.
2. Ильин. О священном.
3. Шмелев. Как нам быть.
4. Ильин. Наша госуд<арственная> задача и т. д.

Таким образом, Ваш драгоценный камень сидит в моей железной оправе. И весь ход мысли сверху донизу — *органически един.*

Теперь моя маленькая тревога.

Читая, я спотыкался разумением на некоторых местах. Ваш удивительный и своеобразный стиль, оперирующий насыщенностью пропусков, умолчаний и пауз — хватает меня всегда за душу и властно ведет. Я его приемлю, как закон, как непреложность. И когда у меня впервые зародилось в душе соображение о редакторском карандаше, то я его тут же с негодованием отвергнул. После целого дня внутренних колебаний и борьбы — решил просить Вашего разрешения и согласия внести следующие изменения в текст, причем оговариваюсь: если Вы скажете *нет,* то будет *нет*, и статья пойдет в первоначальном виде.

Но я думал, что 1) я Вас торопил 2) если *я* споткнулся разумением, то менее опытные тоже споткнутся 3) и не пошлете же Вы меня сразу к черту, если я постучусь за разрешением.

Итак, не велите казнить, велите слово молвить. Считаю, что Вы имете машинную копию.

1) Страница 6, строка снизу 4.

«заветов и заклинаний *павших* за дело родины».

В первый момент не замечаешь отсутствия запятой и машинально относишь «павших» к «заветам»...

Я предлагаю: «*тех, что пали* за дело родины».

2) Страница 9, строка сверху 9.

«с которым *не в силах* будто бы совладать»

не пропуск ли? *кто* не в силах?

Я предлагаю: «с которым *невозможно* будто бы совладать».

3) Страница 9, строка сверху 11.

«в стыде за такую Великую Россию».

Глуп читатель; не поймет «за какую»...

Я предлагаю вставить в кавычках: за такую «отсталую» «Великую Россию».

4) Страница 9, строка снизу 5.

«в ненависти к ошибкам власти».

Не сразу схватываешь, что *прежней* власти.

Я предлагаю вставить: *прежней.*

5) Стран. 10, стр<ока> снизу 5.

«непримиримым к *непримиримым* будьте».

Я овладел точно и четко мыслью лишь после того, как подставил мысленно «неисправимым».

Я предлагаю: «непримиримым к неисправимым будьте».

6) Стран. 15, строка сн<изу> 1.

«Русская интеллигенция переоценила это пространство, сочтя его своим. Пространство не отозвалось. Оно показало себя — своим»...

Вся жуткая тяжесть этого второго *своим* не сразу вошла в душу потому, что перед этим слово «своим» стоит в обратном (в смысле притяжательности) смысле.

Я предлагаю добавление во втором случае по смыслу: «Оно показало себя своим, а не нашим».

7) Стран. 15, строка сверху 1.

Прошу разрешения и согласия выкинуть имя *Ключевского*

I потому, что болезненная спецификация исторического интереса, о которой Вы так зорко и превосходно говорите на стр. 11 («Боярская Дума» etc.), *шла именно от него.* Он не заслуживает упоминания в *Пантеоне.*

II потому что я, только что перечитав его историю, свидетельствую пред Вашим судом, что именно он поливал всю жизнь сарказмом наше отношение к России, именно он создал *иронию* в этом месте, — это Вольтер русской истории.

Дорогой друг! Это все стиль. Но я именно за него прошу Вашего прощения. Ибо считаю Вас исключительным, самобытным и полновластным мастером стиля и очень боюсь, что Вы на меня цыкнете!

Но вот еще один пункт по существу. Это о философии.

Простите, беру карандаш — чернила не пишут, а называются еще «bonne encre»[71]...

Я знаю, что среди философов наших дней множество претенциозных пустобрехов. Я всю жизнь их презирал и негодовал. Они буквально *оправдывают* все, что Вы пишете о них. И я уже писал хуже, острее, резче. И еще резче напишу.

Но философия этим не исчерпывается — ни в прошлом, ни в будущем. Конечно это *наша* вина, что мы, *другие* (а другие *есть, есть!!)* не сумели *этих* обезвредить и репутацию философии спасти...

Но тут-то я и прошу перед Вашим судилищем — *да будет выслушана и другая сторона*! Ведь я *тоже* философ. И без кавычек. Я понимаю и *всегда* понимал пошлость претензии, преступность безответственности и *ответственность* настоящего философского слова. И потому прошу Вас: *смягчите* приговор! Не припечатывайте *нас всех*. Мы *не все* виноваты*!* Ведь *журнал*-то мой — есть порождение 22-летнего *философствования!!* А он же не пустобрешит! Да и книга моя О сопрот<ивлении> злу силою...

Вот почему прошу Вашего разрешения:

а) на стран. 12, строка снизу 2 после

«Вас возмущает и «болтовня философов»»

добавить вставку «ложных философов».

б) на стран. 13, строка сверху 3.5.6.7. прошу разрешения *удалить* слова

«любят — мудрость»*.

«Тысячи лет уже так играют. Ни к чему не пришли и не придут никогда. Это функция организма».

Ну вот и все!

Вот пишу Вам, а сам в тревоге и в огорчении: боюсь раздражить или огорчить Вас...

Нам бы *переговорить* об этом, о философии напр<имер>. Я не раз писал и печатал, и всегда с кафедры говорил, что Пушкин, Бетховен, Леонардо — истинные философы, а кафедралы на 60% — болтуны. И к Вам обращаюсь с этим, как к *русскому философу*; ибо это *уже так* — сколько бы Вы ни отмахивались. Философ вот кто:

«Кто живет во внутренней сфере вещей, в истинном, божественном, вечном, существующем всегда, хотя и незримо для большинства, под оболочкой временного и пошлого: его существо там; высказываясь, он возвещает вовне этот внутренний мир поступком или словом, как придется» (Карлейль).

* Среди нас есть *вправду* любящие мудрость — без иронии!

Беда, что на кафедру философии лезут пыльные чахлы, кривые резонеры, хлесткие болтуны. Но мы-то с Вами сдружились *на философии* и посему я так твердо надеюсь на Вашу братскую снисходительность.

Спасибо Вам *еще раз* за превосходную *философическую* вещь. Бог с ними — с «трибунами». Но одно скажу Вам твердо: без Вашего *пророческого* «письма» — мой номер плакал бы. И следующие книжки и *думать не хотят выходить без Вас* (я уже говорил с ними!).

Больше скажу — если Вы не будете писать в Колоколе, то я с отчаяния начну печатать в виде статей все Ваши письма ко мне. Это будет с моей стороны *нескромно до наглости*; но вина будет не на мне.

Я повесил Колокол на мою Колокольню не для себя одного, а прежде всего *для Вас*. Поймите же, и звоните вовсю! *О чем хотите* и *в любой форме*.

Письма — превосходно! Другое — тоже превосходно!

А пока братски Вас обнимаю.

Ваш И. Ильин

1927.VIII.15.

Когда же и где же увидимся?

21

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<19.VIII.1927>***

19 авг. 1927 г. Capbreton (Landes)

Дорогой Иван Александрович,

Пожалуйста, правьте: Вам виднее. Только на стр. 9 вместо «невозможно» — нельзя ли вставить «мы», в кавычках, и получится: «с которым «мы» не в сил<ах> б<ыли> бы совладать» (т. е. **они** так думают!). Еще: стр. 9 строка сн<изу> 5: вместо проектир<уемой> Вами «прежней» — *былой* власти (для **тона**, каж<ется>, удобнее). Еще: стр. 15, стр<ока> 1, снизу: оставьте, пожалуйста, **«своим»**, но добавьте, после запятой, слова «не нашим, даже враждебным нам», — тогда будет совсем ясно, и ритм сохранится. Все остальное — как Вы считаете лучше.

О «философах» — конечно: я и не думал брать всех за скобки: ***без*** анализа мыслью — ничто обойтись не может;

но я, конечно, имею в виду «спортсменов»: таких много. Но даже «системы», по-моему, не должны смущать тех, кто выбрал **ясную** для совести, для элементарного строительства жизни дорогу, в данном случае — воздвижение России, *по опыту* установив **ложь** прежнего. Есть аксиомы; для следования им не надо, конечно, внимать софистике. А «философия» — что же: она помогает приводить в «известность» **наличность**. Без нее, в человечестве, не обойтись, как не обойтись без счетоводства и плана в *поставленном* хозяйстве. Лишь бы это счетоводство не было «тройным» (шучу, конечно), т. е. шулерским. И еще: философия — аромат — цвета жизни. И чудеснейший аромат. Но... цветок бы раскрылся, цветок-то бы зародился!

Сегодня прочитал в «Возр<ождении>» — Вы уходите! По-че-му?! Auditur et altera pars[72]! Жаль. *Прежде всего* — газета, хлеб для читателя! Сколько времени не могли создать национальной газеты! Теперь — раскол — для славы Милюкова?... **Теперь** — мы все должны хоть ногтями рыть землю. Я не знаю в точности об этом разброде: думаю, что Струве слишком **личен**, слишк<ом> властен, сл<ишком> самолюбив. Милюков ликует: сегодня напечатал ложь: будто бы Стр<уве> + 23 сотр<удника> — **устранены**! Так и диавол закидывал: правда ли, что Бог не позволил и т. д.

Ваш душевно Ив. Шмелев.

Посылаю Вам нов<ую> кн<игу> о России — «Про одну старуху»[73].

<Приписка:> Не знаю, где мы свидимся: я не могу никуда, работаю, и нет воли. Я — **сидячий**.

22

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<22.VIII.1927>***

1927.VIII.22

Дорогой Иван Сергеевич!

Получил Ваше письмо и успокоился. Все делаю в тексте так, как Вы хотите. То, что Вы пишете о философии — превосходно. Но я, как преподаватель этого предмета, включаю в самое философское творчество *до-*

бывание той *наличности,* зарождение и взращивание того цвета, о котором Вы говорите. Философ без духовного опыта — выдумщик и комбинатор в пустоте; философ без *собственного* духовного опыта — попрошайка (если он честен), и карманник (если он нечестен). Вот почему зваться «философ» — по-моему, претенциозно и я охотнее называю себя так, как меня звала одна маленькая девочка «филосос»...

О Возрождении. По поручению П. Б. Струве посылаю Вам его досье о распадении редакции. Когда прочтете, перешлите его ему назад (Paris XV. rue Boucicaut 8). Некоторые страницы этого досье (и не только те, где упоминается мое имя) я переживал на месте (в июле, в Париже). Все описано очень сдержанно и точно. Письмо Семенова ко мне было, конечно, попыткою установить мою покупную цену. Я ответил ему тогда же очень корректно, что затрудняюсь ответить, не зная об отношении П. Б. Струве к расширению моего участия в Возрождении и что пересылаю-де «Ваше письмо» Петру Бернгардовичу. «Позвольте мне выразить уверенность, что Вы на моем месте поступили бы также», — закончил я. Семенов ответил мне ледяным письмом, еще раз подчеркивавшим *денежную* сторону дела и намекавшим на то, что через Струве эта сторона *не* будет устроена.

Но все это «пахучие» детали.

Вот главное. Вот уже полгода, как редакция Возрождения, в качестве общественно-литературной «высоты» — штурмуется русским зарубежным *масонством.* Ныне высота эта *взята* им. Это не гипотеза, а результат моих лично проведенных расследований. Взята она на почве пакостной лжи и интриги. По-видимому, масонский фартук надели и на Гукасова[74], большого честолюбца и человека-покупателя. Вот почему всплыли за последнее время новые сотрудники, не имевшие дотоле шансов (Иван Лукаш[75], масон; г. «Антон Кречет»[76] с его лубочным романом, масон); появятся и другие — не совсем сразу, но всплывут один за другим. За масонство же Семенова ручаюсь совершенно.

Если бы я писал в Возрождении *художественное*, то я, может быть, и не сделал бы себе из этого рокового об-

стоятельства. Но я 1) пишу там политику 2) живу в стране, которая требует особого такта газетного, который П<етр> Б<ернгардович> мне обеспечивал, а нагло бестактный Семенов *не* обеспечивает 3) я *шел* в Возр<ождение> *со* Струве и, несмотря на то, что далеко не считаю его *ни* идеальным, *ни* достаточно внимательным ко мне редактором — поддерживаю его до конца.

Я давно в курсе дел того, что там делалось, и должен сказать, что не только не считаю Струве слишком *властным* и *самолюбивым*, но и я, и мои друзья вот уже несколько месяцев чувствуем и говорим, что на такие унижения и компромиссы, на которые Струве шел вот уже 1/2 года — я бы не пошел и *месяца*.

На днях начинает выходить в Париже *еженедельник* Струве «Россия», который через 1 1/2 месяца превратится в *еженедельную газету*. Об этом мне пишут из Парижа.

Национальная газета необходима. Но масонская симуляция националистической демагогии — «обходима». И я обхожу ее; да и она без меня обойдется... Струве, повидимому, опубликует — или свое досье, или экстракт из него...

Дорогой друг! Не могу Вам посоветовать, выходить ли Вам из Возрождения. Да Вам и не нужно совета: Вы сами найдете мудрый исход, поскольку можно «остаться», поскольку надо «выйти». Как бы Вы ни решили этот вопрос — я скажу: значит, *так* и было лучше.

Но вот, что важно для меня: к 10 сент. подходит срок второй книжки Колокола и он уже звонит во мне. Нянька уверяла нас, что маленькие колокола звонят

«к намм, к намм, к сиротамм!!»,

а большие колокола отвечают:

«ббуддемм, ббуддемм, не заббуддеммм!!».

Так я — маленький колокол, а Вы большой. И вот жду, жду второго «письма» для второго номера!!

В каком хотите размере; о чем хотите; о чем набросается — все хорошо!!

Но помните: а) к «сиротам»! и
в) «не забудем»!

Переезжаем отсюда; плохо здесь. Был месяц настоящего трудового аскеза. Надо лучше питаться.

Адрес с завтрашнего дня:

Haute Savoie. St. Gervais-les-Bains-Village.
Poste restante.

Жду вестей! Простите карандаш, чернила — невыносимые здесь!

Жду книгу!!

Ваш И. Ильин

23

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<28.VIII.1927>*

28 авг. 1927 г. Capbreton (Landes)

Дорогой Иван Александрович,

Нет, я остаюсь в «Возр<ождении>», без колебаний.

1) О «масонстве» *не понимаю*. Это, какая-то, **мания**! Это — маневр «соседей-врагов», обычный прием, отрыжка былых «Земщин», «Рус<ского> Знамени» и проч., только — «с другой стороны». Причем — Ив. Лукаш? Талантливый, но судорожный и — честно русский. О «Кречете» — что говорить! Лубок скверный, дурная пинкертоновщина, «зазывки», «разбойник Чуркин», — глупость. Но — все это можно миновать. Но вот, чего *нельзя* — миновать — это — *нашего*. Так легко швыряться — грех!

Мы — в «походе». И не все, повелительное в обычное время, — может руководить нами — в военное. Выжили, напр., начальника верховного штаба... — что же, «из солидарности» все чины штаба бросят **дело**?!... Да за это расстреливают! Чем наше положение отличается от «похода»? *Нельзя*, преступно позволить враждебной *нашему* прессе остаться единственным рупором, фальсификатором, магнетизером духа эмиграции. «Неловко перед Струве» — вот внутренний, стыдливый голос (предполагаю, между прочим). А мне вот **неловко** перед читателями, перед страдальцами. Из протеста, за Стру-

ве, — бросили газету. А почему не подумали о десятках тысяч *лучшей* части эмиграции, в сравнении с которой Струве — частность, — о боевой молодежи, о мучениках, для кого **Слово** через «Возр<ождение>» не кафедра, не самоудовлетворение, не оплата своего труда, не **положение**, а — **хлеб** насущный, живая вода, духовное (и часто) прибежище, окрепа?!. Так всегда у нас: верные «принципу», жертвуем сущностью. А где «волевая идея», дисциплина? — о чем так часто, так упорно писал Струве? Как легко все посыпалось!

Скажут: ушел Струве — ушла душа. Ложь. А мы, все? Подметки «души», подпорки? Какое неуважение к **себе**! То, что говорил Струве, — многие и до него несли в душе. Оно ***родило*** Струве, оно ***было***. И Струве лишь **вместил**. И говорил все это очень *отвлеченно*, или, — по меткому слову Амфитеатрова[77] ко мне, в письме, — это был вулкан, извергавший обильно... **вату**!

Это он и будет продолжать. Теоретизация Струве меня лично никогда не удовлетворяла. Это «бог на подпорках» и потому — словесное извержение. Ценно в нем было, что он, б<ывший> «основоположн<ик> русск<ого> марксизма», прозревал, когда ему подобные артачились. Он оказался смелей и честней. А «ядром» он не может быть: напротив, мож. быть возящимся в «ядрах». Ему по пути, т. е. в одном музейном отделе с Милюковым. В нем нет — *живой* силы. То, что говорил Струве — создавалось многими и хорошо закреплялось (отвлеченно) в душах готовых, плотнее оседало, т. к. это говорил Струве, который был когда-то собственною противоположностью. Тут оракульство на пользу вышло. И надо было это продолжать, а не бросать. Надо было стать смелым, оправдать «волевую идею», «дисциплину» и — **вести** газету, бороться с неумелостью, с «веселостью», которую хотят придать газете. Надо было помнить, что «жесты» Гукасова (милл<ион> на газету!) не часты в эмиграции. И ***можно*** было! Скажут: «мы будем продолжать». Легко сказать. Струве-то будет иметь **свой** дом, и антураж кой-какой ему сделают. Но дом-то еще надо строить. Но зачем разрушать уже готовый? Что за раструска сил! «Зрители» потирают руки.

Меня все это **отравляет**. В этом оч. много того, с чем Вы боретесь: старые запахи поганого сосуда — грешков и грехов, и промахов рус<ской> интеллигенции. Здесь и «верность принципам», когда в жертву **частному** приносится общее, **целое**. Здесь и **гордыня**. Здесь и «я» на первом месте. Здесь и «всяческие соображения». (Не о Вас, дорогой, — о, Боже! — говорю я. Но, по правде сказать, не думал, что и Вы уйдете!) Здесь и «честолюбие», и вечное наше — «а, купчишка-самодур!» Здесь и близорукость, и «вялость сердца», и «чистоплюйство». И страх перед «общ. мнением» (Милюковым и К°). Мы — в походе. И мы — должны быть **новыми**. Должны делать **свою** мораль. Быть дерзкими, если **верим**.

Досье Струве меня потрясло: дрязги, мелочи, и он **утонул** в них. Он допустил себя копошиться в них б<олее> полугода. Он, да, Вы правы, **долж<ен>** был давно уйти, но, как мать, создавшая (если только на секунду соглас., что он был матерью «Возр<ождени>я»), родившая дитя, сказать нянькам и пестунам: храните его, не уходите за мной, если меня выжили от дитяти, а растите его, питайте! Нет, «мать» потащила за собой и всех оберегателей дитяти.

Но — создал «Возр<ождение>» не один Струве: создали Гукасов (миллион), Струве, *мы все*, и — *особенно* — читатели! Теперь, уходя, — все по-боку: и Гук<асо>ва, и нас всех, и — «с народушкой не считаются»! — читателей, лучшую часть «волевой» эмиграции. Во имя ложного, призрака!

«На радость соседей-врагов». И вот — позолота пилюли — «масонство»! Не верю. Не чувствую. *Не* понимаю. *Из чего* — масонство?! Идолам **теперь** не кланяюсь. Какое-то это особенное *масонство!* Покланялся — довольно. Что будут «собак вешать» на меня — к сему мало чувствителен. Что скажут: «из-за денег-заработка остался»! — плюю. Я за 27 мес. заработал на круг по 420 fr. в мес., давая иногда раз в месяц, и меньше, несмотря на частые просьбы. Но я ценил — и ценю — единственный путь — возмож<ность> общаться с **моим**, дорогим, горемыкой — русским мучеником, — молодежью, боевой, страждущей! И *ей-то* не изменю. И *для нее* буду писать.

Люблю дома обжитые. И ни за чьим хвостом не пойду — в новый домик. Я был свободен, не шел за fix`ами[78], не получал и не выговаривал оклады (награждая старьем и перепечатками), чтобы *так легко наплевать в руку, дававшую!* И не сочувствовал «семейным группировкам». Правда, я себя ценил и требовал внимания к себе, но лишь потому, что другие уж очень себя оценивали. И готов был бы, при общем согласии, работать за minimum, если бы того потребовало дело. Тут уже своеобразное «уважение к себе» — без чего тоже нельзя.

Все это очень меня удушает. После прочтения «образа действия» на 42 стр., в ночь на пятницу я испытал 4-х часов<ой> приступ сердечн. болезни с удушьем. Чуть не погас. И сейчас я слаб. И все же — силен. Я буду работать, пока смогу. Ох, боюсь, что не сумею послать Вам для окт<ябрьской> книги. Я весь взбит, — до пены.

Посылаю Вам, — простите уж — «досье» Струве. Я не от Струве получил его, и стесняюсь посылать ему. То, что когда-то Струве прислал мне телеграмму-приказ: «Ваша первая *контрибуция* новой газете «Возр<ождение>», во главе к<отор>ой встал Я»... — это меня не связало со Струве. Пусть утаскивает «привязанных».

Что меня *особенно убило* — так это Ваш уход. Но... Вам, очевидно, виднее. Я Вас глубоко чту, вижу в Вас **единственного** и кипучего, могучего деятеля в словеделе... И горько мне было увидеть именно Вас-то — в этом **движении**. Правда, личная связанность — страшное испытание. М. б. и я (и оч<ень> м. б.!) склонился бы. Но я, — прямо скажу! — немного и *Ваш выученик.* И делаю опыт остаться верным, *на практике.* Я, конечно, не хочу сказать, что во имя «великого не надо бояться замараться, раз опустился в помойку, чтобы ее вычистить... Для меня «Возр<ождение>» не это местечко. Напротив, оно само — помогает посильно — очищению. И нельзя разрушать газету, национ<альную>, чтобы предоставить злейшим «монополистам» обрабатывать дух эмиграции. О, как **они** теперь потирают руки! Какими аршинными буквами кричат об уходе Бунина!

Простите, я весь разбит. Многое я написал, не перечитываю. Я — слаб. Я **отравлен** всем этим. О, милый, дорогой И. А.! Как мне грустно, горько, больно! Обидно!!

Душевно Ваш Ив. Шмелев

За вождя — Струве я никогда не считал, но **уважал**. Как газетчик-водитель, — Струве не высокой марки, — по-моему. И — при этом — гордыня!

24

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<4.IX.1927>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за милое внимание и за трогательную для меня тризну. Читая «Прогулку», мы немало радовались за «Бердяева» и «Муратова[79]»... А солдатишка, который «не только не глуп», но во всей своей отвратности где-то пупом мудр... и ужасен! Так все это было в действительности, исторически... Но у Вас это еще насыщено жуткою пророческою насыщенностью; как будто ходишь над бездною, приговоренный...

И еще спасибо за Старуху и за дорогой привет в надписи... Читаем книгу и *ужасаемся*! После первого рассказа ночь плохо спали... Эпос строжайший; художественный лаконизм — до настоящего спартанства доведенный; и какая мировая трагедия! Замечательный Вы художник, да хранит Вас Господь! Спасибо Вам!.. Может быть я когда-нибудь доживу до того, что напишу о Вас нечто...

Дорогой друг! Не горюйте о Возрождении! Вы теперь уже знаете наверное, что Струве не ушел, его выставил Гукасов. А я *не мог* не уйти:

1) я много раз открыто писал от лица «нашего» — *мы*; 2) Струве не сделал ничего дурного или постыдного и оставлять его в беде было для меня невозможно; 3) я всегда был такой — и наверное останусь таким до конца (браните, если не лень!): я *требовательный* — с сахарином не пью; так всю жизнь, *годами молчал* и все верил, что придет *Оно* и позовет. Верил Богу и моему Ангелу, что поставят меня у дела — и никогда не спрашивал их о дне и часе. А как не *родная* и *мутная* комбинация — не шел, садился в нору.

<Приписка:> «Фикса» я не имел — 25 сант. за строку минус подписка.

А теперь у меня Колокол.

Посмотрите: если бы Струве не отставлен 17 авг. и не ушел бы, а *умер* — что я бы стал делать? Семенов полновластный наследник редакционного портфеля... Я бы *прекратил* писание моей идеи! Художественное можно и *под большевиком* печатать; понимаю и принимаю. Но мою *волевую Идею* я могу печатать только тогда, когда *честное* и *ответственное* имя редактора держит и обеспечивает редакционный тыл.

Поставим вопрос иначе: если бы Семенов умер, а Струве с Гукасовым помирились — что бы я стал делать? Отвечаю: может быть, *раз в год*, для выработки подписной платы, я принудил бы себя написать третьестепенное... Почему ? Да потому, что *мне не до них*. Я весь на Колокольню ушел. Вот уже с мая до 17 авг. — я не написал ни слова! Я не могу мотать из себя больше, чем максимум! Ведь когда я пишу — у меня гул и гуд в душе, холод на спине ходит и сердце рвется на куски. А в первой книжке Колокола 3/4 *мною* написано (это только для Вас говорю). Потому мой уход из Возрождения — органически меня не режет...

Вы правы во всем, что пишете. Мораль единообразно-повально-стадного штампа — мертва. Не поступок делает человека, а человек делает свой поступок. И как бы *Вы* ни поступили, я *заранее* Вас одобрил. Но *я* иначе не мог. Я совсем не одобряю русско-интеллигентскую манеру «бастовать» и скопом «уходить в отставку». В 1911 году я *не* ушел с кадетскими профессорами из Моск<овского> Унив<ерситета> и шесть лет была с ними трещина. Но тут, зная все *ошибки* и *дефекты* Струве — я не мог не выйти; да еще после попытки Семенова купить меня *любою ценою*...

Перечитал Ваше письмо. О масонстве говорит не Струве, а *я*; говорю потому, что *знаю*. Расскажу лично при свидании. Во всем остальном считаю Ваши соображения тонкими, глубокими и верными. Еще весною, уходя *мысленно* из Возрождения, я говорил именно это самое с небольшою вариациею: сидел честный Струве —

держал меня два года в газете в черном теле; идет неприемлемый Семенов — открывает мне двери настежь — а мне будет не до газеты. Это со мною часто бывало: честный человек действует плохо, непредметно и меня теснит; а нечестный зовет, открывает двери, а мне противно и неприемлемо и т. д.

Бросим это! Зову Вас в Колокол — *все*, что напишете — хорошо! А мы для Колокола создаем свой распространительный аппарат, в коем *идейность* и *мат<ериальный> интерес* должны соединиться, *найти* волю и *пробудить* волю. Трудно! Но постараемся. Тогда увидим. Мой деньгодатель мечтает для внутренней России (потом!) о большом издательстве и газете...

Второй номер зреет. Вам отведено почетное место. Я с ним (с номером) говорил; он мне ответил: «Пиши Ивану Сергеевичу, что лягу на пол и завою, если не пришлет». Я даже напугался...

В греч. словаре слово «ана́тэма» переводилось так: «священное приношение на алтарь, дар, подарок»... Дорогой мой! Жду от Вас ана́тэмы для второго номера — уверенно и неумолимо!

Поправки Ваши внес педантически. Книжка выйдет 10 — 15 сент.

Обнимаю Вас и братски люблю. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет привет и благодарит за Старуху. Напишите мне, пожалуйста, когда Вы думаете ехать к Парижу. Мне это очень важно знать.

Ваш Пономарь
(из собора Иоанна Предтечи)

1927.IX.4.

25

И. С. Шмелев — И. А. Ильину **<*10.IX.1927*>**

10 IX 27.

Capbreton
(Landes)

Дорогой Иван Александрович,

«На нет — и суда нет». Я — болен, был у меня 26-го припадок — удушье, аорта расширена, 4 часа б<ыл> припадок, и доктор предписал — «все бросить, хоть на

месяц»! Вчера — повторение, легче. Пью иод с бромом, делаю впрыскивания ядов — мышьяка, стрихн<ина> и фосф<атов> — 12 ампул. Все эти «события» меня дохлопали-таки. Так что — для след<ующей> книжки решит<ельно> не могу прислать. Хоть — отлучите. Я теперь хочу рыбу ловить — сидеть на берегу лесной речки и слушать, как орут вороны. А они: да-аждь будет... да-аждь будет!

А 3-го дня праздновали именины Ивика — Ивестиона, детки, к<оторы>й при нас живет, сынишки жениной плем<янни>цы и нашего «поэта», ибо — поэт! и я позволил себе еще «подковаться», ибо был генерал Д<еники>н с семьей и Поэт (Бальм<онт>), ну... огурчики, то-се... я хватил 3 рюм<ки> «на кончике» — и аорта сказала мне бурным шипеньем: «где стол был яств — там гггрррроббб... может стоять!»

Это не отговорка, а сущая действительность. Поганая. Прошу «отпуск». Лежу в лонгшезе под подсолнухами. Увы!

В Париж надеемся, если б<удем> ж<ивы>, попасть только в 20-х числ<ах> октября. Ибо с перв<ых> чис<ел> сего окт<ября> пойдут рыжики. Без них — не рука. Это одно из наших удовольствий.

И так: «не брани меня, родная, что...» в лонгшезе я лежу!

Можете командировать для освидетельствования.

И чуется мне дьячок за дверью, раздувающий... паникадило, как сказал какой-то умный беллетрист из Бердичева, а злые языки утверждают, что это — у Тургенева!! И пахнет ладаном, и протодьякон думает о блинах! Но... «не хочу, о други, умирать!» «И хоть бесчувст<венному> телу» и т. д. ... Дух бодр, плоть же немощна. Ах, «Если б можно было Ворту заказать — пришей аорту! — я бы выше на 3 тона закричал из Капбретона. Для аорты ж нет портнова, и аорта — не обнова... И совсем, совсем не ново, — стать поэту прахом снова!» Ждет поэта — Terra Nova[80]! Привет и рукопожатия Н<аталии> Ник<олаевне> и Вам, милый друг!

Ваш Ив. Шмелев.

26

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<14.IX.1927>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Очень Вы меня огорчили; но огорчение от статьи (т. е. от ее отсутствия) совершенно утонуло в огорчении от аорты. И все это, ничего не возродившее Возрождение, разродившееся расхождением — не стоило Вашего волнения и болезни, черт бы взял всю эту свару! Ради Господа, ради Возрождения нашего — берегите себя!! Слушайтесь доктора и не принимайте все к сердцу. Именно «я жить хочу, чтобы мыслить и страдать...»

Знаете, нам надо жить не эмигрантщиной и не ближайшей злобой дня. Надо уйти в ту *глубину* России, которая чревата будущим. Я ведь совершенно серьезно отношусь к пророчественности: но только дело здесь совсем не в предсказывании, когда кто ногу сломит или кто чем заболеет, а в том, чтобы уходить в *наличную глубину*, из которой видны духовные пути грядущего. Это и есть разновидность подлинного метафизического опыта; и сколько раз в жизни я приходил к этому правилу, после того, как конкретно-эмпирический навоз заваливал мою душу, сглупу перерытый моим собственным пятачком. Кабы я знал, я бы Вам вовсе не послал бы этой требухи — «что на улице шумят? сарафан бабы делят» — «кувшин пополам, ни людям, ни нам».

Верьте — то, что Вы создали — уже светит России и *будет* светить до конца. И я думаю, что у Вас теперь перед нею один-единственный долг — беречь себя во что бы то ни стало и еще выбрасывать из Вашей дивной шахты одно *Божие* создание за другим (Божие — ибо настоящий художник «о себе не может творити ничесоже»[81]...)...

Чтобы сколько-нибудь исправить мою вину с вонючим досье (хотя я имел прямое поручение послать его Вам) — посылаю Вам другое — мое (менее вонючее). Оно составлялось мною единолично одновременно с тем (но вне всякой связи и зависимости) — и содержит идейную программу Колокола. Но уговор — если и это Вам неполезно — не читайте, отложите! Черт совсем и со мной и с моим журналом! — берегите себя.

Но это не значит, что третья книжка Колокола не тоскует о Вашей статье. Вторая завершается и скоро будет отослана в набор. Первая выйдет через пять дней. Вчера отослал последнюю сверстку. Сегодня отправлю ордер на гонорары; Вам причитается 60 марок = 360 франков. А третья книжка, коей срок 15 октября, робко стучится у дверей Капбретонского отшельника.

Колокол *накрыл* меня, как ребенка в старой немецкой сказке (за то, что не хотел ходить к обедне). Все уходит в него — время, силы, творчество, личная жизнь и отдых... 24 часа в сутки я пономарь; и я же та баба, у которой «тесто»...

Ай, вай, каравай
Пришел к бабе пономарь:
Подай, баба, тесто!
А тесто то пресно,
Оно не укисло...
Шук на лопатку — да в печку!

Книжку Вам, конечно, будут высылать. И впечатления Вашего буду ждать, как солнечного луча. Ибо кто же вознаградит «благие порывы»? Но только — просмотрите все: *каждое слово выношено, даже во втором отделе.*

Горячо Вас обнимаю и нежно люблю.

Домой поедем через Париж между 15 — 30 октября. Как мне хочется с Вами встретиться... А теперь уж и боюсь — разволную Вас разговорами — наврежу.

Ваш И. Ильин

1927.IX.14.

Как хороша «Княгиня»[82]; одно только: кончился рассказ слишком скоро!

<Приписка:> Досье мое конфиденциальнейшее! Ни для кого кроме Вас!

27

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<24.IX.1927>***

<Открытка с изображением океана и женской фигуры на берегу>

Иван Александрович!

То, что Вы **строите**, — Океан! Русский — вечноживой — Океан! Посыла<ю> Вам — **Океан**!

Пусть неведомая **Она** — вдаль глядит, ждет в безлюдьи, у выкинутых корней... Придет Ея — корабль!

Вам посвящаю словечко это.

Ив. Шмелев

11 – 24 сент. 27 г. Капбретон.

28

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<24.IX.1927>*

24 сент. 1927 г. Capbreton (Landes)

Дорогой Иван Александрович,

Прочитал сейчас Ваше «Общее направл<ение> ж<урна>ла» — голова кружится! Это — **исторический** документ. Это «пантеон» **русского** ума, русской души и сердца. Это — энциклопедия русск<ого> возрождения! Да, голова кружится — от величия и **правды** будущих напряжений. Это же такое **поле** — куда, к черту, анемичные (и — сколь политые кровью!) программы усохших и прокуренных (часто — злющих) душонок всей жадной «стервы», подлой стервы, сожравшей столько чудесного в русском народе, всегда жаждавшем **подвига**! Сколько сгорело на злом огне! И — какие возможности открываете, разворачиваете Вы **теперь** — для уцелевшей и будущей **русской** интеллигенции! Чудесная, захватывающая *система!* Да, это и не на 50 лет: это на сотню, больше. Это — впрок! Это такой **засол**, что нужны бондари искуснейшие, и — клёпка д. б. из чистого, не сучкастого матерьяла! Дай, Господи! Да **этим**, если приступить складно, можно зажечь молодые (да и старые) души. Верю: будущие студенты наши, будущие студентки, — подлесок рус<ской> буд<ущей> интел<лигенц>ии — элиты — на 99% — верный засол! Голова кружится. Страстотерпцы будут! Столпники и даже — блаженные! Верю (и всегда верил), что Россия *полна такого засола.* Я, представьте, даже в похабников-комсом<ольцев> верю! Этих даже двинуть можно — и загорятся. Правда, они многое «в оборот возьмут», на расчистку ринутся, — «головы кинут прочь»... По России надо будет идти — пророкам и глашатаям. Пылкая, горючая... — и надо в русло вводить...

Вижу, чувствую, — чудесное дело **начинаете**. И охватыв<ает> меня тревога — дочего ж я слаб, неготов! Ну, буду и я подпевать. Ищите же, ищите помощников! Надо создавать **Орден**, Союз русских строителей! Да, *русских* ***каменщиков*** (не масонов, черт возьми, а ревнителей!). Именно — Святой Союз нужен! Вы должны это делать, сделать! И *надо это* — Вам, не страшась. Будут тогда и средства. Считайтесь с *человеч<еской>* природой. Да, «детское» это, но оно нужно. И я хотел бы говорить об этом. Нужно «***Общедействие***», в тайне, в **грезе** — пусть, но **нужно**. Надо учиться у врагов. Надо **подбирать**, с велич<айшей> остор<ожностью> и тактом, с клятвами, с Крестом и мечом, с *Евангелием России*. Да, надо быть «святыми революционерами». Надо раздувать пламя, **пафос** национального!

Подумайте о сем! Вы для сего и живете, я чувствую. И это не фашизм будет, а русская духовная дружина. Цель — беспредельна и высока — до Бога! Во имя — Ее, России. Это не романтизм, а наше право, наше *добытое*, — не от эстетизма духа, а от ограбленности нашей: это завет — могил, миллионов могил безвестных!

Я хотел бы встретиться с Вами и говорить. Попаду я в Sèvres к 1 ноября, думаю.

Теперь о журнале. Надо, чтобы его легко находили. Где же у Вас отдел<ение> в Париже? Ведь выписывать из Германии — уже подвиг. Надо **совать** в нос! Под рукой чтобы было. Иначе — засорите дело. **Знаю**. Где у Вас склад для Фр<анции>, — ведь здесь ядро. Где склад для Чехии и Балкан? Читаю сегодня в «Возр<ождении>» объявление, — не вижу. Ради Бога, скорей налаживайте! Ведь начнут Вас «драть» — *рвать* Рус<ский> Кол<окол> «собаки» («Собаки лают — значит, **едем**!»), публика насторожится, а книжки нет под рукой. Скорей давайте в Париж. И — ядро надо, святое ядро, к которому прильнут. Да, Св. Святых — у Вас, но прихожан надо **взять**. Не бойтесь «ордена». Он — **хлеб** момента. ***Надо***. С велич<айшей> осторожностью, понятно. **Тайна** — у немногих, но эманация[83] от нее — д<олжна> захватывать. Вы — Строитель. Нужны — работающие! Россия — Господь — благословит. Это же, что Вы дали в досье — ре-

лигия России, — проповедуйте! Заклинаю Вас — не ждите, чтобы сами слепились. Будемте лепить. И — в тайне. Русскую чудную **женщину**, женщину-мать, женщину — будущую мать! **Она** — всесила! Вы даете чудный освещающий и манящий **огонь**! Его давно ждут. И будет у многих — чудеснейшая **цель** — жить и ждать, но ждать, **делая**. Это — *хлеб живой*, это — вода живая! Это — выход к Идеалу.

Что делать с присл<анным> Вами «докладом»? Я его взял в душу! Вернуть? У меня голова кружится. К 3-й кн., не знаю что, — но попробую дать. Я почти здоров. Но ***ищу*** себя. Обнимаю Вас, дорогой, Учитель! Низкий поклон Вам и Нат<алии> Ник<олаевне>.

Будьте здоровы, крепки! Ваш душевнейше Ив. Шмелев.

29

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<21.IX.1927>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Завтра в Берлине выходит первая книжка. Вы получите ее, как сотрудник; и впредь. Но если хотите помочь делу — то не давайте ее всем направо и налево читать. Это не роман. Это надо приобрести в *лежку* и для штудирования. Пусть выписывают. Подписка через редакцию доведена до минимума — 6 франков 60 сантимов в месяц.

Сегодня послал ордер на гонорары. Вам причитается 60 нем. марок (360 франков).

Но пишу все сие не о том.

А вот о *том*. Пришлите мне два слова Ваших впечатлений, когда прочтете книжку. В ней обдумано *каждое слово*, в обеих частях. Почувствуется ли замысел? Жду Вашего отзыва.

И опять к Вам стучится *третья* книжка. Ей срок 15 октября. Неужели Вы опять — «кто-то камень положил в его протянутую руку. Так я молил твоей статьи с слезами горькими, с тоскою»[84]...

Одно только «нет» я уважу, склонясь головою: если *доктор не велит*!!

Обнадежьте скорее. Напишите хотя бы и недлинно! Но длинно лучше (и денежек больше, гм!).

Я сам лежу. Сорвался. Потому и карандашом скребу. Сердце утомлено и весь в реакции. Третьего дня отправил вторую книжку. Там идет, между прочим, статья «О кризисе современного искусства» — писал я ее и часто думал о Вас — скребницей чищу я коня — и это только еще *начало* — надо все «Авдиевы»[85] конюшни выскоблить — а то персидский мусор весь Акрополь заносит. Словом — долой гнусные выверты гнусного модернизма!!

Жду вестей. Да хранит Вас Господь!

Вот Вам мое досье. И об нем хочу впечатлений.

Ваш духом и душой Пономарь

1927.IX.21.

Во втором отделе 1 книжки есть правила, как хранить тайну — урок политической конспирации, завуалированный «самовоспитанием». А то молодежь глупит и все *там,* влопываясь, гибнет...

30

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.X.1927>***

<Открытка с изображением соснового леса>

4 X 27.

Вот Вам — из сказок Ланд.

Все здесь течет смолою.

И. Ш.

Пошли рыжики, но слабость — не пройдешься.

31

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.X.1927>***

4 окт. 1927 г. Capbreton (Landes)

Дорогой Иван Александрович,

Увы, — верьте Богу, болен я. Эту неделю все обдумывал след<ующее> «письмо», как вдруг — такая межреберная невралгия, с невр<алгией> грудной клетки, что дышать не могу. Ослабел. Сижу в подушках, 3-ью ночь не могу спать лежа: клинья и иглы в груди и спине. Са-

мочувствие — полный мрак, нет напряженности. С трудом пишу неотложные, — деловые — письма. Надеюсь оправдать недочеты и упущения перед «Р<усским> К<олоколом>» — позднее. Да еще через три недели — отъезд, а у меня всегда в так<их> случаях падает воля, — на все махнешь.

«Р<усский> К<олокол>» я прочитал с большим вниманием и волнением. Да, все продумано и, как бы, отжато, — и, что необычайно для философско-политич. статей, художественно-ярко, выпукло и **берет**! Я почувствовал, воистину, — святой огонь, незримые слезы, **веру**, чистоту, подвижничество, — на страже стояние. И какая *ясная* **правда**! И какой размах!

Вот, Вы даете пути к Нов<ому> Иерусалиму — России, к новым и благороднейшим **идеалам**. Да, Вы можете вести, Вы имеете на это право. И лепетом кажутся мне мои слова, — беллетристикой! У Вас, *в полете,* все взвешено; у меня — добрые желания и «что душа скажет». И скажут про меня: «что за безответств<енный> человек!» Вас надо перечитывать, — и все больше находишь. Болезнь мне помешала во всем: и в писаньи, и в чтении. Но я еще заряжусь. Все планы опрокинулись.

Одно замечу: трудно Вам выпускать *по книжке в месяц*. Да и не Вам только. **Такое**, на мой взгляд, нельзя давать регулярно, часто. Одна книжка *накроет* другую. Нормальнее — 6 кн. в год. Особенно это трудно для зимних месяцев. Я так и предполагал, в отношении себя. Вас зарежет эта быстрота, такая напряж<енная> гоньба-работа... Дайте «разжевывыть» читателю. Пусть ждут праздника — книги. А месяц — миг.

Благодарю Вас, получил и 60 марок. Но как я заслаб, перо выпадает.

Привет Нат<алии> Ник<олаевне>. Обнимаю Вас, дорогой друг.

Ваш неизбывно Ив. Шмелев.

32

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<14.X.1927>***

Дорогой друг!

В день получения Вашего последнего письма с столь огорчительным известием о Вашей болезни — у Наталии Николаевны был тяжелый сердечный припадок. С тех пор он повторился раза два слабее. Были доктора; отрицают категорически порок сердца, говорят о нервном состоянии сердца, что «слишком много выстрадано». Она слаба, лежит. Этим у меня перевернута вся жизнь и душа; дела стоят; я провожу время возле нее. Мучительные дни и часы!

Спасибо Вам за чудесные письма; я ценю в них на золото каждое слово.

Черкните мне — о своем здоровье — хоть коротко! Господи, как трудно жить на свете неплохим людям!!

Я надеюсь, что числа 20 – 21 мы сможем ехать в Париж. Там надо налаживать дела с журналом. А к 1 ноября необходимо быть в Берлине.

Боже мой, неужели я Вас так и не увижу!?

Обнимаю Вас и горячо люблю.

1927.X.14. Ваш И. Ильин

Третья книжка теперь, сейчас же, набираться не будет. Надо наладить сначала сбыт. Время еще есть.

Nice, A.M. Avenue Durante. Hôtel Richmond.

<Приписка:> В Париж мне можно написать

Paris 16. rue Chardon Lagache 51.

Mr. Lazar Meerowitch (для ИАИ).

<Приписка:> Очень жду вестей о Вашем здоровье!

<Приписка:> Были отзывы на Р<усский> К<олокол> в газетах:

1) Струве взял Р<усский> К<олокол> как дубинку и слегка побил ею недобитых евразийцев. Вышло непредметно, неискренно; отписка. Но я боялся еще худшего.

2) Статью Даватца посылаю. Новое Время[86].

3) В рижском Слове была литературно неопытная и несколько неуклюжая, но очень сочувственная статья, в которой были отмечены статист<ические> статьи и идея моя *показать величие России в цифрах* была оценена в страстном порыве.

33

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<20.X.1927>*

<Открытка>

20 X 27. Капбретон.

Спасибо за письмецо, дорогой Иван Александрович! Да будет здорова Наталия Николаевна! Будет!! Я поправился и — бездействую. Запретил доктор. Похаживаю по лесам, готовлюсь к отъезду в Sèvres (с 1 ноября — стар. адрес). Очень хочу написать к 3-й книжке — (об идеалах нового рус<ского> поколения) — из серии «Как нам быть». Но смущаюсь — беллетристика. Бальмонту дал читать Р<усский> К<олокол> — в восхищении от Вашего глуб<окого> зова — колокола. О многом хотелось бы говорить с Вами. Вы — надёжа русская! Вы — так вовремя! Во-истину, Господь посылает — за Себя. Россия бу-дет! И — **чистая**! Она же Вас вырастила. Обнимаю братски и преклоняюсь благостно и чутко.

Ваш Ив. Шмелев

<Приписка:> Мой братский привет Н<аталии> Ник<олаевне> и Вам!

34

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<23.X.1927>*

Дорогой Иван Сергеевич!

Счастлив Вашим выздоровлением. Нам, по-видимому, судьба — увидеться. Сегодня воскресенье, 23-го. Мы выезжаем из Ниццы во вторник, 25-го. Ночуем в Лионе. В Париж приезжаем в среду, 26-го вечером. В Париже пробудем около недели. *Ради Бога не откладывайте Вашего возвращения на север*! Наталии Николаевне значительно лучше. Немного слабовата еще.

Неовладение рынком сразу и задержки торговые побуждают меня выпустить вторую книжку Р<усского> К<олокола> не ранее 10 ноября, а третью — во второй половине декабря. Думаю вообще, что надо строить *двухмесячник*. Третья книжка складывается, но для Вас место блюдется. Статьи теснят одна другую; все хотят писать на второстепенные и неответственные темы; со статьями

основоположными и ответственными мало кто справляется. Это меня тяготит и затрудняет.

Третьего дня был расстроен пакостным письмом, полученным от Ивана Гримма из Юрьева. «Обличает» меня (на основании моего конфид<енциального> досье) — в желании нарушить единство белого фронта; «совершить исторический подлог», выдачей моей «философской системы» за белую идеологию; в претензии деспотически подвергнуть мир и Россию фил<ософско>-религиозной реформации; в честолюбиво-властолюбивых замыслах орденского характера; в желании работать наперекор Струвинской России... и т. д. Все это тоном большой заносчивости, резким до неприличия, и с высокопарными разъяснениями «истин», продумываемых в состоянии перед магистерским экзаменом.

На утомленную душу все это подействовало удручающе. Копию со своего письма он послал Цурикову — явно пытаясь сбить и того; а может быть и Струве etc.

Хочу ему не ответить вовсе. Это прием борьбы: инсинуировать пакости сердца своего предмету своего недоброжелательства.

До скорого свидания!!

Обнимаю Вас.

Ваш И. Ильин

1927.X.23.

В Париже мне надо писать:

Paris XVI. 51 rue Chardon Lagache
Mr. L. Meerowitch (Для И. А. И.)

35

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.XI.1927>***

<Открытка> Sèvres

4 XI, 4 ч. дня

Дорогой Иван Александрович,

Только что вплыли (к 12 ч. дня) в Sèvres. Нашел Вашу пневм<атичк>у от 1-го числа. Мы почти соседи, но страшная головная боль (и 3-ий день, (последний, как водится?)<)> лишает меня возм<ожности> побежать к

Вам. Ах, если бы Вы, — если не уезжаете, — прокатились с Наталией Николаевной завтра (суб<бота> 5-го), час<ам> к 3 1/2 — 4 д<ня>. Пока у нас хаос, помогаю, тычась от гол<овной> боли, жене разбираться — черт ногу сломит! Но завтра — порядок в нашей щели. Если не приедете, я сам завтра, если хват<ит> сил, помчусь. К нам: tr. I-й до Mairie a Sèvres и налево (по движению) 1-й пер<еулок> и в гору, под мост, до rue Ern. Renan, далее — налево до нашей Chemin des Contures 2, на воротах красная заплата. Привет!!! Ваш Ив. Шмелев

<Адрес И. А. Ильина:> Monsieur le professeur I. Ilyin
Hôtel «Exelmans», Ch. 39
13-d Exelmans
Paris, XVI-e

<Адрес И. С. Шмелева:> Iv. Chmélov
r. Chem. des Contures
Sèvres

36

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.XI.1927>***

4 XI 5-30 веч<ер>

Дорогой Иван Александрович, послал Вам в 3 ч. 1/2 откр<ытку>, получил pneu[87], да потерял всякое соображение: надо же pneu! Голове лучше, бегу в Sèvres опустить. Да, да, да, будем счастливы встретить Вас и Нат<алию> Николаевну — друзей светлых. Ждем к 3 1/2 — 4 — 5, когда удобней Вам, в субботу. Дорога и все — эти переезды для меня — яд! — разбили, 3-ий день (обычная порция) — голову рвет. Но — боль наисходе, за ней озноб, к<ак> всегда. Дурак, я накануне отъезда и (и это оч<ень> часто так) написал рассказ, и в результате — боли.

Вам удобнее всего: tram. № 1. До Porte St. Cloud. Или metro до него, а там tram. № 1. На Sèvres, до Mairie. Слезете у дома с часами (здесь и почта) и сейчас же переходите на лев. стор. (в направл<ении> движения tr.). 1-й поворот налево, где на углу épicerie[88], а на другом papeterie[89] (зеленов<атая> вывв<еска>). Идите этим проулком до упора в дом. Поворот направо, до лестницы налево. По этой кам<енной> лестнице к rue des Fontaines

(ручей с горы) под мост (viaduc) ж<елезной> д<ороги> до ул. Ern. Renan. Увидите на углу почт. ящик. *Налево* по Ern. Ren<an>, шагов 150 и направо, на углу, № 2 ворота с красн<ой> заплатой. Это и есть угол Chemin des Coutures, здесь мы и живем, в № 2. Крыльцо в саду. Все в разброде, нет даже бумаги.

Ваш Ив. Шмелев.

Не приедете, я сам побегу!!

37

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<1.XII.1927>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Незабываемо для меня впечатление от нашего свидания! Я по-новому увидел строгую, скорбную и вдохновенную силу Вашу. Я не знал издали, что в Вас столько грозы и муки: в писании они тонут в нежной и сияющей глубине; в *беседе* — лучи светят сквозь бурю. Храни Вас Господь! Пишите и жгите; но не перегорайте сами!

Нам трудно. Навалились здешние дела; томительно и трудно ищется квартира; утомляет пансионский бивуак; неважно чувствует себя Наталия Николаевна. А тут еще две близкие смерти (из них одно трагическое двойное самоубийство — Вы читали, наверное, об Л. С. Мееровиче, в Париже)... Это было угнетающее известие, вроде того, от которого у Достоевского окончательно сошел с ума князь Мышкин... Бесконечно тяжело на душе и трудно в жизни!

Одновременно Вы получите вторую книжку Колокола. Журнал *идет*: медленно, но неуклонно растет тираж, который для *первой* книжки подойдет к полутора тысячам (Рус<ская> Мысль с января по июль сделала 500 экз.; а за нами всего *два* месяца). Распр<остранительный> аппарат растет. Инициатива идет уже не только *от* нас, но и от периферии *к нам*.

Чрезвычайно важно, чтобы вторая книжка «имела хорошую печать»!

Если у Вас не прошла идея написать о Колоколе — *сделайте это*! В Возрождении! *Вы знаете весь* мой замысел; мало того, Вы глубоко чуете мою душу и мою лю-

бовь к России. Мы с Вами — *братья*! Кому, как не брату, написать несколько горячих строк. А тут еще вторая книжка — не содержит Вашего имени. Третья же ждет Вас и зовет опять!

Третья выйдет к 20 января. Дайте в нее! Хотя бы коротко. О чем захочется... Публицистическое, сатиру, сказку, песнь... Что хотите!! Но только к концу *декабря*!

Дорогой друг! Напишите мне, здоровы ли Вы и что пишете? Появился ли Ваш великолепный Железный Дед?!

Письма Ваши мне всегда утешение.

Мой душевный привет Вам обоим.

Ваш, как всегда, И. Ильин.

1927.XII.1.

Berlin IV. Lütsow Str.63 Pension Tonn.

38

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<13.XII.1927>*

13 XII 1927 г. 2, Chemin des Coutures Sèvres (S. O.)

Дорогой, незабвенный Иван Александрович,

«Не судите — да не судимы будете!» Болел, и болею, старое, обл<асти>: печени, желудка, нутря! Нервное или подлое — не знаю. 15 лет. С перерывами. Обострилось. Вот — и сейчас позывает, дерет. Выпью молока, съем каши — на 2 – 3 часа — *finis*! Еще: зверски болела голова — 3 дня, после усил<енной> работы. Написал «Журавли»[90], на 1200 строк! Вопрос о... терроре. Но это — рассказ, скоро прочтете в Возр<ождении>, в 2-х №№. Доставил он мне хлопот! И — доставит. С газетой из-за гонорара: закричали — раззорите! Ну, уладилось, после «объясне-ния» с *самим*. С горечью вспоминали о Вашем уходе. Социалисты будут меня рвать, ибо я прошелся о «бом-бочках», о Доре Бриллиант[91], Михай<ловско>м... Истек я соками, когда писал «Жел<езного> Деда»[92], если не читали, пошлю, скажите, он появился еще 20 XI.

Уфф... никогда не писал рецензий! И отмахивался, и вчера еще Н. Н. Чебышеву[93] сказал — пишите сами, не в силáх! А сегодня устыдился... — русское же дело! — ока-

зывается, совесть грызть стала. Сейчас сел и — написал... 160 строк. Не знаю, как Вам понравится. А старался... Завтра шлю в Возр<ождение>. Когда напечатают? Завтра пошлю пневмат<ичку> Чебышеву, чтобы облегчить и его: не умею, говорит. Ну, я тоже «не умел», а выкатилось. Бердяеву нахлестал ж..у без упоминания хвамилии. Пой-мут! И социалистам-жидам насыпал по поводу «Сл. горошка» (Цурик<ов>). Ваша статья (и все!) об искусстве — *чудесна!* Вы должны написать об искусстве русском обстоятельно. Громадный будет успех! О соврем<енной> и прежней русск<ой> литературе! Шедевр будет, шум будет, деньги наживете, а главное — «коня в узду!» Много *коней* — испохабились!

Колокол полнозвучный. Должен иметь успех. На свою статью надеюсь: добросовестно обо всем дал.

Спасибо за ласковое слово. Я счастлив был увидать и услыхать Вас. И хотел писать, да болезнь, да работа, да... — столько хлопот упало на меня! Не описать. Простите. *Знаете* Вы, как я ценю Вас и чту, и люблю. Заела меня болезнь: за 40 дн. — 3 раза был в Париже!

Обнимаю Вас братски. Не знаю, сумею ли дать чего в 3-ю кн<игу> Р<усского> К<олокола>. Дружеский привет Вам и Н<аталии> Ник<олаевне> от нас обоих + Ивик.

Обнимаю и благословляю.

Ваш Ив. Шмелев

II ч. 45 м. ночи на 14-ое.

39

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<17.XII.1927>***

17 декаб. — 4 ст. ст. Св. Великомученицы Варвары день, 1927 г. Севр, все еще

«Мороз и солнце; день чудесный»

Дорогой Иван Александрович!

Что Вы написали! Я все еще не могу прийти в себя, словно пил необычайное, райское вино, и чудесно пьян, восторженно, сладко пьян, и не могу ни думать, ни писать... — **живу**!.. Ваша **работа** о «кризисе современного искусства»... — я ее вчера читал, капля по капле старику

литератору, забредшему ко мне, Влад. Ник. Лодыженскому[94], понимающему! Мы вскрикивали, мы затаивались, ибо **движение**, **живое**, правда живая захватывала дыхание! Здесь все, здесь — откровение. Вы вычерпали **всю** истину, что крупинками золотого песочка была рассеяна в тысячах томах, об искусстве писанных, но Вы все это претворили Вашим. Вы в крепкую горсть собрали, дохнули, и стало **быть**! Иван Александрович, друг и брат... — Вы не имеете права остановиться! Вы **должны** дать книгу, да, да, да... книгу, пусть маленькую книжку, но пусть **оно** не замотается в тетрадке журнала. Вы должны расширить, наполнить, иллюстрировать примерами! Вы дали сгусток амброзии, сгусток, который вмиг проглотит **готовый** к сему, но, наслаждаясь, правда, все же будет жевать и просить еще, еще, еще!... — несытый, ощупью у истины бродящий! Дайте! И это будет **мировым**, переведется на все языки. Вы — **должны**, обязаны! Мне приходит в мысли, что у **Вас** есть, есть работа об искусстве, ибо... не понимаю... как можно, так, присевши, написать «статью», **такую** статью — откровение?! Нет, у Вас есть. Вы много над сим работали. Вы таите. Все, все Ваше прекрасно в книге «Ру<сского> Колок<ола>», но **это** — такого и определения нет в языке, **что** это! Вы **должны**! Для газеты, я, не умеющ<ий> писать рецензий, дал строк 150, об «искус<стве>» написал чуть... — у меня и слов нет для газеты, я сказал лишь, надо читать, читать, как — откровение! Да, знаете... об этом и писать преступно, ну... как же молитву своими словечонками передам?! Дал Лодыженскому книги — пишите, кричите! Дал ему чуток денег — покупайте и рассылайте мальчишкам-юношам, — он читает словесность в приюте для русских мальчиков! Написал Бальмонту. Нет, надо, надо...

О, проклятые иуды левого крыла... эти «последние-распоследние новости», чесночный огород, скрытые друзья убийц! **Там** — могила для всего нашего. Там о Рус<ском> Кол<околе> ни чукнут! Но я... я попробую подойти как-ниб. в Возр<ождении> к тронутому Вами вопросу об искусстве! Прочтут и иудеи, конечно: они заинтересуются моим словечком — «откровение». Но не

скажут! Смотрите, что окаянные вытворяют! Все национальное, или пахнущее **Россией** только... — замалчивается систематически. Придется говорить о себе, ибо это лучше знаешь! Мою «Про одну старуху» — отмечали сильно почти все рус<ские> газ<еты:> Возр<ождение>, Слово, Руль — ст<атья> Айхенв<альда>[95], За Свободу, Сегодня, Россия[96]... даже Красн. Газета, сказавшая черт знает что про «господина в крылаткЕ», до «потустороннего духа в виде голубя» — из рассказа Голуби, — и сделавшая очень много для русского дела, так как после такой статьи в 300 строк всячески будут добывать книгу и читать под полой. Но... «Посл<едние> Нов<ости>» — ни звука, как и о «Солнце Мертвых»... Там меня обливают помоями или молчат. Все мною написанное какая-то «галка» свела к нулю. Вот, почитайте, наприм., посл. выпад «галки», прилагаю, а Вы будете писать мне, верните[97]. **Что** это??! Сознательная, наглая ложь, ибо должен же этот галчонок знать, что я писал. Я не говорю об «Истории Любовной», она еще будет в двух книгах. Но весь **тон**!... Я знаю, это месть Гиппиус[98], которой я когда-то послал проклятие в личн<ом> письме за всю **гниль**, которую она дала рус<скому> читателю... и сказал: при встрече не смейте мне протянуть руки, она повиснет! И вот обивающая у них пороги и питающаяся их теплом и светом «галка» по их намеку сослужила им службишку... — плеснула... Я понимаю, что это «галочье», а, как моя пробабка говаривала: — «галки... а галки и на Кресты марают!», но я не Крест, я слабый человек... — и мне так отвратительно, словно наелся тараканов. За что??... Галка не знает, конечно, мук творчества. Галка не читала или в ее галочьей душонке не осталась «Неупиваемая», ибо в ее жидовском сердце, не знаю, Георгий Иванов... — чую, что это из Русалима... во всяк. случае из породы упадочников... — конечно не оставит царапины <ни> «Солнце», ни «Старуха»... Она полетывает и погаживает... — но ведь читателям, десяткам тысячам читателей, со страниц газеты внушается пренебрежение к моим книгам, которые я вызываю из сердца для бедных, со мною плачущих людей... Я знаю, я **делаю**... и меня знают... но есть и незнающие... — и — знаете, гипноз печат-

ного слова? — и они могут быть оттолкнуты!.. Мне больно-противно, зачем же **ложь**! Это не заставит меня опустить руки, какая-то галка, но как это грязью оседает в душе и мутит!.. Ну, словно на улице тебя обругали, а ты не можешь никак обидчика одернуть! Не для славы я работал и работаю... у меня же ничего для **жизни** личной не осталось, все выгорело..., но единственно душой плачу о погибшем... и вот в твою душу, в слезы ее — плевок, гнусный, тухлый плевок! Я перекрестился, я только шепчу сердцем — Господи, дай сил. Мне нужно, чтобы мое читалось, потому что я знаю, что посильно правде служу, хочу служить, как упорный раскольник, как одержимый, пусть и мало сил. Когда-то «было **что**-то», <«>подобие свежести...» И это пишется для эмиграции, в эмиграции! Расхваливается «советское»... Вот Бунин писал в «Божием Древе», как «причинное место собаки оторвали<»>, когда и т. д. Это прекрасно. Мастерски написан рассказ, но **пахнет** от него, и я, прости меня Господи, такое искусство, как и Вы, не считаю за **чистое**... Меня возмущает излыганье, извращенье! Бог с ней с «Историей моей любовной», я мож. быть погрешил против сжатости, но я хотел показать, и показал, когда роман прочтется, покажу, чего я хотел... — вырезать напоказ «чистоту любви желанной», тоску по такой любви юных, и **грех**! И я вывожу моих маленьких героев — в **свет**, во свет, в тихое, несбывающееся в жизни. И — я отдых дал себе на этой **далекой** от меня работе. Ну, так у меня огрызнулось в душе... Не обо мне дело: **все**, все наше, больное, **там** мажется! О Церкви, например! Что набердявили! и что бердявят и как нагло, — и столько смуты в **нашем**! Ухожу к карловцам, пойду в храм на рю д`Одесса... Предали нашу Церковь! Поцеловали кровавую лапу Зверя[99]!... Мыслители!... Прочитал матерьялы, издан<ные> Горчаковым...[100] — я их правой политики не разделяю — и увидал, что в деле Церкви — правда у них! Чудовищные материалы. Если не читали, прочтите: Издание «Долой Зло!» Князя Горчакова. В Берлине у Сияльского и Крейшмана, Кронпринценуфер, 22, Берлин, эн, дублвэ. назыв.: 1 Возбудители раскола, — 2 Церковный Раскол.

Статью о Колок<оле> послал дня четыре тому, должны напечатать, жду. Вообще, столько всяческого поганства... — отчаяние хватает, убежал бы! Я чувствую: на последних жилках держусь, и вот-вот — закричу!... Я хочу все назвать по-имени! И страшусь: почву вырвут из-под ног... — совсем в одиночестве сядешь... Надо тактику... надо стиснуть зубы...

Нам надо Сергия Преподобного!... Надо Утешителя... надо выжечь всяческую гниль и окаянство из интеллигентских душонок, у политиков подлых... Ах, что за отрава «культура», ложная культура... И сколько еще **личного** ведет людей!... Я борюсь в себе с этим, я на все уничижения готов, только молю, слаб я молить, молю — Господи, призри на немощь, укрепи!... Дай силы — говорить Правду Твою!.. С нами Бог!..

А жизнь грязными лапами цепляет, язвит, мучает... И хочется убежать, забиться головой в глушь, в щель... И знаю: не смей!!! Прими и пей! И славь Господа, и кричи на всех путях и распутьях распутных!...

Обнимаю Вас и кланяюсь, как и Оля[101], Нат<алии> Ник<олаевне>.

Ваш Ив. Шмелев

40

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<22.XII.1927>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за все: за два утешительных письма, за написанный отзыв в Возрождение, за хлопоты. Боюсь я только, что супружеская чета Гиппиус-Мережковский пресечет Вашу поддержку Колокола: у них там засилие сделалось; а эта чета — злобная, растленная и отнюдь не белая. Н. Н. Львов[102] и Н. Н. Чебышев — не борцы и настаивать не умеют... А между тем — главное, чем можно теперь повредить журналу, — это *замалчивание* в печати. Буду ждать.

«Железный Дед» до меня не дошел; пришлите мне его непременно!

Дорогой! Нельзя, немыслимо, разорительно — принимать к сердцу песий лай врагов... Верьте мне — все,

что живо в эмиграции, *будет* читать Вас потому, что *уже читало*; а новое будет притекать к Вам за живою водою потому, что *у Вас* она *есть*, а вообще ее *нету*. Я понимаю Вашу впечатлительность потому, что я *сам ею* зло *страдаю*. Но, слава Богу, с годами все меньше и все слабее: слагается какая-то скорлупа или броня на сердце — непробиваемая или пробиваемая лишь с большим трудом. Но знаю также, как целителен в таких случаях бывает голос нежно чувствующего друга.

Допустим, что рецензент Посл. Новостей прав и что вся богогнусная читательщина Совр<еменных> Зап<исок> предпочитает Алданова — Шмелеву.. Так — оскорбительно было бы *обратное*...

«Стенограммная запись ничтожных содержаний» — а знает ли этот словесный блядун, что такое *не* ничтожное содержание? Паскуднее стенограммы, чем у Алданова — трудно найти: все что он пишет — рукоблудие гомункула на псевдоисторическую тему с душком из гетто. Нет-нет! Все это не критика, а наглое вранье...

Пошли Вам Господь ореховую скорлупу на слишком нежное сердце. А между тем — отними у большого художника эту нежность — изувечишь! Вот этим-то и пользуются эти пакостники, чтобы ткнуть, кольнуть, ударить в нежность —

«И плюет на алтарь, где твой огонь горит»...[103]

Да, Вы верно угадали. Моя статья о Кризисе совр<еменного> иск<усства> — кусочек из большой работы; популярный итог; намек на бóльшее. Я читал курс по философии искусства — всю жизнь горел, воспринимая искусство, и *думал*. Многое записано, но еще больше не записано. — Я иногда бываю в отчаянии, в смертной тоске, когда думаю — «умру, не создав». Но что же я сделаю?! Творить можно только при *минимальном* спокойствии — это необходимо для того, чтобы ***набрать большое, долгое дыхание***, чтобы глубокие утробы согласились раскрыться и запылать плавящим

огнем. А жизнь гонит, рвет, *непрерывно грозит* и комкает.

У меня всю жизнь ломилось многое сразу по параллельным каналам. И сейчас — философия искусства, философия религии, философия правосознания и главное *учение об очевидности* — лежат полусделанными, накопленными, 25-летними ворохами. Свершится ли это? Нужно ли это кому? Пошлет ли Господь? — Не знаю и иногда, чаще *боюсь думать*.

О зловредности евлогианской позиции мыслю с Вами воедино[104]. В материалах Горчакова есть и ложь. Но не в них дело, а в главном: это течение (бели-бердяевское) гниет в соблазне и осыпается. Но и от Антония[105] я только что имел письмо — ! Теряешься, не зная, чего здесь больше — вредной грубости или вредной глупости... Только в одном Карловацкое течение право: в отвержении[106], в боевом отвержении Зверя! Антоний хвалит Р<усский> Кол<окол> — пишет, что единственно верная позиция... *Он* со *мною* согласен... Беда в том, что *я*-то с *ним* не согласен. Оперировать надо; но не грязным же колуном вскрывать пациента...

Обнимаю Вас и жду

а) Деда

в) Журавлей.

Н. Н. Львов пишет мне и Чебышов. Зовут вернуться в Возрождение. Я спрашиваю — *под кого*? Я смогу писать *только доверяя редактору*. Пусть Н. Н. Львов обеспечит мне *свое* редакторство — тогда так. Но мой огонь *угаснет* тотчас же с шипением и смрадом, как только редакторская рука Семенова или Ходасевича+Гиппиус коснется моего писания...

Ваш И. И.

Увы, мы все еще без квартиры и без уверенности в заработке!

1928

41

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<5.I.1928>*

<Открытка>

23 XII 27 г. 5 янв. 28

«Возсия мирови Свет Разума»[1] да будет!!

Сердечно приветствуем друзей Р<ождеством> Хр<истовым> и Нов<ым> Годом!

Ив. Шмелев

<Адрес И. А. Ильина:> M-me et M-r professor I. Ilyin
Lützow str. 63
Pension Tonn
Berlin W.

42

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<5.I.1928>*

23 декабря 27 г. 10 ч<асов> у<тра> Сэвр.

Дорогой друг Иван Александрович!

Вчера напечатана моя статейка «Русский Колокол»[2], в «Возр<ождении>». Но знаете ли, какая-то особа позволила себе наглость не только местами выкинуть в общем до 30-ти строчек — и очень горячих, в частности в куске о «кризисе соврем. искусства», — но даже в двух случаях переставлять отдельные **мои** слова, а в одном случае даже «создать» слово, за меня, где у меня просто тире, — «помещена»! Подобного **никогда** еще со мной не случалось! Меня возмутило это, поехал в редакцию, попал как раз в кабинет Семенова, где сидел Гукасов, и объяснялся. Семенов был поражен. Знаю, он тут ни при чем, он очень ко мне внимателен. Был в недоумении и Гукасов... — заверил, что впредь этого не может повториться. Я... — почти зная, кто... — есть такие «моли», подсиживающие, мне каж<ется>, меня, — очень подозреваю! — которые хотели вывести меня из себя, отравить мне покой и т. д. — и вот они-то решили поизмываться! К несчастью, досталось «Р<усскому> К<олоколу>». Вот почему нет и фразы моей о В<ашей> статье — «Этот этюд об искусстве надо читать и читать, — как откровение!» И о «яркости» и глубине, и... —

ну, гадина нагадила! **Кто** — точно не знаю. Но, между нами, пожал<уй>, — ибо не уверен, — это или Ходасевич[3], или — г. С. Маковский[4] (оба из «полячков» и циников), который любит разыгрывать ментора. Я на этот раз не пожелал разбираться и наводить следствие, — не люблю грязь ворошить, — но я твердо сказал, что этого впредь быть не должно! Повторяю, *уверенности в опред<еленных> лицах у меня нет*: есть лишь подозрения. Одн<им> слов<ом>, не обижайтесь, если статейка моя не совсем Вас удовлетворит. Даже последний абзац, где я говорю, что мы должны сделать журнал **своим** — выкинут! Семенов, — **знаю**, — тут ни при чем. Ему была послана статья и он послал ее в набор «в неприкосновенности, как всегда»! Он меня немножко любит, это я знаю, уверен, — тут гадкие людишки. Я прямо заявил Абр<аму> Осип<овичу Гукасову>, — что если эта практика будет продолжаться, я должен буду, к моему сожалению, оставить работу в Возр<ождении>. Он мне сказал: «Ив. Серг., будьте уверены... вы же наш столп!» Были очень сконфужены. А знаете, тяжело сказать в лицо — морду? — даже гадине, что она — «гадина»! И я не сказал. Но... — прид<ет> время — и скажу!

Мож. быть... Николай Угодник принес мне порадованье?.. Вчера вечером переслана мне из «Возр<ождения>» каблограмма[5] из Америки в 43 слова, с оплач<енным> ответом — один ответ 27 долларов! Некая мадам Франс, урожд. Татиана Дехтерева спрашивает срочно, могу ли дать право издать «Неупив<аемую> Чашу» в ее переводе, с предисловием ее мужа, сенатора Жозефа И. Франса[6]?! — в янв.-февр.! Что это?! Ведь одни каблограммы больше 2000 франков! И я в тупике... — что сказать? Чаша переведена на англ<ийский> и ждет издателя на Англию и колонии... — пока лежит у Кнопфа — богат<ого> издателя в Америке и Англии... Сейчас послал экспрессом в Англию запрос моему милому перев<одчику> и другу Хохарфу, который редактировал перевод, можно ли продать на Америку! Сенатор — это шишка в Америке. И такая роскошь! Дело не в деньгах, а в том, что Чаша, пройдя четыре страны — посл<едняя> Голландия, — и-дет!!! И д<олжно> б<ыть> хорошо издадут и **дадут** прессу!... А

деньги... — я не знаю, что просить. Что Бог внушит. А Он — не жадничай, не в деньгах дело!

Вот, пока все. Да, мне из Возр<ождения> пневматиком прислали каблограмму и извещение уестерн юнион каблогр., а... «квитанции»-то (о котор<ой> контор<щик> упомин<ал>, что выдана под расписку) на оплач<енный> ответ — 27 долл. — 700 франк.? — не оказалось. Еду сейчас за разъяснением, куда и как пропало? Мож<ет> быть, оставили, опасаясь послать пневматиком? Столько и грязи у меня, и хлопот, и — иногда блеск осияет. Сегодня, на заре осияло... — рассказ **есть** для рус<ского> рожд<ественского> №! «Сказка о Празднике»[7]! Ну, **теперь**, вне связи с рассказом, я накладу Геор. Иванову — оказ<ывается>, — жи-ид!....!!!!!!! На-кла-ду!

«Чашей»-то и налью!

А Ив. Ал. Бун<ин> перекочевал в... «Посл<едние> Нов<ости>»!!?.

Привет Вам и Нат<алии> Ник<олаевне>.

Ваш сердечно Ив. Шмелев.

43

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<10.I.1928>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова. Да возсияет! А Вам помоги Господь!

Не писал от дел и тревог: очень затрепался! Отзывом[8] Вашим в Возр<ождении> я *очень* доволен, хотя откушенное редакцией крепко расцветило бы его. Но что же делать... Я уверен впрочем, что это относилось отнюдь не к Вам, а *ко мне*: это закулисная стряпня Гиппиус. Курьезно, что только делается в Возрождении: по поручению Гукасова — Н. Н. Львов и Н. Н. Чебышов зовут меня и Шульгина[9] вернуться и настойчиво! А тут же помещается вызывающий фельетон Гиппиус, что они-де с Мережковским только потому вошли в Возр<ождение>, что там не пахнет ни Ильиным, ни Шульгиным... Однако все это имеет и объяснение из-за кулис: за последние месяцы Гукасов звал писать члена РДО[10] — А. П. Маркова[11], Мельгунова[12] etc.; а *редакторский* портфель предлагал

приверженцу Милюкова — Тимашеву[13] (РДО) и даже Иосифу Гессену[14] (sic!) Это *наверное*. Гессен предложил ему в ответ — лучше субсидировать Руль[15].

С невероятно тяжелым чувством созерцаю поведение Струве в «России»[16]: и невозможные выходки против Н. Н. Львова, и борьбу с РЦО[17], и бессмысленное пачканье Братства Русской Правды[18], и выходки против П. Н. Врангеля[19]. Нечем дышать!

Дорогой друг! К третьей книжке я так и не дождался ничего от Вас! Пришлось сводить концы с концами; завтра отдаю ее в печать. Но четвертая книжка (к 1 марта сдавать в печать) — решительно не желает появляться без Вас. Дайте нам, что хотите! Эх, кабы сатирическую сказочку! Но что только захочется. Карт блянш!

И еще — пришлите мне Ваш портрет — какой-нибудь хороший из летних! Только без Бальмонта — один Шмелев! Который Вам самому больше нравится...

Душевно Вас обнимаю. Мы оба шлем наш сердечный привет Ольге Александровне и Вам. И серебряному Ивику[20].

Нат<алия> Ник<олаевна> чувствует себя еще не окрепшей. Квартиры нет; живем в пансионе. Письм<енного> стола нет; книги не разложены; доклады — лекции — редактирование; материализм то и дело повисает в воздухе. И здоровье не великолепно.

Но, как Епиходов[21] — 22 несчастья — «даже улыбаюсь» и «читаю разные замечательные книги».

Когда же, когда прочту еще Шмелева? Это всегда, как праздник впереди посверкивает. Хороши были Журавли! И Дед[22]!

Не забывайте меня!

1928.1.10.

Lützow Str. 63. Pension Tonn.

44

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<23.I.1928>***

<Открытка с изображением картины И. Ижакевича «Церковь Спаса на Берестове в Киеве»>

Дорогой Иван Сергеевич! Спасибо за мордобой![23] Именно *запоминать* надо; да память-то человеческая... —

удобозабывающая то, что удобозабываемо... Удручаюсь на царство Гиппиусихи в Возрождении: второй раз она мажет по белой идее и по мне; а редакция помещает... и под сурдинку зовет меня «вернуться». Затрудняюсь даже квалифицировать этот образ действий.

Ваш И. И.

1928.I.23.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. J. Chmélof
2 Chemin des Coutures
Sèvres (S. O.)
Frankreich France

45

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<27.II.1928>***

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Какую чудесную масленицу Вы написали![24] Как это удивительно, какая Россия... Не может иностранец понять эту проникнутую, насыщенную мистерию быта... Юность наша, детство наше, милая-милая изнутри осиянная Россия! Я так давно Вашего не читал... Как будто проснулся, ожил, воды ключевой напился...

А журнал мой Вы забыли и разлюбили! Книжка за книжкой, четвертую выстрадываю, именно выстрадываю. А Вас нет и вестей от Вас нет. За что? Неужели только за то, что я в Севре пожаловался Вам на тесноту второго номера?! Так ведь я для Вас *любую статью выброшу* — вы-бро-шу к черту собачьему — *сам не напишу* ни пиля[25], а для Вас место найду...

Я крепкою борьбою борюсь; один везу, несу, ломлю, *заставляю*. По линии наибольшего сопротивления. И стихии поддаются. Число распространителей растет от месяца к месяцу. Типографские расходы уже целиком покрываются. «Парагваи» начинают присылать взволнованные письма; Дальний Восток покупает; из Африки есть подписка; В<ел>. К<н>. Николай Николаевич[26] прислал благодарность и подписку. А вокруг — все такое безвольное, каменное, земное, скептическое, вяло резонирующее о «неинтересности отвлеченного». Слушаю, молчу и распоряжаюсь «дальше!». Головой о стену утомления и безразличия. И стена медленно *поддается*. Сегодня получил

письмо от Духониной[27] (вдова, директриса русского женского института в Сербии): за *все* вознагражден!

Дорогой мой! Пятая книжка (май) *не может* быть без Вас! В ней надо дать *славу России*: обо всем, чем Она чудесна — начиная от Православного духа и до русского языка, русской женщины, русской пляски; от освобождения крестьян (по манию Царя), до русского вывозного полуфабриката... Милый, славный, замечательный! Вдохновитесь — умоляю! Сотворите перезвон на моей колокольне!!

Мы живем плохо. Наталия Николаевна нездорова (после сердца — стрептококковая ангина...); квартиры не нашли — в пансионе застряли; всю зиму без письменного стола; и вороха разных огорчений.

О чем Вы пишете? Большое? Скоро ли выйдет? Опять зачитаюсь до спазмы умиления и до слетевшего в душу мига счастия...

Мы оба шлем привет Вам и Ольге Александровне.

Ваш, как всегда И. Ильин

1928.II.27.

Напишите два слова о третьей книжке Р<усского> К<олокола>.

46

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<6.III.1928>***

6 III 28 г. Sèvres

Дорогой Иван Александрович

Р<усский> К<олокол> № 3 пока не получал! Но уже читал отзыв о нем где-то. Все болею, — мои боли внутр<енней> обл<асти> желудка (18 лет!), обострились, и после усиленной работы (и курения!) свалился. Дни — влёжке, на 5 м<ин>. вскочишь к столу, — назад! О, не урекайте[28] меня, недели — без сил. За эти два месяца пришлось написать свыше... 200 писем! Всякие дела, не дай Бог! И борьба, и издательские, и дружеские... Спасибо за д<оброе> слово о «Маслянице»... Да, каж<ется> ничего себе, от бр<атьев-> писателей (редк. сл<учай>!) ряд писем! — с разн<ых> концов света. Невпустую, значит. Трронуло. Куприн пишет — о, не в

похвальбу себе говорю, а дабы упрекнуть себя! — что «Масляница» одна заменит 2 года журнала «Борьба за Россию»[29] своим скрытым **динамизмом**! Зо-вет — к России! Дай Бог. Дай, Боже, и Вам удачи в словной работе — будить! И часто я думаю, что м. б. художественное мое, к чему я более склонен и способен, — заменит мой публицистический недохват, ибо к этой работе — статьями — я должен себя понуждать. А книги мои все же делают что-то. Вот, прислали мне из Н.-Йорка N-Y-Times, (обзор литературный) от 19 II — со статьей о «С<олнце> Мер<твых>» — «Плач Иеремии» — и тут же мой б<ольшой> портрет: книга только что вышла в N-Йорке у Dutton'а. Подзаголовок статьи «Царство Красного Террора». Что-то кому-то **скажет**.

Скоро и Неупиваемая выйдет. Скоро я Вам и Нат<алии> Ник<олаевне> пришлю свежую книгу «Свет Разума» (там к<ак> раз и рассказ о дьяконе![30]).

Болезнь, а не иное что, помешала мне чаще писать Вам. **Я никогда** не забываю Вас и даже почти всегда слал Вам (навязчиво) свои рассказы в газетах. И Вашу «жалобу» на тесноту № Р<усского> К<олокола> я никогда не мог принять на свой счет. Что Вы, Господь с Вами, дорогой И. А.! Да вот, не выдавишь из себя иной раз, (особенно, когда срок и **надо**: я тут как бы отвлекаюсь от **себя** и — каменею). Писать — как цветку цвесть. Если бы цветок мог думать о том, как он долж<ен> цвесть... — мне кажется, он конфузился бы и цвел плохо. Славу России о да, надо, надо! Что смогу — постараюсь, лишь бы «зацвести». Да когда же Вы устроитесь?! Впрочем, Вы, как и я, — в котле, а когда **кипит**, — все скачет, — какое тут «устройство»!

Обнимаю Вас дружески-братски. Наталии Николаевне наш сердечнейший поклон-привет. О, мешают боли работать. И столько было неприятностей и передряг, всяческих! И с подлецами (фильм Ч<еловек> из рест<орана>[31]), и с газетой (каж<ется>, установил<ись> б<олее> норм<альные> отношения). А работаю ма-ло. **Хочу писать**... что.-то, но надо — уткнуться в **тишь**.

Ваш неизменный Ив. Шмелев.

47

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<8.III.1928>***

<Открытка с изображением картины Б. Кустодиева «Русская провинция»>

Дорогой Иван Сергеевич!

В начале февраля собственноручно отправил Вам третью книжку Р<усского> К<олокола>. Не знаю, не придумаю, чем объяснить это пропащее огорчение! Посылаю Вам другую заказным. Очень прошу Вас — внемлите моим призывам для пятой книжки. Хоть на пятачочек священного огня! (Знаете, как бывают пятачковые свечки...). И о чем только захочется — хотя бы одно или два соловьиных колена.

Обнимаю Вас.

1928.III.8.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. J. Chmélof
2, Chemin des Coutures
Sèvres (S. et O.)
Frankreich. France.

48

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<начало марта 1928>***[32]

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Моего деньгодателя смутили и сбили; его рука иссякает. Многое нами уже сделано, чтобы не висеть на нем; и все же до самоокупаемости мы еще не дошли. Чтобы держаться дальше нам нужно: на полугодие февраль-июль 300 долларов и на полугодие август-январь (1929) около 800 долларов. Я ищу трех-четырех людей, которые распределили бы между собою эту сумму — из побуждений идеологических, при минимальных издержках производства и паевом участии в дальнейшем (ибо Р<усский> К<олокол> не стареет и потом в России рассосется весь).

Для этих людей мне нужны аргументы — в виде, скажем, «аттестатов» от авторитетных и чтимых судей. Вы один из них. Очень прошу Вас: пришлите мне на бумажке — строк на десять, двадцать, тридцать отзыв о

Р<усском> К<олоколе>, о его замысле и значении. Так, как если бы перед Вами сидел богатый меценат, который советовался бы с Вами: поддержать Р<усский> К<олокол> или нет? Я *не* напечатаю этого отзыва — но пошлю кое-кому конфиденциально. Я Вас прошу — смотреть на это мое письмо доверительно.

После всего, что я вложил в Р<усский> К<олокол>, труда, замысла, горения и организационных усилий — прекращение его на пятой-шестой книжке было бы для меня *сущим горем*. Не думаю, чтобы какая-нибудь из наличных газет или журналов в эмиграции — могла бы заменить Р<усский> К<олокол> и выполнить его функцию. Надеюсь же исключительно на нашу правоту и на помощь Божию.

Горячо Вас обнимаю и люблю.

Ваш И. Ильин.

49

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<16.III.1928>***

16 марта 1928 г. Sèvres

Дорогой Иван Александрович,

Вы не укоряйте меня за молчание. Вот уже больше месяца, пожалуй, как болею, б<ольшей> ч<астью> лежу и нет воли думать, желать, писать. Да и нельзя писать: сел к столу — беги валиться, а то бо-ли! Посл<еднюю> неделю получше стало. Очевидно, с печенью что-то. К лечению вплотную приступать надо. Спазмы и колики.

Печально, если журнал придется бросить. Единственный, ведь, у нас — **верный** светлому национальному духу, воистину ***ведущий*** к постижению Духа России, воистину **будящий**, призывный Колокол! Был я недавно в русском книжн<ом> магазине у Сияльской, говорят мне: «очень интересуются журналом, вот именно то, что нужно!» И вот только-только начинают **знать** и любить этот Ваш «Колокол», вслушиваться в него, делать его **своим**... — и вдруг, кончать?! Да стоило ли начинать тогда, столько энергии вложить в дело — и не успеть начать **обедни**? Это какая-то насмешка. И когда подумаешь, что такая малость — 2 — 3 тыс. долл. — нужна! Непрестанный зов

к России, укрепление воли к ее возврату, пониманию и возрождению, — и вот, 2 — 3 тыс. долл. нужны! Не верю, чтобы из-за одного этого журнал кончился. Ну, тогда, значит, плюнуть надо на «русский дух»! Это не «дух», а... дрязг! Я вспоминаю Ваше горенье, воистину — священное, я перелистываю журнал — эти 3 светл. №№.... — и горечь прожигает душу. Я верю, что не умрет журнал. Даже эти 3 №№, это «начало» — непреходящи. Их будут читать долго, ибо и в них уже — основы пути, верного пути к России и к пониманию ее. Но как жаль, что **главного**-то еще не сказано, о чем Вы мечтали! Так и не скажется... из-за бедности или скупости «духа русского»? Да, грустно. Но я хочу верить, что даже осколки «русского духа» за рубежом еще горят отражением Солнца русского, прошлого, когда *умели* жертвовать хотя бы.... деньгами!

Не знаю, что я Вам напишу и когда. Оставлена **вся** работа. Устал, болею. И вряд ли и в Capbret<on> поеду: дачку нашу хозяин отдал другим, б<олее> щедрым, д<олжно> б<ыть> на... пять франков! А я 4 сезона прожил. Вечная грошевность французская! И квартирку искать надо, и где-то осесть. Все 5 лет по уголкам скитаюсь, библиотеки завести не могу, все раскидано.

Ох, надо лечь. Поклонитесь Н<аталии> Ник<олаевне>. Получил я 3 № Кол<окола>, но еще не был в силах прочитать. Да знаю, что получу духовную — **свежую** — пищу, подвинчусь.

Обнимаю Вас сердечно.

Ваш Ив. Шмелев

Да, «Масляница»... Получил много писем (из них 8 — от писателей!) Случайно задалась, будто... нежданно. А ведь за то и — болею.

50

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<8.IV.1928>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за «Свет разума»[33] с дорогою и утешительною надписью. Каждый вечер читаю Наталии Николаевне вслух с чувством благодарности и созерцательной

оплодотворенности. У Вас удивительна не только художественная сила и зрелость: это и чувствует и малый ребенок в Ваших произведениях; удивительна сила *глубокомыслия, духовной и метафизической прозорливости*, которой я всегда жду и хочу от искусства, но которую дают только исключительные художники. Не стану выписывать всего, что думаю, в письмо к Вам; а лучше подумаю о том, как бы сказать и написать о Вас достойное — *публично*. Ибо, поистине, посмотрите вокруг: все молчит или болтает от плоскодушия и скудоумия; ждать *не* от кого; надо браться и говорить самому. А люди с непротертыми духовно глазами — перестают отличать в искусстве добро от зла...

Дорогой друг! Строится *пятая* книжка Колокола (четвертая давно готова, но ее задерживает типографская склока между рабочими и предпринимателями). Пятая книжка — будет посвящена русской культуре. Я мечтал бы дать на почетном месте *Вашу* вещь. Что̀ именно? Позвольте об этом выразиться.

1) Или *о русской женщине*: бабушка, мать, няня, сестра, невеста, жена, дочь; и *вообще* — о ее *русскости*, и о ее русской *женственности*, и о ее *характере*, о ее *певучести*, о ее духовно-хребтовой силе, о ее *вкусе*, о ее *почвенности* — как Вам заблагорассудится.

Главное только — чтобы русские люди ощутили с остротою и глубиною, какой *дивный клад* мы имеем в нашей женщине и ее бытии. Чтобы русская женщина почувствовала свое *призвание* призванным и свои заслуги закрепленными. Ведь ей предстоит *обновить Россию* новыми человеками и новыми характерами...

Форма — *какая угодно* — от афористической, до лирической; более того — если Вам захочется сказать в изящно-художественной, то напечатаю ликуя. Гению — свобода и привилегия! «Беллетристики» не печатаю, а Ваше напечатаю.

2) Или же: *Светлая Заутреня* — пасхальное ночное богослужение, как *средоточие* России, ее духа, ее жизни, ее надежд. Гениальнейшее, божественное лоно духовного оживотворения — ключ воды живой; солнце русской богообращенности.

И опять — форма — какая угодно. От Вас *все* приму, *все* украсит, *все* поведет и научит.

Простите, что навязываю темы! Не браните меня за это! Это не развязность с моей стороны, а робко-настойчивый, просительно-требовательный стук в Вашу кладовую. Знаю я, как все там у Вас неприкосновенно; но прошу: не браните и не отшивайте! Мне не к кому стучаться за этим, а книжку *создать надо*. Она должна удаться.

Размер? Разве можно Вам его предписывать. Ну, — шесть страниц, ну семь, ну восемь, ну девять, ну десять...

Но срок!! К *десятому мая*. А то не поспеет книжка.

Не откажите! И известите поскорее о том, что утроба Вашего созерцания согласилась и *на что* именно она согласилась!

Обнимаю Вас. Обдумываю уже и шестую книжку. Веду энергичные финансовые розыски и надеюсь.

С 1 апр. переехали как бы на дачу.

Адрес: Berlin-Grunewald Wangenheim Str. 45. bei Voigt.

Ваш И. Ильин.

51

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<12.IV.1928>*

12 апр. 28 г. **Севр**

Дорогой и незабываемый Иван Александрович!

Рад, что книжка моя приятна Вам и Наталье Николаевне, — это ей оправдание! Если в ней **есть** от стихии-духа, хоть светлая пылинка, хоть одна лучезарная шерстинка от «арионова» плаща-ризы влажной, — я буду счастлив! Чудесно-**верно**, чутко дано в этюде Наталии Николаевны[34] это беззаветное, «беспечное» витанье Духа-Строителя в мире, строящего мир и **песней**. Это трепетание Божественного в несознающем человеке-ребенке! **Чистые**! Именно так: «беспечной **веры** полн»... **Несу**, несомый, — как это верно взято, **понято**!... «Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?..» О, **как** это благословляет — утверждает «арионово» посланничество! его покорность Велению, его «бессознательное»... его порождение Богом... — когда поет. Кончил — и «непонятная

грусть» тайно тревожит. Не требует поэта к священной жертве Аполлон... — и «грусть», и «поденщина», и «ненужность», и — малодушие. Да как же не принять, не признать космического, творящего начала — в **песне**?!.. Начала от Творца, религиозного трепета, религ<иозной> неистребимой связанности! — в **слове**?! После Вашей необыкновенной статьи о путях и сути подлинного искусства — № 2 Р<усский> К<олокол> — необходимо поставить знак + и «Арион». Одно с другим спаяно. И **весь** Пушкин пронзен этим, — только развертывай и читай! А Гоголь?! Такого **явного** трепета, до волос дыбом, — кажется ни у кого!... И под ними, как под плащом — Тютчев, а кругом беснуется и «богохульствует», и распинает себя, и вопит Достоевский, одержимый легионом искушающих бесов. Этот «певец»-то, должно быть, и потопил челн, — **надо** было так?.. — чтобы такими-то вот **бичами** и прыганьем в смерть постичь бесов и... изрыгнуть их из себя, **муками** создаванию помочь?.. Непостижима тайна и глубина назначения искусства — проявление в мире образующейся **души**, вырывание ее из мертвого хаоса. Вырывайся, пой и — оживляй! Божьи помощнички... О, если бы быть самым последним «подчищалой»!.. Величайший из них — поражающий — Иоанн Дамаскин. И как же не трепетать, чувствуя, что твой-то народ и есть самая величайшая квашня для «арионов» — факт! — и отсюда его «прыганья в черта» — Достоевский! — и отсюда его плавание в «стихии» — Пушкин! — и отсюда — «отцы», пустынники, жены непорочны — даже до XX века! даже в пасти Змия, — отсюда Сергий Радон<ежский> в монгольщине, отсюда Серафим[35] — в чиновщине, отсюда — неслыханное падение в мерзость бездонную, отсюда... Светлое Воскресение грядущее и расцвет Песни будет! — во весь Мир, потерявший и Крест, и Гимн Ему!.. Певец сейчас ризы сушит, — и **уже** поет. И, конечно, не «парламентарное» следствие всему этому должно быть, а ... **мирового** размера! *Должно быть*. Или — сорвись, скала, и раздави певца! Справедливей — так.

Ну, вот, только в душе копнулся. А **сколько** бы надо сказать, в форму вогнать, — но не в силах. Я только что

выздоравливаю после болей. Да еще только что изобразил «Нашу Пасху»[36]. Разгону-то нет, и то Гукасов в ужас приходит, что «рассказы»-то большие!.. О, чтоб их..! **Мало** дал «Пасхи» я... Ну, как вымешал — так и... ешь! Не то бы надо!

Ох, постараюсь (для 5 №). Но ведь... певец, — а я очень маленький певец — не сознавая, поет... А когда **надо** — полное бессилие, трепыханье... — и душа в пятки. Но... я Вам что-нибудь подкину. А вот, посылаю, по просьбе Влад. Ник. Лодыженского — статью. Если одобрите — не будьте строги, все-таки милый старик **доброе** пишет! — напечатайте. Утешите, это — раз; небесполезно, при всей обычности и знатости трактуемого, — два. Очень обидели старика в «Возр<ождении>». Заказали статью о Тэффи и — не напечатали. Но я не смею навязывать. Вы — капитан и главный звонарь. Да ведь на Пасху-то и ребят пускают — подзванивай!

Христос Воскресе и — Воистину! — дорогие певцы, Н<аталия> Н<иколаевна> и И<ван> А<лександрович>!! Пойте Господа по-о-ойте... и превозносите Его во веки... (Вел<икая> Суб<ботняя> Вечерня).

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Удивительно **взято** Вами — в «Буд<ущее> крест<ьянства>»[37]. Мудрец Вы!!

52

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<12.V.1928>***

12 V 1928 г.

2, Chemin des Coutures
Sèvres (S. d.)

Дорогой Иван Александрович, друг!

Не браните, не виноват, что не смог написать для «Рус<ского> Кол<окола>», для пятой кн<ижки>. Не отговорка, нет: **болен**. И, м. б., серьезно болен. Уже лет 18, как периодически испытывал боли то в желудке, то под ним, с прав<ой> стор<оны>. Бывали периоды, года по 2, когда не было болей, — напр. в Крыму, в ужасах, в недоедании. Раза два в год бывали, недели по 2 — 4. Здесь, в Евр<опе>, повторялось. Я не придавал значения.

Поешь побольше, на масло, на молоко наляжешь — кончались мес<яца> на 3 — 4. Ныне, 1-й приступ был, в этом году, в конце февр<аля>. Принимаю пропис<анные> д<окторо>м Васильевым порошки висмута с содой, кодеином, беладонной (уже года 2) — прошло, на 6 нед<ель> отпустило. Перед Пасхой съел балычка (вина не пью уже 3-ий мес.), а на 3-ий день Пасхи началось. Перемогался. 24-го апр. пошел к доктору Серову[38] (талантлив<ый> диагнозист), говорит, после осмотра, что, пожалуй, м. б. есть язвочки, к<оторы>е периодич<ески> закрыв<аются>. Предположил, нет ли чего с 12-перстной кишк<ой>. Надо снять рентгенов<скими> лучами. 7-го в понед<ельник> сняли. Говорят — ничего серьезного. Когда отпечатали фотогр<афию> — видят в 12-перстн. кишке какие-то «ниши» — образовавшиеся от стар<ых> язвочек в 2-х местах. Говорят — строгая диета, покой, лечение. Серов должен переговорить с проф. Алексинским[39]. Все это только Вам, дорогие друзья, скорбно пишу. Не знаю, что скаж<ет> Алекс<инский>. Я пал духом, тоска, воображ<ение> работает, кажется все — мрак. Кончена жизнь. Обещал Серов дать адр<ес> какого-то германск<ого> лечебн<ого> учрежд<ения>, где лечат (если не надо буд<ет> операции, которой я боюсь!), какой-то знам<енитый> професор. Лечился и вылечился там какой-то кн. Мещерский, по словам Серова. Сейчас, вот уже дней 10, болей нет... Но меня потрясла фотография — расширение кишки, ужас. Ну, что же... если воля Божья — прощай белый свет. Поймите, **веры**-то, светлой, верной веры нет в **будущее — там**! Молюсь, хочу молиться, а сил нет: подавляет тоска и трепет. Знаешь, что ведь всем к<огда>-ниб<удь> кончина, но вот, когда в **свое**, в **себя** вдумаешься... о, тоска!.. Да, конечно, не надо падать духом. Но, дорогие, *сколько* еще не сделано! Какие задум<анные> работы — ах! — так и не родятся! Ведь я **главного**-то и не сделал, готовился... А теперь мое душевное состояние — окаменения — и тоски-трепета отнимает посл<едние> силы. Все в голову приходит. И одиноки мы с женой, единственной, беспред<ельно> любимой... Если умру — не переживет, знаю. Одна!.. Не в средствах дело, а одна, одна... О, как это томит, как ноет сердце.

Господи! Столько страдали, одно утешение было — вместе всегда! — работа любимая... А теперь не могу работать, конец. А м. б. еще Господь потерпит?... Ну, дорогой, видите, в каком я мраке. Я очень впечатлителен, знаю, остро воспринимаю. И мне даже трудно писать о сем, моем, жутком. М. б. я и преувеличиваю. А еще вот что: собирались ехать в Capbreton; в период после февр<альских> болей, когда еще ничего серьезн<ого> не было, передали наши комнаты Кутеповым[40]... Теперь — неловко отменять, не знаем, можно ли ехать в даль от Парижа, что решит Серов с Алексинским, срок квартиры до 25 — 30 мая, крайний, куда съедем, как — не знаю, никуда не хочется, будто и силы пропали, все — мрак. Спасибо еще средств на неск. месяцев хватит, ничего. В кр<айнем> случае, думаю, помогут...

А еще — получил от матери-старушки, ей 84 года, из Москвы письмо: брат внезапно умер, на второй день Пасхи[41]. Приехал, бедняга, из Алушты, где бился в труде на моей дачке, приехал внезапно, на посл. деньги в Москву, в родовое гнездо, сказал — «приехал проститься», умру скоро. Приехал в Стр<астную> субботу, исповедов<ался> и причаст<ился> по сов<ету> матушки, а в 1-ый День вечером почувств<овал> остр<ые> боли в груди, и к утру 2-го Дня сконч<ался> в больнице... Вот. И сны я вижу... Трепет во мне и скорбь...

Видите, как мне трудно, дорогой, милый... Ах, мои «песни»... недопетые, — ведь только начал вступление...

Помолитесь за меня, друг милый, дорогая Нат<алия> Николаевна! У меня и сил нет на молитву...

Вот и не мог написать для Вас, для Р<усского> К<олокола>. А думаю, по В<ашему> совету, о Пасхе...

Обнимаю Вас обоих. Ох, расскулился я. Простите, все темно, и так все запутано... Погляжу на Олечку свою — ведь 33 года в июле, 14-го будет, как женились, да еще перед этим года 4 знакомы были.

Ваш душевно Ив. Шмелев. Простите!

<Приписка:> Только Вам **так написал**. Больше у меня нет никого, кому бы так сказал. Вы поймете и не осудите, и почуете. И. Ш.

53

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<25.V.1928>***

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Ваша болезнь глубоко ранила и удручила меня. Но — не опасностью своею, а душевною томительностью для Вас. Я знаю удивительные случаи излечения этой болезни — и терапевтические, и хирургические.

1) Осип Петрович Герасимов[42] — имел ее 32 лет от роду. Вылечился лежанием и обилием хорошего деревенского молока — в одно лето. Умер: 67 лет в Чрезвычайке.

2) Сергей Алексеевич Соколов-Кречетов — не хотевший держать диету — возился с нею два года; полтора года тому назад здешний хирург (русский!! гремит на всю Германию!! ведет в Берлине целую клинику — *Клейбер* — милый и глубоко талантливый человек) — отрезал ему одну треть желудка и всю 12-перстную кишку, сделал в желудке новое отверстие, пришил к нему кишку — и Кречетов здоров — *все* ест, водку пьет — ни болей, ни расстройств, забыл и думать об операции. У Клейбера это была 299 операция (!!).

Дорогой мой! Если бы понадобилось (я почему-то глубоко верю, что у Вас все пройдет от одной выдержанной молочной диеты) — я поеду к Клейберу и *обо всем* с ним переговорю; все устрою, — только прикажите.

Я Вас люблю всею тою любовью, которою и не имел счастья любить моих многочисленных братьев. Каждый день с тревогой думаю о том, как у Вас идет с диагнозом; но имею поручение передать Вам от здешних друзей, что мастерски лечит язву доктор Зернов[43] (у Вас в Париже).

Ради Бога, напишите мне, что̀ говорят Вам доктора? Все, что я знаю об этой болезни — сводится к одному — *лежание, нервный покой* и *молочные жиры*! Вредна только небрежность пациента, его беспечность и несдержанность в еде.

Обнимаю Вас и целую ручку Ольге Александровне. Письмо Ваше перечитывал пять раз и все грустил с Вами.

Ваш И. Ильин.

Пятая книжка на днях выйдет *опять* без Вас!

54

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<31.V.1928>***

<Открытка>

31/18 V 28

Дорогой Иван Александрович,

Счастлив В<ашим> трогат<ельно>-друж<еским> п<исьмо>м! Обнимаю Вас. Опер<ироваться> не надо: решил Алекс<инский>. Боли кончились 3 нед<елю>. Выхожу. Зернов сказал: ***было*** (язва) — теперь дала рубец. Когда-то была б<ольшая> опасн<ость> (б<ыло> воспал<ение> брюш<ины>, но когда?) Надо леч<ить> *нервы.* Отменил висмут, дал магнезию, обтирания, иод. Готовлюсь ехать в Capbret<on> (3-го). Отдохну и начну писать. Обнимаю Вас, друзья, друзья!!!

Счастлив Вами.

Ваш вечно Ив. Шм.

<Приписка:> Все запущено. Гора писем. Гол<ова> круж<ится>!

<Приписка:> Пишите: Capbreton (Landes) мне.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor I. Ilyin
45, Wangenheim Str., 45bei Voigt
Berlin. Grunewald.
Allemagne

55

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<9.VI.1928>***

9 VI 28 г. Villa «Riant Sejour»[44]
Capbreton s/mer (Landes)

Дорогой Иван Александрович,

Чуткий, милый, брат, — слов не надо, а вот так ласково чувствую Вас! Вы — провидец. Я оправляюсь, я оправился, я почти оправился! Я — в Capbreton`е. Врачи, с И. П. Алекс<insки>м, при рентг<еновском> снимке, при тщательном проминании моего нутра, признали, что **была** язва 12-перстн. кишки, что теперь она оставила «нишу», дала рубец, и вот эти боли, следы болей, — теперь уж вот 3 недели, как нет болей — результат всяч<еских> расстройств, неприятностей, — сколько их было за этот год! — нарушений питания и проч. —

«вспышки» наболевшего места. Ал<ексинск>ий не нашел никак<ой> необходимости резать. Никуда не надо меня «*класть*». Надо лечить нервы, нужна диета, нужен покой и перемена режима, места. Спасибо, я был у Зернова. Чуд<есный> человек! Он меня особ<енно> укрепил, убрав висмут и назначив магнезию «усту» с содой. Расширил режим. Я могу уже писать письма. Я хожу, только не могу копаться в огороде. Я даже одолел оторопь, и в день отъезда, 3-го числа должен был ответить на просьбы оканчивающих в Бел<ой> Церкви в Югославии воспит<анников> посл<едних> кл<ассов> — кадет и воспитанниц Мариинск<ого> Донск<ого> Инст<итута> — сказать им доброе слово напутствия. *Не* мог не ответить. Послал «Слово» (в день отъезда и послал). И вот, мне пришло на душу послать Вам эти «Слова». М. б. Вы скажете, что их можно напечатать в Рус<ском> Кол<околе>? Тогда это облегчило бы мою **лень**-слабость, мою неисполнительность перед Р<ским> К<олоколом> и Вами, дорогой друг. Письма из Бел<ой> Церкви — кратки и просты, скорее даже машинальны. Но дело *не* в форме их, а в настроенности внутренней, в ***нашей*** обязанности отвечать и разбудить. Да они же, молодежь — *не спят*! Они — ждут.

Я писал — как всегда пишу письма, безоглядно, *видя* перед собой их, юных. Сказал, что чувствовал. Я *не* вождь, не философ, <не> мыслитель, **я *так*** бы и сказал, если бы они передо мной были! Завален корресп<онденцией>, за 2 мес. лежки и дум серых. Привет, серд<ечный> привет Вам и Нат<алии> Ник<олаевне>.

Отойду — напишу. Мы *без* Ивика здесь. Он учится, и как еще сложится его и наша судьба? О, спасибо, родной, за ободрение, за милосердие ко мне! Обнимаю Вас.

Ваш Ив. Шмелев.

56

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<10.VI.1928>***

<Открытка>

10. 6. 28

О, милые друзья, как здесь тихо! И как же мы с О<льгой> А<лександровной> уехали от болей всяческих!

Но теперь обновляемся, я начинаю *быть*. Я уже — живу. Ах, записать бы!

При-дет!

(Зак<азное> письмо одновременно.)

Целуем Вас

О. и Ив. Шмелев

<Адрес И. А. Ильина:> M-me et M-r Professeur N. и I. Ilyin
45, Wangenheim Str. 45
bei Voigt
Berlin-Grunewald.
Allemagne

57

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<22.VIII.1928>***

22 августа, 1928 г. Капбретон. Ланды.

Иван Александрович, дорогой, да что же это Вы так? ну, за что же Вы меня так забыли? Чем погрешил?! Что совершил?! Все ждал, ждал... а тут еще жары, возвраты болезни, мелочи, гонения — о них к<ак>-н<ибудь> скажу — прижимы меня в «Возр<ождении>», — это между нами пока, — со стороны г-на эстета Маковского, непонятное дело, но я вдалеке, а биться письмами, да когда еще слаб, — впустую дело! Так вот, — Вы-то на меня за что? Если очертя голову послал Вам «письма» для журнала, если они ни-куда, бросьте их, т. е. — вернее, верните мне их для архива, и оттайте! Знайте, что все это время возился с болями и болишками, и только теперь стал — надолго ли? — дышать вольно, ходить вольно, есть... почти вольно. Пи-сать стал! Два рассказа написал, один «Панорама»[45], от которого Мак<овски>й «целый день ходил как убитый, не мог ничего делать», — а потому сей рассказ уже у меня, ибо «редакторская совесть не позволила предложить его читателям: тут двусторонний мрак!» — а просто — я хватил по... интеллигенции, типа болтунов и прохвостов, — но «борьбу» я отложил до возвращения в Париж, между нами! — другой — светловатый — «Яблошный Спас»[46]... — 22 выйдет в газете. Ну, за что? Успокойте меня. То думаю — не больны ли, здорова

ли милая Наталья Николаевна. Успокойте. И... — пришлите почитать — достать не могу! — записки Врангеля! Хочу узнать его больше. Думаю, что Врангель спас бы Россию... **тогда**! Верну через три дня, бережно. Но, главное, скажите, что Вы, как, где. Нездоровье пугает меня ехать на съезд в Белград, куда лично позван, ибо ехать без сна в вагоне, жить одиноко, без О<льги> А<лександровны>, бояться приступов боли, которые — пока? — прошли, вот уже с месяц, — боюсь! А то бы мы там с Вами, дорогой, милый, встретились бы! Ах, Иван Александрович! Добывайте денег, начинайте газету! Большую газету!! Весь Ваш, плюну на «Возр<ождение>». А сейчас, когда единственная, хоть и с искажаемым ликом... — не могу уйти, уж как мне тяжело там! Но — терплю. Коплю силы и — терплю. Но придет время — лопнет во мне терпение, и — разряжусь. Знаете, будь Мак<овск>ий моим редактором и для «Солнца» — не появилось бы! Помните, моя статейка «Анри Барбюс[47] и Росс<ийская> Корона»[48]? Ведь ме-сяц бился, чтобы напечатали! И «Яблочный Спас» — взяли да в бу-дний № вставили[49]! Рощину[50] находят место — есть такой молодой и старательный писатель, — в праздничном №, — наиболее покупаемом! — Лукашу с Наполеоном[51] находят, а Шмелеву — так, под-сурдинку пустить. Ну, Бог не выдаст — свинья не съест. И-д-у. Америка подписала контракт с моей переводчицей — мрс.[52] Франс — жена америк. сенатора, — еще на три моих книги, какие угодно. Теперь и сенатор, и Татьяна Франс — «утонули» — пишут они — в «Росстанях»[53]. Не знаете их, д<олжно> б<ыть>. Когда-то о них покойный Набоков[54] дал статью в «Речи» — «Нечаянная радость». Не для американцев это, но... пусть. Осенью выходит там «Чаша». Осенью выходит в Париже у Плона — «Солнце», в переводе Дени Роша — чеховский переводчик. Иду, на страх врагам. Но с чего бы Мак<овско>му[55] быть моим недоброжелателем? Не пойму. Д. б. потому, что я ни «афонским», ни «прованским» маслом не пишу, не в стиле «Аполлона»[56], Муратовых[57], Зайцевых[58], Ходасевича[59], и всех нюансных и «настроенных» фиолетчиков[60]! Стиль мой, язык мой — «какой-то уж очень развесистый и вихроватый, меня

утомляет» — как писал Б. Зайцев одному моему приятелю. Но... потому что жизнь меня за вихры драла и рвала вихры, и развесистым стал язык, ибо его раздавили во мне. Косноязычен, но не перестану петь, пока не всунут кляпа в глотку! А уж пытаются всунуть: то левые и чесноки, теперь «аполлончики» принялись. Господи, спаси меня! Дай мне о Родном вещать! У меня еще двенадцать этюдов типа «Наша Пасха» и т. д. есть, и **тянут**.

Ну, жду ответа, вздоха, руки твердой, слова-окрика бодрящего, милой умной улыбки редкостного русского ученого и человека доблестного, милого моего тезки! У меня так мало друзей, знаемых. Есть много, знаю, незнаемых, но не вижу их. Отзовитесь и благословите, дорогой друг. Иду на Океан — укрепляться. Свежей стало, легче. На душе — тише, к<ак> б<удто> и здоров?

Сердечно Вам и Н<аталии> Н<иколаевне> кланяемся.

Ваши Ив. и О. Шмелевы.

58

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<26.VIII.1928>***
<Открытка>

1928.VIII. 26.

Милый и дорогой Иван Сергеевич! Как Вы живете? Здоровы ли? Творите ли? Да сохранит и обрадует Вас Господь! — Откликнитесь. Я провожу трудное и озабоченное лето. Отдыха еще не начинал. Веду трудную борьбу за Р<усский> К<олокол> и за пропитание. Шестая книжка на днях выйдет в свет. В ней Ваше обращение к «девушкам». «К юношам» — пойдет в седьмой. Вспомните меня и напишите, но *заказным*: Gauting bei München. Bei Durnowo. Prof. I. Iljin. На днях снимаемся отсюда; напишу еще. От нас обоих привет О<льге> А<лександровне> и Вам.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. I. S. Chmélof
Villa «Riant Sejour»
Capbreton s/mer
Landes
Frankreich. France.

59

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<29.VIII.1928>***

29 августа, 1928 года! Капбретон, Ланды

Дорогой Иван Александрович! Да я Вам дней пять тому бо-ольшущее письмо написал, аукнулся! Должны получить, оно было на Грюневальд послано. Беспокоился я за Вас и за себя: ну, думалось, или заболел или — забыл. Очень рад, что отозвались. О, все мы ведем борьбу — и за пропитание, и за — посильно — **наше**, дорогое... Но Вы-то — боец, горячий боец, — отсюда и отдыха Вам нет. Но это ненормально, надо дышать. Не надо болеть. Я вот испытал это, надорвался, что ли... — ну, пока ничего все, могу часами — 3 — 4 — посидеть, пописать. Да мелочи одолевают. Эта пыль глаза и душу проедает. Пришлю Вам, как получу №№ «Яблочный Спас», в «Во<з>р<ождении>» за 22 авг. было. Радостное письмо получил от Зейлера[61], от Мих. Струве[62]... Вот, «Иверскую» теперь хочу писать... — до 15 еще очерков — таких. **Наше**... — увы, далёкое. Но не пропадать же ему?! **Было**... — а может быть **надо** рассказывать, да так, чтобы и опять **было**, да только еще светлее, да без сучочков, хотя... «сучочки»-то и очень-очень нужны, как экран! Помните, у Толстого, когда рассказывает о ключевой воде: «такая, — м. б. путаю, не точно! — что зубы ломит и кажется еще чище от плавающих в ней соринок». Вот, эти-то «соринки»... о, мне они так милы, как... грешные души Господу — грешные, сознающие это души! Лоск мне всегда претил и разбитые сапоги сельского батюшки, простака-батюшки, мужицкие сапоги, измоловшие сотни верст проселков по грязище, — куда мне милей лакированных ботинок какого-нибудь сладкоглаголивого о. Георгия Спасского[63], когда он ездит внушать разбитым овцам о правильности действий Евлогия[64]... Тут — такой фальшивый, на мой взгляд, такой холодный и мертвый свет «электричества», что гаснущая восковая свечка в темном углу неприбранной деревенской церкви перед нею — сияние! — «Белое Дело» с записками Врангеля[65] достал, не хлопочите, как я писал. За «письма» мои к дев<у>шкам и юношам не взыщите строго, бо-льной, на

выезде из Севра писал, за три часа до поезда, в тоске и смуте, — не мог отмахнуться! Боюсь, не погрешила ли чем душа. Дорогой, погодите, я распишусь, я напишу в Рус<ском> Кол<околе> теплое что-то... о — значении Церкви в нашей литературе! в строительстве внутреннего и внешнего человека! О, давно о сем помышлял. Но под руками нет ничего. Что, где прочесть, как справку? Из души писать буду. Посылаю Вам маленькую, «для юных» книжечку, на досуге почитаете с Наталией Николавной. — «Мэри»[66]. Для юных и издал, доходу с нее — кот наплакал.

Вчера получил телеграмму из Америки: вышла «Чаша», переводчики мрс и мр Франсы кричат «ура»... — ну, что-то Господь даст. Ура — разучился кричать.

Иван Александрович, га-зе-ту надо! **Свою**, **нашу**! Для «русских», для «коренных»!.. **Весь** отдался бы! А то, знаете, из рук приходится смотреть... Я уж писал Вам, как мою «Панораму» задержали «из жалости». Вольного моря надо, друг! И именно — га-зе-ту! И именно — в Париже! Или — где же? Где — свобода? Душно в «Возр<ождении>» мне... — и мало пишу, и под началом! Скоро 20 книг по миру на всех языках, признают, а вот... цензоры! Читаете «Возр<ождение>»? Лицо утрачивает, на «занимательность» переходит. Да, нужно и это, но не **так**. Трудно везти в упряжке с разношерстью. Ну, что у нас общего с Мер<ежковски>ми[67], с неведомыми Вейдле[68], критиками откуда-то, кому ближе «европа», махонечкая европа... с ......, имена их неизвестны. Ив. Александрыч! Найдите «креза»! «Нобеля» какого-нибудь. Журнал, № через три месяца — **мало**! А чаще — не справиться. Пошел бы народ... Надо к России готовиться. **Здесь** зачинать, и туда перекинуть, когда откроется. Не «беспутным» же уступать! Мы должны «школы» создать! Только Вам пишу: будет газета — найдется не мало верных, которые тоже в **узде**. Амфитеатров теперь — дру-гой, **верный**. Куприн, молодых найдется! Вы-то их лучше знаете. Куда поедете? В Белград, на съезд?[69] Я не могу, режим строгий, куда поедешь?! Но я напишу о съезде... Если бы тыс. 300 достать! Да есть же — **русские** капиталисты?!

Буду ждать от Вас весточки. Поклоны наши Вам с Натальей Николаевной и самые сердечные пожелания.

Да, нет ли у Вас «письма» Врангеля об его отношениях с Деникиным? Я многое пересмотрел, изучаю. Ах, неужели мое письмо к Вам пропало? Это было бы ужасно. Я там о многом-многом написал Вам. Но Германия — порядок, и надеюсь, что получите. Успокойте.

Ваш неизменный, преданный и любящий — до преклонения

Ив. Шмелев.

60

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<6.XI.1928>*

6-XI-28 г.

9, rue de Rossignols
Sèvres (S. O.)

Дорогой Иван Александрович,

Увы! Все мои «заряды» — впустую. Сколько писем посылал Вам, и газеты... (книжку, кажется, не рискнул послать в пространство!) — писал и в Белград, — и отзвука нет. Что с Вами? Прочитал в «Возр<ождении>», — прилагаю сообщение о Вашем славном выступлении, — что Вы хвораете, встревожился. Пожалуйста, известите, хоть строчкой, — где Вы, как здоровье, не разлюбили ли Вы невеселого Шмеля? Не знаю, посылал ли я Вам газету с расск<азом> «Панорама»? «Яблочн<ого> Спаса» — помню — послал. Кажется, и — «Мэри»! Если интересна Вам американская «Неупив<аемая> Чаша» — пошлю. Там есть интересное — для русского дела — предисловие сенатора Франса. И — мое.

С восторгом и нежной гордостью узнал о Ваших выступлениях в Германии. Как я счастлив **нашим** — Вашим! — Вот оно — вещание, **признанное**! Вот оно **право** быть, приобретенное страданием! Право и власть — учить! Воистину — ex Oriente lux[70]! Но какой «горький» свет!

Дорогой Иван Александрович! Я терзаюсь, стараясь уяснить себе, почему же Вы не отзоветесь? Письмо в Белград — я считал, что Вы будете на Съезде ученых, — я послал на Университет, Съезду, с просьбой направить Вам. Вашу статью из Русск<ого> Кол<окола> послал для перевода в Америку («О приятии міра»). Писал Вам о ней — об этой поэме Православия.

Мы перебрались (с неделю уже) в Севр, на новое место, в отдельный домик в садах. Здесь совсем деревня, но со всеми удобствами.

А я продолжаю тосковать о «нашей» газете. Пока трепыхаюсь в «Возр<ождении>». Но скоро уйду в длительную работу, — в роман. Закончу «Солдаты»[71] — для «Совр<еменных> Зап<исок>» и начну кончать «Иностранца». Скоро прочтете мою «Царицу Небесную»[72] (из серии Пасхи, Рожд<ества>, Масленицы, Ябл<очного> Спаса).

Но... откликнитесь! Не знаю, куда и писать. А посему шлю заказным. Это Вас, Бог поможет, толкнет ответить, или я получу письмо обратно.

Кланяемся Наталии Николаевне. Крепко-сердечно жму Вашу руку, дорогой друг!

Ваш по гроб Ив. Шмелев

<Приложение к письму — газетная вырезка>

<Приписка на полях рукою И. А. Ильина:> понед. 5 ноября 28 г. Возр № 1252.

Русское выступление

Письмо из Германии

В номере 1182 «Возрождения» был помещен отчет о выступлении профессора И. А. Ильина на съезде союза домовладельцев и земельных собственников, в Герлице, с горячей речью на тему: «Отчуждение собственности в России и его мировое значение».

30-го октября в Берлине тот же союз организовал аналогичное выступление русского ученого уже в столице государства. Обстановка берлинского выступления такова, что на ней стоит остановиться.

Для собрания были сняты четыре наибольшие в Берлине залы «Нейе вельт Хазенхейде», причем, ранее чем передать слово оратору, председатель союза сообщил присутствующим, что в виду исключительного успеха выступления профессора Ильина на съезде в Герлице, союз снял в Берлине самое большое помещение, которое рассчитано на четырнадцать тысяч человек и что только что полиция закрыла дальнейший допуск во все залы из-за их переполнения.

В главной зале, где говорил И. А. Ильин, собралось до 5000 человек. Перед оратором стоял микрофон, кото-

рый передавал речь как в главную залу, так и во все остальные, при посредстве громкоговорителей, чем достигалась ясная передача звука во все уголки грандиозного помещения, несмотря на то, что профессор Ильин, полубольной, не мог говорить громко.

Дисциплинированность собравшихся для нас, русских, чрезвычайно показательна — председатель заявил, что в силу благодарности профессору Ильину, который несмотря на болезнь все же согласился откликнуться на приглашение союза, присутствующим следует воздержаться от курения... и вся собравшаяся масса исполнила это предложение безропотно. Надо знать немецкого слушателя, чтобы понять, какого труда стоило ему это воздержание.

Но при всем этом грандиозная толпа не смогла себя сдержать в своем отношении к словам профессора Ильина — крики «верно», «очень верно», «слушайте» и бурные аплодисменты все время прерывали доклад, а появление оратора в залах, которые слушали речь, не видя самого выступающего, приветствовалось вставанием и бесконечными аплодисментами...

Председатель союза, ведший собрание, закончил его воззванием к присутствующим прислушаться к словам русского профессора, личным опытом познавшего бедствия своей Родины, и осознать повисшую над всей Европой опасность успеха борьбы против права собственности, — которая «сразу или постепенно, кроваво или без крови...» ведется по всему фронту коммунистического наступления.

В ближайшее время тот же союз организует поездки профессора Ильина по Германии с теми же докладами. Таким образом русский опыт будет всемерно использован и, надо надеяться, заставит германского собственника призадуматься над теми способами борьбы против мирового зла, которые пока упорно игнорируются правительственной властью страны.

Аэль.[73]

61

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<18.XI.1928>***

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Что это Вы выдумываете? Как могу я Вас забыть? Молчу — потому что очень грустно и больно на душе: Колокол умирает от безденежья и все может кончиться долгом в 1 1/2 тысячи марок, который останется на мне. Но долга я не боюсь: у меня есть друзья, которые выручат. А *духовно* — тяжело.

И еще молчу потому, что затрепан работой, которая для моего здоровья *почти не под силу*. Начиная с 13 августа (мое выступление в Герлице) меня заваливают зовами в большие и малые города Германии. Организации домовладельцев и кое-какие другие «буржуазные» союзы — хотят обличительных и ведущих слов. И вот — мыкаюсь, раздавая немцам те крепкие слова о частной собственности и правосознании, о волевой идее — которых повидимому не удастся высказать по-русски в Колоколе...

Бывает так, что в десять дней выступаю 9 раз. Аудитория редко исчисляется сотнями, чаще тысячами. Расходятся возбужденные, с горящими глазами. Самые заматерелые жировики и грузовики иногда поражают меня своей потрясенностью. Вчера вечером председатель ганноверского съезда выразился так, что «der Herr Professor wird durch ganz Deutschland gefeiert»[74].

Обличаю нещадно. Всюду требую, чтобы собрание имело полицейскую и добровольческую охрану от коммунистов. Выкриков на лекциях (враждебных возгласов) почти не бывает. Если бывают — даю суровую отповедь.

Знаю, что всем этим служу родине. А все-таки бесконечно грустно. Вспоминаю стихотворение Эйхендорфа

Was hast Du mich blank gerüstet
Wenn mein Volk mich nicht begehrt!?[75]

Дорогой! Я получил и Мэри и Яблочный Спас. Тогда же все проглотил в виде утешения. Ради Бога присылайте *все*, что есть или будет! Мне дорога каждая строчка Ваша — и письменная, и печатная (очень трясет вагон).

Прилагаю Вам отрывок из моей лекции на немецком языке. После немцы переспрашивают, записывают и списывают друг у друга название книги.

Обнимаю Вас. Берегите свое здоровье! Мы оба шлем привет всей Вашей семье.

Ваш И. И.

Адрес: Berlin W.
Wormser Str. 4 III bei Plöger

PS.

Поздравляю Вас с новой газетой Струве-Зайцева[76] «Россия и славянство» — еженедельная, в Париже. Им дали чехи 50 000 с условием — иметь не резкое, а мягкое, коалиционное лицо.

Вы хотите *нашей* газеты. Мне русские богачи не хотят даже на Р<усский> К<олокол> дать денег, когда нужно *300 марок в месяц*. А масоны русским масонам 1 000 000 франков в год дают на пустозвонный радикализм «Борьбы за Россию».

Подумайте, кто же даст на газету? 300 марок в месяц — 75 долларов. Неужели ни один американец не даст? Я продолжаю получать по Р<усскому> К<олоколу> трогательные и восторженные письма (между прочим, от Сикорских, знам<енитого> авиатора[77] и его жены; от ген. Адамовича[78] — директора кадетского корпуса; из Польши и др.) — а денег нет. Поступления *затягиваются* (от распространителей); посылают медленно из месяца в месяц — и получаемые суммы размазываются по месяцам на элем<ентарные> расходы (одному лицу, ведущему всю деловую машину и переписку — маленькое жалованье, почт. расходы, редакц. комната и т. д.). А на типографию ничего не остается. Никогда ни один идейный журнал не обходился без меценатства, с Герцена и кончая сегодняшней эмиграцией. — А я гибну, не сказав и 1/10 необходимого.

<Приписка:> Вы сами — русский Rossignol[79]!! Отсюда и улицу Бог Вам послал.

<Приписка:> Пишу в вагоне рано утром между двумя лекциями.

62

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<21.XI.1928>*

21 ноября 1928 г. 9, rue de Rossignols Sèvres (S. O)

Дорогой, друг, Иван Александрович,

Как великая радость — Ваше «пассажирское» письмо! Слава Вам, родной. Щекочите под шкурами, громите, будите, устрашайте! Великое делаете — для России, во имя Ее! Вы — единственный, и как же парит сердце мое, — не сказать. «Во тьме» — ибо вся Европа — во тьме (*сама* потушила Свет, довольно и электричества!). Вы верно идете с Вашим светильником, возженным Ею, — от Господа и страданий, — и русским гениальным Духом, Ее Душою — во имя Ее и Истины — пророчески гремите! Даже наше «Возр<ождение>» разродилось передовой статьей о Вас — «*Неутомимый Борец*»! Я вырезал статью (в 1-ой пол<овине> ноября была, числа 7 — 12-го), чтобы послать Вам, но кто-то ее спутал с бумажками (менажка[80]!) и д<олжно> б<ыть> сжег. Еще поищу. Но думаю, что кто-нибудь из париж<ских> или берл<инских> друзей послал уже Вам ее?! Если нет — я раздостану и пришлю. Великой хвалы статья. Да, Вы борец и — единственный. С Вами — Господь. Горько за Р<усский> К<олокол>. **Нельзя** кончать. И знаю — не кончите. **Нельзя**. Вы достанете денег. ***Теперь*** достанете. На Вас совсюду глядят. Правда, и совсюду косятся, — «каменщики» и «могильщики». Но... Вы *все* раздвинете!

Ах, как бы поговорить с Вами хотелось... — накипело в сердце. На днях, перед появл<ением> статьи, говорил с Гукас<овым>: что же проф. И. А. Ильин? Почему не зовете его? «Да вот... очень требования строгие... чтобы ни одного слова не менять! Мож<ет> получиться разнобой — мы в одном № так, а проф. Ильин — **так**!» — Имеет полное право — говорю, он — **сам**, он **ведет**, и имеет на это власть. Жаль, что такая сила вне «Возр<ждения>». Разг<овор> был случайный. И к<а>к я был счастлив, когда через неск<олько> дней читаю: «неутомимый борец»! Ох, Ив<ан> Ал<ександрович> — надо, надо, надо Вам быть в Возр<ождении>. Надо, чтобы Вы здесь жили, чтобы Вы

сумели взять «Возр<ождение>». Это *мое*, м. б. легкомысл<енное> мое — я ни с чем и ни с кем не считаюсь и *ничего* не знаю. Но это **надо**. На днях я буду выкладывать все свои pia desiderata[81] (и обиды личные от газеты, и обиды *обществу* от газеты!) и — или отойду, или будут внесены изменения. Дух М<аков-ско>го и гнилых питерск<их> «эстетов»-богоискателей и пенкоснимателей гноит газету. О, что приходилось вынести, да еще в болезни! — за лето. Теперь — бой. На днях. Поддержит ли братия?!

А пока посылаю Вам *последний* очерк «Царица Небесная», м. б. прощание с читателем. И — «Панораму» (7 окт. б<ыла> напечатана, вопреки воле Мак<овско>го, кот<оры>й имел наглость забраковать ее (1-й случай за мою 33 летн<юю> работу писателя!). Вот и о сем буду говорить. Да, нажимают и выжимают «враги». Но — погоди, мадам! Увидим...

Письмо Вам послал в конце сент<ября> — на Белградск<ий> Университет, Съезд рус. ученых, с просьбой передать Вам (дано В<аше> имя — M-r le professeur I. Ilyin). (Запросите лучше всего Союз русских журн<алистов> в Белграде, на имя Ксюнина[82], по адр<есу> Нов<ого> Врем<ени>. Очень жалею, если п<исьмо> пропало!) Затребуйте. Помню, с жаром писал, под впечатлением В<ашей> статьи — шедевра в Р<усском> К<олоколе>. Послал № Р<уского> К<олокола> Mrs Tatiana France-Dechtereva, Port Deposit, Maryland, U. S. A. Она, жена сенатора Joseph Irwin France'а, перевела мою «Чашу». Я просил перевести и дать в солидный филос<офско>-религ<иозный> журнал или большое *revue*[83]. Она — глубоко религиозная, умница, **святая**, (ей 21 год) дух<овная> дочь о. Сергия Булгакова. Он — миллионер, лет к 60, выставлял года 4 тому кандид<атуру> в президенты, но... увы, каж<ется> держит женку в еж<овых> рук<авицах> и не дает ей изливать миро в долларах на нужды эмиграции. А она многое бы сделала! И — ревнует ее ко всему. Но... все же дал предисл<овие> к моей книге, назвав ее духов<ным> посл<анием> к Америке. Что-то, по слов<ам> о. Сергия, трагическое в этой семейной жизни (повенчались лишь в ноябре 1927 г.). Послала она мне телегр<амму>, беспокоясь о моем здоровье —

а мы никогда др<уг> др<уга> и не видели! — и была б<ольшая> неприятность — писала мне ее мать. Так что я и писать туда перестал. Что с В<ашим> шедевром — не знаю.

Да, выписки из В<ашей> лекции (писали, что приложили) не нашел в письме. Да и не надо, я и так знаю, что сказали, чую. Спасибо. Скоро и французы будут читать. Plon[84] хочет провести С<олнце> М<ертвых> предварит<ельно> через L'Ami du Peuple[85], газету милл<ионера> Françis Coty, за 10 cent[86] — борется милл<ионер> со всей прессой и его газета уже теперь (а **началась** с мая) — 60 0000 экз. Сегодня я сам написал Coty. Тогда, говорит Plon, успех громкий. Не знаю, что выйдет. Мне нужно не мой успех, а — души полошить! Но вряд ли выйдет что. Книга же выйдет 15 янв.

Никак не могу взяться за работу — масса хлопот. Ну, слава Вам, силы и крепости!

Кланяемся с О<льгой> А<лександровной> — Наталии Николаевне, и Вас обнимаем, чудеснейший Витязь Русский, светлый Гений наш!

Крепко Ваш Ив. Шмелев

Благословляю молитвой Вас — хоть и не умею молится. Послал ли я Вам «Чашу» америк. издания?

63

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<конец декабря 1928>***[87]

Дорогой Иван Сергеевич!

Только что прочел Вашу статью об Айхенвальде в Возрождении[88]. Считаю себя повинным дать Вам к ней следующие комментарии.

1. Айхенвальд был убежден, что *Россия погибла*, что ее *больше нет* и что все предсказания и предчувствия о ней были фантазиями. Это он не раз высказывал устно.

2. Со свойственной ему ядовитой иронией он высказывал это и *письменно* — в статьях своих и газете «Сегодня». Еще полтора года тому назад редакция «Слова» прислала мне одну такую статью с издевкою над «пророчествами» Достоевского, прося меня отделать его до свежих веников. Статью эту и я, и Наталия Николаевна признали *гнусною*. Отделать его я, к сожалению, не мог,

заваленный колокольною работою. Эти антинациональные статьи его появлялись в Сегодня систематически.

3. К этому же времени относится его статья в Сегодня, в коей он, примыкая к Бердяеву и его низкой статье[89] в журнале «Путь» (против моей книги «О сопр<отивлении> злу силой»), горячо поддерживая выходки Бердяева против меня, добавлял к ним ряд собственных злобных и пакостных инсинуаций.

Так как он был достаточно умен и достаточно знал меня, чтобы знать, что лжет — то после этой статьи я в течение года *не подавал ему руки.*

4. Год тому назад он принял деятельное и злобное участие в травле только что появившегося «Русского Колокола». Жена моего деньгодателя, прочтя его злую и ироническую рецензию в Руле, — горько плакала о том, что «есть же предел человеческой несправедливости и злобе».

5. *Кого* он «вел»? — У него был здесь в Берлине кружок из пятнадцати антинационально настроенных еврейчиков. Их он «вел» к импрессионистическому смакованию *бывшей* литературы *бывшей* России. Помню, как в прошлом году я по ошибке вошел в *его* аудиторию и хотел начать свою лекцию; в ужасе я увидел перед собою — изумленно вытаращившуюся на меня толпу евреев, человек в 20, которые и объяснили мне мою ошибку.

6. Этим летом он прислал мне статью в сборник о Толстом (выйдет на нем<ецком> языке, труды Научного Института[90], сборник я редактирую). В статье этой было место (я оставил его) с возмутительной выходкой о христианстве. Но христианство было *не* названо; я не мог придраться и запротестовать; удрученный и отвращенный, я *оставил* это место.

7. *Куда* он «вел»? — К *непротивленчеству;* к *ликвидации* русской национальной государственности и к *безверию в Россию*; к *импрессионистическому слащавому* смакованию того, что ему *субъективно* нравилось в литературе; а потому — к критике *бездоказательной*, то *беспочвенно* сентиментальной, то *беспочвенно* злобной.

Прохвост Ходасевич был прав, написав еще в 1912 году критику на Айхенвальдовского «Пушкина» — «Сахарный Пушкин».

С 1923 года я болею душой оттого, что немцы в Берлине получают русскую литературу от этого антинационально-настроенного, чуждого русскости «псевдорусского» иудея.

8. Поучительно было, что, когда он умер, здешние «русские» синагогальные евреи (гессенцы и милюковцы) заявили, что он по вероисповеданию *иудей* и что они будут хоронить его по-своему. Им возразили, что он был прихожанином «евлогианского» прихода. Они ответили: «Если бы он был христианином, он не мог бы работать с нами *так, как он работал*, с нами и в наших организациях». Тогда было документально установлено, что он член прихода и — его похоронили, увы, на православном кладбище в Тегеле.

Это был человек достаточно сентиментальный, чтобы казаться добрым, будучи злым; и достаточно литературно-одаренный, чтобы выдать свое импрессионистическое безмыслие за эстетическую критику.

Ныне у нас эпоха *ответственная*. Мы должны говорить о мертвых *правду*. Смерть Айхенвальда не национальная утрата, а *форточка для свежего воздуха*. Лучше ничего, чем антинациональная лживость, прикрытая «л-ю-б-о-в-ь-ю» к России и русскому. Это была фигура *фальшивая* и *вредная*. И недаром, еще полгода тому назад, мне пришлось в его присутствии поднять вопрос о *моральной извращенности*, которою дышат все его постановки вопросов.

Он *не был русским*. Это главное. И дух его *предал* Россию. Это тоже главное.

И Вы можете себе представить, с каким тягостным чувством мы, Наталия Николаевна и я, читали написанный Вами канонизирующий его апофеоз...

Когда боль и огорчение от этого пройдет, я напишу Вам о делах и о себе.

Ваш И. Ильин.

1928.XII.25.
Berlin W.62.
Wormser Str. 4 III

Нет, нет! Слава Тебе Господи, с Айхенвальдом еще не «конец». И Россия *есть*, и ее литература *есть*, и «на ветер» она «не пошла» от смерти одного антинационального иудея. Избави нас Бог от таких «верных хранителей»!!...

1929

64

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<5.I.1929>*

23 дек. 1928 г./5 янв. 1929 г. 9, rue des Rossignols
Sèvres, S. et O.

Дорогой Иван Александрович,

И **Славный** наш, **наш**! Вот когда Вы — **извергнулись**! и — опалили. И я «умылся». Вам-то это легко, Вы всегда в огне, а каково мне под «опалой»! Да в такое время, когда я дал «бой» в собрании десяти от «Возр<ождения>» и весь порох выгорел! Я эти недели — подшибленный человек, а Вы мне — подкинули. Не могу возражать, **иссяк**. Вам известно то, что мне неизвестно (было). Я сердцем писал, от тоски, что талантливое уходит. Да, я не *всего* любил Айх<енваль>да — критика, но он выше и честнее многих других друзей литературы. Я и всплакнул. Кто и где критики? Или — Пушкино-веды-еды — кормленщики, или... «уж как весть вечерок». Бу-дут? Да, лет через 50. ***Есть***, да не про «нашу» честь. Вы вот были бы (и есть) **величайший** истолкователь, ибо Вы — глубоки и недренны до гениальности (Вы *не* знаете, чего стоит Ваша статья (!?) «О приятии міра»[1], ст<атья> еще в 5 или 4 № Колок<ола> с эпигр<афом> — «Постойте, наперед узнайте...»[2]), но Вы иному отдали себя, отдаете! Вот. Я поплакал — и душевно. Пусть еврей, но стоит десятка русских куцых «критиков»! Я ему все бы отпустил, если бы и знал вины его, за одно слово, когда он, каж<ется>, Мар<ию> Шкапскую[3] ахнул за ее стихи о смерти Царевича. Он ее поставил, стерву, на место! Айхенвальд был *честен*. И — несчастен. Да. Он вознес Гумилева[4] — и в стане убийц смело говорил. Он от *духа*, как и Вы, но я не смею и думать сопоставлять Вас, ибо Вы — Вы, только Вы, единственно.

Простите, если я, невольно, не все знал. Видите, я плакал, когда узнал о смерти. М. б. и — нервы. Я, наконец, 14-го декабря, добился собрания, чтобы прямо сказать о безобразиях и обидах писателям (мне, Амфит<еатрову>, Чирик<ову>[5] и др.), систематически на-

носившихся Маковским. Он мне дерзнул ***вернуть*** (!) «Панораму», расск<аз>, к<оторы>й был потом напечатан в том же Возр<ождении> (7 окт.). Он держал и терял в продолж<ении> мес<яца> мою ст<атью> Анри Барб<юс> и Росс<ийская> Кор<она>[6], и проч. (между проч<им> *изломал* заметку о Колоколе!). Гук<асов> вздумал смягчить мне «бой» и дал нам обед (неожид<анно>). Я, по режиму, не ел, но, извинившись, поднес после сладкого — горького! И — все, и дост<аточно> прямо, по 15 пунктам, всего коснулся. Благородней других были Гук<асов> и Сем<енов> (все на себя принявший!). Писатели... Бог с ними. Ну, за искл<ючением> Яблон<овского>[7] и Купр<ина>, котор<ый> плакался, выпив (!), вот — одни молчали, другие, друзья, выгораживали М<аковско>го, а Б. Зайцев имел гнусность заявить, что это «дело личное» и нам ***неудобно здесь*** заниматься им. Я ему прямо ск<азал>: с как<их> пор оскорбл<ение>, нанос<имое> писателю — для писателей — дело частное?! Тьфу! Ну, вот. М. б. продолжение будет. Гук<асов> мне сказал: будьте уверены, что все будет сделано, мы и т. д. Жду. Так вот, через 3 дня — смерть Айх<енвальда>, для которого «обида собрату-литер<атору>» никогда не была частн<ым> делом. Я возгорелся и написал. Не корите. Я был искренен. Не милостей же Айх<енвальда>-крит<ика> мне ждать?!

Со многими из В<аших> доводов, возможно, я соглашусь. Вам я верю. К лику Святых, **наших**, А<йхенваль>да не причислю. Но что он любил **императорскую** Россию — да, любил. Прекраснейшее в ней. А сколько было. Он, один, м. б. так чутко отличал мои книги, назыв<ал> их... Да, он меня оч<ень>-оч<ень> укреплял и моих читателей. Следов<ательно>, он и то<му>, чему я работаю душой и сердцем — тоже служил. В глазах и сердцах читателей! А вот что он говорил о Вашем «Противлении» — да, только теперь узнаю и — горюю. И о многом, чего не было мне изв<естно>. Но... не серчайте, дорогой И<ван> А<лександрович>, Вы над этим, как Mont-Blanc[8] над болотной кочкой. Вас не достать. Спасибо за вдохновенное, страстное письмо. Оно, как и все Ваши, вошло в мою сокровищницу.

Боже мой, извините меня! Как мне больно было читать: «Когда боль и огорчение от этого пройдет, я **напишу** Вам о делах и о себе»! Вы лишаете меня дыхания. Я так тосковал, в скорбях... я так мечтал-ждал: вот, придет письмо от Ивана Александровича! Ах, если бы Вы проникли в сердце мне! Такое одиночество, такая кровавая во мне рана — и пусть не заживает! Боль дает и острое утешение. Страдание — лишь бы плакать можно было бы! Меня иссушило, не плачу... но жду, вот заплачу и — легче будет. Теперь я, если без боли — совсем мертвец. Вот в таком-то, дерев<янном>, состоянии я был, когда получил В<аше> письмо.

Нет, дорогой И<ван> А<лександрович>. О себе напишите, о делах! Великое дело Вы делаете. Десятки тысяч читали о сем — в передов<ице> Возр<ождения>, и я гордился — радовался. И тоже радовались, хоть и без того знали и знают. Вам *надо* писать в Возр<ождении>. Если бы Вы были. После моей встряски, полагаю, гнусностей не будет или они убавятся. Я о Гулливере[9] высказался: зачем нам о сов<етской> лит<ературе> — тысячи пуст<ых> сказок? о похабщине?! Ходасевич лепетал, что нужно, ибо *очень* эмиграция люб<ит> читать сов<етскую> лит<ературу> — и надо ее разбирать и «карать». Обратная реклама, — сказал я. Нам и не о франц<узском> искусстве, нам надо то, что делает Колокол Ильина! Да!! Как меня удручил Б. Зайцев, тишайший! Не ждал.

Иван Александрович! Не оставляйте меня без слова Вашего. Оно — укрепление мое. Вы скажете доброе слово, ан я и расскажу чего, душа застонет и запоет. Послал ли я Вам Царицу Небесную? Да, я от Анаст<асия> Иерус<алимского>[10], которому Вы посвятили великую Вашу песнь Православию[11], получил на днях письмо (я его, Ан<астасия> не знаю и не знал). За Цар<ицу> Неб<есную> прислал мне благословение и доброе письмо, — оно меня растрогало. Напишу ему. И И. А. Бунин прислал, и Куприн, и многие. Это меня укрепило — все же недаром живу — томлюсь. Господи, пошли только терпения. И если Вы отвратите лицо свое от меня грешного, — мне в сверх-скорбь. Верьте слову.

Простите меня, Наталия Николаевна! Я — от простоты и больного сердца. Пу-сты-ня вокруг! Где-где только редкие огоньки. И при их скорбном свете не видно идущей жизни. А она идет — куда? Наша-то, горевая, российская-то? А идет. Свету, осветить надо **верно — куда** — и скоро ли? Я пробую кричать — на меня — цыц, истерик, одержимый! Так больш<инство> левых или евр<ейских> критиков. Правда, зло-душное загну́т по оторопь бывало, и после нее я еще менее взывал. Айх<енвальд> не кричал, не цыкал. Ну, будьте оба здоровы, крепки. С нов<ым> Годом. С Рождеством Христовым! Обнимаю и целую, родные, милые.

О<льга> А<лександровна> и Ивик кланяются. Мы почти всегда втроем.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> А америк. изд<ание> «Чаши» послал я Вам? с Б<ожией> Матерью.

<Приписка:> Дорогой Ив. А.! Пришлите, если можете, Ваш портрет. Послал ли я Вам мою карточку-откр<ытку>? Через неск<олько> дней выходит франц<узское> изд<ание> «Солнца М<ертвых>». У Plon, пер. Denis Roche.

65

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<6.I.1929>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Посылаю Вам вместо праздничного и новогоднего привета текст того заключительного места из моей публичной лекции, которым я заканчиваю лекцию в тех городах, где публика производит более интеллигентное и читающее впечатление. После этого обыкновенно приходят и переспрашивают точное название книги, хотя я повторяю его несколько раз с кафедры.

Доселе я выступал в следующих городах: Görlitz, Innsbruck, Gera, Berlin, Hamburg, Altona, Wandsbeck, Altrehlstädt, Kiel, Bremen, Hildesheim, Torgau, Nürnberg, Zittau, Hirschberg, Beuthen, Stettin, Erfurt.

Предстоит еще говорить в: Magdeburg, Brandenburg, Leipzig, Düsseldorf, Duisburg, Köln, Krefeld, Koblenz,

Elberfeld, Darmstadt, Karlsruhe, Halle, Königsberg, Kottbus, Neugersdorf.

С рядом других городов переговоры еще ведутся.

Душевно Вас обнимаю и прошу Вас не сердиться на меня за «айхенвальдовский комментарий». Что делать? На расстоянии можно и просмотреть гнойный процесс в живом теле...

Мы оба шлем привет и поздравление Ольге Александровне.

Ваш, как всегда И. И.

1929.I.6.
Berlin W. 62.
Wormser Str. 4 III

<Приложение:>

Die schlimmen Stunden und die schweren Zeiten, die man selbst unmittelbar nicht erlebt hat, ist es immer recht schwierig, ja fast unmöglich sich zur Gegebenheit zu bringen. Die Einbildung reicht nicht aus. Und mit abstraktem Denken ist hier sehr wenig auszumachen.

Wer aber den konkreten Prozess der Revolution, der bolschewistischen Herrschaft und der Enteignung sich vergegen wärtigen will, den bitte ich sehr das schildernde Buch eines genialen russischen Künstlers aufmerksam lesen zu wollen. Es ist gut verdeutscht und allen zugänglich; ein menschliches, ja, allgemein-menschliches Dokument allerersten Ranges.

Ich meine das Buch von Iwan Schmeljof «Die Sohne der Todten».

Jahrhunderte werden vergehen, aber dieses Werk wird seine Bedeutung nicht verlieren. Unmittelbar erlebt, tief empfunden, bis aus Ende durchgedacht, steht es einzigartig für sich da und schildert in erschütternder Weise den ungeheuren Geist einer gottlosen Zerstörung, einer zerstörender Gottlosigkeit. Und was daraus entsteht, und was vielleicht dem westeuropäischen Bürgertum noch bevorsteht — darüber lassen sie sich von diesem grossen Seher und Denker belehren und warnen[12]. —

66

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<9.I.1929>***

<Открытка с изображением великого князя Владимира Мономаха>

9 янв. 1929 г./ 27 дек. 1928 г.

Дорогой Иван Александрович,

Утешили, спасибо, от сердца отлегло.

Да будет Вам обоим сие новое Лето Господне благоприятное! Когда благовестите в Колокол? Потрясен «городами». Сеятель Вы славный. Господь да укрепит Вас! Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> И да пошлет Вам силу и крепость Мономахову!!!

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor I. Ilyin
Wormser Srt 4 III
bei Plöger
Berlin W.
Allemagne

67

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<16.I.1929>***[13]

Дорогой Иван Сергеевич!

Выплываем! Получил помощь, приступаю к набору седьмой книжки Р<усского> К<олокола>, свожу к самоокупаемости, нажимаю на шрифт, на бумагу, на тираж; но литературный объем и содержание оставляю прежние. Надеюсь стать на ноги. Утешен. И помощь из рук чистых, благородных и независимых — словом, как Лебядкин: «<благодарен> и независим»[14]. Обнимаю Вас! Открыточку получил, спасибо.

Ваш душевно, как всегда Пономарь Иоанн.

<1929.I.>16.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. I. S. Chméliof
9, rue des Rossignol
Sèvres (S. O.)
Frankreich-Nord. France.

68

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<22.I.1929>*

<Открытка>

22/9 I — 29 Севр

Дорогой Иван Александрович,

Рад за Вас, за нас. Даст Бог и дальше! Буду думать — послал бы Господь б<ыть> полезным. А Вы пройдете не только «скрозь всю Германию», а и — всю Европу! Накладывайте, сверлите мозги и душу, если она есть! Кланяюсь Н<аталии> Н<иколаевне> и Вам до земли, дорогие.

Ваш Ив. Шмелев.

Устал!

<Приписка:> Написал Арх<иепископу> Анастасию в Иерусал<им>.

Поддержите духовно мол<одого> пис<ателя> Зурова[15], он пришлет Вам книжки.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor I. Ilyin
Wormser Str. 4 III
Berlin W. 62
Allemagne

69

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<23.I.1929>*

23. I. 29. Севр

Дорогой Иван Александрович,

Только что пришел № «Слова»[16] — тут о Ваших подвигах в Германии[17] — во славу России, в поражение Дьявола.

Одна почт<енная> дама Елена Август<овна> Евдокимова[18] великими усилиями (из посл<едних> грошей!) добилась издания своей книги — новое слово России. Я не компетентен. Но что-то есть, живое.

Наши «богословы — политики», к коим она обращалась (Булг<аков>, Берд<яев>, Карт<ашев>) — скептич<ески> отнеслись, когда еще эта дама ходила по ним с рукоп<исью>. Я ее ободрил, но отказался от «резюме», — что я понимаю! — да и болел тогда. Сегодня она — ко мне: Вы один — русский, чуткий! — я сконфузился. Я

посоветовал ей послать книгу Вам. Я сказал: проф. Ильин — **особенный**. Он вникнет и скажет, что велит его ум и сердце. Мож<но> и написать в журнале. Не ругайте! Меня тронуло ее упорство — недоедала, а книгу выпустила. В ней — вера и нрав<ственная> сила.

Привет Вам и Наталии Николаевне.

Целую Вас.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Вашу выдержку из лекции[19] пошлю своей переводчице в Герм<анию> и издателю Фишеру. Можно?

70

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<19.II.1929>*

<Открытка> Севр

19 II — 29

Дорогой и славный наш Иван Александрович,

Комитет (Я, Купр<ин> и Зайц<ев> Б.), редакц<ионный>, по выпуску однодневной газеты «Рус<ский> Инвалид»[20] — ко дню Рус<ского> Инв<алида> (9/22 мая, д<ень> Св. Николая Чудотворца) поручил мне просить Вас — не отказать в помощи — дать — что заблагорассудится — стр<ок> на 100-150, или менее, — из Вашего великолепного Источника — Сердца. Ваше участие — светлое знамение, драгоценность для русских людей, особливо людей-героев. Дайте, чтобы я мог погордиться честью. Не дадите — удручите. Ваши слова — огонь, свет, елей на раны. Это — не слова. Вы дадите 20-50 строк, — и в них огромное, кк. всегда. Дорогой, не подведите, а то меня станут урекать. Низко кланяемся. Я даже имел дерзость пообещать предс<едателю> Всемир<ного> Союза Р<усских> В<оенных> Инв<алидов> — ген. Баратову[21], что — дадите. Срок крайний — *15 марта*, ибо газета должна быть готова к 1 апр., чтобы попасть в сам<ые> дал<екие> уголки Света — в Австр<алию>, на Яву и проч. Везде — *мы*. Б<удьте> добры послать, что соблаговолите, — мне, одному из редакторской группы.

Обнимаю Вас, низко кланяюсь Наталии Николаевне. Все еще не работаю. Душой разбился (и телом).

Ваш Ив. Шмелев.

<Адрес И. С. Шмелева:> M-r Iv. Chmélov,
9, rue des Rossignols,
Sèvres, S. O.

<Адрес И. А. Ильина:> Monsieur professeur I. Ilyin
Wormser Str, 4 III
bei Plöger
Berlin W. 62
Allemagne

71

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<12.III.1929>***

Милый и дорогой мой друг, Иван Сергеевич!

Я болен и боюсь, что надолго. Лекции утомили мне легкие; грипп накашляли на меня люди. С 25-го февраля у меня бронхит; и температура не только не падает, а склонна подниматься. Опасаюсь, что это возобновился катар верхушек. Не хочется даже и заглядывать в будущее при одной мысли об этом.

Посылаю Вам статью для Инвалида. Простите, что написано мало и карандашом. Трудно мне сейчас пишется.

28.II вышла седьмая книжка Русского Колокола и тогда же Вам послана. Но контора по ошибке отправила Вам на *прежний* севрский адрес и я боюсь, что она до Вас не дошла. Напишите, если не дошла, пришлю другую. Там Ваше письмо к кадетам. Откликнитесь поскорее: о Р<усском> К<олоколе>; и что статья дошла вовремя.

Нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы Возрождение *получше* отозвалось на седьмую книжку? Ведь Левитский[22] жвачку нажует...

Горячо обнимаю Вас и очень жду Вашего нового ***художества***: хочу истинного искусства, огня, утешения.

Зуров имеет талант; но мало *рассказывать*, надо чтобы было еще ***что̀ сказать***. А ему пока мало что есть *сказать*. Похвалы же преждевременные и *не* ***наставительные***, не критические, а *партийно белые* — только испортят его.

Нат<алия> Ник<олаевна> и я шлем Ольге Александровне и Вам братские приветы.

Ваш болящий раб Иоанн

1929.III.12.

72

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<3.IV.1929>***

3 IV 1929 г. *Севр*

Дорогой и любимый Иван Александрович,

Ваше письмо от 12/мрт. нашло меня больным, в проклятущем гриппе, и я не в силах был тот час написать Вам, поблагодарить за присыл «Подвига повиновения»[23]. А потом О<льга> А<лександровна> заболела, и был в тревоге, да и сейчас все катаплазмы ставим. И все у меня запуталось, и задолжался я всячески, — работой, гл. образом. Но помаленьку вхожу в форму. Меня тревожит Ваше здоровье. Пожалуйста, черкните хоть открытку. Если жар продолжается, непременно надо катаплазмы ставить, из отпаренной льняной муки на марле: положить на марлю (размер 50 × 50 см.) слой в два пальца или 1 1/2 льняного горячего теста, размер в вершк<ах> на 4 — 4 1/2 и покрыть марлей, — вот рисунок

50 см×50 см

	2-ая покр. перегиб	
Загиб вниз	тесто	Загиб вниз
	перегиб 1-ая покр.	

Покрываете горячее тесто 1-ой покрышкой (перегиб) и умяв ладонью, смачиваете горячей водой, чтобы маслилось. Сверху посыпаете *ровно* и тонко сухой горчицей, но не на очень горячее тесто, прикрытое 1-ой покрышкой, а как рука терпит, чтобы горчица не «умерла» от жара, т. е. не отдала **остроты** в воздух. Сейчас же покрываете горчи-

цу 2-м перегибом и подворачиваете прав<ый> и лев<ый> концы *под* тесто. И вот у Вас катаплазма, медленно и мяг<к>о действующий большой горчичник. Держать 20-25 мин. Можно его перекладывать 4 — 5 раз — и все действует, и горячий. Сверху укутываете подушкой или шалью. Ставить **кругом**. Рассасывание идет хорошо, — лучше, пожалуй, чем банки ставить. При гриппе, чтобы его прервать в начальной стадии, — уротропин 1 пор., аспирин — 1 пор. и горячий чай с ромом, лежать, сейчас вспотеете. Через 1/2 — опять то же, через 1/2 ч<аса> опять. Прервете! Но я надеюсь, что Вы поправитесь. Вам надо на лето отдохнуть, на юге. Вы слишком отдаете себя!

Ваш «Подвиг повин<овения>» — прекрасен. Я уже сдал его в газету. Так ярко, при краткости — метко — только Вы умеете.

Колокол № 7 получил и прочитал. Прекрасно все, что Вы даете. Статья о Метнере[24] — меня заинтересовала. Но она все же специальна при всей яркости и вдохновенности. Поражаюсь я Вашей разносторонности. Удивительна Ваша глубокая «Эстетика»! О, какой же в Вас художественный критик-аналитик, **учитель**! После Белинского (условное сравнение!!) я не знаю подобного явления в литературе. (продолж<ение> — см. 4[25])

Вы — *великий* художник. В Вас — сам Св. Дух глаголет. Нет, до чего же русский гений широк и щедр! Вы все еще не найдете «моря» для такого «корабля», как Вы, — **плавания**! Но оно придет. Вам — Океан нужен. Я жду Вашей большой работы об искусствах. Вы — *должны*, ибо Вы воистину **Учитель**.

Вы насытите. Вы поведете, хотя уже ведете. Но... все больше убеждаюсь, — простите! — что свой рычаг Вы подводите под ме́ньшие «камни», — и это горе, горе! Вам надо в *центре* действовать. Вы могли бы **вести** и будить массы и завоевывать их для святого дела, русского Дела. Вы должны бы быть руководителем воли и сил эмиграции *на виду*, ежедень, — и итоги были бы Вас, Ваших сил достойными. Для сего Вы должны бы (простите, но это мое страстное желание!) создать в Париже **свою** газету! Начать надо только, и повести дело так, чтобы газета первое полугодие прожила, — а там пойдет. Экономично

повести дело. Я обещаю Вам — все свои силы, мы найдем сотрудников по духу, *русских* действительно. И молодежь соберем, и «старых». Кликнем «мининский» клич на *свою*, русскую газету! Мы будем *зажигать*, будить русскую совесть, заклинать! Да, м. б. миллион фр<анков> понадобится. Надо найти их. «Возр<ождение>»... Вот — и деньги есть, и зря, зря... Какая сила пропадает. Хотя бы с маленького начать, на пробу! Тогда не миллион надо, а хотя бы с 200 тыс. Но это — мечты. Вы связаны работой с Германией, т. е. с житьем там. Но ведь там — в отнош<ении> к эмигр<ации> — глухой угол. Руль[26] едва жив. Я, скрепя сердце, вожусь еще с «Возр<ождением>». Если не видали моего посл<еднего> этюда — Чистый Понедельник[27] — пришлю вместе с «Ефимонами»[28], скоро б<удут> напечатаны. Там еще — Грибной рынок, Говенье, Благовещенье...

Посылаю Вам и Н<аталии> Н<иколаевне> — две книги — рус<скую> и фр<анцузскую> «Ист<орию> люб<овную>» — так, «для отдыха» писалось. Теперь в Capbr<eton`e>, куда едем после 29-30 апр., буду писать «Солдаты».

Очень хотелось бы повидаться, душу очистить в общении с Вами. Не будете ли сюда — и когда? Не проедете ли в Ланды? Вы писали о желании (стр. 6-ая на обор. 3.[29]), чтобы Возр<ождение> дало отзыв о № 7 Колокола. Я сказал Семенову, но было уже поздно: дан невнятный отзывок, кем-то... Я после **опыта** с № 2 уже не лезу. Если бы Вам ***все*** рассказать, как я громил газету в засед<ании> (обеденном!) 14 дек. в прис<утствии> всей редакции, с Гукасовым, и главных сотрудников, и ***как*** г.г. писатели меня «поддержали» — Вы бы плюнули и сказали — «ну, и (простите!) дерьмо же!» Тьфу!

Относительно Л. Зурова Вы правы. Надо иметь — **что** сказать. Пока нет у него. Но — бу-дет. Подрастет, Б<ог> даст.

Кланяюсь низко Наталии Николаевне. Всей семьей привет шлем.

Душевно, крепко Ваш Ив. Шмелев.

73

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<17.IV.1929>*

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за хорошее письмо и за книги. «Историю Любовную» мы читали, конечно, вслух (я читал). Несколько дней читали. Много было всего — и отдыха, и смеха, и умиления, и обсуждения. Хорошо! Чудесно! Все поет — заливается соловьями, и грустит, и страдает; и таким пронизано, насыщено внутренним юмором — что иногда отложишь книгу, чтобы насмеяться всласть, а иногда чувство *катарсиса* и смеяться *не позволяет*. А потом делается *страшно* — до задохнутия — это сгущение, эта трагедия, выросшая из лиро-эпоса! Ах, этот рок — сладостного страдания... И все у Вас еще прожжено *мыслью*, сгустками философическими всюду расшвырянною — но не Бунинским резонерством, а запрятано в складках образа, шевелится насмотренное, мудрое, в ризах его.

Ну, не скажешь все равно. Только, как кончили читать, даже скучно, пусто жить стало. А сегодня кричу Наталье Николаевне — «Ефимоны» напечатаны! И слышу радостный ответ ее — а-а-а!!

Трогательны были Ваши мне горчичники! Сохраню их для потомства... Но увы — они не помогут. Началось (на почве лекционного переутомления) с гриппа; а потом вот второй месяц врачи не могут ни дознаться, ни вылечить. В сущности пустяки: ничего не болит; только ежедневно температура поднимается; сначала — круглые сутки, а теперь только днем (утром и вечером уже упала). И эта пустяковая температура неизвестно от чего: в легких ничего не слышат; нагноение в гландах — давят, мажут, компрессы. И томительно ежедневно вымучивает из себя организм эти несколько десятых и голова бывает глупая. Надеюсь, что это не катар верхушек; а то — надолго.

Счастливый Вы — уедете себе на океан. А что с нами летом будет, еще неизвестно.

Обнимаю Вас и оба шлем привет. Поправилась ли Ольга Александровна?

Готовлю Р<усский> К<олокол> № 8.

Ваш И.

1929.IV.17
Berlin-Westend. Baden Allee I. bei Heinitz.

74

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<20.IV.1929>***
20 апреля 1929 г. *Севр*

Дорогой друг Иван Александрович,

Спасибо за радость, за Ваши слова об «Ист<ории> люб<овной>». Ну, Ходасевичам, которые дают километрич<еские> статьи о «помоях на эмигр<антскую> литературу» (книга «Panorama» русской литер<атуры>, фр<анцузское> изд<ательство> мальчишки Posener'a — fils (petit. Pose-nère)[30] — конечно, мои книги не нравятся. Ну, придет час, я коснусь этого вопроса, и не в связи с моим писаниями, Господь с ними, а — горько, горько, что нас выводит на показ жиденок, забежавший вперед (наши историки литер<атуры> не успели написать о нас!) и рекомендующий иностранцам Горького, а всю заруб<ежную> литературу взявший за скобки. К<а>к *0*[31]. До-жили! Я отделал в редакции г. Ходасевича публично и заявил протест редакции. Борюсь, но... братья-пис<атели> не поддерживают, а мухлюются тихонечко с врагами русского дела, лазеечки себе оставляют, дабы критики (а они б<ольшей> ч<астью> **сии**!) их не пыряли. Ну, а я... закусил удила и — к черту мне *эти* критики. Да не убоюсь! Кажется, начну сам писать кр<итические> статьи и уже даю одну о книге К. Попова[32], г.г. Офицеры, на днях прочтете[33] (ее пока засолил М<аковс>кий, но я уже вчера произвел скандал у Гук<асова> — будут дела!) Там я кое-чего коснулся. Но это лишь песенка. Песня будет впереди. Дай Бог сил! Удручен, что ни откуда — поддержки. Я Вам писал уже о собр<ании> 14 дек., где я разделал под-орех всю компанию Мак<овский>+Ходас<евич>+Вейдле (?), Берберянок[34], и проч. нечисть. *До* сего Ходасевич расхваливал Ист<орию> Люб<овную>, сам назвался ст<атью> писать. А *после* разделки говорит, что... конец его разочаровал и он

боится, как бы я не дал ему «свечу» за статью. Я ему сказал, что — не хочу, чтобы Вы писали и даже если бы упоминали мое имя! — пока не выгонят Мак<овско>го, все будет скверно. А подло то, что наша эмиграция поддерживает вражеские органы — П<оследние> Нов<ости>[35]. Да! И<ван> А<лександрович>! Вы сумеете, пробудите же в молодежи во-лю — даже в мелочах бороться за **свое**. Ведь революцию *мы* делали грошами и полтинниками, **жертвуя**! «Солдаты» наши, не вдумываясь, дают полтинники врагу. Враг имеет тираж в 31 000 экз. Возр<ождение>, правда, с недостатками, — но и с силами же! — 22-24. Не могу извинить Бунину: ведь это же все равно, что перебежать к врагу, из лагеря, предать лагерь! Мы же — в походе! Во имя *чего*? Ну, ушел из Возр<ождения> — и многие ушли, но не пошли же в лагерь к Иуде. Ото всего тошнит. Я знаю — наживаю врагов, но теперь я, слава Богу, получше себя чувствую, боли прошли, я хо-чу писать и пишу — и буду биться. Молодежь начинает организовываться. К Вам направляю, на днях дам статью о них, по их просьбе. Все больше вижу «жадных» глаз и душ. Оказыв<ается>, мое письмо в Колоколе[36] им по душе пришлось, и вот, обращаются: Напишите воззвание, по случаю объединения (в Белграде возникла мысль созвать представ<ительство> нац<ионально> мысл<ящей> молодежи) (исходит воззвание из Союза Галлип<олийцев> от организ<ационного> бюро, обращайтесь mr. Grigorieff, 81, rue Mademoisille, Paris, 15). Боюсь, нет ли и здесь «Треста»[37]? Помните — Неандер[38] — в студенч<еской> молодежи? Но совесть не позволяет не отозваться. — Кажется мне, что надо придать «Колоколу» **боевой** характер, чтобы вызвать грызь со стор<оны> левых. Чтобы — шумел Колокол. Поднимать **острые** вопросы. Я хочу — о литературе, к<а>к нас помоями обливают. Но — о себе... — невозможно говорить. Хотя... — ? Не о себе, о **своем**, нашем.

Вот, еще пример, посмотрите: в «Сегодня», риж<ская> газ<ета>, ред<акция> еврейская, в № 105, от 17 апр., среда, сообщ<ено> как директор департ<амента> прусск<ого> м<и>н<истерства> вн<утренних> д<ел> др. Барт праздновал «Пурим»[39] на Цеппеллине, когда он ле-

тел над Палестиной. Да. И молился, и ел **свою** пищу. И корресп<ондент> Foss. Zeit.[40] др. Вейель пришел в кабинку Барта и др<угих> пасс<ажиров>-евр<еев> и — вместе молились, пили свящ<енное> вино «Кермель» и угощали пассажиров, и др. экипаж с ост<альными> пасс<ажирами> поздравляли их. Читалась «история Пурима» и Цепп<еллин> стал синагогой... в воздухе! «Цеппел<лин>», пролетая над Тель-Авивом, *сбросил* вниз традиц<ионное> евр<ейское> приветствие. Тут Пурим! Вот-с. Это — работа, это храброе проявление **своего**. А мы — мы всего стыдимся. Мы боимся **нашего**. Хотите, напишу статью, в связи с **этим**?

Драть будут? И главное — Пурим — праздник-истребление (и по-длое!) врагов, подобное истреблению русской молодежи — офицеров. У нас должен быть свой, только обратный — Пурим — траурный, с плачем и — **памятью**!! По-мни... по-мни!... Драть будут, а? Пусть. Но в связи с этим я мог бы еще писать о том, как мы *не* умеем бороться, как не умеем хранить **свое**! Как *не* хранили. А? Драть будут?.. Плевать. Наши правые все покупают Посл<едние> Нов<ости> — *что* это? Какая сопливость.

Одновременно с В<ашим> письмом получил п<исьмо>мо от редактора Соф<ийской> газ<еты> «Голос» — Волошина, Глеба Фед<оровича>[41], офицера двух войн. Будто плакал и радов<ался> над Ист<орией> Люб<овной>. «Россию волей будите»! Душу — юной делаете. Правда? Но вот что — *главное*.

Га-дость. С Вами и со мной сделали гадость. Вы все поймете из прилагаемого текста письма А. А. Яблон<овскому>. Ответа *пока* нет. Сегодня загнал еще п<ись>мо. Жду. Уже громил вчера перед Сем<еновым> и Гук<асовым> — М<аковско>го. До сих пор не печатают мою ст<атью> об г.г. офицерах, а о кн<иге> Булгакова[42], о *сов. фильме* «Грешная деревня», о кн<иге> фр<анцуза> Грина — есть. Гук<асов> — был возмущен. И С<емено>в. Но *мало* сего. Сегодня в статейке И. Л. (Ив. Лукаш) **пропущено** в перечне уч<астников> Р<усского> Инв<алида> Ваше имя, имя того, кто так говорил о *герое*, кто воспел героя! Дон-Ам<инадо>[43] есть, как же, и все «микробы» есть, а Вас — **изъяли**. Это мне, мне, ос-

корбление *мне*! Сейчас послал Лукашу запрос. Думаю, что Л<укаш>-то м. б. и не виноват, а **кто-то**, в ред<акции>, выхерил. Я дознаюсь. И тогда я получу еще оч. важный мотив, чтобы плюнуть в рожу, кому следует и — м. б. уйти!

Господь дает сил. Я написал за 6 недель — 5 очерков. Пойдут еще Постный рынок (Кремль)[44] и «Благовещение»[45] (для Св. Пасхи). У меня еще — 25 очерков впереди! Оставлю молодым — о нашем, светлом, — хоть кусочек **неба**.

А Зуров Леонид — **трижды** был ранен. И его — **«изъяли»**! *Есть* среди нас где-то подлая рука. Вы не посмеетесь, что я дон-кихотствую: я лишь цепляюсь за **реальную** правдочку, хоть бы ее удержать! И в лакее вижу — лакея, в гадине — гадину, в подлеце — подлеца. И хочу, чтобы не притворялись **иные** — Дон-Кишотами! Притворяется — и перья в свое гнездо таскает!

Увы, 1-го должен съезжать в Capbreton, хозяева въезжают. (Да, нашел начатое письмо, и потому херю выше[46]!) О, приезжайте в Capbreton! Надо, так надо бы поговорить о многом, чего не упишешь. Кланяемся дорогой Н<аталии> Н<иколаевне> и Вам. Обнимаю Вас. Я знаю, Вы-то, может, за *все* поганое не обидетесь, а я, я, я оскорблен за Вас, до боли в сердце.

Ваш, кем-то преданный Ив. Шмелев.

<На последней странице письма сверху зачеркнуто начало другого письма к И. А. Ильину:>

26 IV 1929 *Севр*

Дорогой и беспредельный для меня друг, Иван Александрович,

У меня голова идет кругом — не помню, послал ли я Вам на днях, от 21-го, кажется, письмо, где пишу, что сделали в Ред<акционном> Ком<итете>, пользуясь, что я *не мог* быть на посл. заседании, с Вашей славной речью — «Дар Повиновения» — загнали на 8-ю стр.

<Приписка:> Столько хлопот перед отъездом! Сл<ава> Богу, хожу твердо и хочу, до муки хочу писать!! Ем levures vitae. Bene![47]

<Приложение, письмо А. А. Яблоновскому:>

20 апр. Севр

Дорогой Александр Александрович,

Видел № Рус<ского> Инв<алида> ....

А теперь — уж простите — несколько недоумения, в частном порядке — посетую. Мне было поручено Ком<итето>м (на I-м засед<ании> Вас не было) просить об участии — проф. И. А. Ильина и — предложение А. И. Куприна, которое я и прочие поддержали, — Леонида Зурова, молод<ого> талантл<ивого> писателя, уча<с>тника гр<ажданской> войны, кадетом-юношей, и, если не ошибаюсь, отдавшего и часть своей крови за Родину (проверено: трижды ранен!). Его этюд — и, с моей т<очки> зр<ения>, **стоящий**, — **не** прошел в газете для Инвалидов и борцов (а я ведь просил Зурова прислать!). Зато **прошел** тот, кто не имел ни малейшего права проходить через святую страницу во имя русского инвалида — Дон-Аминадо. Не потому я говорю так, что он — «дон», а потому, что он автор «Кощеева хруста», стишенков, где позорил Россию, ее историю, весь русский народ. Этот его стих по-мнят — и хорошо помнят! — сражавшиеся за Россию; потому, что он столько раз издевался в «Посл<едних> Нов<остях>» над многим-многим, — если не над всем! — что свято-дорого нам всем; русским не только по имени; потому, что он дал «ни к селу — ни к городу», дал старье, всем веселым читателям «Посл. Нов<остей>» знакомое, — это, просто, швырок! Уверен, что участие Дон-Ам<инадо> глубоко возмутит не только инвалидов... — а уж как мы терпимы! — от врагов Христовых не надо бы никакой «прелести»! прибыли! — **Как** он мог пролезть в «Инвалид», он, которому, конечно, ба-а-льшое наплевать на всех и русских, и инвалидов... как мог попасть — эта лопата дегтя в бочку медка?! Недостоин он чести, а если для него это не честь, то он, просто, еще раз насмеялся, выбросив свои стишки о «апрельской любовишке»! Нате вот, инвалиды, про ... «хорошо любить в апреле»! «Дону» все хорошо — и в икону плюнуть, — а он «плевал» по поводу открытия иконы Б<ожьей> М<атери> — в Шавиле, каж<ется> — и плевал в своих «распоследних», как и в Вождя плевал... Что он насмеял-

ся — это мое твердое убеждение. **Этому** господину место в Инв<алиде> нашлось, герою же — **не** нашлось.

И еще, уж извините, — но куда же пра-вду-то деть?! Я Вас — и лично! — просил, когда привез Вам 1 апреля — ! — для меня действительно получилась горькая шутка! — просил уделить проф. Ильину, которому дорого дело русское и который дорог для русского дела, — видное место в газете. Вы обещали. Его загнали на 8-ю стр., за «рощу» загнали, да, за Рощина загнали! За «дон» — загнали! Вот это — так-ува-жили за заслуги! «Дона» уважили, за «заслуги», а бойца-то нашего у... мазали! Случайность ли это все, или... — ??! И **кто так** загнал и загонял?! А я, опять-таки я вырвал нужное и важное слово у И. А. Ильина, больного, и я просил, ведь, Вас... И вот мне придется писать и Ильину про свою досаду — он-то, может, и не взыщет, а читатель за него оскорбится! — и Зурову писать об обиде ему. Что я им скажу? И что за несчастные мы, что за раз-неудачники, русская дерюжка! Ка-ак только родное и святое дело, так сам бес, — именно — бес, а не черт, ибо черт не так гнусно-верток! — ввернется и все перемутит! Не иначе, и тут кто-то *влез*, несмотря на Ваши чувства святые, несмотря на все наше доброе хотение — чтобы было до-бро. Право, надо, очевидно, перед всяким нашим добрым делом служить молебен и кропить **все** св<ятой> водой. Меня это очень ударило.

Что я напишу тем, кого просил от имени К<омите>та? и что я, как один из участников в составлении, скажу на недоуменные — а они дол<жны> быть! — вопросы инвалидов и героев? За-чем, при чем тут — Дон-Ам<инадо>? Очень прошу вернуть мне рукопись Л. Зурова: я должен извиниться перед юношей-солдатом, который — увы — должен был отступить или, вернее, которого **заставили** отступить перед веселым Доном — ! — Вот, юмористика! только от такой юмористики плакать хочется. И, притом, Зуров-то — Божьей милостью талант!

П. С. Не могу себе простить, что не был на посл<еднем> заседании ред<акционного> К<омите>та: был захвачен работой.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Проф. И. А. Ильину и Генералу Н. Н. Баратову, в ***частном порядке*** для очищения совести.

<Приписка:> *Копия* — Баратову! и проф. И. А. Ильину.

Можете сохранить в делах Союза Инв<алидов>. Это и «матерьял» для истории эмиграции!

<Приложение, письмо генералу Н. Н. Баратову:>

20 апр. 1929 г. Ген. Баратову. Севр

Дорогой Николай Николаевич,

Я очень обескуражен. Сил нет писать обо всем, и потому позволю себе сообщить Вам — в интимном порядке — копию письма, отправленного одновременно А. А. Яблоновскому. Дозу вины принимаю на себя: почему я не был на посл<еднем> заседании Комитета?!

Каюсь, виноват. Хоть повинную голову меч не сечет, но... совесть меня терзает.

Ваш, преданный (и — пре-данный кем-то,)
Ив. Шмелев.

75

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<2.VII.1929>***

<Открытка>

2 VII 29 г. Capbreton s/mer Landes

Дорогой Иван Александрович,

Почто забыли обиженного всячески судьбой и ... бр бр ... писателями-«возрожденцами» и даже прочими (?!!). Здоровы ли?

А я ро-ман пишу — «Солдаты», освобожденный от моих «Праздников», — негде их печатать и посему — бросил, а у меня еще до 25 очерков бы!.. Думаю издать **написанное** — «Лето Господне Благоприятное». Кн<игу> Кол<окола> получил, читал, к<а>к всегда, с б<ольшим> интересом. Бедую. Привет Н<аталии> Н<иколаевне> и Вам.

Ваши Шмели.

(Сколько было гадости за эти 1/2 г. — тошнит!)
<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor I. Ilyin
Wormser Str. 4 III
Berlin W. 62
Allemagne

76

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<10.VII.1929>***

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Молчал долго я, очень затрепался. Отъезд наш затянулся, и только завтра 11 июля трогаемся с места, месяца на три, имея визы — французскую, швейцарскую и итальянскую. Сначала хотим посидеть месяц в Эльзасе, в Париж не поедем. Оба чувствуем себя очень утомленными, а отдыха пожалуй не будет. Так уж не до Парижев.

Рад был Вашей открытке, знаю, что эпистолярно не заслужил ее. Но счастлив, что Вы пишете! Творите, дорогой, и если материально возможно — то наплюйте на газеты. Возрождение идет все дальше вниз. Вот уж и Рысс[48] (ein Riss in der Zeitung[49]); рысс рыскает по страницам, что может «возродиться» от этого? Если можете, друг, живите *главным по главному* — ведь в этом смысл человека и всей истории.

О себе и своих затеях и о Р<усском> К<олоколе> напишу позднее. Получили ли Вы № 8? Странный Ваш адрес: «Capbreton, Landes»... А где же Алуэтка или Калибришка[50]? Не без «вил» же Вы там проветриваетесь? Небось у моря вся «вода вилами исписана»... Но мне ведь не спорить с Вами, — скрываете виллу и Бог с Вами. А № 8 послали Вам на соловьиную улицу в царство фарфора[51].

Обнимаю Вас. На лето взял с собою «Историю Любовную» — буду еще раз витать.

Ваш Пономарь с колокольни Иоанна Предтечи.

29.VII.10.

Адрес пока:

Strassbourg. Poste Centrale. Poste restante.

77

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<15.VII.1929>***
<Открытка>
15/2 июля 29 г. Capbreton (Landes)
Villa «Riant-Sèjour».

Ах, дорогой И. А., спасибо — вспомнили! Но как же Вашего слова, удивит<ельно>го всегда, радостно овевающего душу — жажду! Что́ — Эльзас, зачем?! *Италия*, да, интересно ***теперь***. Послушать бы Вас в Ландах... Но душа Ваша во́льная— душа поэта, — Вы лучший из поэтов, да, и — умнейший, мудрейший из всей эмиграции, из всей нашей интелл<игенции>. Пою акафист? Хотел бы ...

Поклоны Н<аталии> Н<иколаевне> и Вам, дор<огой>.

Ив. Шмелев.

<Приписка над текстом:> Страсбургские пирожки?![52]

78

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<2.VIII.1929>***
2 августа 1929 г.

Милый мой и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за милый привет на открытке. Мы выбрали Эльзас, как страну, лежащую по дороге в Швейцарию и Италию и имеющую в то же время более дешевую валюту. Вот и все. Держали же путь сюда по рейнским соборам — истинные чудеса средневекового богосозерцания!..

Здесь вышло все неудачно. По дороге я схватил бурный грипп с температурой, выбирать было некогда, пришлось осесть в первой же дырке и взять единственную комнату. Мансарда — темп<ература> 40° R *в тени* — дорого — грипп и 24 часа в сутки обливного пота. Так шло с неделю. Потом стало холодно и сыро. Грипп я переболел — но от пребывания здесь осталось впечатление кошмара. Этот кошмар усугубился вследствие той работы, которую я веду вот уже 4 месяца. Изучаю для нем<ецкого> сборника (под моей редакцией — разоблачение дьявола!) — большевицкие материалы — книги,

статьи, экономика и м<ежду> проч<им> стенограф<ические> отчеты комм<унистических> съездов; и газеты ихние. У меня бывает так, что весь день ходишь с невыплаканными рыданиями в горле: ***чтó*** сделали и еще делают над Россией!!

И *нет* просвета, кроме только милости Божией!.. Эта неописуемая гнусность, которая льется тебе в душу *из* Родины, *от* Родины — и с которой в изучении художественно отождествляешься. Поистине — кто эту «литературу» сам не читает, тот и тактику борьбы не может наметить; да и представляешь себе абстрактно — все иначе!

Дорогой мой! Пишите, пишите, сколько только Бог силы даст — стройте Россию вечную и будущую... И Боже мой, как я был бы счастлив выплакаться у Вас за столом, рассказывая Вам эти ранящие душу мерзости!...

Кажется — солнца нет, и травы поблекли, и цветы не расцветут — а я всю жизнь буду читать про адовы пакости и глотать слезы...

Обнимаю Вас.

Ваш И. И.

Адрес: Suisse. Lausanne. Poste restante.

79

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<15.VIII.1929>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

И дернуло же Вас написать, что «я — поэт». За что же, не боясь греха?!... Ну вот — и расхлебывайте, как знаете... Я немедленно «вообразил». Вообразил, что я поэт; и из меня *поперло*. Правда, не первый раз в жизни; но я до сих пор думал всегда, что это не более, чем «праздность поносная» (Пушкин) и всегда казнил сочиненное на ногте. А теперь — пожалуйте! И все — *Вы*: «*поэт*» — «поэт». Но *поэтому* и получайте!

Только Бальмонту не показывайте, а то он подумает, что я подумал, что я — минимум Бенедиктов[53], а то и целая Маришка Цветаева[54].

Предупреждаю, впрочем, что это не лучшее у меня. Это — так себе, ошурки, охлопки, осадки и озадки. Я могу сочинять совсем как:

a) Вячеслав Иванов[55]
b) Игорь Северянин[56]
c) Анна Ахматова[57] —
d) — и как некоторые другие.

Впрочем, если не хотите — не верьте.
Обнимаю Вас, мой сопоэт!

Ваш Измус.

Адрес:
Suisse. Canton Vaud.
Vers-ches-les-Blanes. Pension Barraud.
1929.VIII.15.
Скоро напишу деловое.

Бабы

«Исполать тебе, жизнь, баба старая»
граф А. К. Толстой[58]

Две толстые бабы,
Поправиться дабы,
Покинувши дебри,
Устроились в Шебре; —
Чтоб выдержать стиль,
В отеле Сесиль,
С балконом, и даже
На третьем этаже.
И вот — каждый вечер
Ненужные речи
У тонкой стены
Мы слушать должны...
А станет смеркаться, —
Трубою сморкаться
(Свирепой валторной,
Повторной, задорной)
Начнут обе бабы —
Поправиться дабы...

———

Взрывом, взрывом,
С перерывом
С неожиданным надрывом —
Хвать!

Двинут, двинут,
И застынут...
Переждут,
Понадкопят, принажмут —
И опять:
Ревом, рокотом, тромбоном,
С хлюпом, с хрюком и подстоном —
Продвигать
Начинают свою сырость
В захлебнувшуюся дырость!..

О, толстые бабы!
Умолкните, дабы
Нам слышать молчанье далекое гор,
И тихой волною
Уплыть с тишиною
Туда, где блаженно витает наш взор!...

Женевское озеро,
Шебр, отель Сесиль, третий этаж (без балкона).
Август, 1929.

80

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<20.VIII.1929>***

20 августа — 7-го — 1929 г. Capbreton s/mer (Landes)

Дорогой Иван Александрович,

Итак, Вы — швейцарите, кушаете шв<ейцарский> сыр, любуетесь швейцарами (там все — шв<ейца>ры!), шевеля в жилеточн<ом> кармашке поминутно, покупаете «красоту» в аптечных дозах (на все, ведь, там такса?) и даже стихами записали: вот до чего **успокоила** Вас эта швейцарская! Снеговые высоты и — бабы в насморке! Эти «бабы», увы — повсюду. Этот «насморк» — знамение времени сопливого, хрипучего, подлого, вонючего времени. Я слышу его, этот «всхлип» даже в глуховатых еще лесах здешних. Авто и «бабы» наперебой стараются. Чудовищная окрошка: величие дерзаний в технике, (подгоняет жажда — «баб», т. е. славы земной, деньги, роскошной жизни) и сопливость в политике, конюшня и

стойло человечье, всеобщий «насморк» во всем. И это, думается, к выгоде будущей России, к<отор>ая не должна быть с насморком. Уче-ба, и — ка-ка-я!.. Если кулачишко Сноудена[59] переполошил «отдыхающих», то как же не переполошит и не поставит по-своему будущий **кулак** (и духовный — волевой) будущей России! Только бы поскорей.

А написали Вы здорово! Так здорово, что Б<альмон>т голову повесил. У Вас и в шутке всегда **зерно**, всегда мысль. А здесь — «злая». Отдыхая — постреливайте. Я рад, что Вы укрепляетесь (хоть Вы и, болея, сильны!).

Здесь у нас — русская колония: генералы, профессора, доктора, балерины, скауты, поэты... Можно создать генер<альный> штаб, полк, балет, клинику, акад<емию> изящ<ной> слов<есности>... Всегда теперь — в людях. И Ваши стихи читал-с в окружении профессора, генерала (Суворова!)[60], Бальмонта... Вызвали восторг (Б<альмон>т поник). И тут генер<ал> вспоминал, как Вы громили на Заруб<ежном> Съезде[61]. «Вот **единственный** умница, вот — пример всем!» — сказал генерал, и мы пропели хором.

Здоровейте, дорогой. Я чую, что Вы в добром духе, — дышите!

А я — пусту́ю во вс<ех> отн<ошениях>. Чтобы оконч<ательно> не очертеть себе, ловлю с Н. К. Кульманом[62] рыбку (он — стр<астный> рыб<ак> и посему просил у Вас очерочки по сборнику). Ваше предыд<ущее> письмо меня очень всколыхнуло (как это — обрадовало, что отдыхаете). Понимаю В<ашу> душу, куда стекает вся грязь, вонь и кровь с подлых страниц советских. Но Вы все **отмоете**. Господи, с Иверской — так, и народ молчит...[63] «Накопление» или ... — безразличие? Накручивается, или — лопнула пружина? Спит **пружина**, ибо для пружины нужен **завод**. Когда же придет заводчик? Где **ключ**?.. Вошь и паук заполонили механизм, тля и ржа. Могут **все** источить. До предела дошло. Мужика точат, а над еврейск<ими> колониями *шефство* вводят! И это — русские подлецы, с Москвы (рабочие!). И тут у жида в покорности. Это уже не «хитрость», а сопля. Сифилитич<еский> насморк съедает родину.

А любопытно воспом<инания> А. Белого[64] (гнуса) в Руле, от 18 авг. (пошлю В<ам> №), о профессуре М<осковского> У<ниверситета>. Сколь много верного. Ко-гда еще я по этому *верному* чуть вообще прошелся в «Человеке из ресторана», имен не называя. И думаю, что мой лакей Скороходов еще в 1910 г. сказывал много верного. Но любопытна в том же № и передовая! Прочтите, дорогой. Что с «Колоколом»?

Иван Александрович, милый! Надо газету, надо. **Надо настоящую русскую** газету. Все бы силы отдал! Боевую! И — **знаю** — будет влиять, вырастет, ***все покроет***. Были бы деньги...! А пока я — не у дел, нет охоты писать, чтобы складывать. М. б. и **устал** от боев с помойкой. Нет, не устал: а солнце манит, и дух шепчет во мне — **придет**!

Пришлите еще стихов!! И я Вам, ей-ей, пришлю. Письмо стихами пришлю.

Чудесно здесь, несм<отря> на «колонию» и ревы авто. Я в лесном углу, у речки, русской почти. Сейчас с Н. К. Кульм<аном> рыбку пойдем ловить, посидеть в тиши.

Приехал К<ульман> с женой на 2 недели, сняли хор<ошие> комн<аты>, недорого, и так им пришлось здесь по душе, что думают и не ехать в Роая, а побыть сентябрь. И на буд<ущий> год замахиваются. И генералам нравится (Головину[65] и Сув<орову>). Сол<нце> Мер<твых> на фр<анцузском> идет недурно. Здесь мне пришлось дать автогр<аф> какому-то prince de Bourbon[66] даже. Дай Бог. Был у меня молодой проф<ессор>-швед, и мы с ним отодрали в беседе и большев<иков>, и жидов. Он — **знает** и тех, и др. Эх, угостил бы и Вас с Натальей Ник<олаевной> томатами американца! Ну и томаты. И я их могу есть, сл<ава> Богу, окреп, два мес. никаких болей, — пока!

Чудесные стихи, — еще! Это — летние. Но у Вас какие же **зимние** могут быть!!!

Эх, дорогой, — Вы не всего себя знаете. Вам надо **вести** (и Вы поведете) всю буд<ущую> русскую интеллигенцию. И народ Вас восчувствует. Вам не по немецкому морю плавать, «...вниз да по матушке по Волге, по морю Хвалынскому, по Морю-Окияну Студеному и даже... до после-дних ... земли — и — и!...»

Гип — гип — урра!

Кланяемся дорогой душе Вашей — Наталии Николаевне. А Вас я братски — вечно и неизменно обнимаю и повторяю:

шире развертывайте дорогу слову своему — великому русскому чувству — мысли — грозе и пламени очищающему!

А пока — всматривайтесь в вершины: на них много написано для ищущего духа. И как Вы это знаете! И — верю — читаете «à livre ouvert»[67].

Ваш послушник, Отче, — Ив. Шмелев.

81

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<23.VIII.1929>*

Иван Сергеевич, дорогой, коварный!

Как же Вы посмели? Ведь я же Вам *строжайше* запретил читать мои грехи К. Д. Бальмонту! Это с Вашей стороны «коварство», а не «любовь», накажи Вас Шиллер!

За это Вам не будет никаких «зимних», а извольте читать Бальмонту летнее посланье и отвечать мне стихами.

Зачем ты, друг, мои стихи
Читал в присутствии Бальмонта?!
Ты огласил мои грехи!...
О, ужас маленькой блохи
Прыгнувшей вдруг до мастодонта!...
Так старый корабельный кок
В морях испытанный бродяга, —
Кому не страшен бездны рок,
Кто всех страшилищ видеть мог,
Кому давно сродни отвага, —
Плеснет (как ты, мои стихи),
Не глядя в недра горизонта
Остатки съеденной ухи
И всякой рыбьей требухи
На волны дремлющего понта...
И понт взревет...

* * *

Прости поэт! На твой алтарь
Попали брызги влаги мутной,
По воле прихоти минутной,
Грешащей ныне, как и встарь...
Но ты, как древле славный царь,
Негодованьем пробужденный,
Воспрянь и, гневом распаленный,
Воспой и умоли Творца,
Чтобы исправились сердца...*)

Вот, что бывает, когда дружеская рука обнажает или оглашает человеческие propudenda[68].

Спасибо Вам, чудесный друг, за чудесное письмо. Но не собирайтесь меня деморализовать, о vil flatteur![69] Вы думаете, что я и вправду Вам поверю и, как П. Б. Струве, начну при каждом неудобном случае цитировать «задняя моя»?! Нет, не на такого напали:

«За что же, не боясь греха,
Ванюшка хвалит Ванюха̀?
За то, что хвалит *он* Ванюшку»...

А я все-таки успел прочесть Историю Любовную во *второй* раз (взял ее с собой) и наверное прочту еще не раз. А почему? И какие впечатления?

Не скажу.

За Ваши каверзы.

Обнимаю Вас душевно.

Ваш Пономарь с колокольни
Иоанна Предтечи.

<Адрес:> Suisse. Canton Vaud.
Vers-chez-les-Blancs
Pension Barraud**)

1929.VIII кажется 23, а, впрочем, Сталин его знает!

---

*) примечание — т. е. чтобы я эдакого больше не сочинял, даже летом, а чтобы Иван Сергеевич эдакого больше вслюх не вычитывал, — окаянные!)

**) напрасно ругаете швейцаров: «здесь мальчики и девочки рвут цветы и бросают ими друг в друга».

И еще уведомляю: третьего дня в Женеве мне искололи всю глотку шприцем и выжгли обе гланды; остались одни охвостья; после этого я немедленно отбыл через Лозанну в Вершей-Леблан и теперь:

Истерзан пыткою рабов,
(Неистовством врачебной банды)
Жую остатками зубов
Чтоб проглотить остатком гланды...

О ДЕЛАХ ПОСЛЕ!

82

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<до 8.IX.1929>***

28 авг./1 сент. 1929 г.[70] Capbreton s/m (Landes)

Дорогой и славный «Пономарь»!
Кто видал у выпи — ус?

Зинаида Гиппи-ус!

Ввот! Бальмонт даже привскочил — «Вы?!» — А что вы из-под себя думаете?! — Но как же он был восхищен Ва-шими последн<ими> стихами (про кока и понт!)... — и про «мастодонта». Особ<енно>, про — мастодонта! Даже прослезился. «Иль<ин>, — говор<ит> — притворяется — «не умею ст<ихи> писать»... а сам... четкость-то какая!» Да, вчера за чаем веч<ерним> (ночным) — с куличом-с! — в присутствии совсем зарыбившегося Н. К. Кульмана (ох, и я рыбўю!) **огласил** я Ваш «звон». Да, — говорят, — та-лантливейший народ мы! — и посему выпили за В<аше> здоровье еще по... чашечке чаю. Но зачем Вы гланды даете рвать? Вы же знаете послед<ние> средства:

Коль **пышны** гланды —
Езжайте в Ланды!

Через две недели — никаких гланд! О, сколь благодетельна Природа здешняя! Сколь мягки нравы! Пейзаны[71] приветствуют вас при встречах, матери подымают от персей своих прелестных детей и, под тихий звон Angelus'а[72], благословляют Творца, посылающего дождь на скудные

нивы, и щедрых чужестранцев, шепча: <«> смотрите, дети, вот наш движимый revenu[73], окромя недвижимого» — и окидывают блаженным взором чудеснейшие сии окрестности (жиды (рус<ские>) здесь иногда говорят — «какие живописанные окружности!»). Под сенью лесной в благорастворенном и упоенном смолою воздухе — мириады сикад поют вечную песнь хвалы Господу, устрояющему все. О, дорогой друг, сколь дивно пребывание здесь усталому человеку — члену градского общества, убивающего тонкие и сладостные чувства! Воздух — амбра и благорастворение, земля — девственна, как в первые дни создания, Океян дышит негой и усладой, небо посылает мириады лучей небесных, как бы напоминая человеку о Божестве. О, невыразима вся сладость зде пребывания, и перо немеет от восторга, благословляя Творца всечасно...

Но... все имеет и оборотную сторону... как «поэт и — прозаик»:

Поэт:

Посмотри на скользящую низко
облаков серебристых гряду!...

Прозаик:

Хороши огурцы и редиска,
И... копчушки в Охотном Ряду! — Или:

Поэт:

Алым снегом оделись мимозы...
Начинается в море прибой —

Прозаик:

Потянулись к заставам «обозы»
И устал на посту гордовой... — Или:

Поэт:

Надо мной синева в бесконечности
Море **вечное** плещет у ног...

Проз<аик>:

Хорошо толковать вам о вечности —
У меня прохудился сапог.

А посему: невероятная тина на душе, при блеске солнца, на франц<узском> празднике-сезоне. Бедные мы — **все** утратили. Вот почему я часами сижу на милой лесной речушке и... ловлю пескарей. На-ши!... Ну, как две капли

воды. И от пескарей я уношусь за тысячи верст, за десятки годов — в минувшее... Пескари... И вот, сами превращены в пескарей, сами — на крючках, пеcка́рим по всей вселенной, прищучены. Так прищучены, что даже *греки*-демократы измываются: гибнет Афон, свободолюбивые демократы *запрещают!!* монастырю принимать в монашество, а через 15-20 л. «святогоры» вымрут. Гляди, Россия! Турки милостивее были, хоть и без «**Лиг**» жили. Или: весь мир поднял гвалт и оружие: евреев арабы бьют! И — из пулеметов поливают арабские деревни! Европейцы. Евреи отбирают землю, евреи кк. обычно, сосут дурью кровь, закабаливают детей пустыни, и вот, Англия бьет свинцом этих «детей». Все к черту! Остановить пассаж<ирское> движение! Перебросить войска! Убили 13 евреев! Что убили 30 арабов — плевать. Тьфу! Что за беспокойный народ! Везде ему тесно, везде надо — локтями!

Я отравляюсь газетами и иду очищаться — на речку, в лес, — пескарить. **Познавать**. И потому — весь никуда, вся работа брошена. Все жду *чего*-то... — не случится ли чего, не сотвориться ли чуда?!

Да как же я смогу — стихами? Не тот **стих-с**, —темно́-темно́,— Темнит темница — царит Денница! И вопит «вся Иерусалима» — интервенцию! Слышите ли «гевалт»[74] от Рамп и от Хеврона и от потока Кедрона? *Там*, понятная революция идет, но для «Хеврона» — **погром**! Недаром один из них (Мирк<ин>-Гецевич) сострил, удачно переваривая обед жирный: «Ну, да, все очень просто: когда бьют русских, это — революция, когда — евреев, — погром!» Но тут-то, гл<авным> обр<азом>, бьют евреи (самооборона!), создающие *свое* государство, (камнями побили на смерть *арабчонка* в 11 ч. дня, в Иерус<алиме>, на глазах англ<ийского> корресп<ондента> Кетчума) и вопят: По-гром! И все миры дрогнули, и все правительства затрепетали, и все оружия возгремели! 12 лет реками льют кровь и точат — русскую кровь, — и нет никакого погрома, а — перманентная революция, и все правительства чаи распивают с сиими «арабами», а когда какого-нибудь агента Г. П. У. на заводе, именующегося рабочим-евреем, по морде смажут или

ему в калошу чего накладут, — «**свигепый** антисемитизм гастет!» Бедный народ, к<оторо>му всюду тесно, которого локти всегда в движении! Да хоть бы призадумались: из 100 племен одно всегда вопит и всегда всех винит!? **Что** сие значит? Слова Ренана[75] — умницы — впустую: «народ, который хочет во всех народах иметь **все** (и бóльшие даже) права и не желает принять никаких обязанностей!» А я бы добавил: и когда сей народ сядет на шею **всем** народам, он будет вопить, что некого уже оседлать, и по привычке будет посылать S. O. S. ко Господу, пока его не грохнет небо.

Нет, не могу стихами.

Нет, не могу писать стихи я,
(Нашел на сердце черный стих): —
Кругом беснуется стихия,
И крик в душе моей не стих.

Я запою певучей прозой
Когда-нибудь, в тиши полей...
Пусть соловей пленится розой, —
Мне не унять моих болей,

Мне не вернуть весенней яви,
Не отогнать свинцовый сон,
Пока лежу в глухой канаве,
(И — между нами — ***без кальсон***!)

Не смейтесь, друг, нагому слову:
Да, да, ведь все мы «без кальсон»;
Да-с, по безволию ослову (?)
Все длится, длится гнусный сон.

Сшутил над нами дьявол шутку:
(Владетель тьмы, властитель зла!)
Орла он обернул на утку,
Медведя обратил в осла!

В глухой канаве вижу сон я —
Утячий кряк, ослиный вой,
А сам, в грязи и без кальсон я,
Воплю во сне: **городовой**!

Проснешься — тишина немая,
Черно в душе, теснит в груди...
О, где ты, где ты «утро мая»
О, чтó-то, чтó-то... впереди?!...

Заснешь опять — опять канава,
Утячий кряк, ослиный вой...
О, защити, отец Варнава,
О, осади, городовой!

Ну, вот Вам, дорогой Иван Александрович. Я был приятно удивлен, что Вы вторично читали «Ист<орию> Люб<овную>». Лестно, очень. И говорит это не «vil flatteur»[76], а «именинник». А что я хвалю Вас — это неверно: Вас нельзя хвалить, ибо похвалы — слово, а слова *с делами* не могут соревновать. Вы показали себя так, что можно разве только радоваться и пленяться. Как я счастлив, что Вы отдыхаете, сил набираетесь, что... Вы уже улыбаетесь. Дай Бог здоровья! Крепкое шлю Вам чувство свое — да здравствуете!

Поклоны наши Наталии Николаевне и поздравления с преддверием — 26 авг. с Ангелом, — Вас с дорогой именинницей. У нас тоже празднование грядет. Наталии Ив. Кульман[77] (влюбились в Севр и остаются еще на месяц) и Ивестиона (нашего-ненашего Ивика). Я, Сл<ава> Богу, крепну и... **не** работаю.

Эх, если бы Вы замахнулись на Capbreton!

Да где уж нам, куда уж... А Ник<олай> Карл<ович>[78] (и я иногда) все рыбку удит. Бродим по речке. Пескарим удачно. А я так змею поймал, в рыбном садочке застряла. Окуни, пескари, мюр, обуры (?), или (!), угри... Говорят,

есть карпы. Н<иколай> К<арлович> изощряется всячески. А дни — хрусталь! А океан — сапфир. А сосны — изумруд. А песок — янтарь. А я ———

всегда, ныне и присно и во в<еки> век<ов>
Аминь ——— Ваш крепко ——
Ив. Шмелев с подзвона.

83

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<24.IX.1929>*

Дорогой Иван Сергеевич

Вот Вы что наделали...

Нарезвившись вволю по поводу Вашего письма и навеселившись Вашим стихам (дательный благодарственный!) — мы, т. е. собственно *моя* нечисть, почувствовала, что в «выпьем усе» — *брошенный мяч* или *задание*; что мяч должен быть подобран, и задание разрешено! Уж я себя уговаривал — «брось! оставь! мало у тебя ненавистников! будь умен и держи очи долу!» — Нет! Зудила нечисть, зудила — пока не родила. А родив — не знает, что теперь делать.

Вы понимаете, что произошло? Она отбрита начисто, выпь! До свежих веников не забудет... Во как... *Но я не могу Вам сообщить моего продюкта*: Вы — человек вулканический; или вернее — сам вулкан: Этн, Везувий, Фуджиям, Кракатау, Котопах, Попокатепетл! Вот Вы кто... Вы взорветесь, извернетесь, прочтете Б<альмонту> и К<ульману> и С<уворову> — а я потом расхлебывай. Ведь эта кобра и без того при звуке «И» уже трясется от ненависти, хотя может быть это кто-то захотел сказать совсем не «Ильин», а «Ишак», да еще про ее фараона — аменхотепа[79]. А если огласится — подумайте только! выбразите и сыбразите! — — — ведь она наемных убивцев ко мне подошлет! с синильной кислотой сама

«заползет ко мне в ноздрю сорокаканожкою»
(второе «ка» для размера, NB!).

Конечно — она не Мартынов, а всего Антон[80].

Конечно — я не Лермонтов, а всего навсего «блоха на мастодонте»...

И все-таки. Все-таки. Все-таки. Все-таки.

Жена говорит: «возьми с него (т. е. это с Вас, мой поэт!) клятвию, что он прочтет *сам*, не спишет на манжету, никомушечки не прочтет, а сейчас же в конвертик вложит — и zurück zu Kant!»[81]

Жена говорит: «на этом честном слове — пошли, а то — он вулкан, а тебе злая погибель!»

Вот что Вы наделали. Две зеели вонованют в моей брусте: одна говорит — как у Гете (почмейстер Шпекин) — «ох, пошли!» А другая говорит «ох, не посылай!»

Ну, скажите, друг мой чудесный! На какого же черта я эту галиматью штряпал, если Вам, оплодотворителю и крестному отцу (при внебрачных детях ребенок получает отчество и фамилию по крестному отцу, а *не* по оплодотворителю, а здесь совпадение в единой, по Булгакову[82], ипостасности...) —

ВАМ, ВАМ, ВАМ —
Я не могу сообщить ...
поделиться...

Это все равно, что откупорить бутылку —
ну, не шампанского
А, от *шимпанзе*
ШИМПАНЗСКОГО —
и грустно распивать ее одному...
Клянитесь же! (Тень под землей: «Клянитесь!!»)
Клянитесь *первым* днем творенья
Потом еще — *последним* днем,
Что Вы поступите по заповеди жены моея!
Клянитесь! (Тень под землей «клянитесь!!!!»)
Тогда пришлю!

А то — не пришлю! истинный кувшинчик (с медным донышком) — не пришлю и все тут.

Потому, от природы: робок, как сто пробок!

И тогда мое творенье — все равно, что *медный ключ*. Вы знаете?

Менный ключ упал на нно!
И досанно! И обинно!
Ну да ланно!
Все онно!

Обнимаю Вас нежно и от нетерпения рыдаю.

И вот мой адрис:

«Italia. St. Margherita Ligure.
Pension Suisse».

Ваш Полу-Попокатепетл.

1929. сентября неизвестного, кажется, 24-го.

84

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<9.X.1929>*

26 сентября/9 окт. 1929 г. Capbreton s/mer (Landes)

Дорогой Иван Александрович,

Вот дочего закрутился с... пискарями и — увы! — на одну неделю, — с обострившейся болезнью (теперь опять почти здоров), только теперь пишу Вам на Ваше чудеснейшее письмо. Да все хотел писну́ть стихами. Тужился — тужился... — ннет! Эх, пуста голова моя!.. Пишите, верьте клятве — только один я и буду знать о «выпьем усе». Чувствую, что «пригвоздили». Все capbreton`цы русские «жаждут», но, верьте слову, я не покажу... Профессор, истребив все рыбные богатства края, завтра двинется на юг, на зимние квартиры. Поэт останется, но и ему не покажу. При-шли-те!.... А пока прилагаю «укомплектованное» у-с-а̀ — исполненное поэтом, скрывшимся под именем «Мстислав» (удалой?) (К. Д. Б<альмонт>). Вот сие:

Выпь Двурушница.
(Virago Duplex[83])

Выпь умеет принимать самые
изумительные позы.

Брэм.

Она, по-видимому, ненавидит
всякое другое живое существо.

Брэм.

Свойства этой птицы — злоба и
коварство.

Брэм.

Кто видал у выпи ус?
Зинаида Гиппиус.

Ив. Шмелев.

У нее своя есть тропка,
Потому что двуутробка,
На ходульчатых ногах,
В негритенках будит страх.
Меж чернильных, Антонзина
Лик являет андрогина.
Правой ручкой пишет стих,
Левой учит малых сих.
Что ж, вполне гермафродитки
И садовые улитки.
Устремляют на врага
Двустрашенные рога.
Только я не негритенок
И бесстрашен от пеленок.
Ныне хвать за выпий ус
Зинаиду Гиппиус.

Капбретон Мстислав.
1929 г. 30 сентября.

Вот-с. Это как бы в залог под Ваше об «усе».

Порадуйте! Сегодня день моего Ангела — пришлите в подарок! М. б. — и Вашего? Тогда — поздравляю. Двойной праздник — именины в Италии! Апельцины, лимоны, Везувий, Муссолини, макароны, гм.... лаццароны; ма-тро-ны... папы и мамы и все самое итальянское — все т<ак> ск<азать> frutti di mare[84] — от Максимки Горького[85] до вшивых рубах Неаполя под чудесным солнцем! Мраморы и — рыбья вонь на базарах, и блеск, и грязь. И могилы **былого**! Ах, увижу ли и я — **ее**?!... «Адриатические волны... о, Брента...»[86]

А мы собираем рыжики, коптим muge[87] (сиг!), слушаем океан...

Это лето мало писалось. Что-то даст осень?

История с подлецом Бесед<овским>[88], удравшим из «гнезда гадюг» — ох, не Азеф[89] ли?.. Не верю гадам и гаденышам.

Когда будете в Париже? Ах, был бы счастлив повидать Вас. Наш адрес такой: 9, rue de Rossignols, Sèvres. (новая квартира — вилла!) Приезжайте от Port de St. Cloud, тр. № 1. Остановка у Мэрии, поворот налево и по rue de la Fontaine, *под* виадук и *сейчас направо*, по нашей

улице. № 9 (имейте спички, если вечером, чтобы разглядеть<)>. Дом в саду, собак нет, звонок, а то и б<ез> звонка. Известите... Будем в Севре к 28 – 29 окт.

Обнимаю Вас, дорогой и неповторимый... нижайший поклон Наталии Николаевне. Н. К. К<ульма>н в беспокойстве: **куда** ему послать статью для сборника? Жду, жду, жду — всячески! А сейчас будем с Кульм<ана>ми и поэтом печь кулебяку (именин<ную>) с... **вязигой**!!

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Если заедете в Севр — к *обеду* будет кулебяка с вязигой!

О. А. и Ив. Ш-вы.

85

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<6.XI.1929>***

6 XI 1929 г. 11 ч. ночи

9, rue des Rossignols
Sèvres (S. O.)

Тишина, только печка-чугунка потрескивает.
Ивик спит у меня в кабинете,
и его дыхание — столько мне говорит!... Все ушло.

Ну вот, и рухнула мечта, дорогой Иван Александрович. Вы — в Берлине... а я та́к ждал, что в великом странствии чего Вам стоит крюкну́ть на Париж, Севр, — так, заезд в сторону. И вот — дождался письмеца с Гинденбургом...[90] Хороши у него подусники, хороши и глаза старшего вахмистра, и, вообще, человек приятный, тк. ск<азать> «прежних выпусков», но..! Лучше бы уж письмо с итал<ьянским> кем-то, по-крайности — надежда. Горько. Так больно разочарование, хоть Вы и не сулились побывать. Да, ведь, родной... слова живого не слышишь, **нового** слова, **СЛОВА**! Тепла-огня жажду, согрева и подгрева. Радий священный в Ва̀с, **русский** радий-радость. Мало-мало душ живых, зады̀ больше. А коль и есть души, так сонные больше, или уже «из пройденного». И дни здесь все какие-то прой-денные... Толчея на протолченом месте, изредка вздрогнут и зашуршат, словно с испуга — горшок разбился? Таким «горшком» или загремевшим с полки тазом медным был этот прохв<ост> Беседовский. Теперь — шуршание надежд от козней, а

«движения» нет, обновленности... Как я чаял зарядиться от Вас, Вашей **благодатью**!.. Вянет душа. Скверно — негде высказаться иной раз, нет близкой газеты. И сколько раз загоралось во мне — крикнуть, а где, где? Когда нужно вот сейчас! И я днями лежал, уставясь в потолок, — вся охота пропадала.

Ну, нечего больше о себе. Или — другое о себе, если позволите. В Севре, с конца окт<ября>. Письмо[91] мое не нашло Вас в St. Margerita Ligure, куда-то Вы в Падую упали. Спасибо — не пропало, вернули. Прилагаю: здорово его изрисовали! Берег до встречи — не привел Бог. Вы устали, грустны? Писал мне Н. К. Кульман: получил от Вас письмо, по тону невеселое. Пишет: «как жаль, такой исключительный, удивит<ельный> человек, редкостный по работе-службе в эмиграции, — и, видимо, приходится терпеть от мелочей жизни», — в этом роде. И я чувствую: вот уж опять на другой квартире! Ну, наглотались ли хоть здоровья, дорогой друг? Швейцарились, италились, — запаслись? По летним письмам радовался за Вас: таким-то от Вас шам-пан-ским! Думаю — здорово «опохмеляться» будет И<ван> А<лександрович>! Дай-то Бог! Д<олжно> б<ыть> в период квартирных изысканий писали Вы К<ульма>ну, уставши и от дороги. И — резкая перемена: после Italia — Grünewald[92]! Слякоть, брр... холода, иск<ание> квартиры, холод жизни. Италия... Не видел я ее — прекрасный сон мой, скользящий. Даже открытки Ваши[93] Pallanta-Cattedrale di S. Leonardo...[94] — ах! Рим... Слышу твой воздух, **детский**... Сквозь Цезаря, Овидия, Вергилия... — в исчерченных страничках гимназических книжек — ударило меня, и этот древний аромат во мне доселе, тоской зовет **туда**, где, словно, детское мое осталось, от дальних далей. О, я бы **ее** всю прошел от Альп до «каблука». Так и не увижу, ни-когда?!... Ведь словно я ходил по плитам аппиевой дороги[95], камни разбирал надгробные, сидел на виллах знати римской, слушал Цицерона, железо легионов... Италия!.. В звуке — сколько! Колыбель там... моя, **моя**! Чушь, конечно. Мое — из лаптя, из лыка, из гуслицкой глуши[96], а вот подите... — ***там мое***! Сон давний-давний. От книжек, от картинок? Здорово учеба промолола-породнила. Чудеса. Immensa est

finemque pubenlia coeli non habet et quidquid Superi voluere...[97] — есть! Если бы начать жизнь сначала!.. Был бы я в Италии.

А здесь... Благодари же Господа, дурак, что ты хоть **здесь**! И я благодарю. Ну, поскулишь, но... что **там**-то..! Господи, воззри! А Европа... Скоро, кажется, узел лопнет. И бу-дет... не уявися, что. И судьбы Европы близятся. Творящееся сейчас **потемнение** в страшном блеске — разрядится невиданной катастрофой. Пахнет не порохом, а — смертью. Идет кладбище. Все звери с цепей сорвутся. Европе **нужен** потоп-огонь. И он будет. И должно потом прийти очищение. Сны мои, что ли, (иногда дрожь во мне, до чего я чувствую ярко «потоп» грядущий!), с тоски ли это, или от боли за наше испепеленное... — не знаю: я верю так легко, что не пройдет и четверти века, как от европ<ейской> «культуры» и подметок не останется. Эта «культура» явственно и нагло льет в себя самое **яд** губящий. Идет полное расслабление и испарение силы духовной, и дикарь уже тянется (белый пока), чтобы уступить желтому — или совокупиться с ним. Дикарь, бешено-зверски в *технику* облеченный. При нашей, соврем. культуре **человеку** *не жить*. Зверю. И он заживет, пока не сдохнет от самого себя. Потом — обновление? Пришествие нового Господа? Если бы уберeглась Россия! М. б. это испытание нынешнее — предуказано во спасение, дабы несла миру Слово, познанное в муках неизреченных, **найденное**, обретенное через великое окаянство и Вел. Помойку?... Если бы...

Да что я, ни с того, ни с сего... Ах, как бы я выплакал-вышептал Вам смутное в душе... Так я ждал.

Что Вы работаете? Я почему-то жду Вашей концепции мира современного, ответа на великое. Я жду и верю: Вы должны дать новую правду-философию жизни, из **опыта** последних десятилетий. Как Вы себя чувствуете? Хоть бы на одной лекции В<ашей> побывать! Я изголодался по «Сытному блюду».

Жду письма, порадуйте. Я 4 мес. ничего не делал, опустились руки. Просыпаюсь... — и все чего-то жду, жду... — такое состояние: стоит ли приступать? Здоровье к<ак> б<удто> ничего, возврат болезни откатился. Ем,

чуть читаю, со страхом смотрю на стол, — и совесть мучает, когда перетряхнешь листы в обложках — начато-брошено-отстало!

Обнимаю Вас, родная душа. Отсветом Вашим оживляем. Главное, будьте здоровы — благополучны всячески, и нервы работали бы и толкали!

Кланяемся оба Вам и Наталии Николаевне. Господь да утешит Вас и согреет Светом Немеркнущим! Аминь.

Пришлите письмецо Вашему огорченному и разочарованному

Ивану Шмелеву.

86

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<11.XI.1929>*

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Получил Ваши оба письма и принял их целиком к сердцу. Спасибо Вам за зов и за то, что ждали; но Вы, по-видимому, не представляете себе, что визу на пути получить *нельзя*, а моя французская угасла еще в начале августа. Поэтому самая проблема «заезда» в Париж не могла ни стать для нас, ни стоять перед нами. Я провел трудное лето: в мерзкой работе и в неудовлетворительных условиях; раза три принимался болеть и потерял 5-6 кило в весе. Пришла зима, надо лекции читать, и здесь, и в провинции — а от меня только и осталось «полпетушка». Вот из-под всего этого и вырывалось «шимпанз-ское», которое Вы по доброте называете «шам-панским». Чувствую себя очень переутомленным и нервно перетянутым. Однако и из сей беды собираюсь выбираться и всегда помню:

а) «не унывай жандарм»[98]

в) «жандарм не может быть героем»

А теперь к делу.

1) «Укомплектование уса» «Мстиславом» нами дружно приветствуется. Ура! Ура! Ура! Грациозно, остро, едко и «с отттенком высшей иронии» (так выражается Достоевский).

2) Должен Вам доложить, что кроме этого укомплектования есть еще и другое. Оно прислано было мне по

почте, переписанное на машинке, за подписью «Редедя» (через два ять). Автор мне неизвестен, но явно скрывает только свое настоящее, подлинное имя. Самый же «опуз» свой (от слова «Пузо»), обнаглев, не скрывает. Но это его собственное дело и меня не касается. А откуда он взял эпиграф — я не знаю. Впрочем, когда взрывается Везувий, Этн, Котопах, Фуджиям, Попокатепетл — то искры летят повсюду и зажигают сердца. По-видимому, мы и являемся ныне свидетелями того научного факта, который называется «литературным влиянием»; и если «выпий ус» зажег «Мстислава», то не естественно ли, что загореться мог и «Редедя»? По-моему, это было неизбежно.

Итак, еще раз: «заседание» мы, или *не* «заседание», но — к делу! Вот, что мне прислал Редедя.

ВЫПЬ

«Кто видал у выпи ус?
Зинаида Гиппиус!»
Ив. Шмелев

Кто, надев лихой картуз
На холерную фигуру,
Закрутив свой выпий ус,
Тешит хищную натуру:
Тащит всю литературу
На допросы в гепеу с?!
Кто?
Это — гнида,
Зинаида
Без пяти минут Изида...
Не *она*, но и не *он*,
Вечно девственный Антон...
Это — выдра, мымра, грымза ...
И эсеровский мадонн
Это — Веста
Не у места,
Фараонова невеста ...
Это — злобная яга,
Детоедная корга —
В ней от зависти и злобы
Почернели три утробы...

Это — выпь!...
Дохлорыбь
Петербургского мороза...
А стихи ее и проза —
Подозрительная сыпь...
И зовется та сильфида
Штукатуренного вида
(Оборвем ей выпий ус!
Сбросим ей лихой картуз!)
Зинаида
Гиппиус!

Редедя
Марокко. Сентябрь 1929.

Правда ли Редедя был в Марокко или врет — не знаю. Марка была разорванная, а штемпель смазанный. Впрочем марка все-таки французская. Может быть, никакого «Марокка» не было? Но литературный факт остается фактом и Вам предоставляется его зарегистрировать.

На этом сегодня кончаю. Знаю, что отозвался далеко еще не на все, что было в Вашем письме; но — отзовусь еще.

Берегите себя! — физически и нервно. А вдохновение придет само. Боги знают свои избранные сосуды и скоро соскучиваются по ним — паки и паки.

Обнимаю Вас и целую ручку Ольге Александровне.

Наталия Николаевна шлет Вам обоим привет.

Ваш
Нисколько — не — редедя.

Гипотеза

Приняв во внимание оба укомплектования, остается выдвинуть гипотезу, что оная Зинаида увидела ус у выпи в *зеркале*; что сей ус был у нее — собственный, выпий и вырос он давным-давно, тщетно и долго ожидая, чтобы Шмелев подсмотрел, как выпь в зеркало глядится, а чтобы Мстислав и Редедя оборвали бы ей усы! Вот-с!

1929.XI.11.
Berlin-Grunewald
Ilmenauer Str. 12 I bei Hecker

87

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<25.XI.1929>***

12/25 XI 1929 г.

9, rue des Rossignols
Sèvres (S. O.)

Когда же, наконец, выведу прочно — Москва — ?

Дорогой — Иван Александрович, мир Вам (и — мір!!).

Ну, можно сказать — вдрызг укомплектован «ус», так что брить уже нечего, с корешками вытравлен. Этот «редедя», м<ожно> ск<азать> высокой школы, и вот — погибает в африк<анских> степях! Прочитал — страшно стало, а бумага опалена, местами прогорела даже, дочего жгуче! Достойно кисти Айвазовского. Ах, какие силы у нас таятся. Думаю использовать: создать Заруб<ежного> Кузьму (хоть Прутикова!)[99] — на вразумление эмигры. Напр<имер>. «Не унывай, Милюков: хватит дураков!» Или — «На то и Гукас[100] в Париже, чтобы гнули шеи пониже». С Вашим страшным Редедей-Марокканцем кончилось — увы! — лето и... —

Осень уж в окно глядит
И скучным дождичком стучит...

Солнышко не побаловало — «шампанское» мимо рта. А как ждали-то! И почему так вышло, что Вы — Берлинер-Точинер[101], а не Парижский?! Это все равно, что «Титанику» по Яузе ходить. А лекции... лекции Вы могли бы — налетами-вылазками. Биться — так биться! Были бы здесь — газету стали бы мы растить здесь, газету с лицом, а не с харей. Да, видно, такова горькая судьбина наша, «веника» никак не свяжешь, а все прутики (потому и... «Кузьма Пру-тиков»!) Бьем не влад. Называется: в стенку горох, а надо бы тараном. Ядро наше — в Париже, отсюда и целить надо, **вести** молодежь. Вот, Милюков и **ведет**. Подумайте: какая сила у нас, а все по мелочишкам тратится. Дьяволу-то потеха. Вот и аукаемся-икаем. Смотришь: грузины, украинцы, какие-то «горские народы» даже, только и выдумали, что шашлык да чихирь, а и те **центр** свой «национ<альный>» имеют и ведут линию... а Росс... в свою грязь-болотину врос и топчется. Мы не удосужились — не додумались спаяться — на 12-м году

даже! А должны были. Сбиться — сговориться. Со-зваться. Жить в центре и громить из центра и — в цель! Средства? Должны были собрать и, собравши, всех единомысленных **собрать**. И — делать. Самое важное — не удосужились создать своего **Слова**! Какие деньги были когда-то («Zemgor»[102], хоть!) — **что** сделали! Впустую. Говорю о **развеянном**. Я в 23-м застал разброд и пустоту. А смотрите — левые! — «Последние Мерзости» — и **ведут** свое. Еврейство? Да. Но ведь мы-то си-ла и могли бы всем евреям сто очков дать!.. — Да что плакаться... — по волоскам!

Как же Ваш «Колокол»?.. Хочу сказать: при нашем ритме жизни надо и журнал **быстрый**, непрестанный, чтобы «трезвон» был. А благостные удары (1 в 3 мес.) — забываются **толпой**. Ах, вспомнил. У меня нет №№ с В. статьями (уди-ви-тельными!!) 1) об искусстве 2) о православии. Я их заслал в Америку, и еще не знаю, что сталось. Если есть оттиски, пожал<уйста>, пришлите! Я послал Вам сегодня «Въезд в Париж»[103], белградского изделия, с **глянцем** (помните: издания «губернск<ой> типогр<афии>»?). Не взыщите. Чем **богат**, а радости мало. Опять — или на поругание или на умолчание. Плевать. А по-**ихнему** писать не могу-с. Не до... мякотин, не до «героинь нашего времени» (пошлость К. Зайцева об «Изольде» — пакости). Выбивают перо, **негде** мои «Праздники»[104] проводить, хоть и любил их большой читатель. Теперь — до Шанхая подался, во «Время»[105] Б. Суворина[106] статейки начал слать, — что ж, и там 12 000 **русских**. В «Руле» еще буду... Ну, благослови Вас Господь, дорогой друг. Я счастлив, что Бог привел меня на стезю Вашу, *узнал* Вас. Поклоны Вам и Наталье Николаевне. Хочу читать: Ваше большое — об искусстве!

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Да, в посл<анной> Вам книжке есть жертва Г.П.У.-сих[107] (Выпий Ус), а именно «На пеньках». Ка-ак она меня..! В три слова разделала: слабо, скучно, ненужно. И как мой «младенец» жив остался — не пойму!

1930

88

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<начало января (до 5.I) 1930>***[1]

Я отлично знаю и чувствую всю непристойность моего поведения. И вопию с колен: прощщщения, прррощеннья, Цезарь! Получить Ваши изумительные, потрясающие «Пеньки» — и зажмалили рот молчать два месяца. Сколько раз — я мысленно говорил с Вами и писал — и ничего не состоялось. Изнывал от спешной, истощающей работы по сборнику о коммунизме — комкать письма не хотел и все откладывал. Но доколе же?! А работа все еще не закончена.

«На пеньках» — своего рода «Солнце мертвых». Эту вещь страшно читать; возле нее хочется на цыпочках ходить. Некий «счет» — предъявленный человечеству; и где-то — в глубине — дошедший до Бога, попавший Господу в «Ру̀це». И никто уже не судит и не смеет судить «профессора» — судит он один сам себя; и «самосуд» этот, хоть и смиреннее он в тысячу раз Иова — но где-то в глубине он есть иск к Творцу. Да, конечно, Вы правы: духом страдающий человек со-страдает Богу, Божие бремя несет, на Голгофу со-путствует. И это есть высшее служение человека. Разве вино́вен кто-нибудь, что родился на свете этот «ссьто, кому ушши-то оболтали?!»[2] И мука же нести, переносить их срамное существование. Сразу — оплевание и заушение — все вместе в одном экзистенциальном суждении, произнесенном об «ответственном работнике»... Ну, да не скажешь всего.

Но и лохудра же Зинаидка! Правильно, прррравильно ее Редедя отделал. В точку, и в мочку, м<ать> ее в кочку!

Испросил ли я Ваше прощение? Получили ли Вы мою «брашурку»? Здоровы ли Вы? Что, что, что̀ творите?!

А моя жизнь трудовая и трудная. И только на горизонте утешение маленькое: что-нибудь хорошее напишу и напечатаю. Но когда и как? И еще одно: страшно не хотелось бы преждевременно умереть. У меня непочатые края; — семь больших котлов не открытых кипят — бур-

лит и паром вышибает... А когда и как? Старость близится, а нам все еще «сеперь ушши оболтывают»...

Наталия Николаевна шлет привет Вам и Ольге Александровне. И я тоже.

Обнимаю Вас. Восстань, пророк, и виждь, и внемли!![3]

Душевно и духовно и всячески Ваш

Иоанн.

Вот закон художественности — (один из них):

пронзенность *всей* словесной и образной ткани лучом Предмета — неизреченного, но сказуемого... Нет лишнего; все весит; все точит слезу Предмета! *Страшно* видеть, как Вы им владеете — хочется закрыть лицо «епанчою».

«К Фебу» (*С. П. Шевырёв*[4])

Плодов и звуков божество!
К тебе взывает стих мой смелый,
Да мысль глядится сквозь него,
Как ты сквозь плод прозрачно-спелый;
Да будет сочен и глубок,
Как персик, вскормленный лучами,
Точащий свой избытный сок
Благоуханными слезами.

Увидимся? Когда же?

89

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<5.I.1930>***

23 XII 1929 г. / 5 I 1930 г. (!) Севр, 9, Соловьиная

Дорогой Иван Александрович,

От сердца отлегло, как получил от Вас весточку. Боялся: опять больны? Да что Вы это — о «преждевременности»? «Страшно умереть преждевременно»... Да будет Вам примером Василий Иванович Немирович-Данченко[5]! «Как — говорит — допишу 333-й том Полн. Собр. Соч. — ну, тогда, еще мо-жно готовиться к выходу в Свет... а пока вот только 220 т. да с десяток в столе ждут!» Да, 220... и все в хо-роших **переплетах**! У Вас имеется 220? Нет? Ну — гоните с Господом, и да кипят «Котлы»! Аминь.

Рад и горд, что *так* принимаете «На Пеньках». **Как** я их мог написать — *теперь* не понимаю. **Вывалились**. И д. б. с

кровью сердца. А, тяжкие мои роды — все эти книги мои... Суждено было — понести? От **изнасилования** — понес позор наш. Чего же еще ждать после **таких** родов?.! Страшно тяжело мне. **Законного** брака хочется, с «Исаия ликуй»[6] и — «гряди голубица»... А слышишь все — «сьсто... кому ушши-то оболтали?..» Если бы только — «ушши»! Ду-шу отболтали. Взлетит душа, глянет на весь Мир Божий, на миг один глянет... и не вылететь ей за свой окровавленный и *замордованный* родной **забор**! Все-то горем-кровью пропиталось, от слез набухло-затяжелело. И творящееся в мире — за **забором** — невидно сквозь мутный, кровавый пар. Блеснет лучик, вспорхнет сердце, — только разве о прошлом детском найдешь в себе силу написать. А, кажется, когда же, как не *теперь* — обо **всем** писать?! Какие же сдвиги и перевалы в мире! Великие и страшные. На глазах меняется мир, всячески. Где же **великие** произведения?! Душа усохла у творцов, разучилась переполняться? Кто изобразит — «человечество над бездной»? К черту летит куда-то: скучно жить, нечем жить, не во что верить... Все испытано, — и только уже отмахиваются. Потерян, — почти потерян! — Бог. Бог-Совесть, Бог-Правда, Бог-Цель. Правда, мало Его и в прошлом было. Но было бессознательно и — **ожидательно**. А теперь такие стали, что ожидать нечего. Да и нет времени ожидать. Укажите ныне **вождей**, с **новыми** Словами, **учителей**! Их нет, как нет ни Системы, ни удовлетворительного «плана мира», плана вдохновляющей деятельности, достойной **человека**. Человек огажен, от национального — человека волокут к *обще*человеку. А этого и нет, а есть общеобезьяна, да ядовитая еще, начиненная паклей. До *робота* доведут. И чудится мне великий скандал в мировом плане: сыщутся-сговорятся Ленины-Сталины-Дзержинские и — взнуздают при помощи макарон и «спецов». И — пойдут. И откроется картина мирового рабства, всяческого. Когда материя всемогуща, как пыль, она, по свойству своему, за-ва-лит, задушит, закандалит. Теперь ведь одним пулеметом можно **держать** толпы. А газами — народы. Капралы с палками найдутся. А брюхоползов сколько хочешь, в «помощнички» запросятся. Пример? Сверхподлое «поведение» хотя бы ака-де-миков,

с именами, — в С<анкт->П<етер>Б<урге>! И штатских, и военных. А в эмиграции — мало их? Многие, ежели бы «не **убёгши»**, такие бы оказательства проявили... — Марц<иновским>[7] и Ольд<енбургам>[8] и Ферсм<анам>[9]... и Абрикосовым[10] и Персиковым не отдали! Добрые-верные полегли... Правда, испытание страшное **там**, — претерпевших надо бы канонизировать! А испусти **их** на Европу... — океаны бы притекли к стопам. Ах, подло это, конечно, желать, — а глазком бы поглядеть, как плясанули бы кэк-уок[11] во славу Дьявола! Кучки бы разве сбились под Церковью — для расстрела. Да отбор **национальных** сил... повоевал бы. **Наше** бы повторилось — в мировом масштабе. Иудеи вознеслись бы и уцелели, как наиболее притершееся племя, зажав, пока, **свое**. М. б. в **этом** видели бы своего Мессию. И, кажется, к этому придет: задатки большие есть. Только вот в СССР денежные пары на исходе, а будь там «америк<анский>» капитал, Европа гимны бы пела и кланялась. Развенчание пойдет пропорционально обнищанию душедралов. Так что и «пробуждение совести» в некот<ором> роде напоминает похмелье пропившегося пьяницы. Клакерам *не* платят, потому и делается слышным глас вопиевших в пустыне... И нечего уж рвать рвачам всех широт. М. б. и выплюнут шелуху. И претерпевшим — придется из этой шелухи посев делать. Мир — убийца России. И не его вина, не его воля добрая, что еще не испустила дух жертва. Да, мир, XX века, Ирод. Чего от **такого** — ждать? Вот наша исходная точка при возможном, близком, обглядывании России. **Свое**, *все* свое надо вводить, свысока глядеть (по-хорошему — свысока), не **верить**, не копировать... пересмотреть запасы и отобрать **свое**, добротное, и — творить. Ну, технику, понятно, брать, — таким *новым* тузом заделаться. И все — в правую рукавицу, всех на гроши посадить. А не желаешь — иди в Европу, с<укин> с<ын>! В «по́скони» ходить, сапоги на 5 лет класть! Да, «казарму» лет на 25 ввести и «монастырь»! И — сладко будет сие после ада. Только таким путем можно будет ковать Россию. И всех «эстетов» или в работу, или — в Европу. И мужик благословит на сие. Ибо *он*, Он даст жизнь и силы Новому Петру. И все мы должны стать «Петрами»-камнями. А

нам, на **духе** замешанным, пронизать всю толщу **единым** духовным стержнем (*как* отзовется народ!) — отмываться, каяться, строить, защищать, повиноваться *общему* плану-необходимости, *стать* духовными спартанцами. А Церкви — ввести новый Великий Пост, с *февраля* по Пасху, и с *октября* по Рождество. И — под страхом каторги — полное изгнание *всего спиртного*! Трезвить всячески Россию надо. А детей, с 10 л. возр<аста> учить, между прочим, бо-ксу! Чтобы разучились «терять калоши». Покрыть страну **новыми** «Общ<ествами> **трезвости»**, общественными!.. Голова кружится — сколько будет работы. И мужик на все сие радостно пойдет. Ибо — **познал** на своей шкуре ***все***.

Спасибо Вам за внимание и любовь. Ваша концепция — «закон художественности» — удивительно четкà! Но я недостоин подведения под нее всемерного. Да, недостоин. Но закон — эссенция правды.

Поздравляю (и О<льга> А<лександровна>) Наталию Николаевну и Вас, дорогой друг, с Праздником Рождества Христова. С **Новым** Годом!

Здоровья желаю всей душой, и сил. Живите, живите — на славу Божью, и — нашу. Соберите себя на славную работу!

Живется туговато, негде широко плавать, руки опускаются. Но... надо учиться *быть* спартанцем. Дрессирую себя: вина ни капли почти 2 года. А теперь — курю 4 папиросы. С 8-го — 3, с 15 — 2 и — 1.

Ваш Ив. Шмелев — философ из Севра (фарфоровый-с).

Стукнете — и расшибся.

90

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<20.IV.1930>***

<Открытка>

20 IV Пасха 1930 Севр С 1.V — Capbreton

Христос Воскресе!

Дорогие! — Да воскр<еснет> Бог и расточатся..![12]

Болею, лечусь: кр<айнее> нервн<ое> переутомл<ение> до — отупления.

Отсюда — и мои боли кишок (!!). Отвращение к работе. Врач серьезно озабочен. Пью фосфаты. Назначен покой и (!) ничегонеделание. Не могу читать.

Ваш Ив. Шмелев.

<Адрес И. А. Ильина:> M-me et M-r professeur I. Ilyin
Ilmenauerstr., 12 I bei Hicker,
Berlin-Grunewald
Allemagne

91

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<22.IV.1930>***

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Христос Воскресе! Спасибо Вам за «Розговины»...[13] Хорошо, чудесно, вкусно... Когда же все эти ароматы *книжкой* выйдут?!

Вы меня забросили: я завалился за кресло, в пыльный угол, на меня наползли пауки, нападали иглы от старой рождественской елки, завалили меня какие-то брошюрки (гиппиусихи об эмиграции, таиринские[14] потемкины с поляковыми, газеты старые), а забредший к Вам Куприн, не зная, что это *я* там за креслом валяюсь — спьяну даже плюнул туды... Вот как Вы со мной обошлись! Грех Вам! Вытащите меня оттэда, сотрите пыль, загляните в Русский Колокол, тоже свалившийся за кресло — и скажите «что же это я его в хлам забросил? Эка ведь! сам должно быть как-нибудь завалился... А ну-ка, ну-ка вылезай на свет, брытец ты мой!»

Знаю, что Вы живы и «солдатски»[15] строите Россию через «современных записчиков» для ихних подписчиков. А я? А мне что? Что для меня есть? Ничего?

В трудной работе пребывая, крепко-прикрепко усталый — не пишу Вам больше ничего. Пока не откликнетесь...

Наталия Николаевна и я христосуемся с вами и с Ольгой Александровной.

Помоги Вам Господь!

Ваш всячески Пономарь Иоанн.

1930.IV.22.
Berlin-Grunewald
Ilmenauer Str. 12. I

92

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<конец апреля 1930>***

<Открытка>

Христос Воскресе, дорогие, милые — Наталия Николаевна и Иван Александрович,

А мы все болеем, и я, и О<льга> А<лександровна>. У меня опять боли желудка, диету нарушил, у О<льги> А<лександровны> ухо трещит 2-ую неделю, лечимся. Я пью фосфаты, пью бромистое, пишу еле-еле. А надо для Богомолья еще 4 очерка! Да еще 8 для Лета Господня, для 2-ой книги. Грустно! И в церковь не соберешься. Но... Пасха Господня... и земля да радуется! И душа да возве-селится! Ваши Шмелевы.

И друг друга обымем. Па-а-сха-а... Целуем Вас совокупно!

<Приписка:> Едва написал — у-стал.

93

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<начало июля 1930>***

Пришлите Ваш точнейший адрес!

Адрес: Schweiz. Beatenberg

Hôtel Schönegg.

Милый мой и дорогой Иван Сергеевич!

Встосковался я по Вас, а писать много нету сил. Где Вы? Знаю, что в Capbreton, да адреса-то нет. Пришлите, а я тем временем приведусь в порядок.

Все хочу знать о Вас: здоровы ли? Пишете ли? Что? Когда будет готово? Что думаете? Что чувствуете? Что замышляете? Последняя открыточка от Вас в конце апреля была неуспокоительная и грустная. А с тех пор ни звука.

Я в этом году устал так, как не запомню. С 18-го мая начинался фурункулез, а это у меня признак, что переутомление наступило, что дальше нельзя (как на «пищей машинке» в конце строчки звонок говорит «клиннь!», т. е. *можно* и дальше, но не советую). Месяц бился с ним; и сейчас еще метина на шее. 19-го июня уехали из Берлина; но только 29-го начал я летний отдых. Ну, и свалился в глубину «реакции»; еле выбираюсь — да авось скоро выберусь.

Не хочу Вам жаловаться на политику. Но трудно мне с моими тамошними туземцами — *невероятно*. Хвост отстал — нос пристал. Смерть Штреземана[16] очень много навредила и теперь опять раж сближения со злодеями. Однако «обществ<енное> мнение» уже раскололось. Но как это все медленно, и как я устал тащить на себе эту стопудовую резиновую тяжесть!! Ведь я все любимые замыслы мои, все данные мне заветные призвания, все голоса в ночи — давлю и отодвигаю ради чертовой миссии — объяснить ожесточившимся упрямцам и глупцам, что они прут в бездну и волокут с собою *все человечество*!! Конечно — и один в поле воин — но как же я устал!!

Ну, погодите, очухаюсь — напишу подробнее. Как бы я с Вами повидался!! И зачем Вы всегда на таком далеком отлете живете?! Мне океан надолго утомителен и *легким* не полезен. А накоротко — как приедешь?...

Дайте мне, милый, весточку. Троицын День-то какой был!! Благоухание, лепота, откровение тишайшее! Пошли Вам, Господи, еще сто лет писать.

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет привет Вам и Ольге Александровне.

<Приписка:> Душевно Вас обнимаю и люблю, как никого на свете.

Я бы Вас еще 200 томов прочел бы, да еще разика по три. И уж напишу я о Шмелеве когда-нибудь статейку!

Ваш Иоанн Надорванный

94

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<16.VII.1930>***

3/16 VII 1930

Капбретон (Landes)
Villa «Riant-Séjour».

Вот и обрадовали, дорогой Иван Александрович, — а я и не чаял. Думалось — где-то плавает Ив<ан> Ал<ександрович>? Собирался на днях запросить.

В тяжком был — и физич<еском>, и душевном состоянии, как никогда или (скрытно) — как всегда. Начал лечиться у «нервного» врача, да время было ехать в Cap<breton>, — срок подошел очищать севр<ское> жилище для проприэтера[17], к 1 мая. Бросил. А надо бы ле-

читься, очень нервы плохи (кишки лучше, и теперь (надолго ли?) пью даже кр<асное> вино с водой, ем зелень. *Все*, все удручает, давит, — все в мрачности и тревоге.

«Чудо», как же это я мог «праздники» свои писать?! Для оттяжки?

Счастлив, что «Тр<оицын> Д<ень>» Вам по сердцу. За ним я написал — «Царский золотой» (вступление к «Богомолью»), м. б. на днях прочтете в Р<оссии> и Сл<авянстве>, а на днях взялся за «Богомолье» и написал 1-й очерк его — «Сборы». Второй будет — «Москвой», а всего д. б. 4-5 очерков. Мой поход к Троице... Когда писал «Сборы», был миг — всплакнул. Только теперь чувствую, перед какой трудностью стою. Ведь это — Россия, душа ее... Ведь — крещеный народ **идет**. И посему — медленное движение, шарпанье лапотками, на заре, — слышишь с деревенского ночлега. Тает сердце... Господи, помоги! Не оторвусь, пока не допишу. Писал «Сборы», — и вдруг, так сладко, так ласково по-нял красоту петого в детстве, раннего — «Красавица-зорька в небе загорелась... из большого леса со-лнышко выходит...»[18] Ну, сами решите, когда придется прочесть. — Я сдавлен. Негде печататься. Я сам себя обрезал, бросив «Возрожд<ение>». «Р<оссия> и Слав<янство>» едва платит. *Не может* часто печатать меня. Условились по 1 фр. строка, да только и хватило за Тр<оицын> Д<ень> заплатить. А теперь могут только до 300 стр. по 1 фр., а выше 300 — 0. Значит, за «Царский золотой», где около 500 стр. — 300. Над «Богомольем» задумались, сказал больше 1000 стр. Решил (оно и лучше) сделать 5 очерков. И выйдет не 1000, а 2000. Я знаю — выйдет не 2000, а м. б. 3000. Это такая **вещь**, что надо бы всего себя смолоть в ней... Господи, пособи! Буду продолжать без оглядки. Все, что пишу теперь (этих очерков «Лета Господня Благоприятного» написано уже за 20. Будет еще — до 15.), м. б., большинству и чуждо, но кому *не* чуждо — тому я что-то облегчаю, что-то вливаю, что-то **трогаю** и — зову? Или это я сам себя зову, далекого? Зову, чтобы поплакать над ним, отнятое, оплеванное, неузнанное многими... Или это я грежу?.. Так сердце хочет, вслепую куда-то иду, ищу про-

павшее, себя забытого хочу найти, — и нахожу... осколки только. Богомолье... ведь это же д. б. поэмой, — эпосом, что ли... Сказаньем. Ведь тут я ***что̀*** мог бы поднять!... И вот в газетке, кусочками, а г. г. еще (Зайцевы) раздумывают... те самые, что об Ир. Одоевцевых[19] пишут как о **явлении**!... Мне тяжело печатать мои «картинки» там, где пишут (и — *как* еще!) об «Ангелах Смерти»[20] и проч. непристойщине. Но — на помойке живешь — дыши, чем послано. Гонимый я, дорогой Ив<ан> Ал<ександрович>, — и хоть плевать мне на это гоненье и «терненье», а порой сердце и защемит. Вспомнилось вот 3-го дня: а ведь, Господи, да сегодня 1-го июля! (14) А 1-го июля 1895 года я развернул журн<ал> (VII кн.) «Русского Обозрения» (помните, б. К. Леонтьева[21]) — там мой ***первый*** рассказ «У мельницы»!.. Был вечер, а на душе — ночь. Знаете, вспомнилось... Это было за две недели до нашей свадьбы (14 VII 1895). Все, все, все вспомнилось... И я заплакал... затрепетал от боли за — все! Один... жена подошла, поцеловала в голову. Посмотрел я на нее — у ней все внутри. У меня вот в слезах вдруг вырвалось, а у ней — **там, все**. Ей тяжелей. Но, надо терпеть. Вот все хочу научиться молиться. Стал молиться, легче, — но пока не умею молиться! А **надо** уметь, чтобы душа таяла, сердце горело, Господи!

Вот Вам — что думаю писать. «Солдаты» (41 и 42 кн. С<овременных> З<аписок>) не брошены, а отставлены на две кн. — мной. Я ведь обескровел, и два-три мес<яца> лечился, вот теперь, после 40 вспр<ыскиваний> мышьяку — лучше. А для «Солдат» нужна **сила**... Ведь я дал только *ноготь* Бураева[22], да и то грязный, а у него ведь и руки, и ноги, и голова, и **душа** д<олжна> быть! Это — надолго. Вот и оставил. Странно для меня, — мне и претит, и тянет их писать... Чую — не готов. Меня изругали «П<оследние> Н<овости>» (Александров-Кулишер, сделал донос на меня и левым, и правым). Но вот, слыхал, что В. А. Маклаков[23], оказ<ывается>, горячий читатель именно «Солдат», — «я, — говор<ит> — чувств<ую>, что из них будет... куда ведет Ш<мелев>». А я сам еще не знаю — куда, и есть ли вообще это — куда. Но даю слово: пока не кончу (хоть наслепо!)

«Богомолья», — за Солд<ат> не возьмусь. Меня С<овременные> З<аписки> сами заставили их писать, вырвали, — начать-то, а у меня еще не было «закваски» даже готово. Я и отставил. — А какая мелкая, гадкая мстительность! Вы знаете, о моей посл. книжке «Въезд в Париж» — конечно ни «П<оследние> Н<овости>» ни звука, ни «Возр<ождение>». Это бьет меня по телу, ибо надо, надо петь, а быв<ает> плохо. Многий читатель и не знает. Теща Семенова, Ал. Вас. Ольштейн, добрая старушка, и не глупая, просила у меня *разрешения* написать о «В<ъезде> в Пар<иж>». Я поблагодарил. Она написала, каж<ется>, но... не появилось! Б. Зайцев, собирая имена под протестом писателей (по поводу ст<атьи> Левинсона о похабнике Маяк<овском>) обошел меня, для фр<анцузского> читателя (письмо появ<илось> в Neuve Littér<ateure>[24]). Как это?! Вышло, что я как бы согласен (не протестуя) с заявлением сволочи полусоветской, которая возмутилась статьей Левинсона[25], поставившего М<аяковско>го на его место и заявляла фр<анцузским> чит<ате>лям, что М<аяковский> — великий поэт. Вот как блоха-то кусается. За что?! Итальянцы издали три книги <—> даже не прислали книжки! — обокрали. 4-ая С<олнце> М<ертвых> — выйдет законно. Вышла на исп<анском> языке Чаша[26], чудесно, выйдет и на ит<альянском>. Это уже 23-ья на евр<опейских> яз<ыках>.

Как живем? Жи-вем, нечего Бога гневить. Не голодаем, а даже — **вилла** есть! Ничего, мне бы сил Господь дал — писать **нужное**. Веселей стало — Ивик с нами теперь —

Ивик звонкий прилетел,
Мало денег, мало дел...
Все идет в порядке дней —
То светлее, то — темней,
Дождь пролил — так солнце льет,
Солнце скрылось — до̀ждь прольѐт...

Не унываю, а даже, видите, — стихую, прости меня, Пушкин!

Вот на днях написал Кульману (очень рыбит на эстакаде на Океане и погибает:

(Его кто-то прозвал — «обожаемый Филипп», (есть анекдот такой?)

Ах, «обожаемый Филипп»,
Зачем прильнул ты к... эстакаде
И ужас! — на шестой декаде
Так в эстакаду эту влип?

Кчему испанкой увлеченье,
Наш «обожаемый Филипп»?
Ведь столько тихих русских Лип, —
Погубит бурное теченье!

Испанки страстен нежный тип,
Ожжет и без огня, во мраке,
Вспотеешь тут, как кот во фраке,
(ловит в воротничках.)
Наш «обожаемый Филипп»!

Пойдем на речку: там попроще,
Наш обожаемый Филипп:
Там пескари, и тихи рощи
Дубков и сосенок, и лип.

Растекся. Не осудите. Изнылся, излился, скула несчастная! Ах, если бы занесло Вас с Н<аталией> Ник<олаевной> в Cap<breton>! Пондравилось бы. Устроились бы. Кульман в лес залез. Как помещик. В сентябре будет особо хорошо. Океан — да, вреден, но он от нас в 3 килом. Я не бываю там. Но м. б. и впрямь Вам, дорогой, лучше в горах! Вы — драгоценны, надо Вас хранить в футляре, под стеклом. Дай Господи Вам сил. Не расходуйтесь: лбом (сердцем) камней не прошибешь. Творится по воле Божьей. Будет Ее — на все. Бу-дет! Поцелуйте от нас Наталию Николаевну, низкий поклон. Будьте живы-здоровы, сильны. О<льга> А<лександровна> — Я.

Ваши О. и Ив. Шмелевы.

<Приписка:> Пишите, не забывайте — сохну! Все, все, все минет. А правда — кому останется?! Жизни? А она — вечное. Господи, помоги моему неверию!

<Приписка:> О, как я устал! Но — на работу! День Господень пришел — велит. Лишь бы в радость.

95

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<27.VII.1930>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Ваше письмо меня огорчило. Я хочу видеть Вас более радостным! Ведь в Вас бьет ключ живой воды: «Пейте, людие и скот, во славу Божию и в благодарность господина Шмелева!» — как написал наш деревенский староста на «иструбе», в который одели ключевой родник (только было не «Шмелева», а «Ильина» — про отца моего). И дальше было приписано: «Кто сию черпалку унесет, тот будет наказан; а кто в сей кладезь бросит что-либо нечистое, тот будет проклят»... В кладезь вещественно-водяной действительно легко бросить что-либо нечистое — дохлую кошку, онучу, коровий катех. Но в Ваш духовный кладезь все бросаемое — может и не попадет, *не смеет* попадать. И я Вас молю: не позволяйте нечистым попадать в него!! Не раньтесь ранами в сердце от кривизны нечистых сих!! Мало ли их; Гете как-то писал — прилетела муха и сделала «ihren kleinen Fliegendreck grad mir auf die Nase»[27]. И то все-таки дрэк-то был вещественный! А ты — «ты царь» — «ты им доволен ли, взыскательный художник?» — а все эти прочие зайцы и Зайцевы (Кириллы, Борисы и прочие), будь они янкменского или чехословацкого вероисповедания — на легком катере их!!

Имея Ваш творческий ключ — ведь слова-то у Вас какие! ритм-то дышащий! ведь страница газетная трепещет, когда Вас вслух читаешь! — Вам *ра-до-ваться* и ликовать надо — в рыданиях ритма Вашего славословить Господа — а не роптать на людишек.

Ведь людишки-то — макакишки — да и просто «мака» без всякой *кишки*!

Я знаю, какая ранимость должна быть у Вашей души: *аб-со-лютная*! Ведь разве без нее можно написать так, как Вы пишете? Но *скорлупу надо* — от американского ореха — крокодилий панцирь. Иначе выпьют. Изранят: аще словом, аще делом, аще умолчанием. Дорогой Мой! Над Вами суд впереди: *Россия* будет Вас *любить*, и плакать, и радоваться с Вашими творениями и героями. Верьте в это, как в Благодать, без коей не создать никому ничего великого! А интригуют? Да. Потому что Ваше писание — *их отменяет*. Ведь после Вашего трепета, после Вашей чудесно-нежной ткани, в коей *все необходимо* и все *прожжено мыслью* — ведь *почти никого* и читать-то из современных нельзя. То цветок огненный — а то льдина самодовольная; а то еще — подряд весь личный и сонный винегрет назад вышел; а то еще — булыжников жидовских ворох неперетертый навален...

Будьте радостным царем и славьте Господа, как птица Божия! Хорошо плакать! Отцы, восточные добротолюбцы — *годами* Господа о *даре* слезном молили... А у Вас каждый «рассказ» — бисером слез составлен и оный же бисер на глаза читателя вешает. И молиться хорошо. А Вы в какой своей «вещи» не молились? Вы всю свою молитвенную силу в художество вмаливаете и в нем вымаливаете. Да такой молитвы не Евлогию, ни Берлогию сроду и не снилось.

Вот. — А что есть Возрождение?

Вот масонская тюрьма
Под надзором злого франта...
Малокровие ума,
Худосочие таланта...

Ну, и на..... им на голову!

А про Рос<сию> и Слав<янство> — не напишу — Наталия Николаевна не велит. Одно только: *ни идеи, ни веры*! А газета обширная: 350 000 чешских крон в год.

Читал я эту Одоевцеву «Ангел смерти». Решил было тоже написать рассказ о том, как в детстве два матраса испортил; но потом *постеснялся*. Ну и насчет *прочего* — тоже *лучше не рассказывать*.

Вот, Вы как меня огорчили, что *не радостны*. Даже и шалить не хочется. До другого раза.

А что мы скитальцы все и в *пустом* месте, именуемом «эмиграция», коловращаемся, это факт. Грустно — а подумайте: я вот мечтаю о Шмелеве статью написать хорошую. А где напечатаю? Уж не по-немецки ли? Помню в Ярославле видел я в церкви Страшный Суд — так в аду горели (с надписью) «жидове, арапы, немцы». Что ж я и буду им мои слова про Шмелевские перлы метать?

Я еще в 24-м году жаловался —

Что дают, то лопай,
Сидя не у дел!
Немец пузо.опый
Во как надоел!

А молчишь и несешь. В писании сказано «Встань, Петр, заколи и ешь»[28]. И ем.

Ну вот и все на сегодня.

Душевно Вас обнимаю и Ольге Александровне ручки целую.

Наталия Николаевна шлет Вам обоим чудесный привет.

Ваш И. Ильин

1930.VII.27.

Дошел ли до Вас Рус<ский> Кол<окол> № 9 и читали ли Вы в нем «Домового»[29]?

А будет ли еще Р<усский> К<олокол> выходить — неизвестно.

Господи! Как бы я с Вами повидался, по до-о-олгу!

А стихи Бальмонта о Царском Золотом — совестно, мог бы и лучше чихнуть — да и не только чихнуть! Вот тебе и мастадонт! Не мастадонт — а ферапонт!

Привет звонкому Ивику и Н. К. Кульману (не смею назвать его по-филиппински ... Ах, Вы шалун!)

<Приписка:> См. на обороте:

В Швейцарии замечательное открытие: придумали делать цветную фотографию, да еще такую, что одно и то же лицо может быть проявлено, каким оно *было* двадцать лет тому назад и таким, каким оно *будет* через двадцать лет.

Я снимался, вышло очень удачно: на двадцать лет вперед. Посылаю Вам один оттиск.

96

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<8.VIII.1930>***

26 июля / 8 авг. 1930 г. Villa «Riant — Sejour»
Capbreton s/mer (Landes)

Драгоценнейший Иван Александрович,

Уте-шили! Верно, что скулить некчему: скули, не скули — все худые кули, зернышка не зацепится. Да с душой-то что поделаешь, когда скулится. Собаки — и то скулят, а чего собака жалеть может! Зубы разве когда болят. А у души ***все*** **болит**. Но плохо, когда из пустяков заскулишь. Так и я — будто, из пустяков. Но *под* пустяками у меня целая прорва неприкрытая, она-то, не означаясь, — ибо **как** ей обозначиться — прорве-то? — и скулишь, укрываясь за мелочишками. Хо-ду нет! Отняли у меня читателя. Рос<сия> и Слав<янство>... — ведь это 1 1/2 читателя. Правда, и через эту дырочку иногда пошепчешь и услышат. Сегодня получил длиннейшее письмо из-под Гренобля, от офицера-студента[30], т. е. когда-то оконч<ившего> Моск<овский> Универс<итет>. У-те-шил, неведомый друг-читатель. *Все* мое, а особливо, «Праздники» — пишет — счастье ему и «всем нам» и радость. Молит издать книгой. Как рытель колодца, уставший, вдруг, под лопатой чувствует жваканье и видит, радостный, наливающуюся водой ямку, так и писатель вздохнет облегченно, заслышав далекий отклик кинутому в пространство **Слову**... О, дорогого это стоит! Лошадке овсеца всыпали. Но... рыболову бы на речку идти, а он в «рыбки» играет, на столе. А на реке за него впустую хлещут... **Это**, дорогой, придавляет душу. Певец перед полупустым залом не поет полным голосом.

Да, в «Возр<ождении>» — масоны. Вот, говорят, и бар<она> Нольдэ выжили. Зато Лукаши принимают вовремя помазание и побегушничество по кольцу Гукасова. Попала «добрая лошадка» недобрым кучеркам. Как тут не заскулишь. Вот и побираюсь у заборчиков, и надо жилиться, чтобы жить. Это — плохо. Туда сунешь, туда...

Но какая радость зато, когда похвалит Ваша Светлость! Как благословение достойнейшего Митрополита. У дьячка и руки задрожали.

Читаю «Домового». Верное, широкое и «интимное истолкование». Это — широкая, глубокая, тихая и чистая душа подошла и — **вняла**.

Интересовался Н. К. К<ульма>н (с моих слов), да жаль — остался Р<усский> К<олокол> в Севре, под спудом. Сюда езжу налегке. Низкий поклон автору. Я тогда же достал Пушкина и вчитался. И еще здесь перечитал. Вот те и «**раннее**» произведение! А на днях нашел, что не надо бы Пушкину петь молитву Ефр<ема> Сирина[31]. Куда выше подлинник! Не будь его, «Владыка дней моих» был бы одной из вершин творч<ест>ва П<ушки>на, как его «Пророк». Теперь читаю молитвы. Да до чего же «Иже на всякое время и на вс<який> час»[32] — чудесна! Сейчас передо мной лежит — а я вкушаю! — «Служба всем Святым, в земле Российской просиявшим». (Служба (вновь) восстановленная в 1-ое Воскр<есенье> Петровск<ого> Поста. Сто̀ит сия красота 7 фр., из братства Препод. Сергия Радонеж<ского> Сер<гиево> Подворье[33].

Чудесен Ваш «будущий» портрет! Все залюбовались. Хорош *крючник*! Вот Вам стихи за это — послал одной *русской девочке* — «Купола», открытка с карт. В<еликой> Кн<ягини> Ольги Алекс<андровны>[34]:

†

Посылаю тебе Купола
Чтоб душа не спала, не спала...
Чтобы благостный русский наш Храм
Пробуждал всю тебя по утрам.

Ты его в изголовье повесь, —
Будет снится он весь тебе, весь...
Будут петь тебе колокола,
Чтоб душа не спала, не спала.

И весь день будешь чутко внимать,
Будто шепчет родимая Мать...
А в ночи — озарят купола —
Чтоб душа не спала, не спала.

Приступаю к продолжению «Богомолья». Трудно, но, Бог поможет, — завершу. Это будет **перевал** в праздниках: дальше — с горки... А посему взбираюсь медленно. Ко Святому идешь ведь...

Обнимаю Вас, милый друг. Преклоняюсь перед Вашей святой работой. Да будете Вы здравы и радостны, и обнадежены. Я часто духом падаю, хочу и хочу молитв. Я бы на Афон ушел..! Устала душа, Бога и чистоты хочет. Но сил нет. Будем пока «добредать» с О<льгой> А<лександровной> — в пустыне. Не пришел час. Надо, чую, много готовиться. Не-до-стоин и *малограмотен.* Знаю. Поцелуйте от нас добрую Наталью Николаевну. *Когда* Вы именинник? Братски Вас обнимаю. Эх, слушал бы я Вас — молчал и **слушал**!

Ваш — раб Божий Иван.

<Приписка:> Приложение см. бел. листок!

Много здесь соотечественников. Бой-скауты, до 100 челов. С Кульманом — шлет Вам большой привет! — видимся ежедень. Он перешел на речку, с Океана. Я *не* ловлю: Многое надо сделать. Здоровье будто ничего, пью кр<асное> винцо с водой, ем лук с помидорами, — пока ничего, днев. сон после обеда, сла-дкий лук: ведь 2 с лишн. года не ел!

Издается новая книга — «Родное»[35]. Вышла интересная русская хрестоматия для ... французов, умеющих по-русски: «Pour bien savoir le russe»[36] (Россия и Русские), изд. Payot, Paris, 20 fr. Составители: S. Iablonovsky и V. Boutchik. Взято и моего — каж<ется>, слишком много, — о родном: «Крестный ход» (из «Въезда в Париж»), «Ярмарка» (Неуп<иваемая> Чаша), «Кремль» (Город-Призрак), «Храм Христа» — (Город-Призрак), «Верба» (Весенний ветер), «Душа Москвы». Эх, будут меня колоть собратья! А я невиноват. Да еще пишет мне составитель: жаль, что «Царский золотой» (96 пробы!) не вышел раньше! И опять — душа радуется: на страх врагам (всяческим!). Да что это во мне — гордыня? М. б. и есть малость, но — главное — оправдание: «научи мя оправданиям Твоим!»[37] Ну, выше голову! Не гнись, не скули, рабе Иване, не выпрашивай гроша, если «золотой» поблескивает и в душах читателей, не только в твоем мечтаньи! Видите — сам себя подхлестываю, как лошадка, завидевшая свой двор.

В небе плывут облака,
В море — волна высока, —
Все-то течет да плывет,
Все-то куда-то зовет.

Небо — бездумный покой,
Море — прозрачное дно.
Сердце... от силы какой
Бьешь все одно и одно?... —

Вот Вам — выражение нынешнего меня; к «стишкам» тянет?!

Вам посвящаю, — того ж и Вам желаю.

Ваш неизменный и — дай Господи! — чтобы: необоримый!

Ив. Шмелев.

Послал бы и я Вам «будущую» свою фотографию, да тут еще понятия не имеют об открытии!

Вот — от руки разве.

<Приписка:> Ваше слово о Шмелеве было бы для меня великой честью. Но... «куда уж *тут* **честь**, когда» и т. д. Для меня довольно с преизбытком, что Вы сердцем чувствуете, — это для меня укрепление!

97

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<30.XI.1930>*

17/30 XI 1930 Севр, 9, rue des Rossignols, (S. et O.)

Дорогой Иван Александрович,

За что забыли?!.. Писал я Вам в сам<ом> начале августа в Швейцарию, бо-о-о-льшущее письмище, с приложением, помню, картины собств<енной> работы, как я «ушедчи в монастырь», и с той поры ни Вы — мне, ни я — Вам. Да получили ли мое послание? не затерялось в горах швейцарских? Бывает...

Встосковалась душа, — хоть и весь я — лень-апатия-маразм, — и, перебирая светлое в днях черных, отдохнула на Вас, как птичка на перелетах опускается на тихую полянку. Здоровы ли Вы? Наталия Николаевна? Эх, и не поздравил я ее, несчастный-беспамятный, но не бесчувственный. Была же именинница рядом, Н. Ив. Кульман, и наш Ивик (Ивестион!), тоже 26 авг. И Вы, дорогой, д. б., — не как ли и я? — 26 сентября, Ивана Богослова? Но... Вот Вы урекали меня, что унылый я. «Духа праздности, уныния...»[38] Молюсь ежедневно. И — уныл, уныл. От сего и забвение, и месяцами лежат письма, и перо

пылью завеяно. Да что же делать, когда дух не находит себе пристанища, когда **все** болит... С недоумением спрашив<аю> себя, как же я мог, смог столько написать — **здесь**?! Тоска гнетет, тоска по родному, — и боль. Не милы мне никакие «фарфоры» заграницы. В Севре вот живу, на глине. Грязно, холодно, неуютно. У печурки сижу — дремлю. И дремлет в душе. Ах, не будите меня, газеты, Европы, мир сверкающий! Ах, шел бы я от всенощной, по снежку... скрып-скрып... Ах, милый фонарь, деревянный, масляный... О, ты милей мне всех, всех огней, всех Парижей и Берлинов, всех цветных и крутящихся огней Эйфеля! Скрып-скрып... Извозчик, Крымские бани... Гривенник! Бани, (тридцатку я любил!) полутьма, жар-пар. Полок, глухой гул шаек, жаркий плёск воды, шум вылетающего пара, будто залп, — дрогнет в окошках, лампы мигнут, и чудесное обжигающее облако подбирается и уносит тебя... ффу-у!.. Всю Европу отдам за тихую всенощную в снежку, за баньку, за родной лай собаки в тупике!.. Не пишу..! Устала Сивка на чужих дорогах. Ни остановок, ни ямщиков! En avant! plus vite![39] Ку-да-же?! Ни окошка родного, ни песни, ни... кулаком под морду (зато — и ласка!), а — en avant! Ку-да?! Не могу будучи и в шорах. Время приходит — молитвы нет. Все, все видится мне в ином освещении. Я забываю родное солнышко. Я тоскую по родной речи. Чужая дорога, да и то перекопана. En avant?!.. Ку-да?..

Ну, довольно «скулы». Помаленьку продолжаю «Богомолье». Ведь печататься могу лишь 1 раз в неделю. Ибо не под силу Рос<сии> и Слав<янству> — чаще. А уступать я не могу, дешевить. И они — *не* могут, знаю. А у меня такой ндрав: не могу писать — и беречь. Посему д. б. и дневников не пишу. Сегодня хочу начать. И все думаешь: успеется. И все как-то видится — ненастоящим и непрочным. Будто на станции. Я вот уже 8 л. на станции. А остальное — не считается. Я еще переутомлен (болел сколько язвой, а теперь неврастения, психостения, тьфу). Не знаю, какого бы фосфата? <*неразб*>-lecithine, Antastein, Fitine...[40] Что лучше? Скоро утомляюсь.

Пошлю м. б. скоро Вам нем<ецкую> кн<игу> изд<ательства> Philippe Reclam, Универс<альная> библ<ио-

тека> (дурацкую повесть издали, старую!)[41]. Матер<иальная> сторона плоха, моя. Но не ропщу: сие пустяки. А вот все кисну, нет бодрости, пламенности.

Отзовитесь: живой водой спрысните! Родной, Ив<ан> Ал<ександрович>! Спрысните меня, шуганите! В детстве бы отодрали — и встрепенешься.

Наталия Николаевна! С прошедшим Ангелом! Не смейтесь. Ангел всегда при Вас. Знач<ит> — и не с прошедшим, а — с Ангелом! Ив<ан> Ал<ександрович>, с Ангелом. А меня — шуганите, веником, да па-ру! Кланяемся и целуем Вас обоих.

Жена О<льга> А<лександровна> и я Ив. Шмелев —
Скула.

98

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<18.XII.1930>***

Именина моя:
7 января — Собор Иоанна Предтечи
Рождения моя:
28 мартобря.

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

1) Вчера читал здесь*) немецкую лекцию о Шмелеве. Первая Vorlesung[42] (неделю назад) называлась «Die moderne russische Kunstliteratur. Einleitung»[43], а вчерашняя «Die moderne russische Kustliteratur. Schmeljoff»[44]. Вот — разрешился от бремени, а там оказывается еще детвора копошится: надо было о Шмелеве часов шесть-восемь читать, а я ошибся — назначил всего два часа. Вышло густо-перегусто, а по существу недоговорено и несколько скомкано; ну да авось умру еще не завтра — тогда еще дочитаю. Говорил 90 минут без перерыва; в аудитории было муху слышно. А что говорил? — много будете знать — скоро состаритесь, а это нельзя, Вас надо беречь. Шел я моим методом — от анализа эстетической материи, к эстетическому акту, эст<етическому> образу и потом предмету. После лекции ко мне, между прочим, подходила профессорша, жена здешнего известного теолога — всю лекцию записала и мужу принесла на обсуж-

*) Берл. Унив. Аудит. № 29 от Русского Научного Инст<итута>.

дение. Указал все Ваши переводы — и где вышло и прочая. Словом — русскому Шмелеву — ура!

2) Посылаю Вам том только что мною выпущенный — большевикам 28 пощечин. Что мне стоило!! Не спрашивайте — знает только мой ангел-хранитель. «Welt vor dem Abgrund»[45]. Книга идет с самого начала, по объявлениям и подписке было куплено и заказано больше одной трети тиража (850 экз.). Покупают буквально по всей Европе — до Афин и Сиены включительно. Подношу Вам — художнику мировой скорби (смотри лекцию Ильина о Шмелеве) сию книгу страдания.

3) Мы привезли Вам из Сиены византийскую Мадонну — по-русски Образ Богоматери (фотографию), которую тоже Вам посылаем. Она с греческими складками, греческого письма и сама поглядит на Вас своими большими очами. И утешит, и обнадежит.

Ждите, дорогой, вдохновения! Придет!! Нельзя носить такое бремя, какое Вы носите, и писать непрерывно... В молчании вынашивается тайное и святое. Томительно оно, молчание — но что же делать?!

«Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется»...[46]

В феврале м. б. буду в Риге; хочу о Шмелеве по-русски прочесть. И мечтаю в этом году увидеться с Вами. Как будто удастся!

Поздравляем мы оба Вас и Ольгу Александровну с Рождеством Христовым и обнимаем братски.

Ваш всегдашний И.

1930.XII.18
Адрес: Berlin-Westend
Bayern Allee. 5.

Спасибо за Liebe in der Krim![47] Она пришла как раз в день моей лекции утром!

Страда моя с книгой началась 20 сентября. 23 окт. приехал в Берлин простуженный, грипп, температура. Поселились в пансиончике, болел и напряженно работал, как лошадь. 10 ноября сделался у меня Herpes Zoster — 47 мелких фурункульчиков на пояснице — врачи сказали «чисто нервное заболевание, от перенапряжения» — продолжал работу. Кончил 5 декабря, а уж 9 и 16 читал новые лекции по-немецки.

В книге прочтите: два эпиграфа, потом мою Einleitung[48], потом мой Nachwort[49]. Если хотите знать, что *сейчас делают* с мужиком — прочтите вторую часть статьи Критского[50]. С рабочим — мою статью Die Lage der Arbeiter[51]. Много и подряд *не читайте* — заболит солнечное сплетение от муки душевной!

1931

99

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<5.I.1931>*

23 XII, 30 г. — 5, I 1931 г. «Христос рождается — славите...»

Дорогой друг, Иван Александрович,

С Праздником Рождества Христова — Наталию Николаевну и Вас, милые, и да воссияет мирови Свет Разума![1] И в ваших сердцах да воссияет свет, тот чудесный, святой Свет, который во мне, с детства, смешивался с сияньем ночного снега — от звезд — с синевой рассвета в морозном хрусте, с палевыми дымами, с садами в воздушном инее, тронутом и багрецом, и пунцовым, и золотисто-живым сияньем солнца, особенного рождественского солнца, которое будто остановилось в саду, застряло на деревьях — шаром, огромным, красным, «рублевым» шаром, что̀ всегда, бывало, заканчивал связку и никогда никем не покупался. Эх, бывало, мечтал о нем... и — не вышло. У каждого из нас таких «шаров» имеется — у кого что. С Новым Годом, и будьте счастливы своим счастьем, и да попадут Вам в руки «шары»-мечты! «Христос с небес — срящите!»[2] Слушаешь за всенощной, бывало, и в этом «срящите» слышался мне такой-то мор-розный хруст!.. Програчили, милые, «хруст»-то этот, не долюбили Россию — додолбили. Как же нечутки были! Все, **все**... И вот, за ошибки и преступления «разумных» — **все** в ответе, будто осуществилась странная «философия» моего тронувшегося Шеметова из «Лика Скрытого», — писал еще в 15 году! — «не ты — так тебе!» — «а ты — так всем!» «Круговая порука и ответст-

венность». Повара настряпали, насолили-наперчили — все лопай! Ну, вот те и мор-розный хруст! вот те и «срящите». Клубок... а ниточка-хвостик клубка-то этого в самом его нутре — найди, попробуй! Я перестал искать, и только мысленно скулю: «Господи, не вмени мне!» Ибо каждый из нас своего меду капельку приложил. Вот и слушай «хруст», как чвакает под ногами «европейское». Я не могу теперь Пушкина читать: щемит. «Мороз и солнце. День чудесный... Еще ты дремлешь, друг прелестный...» Недавно попалось мне из «Нивы» — ! — иллюстрация, как в деревне причт Христа славит... в лесу сани, в елях, дьячок на простянках[3] сзади попа пристроился, смерз, а лошаденка бе-э-лая, а снег-то белый-разбелый, на елях подушки, и звездочки точками, в тучах, и уже метель вот-вот... и вдали — чу-уть огонечек... теплый такой, — вечер святочный... И поднялось такое...! Выскочил бы из шкуры... а мимо окон версальско-парижские поезда в огнях, и радио по-соседству шансонетку французской девки разделывает — через стекла слышно! Эх, ты, гармошка на морозе, скрипучка... пьяная ты, но сколь же ты сердцу ближе! Не гожусь в европейцы.

Перышком бы я построчил, да пальцы сводит опять, невралг<ические> боли. Перышком — гусиным бы! — душа мягче выскажется, а тут этот «тук» мешает[4].

Эх, перекинулся бы я в век давний, жить бы мне на лыке — на лучине, во пустыне, во времена Сергия, Саввы, Стефана[5]... — лютые были времена, но сколько же и высоты было, и какой! Читаю, как обители строились. Прошло? совсем прошло?!.. Да где же мы-то были, я-то где был, дурак?! Почему не исколесил Россию? почему не излазил на коленках по всей, по всей! Ведь **там** камни бы пели-плакали... А здесь — я ничего не слышу: немы и мертвы мне камни европейцев. И слова живых — камни в душу. «А знает ли достопочтенный джентельмен... и что он думает предпринять?» Все знает, но ничего не думает. Вот, би-рюльки! Кажется — сон дикий снится. И называется — XXI век. Пусть называется.

И все же — с Новым Годом. И все же — Христос рождается, ибо не может иначе быть. Наперекор всем Европам, всем радио, всем джентльменам... рождается, ибо

не завершена Великая Мистерия, и «апофеоз» не пришел. 14-18 гг. — только приготовительный класс был, только «птичку Божию» учили и — провалились на ней, а завершится-то «аттестатом зрелости»... сколько же еще экзаменов и провалов! И представляется мне, что мы, страданием или, вернее, безмолвными созерцаниями страданий — при обилии словоизвержений в... вату! — наученные — ? — путаемся как блохи в хлопке, с нашими «опытами», в высоко-культурном мире! И хочется подчас, с горькой насмешкой над собой выкрикнуть, перефразируя: «смирись, горделивая и глупая блоха!»[6] Соломинки мы в Ниагаре, и этот шорох соломинок — кто поймет?! **Все** — страшнее и глубже, чем казалось еще недавно. Мне, да. Мне. **Мы** не делаемся лучше, никак не свежеем, никак не возрождаемся. Я хотел бы понять, как Святые бы были на нашем месте... Порой такая тоска одолевает — и я творю молитву. Ну, да смилостивится Господь! И все же — «Христос рождается — славите!» —— !

К — миру сему. Тоном ниже. Моя переводчица с немецкого (на немецкий?) спрашивала меня, нельзя ли добыть Вашу лекцию о Ш<меле>ве. Она хотела бы попытаться напечатать ее, — а где — не ведаю. Я ей ответил, что напишу Вам. Но Вы, чую, **творили**, говоря, и нет у Вас лекции. Вы — художник, я вот как чувствую Вас! У Вас был конспект и нет лекции... Писали Вы мне — «много будете знать — скоро состаритесь». Готов одряхлеть, а — знать! Не боюсь старости, ибо она — вот. Ибо «мед течет с языка твоего», как говорят восточные мудрецы, — «и шафран расцветает в устах твоих». И посему — мед съеден слушателями, и шафран такожде. А нам остается уповать на милость Божию. Вчера Ник<олай> Карл<ович> К<ульма>н взял меня за грудки и грозно требовал лекцию Вашу. (Он ***не знает***, что она и мне нужна: я ее послал бы профессору Агреллю в Lund. А для чего — будет ниже!) «Она мне нужна!» Ибо — «все, что выходит из-под пера И<вана> А<лександрови>ча, всегда глубоко и высоко!» Да, я знаю. И сказал я: «так глубоко, что ныряй — не достать, и так высоко, что не поймаешь, ибо мед и шафран». Нет, кроме шуток. О, как нужна была бы Ваша лекция! Мне — для... потомства,

которого, — увы! — нет у меня, но я говорю не о моем. Нужна для литературы — не **моей**, только. Да знаете ли Вы, что Вы созданы для служения Господу в гимнах?! Искусство — страшная сила, не мне говорить Вам. Вы должны бы очищать «конюшни искусства». Вы должны создать великое, такое, перед чем все Тэны, Брандесы, Лютеры[7], Белинские с — умным и тонким — Айхенвальдом... — одно чревовещание!? или — червовещание? Вы ведь **дышите** правдой искусства. И я говорю это, конечно, — вот, Господи! — не потому, что благосклонно находите «зернышко» в моих книгах. Еще их первой и единственной встречи с Вами — 4 года тому — из беседы с Вами, слушая Вас, чувствуя Вашу потрясающую интуицию в области искусства, я понял, что Вы — страстный художник, какой-то «сверхученый-художник», который **должен** принести миру, забывшему **все**, новое слово, обновить его новой мыслью, в области эстетической и... нравственно-творческой. По Вашим этюдам и статьям, всегда меня поражавшим сгущенностью, силой и глубиной содержания, при прозрачной ясности изложения, я чувствовал, что Вы должны «творить искусство», вести слепцов, явиться как бы пророком в «науке творчества», создать свою «школу». Это д. б. школа «русской эстетики», христианской, православной, высоко-человеческой! Вы вывеяли бы всю гниль из «искусства» и посеяли бы доброе зерно. Я завидую той чудесной атмосфере художественной, которая создается вокруг Вас, хоть Вы сего мож<ет> быть и не замечаете. Я помню две статьи Наталии Николаевны, из Пушкина. Помню этот анализ, это **новое**, чего я не замечал в стихах Пушк<ина>. Это же — «атмосфера»! Вы, как маг, вскрываете чудеса. Этот «дуэт», работа общая Ваша, меня восхищает, и я хотел бы умолять Наталию Николаевну, чтобы она, **такая** чуткая к «внутренней музыке и мысли», непрестанно требовала от Вас завершения Ваших основных творений, о которых Вы 4 года тому мне мельком сказали. Вы совершите великий грех, если не дадите нам, многим-многим, Вашей «эстетики», В<ашей> «теории искусства». Это же — весь закон и пророцы... тут вся философия, ибо Бог бе Слово! Вот Вам «Христос рождается — славите!» Славьте же

Христа! Вам назначено — **петь**. «Все и во всем Христос». Во всем истинно прекрасном. Не мне бы Вам говорить это: я щенок тут, пчелка, ждущая меду...

Не растеряйте в «дне сем» великого дара! Ибо Вы — не трибун только, а главнейшее — Вы — творец ценностей духовных, всему человечеству необходимых. Потебня[8] дал — «Мысль и язык», неудобоваримое, но сладостное, когда «вкусишь». Вы должны дать «Дух и Слово», тот духовно-сладостный «динамит», который не калечит, а **лечит** души и раскрывает в Слове, Словом, — прекраснейший мир Божий, в слове и звуке, и мысли, в творчестве Человека! Может быть еще и науки такой нет, такой особой философии, — а Вы ее уже **знаете**! Она уже **есть**, только не вскрыта никем еще, есть в творчестве всех великих мира, замурована в библиотеке, и забыта! Вы ее вскроете, и откроете Ключ Живой. Я не могу слов найти, оформить, как это надо, но я чувствую, что Вы можете создать. Вы — высокой культуры! Эх, говорю я, дикий человек, знаю. У Вас Гегель и Мегель, и Кант и Брант, и Рант... — в жилетном кармашке, прямо! Но я — чувством чую, как легавая — дичь по лету, по следку в воздухе. Подымите свои труды — Европе и всему миру ткните!

Пропел Вам славословие? Нет. Хотел бы — укорить. Известно: эти русские талантищи — или гениальные лентяи, или «мнители»: — так мне один сапожник сказывал про нерешительного человека: «такой-то мни-тель!» От слова — мяться? Вы не лентяй, о, нет... а — «слишком широкий», надо бы Вас сузить. О Храме не забывайте. И — простите, не смею я Вас учить: я лишь — взываю-пищу.

И еще — о «дне сем». Дуреют люди, или — притворяются? Как-то читал три-пять фельетонов этого Ремарка[9]. Отсюда новое слово надо. Как пишет мне Амфитеатров: не «рекламировать», а ремаркировать. Я с отвращением бросил: по-мойный... хуже! — «писатель»! Портной, по лекалу. И — прескверный. Отхожим местом тянет. Где же — «жив-человек»? Зверюги, и — вонючие. Позор, и этот позор шумит. Тьфу! Не читал его «На западе», и не стану. Шулерство. И его еще прочили в канд<идаты> на пр<емию> Нобеля! На днях читал, что Мереж<ковский>

и Бунин тоже были кандидатами, и серьезными — Л. Синклеру[10]. Побил американец, на голову. «Горе» русским, что нет в К<омите>те никого, кто читает по-русски, но есть «представляющие». Один из таких — копенгаг<енский> проф<ессор> — славист Антон Карлгрэн. Еще в унив<ерситете> Лунда, в Швеции — Зигурд Агрелль. Он и представил. И Мережк<овского>, и Б<унина>. И не остановился на одном из них. Провалили, в виду сего, будто. Ну... теперь я хочу Вам *по секрету* (!). Синклеру дали... — «по соображениям». Трудно нашим, конечно. Тут и «политика». Мешает. И — государства нет у русских, — пришлые. И вот — предвидя провал — я все же хочу рискнуть. С одной стороны, хвалит меня умнейший человек Европы, то-нкий ученый и художник. Вы его знаете, как самого себя. Раз. Другое: имею некоторый багаж: 26-28 иностр<анных> изданий, на двунадесяти языках. Два. А больше ничего. Нет — главного: представлятеля. Э, — думаю, рыскну, зная, что на 99 — провал. По-слал Агреллю 4 книжки нем<ецкие> и — письмо. Скромное. Конкурс — предстаю на суд. В 99 случ<аях> полагаю, поставит мои книжечки М. Агрелль на полочку, к миллиону прочих. Сельме Лагерлев[11] послал деликатный привет и книжку. Она когда-то прислала мне оч<ень> хвалебное п<ись>мо за С<олнце> М<ертвых>, немецкое[12]. Спрашиваю ее, м. б. «Чаша» не отвечает духу северн<ых> чит<ател>ей, скажите мнение: дело в том, что чудесный перевод, сделанный шведкой, переводившей «Человека»[13], изда<нно>го в Стокг<ольме> и удостоившегося хваления Гамсуна[14], не может найти издателя, — говорят, маловато для томика, хотя все одобряют. Если Агрелль, паче чаяния, представит, — но думаю, опять или Бун<ина> или Мер<ежковского> представит, — тогда я все же пройдусь тенью по Комитету и — освоюсь. Одобряете этот жест наглости? или — сумасшествия? Написал еще другу — он меня любит, как писателя, и был у меня года три[15], — проф. и ректору Лейденского ун-та Н. ван Вейку. С другой стороны, думаю: Нобель оставил капитал для поощрения писателей, творчество к<оторы>х проникнуто человеч<еским> идеалом. Я, думаю, что-то человеческое приношу к читате-

лям, иначе бы не мог, по совести, называть, считать себя русским писателем: слишком **нас** обязывает наша высокая литература. Что же, могу я соревноваться? Вот и решил. Благословите, дорогой друг и учитель. Великую духовную опору вижу в Вас, имею. Вы меня ободряли. А по правде сказать — я страшусь сделанного шага. Я все еще чувствую себя — с Замоскворечья. А тут — мир... Впрочем, меня ведь читают в нем, на двух континентах. «История люб<овная>» взята америк<ански>м изд-м, договор подписан. Мало грошей, и аванса не присылают все, но договор подп<иса>н. И еще до 6 кн. рождается в иностр. род<ильных> приютах. Будет — 35 иностр<анных> изданий. Старенькая «Лиебе ин дер Крим»[16] — пишет Ремарк, — получает «необычайно благоприятн<ые> отзывы печати», намекает на возможность издания другой книжки. Только вот в Швеции не везет: одна всего книга, «Человек». Деньги нужны, слава? Главное, хочется «силы испытать», «счастья попытать», кровь пополировать. Ни-чего не б.!

Ну, Господь с Вами! Сердечно, с О<льгой> А<лександровной>, желаем Вам с Наталией Николаевной светлых дней нового Лета Господня — благоприятного! Обнимаю Вас и благодарю за любовь и дружбу, которою нас дарите. Ах, как одиноко порой! И уже нет для нас жизни... — а эти «пробы», «посылы книг», «премии», — оттяжка, забытье, отвлечение, самообман, чтобы «этапики» себе ставить и ждать сроков, и не замечать дней...

Ваш неизменно Ив. Шмелев.

И смешно мне, Бунин, пожал<уй>, горделиво скажет: куда конь с копытом... — «на ска́чках»!

<Приписка:> Обнимаю и братски целую, как и О<льга> А<лександровна>, обоих!

100

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<5.I.1931>***

23 XII 1930, вечер Сэвр

Дорогой, милый Иван Александрович,

Слов у меня нет — выразить Вам, как Вы одарили душу мою!

Знаете ли... дня три тому, в тоске, к<отор>ая наваливается порой — и не скинешь! — я, лежа на диванчике, (всегда, в тоске, **заваливаюсь**!) думал: Господи, надо бы мне образ, старый образ, иконку найти, чтобы Она меня увела в **мое**, далекое... — от **всего** здешнего и нынешнего... Я вспомнил Троицу, старый-старый образ: отец благословил им меня в 1880 году, 50 лет тому, в самый день моего Ангела — Иоанна Богослова, 26 сент. Я, помню, плакал (мне было 7 лет с днями), понимал, что совершается важное и горькое, и — страшное. Отец был уже слепой (начались параличи, след<ствие> падения с лошади, верхом ездил и его протащила лошадь, а нога завязла в стремени, — болел 6 м.), 8 окт. скончался. Так вот, я вспомнил о Св. Троице. Где икона?... И «благословение» свое не вывез! Вставали передо мной иконы дома... как я их ясно вижу! Ах, если бы Ангела своего достать! ***Моего***. Икону мне мать купила, новую, когда мне было лет 12. Теперь и она — где? — уже старая. Я увидал древнее наше «Страсти Христовы» (в очерке «Москвой»), Всех Праздников... Казанскую... Иоанна Крестителя — о, какой древний! Ангела «на одной ноге», — так мне казалось. Где они все?.. — в которых живут или рассеянные, или страстно молящие взгляды предков?!.. Боги дома. Святое дома. И — остановился в мыслях на Богоматери. Темной иконе, «строгой», внеземном лике, в котором не уловить ни одного земного чувства и в котором — **все** и **вся**. Сердце найдет *все*. И вот, дар от Вас — дар от Вас обоих, дорогие, — Богоматерь! Пишу и смотрю на Нее — Чаша Неупиваемая! Нет, не кощунствую, — Чаша, Неупиваемая! Какая тайна в этом Лике? *Все*. И покой, и боль, и **знание** всего, и — ответ, и обетование, и — надежда, и — «да будет Воля Твоя». «Се раба Господня» — и Матерь Света. Да что слова! Благоговей и не мудри, и не проникай, а — приими по силе твоей, по вере твоей, по горю твоему.

Это — дар, — я ***такого*** не получал с *того* дня, 50 л. тому. Но в этом даре — укрепление, благословение, благодать. **Тогда**, от отца, я, неразумный, получал (Св. Троицу) на путь впереди — на открывающуюся Жизнь, не сознавая, чуя лишь. Ныне — дружеское «укрепление».

Путь почти пройден. Путь тревожный, горький, очень горький, с блесками яркой радости (любви, отцовства, творчества). Путь — под гору огненный, сжигающий. Я знаю, я полуобгоревший, я — калека. Я как благодать принимаю эту Святость Сиены, великое даяние Господа, через Вас, через Вас обоих, милые друзья. Оба мы с О<льгой> А<лександровной> принимаем. С Ней — дойдем под гору, с Ней в сердце. Этот снимок для меня — в Небесной Ткани, живой, бесплотный-живой. Огромное я вижу в Ней, в чуткости душ Ваших. Утешили. Что может быть прекрасней, выше, чище, глубже, что может **оправдать** все, все в человеке? Да ведь дух творца Великих Икон ***все*** оправдает. Дал бы Господь выразить **это** чувство в слове! Я *должен* бы написать две вещи: «Иконка» (давно задумана) и «Иностранец» (еще давней!). Но раньше я должен закончить «Лето Господне». **Она** мне да поможет, да освятит!

Милые, как мне благодарить Вас! Теперь — это посл<едний> год! — для меня нет никакого искусства, кроме — Святого. Если бы я мог **слагать** молитвы! Болезнь ли это души, тела ли — не знаю. Но **знаю** одно: я должен себя выразить. И сколько я отброшу, забуду, когда-то мечтáнного! Нет, я «Солдат» каж<ется> писать не буду. Это — тлен. Это скорлупа. Я хочу «зерна», я хочу, чтобы **душа** пела или ныла, или — славила. Господа жажду. С Господом хочу, по Его зову творить — тихого хочу, двойного-неделимого! «Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим!» и — «Слава Тебе, показавшему нам Свет!»[17]

Целуем Вас с Наталией Николаевной. Господь да благословит Вас.

А теперь — из «довлеет дневи злоба его»[18]. К плоти жизни. В субботу 13-го я утром послал Вам книжечку. Это давний рассказ, о к<оторо>м я забыл. Почему-то его выбрала пер<еводчи>ца. Reclam издал (понравился!). А через неск<олько> часов *случайно* увидал в прочитанной газете «Посл<едние> Нов<ости>», брошенной на диване, перед отходом ко сну, — Вы читаете... Schmeljof![19] Меня как пронзило! Зову О<льгу> А<лександровну>. Это — Вы пришли, Вы посетили к<ак> б<удто> нас. Я болею, я

опять болею, как 3 года тому, как 20 л. тому, как 8 м. тому. Обычное — бросил принимать висмут, нарушил диету... ну, скучно. И Вы — посетили. Я подумал, да, да... — значит, я еще есмь?.. Странно было сочетание: рус<ская> литература... я... И *освещалось это* — Вами. Это — серьезно, это не призрачно. Это — венчание лаврами! Я был очень рад, под-нят, одарен. Дорогой Ив. Ал.! Знаете, я все еще не могу свыкнуться с мыслью, что я м. б. ***что-то*** дал людям, жизни, русской литературе — своим словом и чувством. Я все еще — я, маленький, с Калуж<ской> ул., с нашего двора. Да, да. И так я еще нуждаюсь в «няне», в Горкине[20], в благословляющей руке, в руке, ведущей... я все еще страшусь неведомого, я все еще жду, чтобы меня перекрестили, на сон грядущий молитву чтобы повторял. Я все еще прошу укрытия от бед и зол, няниной ласки. Да, да. Я все еще не выучил урока, и мне поставят двойку — вот мое ощущение. Так теперь Вам ясно, *что* испытал я! Спасибо, милая «няня»... Я вспоминаю отца... — он больше остался во мне, хоть и оставил меня 7 л., чем мать (старушка жива, ей 87-ой год). Вы подошли и ласково погладили меня, поласкали: «ничего, дружок... все минется, одна Правда останется!» Верю. Я не слыхал, и не знаю, что Вы говорили. Но я **знаю**, ***как*** Вы говорили! «Мировая скорбь»? Знаете, дорогой друг, я теперь **вижу**, что не даром «скорбное» давно-давно во мне проросло, искало форм. Зеленый-розовый, я скорбным (почему-то) начал, смешным скорбным. О бутошнике Семене — ? — начал! И с первых шагов я — жалел! С сам<ых> первых шагов. Жалел, когда уходили от нас служившие, жалел всегда, и всегда томило. Всю жизнь искал — томиться. И так ***все*** и прожил. Были миги... но серый полог надо мной, над нами, а я очень люблю солнце и... голубые небеса. И шутить люблю. И порой — отдыхаю на шутке, на остром и легком слове — живой жизни. «Дрожжи» семьи, предков... какие-то «дрожжи» сказались. Теперь, подросши, я чувствую, конечно, глубже... — но найду ли, что сказать? Какой «сказ», когда, чудится, *все* уже сорвалось с винтов, все скрипит, и не подвинтить, ибо ржа проела и моль потравила. Суд идет! И уже по-здно сказывать и сдерживать-устрашать.

Вы повенчали меня лаврами... Из *Ваших* рук я благоговейно — счастлив принять хотя бы единую ветку. Вы имеете власть давать — украшать, одарять. Я счастлив и крепко благодарю. Льстите мне? Смотрю в себя: нет, я уже преодолел *это,* слишком большое и страшное переживаем: я — радостно и по-хорошему счастлив: Вы даете оправдание мне, работе жизни моей, и я готов воскликнуть: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко...»[21] Вот — и еще дар, нетленный.

И еще, еще... Я получил Вашу **великую** книгу — «Мир перед пропастью». Да, это — **труд**. Это — пытка. Это — ад. У меня зарябило в глазах, и меня затошнило... кровью, когда я поглядел «ссылки-сноски»... Можно сойти с ума, лишиться речи, сна, покоя, чтобы проплыть эту страшную океаническую... бездну ужаса, зверства, крови, безумия, извращения духа — эту апокалипсическую удушающую палестину без мер. Так, **читать**!? Жить в **таком** «материале»?! Господи! Когда я писал свою эпопею[22], я ***не был***, я же был потусторонний, я был *вне*, я... в кошмаре писал? Это же не челов<еческий> труд, мой-то, но я ведь был уже не **здешний**. У меня «здравого» нельзя найти. Пела — пела боль, писал **дух** за меня. И это меня надорвало. Впрочем, я был уже Лазарь[23], вновь, *нехотя* живущий, вызванный! Гряди и — вой! Я — выл. Боль во мне выла, а меня уже не было. ***Как*** я **есмь**?! Чудо. Господь. И я понимаю «Abgrund»[24]. Все понимаю. ***Это*** — сверхтленное, сверхстрашное. Когда-то, если мир уцелеет, в чем я сомневаюсь, — будут говорить: «и были люди, и они... сходили во Ад». Вы сошли и ведете. У меня нет сил говорить. Это сверх норм человеч<еских>. Я *понимаю*, *что* это. Но я не понимаю, *как* это преодолено. Воистину, Ангел-Хранитель крылами держал! Да, это памятник. Но «мир»... — он давно далек и не видит. «Чаи да сахары, а сами катимся с горы!» (Прочтете в моем «Богомольном садике», III оч<ерк> «Богомолья»).

Поклоняюсь Вам за страшный дар. Увы, я совсем плох в нем<ецком> яз<ыке>. Но я достану словарь, я научусь читать и прочту, что указываете. Вы свершили подвиг Геракла, или, вернее, Преп. Феодоры[25]. Вынесли серный чад и дышите.

Дорогой Иван Александрович, дорогая Наталия Николаевна!

Да будет Божие благословение и милосердие с Вами!

Больше у меня, лучше у меня и О<льги> А<лександровны> — слов нет.

Если бы Бог дал повидать Вас!.. Будем верить, что дарует милость Свою.

Крепко обнимаю Вас, благодарственно кланяюсь Н<аталии> Н<иколаевне> и целую руку.

Ваш одаренный щедротами В<аши>ми Ив.Шмелев.

<Приписка:> В обмен на «Ад»[26] я надеюсь послать Вам след<ующую> книгу мою «*Родное*», но она выйдет, думаю, не раньше апреля. Там и «Росстани»[27].

101

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<19.I.1931>***

19 января 1931

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Долго не отвечал; очень задачу трудную Вы мне загнули. Текст моей лекции у меня *есть*; я по-немецки всегда и все пишу дословно. Но это *черновик*, черновой *набросок*. *Печатать* его в таком виде и *не могу* и *не хочу*. И *по рукам пускать* тоже *невозможно*; *не со-гла-ша-юсь*.

1) Там всего одна пятая или десятая того, что *надо, необходимо* сказать о Шмелеве; а в произнесении лекция шла 90 минут без перерыва (больше 2 лекц. часов).

2) Это лишь неразвитая схема, набросок, замысел.

3) По не-мец-ки; а я хочу говорить о Шмелеве полным голосом *по-русски*, черт возьми!

4) Это *вторая* лекция курса; первая вскрывала эстетические предпосылки, без которых мало кто и мало что в лекции о Шмелеве поймет.

5) Дописывать и развертывать я сейчас совершенно не могу — с тех пор я уже прочел о Ремизове, сейчас пишу Бунина, через неделю надо обработать Мережковского[28], а еще через неделю в один присест Краснова[29] и Алданова (параллель)[30].

6) Срок до 31 января в Нобелиде — что можно успеть сделать до этого времени? Как же мне быть?

Я убежден, что Агрелль и Карлгрен уже остановили свой выбор на тех, кого им подсудобили. А что подсудобливали — я знаю.

Я предлагаю другое.

Мы начинаем про-Шмелевскую кампанию на 1932 год. С подготовкою, с отовсюдной мобилизацией.

1) Переводим статью Бальмонта «Горящее сердце» из Сегодня[31].

2) Добываем отзыв Н. С. Арсеньева, который в своей небрежно и наспех написанной «Die russische Literatur der Neuezeit und Gegenwart»[32] — прописал о Шмелеве «die bedeutendste schriftstellerische Kraft, die in der russischen Emigration sich befindet» — «er wird einmal zu den Grossen der russischen Literatur gerechnet werden»[33].

3) За это время напечатается где-нибудь мой этюд о Шмелеве.

Переберем славистов, подготовим дело и двинем. Мережковский есть одно дутое недоразумение. Но я не понимаю, какой «человеческий идеал» или «идеализм» можно находить у Бунина. *Мрачнейший* из *эпикурейцев*; *из всех прозрителей в человеческую бестиальность — нещаднейший*; *великий микроскопист элементарно-родового инстинкта.**) Его учитель — Лев Толстой в «Смерти Ивана Ильича».

Вот трудности мои. Я *пришлю* Вам о Шмелеве — но *в феврале* и *по-русски*.

Ваше чудесное письмо перечитал много раз. В том, что Вы пишете о моей «мнительности» — Вы *ясновидчески правы*. Наталия Николаевна — Ваша полная единомышленница; говорит — «я всегда и неустанно это все говорю — а ты не слушаешься».

Но об этом мы переговорим с Вами *лично* и *подробно* в течение *ближайших* месяцев (о *сем не разглашайте*! будет у Вас — *секрет*!!).

Душевно Вас обнимаю.

Ваш И. И.

---

*) Где Ник<олай> Карлович К<ульман> отковырял у него «идеализм»? Какою Копоушкою?!

102

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<18.I.1931>*[34]

5/18 I 1931 г. Севр

Дорогой друг, Иван Александрович,

Близится день Ангела Вашего — упомнил я: Собор Св. Иоанна Предтечи Господня! — и поздравляю я (с О<льгой> А<лександровной>) Вас со всем жаром (37.8) сердца моего, а дорогую Наталию Николаевну — с именитым Именинником (а иные еще и до сегодня пишут — «с имЯненником», за что — кол!» из «Ист<ории> Люб<овной>»). И да проведете Вы день сей во вкушении яств сладких, и в питии напитков веселящих, со вкушением пирога (увы — без вязиги!) и протчих сладостей, предварив сие пребыванием во Храме Божием (увы, без колокольн<ого> вызвона!) и прогулкою по Bayern Allee (увы, — полагаю, — снегом не занесенной и не хрустящей), при t° с +, а не в — 25°.

Желаю Вам: провести день оный — а такожде и следуемые — в мыслях светлых и благопоспешных, уповая на милость Божию; животом (от гусеядения) не страждать, в главе кружение не иметь и к очищающим либо закрепительным, не обращаться; посуды и всякой иной скудели не бити, а пуще с супругой обхождение доброе имети; в лотерею, на госуд<арственную> бедность, выиграть елико-велико; письмам нижеподписавшегося болящего главою раба Ивана — веры не давать (последнему, от 6 генваря н. ст. — получили?), ибо писал, оказывается, в t свыше 38. И, вообще, — да благословит Вас Господь!

А я — уже другую неделю болен, перенеся незримо грипп, а посему рассасываю последствия: бронхит, и глубокий, с залежами, — и сейчас t° в повышении. Доктор нашел и слабость сердца. И пью какие-то сиропы, и ставлю банки (и катаплазмы!), но — увы — не «банки». Вот я Вам с жару-то и дерзнул возгордиться литературно, и возмечтал. Не верьте, куда мне в калашный ряд! Многое, что писал, не помню, так — мельтешится. А я о Нобелевской премии! Это меня грипп (без насморка, внутренний) подогрел.

Простите дерзновенного. Не пишу, не читаю. Вам пишу, лежу, бумага вся вышла, — на машиночной мажу. Получил восторженное п<ись>мо от Thomas`a Mann`a[35]! Так пришлась ему по душе моя книжечка «Liebe...»[36] Помолитесь за болящего. О<льга> А<лександровна> с ног сбилась. Устал. Обнимаю Вас. Поцелуйте за нас Н<аталию> Н<иколаевну>.

Ваш весь, раздавленный болезнями, Ив. Шмелев.

11 ч. ночи.

Сейчас наложат катаплазму — уфф!

103

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<1.II.1931>***

Февруария первого года 1931-ого

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Очень я тревожился это время о Вашем здоровье. Как это так можно упустить экий бронхит. И запрашивать совестно: Вас только утомишь. Наконец сегодня эта дурында Городецкая[37] нагородила, успокоила: на диван перебегает, руками «параллельно» машет (наблюла, фельетонщица шаромыжная!) — ну, думаю, значит на поправку пошел! Слава Богу!

Напишите, пожалуйста, как обстоит со здоровьем? Да *берегите* Вы себя! Вам надо еще *эдакое* сказать и показать!

Спасибо за именинное письмо! Тронут был.

А я теперь сам в гриппе. Да засел дома — берегусь — не выхожу — хоть бы там все лопнули... Тоже хочется и мне кое-что написать. Хоть и гниет мир, а я Господу воспою — авось *потом* человеки прислушаются.

Ах, в лотерею я бы выиграл! Ах, выиграл бы! И вздохнул бы. Чтобы выйти из звания зоологического:

№ 3817. Собака подзаборная (canis podzaborniensis) — помесь конурной и тасканской, стадами не водится, огрызается в одиночку или пáрами.

И огрызаться надоело; а надо. 27 января на Мережковского огрызнулся (лекция). Намылил, обрил, спиртом примочил (адикалоном — жирно будет), и опять обрил, и

опять. Все скобло́ соскоблил. Теперь буду ждать от него и от нея «ассассинов»[38]; ибо пока им кола *осинового* не забьют, они все будут ассассински злиться. Как сказано в несвященном писании

«В них от зависти и злобы
Почернели три утробы» — четвертая чернеет.

Итак: почтил Шмелева, Ремизова, Бунина, Мережковского. На Краснове и Алданове заболел — *гриб*; но так как, кажется, еще не *гроб*, то думаю весною продолжать. О ком, о чем (предложный падеж)?

Вот надо Максимке Горькому сделать — скотский падеж.

А еще кому? Присоветуйте!

Из старых надо бы Чехова показать — где силен, где слаб; поучительно! Куприна — стоит ли?

И медленно подбираюсь к *большим*.

Эх, кабы можно было это все печатать. Не в Совримедных же Жописках[39] (pardon! mersi!!)??? И я туда не пойду, и они меня не «захочут»... Вот зовет Гукасов в Возрождение (это между нами!!). Что Вы посоветуете, скажите! Подумайте! По секрету!

Наталья Николаевна — дух строгий и чистейший — меня «одобряет»: пиши, говорит, «про писателев»... Но *доделывай*, а то, грит, у тебя — все кроќи, эскѝ, динашевэ[40]; ты, грит, не Кузьма Прутков — вот, грит, возьми Шмелева и доработай до совершенной зрелости пера твоего и духа его. И тогда тисни.

Посему, собираясь в конце месяца Февруария ехать в Ригу (в *город*, в город!!) — предложил рижанам русскую лекцию (бубличную).

«Шмелев как художник и мыслитель».

Если Бог приведет — произнесу слова против Вас.

На страх врагам.

А Вы с своей стороны

a) напишите мне совет про Возрождение,
b) напишите мне про свое здоровье,
c) не променяйте мейня на нового
приятеля
тейтеля...[41]

(он теперь *Вашим письмом* в *русской литературе* увековечился* — говорят от умиления чуть не в кондрашке валялся — и сейчас от гордости у него петушиный гребень на лысине вырос, придется еще раз обрезанию подвергать

на Касьяна в 1932 году — обрезание Тейтелево).

На сем позвольте закончить мою гриппозную болтовню. Знаете, у нас в Москве даже был такой «профессор философии Болтунов...»

sic! sic! sic!

С очаровательным приветом

Ваш старый клеврет и приятель Нетейтель.

Да! Нужна новая эстетика!

Городецкая права!

104

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<6.II.1931>***

6 февр., 31 г. 6 ч. вч.

Дорогой друг, Иван Александрович,

Спасибо за привет болящему, обрадовали в хладе жизни безжизненной. Здоровье неважное, пью тиокол, еще что-то — хемистоль? Погода злая, не выхожу — да и некуда выходить, отвычка. «...уныния... не даждь ми!»[42] Молюсь, но оно упрямо. Лечусь «Богомольем». Отныне все помыслы — на «очерках», надо их кончить. Это — как Давид Саулу на арфе играл... — мой «седоброль». Ибо ухожу в далекое, детское... **Не** могу ни читать, ни писать «рассказов». Ну если бы домики из щепок строить. **Есть** у меня темы для «рассказов», лишь бы привел Бог закончить с «очерками»: «Иконка» и «Иностранец». Стоит вложиться.

А дальше — следуют пункты:

Насчет газеты спрашиваете? Вы же сами, дорогой, чувствуете, некчему отклонять приглашение. Ваше участие осветлит только «Возр<ождение>», придаст весу, ума, интереса — чего так не хватает у этого злосчастного

* Это был с Вашей стороны ветхозаветный эксцесс или отпадение в ересь жидовствующих — уговоримся: я Вам в этом не буду мешать, но и Вы меня не совращайте!

органа, сбившегося, как многое в нашей жизни, на «мурцовку», ругань, беззубость, безыдейность. Ведь годы ругают большевиков — скучно да и ни к чему: всё все знают. Надо читателя воспитывать, окультуривать, заставлять видеть глубже и познавать — **жизнь**, современность, помогать познанию **своего**, родного. Кипенье в своем соку, в своей желчи, в своих болях..! Нечего искать «синюю птицу». Не умели — все не умели — лелеять свою синицу... теперь, плеваться на стены, как наши юмористы — дешевка. С Россией вершится жуткое, масштаба сверхмерного, и пожар — по воле судьбы, по Воле Божией — упущен давным-давно, в 17 году (если не тридцатью годами раньше!). Теперь это ясно видно. И нечего лезть с прыскалками. **Все** виноваты. Исторически, из дали лет виноваты. Теперь это для меня — ясность. Назначение эмиграции — духовно хранить лучшее наследство, — духовное богатство, приумножать его творчеством. Придут Божьи сроки... — и время сева придет. А для кого — Господь ведает. Но «мудрые девы» обязаны сохранить масло в светильниках[43]. Ваше назначение — назн<ачение> «мудрой девы». И Вы его выполняете. Выполняйте же в газете, к<отору>ю читают сотня тысяч читателей — хоть по 5 на №. Я вот лишен сего, меня доездили. Правда, теперь я бы своим худож<ественным> творч<ество>м ограничился бы, разве порой писал бы литерат<урные> статьи. Политика, прысканье... — отравили душу! Да и всегда-то раньше — разве уж зацепит — так выплюнешь. Но не о пуантах же испанского балета писать и не о Поль Валери[44]! — против чего я всегда боролся. Оставь европу — европе. У нас есть свои ценности — давнего и недавнего. Мы должны вести **свою** культуру, учить узнавать и любить **наше**. Но хочу посоветовать: сумейте оградить личную свободу. А то начнут Вас коротать и ломать. Идете — заключите условие, с неустойкой, выговорите права. А то Гукасов — самодур, психопатологичен, хоть и, порой, говорят, удивит<ельно> добрый человек, — отстойте себя. А я буду рад Вас читать порой: противна мне жвачка старая, бездарная злоба дня сего. Вы — мыслитель-художник редкостного калибра, исключительного склада — Вас нельзя обратать. И — да благословит Вас Господь.

Знаете, дорогой... Насчет дальнейших лекций, с Вашего позволения... Не читайте о Горьком, как Вы предполагаете устроить ему «скотский падеж». Ваше чтение в этом отношении ему не прибавит, каж<ется>, ничего. Он все сам сделал для сего. За объективную — Вашу лекцию не примут. А... — кум тацент — клямант[45]. Так думаю. Думаю и вот что: параллель Краснов и Алданов... — ? Может быть обидна для обоих. Краснов — серодаровит, мало я его знаю, впрочем, Алданов — культурно-умел, без «зерна», без любви и страсти — бесплоден. Но — хорошей выучки. Если бы их обоих смешать... взболтать, — вышло бы **нечто**. Алданов для историко-времяпровождения культурных обывателей, Кр<аснов> — для импульсивной и не слишком требовательной массы: Вербицкая[46] в мундире, со знаменем и вестовым трубачом; с дарованием безусловным, но... от гвардейской все-таки казармы и оф<ицерского> собрания. Алданов — умный ученик из приготовит<ельной> школы Льва Т<олсто>го, с репетитором — Анат. Франсом[47], без гроша за душой, и умно выбивающий карьеру. Это — мефистофельчик-литератор. Ох, между нами — а то отзывы писателей случайно просачиваются, и портят воздух уже дост<аточно> насыщенным угаром. Ну, стоит ли — параллели? Уж лучше **две** лекции: Алд<анов>, потом — Краснов. А как же о Куприне-то? Старый писатель, больно обижать. Он — талант. Имеет достоинства, как новеллист, русский, школы все же Толстовской. А «культурности» многим из нас — о, и мне, и мне! — ох, как не хватает! И потом, как же Б. Зайцева-то обойти?! Он — сам по себе. Ведь говоря о Сурикове там или о Репине, или о Васнецове, как же миновать Левитана, Врубеля — Нестерова? Пусть модерн! Куприн вон будто и Серов немножко. Б. З<айце>в... — природно русский же, сурдиночный, родное в нем слышится. Вот в М<ережковско>м — я — искренно — **ничего** не слышу. Поддельный Скрябин[48] какой-то с помесью пифии и зазывателя из паноптикума, которому вдруг пришло на зад (мысль?) — пужать и вещать, и бредить, а сам все в ящик с выручкой косится. И хочет порой душевное сказать, но «из книг сличает», да переплетенных безграмотным переплетчиком, где и Евангелия листок, и

Крафт-Эбинг[49], и ассирийская клинопись, и «новый песельник», и «половой вопрос», и Откровение И<оанна> Б<огослова>, и «самоновейшие фокусы», и Иконография, и... бред из Ломброзо[50], и черти, и цветы. И **все** — сдобрено «заготовкой» на кубиках Магги[51], — в две минуты чашка *питат<ельного>*! бул<ьо>на! И за **это** — хорошая выручка. Это величайшее из недоразумений века. Ох, начитанность порой большой порок! Когда класть некуда и не во что. Вот она, медь звенящая! Но — в лому, а не в пятаке или, т<ем> б<олее>, хотя бы колоколишке. Ох, не обходите Куприна и Зайцева... Простите, что позволил себе заметить.

О Тейтеле[52]... Прочел его слово о «человеке» — и взыграла душа, и бросился к столу — послал. **Не** мог. Это — из старцев, правда, не **наших**, но лучшее в народе. О нем я слыхал еще студентом. Это — человек высокой души. «Пред лицем седого восстани и почти лице старче...» Я не мог не — встать! Что еврей... — много прекрасных евреев, чувствую. Когда-то... Христос воплотился. «Богородицу и Матерь Света в песнех возвеличим!»[53] О, какая чудесная Богоматерь, Ваша! Жена обрамила, и такая Она — чистая, светлая, прекрасная! Ах, как я обогащен Вами, дорогие, милые! — Вы меня обласкали, писателя, сказали читателям, возвеличили... Правда, газеты наши о моих посл. книгах даже и не упоминали: одна — за чужака считает, другая — не прощает «своевольства», казнит. И только друг-читатель тронет душу письмом. Но **все** покрыло — Ваше внимание. Это — приз. А о нобел — это было в температуре, уверяю Вас! Куда уж... — довлачимся так. Живется очень круто-солено. По нем<ецкому> масшт<абу> — на 250 мр., да Ивик еще с нами. Только чудеса О<льги> А<лександровны> позволяют еще класть заплаты. Да иностр. изд-ва вдруг пришлют на уголь. Да вот иные доктора отказываются от гон<орара>. Но ведь стыдно не платить. Жду от америк. изд-ва, за «Ист<орию> Люб<овную>», договор подписан уже два мес., а — ни гу-гу! А судиться — где! И грабят: итал<янцы> за 3 кн<иги> ни гроша не запл<атили>, сербы... Впрочем, сколько же достойнейших — ! — за станками, израненные... или и совсем гибнут. Лотерея?

Да выиграете! Есть у меня Креди Насьональ[54], но... скоро продам. Остатки былых заработков. Но — **что** все это!.. Боль, скорбь, невозвратимая утрата... В рабы бы пошел, если бы только было с нами родимое! Я за чудо считаю, **как** мог еще писать... Нет, реквием мне писать, петь... И не могу я смотреть на блеск огней европейских. Жгут глаза, душу палят. Дал бы мне Господь сил **все** и всех простить... Виноват ли топор в руках пьяного человека, образ Божий утратившего?! Больно, но... не ведают, что творят. Мне бы хоть на первую ступеньку христианскую взойти и взирать Славу Господа! Ивика послал нам Бог — жена воспитывает любовью. Святая она, знаю. Я бормочу, я вздымаюсь, а она в себе тихо **несет**. **Чем** живет?.. Милость Господня, тайна духа.

Какой я — мыслитель, друг милый?! Я — отсебятина, я **ищу**, только. Слепой щенок, кривой. Вы меня щеточкой чистите и причесываете, а я лохматый, косноязычный. Но... как я Вас могу на кого бы ни было «променять»? Вы рубль неразменный, полнозвучный, **круглый**, русский! Не рвите себя на гривенники даже. Будьте **рупь**! Вы **должны** создавать великое. Боже, как Вы написали о Православии! Вы же — Поэт. Вы охватили **весь** смысл нашей быто-Веры, Вы можете говорить миллионам душ. Грипп да схлынет. Щадите себя. Добрый путь лекционный! Ах, непоседа Вы! Интересно, какие впечатления от аудиторий. Поцелуйте за нас Наталию Николаевну, Ангела Хранителя Вашего. О, русские жены! Мироносицы. Решительно: в женщинах — спасение мира сего. Об этом писать и писать.

Ваш весь Ив. Шмелев.

<Приписка:> Простите, что машиню: ходчей мне, и Вам разбористей. И пальцы слабы.

105

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<19.IV.1931>***

19 IV 1931 г.

Дорогие Наталия Николаевна и Иван Александрович,

У меня нет слов поблагодарить Вас за святую книгу — Святой Киев. Смотрю и — грежу. Чудесное издание Лукомского! Молюсь за Вас, милые, спасибо за утешение. А

я опять болею, б<ольшей> ч<астью> лежу: старые боли, желуд.-кишечн., как 3 года тому (но болезнь-то 20-летняя). Нарушил с месяц тому диету, выпил вина, не принимал висмута. За то приходится принимать беладонну, лежать. Так — вся Пасха — только с трудом съездил поговеть на 2-ой день. Уж простите за краткость — чувств не выразить. Господь с Вами! Лежу, тупею, газет не смотрю. И нервы никуда.

Крепко Ваш Ив. Шмелев с горемыкой Ольгой Ал<ександровной>, к<отор>ая с ног сбилась со мной.

Давно, с 1/2 февр. не получал от Вас письмеца.

106

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<20.IV.1931>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за чудесный Суздаль![55] Какая красота! и как горько, что туда теперь не поедешь!

Мы, по-видимому, едем в Париж. Публично говорю 26-го, 27-го и 29-го. Уезжаю 1 мая вечером. Но так как в эти дни нас наверное будут трепать, то мы решили неожиданно и *без огласки* приехать на пару дней раньше, чтобы повидаться с ближайшими друзьями. Вся соль в том, чтобы это не огласилось. Поэтому не сообщайте этого *абсолютно никому*, а мы с Вами по приезде снесемся.

Радуемся скорому свиданию. Обнимаю Вас и шлем привет Ольге Александровне.

Ваш, как всегда И.

1931.IV.20.

107

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<25.IV.1931>***[56]

<Фотография И. С. Шмелева с его надписью:>
Дорогому Ивану Александровичу Ильину
25 апр. 1931 г. Sèvres Ив. Шмелев

<Фотография И. С. Шмелева с его надписью:>

Дорогой Наталии Николаевне Ильиной и доброму дорогому другу Ивану Александровичу Ильину — сердечно Ив. Шмелев

Sèvres, 25 апр. 1931 г.

108

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<25.IV.1931>***[57]

<Фотография И. А. Ильина с его надписью:>

Другу мудрому, зоркому, светлому

Ивану Сергеевичу Шмелеву.
1931. апр. 25.
Севр

109

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<14.V.1931>***

14 V 1931 г. Capbreton s/mer (Landes)

Дорогой Иван Александрович,

Боюсь — серчаете Вы на меня: душа изныла. При всем страстном хотеньи слышать Ваше вдохновенное **слово** — не было сил, лежал в болях и слабости. Как раз в тот день, 27-го апр., когда Вы говорили о «Русск<ом> национ<альном> характере», пришлось вызывать доктора — столь нестерпимы были боли, думал — кишки оторвались! И два дня после лежал пластом, с грелкой.

С великим трудом переехал на летнее место и неделю лежал недвижно. Только дня 3 тому взвесился и — оказыв. — за год потерял 5 кило! Прихожу ли в порядок? Ем, не встаю днями, болей пока нет, запряжен в бандаж, впрыскивают мышьяк со стрихн<ином>, еще два лекарства принимаю. Желудок варит исправно. Но нет воли даже письмо написать. Но уже хочется писать дальше «Богомолье». Еще 4 очерка надо.

О<льга> А<лександровна>, бедная, сбилась с ног. Невесело, ох, невесело нам. Нуждишки не боюсь, жить можем, привычные мы. Дал бы Господь силы завершить мои очерки о светлом и Святом детских лет. Лечиться ску-чно! Все пережитое сказалось теперь. Но Бог не без милости, верую. Написать бы «Иностранца» да «Иконку». О романе не думаю. Лишь бы загореться — а писать тогда можно легко. Надо вот набрать весу, 10% потери! Это — результат диеты. Теперь ем и мясца немного, а больше — овсом питаюсь: велено 6 раз в день, через 2 часа. Ну — жвачное животное!

Племянница наша и добрые друзья Кульманы были на В<аших> лекциях. В восторге! «Что за **си-ла**!» Да я-то Вас знаю, как Вы можете чаровать **Словом** вдохновенным! Я как бы **слышу** Вас. Дай Господи Вам сил и здравия. Вы, Вы — единственный, кто **может** и **должен** дать нам подлинное творение (о, сколь важное!) — создать «Историю русской культуры» — **истинную**, а не подогнанную под «планчик», как у Милюкова. ***НЕТ*** у **нас** такого творения. Вот, лежу и все думаю о сем. Вот — Ваше призвание. Опыт всего прожитого-пережитого (чего не было у М<илюко>ва), огненно-святой дар гениального духа Вашего (чего и в помине нет у М<илюко>ва), худож<ественное> мастерство Слова, Ваша энциклопедичность, Ваша «хватка» — дадут творение несравненное, к<отор>ое явится универсальным для ряда поколений — и русских, и человеческих. Вы и философ, и государственник, и историк, и художник, и Богослов русский. В этом труде — Вы **весь** скажетесь и **все** можете с полнотой и высотой сказать. **Итоги** подвести и пути-вехи поставить. Ибо Вам не на реках и прудах плавать, не в «отрывках» проявляться (лекции), а — океанствовать: создать «Науку о России». Таковой нет. Она — *должна быть.* Простите мне, если я брежу. Но я не брежу. Я — **вижу**, чувствую. Не *временное* для Вас, не данный момент, а — века (прошлые и будущие), ибо Вы д. быть Учителем в науке *познания России и — мира.* В Вас накоплено столько, что, при В<ашей> глубине и остроте духовного взора-взгляда, грех великий — не вылиться в творении великом. Вы не обижайтесь, это не совет — это **чувствованье** мое и радостное сознание — *есть,* кому творить еще несотворенное.

У-стал, пишу с трудом. Не забывайте болящего раба Божия Ивана с горемыкой — Ольгой. Целую Вас и низко кланяюсь дорогой и чудесной Наталии Николаевне. Пошли Вам Господь обоим здоровья и радостного творчества. Говорим одногласно в два голоса.

Ваш искренно-братски Ив. Шмелев.

110

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<23.VI.31>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Не серчаю, а разогорчился я крепко в Париже — да не *на* Вас, а *от* Вас. Растратили, размотали, проболели Вы себя, мне ничего не сберегли, — так обмылочек мне достался. А я — спешил, летел, дрожал! И вот за «подвиги» (какие?) «награда».

Но не в этом дело. Дело в том, чтобы Вы опять поправились, и крепко, творчески зажили. Остальное — приложится. А я тем временем начал по-русски чтение о русской литературе. Два часа эстетическое введение, и 4 часа «Творчество И. С. Шмелева». Аудитория была полна; сочинения Шмелева были разобраны во всех библиотеках; говорят — «Вы нам раскрыли Шмелева». Не смею судить — еже изрех и обретох — то писах и читах. Продолжение о других «писателях» будет осенью-зимою. Да другие-то, пожалуй, «обижаться» начнут... Что поделаешь? Я принципиально отстаиваю *свободу обиды* и *свободу улыбки*. Кто этого не признает — Тот Торррркземммада[58]!

Мы снимаемся со всех якорей через неделю. Свертываемся и едем на юг. Куда? Еще неизвестно. А адрес здешний **отапору**[59] остается в силе. Буду летом переводить на немецкий язык первый том моего Гегеля.

Не забывайте нас! От «Родного» имели много родных радостей. Спасибо Вам.

В лекциях (между прочим) учил слушателей *читать* Шмелева. Ибо сие есть особое искусство — акценты, ритмы, паузы, взрывы, вздохи, стоны, выстрелы, спотыкания, скороговорки, растяжки, бомбы, шелесты, благовесты — и всегда и во всем разливное *лирическое пение.* А критика наша (по секрету!), вот та, что повсеместно пописывает — ма-ло-смы-слит!

Душевно Вас обнимаю и ручку целую Ольге Александровне. А от Наталии Николаевны обоим привет.

Ваш Иоанн Вестендский

1931.VI.23

А что Вы про мои якобныя потенции-препотенции пишете, то сие дружеская мечта. Нам понятно лестно, а только это Вы совсем напрасно пра всякие пастики[60]!

Berlin-Westend
Bayern Allee. 5.

111

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<29.VI.31>*

29 июня 31 г. Ланды

Ах, дорогой Иван Александрович, и за что Вы так — «обмылочком»-то меня — для Вас? Хоть бы «глицериновым», от Брокара, что ли... Помните, прозрачное такое, на воде не тонет? И пахнет как бы розой? Измылила меня болезнь моя, а кругом — цветы, что ли, расцветают? Слава Богу, хоть тихое-то могу писать, вот «Богомолье» продолжаю. Разве уж так мало это, при болезни-то? И разве — незаконно? Да я убежать хочу — и от себя, и от «пены мыльной» дня сего — и во всем мире. Я хочу маленьким стать, выкинуть из себя все прельщенья и обольщенья, и обманы мыслью, и разъедающий опыт лет. Сон тихий хочу увидеть — «обитель тихую», гласы ангельские услышать, говор родной, и простоту былую, и веру заполучить детскую. Ну, сказку слушать хочу... И тут я могу отдохнуть от скуленья собственного. Болезнь — три года! — как бы призатихла, болей пока не слышу, и могу вспоминать себя. Вот, за эти недели, три очерка написалось, и даже посмеялся пишучи. И вижу — читатель доволен, тоже, видимо, — «покоя сердце просит» и «тихой обители» возжаждал. Это утешает; Поэт — подумать, Баль-монт! — посвящает каждому очерку по стихам, плачет иной раз иному словечку, Кирилл Зайцев благодарит и шлет мне читательские признания... — и я получаю. А «творчески зажить»... как? Я этих «очерков» уже 25 штук дал — или это не творчество? Вот, когда они выйдут в двух книжках, я скажу — «еже писах — писах». Это же песни — «о доме отцов наших» — тихая лития. Не повторится. Это колыбелька — детства народа нашего. И — признаюсь — не променяю этой колыбельки ни на какие балдахины по I-му разряду!

Простите — на машинке пишу: почтовой бумаги не имею, а пером цепляет.

Как живой водой вспрыснули — письмецом, лаской Вашей. Лекции Ваши о Шмелеве — посвящением меня в рыцари родного слова почитаю. И склоняюсь. А слов и нет на ответ достойный, как рыцарь мог бы ответить мудрецу. Низко склониться — и приять. Ах, как бы хотелось прочитать то, что пели Вы обо мне, грешном и недостойном слуге великого Слова русского! И — о толковании Вашем — эстетическое введение! Так и не одарите? Хоть на краткое время... Это мне для учебы пригодилось бы, для воспылания. И еще — как бы я счастлив был, если бы мог достать у Вас — или — где? — Ваш труд о Гегеле, — Ученая Москва когда-то много говорила, когда Вас в доктора философии посвятили через ступень. Я малограмотен, но Вашего Гегеля я бы всосал, словечко по словечку. До чего гол я, никаких книг около, и сил на них нет. Ну, как я, у которого последний кусок хлеба хотят выхлестнуть, на книжки могу сберечь... В едином «России и Слав<янстве>» пишу, да и там очень задерживают гонорар, по бедности. Газеты, за что-то карая меня, сговорились ни звуком не упоминать о выходящих моих книгах, и это порой ставит стену между покупателем и книгами. Вот уже о 3 — 4 книжках ни упоминания. Если бы не уменье хозяйствовать Ольги Александровны, не простота-скудость жизни нашей — лечиться и думать нельзя бы было. А роман для «Совр<еменных> Зап<исок>» писать сейчас, пока очерки не кончу, не в силах, тошнит. Так вот, Гегеля бы я прочитал. И еще мольба: нет ли у Вас двух-трех открыток с видами Сергиево-Троицкой Лавры, — вспомнить? Довольно, поклянчил, пожаловался. — Счастлив, что Вы показали меня читателю, «раскрыли», учили — **читать**. Вы — высокий и тонкий музыкант слова, знаю. Как Вы перечислили мои ноты, как Вы изучили партитуру! Да, и — «спотыканья», да, и «растяжки»... — дочего же Вы чутки. Вот Вы говорите «всякие пастики». Что это — пастики? От паста, что ли? Что я, духи Вам преподношу? Я с кадилами не хожу: я Вам душу мою показываю, как там пропечатано. Да, «Историю русской культуры» не Би-

циллу[61] же писать после Милюкова! Не — Вейдлю! И откуда они подобрались, такие? Скоро Ходасевич за сие возьмется, — «научные головы», как говаривали на Сухаревке букинисты. Чтобы писать «культуру», надо быть художником-мыслителем, и — любить культуру, надо Бога в сердце иметь, ибо культура через Бога, как бы Его ни называли. Ибо культура — служение Ему. Высохшая душа может только собирать куски, и никогда из них Живого не сотворить. Посему я и писал Вам — какие тут «пастики»!

О Вас с дорогой Натальей Николаевной я думаю ежедень, смотря и молясь Богородице из Сиены. О<льга> А<лександровна> часто мне говорит — «ну, чего ты такой, чего ты стонешь — она **слышит**, когда я даже молчу! — смотри, какие люди тебя любят!» Да, знаю. Есть добрые люди. Да, потом, почему я должен иметь почетный билет О<бщест>ва всеобщей любви? И не добивался, и не думал. У меня есть «прочные» любови, а не с улицы, где «любящих» покупают и заманивают, и даже приводят в редакции, и водят с собой, и обставляют себя ими. Я должен быть высоко счастлив, когда открываю все больше и больше неожиданно слушателей, которых и не предполагал, считая, что говорю перед пустым залом. А кресла-то и заняты... Возбудители есть, значит — пиши. Вам, дорогой, многим я обязан в сем.

Просьба к Вам, ибо Вы знаете немецкий язык, как немецкий бог. Мой издатель — теперешний — в Лейпциге и Цюрихе — Др. Рентш — «Ротаппель»[62] — в сентябре выпускает мой ром<ан> «История любовная». Заглавие непереводимо, ибо тут есть у меня как бы усмешечка: не Люб<овная> ист<ория>, и... «История любовная». Мне не нрав<ится> Гешихтлибэ[63], и ему не нравится — часть — гешихт[64]. Он было предлагал — Форфрюлинг[65]. Я позволил себе отклонить. Предвесна! Ничего не говорит. Надо, чтобы и мое осталось, и читателя щекотало, не было бы глухим. Посоветуйте, Вы роман как знаете! Важно для меня, чтобы книга пошла — 4000 экз., завод. У Фишера проходили и до пяти тыс. А я за 2 т. получил уже — 4400 фр., что меня и спасло от нужды. Надо, чтобы хоть до 4000 экз. дотянуло. А дела плохи

в Германии, кто будет покупать? Надо стукнуть книгой, а для стука — и заглавие важно. Американцы это понимают. Мой америк<анский> издат<ель> выпускает то же в окт<ябре>, и сулит деньги. Не надеюсь. Посоветуйте назвать. В подзаголовке останется — роман моего приятеля. Много любвей в романе, да Вы понимаете, и характер немцев знаете. Вот это — гешихте — не отзывается ли это — историей, учебником, сухостью? Изобретите, издатель из меня душу вымотал, а придумать не может. Скоро нужно, ибо в печать сдают книжку. Совсем я Вас забросал просьбами, старуха я несчастная, корытная![66]

Да сопутствуют Вам ангелы Господни, и да утешит Вас с Наталией Николаевной красота мира Божьяго и — человеческого-творческого! Обнимаем Вас обоих братски, нежно. Скоро Ивик приезжает, блестяще сдал экзамены: первый из 40 в математике, очень хорошо по всем важным предметам. Вот и радость нам.

Не забывайте нас, сирот. А я буду, даст Бог, заканчивать «Богомолье», — еще очерка три — 4. А всего — 12.

Глубоко признательные, Ваши «богомольцы» Ив. и Ольга Шмелевы.

112

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<23.VII.1931>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Как радостно получать от Вас письма и как трудно писать! Я вымотан, выдоен, как корова, которую *передоили*. А отдохнуть не удается — спешно спешное наседает. Буду короток и по пунктам.

1) Пастѝки = пустяки. Это одна горничная говорила, хорошенькая, к которой мой кузен приставал с глупостями: «Што это вы, барин, какие все пастѝки говорите, я тетиньки пожжалюсь».

2) Ничего не могу Вам послать — *не-ту*. Все заложено в ящики по месту жительства. С какою радостью я бы Вам подбросил Гегеля! С удовольствием прислал бы и все три лекции а) Введение b) Шмелев с) Шмелев. Но все *там, там* — заколочено. И Троицы нету!! Выходит — я грубиян. Но что же я сделаю?

3) История Любовная. Он предлагает, очевидно, «Liebes geschichte»[67]. Банально. Есть поговорочка: «Geshichte von sieben Pfund Lichte»[68] (свечи — вроде «Белого Бычка»). Что можно предложить?

a) Оставить юмор в заголовке, отказаться от него и поставить «Die Liebe»[69].

b) Или: «Die Jugendliebe» (юная любовь). «Meine Jugendliebe».

c) Или: «Meine erste Liebe»[70] (потом подзаголовок). «Erste Liebe» — это Тургенев.

d) Или: «Das erste Glück» (первое счастье).

e) Или же оттеняя *траги-эпическое* в глубине (в чем я и вижу «Предмет» этого романа) — «Das Liebesleiden»[71].

f) Или прикровенно «Das erste Glück» (первое счастье).

(виноват — это уже было).

Заголовок «История Любовная» — который войдет в историю русской литературы — я *не* считаю художественно-предметным. В нем скрыт тонкий юмор; но *вселенской страшности* того *безумия*, которое зовется «любовью» и в котором бьются люди и животные и от которого нежная душа, содрогаясь, рушится в болезнь и судорогу — в заголовке нет. Ваш роман — глубок и страшен, именно траги-эпичен: во всем и в «еществе»[72], и в «молодой», и в «петухе», и в «быке», и в страшном глазе Серафимы. Конечно беспретенциозное заглавие лучше «агрессивного»; но в данном случае Ваше русское заглавие «не адэкватно».

Дорогой мой! Пишите, пойте и, главное, берегите силы!

Напишите, доходил ли до Вас мой «Яд большевизма»? (брашурка)... Читаете ли Вы мои эксцессы в Возр<ождении>?

Душевно обнимаю Вас и целую ручки Ольге Александровне. Наталия Николаевна шлет привет.

Ваш отец Катавасий Синедрионов.

Адрес: Oesterreich
Gmunden im Salzkammergut
Kaltenbruner Str. 1.
1931.VII.23.

113

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<4.VIII.1931>*
4 авг. — 22 июля 1931 г. Capbreton s/m (Landes)

Ах, дорогой друг, милый Иван Александрович! Ну, зачем Вы — «по пунктам»?! — отвечаете-то? Очень удручает, не то, что кратко пишете, «по пунктам», а то, что переутомлены. Вы д<олжны> быть всегда свежи и кристально-лепы, к<а>к Ваши мысли. Знаете ли, что Вы с бо-ольшущим юмором писатель, пусть Вы всех Гегелей съели и Кантом закусили!

Порой письма В<аши> (и всегда почти — летние) — читать — что там Чехов! Метко ввертываете. Над жизнью поднялись... не то, что Бершоу[73] — точь-в-точь комиссионер из Одессы, для увеселения Ивропы. Знамение века сего, наипаскуднейшего из всех веков, — полагаю, даже до летоисчислений. Недавно америк. издат<ель> задал мне ряд «литерат<урных>» вопросиков для америк. печати (подготовка выпуска «Ист<ории> Люб<овной>»). Ну, я ему отвечаю, по поводу «цивилизации»-то. Должно понравится амер<икан>цам. *Вне* всякой политики и без больных вопросов. Какая, к черту, цивил<иза>ция, если не могут дать работу миллионам рабочих и — достойный человека отдых — отработавшим. Плюю на такую цивилизацию. Ах, И<ван> А<лександрович>, — ко-нец веку сему! Сатане прямо в лапы. «Доигрались». Это еще мой проф<ессор> из «На пеньках» говорил. Это я сон видал, как пламя из-под Триумф<альной> Арки (знак-с!) из могилки «неизв<естного> солдатика» поднялось во все небо... и «бьют долговязого американца», а он только — йокк!.. Со всех петель сорвалось, и уж давно. Подумать — в такое-то времечко — **такие** деятели Ивропы! Без Бога, без души, без Ума-Разума. «Блажен, кто посетил сей мир»..![74] Кто смеет сказать, что Дост<оевски>й *не* предрек?! Давно, 60 л. тому предрек. В «Подростке» (сказочки Версилова), только... не «прижмутся» др<уг> к др<угу> от тоски и жалости, а пожрут др<уг> др<уга>. Пусту быть миру! Ах, посмотрел бы, как банкиров станут из фраков вытряхивать! Картина — дост<ойная> кисти

Айваз<овско>го! Валы бушующ<его> моря — и на гребешках — банкиры, и их вытряхивают! И всех «тростников мыслящих» вытряхнут, а то они и до сего сломаются, усохши. Выиграл с Кульмана 5 сантим<ов> (с дыркой) на пари: из конфер<енции> Лонд<онской>[75] **ни-чего** не выйдет. Ни из чего ничего не выйдет. «Каждому тоже сме... сме...танки хочется»[76] (Розанов[77], рожденный из ночн<ых> туфель и грязн<ого> белья Дост<оевского>го), — и посему, за неимением (и не умением) ничего лучшего, будет вытряхиванье и... война. Это старинное средство (ковова́льство!), без него не обойдутся «умники-пацифисты». В былое время чума, оспа и холера разрешали социальные вопросы, но, ввиду медицины, остается — «вытряхиванье» и война, — газы́. Дали мальчику новенький гривенник на пряники, а он фи́верок[78] купил и дом сжег. И прав был (о-о!) у Чехова — кто орал, пьяный — «иликтричество... одно жульничество!»[79] Разве не жульнич<ество>во соврем<енное> «иликтричество»? — Все — мрак и вонь. Есть — отчего заболеть. И я — опять в болях, полукишечн<ых>-полунервных. Мир пронизан тоской и тревогой. Помню: лавочник Максимка, получив от Трифоныча лавку (с тайной прод<ажей> водки) и капитал, решил с Гашкой-арфисткой, «денечек щáстливо прожить». И — прó-жил. Прожил и Мир свою лавочку, покутил с «Гашкой». Да *на чем* ему жить-то? чем? На вонючем ветру̀ весь стоит. С Ним разделались, с законами Его покончили...[80] так неужели на бреднях Макдон<альд>ов[81] и Брианов[82] удержится? На «этатизме»[83] (реминисценция Respublica Romana![84]) удержаться? Фашизм или в пыль-соль, при первом испытании, или — в самое утробное обратится, — «подай — Гашку и житие в ванных на 5-м етажу — всем!<»> Аттила[85] у дверей, ясно. Сметена будет вся эта псевдо-цивилизация. Слышите, как скукой воняет — изо всего? Из-жи-то-с. «И воззрят наНь, Его же прободоша»[86]. И начнется с Авраама. Хорошо бы к поре сей, близкой, если бы ось земная сдвинулась, и — новая геология началась. По кр<айней> мере можно бы сослаться на «непредвиденные обстоятельства». Могут заткнуть на срок все финанс<овые> дырки, но главную Дыру не за-

ткнут: из коей Бог ушел — или Его изъяли. Я — во мраке и тоске. Если пишу такое — не знаю, зачем, — душу покою. — Прорвало меня: Кульманы в лес тащут гулять...

5 авг. Спасибо за проект заглавий к немецк. «Ист<ории> Люб<овной>». Я прибавил еще — глупое — «Liebessturm»[87]? Ваше толкование романа — чудесно-верно. Именно, *это-то* и чувствовалось. Хочется про американца писать («Иностранец»), о чем рассказывал. Он оплодотворился достаточно. За него (до крушения мира) америк<ан>цы заплатили бы. Но надо докончить «Лето Господне». — Ваши статьи читаю с глуб<очайшим> вниманием. Они о-чень вески, ярки, умны, показательны, блестящи. Но я бы, знаете ли, чего хотел от Вас для газеты? Вашего убийственного «юмора». Знаю, что Вы не станете себя «открывать», как блест<ящего> фельетониста, ибо на Вас мантия ученого. Но в Вас — размах куда шире, если брать газету, народную трибуну. Социализм Вы изничтожаете логично, неопровержимо. Его Вы могли бы высмеять художественно, осиновый кол вбить. Правда, для сего надо Гегеля забыть. А я по Гегелю тоскую: я его чую и *не* знаю. Вашу брошюру «Яд»[88] не читал, не видал, жду.

В апреле прислал мне S. Fischer[89] за книги 200 мар. Плакался с ними дни сии, нужны деньги. Не меняют здесь. Послал в Швейцарию переводчице — м. б. разменяет там. «Li<e>be in der Krim»[90] Reclam`a прошло все 10 000 экз. Хочет переиздавать, под редакц<ией> dr. Art. Lüther`a[91], с исправлением перевода (?). Моя переводчица обиделась, идет спор. Reclam говор<ит>, вещь настолько важная (?), что я хочу ее дать читателям в точном соотв<етствии> с подлинником. А барышу м. б.... 1200 фр. фр. за новые 10 000. Но... finis Germanial[92], — какие же переводы?! Почему не живу я в... XV веке? Америку открывали, были перспективы. Теперь разве луну откроют — гамбургскую! Блуза покажет — Америку! Эх, с Горкиным бы к Троице, был бы я 7 летним, ехал бы в тележке... а впереди — золотая вышка Лавры!. — С горя читаю (в как<ой> раз) Карамазовых. Вникаю. *Надо мне* романище-страшилище писать. После «Американца», если Господь пошлет еще дней.

Милые, добрые, славные, родные люди! Наталия Николаевна, Ив<ван> Ал<ександрович>! Ведь есть чудес<ные> люди на земле! Собрать бы да на необит<аемый> остров! И вдруг бы там-то все и перегрызлись бы! Возможно. Ибо человек — ? Скит вон у нас ставят. Ушел бы. И — сбежал бы? Возможно. Что делать? Молить Всевышнего: возьми все машины, чу́дом, и оставь рубище и соху. И чтобы все **всё** забыли, стали голыми на земли. И приходил бы Пророк снова и учил дураков. Снова надо, всё. «Пирог» не удался. Человечество переплеснуло. В приготовит<ельный> класс! С розгой.

Жду — эти два-три года такой магниальный блеск[93] дадут, что все ослепнут. А вверху уже накрыт стол и собрались «небожители» на пир. И — взирают, как «вытряхивают». И «пьют бессмертье».

Ну, весь в мыслях и ощущениях — темных. Обнимаем Вас и целуем — обоих.

Вваш непосредственно «Финоген» с фонарем (к<а>к мне написал один, вм<есто> Диоген), он же и

Завейгореверевочкин.

С подл<инным> верно Ив. Шмелев.

<Приписка:> Пишите! А *что* есть — **Гегель**?

В 5 слов, ибо Вы мо-же-те, а мне полезно для раздражения.

114

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<30.VIII.1931>*

1931. авг. 30.

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за чудесное, вдохновенное письмо. Вы по существу во всем правы; только уж очень Вы меня переспективами мрачными доканываете. Вот уж именно пере-спективы! После этого ходишь мрачный, как будто сам кошку съел... Смотрите, и у меня желудок опустится... до самого пола... как у Вас.

Хотел Вам писать в ответ деловое письмо. Но решил, что Вы сначала должны быть введены в условия нашего быта. Жизнь наша, как мне здесь открылось, состоит из *творчества* и *скворчества*. И вот, — сначала идет сквор-

чество. Вы, конечно, с Вашей ядовитой промзительностью, скажете, что у большинства людей ничего кроме скворчества и нет; и что у тех, у кого есть творчество, оно слишком часто сбивается на скворчество. Но... прошу не намекать, а то не изложу Вам Гегеля в пяти словах. Кому сколько отпущено. Есть, конечно, и такая философия, по которой человек образуется путем вычитания из Бога — так, что — «ѝто кому не дадено, у того взядено»... Но в такие глубины я пускаться не могу — они для Белибердяева и для Бульбульгакова.

Итак — вот о нас. А остальное в скорости.

Обнимаю Вас нежно.

Ваш отец Катавасий Синедрионов

1931.VIII.30.

Адрист:

с 1 сент. Schiveiz. Pura (Tessin). bei Trüb.

verte[94]: →

Примечание к стансам:

Весь почти август с 9 по 31 мы провели здесь, на Фирвальдштеттском озере, на горе Bürgenstock. Наш отель Waldheim изображен на № 12, но дерево закрывает наш балкончик. Во всем основном — очень много Wahrheit и очень мало Dichtung[95]. Если Вы покажете эти стансы Бальмонту, Деникину[96] или какому-нибудь другому профессиональному поэту, то я потеряю к Вам всякую доверчивость. Veto! Veto!!! Veto!!!

PPPS.

«Liebessturm» для Истории Любовной — превосходно, лучше всего!

Горные стансы.

«К цветку прилипнул мотылек
И пьет его дыханье»

Жуковский[97]

1931. август. Bürgenstock

<Далее следует 12 открыток с видами Швейцарии, снабженных четверостишиями>

1. Их было двое искони,
Покорных вечным звонам.
И ездили в тот год они
По горным небосклонам.

2. Ища от века красоты
В безмерности и в мере,
Они достигли высоты
На сем фюникюлере.
3. И вдруг явились им огни
И разные народы.
И наслаждалися они
Явленьями природы...
4. Всё рассмотрели с той поры,
Что дальше и что ближе:
Вдали виднелись две горы
И пропасти поближе.
5. Весь день им пели бубенцы —
И нежны, и суровы...
То по лугам во все концы
Лямлямкали коровы.
6. И славил сам себя талант
И находил известность:
Над бездной стоя, музыкант
Трубил на всю окрестность.
7. Три франка взяв в карман плаща
И деньги уплатив те,
Они катались, трепеща,
То вверх, то вниз на лифте.
8. Являло им молчанье гор
Образчик совершенства,
И излучал коровий взор
Бесстрастное блаженство...
9. Все тайны гор открыла им
Альпийская сивилла...
И огоньком звала своим
Рахманинова вилла.
10. Забрав на пристани народ,
Дымя трубой от злости,
Возил их этот пароход
На эту виллу в гости.
11. Но жизнь без родины грустна...
Все кажется вопросом...
И их душа была мрачна
Подобно сим утесам.

12. Когда ж туманные клочки
Вещали бурю злую,
Они играли в дурачки
Весь день напропалую.

115

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<5.IX.1931>***

5 IX 1931 г. Ланды

Дорогие друзья, милые «щастливые швейцары»,
Наталия Николаевна, Иван Александрович!

Ау-у-у!.. И первым делом — с высокоторжественным Днем Ангела и с предорогой Именинницей. И да парит Он (женского рода надо бы — Она, — но какого рода Ангел, по существу — нам неведомо, увы!) над Вами в горах Швейцаровых и да кропит росою небесной и осыпает всяческими дарами (можно и чеками, и даже герм. марками!), духовными и тленными (последние ныне предпочитаются, увы!). И прикажите швейцарне иcделать (испечь!) пирог с капустой (на Адриана — Наталию полагается с капусткой, это уж известно!), лучше — слоеный, а на суп — потроха, а на второе леща середнего с кашкой, яйцами и сметанкой, а на третье — жаркое — гуся с шинкованной (обязательно — красной) капустой, а на заедку — слоеный пирог с яблоками, но можно и драчёну или бабку (не костяную, понятно!), политую собойонной обливкой (фряжская обливка)[98]. А на другую заглотку блинчики малы с изюмным вареньем, поелику изжоги меньше с изюмца. Вот. А на запивку можно и винца швейцарова, легкого, белого, ренского, токмо не сугубо. И да расцветете аки эдель-вейс, сиречь высокий цвет, подоблачный-снеговой и чистый, как крылия ангельские. И да подаст Вам (вкупе) Господь здравия и долгоденствия, чего О<льга> А<лександровна> и аз грешный желаем вседушевно.

Получил Вашу книжечку[99], дорогой И<ван> А<лександрович>, и читал, лежа в болезни (ибо — снова свалился от приступа болей, на 2 недели). Как все Ваше — сильно, вдохновенно, ярко, исчерпанно, неоспоримо. Но, в результате чтения, сильней дали себя знать

боли — и телесные, и душевные. Вот, дней 5 — 6 снова на ногах, влачусь. Нет воли, нет охоты писать — валить в пустоту. Вот, отошла душа, как переглядел, как перечитал Ваши «Горные Стансы», перецеловал духом эти чудные виды «швейцаровы»... Все чудесно — и виды, и «стансы». Раз пять вслух читал друзьям (Бальмонту, Кульману и др.). И хоть сто раз читай — свежо и остро, и смешно, и умилительно, и... грустно. Было, есть и будет — чужое, Швейцария, к<отор>ую никогда не увижу. Но уже нет и... не будет Ее, единственной[100]. И Вы с Н<аталией> Н<иколаевной> — милые спутники чужого мира, и в В<аших> стансах за смешком — грусть, горечь. Эх, зачем я не корова швейцарова? Лямлямкал бы в тиши солнечных травяных долин и взгорий, и излучал бы мой взор «бесстрастное блаженство»! В этих «стансах» и видах пришло в душу грустное умиление, и я почувствовал ласку Вашу. Ах, спасибо Вам, милый И<ван> А<лександрович>! А я так всегда помечтывал о Швей-ц<арии>, о «первозданности», к<отор>ую можно учуять в этом «проходном» месте. Тысячи точек в ней есть, где почуешь эту «первозд<анность>», несмотря на «культуру». Дали, дали... провалы, туманности, вóды... Удивительный Вы талант!

Перервали письмо... *7 сент.*

«Liebenssturm»... лучше всего для заглавия романа? Рад сему. Но уже решил издатель (и дурак!) дать — «Vorfrühling» — пустое слово. Сам себя и высечет — и меня. Нет, и роман не дает на лечение и отдых. На что покупать немцам?! Крызис. Да и американцам (выход<ит> в окт<ябре>) — к чему про «любовь»? Ох, устал я, опустошен. А надо, надо хоть «Богомолье» закончить. Нет во мне тонуса, воли к жизни. Серо, скушно, безрадостно — все для меня. Но... «уныния... не даждь ми»!

А в моих «мрачных переспективах» (в письме-то) — и от сущности мировой, и от... — кишок. Но что поделаешь, когда я с февр. 1917 г. — такой **мырачный**?! Если в меня **кто-то** (Бог или Сатана?) вставил — чуткий ли, обманный ли? — сейсмограф?! И чертит он в душе «кривые», и все-то исчертил и исцарапал. И все трясется в душе...

Да увидь я самый расчуд<есный> вид в Швейцарии, я лишь на миг забудусь-возрадуюсь душой горе... — и сникну. Нет, некуда мне ехать и некчему. Петру был глас: «Заколи и ешь». И мне (с усмешечкой?) тоже «глас»: «любуйся и отплевывайся». Прочитал на днях: Гегель умер от... холеры! Тьфу! Гете выл от зубной боли... Ну, мухи в меду вязнут, но если **человек** стоит по шейку в ретираде...[101] и суждено ему так пребывать, несмотря на все его познания «духóв горних»... — тьфу и тьфу! Но если я **вижу и слышу**, как все катится в... ретирад?! Несмотря на «поэзию и музыку»...? Почему я... не только не корова... почему даже не «капля дождевая»? Почему я должен иметь человечий нос и — **нюхать**? Тьфу!

Но — к... «ретираду»: — сиречь — к дню сему.

Н. К. Кульман просил меня запросить Вас (он здесь живет, в Capbreton`e), не может ли он напечатать статью свою о русской и «нерусской» литературе из В<ашей> книги «Welt»[102] — где-ниб<удь> во франц<узском> журнале, т<ак> к<ак>, по его словам, вряд ли состоится франц<узское> издание. Разрешите ли Вы ему?

Посылаю Вам «Буколику» — «старый и малый», — «пастыря доброго». **Такие** тоже **уходят**. Какое все доброе — глядите. И собачка, за папортником, и старик, и робкий ягненочек... И — леса. Виллы гремят «радио», авто, накипь... и везде зло торчит.

Благословляю Вас, дорогие, милые. Не дланию, а сердцем. О<льга> А<лександровна> (бедная, истомленная), я и Ивик — целуем Вас.

Не забывайте. Заставлю себя сегодня сесть работать!

Ваш целиком Ив. Шмелев.

<К письму приложена открытка с изображением стоящего в лесу старика с ягненком на руках>

7. IX. 1931 Ланды

В темном лесе мужичок,
На руках — овечка.
И не знает, простачок,
Что он — Богу свечка!

Да, и тут есть еще уголки и «бесстрастное блаженство»...

Но... последние это простачки.

А наши, наши... Где вы, Касьяны с Красивой <Мечи>[103]?!

Догорели свечи.

И. Ш.

116

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<23.IX.1931>*

1931. септембруария 23.

Дорогой Иван Сергеевич!

ГРрррррррромы небесные да ПОРрррррразят Вас! Посылая Вам «стансы» — я заклинал Вас не читать их професссссссиональным поэээтам! Как то — Бальмонту; и другим. А Вы что сделали??! Какой же Вы мне кум, ежели Вы так меня кум-прометируете? Ведь Бальмонт подумает, что строчки вроде

«И наслаждалися они
Явленьями природы»
или
«Являло им молчанье гор
Образчик совершенства» —

что эти строчки я *НЕ-ЧА-ЯН-НО* написал, что я их *всурьез* выдаю. А-а-а-а! Мое доброе имя! Бедное мое имя! Мое поэтическое вымя! Бедное мое вымя! Мое литературное знамя! Мое художественное пламя! О, грядущее племя! Какое ты воспримешь семя!?

Нет, нет, нет! Мы с Вами, явно *начинающие* поэээты — мы должны беречь свою и взаимную репутацию, чтобы она не превратилась в перепута-цию, рас-путацию и ам-путацию!

Коварный друг! Жестокий друг! Я требую удовлетворения: Вы обязуетесь *взять назад** (перед Бальмонтом и другими профессорами-поэтами) мои стансы.

* прим<ечание>: На чей зад? неизвестно!

Stans'ы. Да разве мы с Вами *такое* напишем, если у нас сделается поэтический *STANS*! Ррррррр!! Мы создадим *академию*, новую! Не какодемию (от κακὸν τὸ δῆμος[104]), а настоящую!

Но об этом до следующего письма.

Обнимаю Вас, жестоковыйный!

Ваш отец Катавасий Синедрионов.

Абдрист: Schweiz
Pura (Tessin) bei Trüb.

117

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<30.IX.1931>*

<Открытка с изображением тенистой беседки на берегу моря, в которой стоит ваза, похожая на урну>

1931.IX.30.
Mr. Iwane Chmélof
Villa Riant Séjour
Capbreton (Landes)
Francia

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Ваше письмо на Наталию пришло к нам 27 августа, в день нашей *серебряной* свадьбы. Оно было для нас большой радостью. А теперь мы совершаем наше серебряшное-свадьбишное путешествие. Начали с подъема на Monte Generoso, видели закат и восход; потом были на озере Комо; потом через Парму и Болонью докатились до Римини. Пишу Вам на берегу Адриат<ического> моря, на песке, за будочкой. С моря несет ветром, сыплется песок и греет солнышко. Отсюда хотим проехать в Равенну, посмотреть, чего там без нас остготы понастроили, и какия такия есть византийские мозаики. Если будут хороши, пришлем. Адрес все тот же; письма все получу. Душевный привет от нас обоих Ольге Александровне и Вам.

Ваш, Иоанн Повсеместный, хоть и Безземельный.

118

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<3.X.1931>***

<Открытка с изображением моста Августа в Римини>

1931.X.3

Дорогой Иван Сергеевич!

Вчера пробыли весь день в Равенне. *Нет* снимков достойных, чтобы прислать Вам — ибо мозаики V и VI века говорят не только линиями, но неописуемыми красками. Какая свежесть, какая безошибочность выбора, какая эзотеричность замысла!...

А сегодня весь день в Римини на песке искали раковины и слушали лёкот моря. И золотые паруса...

Ваш И.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chmélof
Villa Riant Séjour
Capbreton (Landes)
Francia. France.

119

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<5.X.1931>***

5 окт. 31. Леса Зе-ландские, ибо — не-ку-да дальше.

Дорогой и щастливый созерцатель красот природы, милый Иван Александрович! Вы вкушаете от Италийских чудес, а я ем глинку — не М. И.[105]! — сиречь шпаклюю внутренняя моя. Ина слава солнцу и т. д. И все адриатики, и пармы, и прочии болоньи-маланьи недосягаемы. Куда приткнуться — не вемь, ибо для Совр<еменных> Зап<исок> надо бы крупное, а меня болезнь и крызисы в пыль стирают. Ед<инственное> прибежище — Рос<сия> и Слав<янство>, но оно задолжало свыше тыщи, и вот, кредитую теперь девятым очерком Богомолья — у Преподобного. М<ожно> ск<азать>, питаюсь самоедством. Но в своб<одное> врем<я> я не чужд изящной литературы и читаю «самозванца»[106] с косушками и проч. и развожу ногами. Покойный Пазухин[107] небось в гробе перевернулся, а бедный Лександр Сергеич хочет оспаривать права свои[108]. Но есть и радостное, напр. трогательная забота о ласточках, к<оторы>х посылают на юг — от туберк<улеза> — на еропланах. О, сколь всежалостливо сердце европейское! Из-

дат<ельство> Белградское в анабиозе, бо «самозванцы» умело выхватили атлантидами и синими тетрадями куши. И вообще — крызисы. Значит — увидим небо в алмазах.

Урна и мост Августа — открытки Ваши — мраком на меня дыхнули. Видал и я мосты! Мост, м<ожно> ск<азать> октябрьский в душе.

Не забыть: Вы не ответили на вопрос Н. Кульмана, может ли печатать по-франц<узски> статью о литературе из В<ашего> сборника?

Прошел бы я Италию хоть с ящиком чистильщика ботинок. Почистишь — посозерцаешь разные болоньи, фрески... А тут, в мире-то, одни трески. Скоро лопнет и самый глобус. На каблук бы залез итальянский, сел бы под этакой пинией и упивался бы! «Адриатические волны... о, Брента...!» Октябрь уж наступил на ногу, и надо куда-то двигаться. Почему я не ласточка австрийско-венецианская?! Перевезли бы меня в стекл<янном> ящике и кормили бы, и поили бы, и еще по головке бы погладили. А тут — вваш билет?!.. Объявляю мораторий.

Вчера стукнуло — и пребольно — 58 годков. «О, моя юность! о, моя свежесть!..» А засим прилагаю октябрьский мост и... мокрый хвост[109].

Поцелуйте от нас с О<льгой> А<лександровной> — воистину, мученицей, но никогда не ропщущей, — добрую Наталию Николаевну. Созерцайте фрески, ешьте макарроны с поммидорами, пейте всякие киянти и аликанти и не забывайте во хладе сущих и Вас объемлющих дикарей зе-ландских, сбирающих щепу и шишки, дабы согреть бренные телеса — души давно и так **согреты**, что могут и без согревания. Ах, два очерка Богомолья осталось и Ердань, а затем, если «не нынне отпущаеши», то — буду что-то свободное писать, и на все мне наплевать.

Ваш Иван Мокрохвостов — Самоед — тож.

<Приписка:> В 1/2 ноября вых<одит> Ист<ория> Люб<овная> в Амер<ике> и Англ<ии>. Что-то будет?

Хотя аванс проеден за 1000 экз. Если бы еще продали тыс. 3!

Жду кн<игу> и в Германии. Но — кры-зи-сы!!.

Приложение — Мост и Хвост.

И. Ш.

<Приписка:> Да!! Если будете в Берлине и встретите г-на Гессена, скажите ему — про... хвост! Прошл<ым> летом напечатал мой этюд — из детства, д<олжен> б<ыл> прислать 300 фр. (как условл<ено> по 10 пф<еннингов> стрк.) Я ему писал *3 раза* — даже ответа не получил. (А к<а>к, бывало, он мне пи-сал!!) Послал ему кн<игу> «Родное», просил поручить к<ому>-л<ибо> дать отзыв — ну, пусть ругают, но дайте-же! — ни-зву-ка!! Ни-чего не понимаю. Но как же с... ласточками-то вежливо!... А? В ящичках, на еропланах...

<Открытка с изображением мостика в Ландах с подрисованным рукою И. С. Шмелева косым дождем (подписано: «Дождь»), другим мостом, похожим на мост Августа, под которым написано: «видения»; урной (подписано: «урна») и человечком на берегу с хвостом (подписано: «хвост»))>

Capbreton. Другу 5 окт. 1931 г.

Веленью Божию послушный,
Гляжу на «урну» и на «мост»,
И, к сим articl`ям равнодушный,
Сижу в лесу, поджавши хвост.

Но, лишь по виду равнодушный,
Блюдя удел и строгий пост,
Сам мыслю — если б мне воздушный,
Как змея, подвязали хвост!

И вновь бы стал я благодушный,
И, прихвативши в зубы хвост,
Душой порхающей, воздушной,
Я возгласил бы жизни тост!
Но — только урна, только — мост...
Леса, дожди, да... мокрый хвост.

И. Ш.

120

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<21.X.1931>***

21 X. 31. 6 веч. туман-дождь, но весь месяц была хорош<ая> пог<ода>

Ланды.

Дорогой друг, Иван Александрович! Где скитаетесь — не вемь. И пишу на-уру. Только что отработал 10-ый очерк «Богомолья» — «У Троицы», и хочу на сих дн<ях> завершить — последний, одиннадцатый, и — благодарю Тя, Господи! Читал вчера Кульманам и Бальм<онту> десятый... — были взволнованы, дай Бог. Проф. даже сказал — Вы не знаете, каж<ется>, сами, что написали, и что такое «Богомолье»! Дай Бог. Не врут? Но его же надо **все** прочесть! Только бы завершить. А жена Кульмана, почитательница, как и он, — и справедливо! — Бунина, — хотя и меня они о-чень любят, неожиданно изрекла: «получить премию должен... Вы!» Я опустил глаза. Должное... и — сущее... — гм.! Моя тихая О<льга> А<лександровна> ведь непохожа на пушк<инскую> старуху — с золот<ой> рыб<кой>? Нет. Но вот, «не дает старику мне покоя». Нужно нам... новое корыто? В корыте много ли корысти?! И вот, она, да, она мне — не сваливаю я, а так именно! — говорит: у нас никого радетелей-благодетелей, кроме **справедливого** Ивана Александровича! Напиши от меня. Да, я пишу... от нея. Это не кривда. Но, по́мня Ваше слово весеннее, в письме, пишу не с таким сдавленным сердцем. А вот «объяснение причин».

Когда узналось, что премию получил поэт шведский, покойный ныне, Кульман мне сообщил, что это страшный удар для Б<унина>, т<ак> к<ак> И<ван> А<лексеевич> был вполне уверен в удаче: по хлопотам массы лиц — и проф. Кульмана, — Б<унин> был представлен ныне, на сей год очень сильно. Чуть ли не «семь городов» и т. д. вплоть до хлопот потомка дарителя премии, который — потомок — поражен ударом недавно, а должен б<ыл> ехать в Стокг<ольм> и **влиять**, и еще обещал Б<унину> поддержку архиеп. Седергольм, что ли, кот<орый> скончался, представив... швед<ского> поэта!

Но семь представлятелей представляли Б<унина>. Кульман говорил мне, что та-а-кие обра-за подъяли..! — что... деньги в кармане. Но... и на сей раз русский карман оказался обойденным. И вот, ... новое корыто! Мне жутко и стеснительно о нем писать. Недостоин, в глубине-то знаю, недостоин... или могу? Вы решите, дружески, могу ли подтащиться с карманом. Ибо, каюсь, трещит карман. И давно бы треснул, если бы не чьи-то молитвы... Только что вышли: в Н<ью>-Йорке — и в Англии, думаю, — «Тхе стору оф а лове»[110], у Дутон[111] — блестящее издание!, два с полт<иной> долл<ара>. Издатели — крупнеющие! — пишут мне, что **они все** в восхищении и... чают биснес! Да, так и пишут. И переводчице так пиш<ут>, а перевод — блеск! Если Вы читаете по англ. и хотите — я В<ам> пришлю экз<емпляр>. Отпишите. И — в Германии — в Лейпц<иге> и в стране шве<й>царов — в Цюрихе, где Вы чтимы и приглашаемы — узнал от швейц<арской> моей переводчицы-с, — м-м Др. Ревекки Кандрейя, — тоже вышел роман, «Форфрюлинг»[112]. Но еще не получил книг. Авансы получены, и почти съедены... но, если бы **пошло** в Америке! Пусть хоть три тысячи бы прошло, только! И я бы был сыт на девять мес<яцев>. А сейчас утеснен, ибо больших газет не имею, за строптивый нрав. Питаюсь от крох благородной «Рос<сии> и Слав<янства>». Знаменательно! Откуда же славянину питаться больше? **Шесть** книг еще готовятся в иностр. издат<ельствах>, но... улита е<дет> к<ак> б<удто>? Но тогда уже будет у меня 38 книг иностранных! Багаж есть. Могу шведам представиться с... поличным. Каж<ется>, побит рекорд. Но кто же меня предложит, ибо не только семи городов не имею и не знаю, но и трех деревушек не разумею. Говорю «старухе»: осерчает золотая рыбка! А она: «иди к морю, сиди у моря... смилуется рыбка!» Говорю — изойдусь на марки! А мудрая отвещевает: будут кроны. Ничего-то я не понимаю, да откуда ж гордыня такая?! У скромнейшей, у тихой, у болезной?.. А она мне: сам ты себя не знаешь. Или — дадут М<ережковско>му за... «Самозванца»? А его тоже семь городков представляли. И сел я, раб ленивый, за машинку, и взываю к золотой я рыбке: «покажись мне, золотая

рыбка, поиграй хоть хвостиком маленько... видишь, надо бы нам но-но-но-вое... ко-ко.. ры... то... наше-то совсем... прокорылось!<»> Посадил бы я старуху за машинку, — не умеет старуха на машинке... отстирала себе руки-то в корыте!

Одним словом, покорный низшему веленью, я за машинку тотчас сел и, отягченный болью, «ленью»... за ловлю рыбную засел. Не мню я ловле сей удачи, не знаю правил сей игры, и уплатив по найму дачи, протер карманы до дыры. Но..!

Больше ничего не имею. Сказать. Ибо — стыдно в убогий ряд становиться и канючить: подайте, инославные, на погорелое место! Ибо что я есмь? Похож на старого, слабого старичка, у Троицы, перед святыми вратами. Сидит в сторонке от «убогого ряда», где толстошеи на утюгах шлепают, с красными мордами, и орут: «сорок годов без ног, третий день маковой росинки не было!» А от него, к<а>к от кабака. А старик сидит в сторонке: выпихнули его из убогого ряда сильные, богатые... — — — Это из последнего очерка будет! Но довольно канючить. Конечно, **хочется**... Каждому тоже сме-сме-танки... хо-хочется... — говорил Розанов, умирая. Лестно, конечно. Но в сем деле как с синицей, к<отор>ая хотела море... Хвастовства далек. Но иногда приснится. Объективно рассуждая, вижу: багаж имею, иностранцы все же знают, читают... правда, не **всего** знают. Мое, **родное** во мне, им неведомо, конечно. Но, кажется, условиям дара соответствую. Если можете посодействовать, помогите или дайте совет. У конкурентов богатые возможности, связи. А я не был предусмотрителен да к черному телу привык. Хвал мне не пели, в кимвалы не гремели. Это Вы, добрый человек, просвещали насчет меня. Были и еще... бы-ли! Вот, недавно была об «Росстанях» статейка А. Савельева[113], — не знаю его, — в № от 8 окт., четверг, № 3304[114]. Понял мои «Росстани», и я рад. Назвал шедевром. Ядрышко нащупал, хоть не успел сказать о языке, о пеньи. Я даже не озаботился приберечь отзывы иностр. печати. Беспечность, да. **Я знаю**, — скажу Вам по секрету, — что меня на 31 год представил проф. Н. ван Вик[115], из Лейдена. Он читал обо мне не раз и прислал мне в начале

марта извещение, прося держать в себе. Теперь — отпало, после присуждения. Не могу добиться устройства шведского перевода «Чаши». По-шведски у меня только «Человек» издан, у Альб<ерта> Бонье, давно. Гамсун мне писал о своем восхищении — «всю ночь читал, не отрываясь». И Сельма когда-то писала о «С<олнце> М<ертвых>»[116]. И вот, заткнуто в Швеции. Но... должно отомкнуться **само**, если роман в Амер<ике> понравится. Так часто бывало.

Получили ли письмо со стихами о... хвосте? Писал на швейц<арский> послед<ний> адрес, куда направляю и это письмо. Нет, все пары вышли, устал, и опять боли в живот<е>, почти не выхожу из болей. Богомолье писал — прикладывался. Но веса не потерял, а приобрел даже около 3 кил. за шесть мес. Жена насильно кормит. Никуда я не гожусь. А надо многое еще написать... Иностранца... про «Жизнь»[117]... и еще. Но облегчение, что кончаю «Богомолье». А там пусть его и меня судят, по заслугам и недочетам.

Когда будете в Цюрихе, возм<ожно> с Вами познакомится доктор Рентш, мой издатель, издательства «Ротаппель». Писала мне Кандрейя: приглашены знаменитости: Вы, Фробелиус[118], Клагес[119] и итальянец говорить на тему «За и против Духа». Да будет Вам триумф! Да, еще милая моя Кандрейя пишет, если бы проф. Ильин прочел там в Цюрихе о Шмелеве. Но это уже — «коммерция». Это, я полагаю, от др. Рентша! Я, конечно, в восторге от «если бы», но... — «За и против Духа», и не до «авансов». Прислала мне Кандрейя, пер<еводчи>ца, 42 кл. груш, на 18 день — желе с соломой и — хотя она все оплатила — 70 фр!! взыскали. Вырвал 50, ибо хотели надуть. Я завопил, Кандр<ейя> пришла в ужас, прислала мне франки, я их отсылаю... Поел груш... Теперь хочет яблок сто кило прислать... Удивит<ельный> человек она, еврейка, да... но до чего чутка, как она понимает мои книги, как любит их. Жена следователя-швейцарца, пожилая, была года четыре у нас проездом в Париж. Она, конечно, приедет Вас слушать. Подойдет, если не побоится. Вы ей скажете доброе словечко, да? До чего она трогательна! Она мне и цветов посылала, и шоколаду...

Ну, что я ей!.. Ду-ша-с... живая, хорошая, из культурной квашни русской — русской культуры!

Не забывайте нас, побалуйте В<ашими> острыми письмами, в которых для меня утешение и веселие. Правда, Вы кратки. Но как часто в этой В<ашей> краткости находил я глубины, заостренность мысли, и такие осколки их... — сверканье! Я храню их как — редкости-радости. Но где же... столько у Вас дела, дум и «сердца горестных замет», что я не покушаюсь. Но иногда кроху уроните, да?

Господь да будет с Вами обоими. Поклоны Вам шлют Кульман и Бальмонт. О<льга> А<лександровна> просит передать сердечный поклон Наталии Николаевне, я целую благостную ее руку, Вас крепящую. Будьте, дорогие, здоровы и да хранит Вас Господь!

Милый Иван Александрович! Как будто я все только прошу, прошу, письмо-то мое! Да Вы учувствуете верно, и это меня облегчает. Иногда «схватит» — ах-ах... к кому прибежать, с кем посоветоваться... Вот и выйдет — прошение. Но не поставьте в осуду.

И отпустите грехи гордыни и корысти рабу Божьему Ивану Шмелеву, что с Калуцской, от Калуцких Ворот[120].

<Приписка:> А нем<ецкую> книгу Вам пошлю! Как-то нем<ецкая> пресса отзовется?! И. Ш.

<Продолжение письма:> Об И. Б<уни>не Степун гремит-трубит на всех площадях (начиная с Совр<еменных> Зап<исок>) — и вся печать, а меня — ей-ей — загнали (о, Вы не знаете!), меня посл-новостенцы[121] не выносят, и только другу Зеелеру удалось словцо о «Родном» сказать. Если бы мне... ну, сон бы такой случился, — ну, дали бы **оную**, вместо «кандидатов» — М<ережковского> и Б<унина>... — меня со свету сжили бы, (в душе)... — знаю. Но... ни-ко-му, каж<ется>, не дадут. Чудо!! Вчера, когда я кончил чтение «У Троицы» (X оч<ерк>), у жены Бальмонта, смотрящей на него, к<а>к на божество (да, да!) вырвалось: (я не слыхал от волнения), а О<льга> А<лександровна> слышала, ибо ей было сказано, громко: «конечно, премию долж<ен> получить Ш<меле>в, а не... Бальмонт!»

Нет, я кажется, превращаюсь в ходячее тщеславие — прости, Господи, дух любоначалия!

И. Ш.

121

И. С. Шмелев — И. А. Ильину <*21.X.31*>

21 X 1931 г. 9 ч. веч. Ланды

Дорогой друг, Иван Александрович! Пишу усталый, т<олько> что после 2 нед<ель> закончил 10-й оч<ерк> Богом<олья> (остается — последний!). Читал вчера Кульману и Бальмонту. Были взволнованы. К<ульма>н сказал: «Ваше Бог<омо>лье является исключительным и единствен<ным> в рус<ской> литер<атуре>, и — во всей литер<атуре>. Вы, каж<ется> мне, еще и сами не знаете, что Вы сделали». Да, я не знаю. Б<альмон>т заплакал (да и К<ульма>н блестел глазом). Я пишу Вам не себе в похвальбу, а — с ?. М. б. все это и не то. И почему-то у Н. Ив. Кульм<ан> вырвалось: «Вы должны получ<ить> премию N.[122]!» М<ожет> быть, только вряд ли дадут. Так вот. Пишу — вымотанный. По просьбе и настоянию О<льги> А<лександровны>: «Пиши справедливому И<вану> А<лександровичу>, у нас никого нет». Пишу, хоть и жмусь.

Премии не присудили русскому и в эт<ом> году. Б<уни>н *был уверен,* что прис<удят> ему. Я знаю от Кульм<ана>, который хлопотал. Были подняты все силы, из 7 госуд<арств>. И — Эм. Нобель[123]. Но он заболел и не мог поехать. Вы, конечно, читали бестактную ст<атью> Ходасевича? Это — о Бунине там. Но за меня некому предстательствовать. М. б., дорогой И<ван> А<лександрович>, что-ниб<удь> надумаете, скажете кому? Я помню В<аше> обещание, к<оторо>ое меня взволновало. М. б. и я смог бы явиться с правами на соревнование? У меня до 30 кн<иг> на ин<остранных> яз<ыках>. На днях вышли — в Америке — Англии — The story of a love, у Dutton, N.Y.[124] (чудес<ное> изд<ание>!) и Лейпциг-Цюрих, у Rotapfel — «Vorfrühling»[125]. К<а>к получу нем<ецкую> кн<игу> — пошлю Вам. Хотите англ<ийское> изд<ание>? Только 5 экз. прислали, но я

Вам обязательно пошлю, если любите англ. яз. Меня знает проф. N. van Wijk (Leiden)[126], читает обо мне. (Он, знаю — между нами — меня представил на 31 г. да — не вышло.) Я не знаю, как надо. И понимаю, что мне не легко будет сост<язаться> с силами связей Мер<ежковско>го и Б<уни>на. Но — Господь может **все**. Меня, знаю, читают на мног<их> яз<ыках>. Li<e>be in Krim прошло все издание 10 000 (Reclam) в 6 мес. (1200 фр!!), м. б. будет 2-ое — 10 000. Жить становится трудно. Болею. О<льга> А<лександровна> — всегда скромная и рассудительная, на сей раз меня заставляет действовать. Но как — я не знаю. А у Н. К. Кул<ьма>на просить совета (а он очень добр ко мне и любит мое) не могу, ибо он давно уже ведет кампанию за Б<унина>. Абонирован, т<ак> ск<азать> по старым связям. А я — новичок. Притом — Б<унин> — академик. Правда, Академии нет 14 л. М. б. и я был бы а<кадемико>м. Кони[127] еще в 12-м году имел намер<ение> меня представить, да я молодь был от литературы. Что сможете сделать, что *не* обременит Вас — помогите. Честь — да, высокая. Но в наш<ем> положении теперь — получить премию — обеспечить себя для большей литер<атурной> работы. Это — соблазн. М. б. надо книги послать кому? Я ничего не знаю. Никого из членов жюри в Швец<ии>. На швед<ском> яз<ыке> всего 1 кн<ига> «Человек»[128]. Но там чит<ают> и немецкие. Их теперь у меня 5. (6-ая для юнош<ества>) На англ<ийском> — 4. На фр<анцузском> — 2, да Чаша в Oe<u>vres Libres[129], целиком. На итал<ьянском> — 3. На исп<анском> — 3. На голл<андском> — 2, на чешск<ом> — 3, на венгер<ском> — 2; на хорв<атском>, сербск<ом>, польск<ом>. На 75% — погоня за синей птицей. Но... дали же амер<иканцу> Синклеру! Да что говорить... Так вот. Узнал от швейц<арской> переводчицы Candreia[130], что в Цюрихе будут выступать «За и против Духа» — знаменитости: Вы, Фробелиус, Клагес и итальянец. Да будет Вам триумф! ———— (Что хотите, то и делайте со мной! Я — изнемог.)

NB Это — второе п<ись>мо! Почему? Да... первое, на маш<инке> показалось легкомысленным... и я решил быть тяжеломысленным. Но *выдохся* я и не дописал.

О<льга> А<лександровна>, прослушав меня (исповедь), сказала: изволь послать 1-ое (машинку), там нет легкомыслия, а оно *живое:* Ладно... Покоряюсь. Так что шлю всю «лабораторию». Измучен. А надо завтра писать 11-й очерк Богом<олья>, чтобы в 3 дня кончить.

Ваш Ив. Шмелев.

122

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<20.XI.31>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Не истолковывайте мое молчание неверно. Я выпит каждый день до дна и каждый день все надеюсь, что «завтра» освобожусь и напишу. И все проваливается и откладывается. Спешка и неотложность.

Меня несказанно огорчает Ваша *материальная* нужда и к вопросу «премии» я подхожу *только* с *этой* точки зрения. Во всем остальном мы не должны и не смеем судить иначе, как по Пушкину — «ты сам свой высший суд» (а не прочие, шелудивые болтуны и раздаватели венков, не лавровых, а ллл-о-пуховых).

К моему величайшему сожалению я могу сделать лишь очень немного — за отсутствием связей с *этими* кругами и за невозможностью клянченьем унижать Россию, Вас и себя. Но *я*-то, я как таковой, делаю и сделаю *все* — мне напоминать не надо.

1) Готовлю Вам немецкого издателя для «На пеньках».

2) Списываюсь с Литер<атурным> Клубом в Цюрихе; хотят от меня доклад, я хочу говорить об:

«Иван Шмелев, поэт мировой скорби».

3) Ищу места для напечатания моего этюда о Шмелеве

а) по-русски,

в) по-немецки.

С радостью напечатал бы его и *по-шведски*, если бы найти какую-нибудь связь. Это могло бы подвинуть дело.

Обнимаю Вас и целую ручки Ольге Александровне. Если услышите о волнениях в нашей стране, то помоли-

тесь за нас Богу, ибо это будет означать, что для нас наступили дни черные и страшные.

Ваш душевно Такой-сякой.

Адрес: 931.XI.20

Berlin-Steglitz.

Rotenburg Str.43.

Вашу «Троицу» *очень* читаем и *очень* одобряем. Напишите скорее о себе.

<Приписка:> Только что продвинулось дело с Пеньками. *Мой* издатель готов с радостью. Переводчиком наметили Лютера (Лейпциг). Напишите, сколько Вам заплатили за Liebe in der Krim и сколько Вы хотели бы получить за Пеньки.

123

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<27.XI.1931>*

27.XI.1931.

Дорогой Иван Александрович,

Как же я могу истолковывать молчание Ваше иначе, чем сознанием, что Вы поглощены работой, творческой, и хлопотами «дня сего», к<а>к и все мы. Я — ветром подбитый, нервом подвитый... чтó я! А «барометр»-то мой, Ольга Премудрая моя! Она мне всегда — валерьяновые капли: «И<ван> А<лександрович> кипит в работе, не то, что ты!» Ну, и ласково так посмотрит. И кошки заскребут: да как же я мало пишу! Живем опять на старой глине, фарфоровой, давно покинули смологонов с овечками[131], по дороге схватил бронхит и — банки ставлю (но не «банки»!). И ем, к<а>к полагается, глинку, штукатурю внутренняя моя. Скриплю, как старая осинка. Но закончил «Богомолье», посл<едний> оч<ерк> — «Благословение». Теперь пишу «Крещенье» (Ердань) — и две книжки буд<ут> закончены. Но... — где продавец? Туго сие, хоть и есть читатели на сии тихие очерки «Лета Господня». Рад, рад, что «Богомолье» читаете. Эти очерки — спасение мое духовное — от мрака дней. Теперь мерещится «Американец»... И еще — тема — «днiе его, яко цвет сельнiй»[132]. В центре — уже не простяга, как

старик Лаврухин, а — «frèr<e> fin»[133], типа — ну, М. Ковалевского[134], Кони, кто там еще... хотелось бы поскоблить одежки «благоприобретенные» и дать — ядрышко, «подоболочное», «сам с собой». А мож<ет> быть и в двух видах: во фраке — и... в халате. Чтобы завыло-закричало в нем — «от недр», как бы крышку над подсознательным приподнять и поглядеть: Бог или черт, или — пустое место с зеленой-гнилой пылью, как в кедровом гнилом орешке встречается... или — ядреное зернышко? Ну, предстал М. Ковалевский перед «всеми» на небеси (перед **Совестью**?) и смотрит на... «рукописания»... «Теснится тяжких дум избыток... Воспоминание безмолвно предо мной свой длинный развивает свиток — и, с отвращением читая жизнь мою»...[135] и т. д. Вот, на **эту** тему. Ах, это стóит романища. Но и в этом как бы ро-ман. Но надо тут столько интуиции... о, о, о! Тут надо загореться и — ляпнуть, такую «зубную боль» во тьме и *одиночестве* показать самому себе, чтобы на себя в зеркало плеваться!.. И — без надрыва. А... представьте — М. Ковал<евский> вдруг взял бы и пришел к старцу исповедываться: А нельзя не прийти, ибо — **привело**. А м. б. я не так сделаю: зачем, напр<имер>, М. Ковалевского? А пообычней взять[136]?.. Но — надо дожить. Что Господь даст. А пока «Крещенье» и — «Американца». («Иностр<анца»>, чужестр<анца>...)

Спасибо Вам за думы-заботы о нас грешных! Живем маленько-ничево, на макароны не задаемся, а поскрипываем. Сколько-сколько страдает, да в нужде-то какой, а мы кажд<ый> день свежий хлеб имеем (я ем старый, ибо запрещено). Да вот, переводчица в Швейц<арии> яблок ящик прислала — так пюре ем! Надо Господа благодарить: и за квартиру заплачено, и угля куплено, и налог уплатил, и в тепле и свете. Спасибо, итал<ьянский> издатель «Чашу»[137] взял (хотел бесплатно, ибо в Рос<сии> еще печаталась, а они конв<енции>[138] не имеют), 320 фр. прислал, — бо перевод оч<ень> понравился (ученый монах шлифовал, в башне живет, и определение литургическое дал «Le Calice inconsumabile»[139]. Вот. Жду известий о «The story of a love»[140] — пошла ли. Не знаю также, как «Forfrühling»[141]. *Получили ли книгу?* Я просил издателя Dr. Rentsch'а (Цюрих-Лейпц<иг>) послать Вам. Дал на

Швейцарию, где жили. Если бы Th. Mann`у по душе пришлась, он написал бы о романе, — ко-зырь был бы! Мне писала K. Rosenb<erg> (моя первая переводчица) — пошлите, ему **должна** понравиться! (?) — Мне хотелось бы знать *Ваше мнение о переводе R. Candreia*. Если Вам некогда, очень прошу Наталию Николаевну сообщить, как показался перевод. Старалась Candreia (сейчас переводит «Лик Скрытый» и «Росстани»). Она же и издателя нашла и меня выручила в тр<удную> минуту. Да, 6-ая кн<ига> на нем<ецком> яз<ыке>. Все бы ничего, да диета меня томит: сырого ничего, острого — ничего, — «молочко пейте!» — спасибо, мясца можно и 1 яичко. И курить — запрещают. Курю больше «на воздухе». Лежу часами. Сильные движения — veto[142]. Колоть дрова нельзя. На лев<ом> боку — трудно. Шпаклююсь глинкой да висмутом. Долго сидеть нельзя: «вались дерево на дерево»! Скулю все. Да ведь каждому тоже хочется поскулить. С детства приучены: «ножка бо-бо... ня-ня-а!» А ведь уже и под 60! Да, 59-й двинулся. А давно ли, кажется, в гимназию ходил, и новы были все впечатленья бытия!.. И у Троицы... Господи! Где вы, детские думы, чистые детские глаза?!... И тих<ий> безмятежный сон?.. И первый запах сыроежки в роще, и первая ворона на снегу... и первый снег, и первая лопаточка, пахнущая зимой и елкой... Ну, поехал, стар<ый> ч<ерт>! Поплачь еще — дадут калач!

Стыдно мне, милый И<ван> А<лександрович>, что дурака ломаю, за «синей птицей» хожу, да и друзей беспокою. Пра-вильно! Нечего клянчить, а надо тянуть свой гуж, и сладостный, и трудный. Это меня Ник<олай> Карл<ович> растравил (не ведая сего) рассказами, кк. поднимали «иконы» во имя Ив. Алексеича[143] — и лопнуло. О сем надо забыть и верить, — «как метеор сие приходит», премия-то! Так, говорят, выразился один получивший — Т. Манн. Может быть. Когда получишь — всегда «прих<одит>, к<а>к метеор». Это — звучит! Американцы — так те комитеты составляют для «проводки» и фонды кладут на смазку (не жюри: то не смажешь, хоть и густо сало америк<анское>!). «Забу-удь мечтанья-а.!.» Да и глупо. Понятно — безбедное (и очень даже!) существование... а «венок лавровый»... Недостоин сего, знаю. Для

сего надо — мировое создать. Где оно?.. И **кто** вправе увенчивать? Это — «как метеор», вот это для сего верно. И — finita la com<m>edia[144]!

О сем счастьи — о Вашем «докладе» литерат<урном> в стране швейцаровой — боюсь и думать. В аплодисментах не сомневаюсь (не в мой огород!), но знаю, что громчей всех аплодировали бы два слушателя: Dr. Eugen Rensch — мой издат<ель> «Forfrüling»а и перев<одчица> M-me Dr. Candreia. Какие она мне письма пишет! И «Троицу» любит, хоть и «прекрасная Ревекка». Правда, она почтенная, но душа какая-а..! Чтит! О «Лике Скр<ытом>» говорит, — читать мне совестно. Если напечатаете В<ашу> лекцию-этюд, я прочел бы с удовольствием, каюсь. Но так, м. б., и не узнаю, что Вы со мной (из меня) сотворили. Ибо Вы — Со-тво-ри-ли. И на сию скульптуру — ох, поглядел бы! Это все равно, что на себя — спящего поглядеть! С разинутым ртом — или благовоспитанно. — А по-шведски... Нет, сия страна забронирована судьбой. «Человека» (Kypare!)[145] только издали. Трудная земля. Если бы «Ист<ория> Люб<овная>» — пошла в Герм<ании>, — шведы *м<ожет> б<ыть>* издали — бы. «Чаша» там давно себя ищет. Да не по духу она шв<еда>м: непонятна им «покорность» (якобы!) Ильи.[146] Но буду верить. — И — сам<ое> важное — спасибо, дорогой, за «Пеньки». Только... я ведь обязанный. По догов<ору> с «Rotapfel» — Rentsch, ему принадл<ежит> перво-право выбора, и я обязан его уведомлять, желаете или нет? Он дол<жно> б<ыть> ответит — нет, ибо т<олько> ч<то> роман издал. Но ведь ему придется, очевидно, и перевод представлять? О, Господи... Теперь — Арт<ур> Лютер. Чудесный переводчик. Но — роковое для меня: вплетается Dr. Lüther судьбой: Reclam (изд<атель> «Liebe in der Kr<im>») взял у меня для Dr. Lüt<her> подлинник «Под горами», чтобы Dr. L<üther> мог проредактировать перевод R. Candreia для 2-го изд<ания>, и вот 5-й мес<яц> держит книгу (обещ<ал> через неск<олько> недель верн<уть>), а написал R. Candr<ei`>e, что издает 2-ое изд<ание> (новые 10 тыс.), а на днях вдруг пишет (врет?), что еще только 5 т<ыс>. продано. Тогда для чего же редактировать перевод

R. Candreia?! А что, кк. по-Вашему, Кандрейя разве слабо переводит? Не сомнев<аюсь>, что Dr. Lüt<her> мастер, да возьмется ли? Я думаю, что Candreia меня не упрекнет (я ей отписал), т<ем> более, что она работ<ает> над «Ликом Скр<ытым>», а там «Росстани» и еще много у ней. Она ведь и «Кам<енный> век» перевела и напечатала в «N<eue> Zürich<er> Zeit<ung>»[147]. Она меня-таки проводила! Но Dr. Lüther — это уже марка бо-о-льшая. За «Li<e>be»[148] за 10 000 — я получил 1200 фр., (с обещанием тиража до 50 000), т. е. 200 мар. (из 5 % с ном<инальной> цены) для меня и Кандр<ейя>, т. е. мне 2 1/2 %. (цена 80 пф<енингов>) Но то — Всем<ирная> библ<иотека>, тираж. С В<ашего> изд<ателя> — *что* даст! Ну, даст, если деш<евое> изд<ание>, 8% с номин<альной> цены? Мне не хотелось бы en bloc[149], а по договору из %, с авансиком. Пусть даст за 2000 экз. аванс, а издает 1-ое изд<ание> в 4000 экз. Если по 2 марки, или *по 1 1/2* марки, т<ак> к<ак> вещь небольшая, за 2000 экз.=3000 мар. 8%=240 мар. И это было бы недурно. Две-то тыс<ячи> про-даст. «Человек»[150] (дорогой) у Fischer`а за 4-ре тыс. перешел. «Li<e>be» — (писал сам Reclam<)> — почти все прошло в 6 мес.= 10 000 экз. (оч<ень> хор<ошие> б<ыли> отзывы, говорит, а я *ни одного* не видал, ибо, по бедности, не абонир<овал> на «вырезки»). Так что, думаю, продаст 2 — 3 тыс., убытка не будет. Это будет 7-ая кн<ига> на нем<ецком> яз<ыке>. 8-ая собирается родиться где-то. Одн<им> словом — я несказанно благодарен и, вообще — о-да́-рен. Все рекорды побил: 30 кн<иг> на ин<остранных> яз<ыках> и еще 10 в пути. Только это и живит. Но много из них — украдено у меня (итальянцы), поляки, сербы, испанцы (одну украли, но устыдились и дали... грош!). Сам<ые> честные немцы и американцы.

О, мы за Вас и Наталию Николаевну молимся! За други своя не молиться? За врагов молит<ь>ся должны! Господи, неужели так смутно?! А пишут, мне перевод<чица> K. Rosenb<erg> недавно писала — «страшно жить стало». Да. Когда питание организма нарушено (а оно оч<ень> нарушено!) — почва для болезней готова. Падение денег несомненно. Гороскоп мрачный, но...

надо сделать поправку на «дух». Михель[151] не Иванушка. «Не весте ни дне, ни часа»[152] — да. Все возможно. Да минет Вас чаша повторной смуты! Нет, Германия будет жить. А болезнь бу-дет, **есть**, несомненная. «Великие Весы»[153]... — скажут **итог**. Прошло бы краем!

А Господу всегда молюсь и хоть не умею — молюсь. По-Горкински, к<а>к в детстве.

Милые Вы, родные Вы наши, Господь да облегчит бремя и — осветит дух Ваш!

Когда выходит Ваша книга о Гегеле? 100 лет с кончины его? Когда и где прочту по-русски?! Ведь жажду, жажду как! Если бы мне вернуть потерянное время, украденное, и растерянное самим! Сегодня читал Вашу статью[154] — и, к<а>к всегда, б<ыл> захвачен ясностью, отвеянностью, густотой, четкостью и такой усвояемостью образной мысли! Блестит золотом среди всего рухлядного, обычного! Обнимаем Вас, милые, поцелуйте за нас Наталию Николаевну и простите мое мараканье. Не умею сжато писать.

Ваш — самоштукатур Иван — Калужск<ий>.

<Приписка:> А как насчет разрешения Ник<олаю> Карлычу[155] печатать о рус<ской> литературе? по-фр<анцузски> — можно?

124

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<2.XII.1931>***

2. XII. 31. 2 ч. д.

Дорогой и «бедный» Иван Александрович,

Я чую, что Вы только отплевываетесь, читая нежданно-негаданные письма, и не могу не вступиться. Вчера получил длин<ное> п<ись>мо от переводчицы — она очень ниргичная и меня, вижу, чтит, — пишет, что Вам писала, и все какие-то у ней проекты, и все это для меня нежданно, верьте слову! А сейчас опять открытка, пишет о какой-то статье для швейц<арской> газеты о романе, — меня в дрожь бросило! — и о строках, и... я бросил свою работу над «Крещеньем», тихое пристанище души, и пишу Вам, чтобы сказать, что я тут ни при чем, ровно ни при чем! Это она, милая, нафантазировала — ох,

«хвать друга камнем в лоб!» — и я ежусь, от сознания, что я выхожу клянчилой и «с ручкой»... Никогда не позволял себе беспокоить людей, а тем паче истинных друзей, с чуткой душой! Ни-когда! Так что, отнесите все **это** не на мой счет. Это для меня, прямо, неожиданный «метеорит», от чего душа болит. Откуда она вообразила?! Ради Бога, душу мою пощадите и не вмените мне сие во грех: чист, как стеклышко перед Вами и никогда не покушался. Это, конечно, приятно издателю и милой Ревекке-Доктору[156], а мне — ффунт! Она добрый человек, но... «слишком впечатлительна» и фантазерка. И еще у меня опять катавасия с переводчиками, которые все переплелись и вот-вот меня обвинят, что я всем все наобещал... А я только отмахиваюсь. Тем более, что сейчас я **все**, **все** издательское забыл, на все плюнул, и живу в детском, в тихом... А вчера, с вечера, в самый разгар работы над «Крещеньем», когда я перед печкой сидел с Горкиным и огонь глядел... — письмо о переводах, о «врагах Кандрейи», о том, что я все спутал, о том, что она для меня радостно уступает право на «Пеньки»... И должен был ей писать, что все же пред-по-ло-жи-тельно..! И вот, сейчас, эта открытка, в которой и жар, и нерв, и надежды, и мечты, и шум, и треск, и звездный блеск!...

Прошу верить непреложно сказанному: не могу отвечать за горячее воображение добрых людей, а сам ни при чем, и прошу — ни-чего не пишите ни о каких «фрюлингах»[157], очень прошу! Нельзя дело мешать с бездельем, нельзя плющиться и отвечать на пустяки. Она-то Вас не знает, душу-то, а я знаю. Не могу при землетрясениях ходить по протувару и новые брюки показывать — глядите-ка, какая аглицкая трика! Тьфу!..

Вот-с, почему я перевел машинку с «Крещенья» на «очищенье». Будьте здоровы, благополучны с родной Наталией Николаевной, а мы Ваши молитвенники и совести еще не потеряли. Если бы Вы знали, как мне и стыдно, и горестно, что невольно — и не чуя! — явился вмешанным в этот «переплет».

Ответа не прошу, не смею просить. И все это лишь — к сведению Вашему, к моему очищению от **не** моих прегрешений. Низкий поклон и целую руку Н<аталии> Н<иколаевне>. Ольга кланяется.

Сердечно Ваш Тьфу-Фон-Фрюлинг.

<Приписка:> Уже запечатал п<ись>мо и вспомнил, что я тут и есть главный виновник: я же сообщил ей адрес Ваш! Хотя она могла и сама дознать, снесясь с лекционным учреждением. А сообщил ей для ускорения дела о переводе Лютеровом, так как не помнил, дал ли я ей право на перевод повести, или повесть свободна, и чтобы она выяснила, согласна ли она уступить или вообще прав не имеет. Просто — моя неосторожность, именно. Но если бы Вы знали, как меня эта немецкая издательско-переводческая история — а их несколько! — измотала, кажется, только и делаю, что отписываюсь и распутываюсь, хотя дела не движутся, ибо издатель-то единый всего, и кризисы, и — марок-то что уходит — не германских, которых не имею, а с женчиной, которая сеет, называется французская республика. Нельзя, нельзя давать адресов ни «стрелкам» на пропитание, ни горячим темпераментам! Казните меня, но помните: повинную голову меч не секет! Так, былое дело, Горкин говаривал.

Безвиныввиноватыйфорфрюлинг.

1932

125

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<5.I.1932>*

23 XII — 1931 г. / 5 I 1932 г.

Дорогие друзья, Наталия Николаевна
и Иван Александрович,

С праздником Рождества Христова поздравляем Вас и с Новым Годом. Да сохранит Вас Господь в здоровьи, в спокойствии, в возможном по сим временам благоденствии. Пишу Вам через силу, присел к столу, — опять болею, валяюсь, боли. То, было, ничего, мог работать, даже дров поколол, и вот дней *10* — боли в желудке, будто стекла наелся — стреляет во все концы — из желудка-то. Ничего не пойму. Весной желудок был чистый по рентген<овскому> снимку. Летом болел я, но с поста отпустило, мог работать. Очень прошу, сообщите, какой-то Вы цинк нюхаете, от болей «солнечного сплетения»?... Давно

хотел запросить Вас. Я думаю, что можно и в Париже найти, только — как название-то, точное? Не могу сидеть, лечь надо, опять боли. Писал мне Dr. E. Rentsch о Вашей лекции в Цюрихе «Geist»[1]... Писал, что Вы в ней помянули о моей литерат<урной> работе. Спасибо! Знаю Вас, знаю, что не из чувства приязни ко мне, — ибо знаю Вас, — а потому, значит, что есть **что**-то в моем писательстве, что отвечает душе Вашей, Вашему миропознанию. Это мне дорого, ибо знаю Вашу тонкую и суровую мерку. Вы для меня — и для меня ли только?! — сверхкритика. От Вашего чуткого слова-чувства-ума столько я получал крепости и тепла! Спасибо Вам, великая душа русская, светлый ум! Я счастливо горд, что не люди помогли нам узнать друг друга, а — творчество-дух, Ваше и мое. Счастлив, что и в моих книгах нашли Вы то почитание Духа (Бога в человеке), чем жива душа Ваша, что неустанно говорите миру. Я — птичка неразумная, пою **душой**, что сердце шепчет... я глубокий невежда во многих вопросах... о, как бы хотел иметь часть Вашей **культуры**! Но и за мое я благодарю — пою Господа, «сотворившего вся». Эти дни я подготовлял к печати «Лето Господне» (Праздники) и — 2) Богомолье. «Лето Госп<одне>» отослал в изд<ательст>во, когда появ<ятся> — не знаю еще[2]. Первая книга — Вам. Эти две книги — книги моей болезни, — как уж мог написать... — Бог помог. А что теперь буду писать — не знаю. Душа не принимает. О «современности» — не буду, душа не принимает. — Очень потрясена В<ашим> отзывом о переводе «Forfrühling» — писала мне — R. Candreia. «Разбил в пух и прах»... Предлагала мне — «скажите, и я оставлю переводы, верну Вам Ваше разрешение, мне данное». Я ее успокоил — переводите. Я не судья. Но для меня она много сделала: 3 книги устроила (одну в библ<иотеку> Reclam`a!), много теперь в газетах, — я бы теперь сидел без угля, без лекарства. Кризис какой, мой друг K. Rosenberg (переводила «Kellner»[3]) не может ничего устроить... А Cand<reia> оч<ень> хлопочет. А мне некуда податься. Я ведь в газетах не работаю, только «Рос<сия> и Слав<янство>».

От Вас не имею весточки с 20 XI. Как живете? Молюсь о Вас и Н<аталии> Н<иколаевне> ежевечерне. Ну,

будьте здоровы и благополучны. Черкните о лекарстве. О<льга> А<лександровна> посылает Вам обоим свое благословение (святая она!) и кланяется. Сердечно целую Вас обоих

Ив. Шмелев.

<Открытка>

Посылаю Вам, милые, этот «Свет из Яслей», присланный мне из Ерусалима —

Христос рождается — славите!

На Рождество Христово — 1931 г.

Ив. Шмелев

23 XII 31 г. — 5 I 1932 г. Sèvres.

126

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву <начало января 1932>

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Простите долгое молчание. Сил нет, как меня выпивают. Доют, доют, как корову; уже передоили; титьки опухли и воспалились — а доют. А жить все трудно.

В Цюрихе был. 8 дек. говорил в Берне — «Пятилетка и дэмпинг». 9 дек. в Цюрихе «Дух как проблема и нужда современности» (перевод буквальный), 10 дек. в Цюрихе же «Иван Шмелев, поэт мировой скорби»[4]. Второй вечер (о Вас) был закрытый, в лит<ературном> клубе, было человек 35 отборных. В том числе два издателя Rentsch (Rotapfel) и другой (Orell-Füessli). С Ренчем я познакомился и говорил. Рассказал ему, как Вы мне писали о заглавии, как Вы изобрели «Liebessturm»[5] и что я это одобрил *бурно*; «и зачем Вы не взяли этого заглавия?» Ренч взволновался и огорчился. Говорит: «Vorfrühling» изобрел он сам, и *скоро забраковал*. Искал другого заглавия. Liebessturm считает заглавием великолепным, идеальным; *но слышит его впервые* — никто никогда ему не сообщал этого заголовка. А на Vorfrühling *настояла* госпожа Кандрейа. Отсюда необходимо сделать вывод, что Кандрейа *скрыла* «Libessturm» от издателя. Ведьма.

Я не счел возможным и честным скрыть от Ренча, что перевод «Истории Любовной», сделанный Кандрейей, весьма далек от совершенства. К этому решительно при-

соединился один швейцарец, женатый на русской и сам кое-что кумекающий по-русски: «у меня», — сказал он, — «такое чувство, что у Кандрейи от Шмелева вряд ли осталась половина его тонкости и глубины...»

Кандрейя в начале декабря обрушилась на меня двумя письмами — которых я Вам *нисколько не прописал.* В письмах она уже использовала меня и разделила «ризы моя» с категоризмом и навязчивостью, соответствующими ее расе: я должен написать рецензию на Vorfrühling в Neue Züricher Zeitung[6], статью отдать в такой-то журнал и еще и еще... Я не отвечал. Vorfrühling взял с собою; и русский оригинал. То и другое проработал в поезде и пришел к выводам самым плачевным; о том ниже. Ренчу сказал, что вряд ли я напишу в Züricher Zeitung — не хочу вредить ходу книги, критикуя перевод. По возвращении в Берлин написал я Кандрейе очень любезное письмо: извинился за задержку ответа; пояснил ей, что мне не хочется критикой перевода вредить распространению книги; журнал, ею рекомендованный, *уже* закрылся; а помещение моего анализа произведений и духа Шмелева в *газете* невозможно: я написал вовсе не фельетон, и не три фельетона, а серьезную, эстетико-философскую статью, которой не в газете место и которую ни одна газета не возьмет. Что, впрочем, я готов ждать ее дальнейших советов etc.

В ответ получил письмо злобное, до невежества; дерзкое до *наглости.* Я оказался *систематическим вредителем Шмелева*; *я вовлек ее в целый ряд неловких положений*; я обязан указать *ей*, в чем *я смею порочить ее перевод* etc. На это дерзкое писание я не отвечал. Что она устроила удовлетворительную (как она пишет) рецензию в Berliner Tageblatt[7] — пускай; эта газета вся держится на еврейском кумовстве и есть очаг советофильства и прокоммунизма; если она провела там хороший отзыв — то это все-таки полезно; на то она — она. Но я по кумовству и по еврейскому методу черных ходов не живу ни для себя, ни для моих любимых друзей. Словом, *пес* с ней.

Но перевод ее *ничего* не стóит. Вот в чем и почему.

1) Шмелев поет. Кандрейя абсолютно безмузыкальна: она рубит и сопоставляет перепертые кусочки. Немецкий

текст есть торцовая мостовая. Все сухо, деревянно, жестко, мертво. Пишущая машина, канцелярская мертвечина etc.

2) Тончайший юмор Шмелевского оригинала на 95 % погиб. Она ничего не передала. Улыбка — нет, намек на улыбку у «моего приятеля» — чуть-чуть вздрагивает в углу глаза и в уголке рта — юмор, *постоянно* пронзенный стрелой *мудрости* и *глубокомыслия — погиб.* Деревянное плоское быдло об одном измерении торчит из бумаги черными зрачками.

3) Русский язык она знает *неудовлетворительно.*

Многого не поняла — и передала неверно. Иногда — прямо наоборот. Вот примеры.

I) Оригинал стр. 8: «и пора бы научиться по-человечески!»

перевод стр. 9: «und es wäre schon on der Zeit richtig zu reden!»

вследствие этого: «какие человеки подумаешь» = «Denk einmal» = подумайте-ка,

оригинал стр. 47: «хоть бы вы меня грамоте поучили... «по-человечески»!

перевод стр. 56: «wenn sie mich wenigstens das Lesen lehren würden... aus Menschenliebe» (т. е. *из человеколюбия* —) вышел вздор.

II) оригинал стр. 55: «читал конторщик, совсем мальчишка»...

перевод стр. 47: «der Kontorist las vor, noch ein halbes Kind»... (полудитя)

вздор —

III) весь эпизод с «уточкой» — совсем не поняла и провалила на протяжении всего романа,

оригинал стр. 67: «я слышал, как пахнет за ней духами, как монпасье, из моей «уточки».

перевод стр. 78: «ich spürte den Duft, der von ihr ausging».

IV) оригинал стр. 68 «а только Варенька-то, говорят, мужу куры строит»

«куры строит? Это что же — курятник?»

перевод стр. 80 «aber von Warenka erzählt man sid, dass sie ihrem Mann Hörner aufsetzt

«Hörner aufsetzen? Was soll denn das bedeuten?»

V) оригинал стр. 93 «вот дак сочинил»

перевод стр. 112 «das nenn ich dich dichten» (т. е. *смысл обратный*)

VI) оригинал стр. 94 «остроумен»

перевод стр. 113 «geistreich» (совершенно искажено — все отношение к Женьке и вся сила суждения Тони погублены)

VII) оригинал стр. 119 «и провонял, как... кошатник»

перевод стр. 143 «und stinke wie ein Katzenfreund»

(т. е. друг кошек)

VIII) оригинал стр.131 «достойное кисти Великого Художника-Творца»

пер<евод> стр. 157 «eines grossen Künstlers würdig ist»

(не поняла, уронила, смазала, погубила)

IX) оригинал стр. 133 «обижайте, не привыкать»

<перевод> стр. 157 «kränken Sie mich nur, ich kann mich nicht gewöhnen»

т. е. смысл в переводе обратный и глупый

X) оригинал стр. 134 «только и на тебя *зуб* найдется, погоди»

Обломится... — огрызнулась Паша

перевод стр. 161: «Aber auch du wirst deinen *Meister* finden, wart nur Pascha antwortete ihr grob».

(ответ Паши пропущен, *зуб* — искажен, ибо не понят)

XI) оригинал стр. 135 «вот и сойду скоро» (т. е. откажусь от места)

перевод 162 «ich werde auch bald heiraten» (т. е. скоро выйду замуж)

XII) оригинал стр. 138 «какие у тебя глаза, Паша»... (восклицание)

пер<евод> стр. 166 — «was für Augen hast du, Pascha?»

XIII) оригинал 146 «путал с сектором»

пер<евод> 176 «mit dem Sektor verwechselt» (т. е. *смешивал* (неизвестно что) с сектором)

Ох, довольно!

Монолог Гришки о «еществе» *совершенно погиб.*

Паша изображает сороку — погублено.

Выходки волосатого студента — провалены.

«Пошляк» — передано «Trivialer Kerl»

«Мужчинками» — «Männern»

То вставляет *отсебятину*!! Нагло, никчемно!

Непонятное ей — просто *пропускает.*

напр<имер> переводы стр. 8. 75. 99. 112. 120. 128. 152. 171.

Словом: русский язык *знает плохо*; понимает плохо; и, что хуже всего, *не стесняется расправой с текстом.*

Мой совет:

Кандрейе больше *не давайте ничего.* Далеко ей до Käthe Rosenberg. Rentsch Вас чувствует и ценит. *Пеньки*[8] он разрешил мне издать здесь. Все, что Кандрюшка еще переведет — погубит. Если бы Шмелева переводила одна Кандрейя — то *мой анализ* Шмелева (я начинаю со стиля) был бы *нелеп, недоказателен, недопустим.*

Спишитесь с Rentsch, чтобы он взял другого переводчика, а Гомельскую бабу (ведьму) пустите коноплю полоть или (так как она живет в кантоне Chur) — то кур разводить.

Грустно мне Вас огорчать всем этим, но — не могу же я замалчивать уродование моего Шмелева.

Мы оба поздравляем Вас и Ольгу Александровну с новым годом и наступающим Рождеством и желаем Вам здоровья и богатства (остальное есть).

Ваш И. И.

Напишите скорее о себе, о здоровье!

«Благословенье»[9] было *чудесно*! Благоуханно!

127

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<13.I.1932>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Поздравляем Вас и Ольгу Александровну с русским новым годом! Лежу в гриппе с температурой.

Не огорчайтесь моим отзывом о Кандрюшке. Он точен и справедлив. Эта суетливая и пролазливая еврейка с *расчетом* в сердце и с медом на *губах.* Пользуйтесь ею. Но:

1) Пусть переводит *только* более легкие вещи — ни со Старухой[10], ни со Светом Разума, ни с Троицей, ни с Пеньками, ни с Летом Благоприятным — она просто *не* сладит. Убьет. Засушит. Исказит.

2) *Обязателен* для всех и всяких ее переводов *редактор*, хорошо знающий и чующий русский язык.

Она ко всему еще и лгунья. Я ей написал всего *одну* фразу о ее переводе: «Не решался рецензировать Vorfrühling в Цюр<ихской> Газете, чтобы не повредить книге и ее распространению критикою перевода. Умолчать же о несовершенстве перевода не считал возможным». И все.

Где же «раскатал» и «доканал»?

Я Вам только написал по существу. Пожалуйста, ***не пересылайте ей моего письма.*** Если и когда будет второе издание Vorfrühling, то нужен *редакторский просмотр*; *она сама* все равно ничего не сумеет исправить. Эта еврейка *лишена музы*, она ***не поет*** и ***у нее не поет*** — суконная канцелярщина, сухостой сирийский. Но Вы *ею* пользуйтесь.

Теперь о другом.

В Цюрихе я познакомился с Еленой Александровной Гуггенбюль (Frau Dr. Helene Guggenbühl Rüschlikon-Zürich. Schweiz).

Она вышла замуж за доктора-швейцарца 30 лет тому назад. Россию любит до глубины, стонет о ней. Была на моих лекциях. Пришла, взволнованная, умиленная, стала звать к себе — на отдых — у ея мужа своя прекрасная санатория. В семье культ России. Дети понимают по-русски. Я не мог к ней заехать. «Чем я могу послужить России?» Я ответил: «Можете! Вылечите Шмелева». Она теперь мечтает об этом. Писала мне. Понимает это как *служение*: т. е. бесплатно. Радуется и гордится. Читает Ваши вещи. Я объяснил ей, что И<ван> С<ергеевич> и О<льга> А<лександровна> *разлучаться не будут*. Что за И<вана> С<ергеевича> надо взяться не дилетантски, а медицински — не подлечить, а вылечить и т. д.

Она теперь сама напишет вам.

Пока все. Будете отвечать ей (по-русски, конечно, — она даже немного óкает, вроде Горкина) все обсудите попросту. Посылаю Вам открытки. У озера — можно рыбу ловить. Из Цюриха в хорошие дни все Альпы видны. А Rüschlikon это возле Цюриха.

Душевно Вас обнимаю.

Напишите о своем здоровии! Подробно, все, что молчат доктора.

Ваш И.

1932. I. 13

128

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<18.I.1932>*

18 I 32

Дорогой, милый Иван Александрович,

Поздравляем Вас со днем Ангела (помню — Собор Иоанна Крестителя!), а Наталию Николаевну с драгоценным именинником, и дай Вам Бог обоим здравия и благоденственного — и мирного! — жития, во славу Правды и родной культуры!

Я же исправно болею, с передышками, эти дни провел и все еще провожу в постели, боли как будто затихли, но они могут всегда вернуться. Последний год они все чаще принимаются за меня. Надо опять просвечиваться, а пока принимаю глинку — и диета. Но это скучно. Известите, какой-то цинк Вы нюхаете, от «солнечного сплетения», я бы попробовал. Охота работать не приходит, нервы разбиты и настроение самое экклезиастское. Скверно, что надо работать хоть против воли: нужда гонит. С другой стороны — работа **уводит** от тьмы дней наших. За крупную вещь засесть мудрено: сил не хватит. Да и то сказать — как бы уж и опорожнил душу работой. Общечеловеческое, исчерпывающее хотел бы писать, вне времени и пространства. «Иконка» вливается в «Чужестранца», — эх, силы не изменили бы, а хотел бы дать мятущегося человека, *без* Бога, без веры, но с остатками «вечного, взыскующего» в развеянной по миру душе...

Candreia`е я ни слова не писал о В<ашей> критике ее перевода романа, и она написала мне только то, что Вы ей в двух словах сказали, но определила (и верно!) «проф<ессор> разнес меня в пух и прах». Она уже перевела «Лик Скрытый» и хочет (и я ей давно разрешил) переводить «Рóсстани»... Я понимаю, что она не может удовл<етворить> высоким требованиям, но так уж со-

шлось у меня: Käthe Rosenb<erg>, оч<ень> хор<ошая> переводчица, занята службой у S. Fischer`a, а Fischer, ввиду кризиса, ничего из иностр<анного> не берет. Ее (K. Ros<enberg>) перевод «Это было» все лежит у Dr. Rentsch`a (б<ыл> напечат<ан> в журн<але> «Die Zeit»[11]).

Как Вы растрогали нас, милый! Недостоин я такого Вашего внимания, участия, такой высокой оценки! Господь да вознаградит Вас за человеколюбие! Знайте, что во тьме этих лет нашей жизни Ваше отношение к нам, сирым, и ко мне, в част<ности>, как писателю, — самое светлое, самое теплое, согревающее, что мы переживаем, что облегчило боли и скорби наши. Нашу боль ничто не может унять, мы ***вне*** жизни, потеряв самое близкое, единственное, нашего сына. О, это прожигающая боль. Но и в огне бывает облегчение, тот перст охлаждающий, Лазаря...[12] Вы столько раз протягивали его. Это не слово, это — правда. Мы очень одиноки. И если бы еще не работа, (ибо надежд нет) — сил не было бы влачиться... А вот о санаторном отдыхе... — да где уж, куда мы можем! Крепко благодарю за добрые слова, за Вашу волю помочь мне. Я, право, растерялся. Есть люди на земле! Чудесные люди... Но как же я могу — я не могу и помыслить о таком лечении — ! Но я — мы с О<льгой> А<лександровной> — чуть не заплакали. Я лежал в постели, читал В<аше> письмо. И сейчас прикладываюсь. Спешит О<льга> А<лександровна> отнести на почту.

Обнимаю Вас, милые, родные. Господь да будет с Вами.

Ваши Ольга и Иван Шмелевы.

<Приписка:> На днях отпишу, если буду лучше себя чувствовать.

129

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<27.I.1932>*

Дорогой Иван Сергеевич!

Посылаю Вам *«Введение»*[13] к моему литературному курсу. В нем я пытаюсь дать совсем коротко несколько основных эстетических пояснений — чтобы слушатели

знали, что̀ именно я «делаю» с писателями в частности и с искусством вообще. Прочтите этот черновой набросок — который все-таки связан, хотя и не отточен. Прочтя — верните его мне. Тогда я тотчас же *вышлю Вам лекции о Шмелеве.* Их две по-русски — каждая на два часа. Тоже черновые наброски.

Текст этот посылается *только <u>Вам</u>, строго доверительно*; кроме Ольги Александровны он больше никем не смеет читаться. Надеюсь на ваше одиночество в чтении.

Напишите, пожалуйста, есть ли у Вас известия от Елены Ал. Гуггенбюль и двигаются ли Ваши сношения?

Сейчас написал Ренчу, Рекламу и Фишеру — запрашивая их, где лучше поместить мою *немецкую* статью о Шмелеве.

Вчера мой издатель Bartels (Eckart-Verlag) решил издать «На пеньках». Он знает Лютера лично и хочет снестись с ним; Артур Федорович перевел бы хорошо. Если нет, то следующая будет Käthe Rosenberg. Размер тиража мы еще не установили; способ оплаты тоже. Согласие Rentsch`а у меня уже имеется. Я, конечно, буду стараться выпотрошить из издателя наилучший гонорар. Но надо, чтобы он сначала прочел текст Пеньков по-*немецки.* Он только что читал Sonne der Todten и Liebe in der Krym[14].

«На Пеньках» нехорошо по-немецки — не звучит, не манит непонятно. Надо бы — «На обломках», «На развалинах» (Auf den Trümmern) и какое-нибудь такое мотто[15] вроде «De profundis clamari ad te domine»[16]. Об этом мы еще спишемся. Сейчас нужен переводчик.

С 9 янв. я хвораю — грипп с затянувшейся температурой — почему *<u>темп</u><<u>ература</u>>*, доктора не знают. Я тревожусь и тоскую. Напишите непременно, что̀ дал Ваш рентг<еновский> снимок?

Обнимаю Вас.

Ваш И. И.

1932.I.27.

130

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<29.I.1932>*

29 I 1932. 7 ч. веч.

Дорогой, милый и добрый Иван Александрович,

Сам прочитал Ваше «Введение» к курсу о литературе и вторично прочел Ольге Александровне. То, что в кусочках звякало во мне «об искусстве», теперь отчетливо и углубленно встало, бесспорное и повелительное. О, к<а>к Вы строги к искусству! Да иначе — как же? Страшусь, что при *такой мерке* от нашего соврем<енного> искусства останутся рожки да ножки. Но **истинное** искусство — как служение: из одного ключа-родника с религией, — и полагаю, что искусство из религии и вышло, служить Единому, во имя Его: «из глубины души моея воззвах к Тебе, Господи!»[17] Засим — вступило и вступает в незак<онное> сожительство с чем угодно. Как и религиозные течения, и «философии». М<ожет> быть и чумой и ядом. Читал-упивался — и досадовал, что это конспект, а не фолиант, где нашел бы массу примеров, сводок, теорий, историю развития учений об искусстве... Вы дали мне капельку из великого сосуда, по губам мазнули, и я только зубами лязкнул, как пес на муху. У Вас-то вся система есть, а я, раб ничтожный, только воображать могу. Посылаю одновременно первую лекцию — «Введение» заказной банд<еролью>. Очень буду рад узнать, как Вы Ш<меле>ва «сим прутом» прожигали и пробу клали. Сдержите слово, пришлите, пожал<уйста>. — Счастлив, что, м<ожет> б<ыть>, издадут книжку, только вот повесть-то[18] маловата для издания! А изменить заглавие... — не придумаю? Да м<ожет> б<ыть> это и не к спеху. Опять у Вас, как и в прошл. году — t° держится после гриппа? Значит, рано стали выходить, это же нельзя, знаете же Вы, дорогой! Имейте в виду, при гриппе очень важно принимать urotropine, чередуясь с аспирином, при горячем гроге, чай с сахар<ом>, лимон<ом> и ромом. Нельзя же выходить при t°! У Вас там чудесные врачи-немцы, к<а>к же они не могут объяснить?! В постели надо быть, пока t° не кончится, и — urotropine! Он всю гадость мочой гнать будет. А Вы, пожал<уйста>,

известите меня, как здоровье. Теперь я еще больше буду тосковать. А меня задавила тоска-болезнь, не скину. Ваше п<ись>мо предыдущее, о лечении моем и доброй m-me Helene Алекс<андровне>, я получил больной, в постели, полежал дней 8. Опять старые боли в желудкиш<ечной> обл<асти>, очевидно — диету нарушил. И, к<а>к всегда, этот приступ продолжался 3 — 4 недели. Теперь, подтянув бандаж, могу ходить и сидеть. Боли угомонились. Но — нервы, что с ними сталось! Давящая тоска, из рук все валится, к<а>к перед концом света. Такое чувство: лежать бы под одеялом, не вылезать. Это — итог всех душевных напряжений, — пережитого, зажатой боли, о чем только невинн<ые> слезы знают, да что тут говорить. Итог от тяжких переживаний и чувствований — в писательстве моем отшедших лет. Я теперь от боли стараюсь бежать... вот, о прошлом, светлом и святом — детском писал, будто и кончил. **Что** могу писать?! Душа источилась, мысли-хвосты... Что-ниб<удь> **тихое** надо писать, такое простое, как детский лепет. Еще не писал на предложение лечиться. Я не могу без Оли, а каж<ется>, ей предлаг<ают> жить отдельно. Очевидно, стесняются, что мы должны в одной комнате, а две нельзя. А мне лучше нора, да вместе. Ну, я напишу. Да куда я могу ехать? Я никуда не могу. Это — что на Гималай лезть — для меня. Родной, спасибо Вам, как Вас благодарить? Рентген<овский> сним<ок> делать пока не буду. И дорого, и — зачем! Ведь все то же, те же ощущения, а теперь передышка. В весе, каж<ется>, не теряю, а это главное. Вспрыск<иваю> мышьяк (serum nevrastenique) с суриком, пью быч<ью> кровь, — тьфу, сладкую. Будь душ<евное> равновесие, я бы весь в писание ушел. А как петь, если **охрип**? душа не поет молитву? — Это оч<ень> хорошо, что запросили моих издателей. М<ожет> б<ыть> Вам присоветовала бы Käthe Rosenberg? Ее адр. (Екатер<ина> Германовна, Ahornallee 10, Berlin-Charlottenburg). Чудесная душа! Умница. Ее двоюр<одная> сестра — жена Том<аса> Манна. У ней б<ольшие> знакомства в литер<атурном> мире. Я знаю, что для меня она всегда готова, как друг, похлопотать. Чуткая душа. Любит русских. (Она когда-то б<ыла> невестой русского,

к<оторы>й умер от чахотки). Тогда, в память его, она изучила русский язык, много прочитала (классику), а теперь она у S. Fischer`a читает англ<ийскую>, франц<узскую> и рус<скую> литер<атуру> и предлагает для издат<ельст>ва. Только вот — не написать ли ей мне? Боюсь — не нашла ли и она перевода «Ист<ории> Люб<овной>» не очень-то...? Т<а>к мне и не написала, м<ожет> б<ыть> из такта (ведь она была (и осталась) моей переводчицей и другом). Сама она и нашла меня, и мы подружились. Каж<ется>, она нем<ецкая> евр<ейка>, лютеранка. Знаю, что ее брат был нем<ецким> офицером, — след<овательно>, если и есть что от евр<ейства>, так в дальнем. Она — удивит<ельно> нежной и тонкой душевной складки. Редкостная девушка, уже немолодая. Как ее О<льга> А<лександровна> полюбила! Она живала и в Capbreton`e, с месяц. Писала недавно, что Fischer русские книги больше не издает, мал спрос. Да он ведь любит ти-ра-аж. Мои книги у него прошли 4 — 5 т<ы>с. экз<емпляров> (3 книги). Дала мне заработать. Пеньки[19] она знает, и они произвели на нее сильное впечатл<ение>, но издат<ельст>во все колебалось, а K. R<osenberg> не отважилась взяться за перевод. Вот ее перев<од> «Это было» до с<их> п<ор> лежит у Dr. Rensch` a. Если бы к Пенькам его прибавить, вышла бы книжка. Но Rentsch еще не ответил. «Это было» было напечатано в «Die Tat»[20] (в Иене). Перевод, д<олжно> б<ыть>, хороший — A Candreia в отчаянии, мне ее жалко. Она мне писала, что она очень несчастна, что мои книги дали ей цель жизни (она очень искренняя, да, да!), это было светлое, последнее светлое для нее, и вот теперь... <u>*пишет*</u> «я страшусь, что это последнее у меня отнимется... Я не сплю ночи...» Я ее поспешил успокоить. Она была потрясена (!?) и «Ликом Скрытым», перевела его, и уже закончила «Заб<авное> прикл<ючение>». В «Der Bund»[21] № 32 — 20 I, в лит<ературном> прилож<ении> «Bücherschau»[22] появилась большая рецензия на «Forfrühling», оч<ень> хвалебная (74 стрк. по 47 бкв.) Т<а>к расхвалили, что... м<ежду> проч<им>: Wir haben seit langer Zeit Kein schöneres Buch mehr gelesen![23] А в заключение — «Das

Schmel<jof> aus einem an sich so undichterischen Fall ein Kunstwerk hat machen Können, zeugt erneut von seiner grossen Dichterischen Begabung»[24]. Ну, а как идет книга — не ведаю. В Америке, каж<ется>, никак не идет, а *все* хвалят. Что такое?! Так и пишет издатель — все отзывы прекрасны, а расчеты наши на бизнес не оправдываются. «Но мы Вас высоко чтим!» Лучше бы меньше чтили, а дали бы к авансу, кот<орый> съеден, хоть долл. 100 — 200.

Ну, дорогой Иван Александрович, будьте же здоровы! Берегите себя, родной. О<льга> А<лександровна> Вас благословляет. Поцелуйте от нас Наталию Николаевну, Вашу ангел-хранительницу. И не забывайте писать, к<а>к здоровье. Вы должны были читать о Ремизове 27-го.[25] Не рискуйте же, при t°! Братски обнимаю — и благодарю, благодарю, за все.

Сердечно Ваш Иван-Никудышный.

131

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<10.II.1932>***

10 II 1932 г. *Севр*

Дорогой, милый Иван Александрович,

Читал и дважды перечитывал Ваши «лекции»[26] о Шмелеве, и такое чувство во мне, словно этот Ш<меле>в очень мне близкий человек, и я его немножко знаю, знавал, а ныне он **открылся** для меня по-новому, и — отделился как-то, как бы **вне** меня стал. И даже мне как-то — и странно, и жутко его близости душе моей. Не могу выразить **всего**. И как бы отмахиваюсь от него, а сам протягиваю руки к нему, и в сердце пугливый отклик — «не нам, не нам, а Имени Твоему!»[27] Сперва сам, в судорожном молчании, читал... а потом Олечке все прочитал, в волнении и смущении, а она и всплакнула, это-то я видал! — и горела душа ее, и так она на меня глядела и — чувствовалось мне — так жалела меня... Многое скорбное припоминалось ей... ведь **она**-то так все знала, так сердцем **видела**, чуяла все, что со мной бывало порой, когда я писал — за все-то немалые годы жизни нашей, —

работы моей. Ибо, по правде-то сказать, я-то ***жил*** только тогда, когда захватывала работа, а промежутки-то не жизнь была, а слоняньe *при* жизни, околачиванье, тоска — и для Ольги Ал<ександровны> мучение, как и для меня. Вы так это **взяли**, словно невидимо пребывали в нашей жизни. Вы *все* вскрыли тончайшим «струментом» чуянья, провиденья, разбора, — ну, вскрыли, как великий мастер-хирург духовный... **Такого** разбора я не смел ожидать, я *такого*, вообще, и не читывал в работах над искусством, и не предполагал, что *так*, вообще, можно, воз-можно! Ибо бесспорность и четкая ясность приемов (ме́тода) — налицо, и так они даны Вами осязаемо, как произв<едение> искусства, — искусство постижения искусства! — и так они, в одно время, и точны, и *просты*, — когда раскусишь! — и глубоки, и — требовательны, как *особенное* искусство, к достаточному, должному, вниманию читателя. Ваша работа удивительно полна, насыщена мыслью-чувством, мыслью-властью, так *защищена* методом, что оспаривать ее можно лишь тогда, когда разобьют метод. А его разбить нельзя, ибо основой его — неоспоримое, **живая** правда искусства. Кажется, впервые я постигаю (неученый!), что такое «метод»! Это и — **план**, и инструмент, и — **все**! И теперь, больше, чем когда-либо, я хотел бы страстно читать, знать все, все, что Вы **знаете** и таите в себе — об искусстве, как божественном проявлении духовных сил человечества — тут и о религии, Боге, жизни, духе, путях мира и путях человека в мире. Все, что Вы могли бы — и смогли бы! — **дать** — о теории и практике искусства. Многое явилось для меня и откровением, и **освежением**, и оформлением «смутных движений» в душе, когда, бывало, — редко! — раздумывался над искусством.

Нет, я отклоняю, отклонил бы, если бы мог, то сказанное о *нашем друге*-писателе, что повергает меня в священный трепет. Нет, непосильно бремя **такое, не достоин.** И — не думал никогда, что хотя бы приблизительно был бы *так* ода́рен. Это — сущая правда. А все же, скажу, — **увидали** Вы то, чего я не знал, но что в некоторой доле есть в творящей душе... — и как же Вы так могли **узнать**?! И меня подвели к «вскрытию» и мне же показа-

ли строго и му́дро, как великий хирург благоговеющему студенту... Только «студент» не верит, что это — творят над ним. Это дар от Вас. От дара я не смею отказаться, но воздеваю руки и отрицаюсь: «не нам, не нам, а Имени Твоему!» И сколько же взрыли во «внутренних моих»! Так и потянулось из души осевшее, слежавшееся, — все, все, что пережито было и *выстонуто*, — да, верно! — вы́вздохнуто, — о, верно! — выплакано!

Знаете, в былое время, когда «Человека»[28] писал, — убегал от иных «криков-вскриков», в ужас приходил, сам Скороходовским говором заговаривался. И — болел. Да ведь я же всю жизнь только тем и занимался, что болел... О<льга> А<лександровна> и жизни-то со мной не видала, а только со-мученицей была. Так и проморгали жизнь, никогда, каж<ется>, спокойного глотка из «стакана-то жизни» не сделали... Если бы я пастухом родился и жизнь прожил — я был бы счастливей, ку-да!.. Когда-то о. Варнава мой «крестик» — три раза помянул матери! — не видя меня, повязал, да еще все добавлял — Ванечке моему![29] — Вот и «крестик». Что же, я его нес, несу... Не бывало радости? Бывало, когда «кипишь» в работе, когда «уносило». И — опять хмурь-тоска, беспричальность. А «блюда-то» мимо и пронесло, так, чуть запах помню... Так ведь и мимо моего Ильи[30] «блюда»-то пронесло! Так вот оно, что такое — искусство! Искус, о, какой искус! Да ведь *радость*-то от него (искусства) **тонет** в томленьях, как камень на дно, и положение — «искусство *для* искусства», это и есть та радость, то маленькое (но существующее), что тонет, с головой на дно уходит — в неотразимо властном и **великом**, в том, ***ЧТО*** вызвало к бытию — искусство. Или, вернее, не *ЧТО*, а — КТО. — ?

Все это говорю под впечатлением от мыслей-чувств Ваших, которые для меня — **живое** и посему осязаемое, до трепета. ***Как*** же должны были **слушать** Вас! Поражает дар в такой крепко-сжатой форме давать такое множество глубины, такой раскат и размах мыслей-откровений, выводов — раз от раза, больше и больше находил я — при перечитке. С грустью послал Вам сегодня рукопись. И, как сказали, только мы с женой и читали-слушали о

«каком»-то, оч<ень> близком для нас «русском писателе». Я потрясен, напуган, obstupui[31], — и, кажется, ничего больше не смогу написать... Я *все* сказал, я — выпит, к<а>к Вы иногда говорите, метко-верно: вы-пит, вы-бит. Но м<ожет> б<ыть> Господь даст сил, разумения, воли. — Мои боли подстихли, но приходится лежать часто, и еще лекарства сосать. На лечение, на поездку для сего — у меня нет ни средств, ни воли. Я написал доброй душе Ел<ене> Алекс<андровне>, горячо поблагодарил за доброту — и сказал все прямо: я не могу, не могу принять дар души — сколько, которые и крова не имеют, а лечиться и здесь могу. Даже и не представляю, к<а>к смог бы ломать обиход, ехать. Я же — неподвижный, играю в жизни «от печки». Побитой бабке в игре не место, а я чуть ли не «в-соль». Помните, бывало мальчишки орут «бабка в-соль!» — т. е. вдрызг, вдребезги, в солинки.

— Об «Ист<ории> Люб<овной>» прекрасн<ый> отзыв был в нем<ецком> журнале «Литература», т. 5 1932 г. Пишет (из Берлина) Ernst Wiechert...[32] М<ежду> проч<им>, «искусство — вмещающее трагическое — в идиллию[33], святое — в слишком человеческое, пафос в простоту, смирение — в обрушивающуюся страсть». И еще — ?!! — «я должен был бы долго искать в русск<ой> литературе, м<ожет> б<ыть> до Наташи Ростовой у Толстого, пока я нашел бы образ, как Пашин, нарисованный с мастерством, который не только осчастливливает, но почти облаженствовает... Сияние несказанной чистоты — вокруг этих образов, осязаемая ясность человековедения, неслыханное мастерство языка, порядка, чуткости... Здесь героическое и идиллия даны во вневременной рамке — и все-таки на редкость потрясает и заливает счастьем...» Недурно?... Ну, слава Богу. Только бы книга дала и «временное», мне-то... да крызис!

— K. Rosenb<erg> сообщила, что Rentsch вернул ей «Это было» — не мож<ет> издать по нон<ешним> временам, хотя и т. д. (комплименты, для умягчения). Живется трудно. *Твердого* имею пока 600 fr. в мес. — и не могу писать. Сегодня — 6°. Съедает уголь. Издат<ельство> в Белгр<аде> тянет с «Лето Господн<е>» —

говорит — у нас правило издавать **новое**... (а это в печати было!) — обсуждают. Вообще — крызис. А я не могу писать, душа, баловница, **молчит**. Но — надо. Рос<сия> и Слав<янство> задолжало под 1000 fr., обещают. Candr<eia> переводит «Росстани». У Rentsch`a лежит «Лик Скрыт<ый>» и «Заб<авное> Прикл<ючение>». — Ел<ене> Ал<ександров>не я написал большое благодарств<енное> и извиняющееся письмо. Простите меня, но это сверх сил. Не знаю людей, ну, как я могу садиться на шею! Не имею правов. И что̀ мы будем — не уявися[34]. К<а>к пушинки в вихре. Родные, милые! Целуем Вас обоих, а слов нет. О<льга> А<лександровна> так растрогана. Подойдет ко мне, возьмет за голову, поглядит в глаза... Да работы-то ей сколько! Ивика моет даже к<а>к поросенка. Он кажд<ый> день завтракать ходит, иногда заночует. Но не подумайте, что мы в нужде: есть еще несколько экономии, про-тянем. Только бы здоровье окрепло и душа заговорила. Целую руку славной Нат<алии> Ник<олаевне> и Вас обнимаю, недостойный я, сверх-одаренный Вами.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:>

Эх, сколько написал, а чего сказал — сердце-то что в себе держит! Да Вы, сердцевед, поймете меня: «от полноты сердца уста глаголят»?[35] Да, но и то бывает, что полнота-то эта и замыкает уста. Cum tacent — clamant[36]!

Сейчас, 10 1/2 ч. веч., зарядил все печки; Ивик, выполосканный, спит под нашим крылом, а на дворе — мороз, — 7°, восточный острый ветер бушует, стекла позатянуло, снежок. Обманная «русская» зима... с одинарными рамами, со щелями. Но у нас тепло +15 1/2 Цельс., жить можно. За болезнь скопилось писем от переводчиков — да по-пустому все! — и надо отвечать. Candreia все плачется, бедная душа. Пишет — «перевожу Росстани, утопаю в красоте...» Не улыбайтесь тонкой усмешкой Мефистофеля, как Вы умеете: она, правда, очень меня любит и старается от всей души. Да ведь Вы

же и сами говорите, что трудно меня, подчас — корявого, переводить! Вчера были две голландки, *год* переводившие «Человека»[37]. Вот меня донимали все лето «выражениями» этого «человека»! «Закотел от собаки кулобьяки...?» «Это — что же?» Или — «а под столом-то ногами-то, как кобели... трутся...» «Это что-же... кобэли?» А они, видите ли, девицы, 50 — 56 лет. И проч. Послали перевод какой-то изв<естной> артистке на покое (к<а>к наша Федотова[38]) и та — плакала над их переводом! Но что из сего выйдет, заплачет ли издатель — не ведаю.

Вы ничего не сообщили о В<ашем> здоровье, как t° — кончилась ли, и получили ли Вы мое письмо, где я говорил об urotropin`e. И еще письмо — послан<ное> после прочтения «Введения» к литерат<урному> курсу. Это шлю заказным, не хочу, чтобы затерялось.

Кстати, об «Это было», кот<орое> Rentsch вернул. Он написал уже Candr<eia> — (чего не писал K. Ros<enberg>). «Пов<есть> оч<ень> своеобразная, но при теперешн<их> условиях (?!) он бы хотел вещь, имеющую больше веса (?!) — в пуд, что ли? — и рассказанную с *бóльшей простотой*», (Ах, попробовал бы Dr. R<entsch> написать ***это*** с бóльшей *простотой.*<)> У человека «жилы» вытянуты, и еще — простоту дай! Он не внял, что не мож<ет> б<ыть> **простоты** (т. е. тут **покоя**!), когда общее сумасшествие! Это же, конечно, — психоз — вся **эта** вещь. И думаю, что ее *брать* сейчас и не могут. Она вся — **больная**. Candr<eia> очень удручена и за «Это было», и за K. Ros<enberg>, и за меня. Кн<ижный> криз<ис> распростр<анился> и на Швейцарию, а о Герм<ании> и гов<орить> нечего. И Rentsch боится рисковать изданием. Теперь он, R<entsch>, будет судить о Лике Скр<ытом> и Заб<авном> Прикл<ючении> (на солдате и леснике Candr<eia> д<олжно> б<ыть> попотела). «Росстани» — Candr<eia> *пока* перевела «Abschild vom Leben»[39] (Можно ли?) Или лучше — «Adieu à la vie»...[40] Или просто — **Отход** — в смысле смерти, я не знаю как (рус<ское> — «Отходная»). Пишет, что если Rentsch не возьмет книгу (рассказов) — у ней *есть* издательство (тайна) м. б. и получше Reclam`a.

Дай Бог. Вот, как она старается! Поверьте, она любит нас с О<льгой> А<лександровной>. Какие яблоки она нам присылала, к себе звала гостить! И она — понимает мои вещи, только, конечно, не *все* может воплотить в нем<ецкое> слово. И — оч<ень> она мнительная, на меня похожа. Но... какая энергия! Много она перевела! Дорогой друг, Иван Александрович, оч. бы я хотел прочесть *Ваше* о Бунине, Ремиз<ове> и... Мережковском. Положил бы на сердце, поверьте. Вас читать — учиться, да, да, да. А я хочу учиться. Пожал<уйста>, напишите к<а>к здоровье. Олечка целует Вас с Натальей Николаевной и благословляет.

Ваш Иван болящий и скорбящий.

132

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<23.II.1932>*[41]

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Я получил и рукопись и все Ваши письма. Если мои не законченные наброски о Шмелеве, ничего не договорившие и многое только наметившие — доставили Вам какое-нибудь удовольствие, то я рад и счастлив. По существу же тут нужна *книга*, чтобы все или хотя бы многое поднять, выговорить и *доказать*. Я радуюсь, что Вы почувствовали «метод» и что у Вас не было чувства, буде сей «метод» «убил» живого младенца. «Метод», как он мне предносится всю жизнь, — действительно *все*. Это не «спасибо» делать — *а само делание самого Главного*. И способ идти — и идение — и дорога — и творчество той цели, куда идешь; да еще и так, что это не ты идешь к цели, а ***цель идет тебя к себе,*** идет *тобою* живым и радостно послушным к себе самой, зовущей и тобою к себе идущей.

Теперь о делах.

1) Артур Фед<орович> Лутер *уже* переводит «*На пеньках*». Ждем рукопись. Тотчас же начнем печатать. Условия мой издатель предлагает такие: за первое издание 200 марок = 1200 франков, начиная со второго изда-

нья процент от цены*. Он Вам напишет сам подробно. Ответить можете ему через меня по-русски. Я ему переведу дословно.

2) Имею еще письмо от Е. А. Гуггенбюль[42]. Она просит доложить Вам следующее:

I Езды от Парижа до Цюриха всего 8 часов скорым поездом.

II Жизнь *там,* у нее, Вам ни в каком отношении ничего не будет стоить. Разве, — если хотите, карманные деньги на карманные расходы. «Платить» ей нельзя и нечего. «Она вознаграждена» будет радостью беречь Вас.

III В Вашей комнате будет *две постели* — Ольге Александровне и Вам. Она настаивает на том, что Вы отдохнете у ней <u>оба</u> — и притом так долго, сколько захотите.

IV Дальнейшее от меня.

a) Христианин бывает щедр — не только в *легком* отдавании дара, но и в легком принятии дара.

b) Расходы по поездке с быстротою покроются Вашим тамошним житьем.

c) Все, что благодаря этому «скопится», Вы отложите на следующие месяцы, а 10% отложенного (не больше!) пожертвуете безработным русским в Париже.

d) Там можно удобно и покойно *удить* сколько влезет. Помните, что «Мельница»[43] «пришла» во время ужения. Да и мельница ли только?

e) Вы увидите *горы* — сколько влезет.

f) В Швейцарии царит *особая разряжающая* и *успокаивающая* всякие нервы обстановка. Самый воздух течет там сливками (что для Вас главное, желудок) и покоем.

g) И две недели хорошо.

h) Визы — одна отговорка. В. А. Маклаков добудет их Вам в два счета. Только напишите ему: он перекувырнется для Вас.

---

* 200 марок *Вам*, переводчику гонорар *отдельно*. Лутер из верного отношения к Вашему таланту и из сочувствия нашей здесь работе — назначил себе гонорар скромный. «Так заманчиво перевести эту вещь», — писал он.

i) Вы можете поехать на *10* дней. Понравилось — еще 10 и еще. Не понравилось — телеграмма из Парижа и вернулись. Ехать надо конечно вторым классом (если не первым) — расходы все равно вернутся. А там Вас будут лелеять. Я думаю, что такая авантюра — Вас обоих освежит.

Вот и все. Душевно Вас обнимаю. И целую ручки Ольге Александровне.

О себе напишу после.

Ваш Иоанн Штеглицкий.

1932.II.23

133

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<25.II.1932>***

25 II 1932

Дорогой друг, милый наш Иван Александрович,

Как здоровье? — Напишите. Нас беспокоит. Из письма издателя Eck<art>-Verl<ag> узнал, что Вы больны (все еще?!) и оч<ень> переутомлены. Да что такое?

Просим дорогую Наталию Николаевну хоть открыткой известить. Всегда молюсь за Вас. Все пребываю под сильным впечатлением от Вашего поразительного, глубокого и — художественно-творческого исследования души искусства — в частности — творч<ест>ва Вашего, не по заслугам вознесенного, И. Ш<мелева>. Великое бремя возложили: как я понесу! Что напишу, чтобы быть достойным оценки Вашей хоть приблизительно?

Нем<ецкие> отзывы о «Forfr<ühling>»[44] — радуют. Даже и чересчур хвалы. Ernst Wiechert в «Literatur», в отзыве о «Под горами» (у Reclam), оказыв<ается>, уже предлагал, как задачу, крупным изд<ательства>м Германии издать *все* книги Ш<меле>ва! Много написал приятного. Превознес и Ист<орию> Люб<овную>. Даже жутко читать.

Eck<art>-Verl<ag> прислал п<ись>мо[45]. Условия очень слабы, но я принял, просил лишь гонор<ар> за 1-ое изд. (3000 экз.) поднять с 200 до 250 мар., с уплатой 150 по выходе книги и 100 — через 3 мес. Цену он пред-

пол<агает> около 2 мр. знач<ит> % мой 4. Но — кризис. А с остальн<ых> изд<аний> — 6%. Но до этого вряд ли дотянется. Заглавия не могу придумать. Предложил — «Mensch-Kilbitz». Или Mann-Kilbitz — Господин Пиголица. Но звучит ли это по-нем<ецки>? «Человек-Пиголица». Лучшего не могу. Да и суть тут: в пиголицу обращен, и даже жаждет сего ордена! Или — Kib-Mensch? Или — Kilbitzmann? Интригует? читателя-то?

Написал оч<ерк> «Зеркальце» (этюд из романа[46]). Пишу кое-что, для хлеба. Про — обезьянку, напр<имер> — (рассказ встречного), занятная история. Каж<ется> буд<ет> назыв<аться> «Древнего рода». Хочу продолжить раб<оту> над романом.

Здоровье — боли притихли, но больше я полеживаю, чем похаживаю. А звенит в душе что-то, лишь бы расписаться.

Милый, два слова хоть сообщите, или м<ожет> б<ыть> Н<аталия> Н<иколаевна> нам черкнет.

Целуем Вас и молимся за Вас обоих, по силе нашей. Поцелуйте за нас Наталью Николаевну, доброго гения Вашего. Да укрепит Господь Ваши (двойные) силы!

Всегда и навсегда Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Горячо благодарю за издат<ельст>во, за доброе слово — за меня. Не прибавит изд<атель>, я и за 200 мар. отдам. Т<а>к и знайте.

<Продолжение письма:> Только что О<льга> А<лександровна> взяла письма, чтобы нести в город, к<а>к пришло письмо от Вас, дорогой[47]. И ни слова Вы о себе! Но по тону чую, что поправляетесь. Известите. П<ись>мо изд<ательст>ву уже отправлено. М<ожет> б<ыть> я плохо сделал, что клянчить стал 50 марок? Да вот, из опасения нуждишки. Но Вы диктаторски решите, за меня, чтобы не было неудовольствия, а я примаю. Т<а>к и скажете Bartels'у. Он не D-r? Да и нельзя будто не поторговаться, старая кровь, торговая. Тьфу! В два слова решите: нельзя — и баста.

О лечении — ох, в холодную воду лезть. Я напишу Ел<ене> А<лександров>не. Очень дела-то денежные слабы. Только двинься — высыпятся посл<едние> гроши. А я два мес. и строки не напишу. Я как старая купчиха: к

Троице подыматься — на край света ехать. Знал старуху, фабр<икантшу> Морозову: в ее имении станция ж<елезно>д<орожная>. И вся жел<езная> дор<ога> — ей до земли поклон била. Так когда ей ехать в Москву — 100 верст, лошадь ей подавали за 1 ч. до выезда, а станция — 5 мин. Так она, старуха, за час до поезда приезжала на станцию: «кто е знает... на машине часов нет, придет раньше, а то и так проскочит, лучше уж загодя». А все власти на ст<анции> дежурят, ждут старуху, за неделю оповещены. Вот и я так, боюсь звонков, боюсь гудков, — проскочит! За два часа на вокзал приезжаю и все тревожусь. Старая кровь, сидючая.

А о себе напишите. И — целуем обоих. Спасибо, милый, за все, за все, за заботы, за дружбу, за веру.

И. Ш.

134

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<21.IV.1932>***

21 IV 32.

Дорогой Иван Александрович,

Измучили меня эти немцы-издатели! Защитите!! Оскопили, искромсали дитё — и еще предлагают самому приставлять кусочки! Не могу, с души воротит. Я им написал открытку, прошу вставить целиком «VII» главу и затем добавить в последнюю главу, XI, на стр. 120 — кусок, начиная со слов: «**Все** она поймет», — и кончая — «во всю вселенную..?» на стр. 121 вставить, начиная с зачеркнутого и переходя на 122 стр. — всю 122 включить, и на 123 стр. включить в конце четыре строки — «Творчество... по — «занавес давай!» Я не могу им писать... голова у меня болит от их письма, я между небом и землей, как всегда при приискании квартиры на лето, все брошено, работа оборвана, нервы изорваны, денег нет, все больны, — и, главное, — всегда меня апрель захватывает, когда писать хочешь. Начал большое: написал 3 листа, увлекся, — и по-шло-о... — то то, то другое. Ради Бога, на откажите сказать издат<ельст>ву, что вот — что мог я, из раскромсанного, собрать. Но пусть же они в

журнале оговорят, что «это» лишь «куски» целого, все «внутреннее», «все интимности мысли-чувства» выдраны.

Необходимо перед крупными, в главы! — купюрами поставить по две строчки точек, чтобы видел читатель, что у него из-под носа выхватил г. Браун. Он доктор... — м. б., хирург? Но необходимо оговорить.

Ох, уж простите, что прошу Вас объяснить им: на франц<узском> языке я, при голове моей, теперь пустой и больной, не выражусь, а нем<ецкого> яз<ыка> не знаю — написать. Я опасаюсь, не хотят ли они, вообще, голову заморочить и совсем похерить издание, удовольствовавшись «кромсаньем»? А, плевать. Сколько они при мне писем писали, и я писал... — какое-то накрывание столов с музыкой, чтобы подать яичную скорлупу...

Книжку, кот<орую> они мне прислали, с «кромсаньем», посылаю им, с открыткой.

Недавно, гоняясь за сотней-другой франков, написал — «Зеркальце», «Музыкальная история», «Смешное дело», «Перстень», «Турецкая Пасха» — для газетченок. Ужасно, когда не имеешь своей газеты, а — гастролируешь за гроши. А начал я «Иконку», но заглавие другое будет, и нянька моя уже на 4 листа наговорила[48], а ей еще долго говорить, ибо — глупая она, в голове у ней песок да каша, все в проулки сворачивает и, по старости, как рваный бредень, — «рыбки не выловит, а грязи вытащит». Но разворачивается что-то дикое, и боюсь — будут меня за «антелегенцию» пороть. Но разве я ее выдумал? Это — нянька глупая — живала — видывала... В Америку, дура старая, попала! Из Тульской-то губернии! Ну, много писать еще, обрабатывать. Будто и роман выходит: дополнение к «Человеку из ресторана». «Рос<сия> и Сла<вянство>» все не платят, и мой рассказ «См<ешное> дело» все там лежит, как кредитор неумолимый. Вообще, скверно. Ну, какие тут отдыхи в санаториях! «Хлеб наш насущный даждь нам днесь!»[49]

Дотого я измучен всем, что после дня писания — два дня жестоких мигреней, как... гонорар. И трагическое в сем: ибо в мигрени я почему-то хочу есть, чтобы пога-

сить боли. И еще расход на лекарства. И зачем я не «ласковый теленок»? Угол имел бы. Но... Благослови, Душе моя, Господа[50] — за все, за первый цветок весенний, который я вижу из окошка, за ветерок, за солнышко за тучкой... Прости ропот, Господи... — это все от «глупости», от «маленького росточка», от — «глаз малых».

Поздравляем Вас и добрую, славную Наталию Николаевну с наступающим Светлым Днем Воскресения Христова! Христос Воскресе! Будьте здоровы. Не знаю, где будем в день сей, все у нас кавардак, хаос, неопределенность. Не вмените в забвение, если не удосужусь к Пасхе написать. Ел<ене> Ал<ександровне> все не отвечу, да то пишу, то марок нет, то бумага вышла, то... душа вышла. И как я исхитряюсь еще «смешные» рассказики писать! «Нянька» тоже дурой смешной выходит. Язычок-то у ней — не евро-пейский! Скажет «одна слеза катилась — другая воротилась» — и смешно мне, и дуре смешно, как ее американцы пустым вареньем кормили, а жила на 20 етажу!.. Тульская-то! ... в Аме-рику попала!

Крепко Ваш, поцелуйте за нас ангела-хранителя.

135

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<24.IV.1932>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Верьте, что мое негодование на идиота Брауна — не менее Вашего. Я скандалю уже две недели и поверьте, сделаю все необходимое и впредь. А целиком они Вас выпустят *осенью.* Это верно. Я скажу им то, что нужно — и первое, что я скажу — это то, что в письмах ко мне Вы дезавуируете Вашу открытку к ним и соглашаетесь только на *несколько глав* целиком, в виде предвозвещающего отрывка; только при этом условии я напишу то предисловие, которое они хотят получить от меня.

Страшно радуюсь новому роману и спешу Вам на помощь, как могу. А именно — я посылаю Вам в подарок книгу Куэ «Сознательное самовнушение» etc. Не говорите о ней *ни с кем* кроме Ольги Александровны. Начните с того, что спокойно прочтите ее. Этот метод,

о коем он пишет, *значителен*, серьезен и *целителен*. Я испробовал его уже на себе и на других. Вот как он применяется.

Вечером, в постели, потушив лампу, лягте спокойно на спину, чтобы было совсем удобно; отпустите все мускулы, — ноги, руки, живот, брови, рот — все. Чтобы все стало вялое, пассивное, слабое, ленивое. И затем повторите двадцать-тридцать раз подряд его формулу. Не надо *никакого усилия — ни воли, ни чувства*, ни жеста — *ничего*. Ее надо *бормотать*, как безразличный дьячок. Ничего не желайте себе внушить; ничего не приказывайте себе. Но *говорить* надо — вполголоса, чтобы слышать свой голос — двигая губами и издавая звуки слов.

Точно то же надо делать и утром, еще находясь в сонном состоянии, т. е. в неполном проснутии.

«С каждым днем мое здоровье становится во всех отношениях все лучше и лучше». И опять, и опять — 20 — 30 раз.

И больше ничего.

Пояснение от меня: это *не* вздор, а *дело*. Мы с вами в этом давно уже нуждаемся. Бессознательное *слышит констатирование факта* и начинает, фактоприемствуя и фактопоклонствуя, творить душевное и нервное самоисцеление; *и органическое*. Залечивает все. Только не напрягайтесь. И если бы начало этого делания совпало с случайным ухудшением самочувствия — то *не смущайтесь*: «Как же это мол *лучше*, когда явно *хуже*». Не считайтесь с этим — легкое, ненапряженное констатирование факта воспримется бессознательным, как *вовлечение в пророчествуемую победу*.

Если бы, начав это делание, Вы почувствовали, что в ответ на суггестию бессознательное отвечает *пессимизмом*, *унынием*, нервным угнетением (этого может и не быть!) — то не смущайтесь: это раза через два исчезнет. При аккуратном наговаривании — Вы через неделю заметите прилив творческого оптимизма, уверенности в своих силах и спокойной победности надо всякой болезнью. Это будет сначала *психическая победа*, явная, реальная, а потом *органическая*: исчезнут реально всякие симптомы и организм выправится.

Помните у Пушкина «тайным нашептаньем». Народный опыт мудр, верен; «заговор» — не вздор, а сила; «наговор» — реальность.

Раз наговорил себе вечером и утром — сейчас же забудьте об этом. Не размышляйте, не ковыряйтесь в самочувствии, не наблюдайте себя «помогает уже или не помогает». Этого не надо. Наговорил и с колокольни долой. Механически, как урок. И забудьте. С вечера до утра, с утра до вечера. Живите себе спокойно и уверенно — и наборматывайте. Книжку можно потом перечитать и два и три раза.

Повторяю — пишу Вам потому, что изведал и на себе, и на других. Прочтите книжку. А с другими людьми *не говорите* об этом — глупый скептицизм глупых резонеров только помешает Вам добиться нужного.

Около первого мая я тоже ликвидируюсь и уезжаю. У меня уже 4 месяца температура (катар легочных верхушек); еду на солнце и залечу его себе как дважды два. Не беспокойтесь обо мне. Хотя и трудно материально, но вынырну. Выныривайте и Вы, мой чудесный ведун и певун.

Обнимаю Вас. Целую ручки Ольге Александровне. Н<аталия> Н<иколаевна> шлет приветы. Пришлите адрес!!

Ваш И.

1932.IV.24

Здешний адрес годится еще долго.

136

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<14.V.1932>***

14 мая 1932. Capbreton s/m (Landes)

Дорогой наш, чудесный Иван Александрович!

Как же я рад был получить Ваше, да такое братское, да с советами столь мудрыми, как лечиться по способу Э. Куэ! И книжечку Куэ получил, уже на новой квартере, на прежнем летнем гнезде лесном, куда перебрались, — опять — двадцать пять! — ибо такова наша судьба, таков контракт с хозяином, который сам любит цветы сажать и пользуется теплыми месяцами, а мы, за сравнительную

дешевку, должны зимовать и прогревать его дачу. Но я не ропщу, жене же эти переезды тяжелы — не дай Бог, как тяжелы.

Читал и перечитывал систему Куэ, и вижу — правильно все, только вот трудно воображением накрыть волю, как он учит. Но внушение может успокаивать. Да в нашем положении никакое лечение не может выполняться. Только стал я опять роман продолжать, очень меня захватила болтовня ядовитой няньки, моей **судии** мира, — уж и язычо-ок, у шельмы, сам не ожидал, только бы критика не ругала! — только хотел, вперемежку, письма писать и Вам особенно, как налетел камень-ураган и ударил в душу так, что я долго не мог опамятоваться. Ну да, говорю об убийстве Президента[51]. Все в воле Божией, но такого испытания... — кажется, уже сверх меры. О, мир многострадальный! О, бездна его!.. Нет сил думать, говорить, вникать. Отупение. Так неделю и ходил, как молнией ожженный. Доколе, Господи!?.. И знаете, только тут я познал, что Франция — наша вторая родина, — и так больно!.. Нет, тут словами не скажешь.

Ольга Александровна роман одобряет, а это мне верный знак и ободрение. Но, кажется, долго писать придется, — труден и сложен... не замысел, а взятая мной форма «перекатов» рассказа няни, т. к. она со своей пустой головой путается в рассказе, перескакивая во времени, и вот, из всего и получается мозаика-каша, которая и должна дать картину жизни. Боюсь, что моя нянька много грязи вытаскивает, и достается же от ней — доброй! — бы-ло-му нашему, не хуже, чем в моем «Человеке»[52]... А ведь правду говорит... Как бы не охватил меня «трепет», как Гоголя, хоть я и не он. Интеллигенческую семейку свою описывает... — и откуда же столько... грязи?! Ну, вот подите же... а из песни слова не выкинешь. Ни политики, ничего, один **быт**, — и через него что-то глядится... ну, до чего же «неумытое»! М. б., это и есть все «корешки» наши, давшие **такие** «вершки»!? Но не притязаю на «суд». Боже меня храни! И что может ня-ня!? Я лишь — повествую. И няня моя до того спокойна, «эпична», только чай с вареньем пьет и — «перемывает». И — **миру** от нее достается, по-глупому,

т. к. «где меня только не носило... весь свет исколесила!» И все-то, шельма, помнит, а голова — как рваная наметка — рыбку не выловит, а грязи вытащит...

Горячо благодарю за совет, как понимать указания доктора Куэ, — так Вы чудесно упростили — светлый ум, чуткое сердце! О<льге> А<лександров>не — я читал Ваше наставление, она и говорит: «ну, вот так и вижу И<вана> А<лександровича>, как живого, слышу его голос... — весь он тут, **сам**». Да, другого такого я не знаю — так писать письма, как Вы... — это же **живое**, это — излучение всего Вас. Это — высокое художество, это **не** художество, потому что это — воплощение непроизвольное. Но не стану хвалить, ибо сие — хвала-то — несоизмеримо и не охватывает су-ти.

От издат<ельст>ва нем<ецкого> ни звука, ни пфеннига, хоть и обещали они заплатить за перепечатку в журнальном порядке кусков повести. Вот, шведы интересуются «Историей любовной», запрос получил от прекрасного переводчика. Но что из сего выйдет — хоть бы хлеба купить хватило на продолжение романа. Что дальше будет из него — не вемь, но **знаю** — посмеялись бы Вы, слушая первые 40 страниц. Но мне-то от этого «веселья» — жутко. Но меня привлекает «язычок» нянькин. Обнимаем Вас и целуем Наталию Николаевну, милые Вы, родные люди. Вся цель жизни моей отныне — «Няню» написать, а уж «Иностранца»... — да и стоит ли? Ну, что Господь даст. Но надо еще «детские очерки» закончить. Пишите, не забывайте.

Христос Воскресе!

Ваш Ив. Шмелев.

137

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<15.VI.1932>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Болен. Нервный гастрит с температурой, бездонной слабостью и длительными дурнотами. Слабость неописуемая. Доктора говорят — нервное переутомление. Я говорю: изнемогло солнечное сплетение от напряжений, отвращения, гнева и ненависти.

Из-за «Пеньков» имел форменную драку. Dr. Braun выкинул из них *все* пророческое и оставил профессора жалким обмылком. Я сказал: так не пойдет, беру рассказ назад; расходы Ваши издательские (на перевод и набор) мне *плевок.*

Bartels'у напишите как-нибудь поласковей, он окончательно умилится, по-франц<узски> он поймет. Bartels (он милый, Вас обожает) встал за меня. Все или почти все поправили. Рассказ идет почти целиком, с указанием редакций, что константиноп<ольский> эпизод выкинут, идет в книжке Eckart-Zeitschrift[53] за июнь-июль. Мое короткое предисловие. В августе он выйдет отдельной книжкой с моим предисловием подлиньше. За журнал и за выпуск будет максимальный гонорар, который я мог выжать. Сейчас написал Bartels`у, чтобы Вам деньги высылал скорее.

Простите, милый, больше писать не могу. Слаб, почти не существую.

Обнимаю Вас и люблю редкостно и глубочайше. Да хранит Вас Господь на радость нам и на гордость России.

Ваш И.

1932.VI.15

Oesterreich. Velden om Wörtersee. Villa Sintschnig.

Какой-то Erich Bochme собирается писать Вам по лит<ературным> делам. Чтобы проверить его — запросите Артура Федоровича Лутера.

(Prof. Dr. Arthur Luter.

Leipzig. C. An der Milchinsel. 4)

Лютер перевел Пеньки *с любовью.* Вас он чрезв<ычайно> ценит. Я прошу его перевести «бывшаго» человека — не «erledigt» (опустошенно-ликвидированный), как он перевел, а «chemalig»=бывший=ci-devant.

А то *пророческий* тон профессора, *сверхчеловеческое* умудрение его (с Ницше под ручку) будет совсем непонятно немцам. А chemalig — я разъясню в предисловии немцам.

Лютеру пишите, конечно, по-русски — он русский, старый москвич, и акцента иностр<анного> никогда не имел.

138

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<20.VI.1932>*

20 VI 1932.

Дорогой наш, милый Иван Александрович,

Меня и жену очень встревожило и, прямо, подавило Ваше длительное недомогание. Почему Вы все валите на нервы? Конечно, и переутомление свое дает, но как же температуру-то объясните? Ясно, что здесь **что**-то микробное, гриппозное, которое надо выгнать, освободить кровь от болезни. Немецкие доктора народ знающий, не слушайтесь одного, проверьте. Сделайте незамедлительно анализ крови, «отбросов»... Мож<ет> быть, антерит у Вас, воспалительн<ый> процесс в желудке, в кишечнике? Уверен, что не повредили бы Вам приемы аспирина и уротропина. Эти три недели я, буквально, корчился от болей: желудок точно в узел крутило, — не то ревматизм, не то невралгия. Температуру не измерял, а боли — все те же, давние боли, коими страдал и двадцать лет назад, и всегда эти годы, периодически. Погода в это время была — ливни, ветры, сырость. Я применял все то же лечение: зная свою язву, я не оставлял приемы «каолиназ», фарфоров глины в порошке, как «защиты», щита, покрышки, и применил свое лечение, учитывая возможность «микробности»: дней 5-4 я в 4 часа, за чаем, принимал аспирин, четверть чайной ложки, а после ужина — таблетку «уротропина», как дезинфицир<ующего>, и мочегонного. Через три дня мучит<ельные> боли оставили меня, а то, думал, пропаду! Ночью мучили, и через полтора-два часа после пищи. Поешь — боли утихают! Возм<ожно>, что ревматизм тканей-мускул желудка и кишечника. Мож. быть и такой ревматизм. Как на кого: у одного м. б. «констипасион», у другого «диарея», понос. Аспирин и на нервы действует хорошо. Только вот слабость Ваша... Ясно, что это микробного характера, а м. б. съели чего вредоносного, не зная того. Прошу Вас, убедительно, исследуйтесь немедленно! Дайте на исследование что следует — «микробное» исследов<ание> сделайте в «отработке» кишечника. М. б. у Вас воспаление желудка, кишек! Против антерита есть чудесная прививка:

принять 2 — 3 табл., выработ<анные> лабораторией «Билтерапии» в Париже, проф. Безредко, где заведует А. А. Титов, проф. У Ивика был антерит, года три, и вот, после прививки — все момент<ально> прошло, ест все, здоров, только раз в год повторяет прием таблетки. Это чудесно. А то захирел, с кишек целые ленты эпителия сходили, как со змеи шкурка. Вам нужна дезинфекция. У Вас или какой гнило-кокк, стрептокок, сволоче-кок, или в организм попало что-либо вредное с пищей — м. б. несвежее что съели, или — «простуда», говоря вообще. А нервы — лишь способствуют болезни, не давая организму справляться. Делаю такой диагноз, хоть и на расстоянии. И «солнечное сплетение» не с пустяка, а тоже, м. б. микробная болезнь нервной системы. Уротропин, думаю, никогда вреда не даст, а важные каналы продезинфицирует. Но — через двух врачей проверьте себя. Вы, бывало, летом, какие бодрые письма писали! Дорогой друг, дайте прочесть эти строки Наталии Николаевне, пусть она возьмет Вас силком и заставит проверить себя, отбросив «нервы». Нервы... и — температура! **Не одни** тут нервы! Извольте лечиться. И наблюдайте за пищей, не столуйтесь в ресторанах, а лучше — лучше яичко съесть, молочка стакан выпить, да чтобы свежее, свое было! Меня удручает и то еще, что у Вас дурноты. Значит, слабость? А когда «гастрит», как Вы почему-то определяете, пройдет, Вам надо впрыскивания делать, стрихнкокодилятные, смешанные, — мне очень помогают. И еще — для силы — хорошо «дальбаз» принимать, магнезию какую-то, — я называю спесиалитэ[54] проф. Дельбэ. Но хорошо и «сельс крошен» — стар<инное> англ<ийское> изв<естное> средство, тоже с магнезией. В наши годы магнезию положит<ельно> необходимо. Очень силы дает. Жена принимает «сэльс коёшен», м. б. я не точно произношу, старин<ное> англ<ийское> средство, — и говорит — давно бы свалилась от слабости, если бы не эта соль, натощак, в кофе. Но, прежде всего, — строго себя проверьте через врачей, а не запускайте и лечите не только нервы. Очень мы удручены, как **своей** болью, милые друзья. Я не придал важности, когда Вы весной писали о гриппе, слабости. Но это пошло в затяжку, — на-

до сильные меры принимать. Умоляю Вас, не отмахивайтесь. Если не найдете у себя, известите, я Вам вышлю, как «эшантийон»[55], всякое франц<узское> средство. Или, если нужно против антэрита, пишу адрес проф. Александра Андр. Титова: 10, рю Ля Мотт-е-Пикэ-Pic Пари, 15.

За Ваши литературные заботы низко Вам кланяюсь, сердечное Вам спасибо. Бартельсу напишу, когда получу журнал, что ли, а то как-то не свяжу письмо. И Др. Лутеру напишу, если получу запрос от упоминаемого немецк<ого> — литератора, или издателя? Такого не знаю. О «Ист<ории> люб<овной>» все были прекрасные отзывы. Хорошо написал изв<естный> нем<ецкий> писат<ель> Герман Гессе[56] в «Бюхервурм»[57]. Вот выдержка из его рецензии, приведенная в проспекте отзывов, напечатанном в «Швейцер Бюхерботэ»[58], прислал др. Рентш, летняя тетрадь, 1932. Мне перевела Кандрейя, наспех: «Скэптически-умный, несколько мрачный аналитик, Шмелев проявляет в этой — ист фон эйнер Анмут[59] — нежной и — бешвингтен[60]? — и одушевленной истории юности и любви — грацию, которая нас изумляет — поражает? — юберашт[61]? и покоряет — гевиннт[62]? Это русская поэма — современная? — аус унзерн Таген[63]? — Дихтунг[64]? — или поэтич<еское> произведение наших дней, которое хранит, сохраняет — бевapт[65]? — все хорошие традиции великих русских прозаиков — Эрцелер[66]? — от Пушкина до Тургенева, — дас ист гевисс эйне Зельтенхейт эрстен Рангес[67]». Слава Богу. Это русская критика обошла мою «Историю» — нигде ни звука! Удивительные вещи. Я знаю: против меня ведется скрытый поход. В «левой части» печати «работают» Мережки, в правой — нет такой, а Возр<ожде>нию я чужой. И еще умный Б<уни>н — чую — кое-где «бросает» нужное «меткое» словечко, а «присные» мотают на ус и разделываются со Ш<мелевы>м. Степун, в славословии, — Бунину акаф<исты> пел — меня рикошетом, в «Совр<еменных> зап<исках>» в 48 кн. не называя, прошелся по поводу «горланящих петушков», «про наши вербы да про наши пасхи»... Вот Бунин — тот, действительно, **дает** Россию!... А в 49 кн. Г. Адамович — содомович про «Родное» так

написал, так непозволительно-глумливо, что я послал редакции веское письмо, спокойное, но веское. Мережки[68] мне платят за отповедь, как я в 1925 г. все высказал Гиппиус по поводу ее «строки» о «Пеньках». Чего они на меня? Или уничтожить хотят? страшатся, что я вырву у них кусок — премию? О «Росстанях»... — история о «благополучии разбогатевших баньщиков»...! Ах, идиот или... шулер. Ну, ладно. И «Росстани» мои ничего, останутся в русской литературе, верю... и «Ист<ория> люб<овная>» — тоже неплохо, я ее немножко люблю.

А пока — что Бог даст. Болезнь заставила меня лежать, и «Няня» моя не двигалась. Пишу опять. Уже пять листов есть с хвостом. Но, боюсь, лаять меня будут, как я смею показывать **такую** рус<скую> интеллигенцию... — но это не я, а глупая нянька, замотанная дура, «свой свет в окошке» видит. Она не только о рус<ской> интел<лигенции>: она, шельма, претендует и Америку обругать, и Иврупу... англичан даже, как они рояли покупали и шубы, и как ее, старую, шпыняли... Ну, не знаю, справится ли моя дура с рассказом... Да после Вашего письма у меня как-то руки опускаются, очень я удручен, милый, да как же это Вы так запускаете... серьезного исследования не делаете, чем больны. Попрошу милую Наталью Николаевну нам хоть открыточкой дать знать, к<а>к В<аше> здоровье. Я собирался писать Вам, как получил Ваше п<исьмо>. Два дня, как я встал с постели. И теперь больше полеживаю.

Милая, Наталия Николаевна, ради Бога, не забывайте нас, напишите хоть словечко, что И<ван> А<лександрович> лечится, что исследование сделано, диагноз поставлен, и система лечения проводится, и — улучшение. Ради Бога! Мы будем все время ждать. Мне других писем и не надо.

В мире близится какой-то сдвиг-срыв. Этот год так просто не кончится. Германия уже **вышла**, и теперь в мире будет твориться решительное. Так жить мир не может, балансируя в неизвестном. Близится схватка смертная между двумя крайними социальными напряжениями. А демократия — без **личности** — конечно, вдребезги разбилась. Личность пропала из мира, и пропали

«властвующие» прежнего, «европейского» калибра. Остались — явились! **новые**, умеющие брать власть: коммунисты и — националисты. Идет отбор. И идет — во истин<у> — **Новое Время**. «Средневековье» — кончилось. И с ним — много и прекрасного. Идет казарма, со всех концов. Панихида индивидуализму. **Наш** век закончился. Но свои радости найдут и новые поколения. «Увидим небо в алмазах»?? О, увидим небо и землю — в дымах — шрапнельных и газоубийственных разрывов! Вот что. И человечеству не придется «отдыхать», нет. Крах современной и всякой культуры. Меньше становится на свете — **человека**, так какая же тут ку-ль-ту-ра?! А младенцы лепечут о будущем торжестве «демократии». Это когда «личность»-то стерта в прах?! Какая близорукость! Идет к развязке, и мир погружается во мглу, все испытав, «начать с начала», но — поумнев от опыта прежних поколений. Как верно — и «познай самого себя», и толстовское «совершенствование», и великое — Христово — «царство Божие внутрь вас есть»[69]. Иначе — дьяволова казарма, помойка, свалка — могила общая. М. б. Германии выпадает на долю важная роль, поднимая себя — оправить мир. Все сроки подошли.

Милый И<ван> А<лександрович>! Горячо благодарю Вас за заботы о «Пеньках», за предисловие, за упорное отстаивание «сердца» рассказа. Спасибо Вам, Господь да воздаст Вам благостью своею, а я бессилен. Я счастлив, что в литературных сомнениях своих — в Вас только находил упор, опору и оправу, и оправдание. Я знаю, есть люди, которые меня и любят, и понимают, но они бессильны или неспособны **видеть** и мне указывать, и ободрять. Ведь и лошадка на водокачке, слепая кляча, и та нуждается в ласковой погонялке и в «гладенье» порой.

Е<лена> А<лександровна> все поджидает, что я приеду отдохнуть к ним. Но как я, без денег, без здоровья, поеду! Напишу ей, что если бы и поехал, так заехал бы на день разве — и только. Для утешения напишу. Да и чувствую, что для них это вовсе уж не так-то необременительно: дела санаторий теперь в Швейцарии, и вообще всякие дела, не так-то блестящи, кому приятна обуза!

Газет стараюсь не читать, отраву эту. Живем одиноко, и Бальмонта тут нет, и проф. Кульман приедет с задержкой из-за лечения Нат<алии> Ив<ановны> в Ройя.

Если самим трудно, пусть Наталия Николаевна нам напишет, что Вы поправляетесь. Хоть открыточку!

Порадуйте бодрым словечком, «летним», как, бывало, так остро писывали, чувствовалась отдыхающая душа. Так я ждал. Правда, **не** на **чем** отдыхать ни душе, ни глазу. Мир ощетинился и помутнел рассудком. И «равнодушная» природа становится еще равнодушнее. Но ведь ее красота блестит и живет «на людях», при людях, хоть и «отдаленных». А я видал эту «красоту» при мертвом солнце... — о, такая красота убийственна и страшна, — красота немая и тупая, и — враждебная, как бы. Ах — «дождик бы в тучки, солнышко нам в ручки!» В душу бы солнышка, всем людям в глаза и сердце — солнышка! И какие возможности в **человеке**! И как бы он **легко** мог петь «осанну в вышних и благоволение на земли!»[70] Если бы захотел... Даны все возможности — **не** хочет. Водители его, «избранные» его заблудились... «в поле бес — их — водит, видно да кружит по сторонам»[71].

И все-таки мир, через путы и клепки, найдет пути! Через страшный «аскетизм» вынужденный пройдет, через дыбу и правИло[72] — и найдет. Найдет равновесие между правами Личности и правами массы, — какие и духовные и — как это важно! — технические возможности! Почти как боги, и при всем этом — что за ско-ты! Великая, дьявольская трагикомедия.

Крепко обнимаем и целуем Вас обоих. Да выздоровеете! Но — если строго проверите свое состояние. Мне, в приступах болей, Куэ помогал.

Ваш неизменно Ив. Шмелев.

139

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<4.VII.1932>***

<Открытка>

Милый и дорогой мой!

Спасибо Вам за ласковое и заботливое письмо! Завтра уезжаем в Цюрих, где специалист первого сорта будет

меня обследовать со всех сторон. Оттуда еще напишу. На днях должны выйти «Пеньки» в Eckart-Zeitschrift. Надеюсь мое предисловие Вас утешит. Для отд<ельного> выпуска «Пеньков» я его разовью вдвое-втрое. Но название «Prophet der Krise»[73] *не* мое; у меня было просто и классически «Iwan Schmelof und Seine Kunst»[74].

Адрес в Цюрихе: Zürich. Schmelzberg Str. 28 Dr. Hans Trüb для меня.

Обнимаю!

И. И.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chmélof
Capbreton (Landes)
Frankreich. France.

140

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<6.VII.1932>***

6 июля 1932 г.

Милый друг, дорогой наш Иван Александрович,

Из Вашего письмеца с облегчением узнали, что лечитесь, — вот именно, так и надо, — всесторонне, у знатоков обследоваться. Конечно, духовное горенье и кипенье под неимоверным «давлением», как всегда у Вас, не может дешево стоить, непременно должно отозваться на здоровье, и «нервы», конечно, очень разбиты; но нельзя все относить на их счет. Лечиться надо, и если надо лечиться всерьез, надо всерьез и взять себя в руки, отдалить все, что треплет и разрушает. Не мне Вам говорить это, сами умней всех, — да в горячке Вашей, в жертвенности-то, в мученьях духа, не помните о себе, а болезнь все помнит. Надо решительно отдохнуть, пожалеть себя, а не себя — так «второго-себя» — Наталью Николаевну, раз, а также и прочих, любящих Вас истинно. Проклятье какое-то над нами: как подарит судьба человеком, как приласкает им горькое родное наше, — так и ущемит тут же. Скольких сил великих лишилась Россия! Не помогайте же злому року, боритесь и храните себя. Правда, в нашем положении, в «житии»-то нашем, трудно это. Но если хоть малая возможность есть — держаться за нее надо. Вам надо растительной жизнью пожить хоть месяцы, не

думать, если можно, не кипеть, не жечь себя, не «гореть», в броню облачиться, во власть Н<аталии> Ник<олаевне> отдаться. *Сообщите, хоть словечком, что доктор скажет.* А мой совет — блюдите диету, ешьте свое больше, а не по ресторанам, и не в чужих местах. В чужом месте, за беседой, всегда съешь и лишнее, и не то, к чему привык. Вам бромюры безусловно нужны, не бойтесь их, они не ограничат духовные силы Ваши — по себе сужу: дадут «форму» нервным сплетеньям. А «Дельбиоз» необходим Вам, поверьте: не только на себе испытал. Это компримэ, а каждое содержит: Хлёрюр де магнезиум ангидр — гр 0,379, бромюр де магн ангидр 0,012, йодюр де магн анг — 0,000072 и флюорюр де магн анг 0,0009, или тех же, десэше 0,592, 0,020, 0,0001, и 0,0009. Называется — проф. Пьер Дельбе, «Дельбиаз», стимюлан биоложик женераль. Стоит 18 фр<анцузских> фр<анков> — 48 компримэ, на 24-30 дней. Яснит мозг, бодрит тело. А бром особо, конечно.

Высокую мне честь оказали Вы, радость подарили — представляете меня немецким читателям — Вы. Честь, которую не смею считать заслуженной. Вас хорошо знают немцы — и не только они — и высоко ценят, и слово Ваше не звук пустой, не «между прочим». И потому мне и жутковато. Благодарю крепко — и жутковато мне. Ну, какой я «профет»[75]! Я лишь слезы души своей слышу и к чувствам своим прислушиваюсь, и боль-гнев облекаю в слова, а когда и — редко! — радость. Представляя меня «предисловием», Вы дарите мне — в долг! — многое из своих сокровищ, Вы тот чудодейственный «усилитель» для духа слов, как бывают усилители для вещного мира — телескопы, микроскопы и проч. «проявители». Но это слабое сравненье, ибо Вы **наполняете**. И я горжусь, но и жутковато мне — недостоин. Прошу Вас, не утруждайте себя, не пишите для книги особого предисловия — «вдвое, втрое», как сообщаете, — не могу я этого принимать от Вас, не могу! Милый И<ван> А<лександрович>, ведь Вы горите, сжигаете себя, а Вам надо охладиться, отдохнуть, а писать о «пеньках» — тоже горенье, сжиганье и сгоранье, ибо Вы — «наполняете», собой переполняете, отдаете себя. Знаете... — мир не стоит того, чтобы

его спасать. И его **нельзя** спасти. Он спасается через свои муки-пытки, им же приуготовленные. Ничему нельзя его научить ныне. Он уже упал, и только возится еще, как не окоченевший пьяный. Пусть — **течет**. Я писал и пишу — не для кого-нибудь, не с целью какой: я — выплевываюсь, и только. Как огорошенные, оглушенные ударом — бегут и орут, себя не помня, — так и я писал больное — кричал и стонал. Нет, не учить. Правы Вы: Ваше заглавие было точно и просто-строго. А это — «для публики». Но — пусть, если и «облечен»: нынче крик любят издатели. Жду журнала, чтобы написать и Бартельсу, и Лутеру. Да слаб я в немецк<ом> яз<ыке>, сапожник, и словарика даже нет, а есть вершковой слов<арь>-лиллипутик, купленный мною в 23 г. в Берлине. Кстати, вот неожиданность: только сейчас, пишучи Вам о нем, о словарике, прочитал на обложке «Лилипут-Вёртербух», Дейтче-Рюссиш, фон... Эрих Бёме! А Вы не раз писали, что некий Эр. Бёме хотел мне писать о литерат<урных> делах каких-то. Я не получал от него письма. Помечено изд<ание> Лейпциг. Шмидт и Гюнтер. Уди-ви-тельно. Так вот, жду журнала, буду силиться прочитать. Очень бы важно, если бы мне прислали 2 — 3 экз., — послал бы — первое — Герману Гессе, кот<орый> писал хорошо о «Ист<ории> люб<овной>» и Эрн. Вихерту, и еще, кому, укажите. Вихерт сам писатель, как и Герм<ан> Гессе, только д<олжно> б<ыть> не столь известен, а книги его, говор<ят>, хвалят. Этот Вихерт очень меня похвалил в «Литератур» и рекомендовал большому издат<ельст>ву издать «собр. соч.»[76]. Кто знает, мож<ет> б<ыть>, благодаря Вашей рекомендации, книжка и «поедет», — во вс<ех> отношениях приятно. А «Росстани» Рентч не взял, роман ему нужен. Назвал — «Ювель фон айнер... Идилле»...![77] А я думал — от-то поймет, что это ох, как далеко... от «идиллии»-то. Да какая-же идиллия, когда **о сути** речь, о жизни и смерти, об **отходе**, Светлая панихида, что угодно, но только не... идиллия! И я не теряю надежду, что именно немцы-то и поймут, что «Росстани» не идиллия, а «гроб, обставленный цветами», правда, невидимый и даже нечуемый, ибо... **так надо**, и птички поют. О, как **это** непохоже на нашу жизнь, на — **ныне**!

Буколика смерти... Я люблю «Росстани», прости меня Господи. Они — про-пе-лись, я помню. Но, пожалуй, они по тихости музыки своей вряд ли ныне слышаны быть могут. Их надо тихой душой читать, тихим июньским вечером, когда «пришедше на запад солнце». А не в бурлящее время.

Вчера келья наша оживилась: приехал Ивик, выдерж<авший> экзамены, отдыхать. Призрачное отражение минувшего. Милый мальчик, ласковый, чистый, дитя в 12 с полов. лет — в нынешнее-то время! Чи-стое дитя. Оживил нас. Мы для него — Те-О, Дя-Ва! Подбежит, прижмется, поцелует, без слов. Убежит. Будто жалеет. Никого больше здесь. Бальмонт в Париже, ежится от жизни. Кульманы едут пока в Роая, лечиться, приедут в конце августа. «Нянька» моя — вперевалочку, на 9-й лист, и все бормочет. Но добормочется ли до чего — не знаю. Д<олжно> б<ыть> она меня запарит. А надо бы что-то писать для завтр<ашнего> дня. Но, горе мое... не могу, когда душа не зовет, не могу — для дня, для хлеба, не вы-давлю! Не могу просто — упражняться в поделках, это плохо «для дня сего». А надо. Не могу писать «случаи из жизни», не могу и читать про них. И не могу — «для техники». Теперь я мож. быть многое совсем выкинул из своих книг, как хлам.

А в мире неприятно пахнет — гарь, гниль, и не могут понять «мудрецы» — «царство Божие — внутрь вас есть», ибо уже не ощущают этого — «внутрь». Теперь все выплеснулось, а шкура — черту на барабан. Тешат себя синдетиконами[78], пытаются клеить кораблики. А надо бы — и давно — ковчег строить. Утрачивается инстинкт **жизни**? или он до того могуч, что накрыл инстинкт смерти и страха? В гашише — **все** утрачивается. Все больше вижу — носителей разложения, не большевиков, нет, это — второстепенное и производное, — а... расу, **племя**, и не все племя, а какое-то межчеловеческое новое племя, какие-то «отбросы», и вовсе не какой-то класс-«пролетариат», а «межчеловеческий пролетариат». Вглядитесь в «снобов человечества», — **кто** они?! Вот — тут-то и можно устрашиться: тут извечное, как бы предуказанное, неотвратимое, следствие «всех причин», к Голгофе

восходящее, к новой Голгофе ведущее... Надо ждать — кто дождется и, дождавшись, узрит?! — что будет Откровение. Шоу, Эйнштейны, Эпштейны, и проч. — не с ветру. Это одиннадцатая казнь египетская. Выход из «египта», пустыня... Новый Иерусалим — ? И кто воспоет — «Святися» — ? Неужто из певунов птички только останутся? Лучше, чем рык и рев. — Обнимаем Вас, милые, Господь с вами.

Ваши О. А. и Ив. Шмелевы.

Сообщите о здоровье.

<Приписка:> Если случится Вам повидаться с dr. S. Rent<s>ch`ем, спросите, пожал<уйста>, как идет «Ист<ория> люб<овная>». Критика хвалила.

141

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<21.VII.1932>***

21 VII 1932 «Смологонье»

Дорогой, милый и неповторимый Иван Александрович,

Низко Вам кланяюсь и благодарю всеми «фибрами» и даже жабрами души-сердца! Получил журнал «Eckart»[79], поглядел в него, полизал глазами, почитал — внял сердцем, ибо половина слов для меня — иероглифы («помянул» нашего гимназ<ического> немца Отто Федор<ович> Шнейдевинда — и себя — подлеца, за невыучку, а себя (впоследствии) и за небрежение еще). Ваше предисловие превосходно и высоко-почетно для меня, худородного раба Ивашки Шмеля, — и сколь утешительно! Благославляю Вашу душу и десницу друга.

Написал и Бартельсу, выразив ему восхищение и радость, что встретил в нем, в наше-то про-заическое и подлое время, человека, который борется за ценности нетленные. Написал и Dr. Artur`у Лутеру, крепко поблагодарил и его за внимание и труд немалый. И сего двигателем и радователем — единственно Вы!

Ничего не знаем, как нашел Вас знающий доктор. Пожалуйста, хоть словечко напишите, к<а>к здоровье. А я, к<а>к обычно, перемогаюсь — при-вык околевать.

Досадно, что журнал не сделал примечания, что это *выдержки* из повести, а не — целиком. Но и то слава, что

Вы настояли на включении многого, а то совсем было бы — «без влас Власий», на двух ножках скамеечка. Прислали мне 1 № да оттиск. Попросил у Бартельса еще 2 — 3 №№ — послать некоторым «отзывающимся», для критики — Герм<ану> Гессе, Ern. Вихерту, Th. Mann'y — хочу! Хотя — «без влас Власий». Поддержите! Получил 297 фр<анцузских> фр<анков>, и это было очень вовремя. «Нянька» меня заездила, пишу и пишу, а молочка нет, кашки она мне не сварит, и не пишу дня текущего. Из Германии написала мне K. Rosenberg, переводчица моя, — посл<едние> времена! Я думаю — бу-дут, грядут только. Будет жарко, «в смысле боя», к<а>к говор<ит> один жидо́к. Прройдут и они через Голгофу, иначе не мож. быть. ***Своя*** Г<олго>фа — да, будет. Иначе было бы полное уничтожение «логики». Это будет. Куда же подеваться **такому** электричеству?! Лучше бы Вам, елико́ возможно, перебыть сие в Швейцарии. Но нам, вообще, трудно, всячески, где бы то ни было перебывать-пребывать! Напишите о себе! Я ежедень с О<льгой> А<лександровной> думаем о Вас с Натальей Николаевной. Привет и поцелуи от нас Вам обоим, и от Ивика. Он мне достал такой бумаги, могу писать пером.

Крепко Ваши, благодарящие, Ольга — Ив. Шмелев.

142

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<3.VIII.1932>***

1932 авг. 3

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Оживаю. Медленно и с трудом, но оживаю. Осмотрели меня всячески — и легкие просвечивали и желудок (какую-то белую глину при этом пил); кровь исследовали; зубы рентгенизовали — *нигде, ничего.* Даже катар верхушки зарос; и в желудке ничего; гемоглобину 98%. Решили единогласно — нейроз; сердца и желудка. Накоплено за всю жизнь, за 5 лет подбольшевицкого сидения и за 10 лет борьбы — не-щадя-живота в эмиграции. Лечить нейроз терапевты не умеют. Надо ждать, терпеть и молиться; да понемногу надеяться; и работать. Что я и делаю. Медленно оживаю; готовлю новую книгу для нем-

цев. А потом и по-русски выпущу. См. на обороте — вверх ногами[80]. *Наоборот — верх ногами.* Главы книги: Вера в Бога. Свобода. Совесть. Семья. Родина. Правосознание. Государство. Собственность.

Пожалуйста, поймайте кого-нибудь, знающего по-немецки, и велите ему перевести Вам *буквально* мои полторы странички. Они писаны с любовью к отечеству и с народной гордостью — да еще в самый разгар нейроза, когда я то молился, чтобы Господь прибрал меня скорее, то думал, что и в самом деле ухожу. Значит, писал я, *как перед Истинным.* Если Вам угодит и Вас утешит, то буду счастлив.

Как мы Вашу «Няньку» ждем! То-то нанесет — вкусно, мудро, сочно, беспардонно и *единственно* в смысле *точности.* Помните, как Пушкин ценил «точность» — высший комплимент был в его устах... Но когда же? И где она появится?

Ответил ли Вам Бартельс: написал ли он, *когда* он выпустит Пеньки отдельно?

Читали ли Вы речь идиота-прокурора в процессе убийцы?[81] Убедились ли Вы, что никакой «второй родины» *нет*, не бывает — и *не может быть*? Из этой речи это просто явственно.

Утешительны, хотя и *не* точны отзывы об Истории Любовной по-немецки. Все мои доктора читают здесь Вас и знают.

Почти все, что Вы обо мне пишете — прозорливо, верно и иногда пророчески точно*. Именно: сжег себя, горел, пока не прогорел — и пошли мне, Господи, если не чистую отставку, то «броню» и покой.

Обнимаю Вас и Ольгу Александровну. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет самый дружеский привет.

Адрес: Schweiz. Zürich. Hôtel Sonnenberg.

Напишите скорее! Мне всякое письмо Ваше — радость! Все письма Ваши берегу; потом выйдут отдельным томом: письма И. С. Шмелева к Ильину. Вот я и увековечен... Карьеру сделаю с того света.

* за исключением кум-пли-ментов!

143

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<6.VIII.1932>***

6 VIII 32. с<ело> Подсолнечное, Смологоннаго у<езда>, Ладной губ<ернии>

Дорогой друг, милый Иван Александрович,

Вот собирался писать Наталии Николаевне, — что доктора сказали? — Вас и беспокоить боялся, как получил Ваше, успокоившее меня письмецо. Слава тебе, Господи! Именно надо было досконально проделать медицину. А это Вы барий пили, знаю эту сметану, на вкус — будто орехи наши сырые, или когда раскроешь толстую книгу, пролежавшую в сыром месте. Попил я этот барий, ба-ры его принимают и денежки за него платят. А с неврозами надо решительно бороться. Без брома не обойтись, и не бойтесь его, уви-дите! Я часто бываю в подавленности и тревоге, места не нахожу, — и уже давно, — и как это мешает работать! Ныне бром признан целителем, а не глушителем. Умоляю, попробуйте заказать аптекарю такое средство: я его начал с полгода принимать, успокаивает. А то — места не находил, ибо мне всякие «рожи» казались, — невыдуманные-с! — которые хотят меня проглотить. О сем знает моя подоплека, жена, да еще кой-кто из близких. И это вовсе не «мания», и не галлюцинации. Но... — на все Господня воля. Так вот, средство это мне дал др. Серов (из рус<ской> аптеки, Rob-Nerval назыв<ается>), но оно мне не всегда по карману, стоит 15 фр. пузырек, на 8 дней, а я взял и списал его формулу и заказываю в аптеке, выходит 6 фр., и ничем не отличается от русского специалитэ: «о з»экстре вежето (aux extraits vegeteaux) — мн. ч! — полибромюре-с-селон ля формюль (polibromures, selon la formule:): экстрэ флюид де (extraits fluides de:): Адонис верн (Adonis vern.), 2 грам. 50, Конволлярия майел (majalis)... — ландышевое-с! — нуль, 50 снтгр., Пассифлоре (-re) — 2 гр. 50; Бромюр-ес-де (Bromures) — бр — Sodium — 3 гр. бр — Аммониум (Ammonium) — 1 гр. 50 с. и бр — Потассиум (Potassium) — 1 гр. 50 с., пур пур-сен (pour %) — аптекаря знают, что это за пур-пурс. Но имейте в виду: скажите аптекарю, что вся эта мешанина должна быть в виде гус-

того сиропа (на сахарн<ом> сиропе) — чтобы было приятно и главное не **скисало**! (благодаря сиропу не буд<ет> киснуть). Принимать 2 — 3 супов. ложки — **не** уполовника, а *кюйер а суп!* пар жур, за полчаса до еды, но можно и когда-угодно. Через три дня Наталия Николаевна найдет, что И<ван> А<лександрович> стал прелестное дитя, милое, послушное, у-мное — ибо бром дает вум! — смотрящее на мир бла-гостно, — ландыш<евый> экстр<акт> регулир<ует> неврозы сердца! Пасси флора тоже что-то обнадеживает, адонис, понятно, уносит в эмпиреи... — помните из Свадьбы Фигары, Моцарта, — «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный... Адонис, лаской женской прельщенный...» и т<ак> дал<ее>? Ис-пробуйте. Рискните заказать на «сиропе»! чтобы как варенье хорошее, тогда не скиснет. Сон дает, боли унимает. У Вас нервные колебания дошли до 100000 сек., а полагается только 8375,2043337... — с периодич<еской> дробью-с. А тогда можете меня ругать. И еще: не ездите Вы в Германию, страну на острие, единственную страну в Европе, — о России помолчим, — коей уготовано после сотрясений великолепное будущее, а за чей счет — не наше дело. Для Вас в Берлине нездорово, Вам надобен воздух чистый, виденье гор, ибо Вы сердце имеете — горé!— и творчество обуяет душу. «О, вы, напоминающие о Господе, не умолкайте!» — Исаии, 62, 6 ст. Сие эпиграфом хочу взять для «Богомолья». Мой Горкин глупенький этим и жив только был; сам того не разумея. А ныне «напоминающих»... ой, как мало! Впрочем, вон Мережковский все поминает, все «Лицо» ищет, и удачно устроился, в соавторстве т<ак> ск<азать> со Св. Духом — прости мне, Господи! Чешет из Писания, шепчет-лепечет, переписывает, закручивает-гадает, и так, и эдак, ан и превеликия книги получаются. Но Пифия сия, как жучок книгоед, — сам только питается-развлекается, да книги портит. И вот, ближе к снеговым вершинам — лучше. Не все ли равно Вам, где жить? Душу укрепите. — Ах, если бы можно было сразу очутиться у гор! — без билетов, виз, трат, тревог! Прославил бы я судьбу. Но мне сие недоступно. А у незнакомых людей жить — **не** могу. «Броню» Вы обретете в тихих местах, а не в берлинском котле, где сгущаются страсти. Папины, ма-

мины... — как все непрочно в этом мире, как случайно! Правда, там военная рука... — пусть проходит время, пусть военная рука оправдает себя, если уж суждено ей быть. Одними военными руками ведь не сделать «миргладь». Мне кажется, что герм. интеллигенция страдает нашими пороками. Кажется, ибо — несведущ. Но есть данные. Вот Том. Манн в интервью сказал о том, что «время старых религий кончилось... идет новая — религия земного, рел<игия> *человечности* (без-человечности!). Социализм, в сущности, должен стать религиозным». Только. Квадратура круга? Как без иглы, ниток и хотя бы простой поскони ухитрится он «сшить штаны — религию человечности» — это его тайна. Очевидно, без хомута и кнута дело не обойдется. Где он учился мыслить? Не понимает, будто, **что** есть ре-ли-ги-я?! Так, порой мыслили Л. Андреев, Вересаев... Очевидно — «отделался» так от репортера? Остались в нем еще запахи от религии, и — изрекает. Где найдет горенье? — к чело-вечеству?! Когда оно, на наших глазах, без религии и «запахов» оной, — гнуснейшее из явлений Жизни?! — Да, правы Вы: «второй родины» быть не может. Я же-вал газеты, тошнило меня... — великолепно все — и защита, и обвинения. О, Достоевский, Толстой!.. Достоевский из сего процесса сотворил бы страшнейшую из страшнейших книг, такую бы бездну показал..! Бывают и ныне «откровения» — смотри, человек, и вразумляйся! Так совокупятся «явления» и «действия», и слова, что лучшего фокуса и вообразить нельзя. В процессе об убийстве Президента — **все** дано — философам, моралистам, простым смертным: смотри, человек! Да ведь тут тот-то «фокус», — «Прест<упление> и наказ<ание>» — азбука, начальная книжечка для чтения! Вулканы извергаются на человечество, а «дворники все песочком посыпают». Конечно, не прокурорам понять «дух», не им ставить отметки народам. Ах, великие мира сего!

Рад был узнать, что новую книгу готовите! Дай Вам Бог сил. Чудесная будет книга: **все**, чего почти уже нет на свете. Покажите же людям, разъясните им эту «Америку»! О, Вы это создадите внушительно. Об одном я позволил бы себе просить Вас, как читатель: наполните эту книгу

чудесами поэзии нашей и мировой, этим великим Откровением! «Два чувства дивно близки нам...»[82] Сколько у Тютчева, у Хомякова, у Франциска, у Данте, у Павла, у... язычников! Там чисто «стихия» глаголила. Да как я смею просить Вас, я, невежда?! Я чувствую, что Наталия Николаевна шепчет Вашей душе. Вспоминаю ее толкования «Домового» и «Пловца» (Ариэль), каж<ется>... Вы созвучны, оба глубоко черпаете. Это — не комплименты, дорогой И. А., а чувство мое.

Бартельсу написал и получил милое письмо: оказ<ывается>, еще 25 мар. пришлет за журнальн<ую> печ<ать>. Пишет, что — «вир берейтен данн фюр ден авг аух ди Друк легунг дер Бухаусгабе фор унд верден Инен данн им Ляуфе дес Авг одер Анфанг Септ, аух дас Инен дафюр цустеенде Гонорар убервейсен»[83]. Очень был доволен письмом, справл<ялся> о здоровье и — не мешает ли моей работе — лишь бы не мешал — недостаток средств. Милый человек. Вам спасибо!

«Няню» все пишу, затормозил, надо очерки для хлеба писать... еще надо из «Няни» листов пять написать, да переписать. Когда? Не знаю. Где печатать? В «С<овременных> З<аписках>», если не забракуют за «продерзости» старухины. Она все «роется» в памяти. Но о страшном нашем почти ничего не говорит. Она «просто принимает», как... стихию, наказание Божие, — разве она политик: она — **житель**. Кульманам я весной начало читал... — говорит Кульм<ан> — эпически-объективно, и через это — си-льно. Нравилось; очень. Боюсь монотонности: не угодно ли, на 12 — 15 листах **слушать** старуху! Это мне испытание. «Человека»[84] слушали, одобряли. «Няня»... — тру-дно. Но у ней решето — голова, а посему — она смешит порой, путает, заскакивает... — ан и «держит»! Но — увидим. Нужно будет — половину выстегну, не жалко. Скажут — черной краской «общество» мажет, антелигенцию... — обвинят еще и в оскорбл<ении> эмиграции? Каж<ется>, оставлю «приработок», и вложусь в роман, т. е. Няню.

Ну, как мы рады, как рады, милые друзья, что здоровье поправляется, что одолеете нейрозы. Но — только бы

Вам хватало на жизнь в покое! Почему я не богатый?! Ваша гряд<ущая> книга — хлеб живой, и Вы его подадите на золотом блюде, дабы вспомнили: «хлеб наш насущный даждь нам днесь!» Вашу статью в журн<але> Эк<карта> **всю** понял, внял ей, счастлив и смущен. Но верно, — из глубин давних правду чую, какая живет в людях, без коей **нельзя**. Это — тот же «хлеб», воочию являющийся через проф<ессо>ра! Жизнь так делает; что казавш<ееся> простым приним<ает> значение Истины, без кот<орой> не-льзя. Целую Вас, все трое целуем. Целую руку Н<аталии> Ник<олаевне>. Господь да пребудет с Вами.

Милый, будьте же крепки, здоровы! Спасибо Вам за все. А что — мои письма! Так, отщелушив<ается> с души.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Забыл: принимать микстуру в 1/2 стак. воды кипяч<еной>!

<Приписка:> Не забывайте, черкните! О Гегеле бы почитать! в Вашем изображ<ении>, а то что посоветуете? Иногда — мы-слей хочу! Отдыха от «дня сего».

<Приписка:> А Богоматерь со мной, и кажд<ый> вечер, молясь, думаю о Вас, друзья!

144

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<10.VIII.1932>***

<Открытка с изображением парохода, на капитанском мостике стоит человек, к нему направлена нарисованная И. А. Ильиным стрелка и подписано:> это я — нейроз лечу.

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Ездиваем вот по озеру; аж всех рыб перепугали — вздрагивают. Получил Ваше последнее письмо. Спасибо. Бром выпишу. Чувствую себя гораздо лучше. Пожалуйста, и не думайте сокращать Няньку. Я уже возмутился и восстал. Только в *крайнем* случае можно сократить для Сов<ременных> Записок. Как с Экартом и Пеньками. А потом непременно печатать целиком. У Вас *лишнего* не

бывает; это Ремизов специалист лишнее сочинять... На днях пишу Вам толстое письмо.

Ваш И. И.

1932. авг. 10

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chmélof
Capbreton (Landes)
France.
Frankreich (Süd-West)

145

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<11.VIII.1932>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Вчера послал Вам открытку с парохода и обещал письмо подлиннее. Хочу добыть себе Ваше нервное средствие, но *патентованное*, за все за 15 фр. для начала. Верно ли я понял, что называется оно Rob-Nerval? Что это за *русская* аптека? Где она? Подается ли это лекарство *и в других* аптеках? Вообще, как лучше его выписать? И еще одно — я что-то боюсь, что это большая бутыль... Куда мне ее таскать с собою в дороге?

Нат<алия> Ник<олаевна> просит Вас написать, что значит «нервные колебания»? Что за число 8575 и т. д. Откуда у Вас все эти сведения? Они не шуточные?

О Мережковском «Лице» Вы написали превосходно и точно. От книги *моей* многого не ждите; она мне заказана на таких условиях: должно быть *коротко*, *популярно*, для моих *туземцев* и под *туземным псевдонимом*. След<овательно> я со всех сторон урезан и крыльев нет больших. Потом, когда по-русски ее выпущу, тогда доделаю.

Постараюсь выслать Вам первый том Гегеля. Он растерзан, ибо я с него перевожу на туземный язык. Он мне *не нужен до октября*. А потом, я Вам пришлю мой адрес, и Вы мне его вышлите *туда*. Если захотите, пришлю Вам тогда второй.

Теперь к делу.

Посылаю Вам письмо, написанное мною Вам *два года тому назад*, но не отосланное: dans le doute, abstient toi[85], что я и сделал.

Посылаю Вам его на следующих условиях. В нем две стороны:

1) проблема «нового поэтического канона», которым надо вычистить пошлость из современной русской поэзии. Эту идею мы можем с вами вдвоем развивать сколько угодно. Даже можно основать «Академию поэтической вседозволенности» и всех пробрать и доконать.

2) Эта идея облечена в *условную одежду* «Питирима Ивановича Равки», якобы изобретшего сей канон. Эту условную одежду я даю *только как материал*, над которым *Вы властны сделать все, что захотите*. Назвать Питирима иначе; исправить его биографию и манеры; создать *совсем другой образ, какой Вам заблагорассудится*. Я заранее *на все* согласен. Только, чтобы можно было свободно развивать его «поэтический канон». Вы можете одни черты, мною набросанные, оставить; другие забраковать. Или же *все* переделать в его очертании. Как хотите. Я потому Вам не посылал это письмо, что совестно было предлагать *Вам* готовую фигуру. А теперь меня вдруг осенило: дать Вам над художественным образом *полную власть*.

Теперь прочтите двухлетнее письмо. А потом *пере*читайте *это* письмо. И через сутки — ибо *даю Вам сутки на размышление* — ответьте.

Вот и все пока. Душевно Вас обнимаю и целую ручки Ольге Александровне. Привет милому Ивику.

Ваш И.

1932.VIII.11
Zürich. Hôtel Sonnenberg.

<август 1930>[86]

Дорогой Иван Сергеевич!

Я все обдумал, взвесил и решил: *поэтическое* общение с Вами я могу продолжать, только в том случае, если Вы признáете поэтический канон Питирима Равки. Если нет — так нет; как хотите!..

Но Вы, впрочем, еще не знаете, кто это такое Питирим Равка и какой у него поэтический канон? Хорошо; я согласен дать Вам краткие сведения.

Мой сравнительно недавний приятель Питирим Иванович Равка, неокончивший семинарист, что не мешает

ему воображать себя попом и так иногда и подписываться. Впрочем, он вообще любит подписи псевдонимного характера. Семинарию он не окончил, но поэтическим талантом ослепил всех еще с детства и прекрасно знает поэзию многих народов. Сейчас ему около 37. Он холост, но почему-то вот уже десять лет называет себя «мо́ло́до́жо́но́м» (должно быть после каждого нового похождения). О своей фанаберии, будто он поп, он проболтался впервые несколько лет тому назад, прислав мне во время своей болезни, когда он мечтал ехать в Италию, и притом именно в Меран, следующее несколько нелепое четверостишие:

Кто приедет раз в Меран —
Тот уже не помиран!
У того пойдет поправка...
Сочинил стихи — поп Равка.

Он, по-видимому, из малороссов, но украинцем себя не считает; напротив, считает себя почему-то северянином и выражает это обычно так: «Мы с Игорем Северянином северяне». Он окает по-семинарски и в одном стихотворении своем поместил даже ремарку: «читается на о́»; кажется это стихотворение называется «Кро́ко́дило́». Он присылает мне свои рукописи и несмотря на очень высокое самомнение все советуется со мною — печататься ему или, как он говорит, «по́во́здержаться». Стихотворений у него много; в некоторых проблески несомненного таланта. Но в других не мало сомнительного и подчас какая-то странная подражательность; эти последние стихотворения он и подписывает как-то по-особенному, напр<имер> Александр Брок, Пучеслав Рыдванов, Святополк Окаянный, и даже Анна Лохматова. Но больше всего его злит, когда его сравнивают с Кузьмою Прутковым; тогда он краснеет, пыхтит и начинает говорить дерзости, ко всякому слову добавляя «кочкина ваша мать»; что уж совсем не хорошо...

О внешности его трудно сказать ясно: он среднего роста, волосы густые, масленые; не то борода, не то нет; говорят, будто он похож на Чернышевского в молодости, а может быть слегка на Добролюбова. Я их обоих в молодости не видал и судить не берусь. Он ходит всегда в длиннополом

сертуке; ногти сомнительные. В поэтическом вдохновении иногда говорит стихами по полчаса и больше *подряд*, экспромтом, редко запинаясь — и всегда просит «позаписывайте, позаписывайте же! Это ж у меня вдохновение».

С год тому назад он прислал мне свой поэтический *канон*; должен сказать, что канон продуман серьезно и почти выдержан в «научной» терминологии. Я очень заинтересовался, а он был страшно горд. Тогда же мы с ним крепко выпили и побратались; и дали друг другу обязательство производить «поэтическое общение» только с теми, кто этот канон (произносит «канон») признает.

Теперь о самом каноне. Изложить его целиком я не берусь. Но вот кое-что существенное — и Вы прямо мне скажете: *можете* Вы признать этот канон, или нет. Вы можете даже не просто «признать» — а написать, что Вы его «ab ovo»[87] и «a priori»[88] *не отрицаете* и склонны признать его новым и интересным. Я так и передам Равке, а он давно уже пристает ко мне «написали бы Вы, это разок Шмелеву-то о моем каноне, может, он и отзовется»...

Основы его канона таковы:

1) «позволительно все, что выразительно и заразительно; все прочее предосудительно».

2) «новое лучше старого; неслыханное лучше слыханного; поэтических ересей нет; выражайся и заражай».

3) «ни за какими ядрами, зернами, замыслами, смыслами, сюжетами, и прочими откровениями не гнаться; они сами всегда тут как тут — *даже наддели*».

4) «грамматика, стилистика, орфография и фонетика — суть условное достояние отживших предков; вдохновению пути необузданы».

Вот четыре главные основы. Отсюда он, как он выражается, «дидуцирует» ряд новых поэтических законов и форм. Таковы, напр<имер>:

1) ***Рифмующий неологизм:***

Напр<имер>: «Эта злая ведьма,
У окошка *седьма*,
Вечно штучки *штучит*
И глазами пучит».

(***NB*** Другая форма называется у него «*неологизм срединострочный*» № 2)

3) *Эмоциональный завой:*

Напр<имер>: «Что за лодырь беспредельный
Этот вялый рукосуй!
О, растяпый! О, скудельный!
А — э — и — о — уй!!!».......
(читать завывающе)

4) *Неосклонения и неоспряжения.*

Напр<имер>: «И купив сто тридцать *плюшков* (Это
Он их *лопнул* сгоряча; склонение
И в уткнутии *подушков* попадается
Корчился урча». часто и у А. Ремизова).

5) *Напряженные переносы:*

Напр<имер>: «Бесконечное дрепло (Из стихотворения
Шло к рождению... «Внебрачная муза»)
Сам не рад я был опло — — — —
дотворению». (напряжение!!!...)

6) *Многозначительные описки:*

Напр<имер>: «Может злостная коррупция
Оглупить и погубить...
Утомленная *интупция* (вместо интуиция)
Мне откажется служить».

7) *Жидимо̀ варваризмов:*
(вероятно jeu des mots[89])

Напр<имер>: «Вот и *Гольднер Лёве** (Из поэмы
*Отелили*** нас... «Пильниц»).
Горечь пива в зеве
Прямо *аус дем фасс*»[90]...

8) *Сокровенные намеки:*
(*Не для дам!*) (оттуда же)

Напр<имер>: «Видим: местный дам — *вшив*
Хер же — вовсе лыс (вероятно *Herr*[91])
И, покинув дамфшиф
Вверх полезли мы-с!»

9) *Строки с загадочным смыслом:*

Напр<имер>: «Слышишь — под водою
Легкой чередою
Странные созданья

---

* (трактир!)
** (поместили в отель)

Ловят мирозданья
Тайные порывы —
А — ра — и — вы — и — вы».... (читать растянуто и нараспев)

Довольно! Вам все должно быть уже ясно. Таких законов и форм он насчитывает до *ста семидесяти*; — потом он их *комбинирует* и делает последний вывод о *поэтической вседозволенности: «вдохновению пути необузданы»*.

Еще будучи в семинарии он утверждал, что «licentia poëtica[92] составляет самое естество поэзии», и имел по этому вопросу пренеприятные объяснения с учителем словесности Ферапонтом Трикратовым. На этом у него собственно и сорвалась академическая карьера. Однажды этот Трикратов, раздраженный его теориями, долго пытался его урезонить перед всем классом, доказывая ему, что «упрямство есть неразумная настойчивость». Равка не сдавался. Наконец Трикратов вспылил: «Дурак ты, Равка! Это хению все позволено, а тебе, олуху, — *все запрещено*!» Равка не вынес этой обиды и ответил: «Кто из нас олух, Ферапонт Ферапонтович, это еще проблёма*); а за вашу лиценцию поэтику я вам скажу — кочкина ваша мать!» — Тогда же его и выгнали из семинарии.

Вообще с Равкою не легко иметь дело. *Во-первых*, у него в стихах попадаются *неприличия* — и в виде намеков, и прямо так. Он их подводит под закон *«поэтического обнажения»* (№ 31). Так, что когда он читает свои стихи при дамах, то я всегда в тревоге. *Во-вторых*, он совершенно не признает, что он может написать *плохие* стихи — и защищает *всякий* свой продукт, как *перл создания*: всякое несовершенство возводит в закон и спорит до пятого пота. Выходит, что «это» — не только дозволено, но еще и *достижение*.

Ну вот, например, в какой-то своей поэме, описывая посетителей горного курорта, он пишет:

«Вот — две леди: сухопары,
Длиннозубы и поджары...
Посмотрели впрао — влео,
И на все сказали: э — о!...»

*) Он и теперь говорит «проблёма».

Положим, англичанки действительно на все говорят «э — о!» Да еще смесью из живота и горла; да еще с чертовским безразличием (это *застывшее* удивление, из коего, вопреки Аристотелю, решительно никакого познания не вырастает)... Но что такое: «впра-о, вле-о»? Он уверяет, что это особый поэтический закон № 48: *«предчувствующее рождение рифмы»;* т. е. рифма третьей строчки, *предчувствуя* рифму четвертой (э — о), во всем ее англо-американском упорстве, — *родится в уже измененном виде* (вле — о). Он уверяет, будто то же самое бывает и в природе и в обществе; «вождь родится в предчувствии своей будущей социальной проблёматики» — и черт знает что еще!

Или еще замечательнее. Чувствуя, что у него в импровизации строчка не выпекается (напр., затеет пятистопный амфибрахий, а выпрыгивают куцые ямбы; или дактили на хореи станут сбиваться) — он начинает чинить прорехи вставками, вдвигая словечки «уж», «ведь», «слышь», «мол», «те», «бряк», «дескать», «значит» и т. под. Я ему раз указал, что это *ситцевые заплаты на фраке.* Рассердился; полчаса меня отчитывал: это, говорит, закон *ритмической интерполляции* (№ 83); действие его состоит

1) в оживлении общения между поэтом и читателем:
напр.: «Он, *слышь*, не целил никуда
И выстрел, *значит*, не беда!»

2) в наглядности рисунка:
напр.: «Я подошел и, *бряк*, сказал
Что это просто, *мол*, скандал
И что *те*, я *те* посажу
И что *уж*, я *уж* докажу» и т. д.

И при этом начинает ссылаться на какие-то свои находки у Некрасова, Кольцова, Бенедиктова и в народных песнях. А надо сказать, что приведенные только что примеры — из *лучших*, потому что взяты из ямбов живой болтовни, а не из дактильной штопки.

Однажды, в эпиграмме на какую-то женскую анафему (не то на Зинаиду Гиппиус, не то на каргу Брешковскую[93]) — он вставил такую строчку:

«Это выдра, мымра, грымза!» —

и оставил «грымза» без рифмы. Я подозреваю, что он просто *не нашел* рифмы, хотя он и уверяет, что *все* имеет свою рифму (даже «яблоня», «косинус» и «мымра»), ибо

«Демиург был ве-ли-чай-шим поэтом». Оказывается и с «грымзой» — новый закон:

«обкармливание мнимою рифмою» (№ 112).

Я сначала спорил, но потом он привел мне свои стихи к поэме Скрябина «***Пер***метей» (он называет ее ***С***перметей и уверяет, что конкурировал с Вяч. Ивановым, тоже сочинявшим текст для Перметея; и будто он, Равка, победил):

Перметей:

«Вы, выдры, вы, мымры, вы, грымзы!
Вы мылами выи повымыли?? ...»

Девы перметеева гарéма:

«Мы, выдры, мы, мымры, мы, грымзы —
Мы мылами выи повымыли!!» —

Это было убедительно, и я признал закон «обкармливания мнимою рифмою»... Ибо в самом деле: какую же после этого еще «рифму»?! Вообще изучение стихов капитана Лебядкина, Вячеслава Иванова, Игоря Северянина, Мари-ны Цветаевой, Андрея Белого, Есенина, Маяковского и других в очень многом оправдывает «дидукцыи» Равки. Поучительны и анализы стихотворений Тредьяковского и поэтов ***до***пушкинской поры. Многое можно найти и у современных парижско-русских и берлинско-русских прозаиков («галло-россы», «гладо-россы», «гадо-россы», «младо-россы», «плодо-россы», «подло-россы», «быдло-россы» и «жидо-россы»). Внимательный историк литературы и зоркий теоретик словесности когда-нибудь подтвердят эти мои указания (напр. в одной газете, в серьезной передовице я прочел: «Рассуждая *с птичьего дуазò*,[94] надо признать, что Внешторг обречен на неудачу»...). Узнав, что эта статья была в Руле у Гессена, Равка установил новый закон *«жидимо еврейское»* (№ 117) и хочет использовать его в поэзии. Он даже набросал что-то вроде *«Эпитафии Иосифу Гессену»*:

«Взлетев на птичье дуазо*
Я взял с собой свое пузó,**
Но позабыл и руль (!) и крылья...
И тщетны были все усилья:

* «жидимо еврейское»
** «закон уступчивого ударения» (№ 92)

Россию долго я мутил
И в эмиграции почил...

В довершение позвольте, дорогой Иван Сергеевич, исполнить второе настойчивое желание Равки и привести Вам целиком два его стихотворения (он называет их не «пиэсы», как во времени Пушкина, и не «поэзы», как в эпоху Игоря Северянина, и «м̀орсо̀»). Какие законы его канона он здесь использовал и применил, Вы увидите сами.

Пробное морсо. № 1
Внебрачная муза

Необузданной поэтессе, безмерно вдохновившейся моими стихами

Душу, грешную (увы!),
Покорив мою,
Забеременели Вы
Легкой рифмою.
И стихи на тот же день,
Недоношеные,
Чрез колоду, через пень
Шли непрошеные...
Выпирало их из тьмы
Биллионами.
И довольны очень мы
Были оными.
Громоздился стих на стих
Просто мы — не дыши!
Но бывали среди них
Также выкидыши...
Ночью, днем, в тиши, в пути
Безначальная,
Нарастала прорва сти — — —
хов скандальная...
Бесконечное дрепло
Шло к рождению...
Сам не рад я был опло — — —
дотворению.
Превратились роды в ад,
В беспардонное,
Но нельзя уж взять назад

Раз рожденное.
Так поэзии дары,
Коль внебрачные, —
Нас ведут в тартарары
Вечно мрачные.

Пробное морсо. № 2
Кавказ

Игорю Северянину, королю и брату.

Врачей я сразу понял,
В утехах зная толк:
Я вещи овагонил
И закупэил щелк.
Экспресс заминералил,
Полезла быть в стекло,
Инсект меня ужалил
И солнце опекло.
Мне стало пылесосно...
Проснулся — поезд стал.
И тотчас влаги росной
Я липко возжелал.
Вокзал постройкой прочен —
Обыденный вокзал...
И весь зачерноточен
Мухáми главный зал.
Вздыхает газетёрка,
Копейками брянча
Каретная шестерка —
И бабья саранча.
И запах иодоформу,
Карболовая вонь.
Я вышел на платформу
Спасти свою обонь.
Обдумывал поэзу
И сразу изнемог —
Почуял острорезу
Внезапно желудóк.
Отдельный вход для мýщин,
Своя для женщин дверь...
Жандармом не допущен,

Я мучался, как зверь.
Потом ходил к буфету
И к буфетерке льнул;
Коньячиться поэту
Гарсон подстулил стул.
Смотрел, как бутербродит
Подбрюченный студент;
Как сторож мимоходит —
И смаковал абсент.
По знаку шефдегара,
Продрюлил кондуктор, —
И локти кочегара
Зауглили мой взор.
И поезд кисловодит,
И жалит зло инзект.
Язык мой кисло водит
В защечности конфект.

Святополк Окаянный.

Теперь Вы, дорогой друг, в курсе дел. Я долго отказывал Равке и не писал Вам. Но Питирим Иванович действительно обладает «неразумной настойчивостью» и упросил меня написать. Он, кстати, был у меня тут проездом из Парижа (просил Недачина принять преподавателем в гимназию леди Детердинг, или по его произношению Дети-ринг и, получив отказ, уехал опять к себе в Сербию). Она будто о «детях рдеет» (радеет?).

Так вот, ответьте, что сообщить Равке и имею ли я отныне право поддерживать с Вами поэтическое общение, будучи последовательным Равкианцем и Питиримщиком.

Ваш И.

146

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<15.VIII.1932>*

15 авг. 32.

Дорогой друг, Иван Александрович,

Прежде всего — бесполезно выписывать лекарство, и дорого, и долго, еще, пожал<уй>, пошлину возьмут, хотя и можно, как «échantillon»[95]. Мне сделал местн<ый> ап-

текман точь-в-точь, ибо, по его словам, это же самое простое дело, и вм<есто> 15 фр. стоило мне — 6. И то же количество, не «бутыль», а 180 grm.

Извольте немедленно заказать. Списываю с «официального» флакона — «specialité», — *все*, что стоит: «Medication antispasmodique et antinerveuse. Rob-Nerval, «Stella» (это фирма русск<их> врачей, кот<орые> хотят тоже кормиться! и сами взялись за «specialité») aux Extraits vegetaux Polybromurés selon la formule, Extraits fluides de: Adonis vern. 2 gr. 50, Convollaria m. 0. (ноль) gr. 50, Possiflure — 2 gr. 50, Bromures de: Sodium 3 gr 00. Ammonium 1 gr. 50. Potassium — 1 gr. 50. pour %. Doseset mode d`emploi, 2 à 3 cuill. à soupe par jour, prises anec un 1/2 verre deau 1/2 h. avant les repas (можно когда угодно даже), selon en priscription du elledicin. Пейте первые дни 3 раза, а через 3 — 4 дня по 2. Уви-дите, к<а>к следует пить. Laboratoires (если хотите щедриться (по Равке!) «Stella», L. Danzel, Dr. en Pharmacil, 1, rue Daru Paris (8-e). Это — Pharmacil de la Néva). Я принимал флакон, сдел<ал> здесь фр. апт<екма>н в теч<ение> 8 дней (6 фр.!!). И вкус, и действие то же самое. Приготовл<ение> легкое. Только скажите, что надо сдобрить, т. е. на сахарн<ом> сиропе, чтобы не скисало. Консистенция — как жидкий сироп от варенья, аптекаря знают. Или знак<омому> доктору скажите воспроизвести сей рецепт, — больше уважения будет. Сбережете деньги, время, здоровье. Ибо — самое главное, в наше поганое время не след выписывать лекарства почтой, какая-ниб<удь> дрянь попадет, прокиснет. Прислали мне из Италии компримэ[96] (года 1 1/2 тому), принял штучку — резь в желудке стала. Плем<янни>ца попробовала принять — то же. Бросили. А Амф<итеатров> оч<ень> хвалил, по его просьбе мне Миланская лабор<атория> прислала, за 18 — 50 фр. (Компримэ из как<их>-то желез животных). Закажите на месте! Я — челов<ек> мнительный. Из свежих веществ сделают, лучше.

А теперь — машинкой, разучился перо держать, да и в пальцах ущемление, от погоды, что ли — мление? И еще, чтобы покончить с важным и срочным, — на запрос Наталии Николаевны: ну да, конечно, не шучу: у Вас,

дорогой И<ван> А<лександрович>, сссто тыщ вибраций нервов в секунду, а надо хоть чуть поменьше, и сие сделает бром и присные. Вот-с. А число с дробью — **от интуиции**-с[97]. За Гегеля заранее благодарю, начну умнеть под дожделитье и перестану выть я, выть я... Безграмотен, как лысый бес, а в философию полез! О Гегеле я знал — без меры: во-первых, умер от холеры, а во-вторых, что Гегель был, а в-третьих... Гегель... Гегель!.. Ге-гель..? Его племянник, некий... Шлегель? Ну, да... конечно... позабыл. Нет, вспомнил... где-то на Волхонке, в те дни, когда ходили «конки», какой-то Шлегель где-то был... На вывеске, портной военный! жидище рыжий, здоровенный, и с мордой ки-слой, как лимон, а назывался — Соломон. Бывало, крикнет — «айй, Абраска! подай воротника, бараска! мы им присъем таким манер, сто штанет сучий кавалер!..» Спросил я раз — «вы, правда, Шлегель?» «Ну, сто такой... — ну! Слегель-сон»... «А вам не родственник... **тот** Шлегель... который тоже вон, как Гегель..?» «У нас в Варсаве Янкель Мегель... Еще з Бердичев Мингельсон... Абраска, скоро бруки гладил? Самсон из Гомель? Якобсон?.. Синелька васа длинновата... Абраска, нозьницы!.. Сто, вата?.. Ви говорите — плоховата-а-а.. От самый лутцева фасон!» Портной военный, Шлегель-сон. — Так вот, очень рад освежиться, прочистить мысли, высадить из души всю погань и пыль современности. Осчастливите. Будь я богат, я бы теперь всех мудрецов перечитал бы! Лежал бы — и читал, влежку. Правду сущую сказали Вы в предисловии к «Пенькам»: именно, разве **недра** народные **чую**, и от них попросту взываю. Вот, теперь нянькой стал, так и хожу в салопе со стеклярусом, в шали ковровой, и ною, ною, нараспев сказываю, не то жалуюсь, не то воздыхаю, хоть и в Америке этой побывал, — вот моя «философия».

В раже от «Питирима Равки»! У-пи-вался, за животики хватался. Чудесно. И ехидственно, и великолепно. Неприкосновенно. Лучше нельзя. Именно — из семинаров, и волосат, и — проблёма, хе-ний! «Поэтический его кА-нон неисчерпаем». И отку-да сие?! Все можно охватить. Северянит неподражаемо. Для Вас это наилучшее отвлечение-отдЫхновение. Буду жаждать. И посильно

откупОривать. Удивительное дело! Мыслители неумолимо-закономерно чувствуют потребность «прокатиться» и «прокатить». Влад. Соловьев — как, бывало?! Но на сие способны — только — УМЫ. И... — всурьез-то! — недоумы. «Стегай умом недоума — вЫумиться!» — мор-со-с! У меня поп был серпуховской — приятель, выпивали на Оке. Бывало, вот откупоривает — ум-ница был! — не записывал я, дурак. Помню:

На камени — яс-треб, — п-шел!
Ногами не я с треб — шел!

Да, частенько с треб шел не ногами, а... ро-гами. — «Внебр<ачная> муза» — чудесная физиолого-словесность. Храните, копите... Издать бы!.. Хе-ний — Питирим — Пятирим Равка. Иван Александрович, родной, снабдите, пощекотите дух унылый и хромой, — это — очищение, духа лущение, — чистеньким выходит, как из баньки водной, воглагольной, к<а>к мой Горкин говаривал. У меня все, все Ваши письма, до единого, целехоньки. Когда меня охватывает «паутина», я их перечитываю навыхватку. Ваши прошлогодние швейц<арские> панорамы с четверостишиями — освежающие лепестки жасмина — лю-блю жисминчик! С О<льгой> А<лександровной> читали вчера «толстое письмо» — Ивик полупонимал. Но сколько же в Вас чудесных, шампанских иголочек-газочков! И щиплет, и колет, и бодрит, и калит, и голову вертИт! Этим «смехом» можно излечить все нейрозы — и расцветут в душе розы. Значит, 2 — 3 ложки — брошки[98], — сонет, куплет, камуфлет. Опять — брошки две ложки — про-блё-му! Знаете, что? Вы **должны** бы написать по-э-му. В прозе ли, в стихах ли... роман, — должны. Вы что-то исключительное напишите. Особые — «Мертвые души». С такими «щупальцами», да не **дать**, не копнуть?! Только не думайте, а — с Господом. Это будет то-же очищение, духовное, дезинфекция. У Вас — в Вас — хаос бурлит, чую. Дайте выход кипенью — в образах. Что Вы — Гений — несомненно для меня. Это — внутреннее, *чуянье* мое. Весь блеск Ваш, вся «игра», вся мысленность Ваша должна сгуститься в **чем**-то **едином**. Господи, да будь Россия, подлинная, да Вы теперешний... — сколько бы радости разлилось в Вас в просторы ее **чистые**! Знаю, Вас цветами

забрасывали, Вас молодежь любила... — что бы теперь **творилось** и — творилось! Господи, да приидет Царствие Твое! Целую Вас, милый друг.

А «Няню» — и продолжаю, и правлю, и переписываю. Когда — что. Мож. быть, пришлю Вам с Наталией Николаевной — кусок, стран 50 — 60. Не знаю, все сомневаюсь и трепещу. Да **туда** ли я заехал?! Ну, что выйдет.

В начале июля получил п<исьмо> от Ел<ены> Ал<ексан>др<овны>. Милый она человек, все надеется и зовет. Да вот, написала, что ученица ее дочери — по музыке, девочка, едет к отцу — идейному ком<мунисту> — в Москву, погостить. А этот ид<ейный> ком<мунист> швейцарец — очень хороший человек, де, только увлекающ<ийся>, идейный. Все бросил, отказался от удобств. Ох, «идейные»... Тут самое-то страшное и суть. От них «все качества», вплоть до... паранойи. И мне не понравились сии строки. Очев<идно>, Е<лена> А<лександровна> — милая антелегентка — времен Очак<ова> и покор<ения> Крыма. И — не ндравится мне сие. И до сего дня я не отвечал ей, перо не хочет.

Обнимаем Вас с Наталией Николаевной, братски, крепко-крепко, все трое. Не забывайте. А брошу принимайте, по 2 — 3 лож. Да закажите сами.

Ваш неизменный Ив. Шмелев. — «Вольный академик».

По-моему Мережк<овский> должен теперь написать на главу из Бытия ро-ман-исследов<ание>: Том Вторый: Тайна 3-х: Падение: Адам, Ева, Змий. Флирт ли Евы? Смысл флирта, с религ<иозной> т<очки> зр<ения>. Адамова ревность, к<а>к первое проявл<ение> своеволия. Древо — древний — дух-древо. Тайна Древа-познания. Почему змий был стоячий? Где о сем намеки. Секрет обольщения. Змий — Спермит, термит, гермит, гермафродит. Не символ ли тайны пола? Грех, как проблёма познания. Атлантида — Рай — Змей. Почему «*е*»? Адам и половое самосознание. (И все исходит из десяти строк Библии) — Плод — плоть — воплощение — вплоть. Два в плоть едину? Почему — едину? Ад-Лант-Ида, Изида. Медный Змий. Проблема Адам<овой> головы и главы Змия.

И. Ш.

<Приписка:> Продолжайте озёрство. Сиречь — леманствуйте! Открыточку получил!

O + zéro = O? (Из Мережков.)
Озеро — Озирис — Озирит.

147

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<между 16 и 25 августа 1932>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Пишу Вам с Риги (гора на Фирвальдштеттском озере). Сегодня после ужина в темноте влезли ночевать на самую верхушку. Высота здесь 1800 метров. Воздуху!... Луна! Разбудят нас завтра в 4 1/2 утра; будем смотреть восход солнца. Во все стороны обрыв. Письмо Ваше принесли с собой, сейчас будем перечитывать. Завтра же сообщу Равке, что Вы одобрили его канóн и вступили в нашу поэтическую академию. Боюсь, взбесится, лопень, от радости и вправду вообразит себя «хением». Лекарство закажу, как только спустимся. Мы тут на Риге пониже устроились, на высоте 1600 м, и просидим еще 2 — 3 дня. Рахманинов под горой; видна его виллочка. Будем у него обедать. Спасибо Вам за милое письмо. Будем развивать канóн и академию.

Вам всем душевный привет от нас.

Как только от Равки будет ответ — пришлю. Но он, наверное, потребует оказательства и доказательства *от Вас*: открытия новых законов пбэтических и потом реализаций, осуществлений, до-сти-гений. Он и то последнее время ко мне приставал, почему я «не выпячиваю своих достижений» (это словечко он подхватил из советских стенографических протоколов). Я ему говорил: «Что же я, Питирим Иванович, выпячу достижение, а окажется одно неприличие». Он хохотал и все уверял, что «всякое достижение вполне прилично» и что вдохновению пути необузданы.

Придется и впрямь что-нибудь выпятить. А как Вы этого пустолая Мережковского припечатали — насчет змия — змея etc.!!

Будем счастливы прочесть «Няню» хоть кусочком. Ради Бога пришлите, как только можно будет!!

PS.

Гегель был послан одновременно с толстым письмом, заказной бандеролью. Дошел ли он?

<Приписка:> Рассказ о Шлегеле учу наизусть!

148

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<26.VIII.1932>*

26 августа, 1932. Постельное положение.

Дорогой друг, Иван Александрович,

Поднялся написать Вам, сердце приказало. А то, вот уже 4-й день я в горизонтальности обретаюсь: опять схватили боли, все те же, выворачивает желудОк, в узел вяжет тишти, — старая история. Заметил: как погода портится — пошла малина. Попьешь молочка два глоточкА — могу на десять минут превращаться в перпендикуляр. Но — прочь, мрачныя думы! Итак, Вы взобрались, ночевали, созерцали, восклицали, — в каком это романе Тург<енева> герои тоже лазили на Риги? Не помню. Ася? Дым? Не помню. Эх, не видать мне Божьей красоты, как своего сердца! Но я не завидую. Мало ли красот... Еще бы я хотел Италию повидать и — Святую Землю. Обедали у Рахманинова... — а, сэ кельк-шоз![99] Ни-когда не слыхал его, только в чужом исполнении, да и то в... радио. А это все равно, что морем дышать в кино. Но и то — упивался. До содрогания. Вот, мастер... О, мечта-мечта... Не знаю его, а **понимаю**. Он мог бы изобразить Россию в музыке. Создать величайшую музыкальную поэму... и тихое, как благовест у Троицы, вечерний, и «богомолье» наше, и — страшное наше. Я — дикарь, не знаю музыки. Но грезится мне, что — так. Симфонию... Я замираю, когда слышу в радио — из Испании как-то — 12 год Чайковского. Чудесны Рахманиновские «Колокольчики», каж<ется>, — Эдг<ар> По. А на шиллеровский колокол — есть музыка? Д<олжно> б<ыть> есть. Ну, заврался.

Только сегодня, тупо вглядываясь в нем<ецкие> строчки, я отыскал статью Арт. Лютера о себе. Словарика нет, так... — домекал. А я, ведь, ему так и не написал, не поблагодарил, ибо **не** знал о статье. Я написал ему в свое

время, поблагодарил за прекрасный перевод и за внимание... а вот, вдруг и нашел, т. е. мне Кульман письмом дал знать — он еще путешествует, скоро прибудет сюда. Лютер верно **взял**, — Вы ему, полагаю, помогли так истолковать мою работку. Благодарю. Мой англ<ийский> переводчик давно переводит повесть, плохо переведенную кем-то. Но все — в проекте. Когда получу хоть сколько-нибудь, чтобы хоть полежать спокойно? «Няню» писал все время, пока не свалился. У меня готово начисто 100 страниц (еще будет не меньше). Но я страшусь посылать Вам, утомлять «дурой». Да и боюсь, не зная точно, *куда послать*. Пришлю страниц 50. Ох, истомила она меня, боюсь — длинно будет, ску-у-чно! Но дальше все нарастает, будто, «хавос». Об Америке писал... Закачаются читатели русские, а иностранцы и совсем одуреют. Ведь язык-то не передашь, а в няньке язык — 50 прОцентов! А то — голо, мелко. Стыдно мне Вам посылать. Но если прикажете, — я же и навязался! — пришлю. А Вы мне по дружбе, всю правду. Я тогда и отойду от няни. Такое, порой, состояние духа, пальцем бы не двинул. Ведь все — впусту-ю. Ведь, «всем плевать на все», — вот знак времени. А уж про литературу и говорить нечего. Дайте-ка поинтересней. Положим, и раньше было приблизительно так... но ныне — зараза «занимательности» — всеобща.

Гегеля обрел, спасибо. О, трудновато мне... но тщусь. Лежу и «объективируюсь», в «абсолют» карабкаюсь — постичь. Ну, и мудрец Вы! Надо же такие Гималаи одолеть! А Вы на них, как маэстро с ракеточкой на площадке. Учусь мыслить. От... «болота» да к... Гегелю! Помоги, Господи.

Утешьте вИдением швецаровым. Получил письмецо от арх<иепископа> Анастасия. Не находит слов, говоря о Вас. Он — умница, тонкий пастырь, культурный. Понимает. Я с радостью читал. Набирайтесь же сил, отдыхайте, швейцарьтесь, — и да пребудет Господь с Вами обоими. Поцелуйте за нас Наталию Николаевну. Будьте здоровы, дорогой. Иду — в горизонтальность, невмоготу. Надо отлежаться. Эти периоды у меня иной раз бывают по месяцу. И ко всему пропадает вкус, даже и к чаю с хлебом.

Ваш преданно, и радостный, что обрел Вас на пути горькой жизни, —

Ив. Шмелев.

149

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<27.VIII.1932>*

27 августа 1932 г.

Адрес: Schweiz.
Berner Oberland.
Grindelwald. Hotel Central-Wolter.

Дорогой Иван Сергеевич!

Случилось то, чего я опасался — Равка с радости ошалел, напился и написал Вам моветонное письмо. Что же делать — такая натура! И мне тоже накатал послание. Посылаю Вам его (с позволения сказать) эксцесс, ничего не исправляя и не меняя. В исполнение его неотвязчивой просьбы посылаю Вам одно его «морсо», которое он особенно любит и целыми днями распевает на мотив «Круговой поруки» («С ружьем в руке охотничек по полю проходил»). И при этом всегда фальшивит.

Мы сейчас в Гриндельвальде, в Бернских Альпах. Высота 1030 метров. Сегодня ходили к леднику — страшенный! голубой! грязный! висит и непрерывно под себя пускает! Хорошо, что Равки не было — уже он бы сочинил какое-нибудь морсо.

Душевно Вас обнимаю. Со стихами равкиными поосторожнее. Там не все прилично.

Ваш И.

Сон.

Посвящается русским народникам.

Объевшись раз за ужином,
Я видел странный сон: —
Народники по дюжинам
Всходили на балкон.

Речами несуразными
Мутили всякий сброд
И бородами грязными
Трясли на весь народ.

Кричали, что «инструкция
Нужна для разных дел»,
«Аграрная продукция»
И «черный передел»...

Кричали, что их партия
За власть возьмется, коль —
Народу выйдет хартия,
Земля, и хлеб, и соль.

Пройдет Руси бессилие,
Дадут деревья фрукт,
Начнется изобилие,
Размножится продукт...

И только что «размножили» —
Слышна вдали гроза:
Дороги словно ожили,
Идут, скрипят воза...

Чтоб угостить народников
Продуктами земли,
Двенадцать тыщ охотников
По бочке привезли...

И сами — все на корточки...
Ах, нет на вас пути!!*
Пришлось открыть все форточки,
А самому уйти...

---

* Это для детей и дам. Для взрослых иная редакция: «Ах, м... вашу...!»

И что же в назидание
Осталось от всего?
Страдало обоняние!
А больше — ничего...

<Письмо Питирима Равки:>

Достоименитейший и всеобщеизвестный
Иван Сергеевич!

Утешили! Прямо скажу: утешили и обрадовали! Наконец-то наш професор разрешился от бремени и написал Вам о моем *каноне*! Все откладывал, откладывал, 2 года уже. И чего откладывал? Трусил за меня, что ли? Ведь изобретение-то *мое*, а не евоное! Ну, не понравилось бы, и беды ему нет.

Но теперь нас уже ТРОЕ АКАДЕМИКОВ! Мы совокупимся усилиями — и все попрем! Мы распустим такие Буни, мы наделаем таких Мережков, подпустим таких Алданчиков, что всех об Ремизим! Каноны мои, каноны! Выражайтесь! И заражайте!

Смачно — сочно —
Хоть двустрочно —
Толстым квачем —
Набулгачим —
Вдохновимся и взыграем —
Нагло набелибердяем —
Всех поэтов мы обставим —
Удивляться мир заставим —
Эй, поэтицы — каракатицы,
Литературные пустосвятицы!
Худо-севичи пусто-певичи
фрррррр — щелк! На обеи ЛАПАТКИ!

Нобелять-то нам же всем-то уж вряд ли придется, но накобелять-то мы сумеем!

Гип, Гип, Гип — — иус! — ура!

Присылайте скорее Ваши академические материалы, а я буду присылать свои. Я же ж давно говорил — Гению Пути не заказаны. А профессор-то наш все не верил. На радостях пишу и ему, чтоб он Вам послал из нашей с ним коллекции;

Ах же какие у нас скопляются морсы!
Тезоименитейший, молю! Рожайте необузданно!
Поймите — все же дозволено!
Даровитейший! Жду от Вас эксцессов академических!
До свиданьица-с!
Ваш Вдохновенный
Пети-Пити-Пяти-без пути мы не его Рим Равка

Рим

(от радости усидел красного — 3 бут.
пива — 4 бут.
грогу — 3 стак.) Итого — 10 штук.

Пишите мне на профессора! Ура!

150

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<до 5 сентября 1932 г.>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Только что отправил Бартельсу расширенное предисловие к отдельному изданию «Пеньков». Беспокоит меня, верно ли я указал год Вашего рождения (1873). Условились с Бартельсом так: *Вы от себя немедленно* посылаете ему открытку такого содержания: *год* и *Вашу подпись. Больше ничего*. Напр<имер>. 1873. I. Chmélof.

Это чтобы Вам облегчить дело. Он поймет. Посылаю Вам отсюда несколько видов. Мы на этих высотах не были (это трудно!) и этих красот и ужасов сами не видали.

С нас и того довольно, что так видно.

Ваш И. И.

<Приписка:> Очень огорчают меня Ваши боли! каждый раз хлопаю крыльями и не знаю, чем помочь. Вспомните *Куэ*!

151

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<5.IX.1932>***

5 семтембря 1932 г. 8 ч. у. Восстав от сна. Погода — хрусталь—сентябрьский.

Дорогой друг и Академик, милый Иван Александрович,

«Аксюшкина мать собиралась помирать, помереть не померла, — только время провела!» — и очень скверно

провела. Недели две я пребывал в мучительно-горизонтальном положении, порой превращаясь в дугу и даже в баранку. Крутило так, что... не до академизма: не мог встать и присесть к столу, чтоб хоть нужное письмишко начеркать. Вылежался, боли поотпустили, и весь заряд стихотворчества ушел в место — неудобь-называемое. Что было? Не то я клубок проглотил, не то было прохождение желчных камней, не то иссыхание кишек. И — все знакомые симптомы. Надоело. Так что и роман не продолжал — туман-боль была и в животе, и в голове. Но все же три дня тому написал изд<ателю>, подтвердив год рождения, Вами правильно указанный. Сердечно благодарю за любовь, которою одаряете грешного раба Ивана, за Ваше «слово о творчестве» сего худоумного писателя. Ах, дорогой! В муках воспринял Вашу книгу о философии Гегеля, чрез муки. Впивался в мысли — и сознавал, сколь же я малограмотен! Вы с Гегелем орудуете, как с рапирой мастер-фехтовальщик, все Вам ведомо, а у меня глаза на затылок лезли. Но — воспринял кой-чего, и узрел, что... чудесное построение искусного и творчески-вдохновенного ума... но... — только, только по-стро-е-ние. Не нашел я в нем ни упора, ни услады. Чудесное строение из противоречий, верченье в пустоте, в непроглядности, в... пространстве, где взлетам мысли нет пределов, но и нет упора. Потом, закончив чтение, смотрел на вечернюю звездочку, и голова кружилась. И поскорей отвернулся, и, скорчившись, залепетал-заблеял косноязычно: «Трое вас, трое нас... помилуй нас!»[100] И подумал: в такой-то «гармонии» и нереальной реальности... Гегель помер от холеры! В «Понятии» — помереть от холеры! Интересно, когда «холера творила», как Гегель созерцал «Понятие», которое свершало свое раскрытие в средствах «чувственного существования»?! Читая, я то исчезал, то снова реализовался. В общем, я был весь **смят**. Очевидно, я не готов воспринять Гегеля. Надо мне в приготов<ительный> класс. Хочу прочитать историю философии, но какую? Читал, и много читал, и **все** — испарилось, смешалось. Нет, мне надо махнуть на себя рукой и ... — «трое вас, трое нас — помилуй нас!» Порекомендуйте мне, прошу, русскую книгу о философии

Платона и Аристотеля. Но как уче-ни-чку. Читая Ваше о Гегеле, многое легко воспринимал и забывал о болях. Но, каюсь, многое и не мог освоить. Требуется подготовка мысли. А я, как девица в кисее, пробующая пройти в зарослях шиповника и калины. И все — тррр да дррр... да пыссс-цррррр! И видать голенькую в цапинках...

Скажите, куда мне послать книгу Вашу, потрясшую меня ужасом, какие же умы бывают! Я чувствую то счастье «постиженья», которое Вы переживали, **зная** так «виденья Гегеля»! А у меня нет глаз и нет такого счастья. Куда послать и кусок моей «детской» няньки? О, как я беден, как я наг, перед **мыслью**! Я пяткой мыслю, и вовсе я даже не «мыслящий тростник». А скрипящая пятка, стоптанная, глупая из глупых!

«Сон» — великолепен. Ай да «Равка»! Бравка. Надо все «партии» определить, скажите Питириму-Ванычу. «От царевых штоп оков Русь избавить, Милюков...» и т. д. рифмы — таков, был таков... Маклаков... дураков... — Ривка уж смогёт. А я весь исшел за эти две недели «помиранья». — Потрясли открытки — виды Швейцарии. Истинно — и красота, и ужас. Но серны, к<ак> будто, подделаны. Как их могли снять? Они при-деланы. Но каменный поток-хаос...! Велики дела твои, Господи! Нет, не постигнуть, не создать познанья **всего**! Мы только царапаем ноготком под горой. Как с пятью чувствами постигнуть вне-чувственное?! Как приготовишке познать хотя бы бином Ньютона?! Играем «в песочек» на песочке. Придет нянька и скажет: «ах, стервец, опять штанишки испакостил!» Нашлепает и поведет, с ревом. А уж собачка лапками что-то в этот песочек зарывает... Лежа, я над созерцанием ипомеи-вьюнка на те<р>раске голову потерял! А как поглядел внутрь, а как понаблюдал, чего шмель разделывает — ибо пчела с вьюнком совладать не в силах, — ахнул! «Трое вас, трое нас... помилуй нас!». «Мама, какой я мост сделал из песочка!» — кричит мальчуган на пляже. Мама, потягивая гладкую ногу, сковыривает «мост». Рев. Так рушится «философская си-сте-ма». О, простите суемыслие, обывательщину, бессилие! Но **чую**, какая же сладость в пости-же-нии, когда ощуща-

ешь Полет Мысли, полет-паренье Духа! Вы — счастливец, Вы соучаствуете. Я — сапожник, зашедший на минутку в аудиторию, где... понятны ему лишь торчащие ботинки под партами.

26 августа ст. ст. — Наталии. Поздравляем дорогую именинницу, а Вас — с Ангелом-хранителем, и пошли Вам Господь здоровья и всяческого благополучия. У нас Ивик — Ивестион, как мы его окрестили вм<есто> Ив, — тоже в сей день именинник. Так что тет-Оль будет печь пирог. И вспомянем Вас, чавкая. Приезжают сегодня Кульманы с под-гор, полечившись, поотдохнуть. «Щастливые швецары»... «Там отдохнем» — как Соня чеховская.

Сейчас снял два вьюнка, посылаю эти колокольчики осени. Как нежны, свежи они утром, как звенят неслышно! Какая неуловимость живого сока в них, какое серебрецо их тычинок, с налетцем свеже взрезанного снежного арбуза! Снежного... — знаете, эта «поволока» инеем по розовому. А тут — серебрецо. О, вечна возвращающаяся юность цветенья! Принимай — внимай — вникай и — приникай. Да будет благословен Создавший!

Будьте здоровы, милые, да хранит Вас Бог. Все мы душевно с Вами.

Ваш Ив. Шмелев.

Крепко обнимаю братски.

<В конверт был вложен засушенный цветок вьюнка>

152

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<24.IX.1932>***

24 сентября 1932 г.

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Посылаю Вам окончательный текст моего предисловия к немецким «Пенькам». Посылаю его в немецкой гранке (которую оставьте себе) и в почти дословном русском перепертии, которое я сделал сегодня нарочно для вас. Перепертие неважное — я бы по-русски изобразил лучше; но это Вам как бы подстрочник. Пожалуйста, не благодарите!

Мы находимся в Лугано. Почта здесь очень аккуратная и мы *очень* просим Вас — пришлите сюда сколько только можно от «Няньки». Очень хочется ее послушать здесь в тишине. *Пожалуйста, пришлите поскорее! Оба очень ждем!*

Гегеля *не* присылайте. Прямо в Берлин! Я Вам пришлю адрес из Берлина, когда туда вернемся.

Как я жалею, что мы живем далеко. Я бы и Гегеля Вам преподнес *устно,* и *греческую философию* в виде ряда *личных докладов.* То-то мне была бы радость! И *Сократа* бы особенно! Да за одно бы уж кое-что и из Шеллинга! Эх!

Очень советую: не читайте *о* Платоне. А *самого*. В парижских библиотеках Вы *наверное* найдете Платона в хороших русских переводах:

или Карпова

или Вл. Соловьева и Серг. Трубецкого (изд. Солдатенкова).

Каждому диалогу и тут и там предпослано вводящее предисловие. Его совершенно достаточно.

Диалоги Платона лучше всего прочесть в таком порядке:

Апология Сократа
Критон
Федон — духовной радости
Пир — 2 пуда!
Федр

Большую радость Вам даст гениальный Карлейль «Герои и героическое в истории». В Тург<еневской> библиотеке[101] в Париже наверное есть в русском переводе. Затем очень советую Декарта (легко!) — «Discours sur la méthode[102]» и «Meditations[103]» (есть и по-русски). Очень хорошо прочесть Феофана Затворника — «Путь ко спасению».

Великолепен Шопенгауэр: «Афоризмы о жизненной мудрости» — есть русский перевод Айхенвальда.

Великолепен Сенека. Наверное, есть по-французски. Особенно «О божественном Провидении».

Наглость моя простреться до того, что я Вам пришлю из Берлина: Ильина. Религиозный смысл философии.

Знаете ли Вы нижеследующее стихотворение графа А. А. Голенищева-Кутузова[104]:

«Бывают времена, когда десница Бога,
Как будто отстранясь от мира и людей,
Дает победу злу — и в мраке смутных дней
Царят вражда и ложь, насилье и тревога;
Когда завет веков минувших позабыт,
А смысл грядущего еще покрыт туманом,
Когда глас истины в бессилии молчит
Пред торжествующим обманом.
В такие дни хвала тому, кто, с высоты
На оргию страстей взирая трезвым оком,
Идет прямым путем в сознаньи одиноком
Безумия и зла всей этой суеты;
Кто посреди толпы, не опьяненный битвой,
Ни страхом, ни враждой, ни лестью не объят,
На брань враждующих ответствует молитвой.
«Прости им, Господи, — не знают, что творят!»[105]

Эта вещь утешала меня не раз. Впрочем, у него есть и другие, утешительные вещи.

Начал в Возрождении 2 серии статей:

1) Кризис демократии. Будет статей 5.

2) Об искусстве. Будет *много* статей.

Первая «Что такое искусство» отослана; она посвящена Рахманинову. Вторая «О критерии художественности»[106] написана, посвящена Метнеру. Третья «О художниках» еше не написана, будет посвящена Шмелеву.

А читали ли Вы две мои статьи в Белградской газете «Русский голос» от 5 и 12 июня 1932 «Откуда соблазны»; на каждой была надпись «Ивану Сергеевичу Шмелеву»?

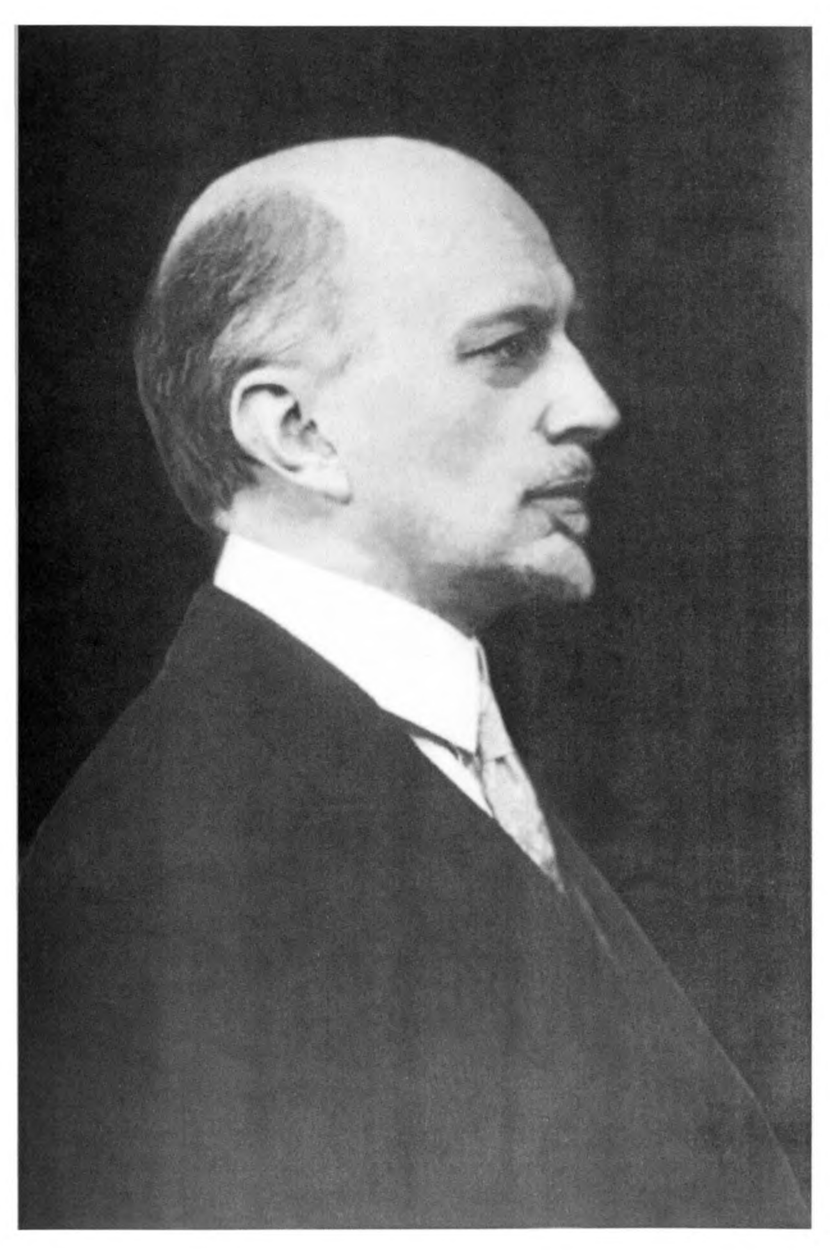
Но будет болтовни и хвастовни!...

Обнимаю Вас и целую ручки Ольги Александровны. *Напишите, как Ваше здоровье*? Получили ли Вы деньги от Бартельса (главную сумму?).

Наталья Николаевна шлет привет Вам обоим.

Надеюсь, Вы *не* посвятили Кульмана в историю Питирима Ивановича? Ведь он разнесет по всему Парижу!!

Ваш ИАИ.

И. А. Ильин. На обороте фотографии надпись: «Другу мудрому, зоркому, светлому Ивану Сергеевичу Шмелеву. 1931. Апр. 25. Севр.»
Из частного архива Ивестиона Жантийома (Безансон, Франция)

Дорогой!

Изъ самой сердечной и духовной глубины шлю Вамъ благодарность за чудесный разсказъ „Свѣтъ Разума". Это самое необходимое, это самое живое, это незабываемое! Истинное искусство всегда философично, всегда метафизично и религіозно — горитъ, и жжетъ и очищаетъ душу. Я не одинъ разъ перечиталъ Вашъ разсказъ; и душа плакала слезами умиленія; а воля крѣпла.

„Сухая слезинка, выплаканная въ тьмѣ беззвучной"... Это не слова, а осіянные, пророческіе глаголы.

Да утѣшитъ и да соблюдетъ Васъ Господь!

Такъ хотѣлось бы имѣть всѣ Ваши творенія.

Мы не встрѣчались съ Вами, но я давно духовно люблю Васъ и горжусь Вами.

Жена моя, Наталія Николаевна шлетъ Вамъ привѣтъ.

Съ новымъ годомъ!

Вашъ И. А. Ильинъ.

1927. I. 19.

Berlin-Wilmersdorf.
Südwestkorso 18 Parterre

Не показывайте этого письма Ивану Алексеевичу: онъ этого не любитъ!

Письмо И. А. Ильина от 19 января 1927 г.

22 янв. 1927 г.
9

2, Chemin des Coutures,
Sèvres, r. g. (S. et O.)

Дорогой Иван Александрович,

Большим, нежно светлым чувством отозвалось в моей душе письмо Ваше. Всегда хорошо на душе, когда получаешь отклики, подтверждение, что не впустую твоя работа, что словом пробуждается доброе. Но когда слышишь привет и похвалу от человека, которого почитаешь, которому глубоко веришь, которым восхищаешься и гордишься... — у меня слов нет сказать все, что я вижу и чувствую в Вас! — тогда трепещет и утешается душа.

Не раз, не раз порывался я написать Вам

Письмо И. С. Шмелева от 22 января 1927 г.

Фрагмент
письма
И. С. Шмелева
от 8 августа
1930 г.

Фрагмент
письма
И. А. Ильина
от 13 ноября
1932 г.

необычайно дифференцированнаго художественнаго созерцания. Особенно потому, что Вы и нянька решительно не тождественны, тогда какъ напр. повѣствователь г. Гр. (в Бѣсахъ у Достоевскаго) в основных массахъ своего созерцания почти тождественъ съ Достоевскимъ. Получается такая лабораторія:

*) но метафизически-и-религиозно мудрый, прозорливый, вѣрный — какъ неошибающаяся совѣсть народно-русской души.

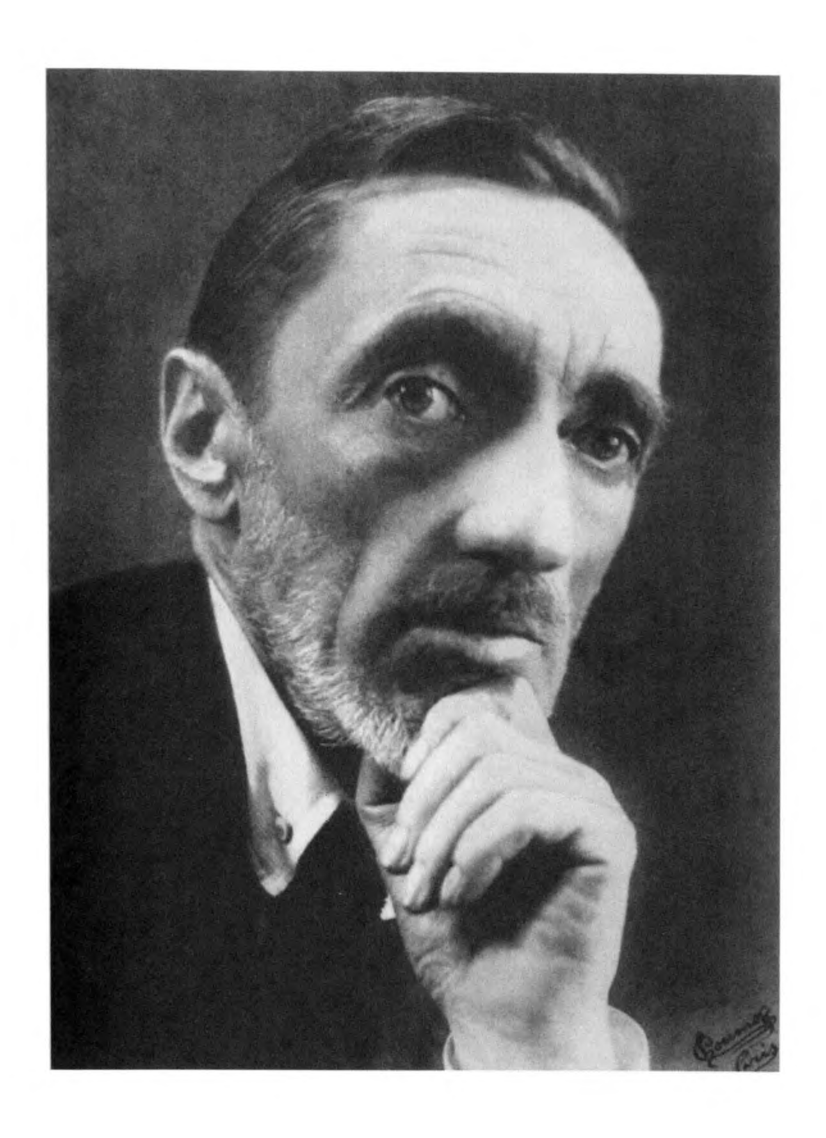
CARTE POSTALE

Correspondance P Adresse

Дорогому Ивану Александровичу Ильину

Ив. Шмелев 25 апр. 1931 г.
Sèvres

И. С. Шмелев. На обороте фотографии его автограф: «Дорогому Ивану Александровичу Ильину. Ив. Шмелев. 25 апр. 1931 г. Sèvres» (Архив И. А. Ильина, В 71, Е 16)

И. С. Шмелев. На фотографии его автограф: «Дорогой Наталии Николаевне Ильиной и дорогому Ивану Александровичу Ильину — сердечно Ив. Шмелев. Sèvres, 25 апр. 1931 г.»
(Архив И. А. Ильина, В 71, Е 16)

195

Аправентитий! Жду отъ Васъ

Экцессовъ академическихъ!

До свиданьица-съ!

Ваше Вдохновенный

Пьти-Пити-Пяти-безъ пути мы не сго

Фимъ = Фимъ Равка

/съ радости учитель

красного — 3 бут

пива = 4 бут.

грогу — 3 стак /итого — 10 штукъ

Пишите мнѣ на Профессора! Ура!

Послание Питирима Равки (фрагмент письма И. А. Ильина от 27 августа 1932 г.)

<Приписка:> А мое самочувствие колеблющееся: три дня недурно, два дня плохо! Устал я!

Адрес: Suisse. Lugano. Fermo in posta. Professor Dr. I. Iljin.

153

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<20.X.1932>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Пишу всего два слова. 1) Мы в Берлине — адрес временный (ищем квартиру): Berlin W. Kurfürstendamm. 200. Pension Tonn. 2) Перед самым отъездом из Швейцарии 13-го окт. мы получили Вашу «Няню из Москвы» и возликовали. Читать ее начали только теперь; я читаю вслух по вечерам; читаем, как и все Ваше, сразу во всех трех планах и с настоящим художественным волнением. Серьезно и обстоятельно напишем, когда кончим. Квартиру искать трудно, сложно, противно; а я еще и грипп подхватил немедленно по прибытии. И в пансионе жить тягостно! Люди рассказывают — одни ужасы и пакости. Неврозное сердце с его обостренной впечатлительностью — устает и трепещет.

Читали ли Вы мой фельетон об искусстве? На днях отсылаю второй.

Душевно Вас обнимаю.

Ваш братски и дружески И. И.

1932.X.20.

154

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<21.X.1932>***

Дорогой мой!

Сегодня бросил письмо Вам и вот пишу опять. Сейчас звонит мне Бартельс, говорит «радостное известие». Пришло к нему письмо из Бреслау от одного из католических книжных центров (обслуживает восток Германии) — пишут по поводу «Пеньков»: самое потрясающее художественное произведение, читанное ими о России и революции; заказали 25 экземпляров немедля; пишут, что сочтут своим долгом *распространить книжку «во многих*

сотнях экземпляров» и требуют Ваш адрес. Заметьте, что Бартельс ведет издательство *лютеранского* центра, но восторг католиков победил вражду и чувство конкуренции.

Вы видели вероятно, что в издательском проспекте Eckart-Verlag Бартельс *цитирует Вас в предисловии своем.* Характеристика, которую он дал Вам на последней странице проспекта — грамотна. Поясок на обложке *выбросьте*; Бартельс просит об этом, там скверно сказано о «menschliche Würde[107]» — этот поясок составлял не Бартельс, и он сам в огорчении. Уж очень у них в издательстве республика, граничащая с *анархией.*

Далее. Бартельс и *я* очень просим Вас не отдавать католикам для издательства *ни «Про одну старуху»*, ни *«Свет Разума»*. Мечтаем выпустить их. Бартельс списывался о «Старухе» с Ренчем еще весной. Но Ренч ведет себя как настоящий *монополист*: я, говорит, этого рассказа не знаю, переведите его, тогда я посмотрю, не издам ли я сам его... Каково? Напишите, пожалуйста, мне, *какой у Вас договор с Ренчем*, написан ли он, или устный; и в чем.

Бартельс говорит, что только после четвертого прочтения «Пеньков» он понял все до конца; лежал у себя на столе головой и плакал. Для распространения «Пеньков» он делает *все* и каждый успех будет чувствовать *своим.*

Сидим в пансионе. Ищем квартиру. Я уже с гриппом. Самочувствие неважное. Первое письмо послал на Сэвр. Напишите, *где* Вы и *когда.*

Обнимаю.

Ваш И. И.

<Приписка:> С наслаждением продолжаем читать Няню. Пожалуйста, не предлагайте католикам для издания ничего, *не посоветовавшись* со мною. Мы оба шлем привет Вам и Ольге Александровне.

1932.X.21.

Berlin W. Kurfürstendamm. 200. Pension Tonn

155

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<25.X.1932>*

25.X.1932. Ланды.

Дорогой, милый друг Иван Александрович,

Получил вчера оба Ваши письма — манну небесную. Но удручило — опять этот грипп окаянный! И нас, в лесах, не щадит: болели и болеем. А еще неопределенность — куда и когда ехать, искать жилища на зиму! И потому все валится из рук и из души. Поглядишь на свой столик... — плюнешь только, не знаешь, за что браться, — да так и отойдешь. И это уже с месяц. Почему Вы получили рукопись — 138 стран<иц> только — 13-го?! Послано было 30 сентября. То, что послал Вам, — считайте за «первичное», ибо **все** пойдет в проверку, переписку, в изъятия, в примерку... — боюсь за дуру свою, за ее болтливость. Многое изменю — знаю — чтобы была вещь не резиновая, а хоть кирпичная, да потверже. Боюсь за сценку с «письмами», очень барыня астеричная, до омерзения?! Кульманам все очень, будто, нравится, только заметили, что не могла барыня няньку ключами — раз, да еще вот — страшно им, что барыня умирающему... — письмами, да с «тьфу!» М<ожет> б<ыть>, они и правы. Важно мне **все** знать, Ваше истинное слово и чуткость Вашу и Наталии Николаевны. Ведь это — завершение **всего о нашем**, больше я уже не в силах, и никогда не коснусь. Тут я хотел только на **все** глазами и душой простого, массового человека поглядеть и что-то сказать их словом, пусть «глупым», элементарным, но словом-сердцем. Ведь все высказывались: — и Вишняки, и Милюковы, и антилегенты, и профессор, и... — а «старуха» сама — в ней все дело — и не высказывалась еще. М. б. я никогда и не напечатаю «Няню», если не решу, что она чего-то сто-ит. Написалось 180 стран., нужно еще дать об Европе, Америке... — и развязку «романа» — нежно перелистовать ряд лиц-эмигрантов, — нянькой показать — страниц 70 — 80 займет. Уж почищу все. Иногда мне кажется, что не к чему писать было... Бестолкова нянька, да что теперь «толково»-то?! И жучить будут. Надо скрепить, стянуть...

Принимайте же бромюры! Только сим и облегчаюсь, весь — тряпица.

Очерк Ваш первый об искусстве трижды читал и жду продолжения. Верно, полно, важно, глубоко, ценно. Кто не читал здесь — в одно слово: прекрасно. А для меня — такое радостное укрепление! Душой всегда **так** чуял. Именно — через страдание вознесение к радости! Именно — служение, жертва, моленье. Именно **это** и **знали** вдохновенные. Читал и вслух — да умудряются. Ждем дальше. И «кризис демократии», две статьи читали. Вчера один безрукий капитан-георгиевец — здешний помещик — так хвалил, — вот так и надо! — говорит, — на своей шкуре все узнал! Просвещайте, милый. Читал об «искусстве» двум барыням — одна барыня, а другая — барышня, учится живописи — глазами белыми глядели, только **теперь** вняли, что такое искусство! Читали и читают больше иностр<анную> литературу. Говорят: «да **этого** же ничего нет в современности!<»> — у французов-то. Ну, поговорили о родной литературе, кой до чего докопались. Необходимо Вам выпустить об искусстве книгу — «что такое — искусство?» Как бы — катехизис, без вопросов. И — что такое «история литературы»! О сем много наврано, как и об искусстве. Понятие искусства, смысл его, цели его, средства его, судьбы его, свойства его, признание его, судьбы его... эмбриология его, закаты и рассветы его, болезни и радости его. Не отщепляйтесь, не отмахивайтесь. Не-кому ныне писать о сем. А о сем надо писать, как о горнем, как, бывало, писалось-мыслилось. Ныне больше к «физиологии искусства» тянут, к анатомии «половых и прочих желез», к «формальному методу», — расщепляют и расщепляют, — какой-то «жид» пришел в искусство и все-то «обрезает» и все-то оскопляет. Искусство сводится — приходится читать! — к одной из «функций» — похотей или физиологических потребностей — организма. Хотят приучить человека питаться и-скусством, как белками и жирами, и указывают секреты-рецепты, как эти «жиры-белки» приготовлять, даже фабричным способом. Стараются стащить, как всегда и все стаскивает «жид», — не в этнографич<еском> смысле говорю, — с небес в

«проточный переулок», и из часовни храма сделать в лучшем случае ларек пирожника. Иные понимают страшную силу искусства, и потому, в своих целях, хотят эту силу, — Силу! — превратить в некую турбинку для «услуг» по выделке предметов ширпотреба. Помудрел ли я — многое дало мне общение с Вами и Вашим! — ныне я многого не могу читать... — «для чего, собств<енно>, писано?» И — бросаю. Я **знаю** — узнаЮ — «музыку небес», порой она мне играла... койчто я дал, чего не постыжусь. И вот, ныне, с «нянькой», — я в тревоге: очень уж возиться приходится с мелочами, с грязцой, и глаза-то у няньки маленькие, и неумыта старушка. Но — что поделаешь! Хирургу приходится возиться со всякой всячиной, с гнильцой, с гангренами, чтобы как-то удержать душу в теле больного. Нянька моя — опять, тщится сказать за... «дур и дураков», что-то понять, что-то удержать, о чем-то вопиять, и — пожалеть что-то. Да простит мне Искусство, если преступлю. Но не выпущу, пока всего не исследую. Пусть — хоть историческим экскурсом останется чуть-чуть. На большее не претендую: не «Чаша» это, не «Росстани»... — знаю.

Повеселел, узнав, что Бартельс **так** (со слезами!) принял «Пеньки». Отрадно, что католич<еское> издательство **так** приняло их. Всем этим, во многом, обязан Вам, милый, знаю. Издат<ельско>го проспекта Бартельса не видел. На «пояске» написано рекламно и неправильно, о... «Вюрде»!! Никто мне не писал об издании. Слушаюсь Вашего совета о «Старухе» и «Свете Разума». Рентш имеет по письм<енному> договору преимущество на выбор. Если отказывается, извещает в течение месяца, что ли, и тогда я свободен. Сроку еще три года договору. «Старуха» уже переведена Кандрейей. Не откажите сообщить милому Бартельсу, что писем изв<естных> писателей, конечно, я сообщить — для рекламы — не имею права, а отзывы добываю — о прежних книгах, написал Кэта Розенберг. Бартельсу напишу, но трудно мне все подробно излагать по-французски. Получили мое письмо от 30 сент., посланное вместе с рукописью на Лугано, пост рестант[108]?

Деньги за книгу получил полностью, и это так кстати! Благодарю Вас, дорогой Иван Александрович, как Вы мне помогли, как Вы несказанно сердечно одарили меня своим вниманием и дружбой! Это уж Господь послал в темноте дней наших. Слезы набегают, раздумаешься...

Когда и куда поедем — не знаю точно. Много сему причин. И первая — опять начавшиеся боли, и неуверенность в средствах. Ведь нам бы надо молотком себя приколотить к месту — и не двигаться. Как куда двигаться, я за месяц еще начинаю терять вкус к работе и еде, и заболеваю. А устроиться в Париже, обязаться квартирой — лишить себя возможности на летний отдых в тиши: надо платить за квартиру. А квартиру брать — надо обзаводиться, а средств нет. Так и кочевали все годы. Все надеялся, что хоть одна книжка — англ<о>-америк<анская> даст «куш»... — тогда вздохнем. Но вот, не попадаю «в жилу». Схватишь толику — и заговелся. Вообще, теперь все книги идут вяло, охота у издателей пропадает, — кры-зис! А книг еще готово в переводах штук пять-6 на разн<ых> языках. Шведы запросили, переводчица пишет о «Ист<ории> люб<овной>» — восхитительно, но... — что-то выйдет! «Мадонну спальных бы вагонов»... — да не пишется. Надо «Иностранца» писать, это могло бы зацепить и со мной не в разладе... — да вот, когда еще «няньку» одолею! «Лето Господне» набирается. Шевельнулась вода и относит<ельно> «Богомолья» — русск<их> изданий. Кандрейя делает все, что в силах, много напереводила — и «Лик скрытый», и «Росстани». Надеется. Увидим, если живы будем. О<льга> А<лександровна> болеет, слабеет. Одолел бронхит, и часты головокружения. О, старость-старость... Ведь она ни дня не отдохнет! Болит сердце, и стыдно мне, как мало мог я сделать. Не создал ей и призрака покоя. И жизнь била. Незадачливые такие мы. Но не смею роптать на Бога: сколь же страшнейшее другим-многим выпало!

За все, за все благодарю Вас, милый друг И<ван> А<лександрович>. Да обрадует Господь Вас обоих! Поцелуйте от нас Наталию Николаевну. Просил Вас разрешить мне прочитать «Пятирима» Кульману — не ответи-

ли. Целуем Вас оба, крепко. Ваши портреты всегда с нами. И — Богоматерь.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Дорогой друг, у меня ***нет*** слов благодарить Вас. Сейчас перечитал Ваше предисловие..! Нет у меня слов. Да Вы поймете без слов! Что за удив<ительный> человек Бартельс! Да это же... диво-дивное... плакать от книги! Те-перь-то! Каннитферштан[109]... бедный, бедный Каннитферштан! И заплакал честный немец! Уди-вительный народ!

Посылаю книжку — очень светлое издание! — А. Лютеру и пишу ему.

<Приписка:> Уведомьте открыточкой, получили ли книжку и это п<ись>мо! а то буду — заказными!

156

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<27.X.1932>***

27.X.1932. Ланды.

Дорогой, славный Иван Александрович,

Боюсь Вам надоесть, опять пишу, а вчера лишь послал Вам большое послание. Да вот, сегодня пришло письмо, второе, от издателя, милого Бартельса — ах, какой удивительный человек, — «бедный, бедный Каннитферштан»! — и сообщает Б<артельс> приятное, о чем Вы уже известили меня. Я окрылен, понятно, но и, к<а>к всегда, сомнения меня точат: ведь надо быть Вами, и Бартельсом — хоть на четвертом разу да проникся! — чтобы внять. Ну, воля Божия. Конечно, помимо «Эккарта» не предложу никому ничего из указанных Вами рассказов, да... вот что: «Старуха» переведена уже Кандрейей, как и «Росстани». «Свет Разума» не переведен. И «Старуха», как я узнал от Кандрейи, и «Росстани» свободны от Рентша. Рентш боится выступать с «рассказами», и ждет ро-ма-на. «Свет Разума» он не знает. Конечно, «Старуху» можно объединить со «Светом Разума». Но у меня еще есть свободный — «Лик Скрытый», переведенный Кандрейей и где-то ею устраиваемый. Но «все хотят романа»! А его нет пока. Страшно хочу писать, да неопределенность мешает вложиться, еще

не решили, где будем жить, и я страдаю, мух считаю. Еще есть комбинация! «Это было» печаталось год тому в «Ди Тат», в Иене, в переводе Кэточки Розенберг. Рентш, только что выпустивший «Историю люб<овную>», не рискнул взять — это было месяцев 15 тому, и повесть свободна. Она несколько больше, кажется, «Пеньков», листа на 4, как и «Росстани». Не смею указывать то или другое, — мож. быть, совсем не подойдет. Вы — мой крестный, возились с «младенцем», Вы и — Судия. Я счастлив, что пока еще веду себя прилично, и буду наисчастливый, если Вам не будет за меня стыдно. В «Это было», кажется, есть **что**-то, по крайней мере и английская критика отмечала, и Р. Киплинг очень меня утешил в письмеце[110]. Цело письмецо, только не здесь у меня. По-чтил! Сказал, что «у Вас тут *то* **вечное** — ?! — что присуще истинному искусству, о чем так выразительно высказал Эдг<ар> По». Но что он высказал... — я не помню. О «вечном» и «общем». Да, там дан, помнится, **ужас** перед **таким** человеком... ужас и безумие войны... сумасшедшие-то под начальством полковника! А тот полковник, в сущности, продолжение капитана из «Лика Скрытого». «Старуха» трудна для перевода, не знаю, что из нее сделала Кандрейя. Но у меня не хватает духу лишить ее права на устройство вещи. Она много для меня сделала, я знаю. И все пытается делать. Она меня **любит**. Вот и попал я в узел. Не знаю, может быть она согласится и на «редакцию», не знаю. Но вот подите же — она мнительная и считает, что к ней враждебно относятся. И вот — я в узле, жертва вечерняя!

Я отписал Бартельсу, благодарил, послал и ему книжку — и Вам послал! — заявил, что ввиду плохого моего франц<узского> языка я деловую сторону позволю себе изложить в письме к Вам, дорогой И<ван> А<лександрович>, с Вашего позволения, боясь быть непонятым. Вот и излагаю. А Вы, при свидании, при случае, не откажите сообщить Б<артельсу>. Написал ему, — ох, льстец! — «знаю, что душа моего рассказа не па тро фасиль а сэзир[111], но, ведь, читать книгу будут немцы, и я спокоен». А и правда! Удивительный народ: че-ты-ре раза читать, по-стичь... и — «бедный-бедный Каннит-

ферштан!» Не смею судить народы, но...! В области Мысли и Чувства — надо признать, что.... да!... Только бы сохранилось, не разложилось, не выветрилось. Такому-то народу и особенно надо себя хранить. На таких-то и лезут бесы, как голодные блохи на собаку. Ох, с отрыжкой вспоминается Щедринское-желчное — «Мальчик в штанах и мальчик без штанов». Мальчишка так, ведь, без штанов и остался. Как бы и м<альчи>ку в штанах не оказаться без оных.

А Бартельс, приведя п<ись>мо от издательства в Бреслау, уже теперь просит указать ту или другую «новеллу» для возможного издания. От указ<анного> им изд<ательст>ва я запроса не получил пока... Не мог перевести многого в его письме и слова... «Верк хат Аншпрух ауф унзерен Эйнзатц»[112].

На случай, сообщаю адрес Кэточки Розенберг — ее двоюродная сестра — жена Томаса Манна. Если бы ее перевод появился, можно, думаю, надеяться, что — а м. б. и нет! — Т<омас> М<анн> написал бы сам о книжке. Он писал о «Кельнере»[113], ее перевод. Но вот, послал я в прош<лом> году ему «Форфрюлинг», он мне даже и не ответил, а всегда очень был дружественно расположен ко мне, и об «Любви в Крыму» прислал восторженное письмо. Возм<ожно>, был завален работой, — писала мне Кэточка, — готовил что-то к «памяти Гетэ». Да и затормозилось. И теперь послал ему книжечку. Пошлю и Сельме Лагерл<ёф>, да адреса ее не знаю, где-то у меня под Парижем засунут в письмах. Очень я рас-тре-па... ведь, я и отзывов не наклеивал никогда, часть пропала, часть где-то валяется, а мно-го было! Только письма «великих писателей» берегу, а о Ваших и говорить нечего, каждая строчка священна. Уж калил меня Кульман!... Да что же мне, бродяге, чимодамы возить «наклеек»-то! И так мало значения придавал сему, тонуса жизни не было и нет. А издателям ну-жно, часто было нужно. На травлю ехать — собак кормить. А теперь — что же собирать! Я и души-то не могу собрать. Ведь ни-когда записн<ых> книжек не было! Терпения нет. Все, думал, в голове удержу. Ку-старек! Да и для **кого** беречь! После **всего**-то? И книги свои растерял, и портретов нет, —

ничего нет. И завидую Б<уни>ну и прочим: говорят, **все**, от «пупочка» сохранили. И сколько кормились, записями-то, «воспоминаниями»! А *че-го* я слыхал! Господи, перлы-то какие были, сло-ва какие...! Испарилось, лопнула «кладовая». Выскочит порой... — «с фотогеновым фонарем искал»! — это... с Диогеновым-то! Как бы я старуху-то свою обогатил! А нетерпение: надо писать, беречь... — ру-кописей не сохранил! И где они, горевые, оплаканные, обвеянные в ночах надеждами, тревогами, сомненьями... — залитые лампадным маслом!.. — «Неупиваемая», писанная при семи фитилях, в холоду, в слезах из больных глаз, в предчувствии ужасов... Да ведь это *мне* только больно и дорого... — пусть — со мной и сгинет!

Я расстроился. Порой такое придет... — да провались все писанья, весь хлам, мусор, неприкаянность, вы, лоскутки, на которых душа раскидана, размазана!.. Кому нужно?! Мир откатывается все дальше от «дум» и «чувств», мир жаждет грохота и бега, мир обессмысливается на глазах... Господи, за эти 20 лет... какая перемена! В бег попали, в вихрь, в «волны», в «искры»... и дух напуган, нет у него жилища-места, выкинут его с «квартиры»! Ныне сам Пушкин не смог бы писать... — нет «дубров».

Больше ничего-с. Устал. Покойной ночи, дорогой! Рыжики сбирать ходил — си-ла! Есть еще рыжики... Десять било, спать.

А вот, на случай, адр. Freulein Kathe Rosenberg (Екатерина Германовна, но лучше по-нем<ецки>) Ahornallee, 10. Berlin-Charlottenburg. У ней рукопись «Это было». Она — славная переводчица. А у меня где-то есть и оттиски журнала «Die Tat» (Иена), в 4 №№ прошло. Озаглавила она «Es war». Кажется, надо бы иначе? ***Это*** было.

Целую руку доброй Наталии Николаевне.

Крепко обнимаю Вас, милый. Будьте же здоровы! Молюсь за Вас, грешный. О<льга> А<лександровна> шлет благостный привет. У-ста-ла!...

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Да, вот что! У меня во «Въезде в Париж» есть «Два письма». Как Вы думаете? О них упоминал, м<ежду> проч<им>, Арт. Лютер!

157

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<30.X.1932>*

30.X.1932. Леса — холода.

Ах, дорогой друг, милый и незабвенный
Иван Александрович,

Истинно, письмо Ваше было великой радостью для меня, для нас! После болезни всегда у меня душевная усталость, несказанная, — и пустота, работа не захватывает, — лежал бы, как в анабиозе. И вот, Ваше письмо взбадривает, уносит... — и не таким безразличным и неуютным кажется свет божий. Обрадовали, подвинтили, взбодрили. Спасибо Вам, милый, от всей души! Ваше «предисловие» куда больше, чем — «предисловие»: это — **Слово**. Читал я — как раз Кульманы подошли, — и потрясены были глубиной мысли и — **хваткой**. Кульман тут и сказал — дайте мне, пожалуйста, как книжка появится, и я попробую написать для «России и Слав<янства>». «Это — говорит — необходимо».

Я **поднят** Вами — в моих глазах поднят, и мне и стыдно, и тревожно. Это Вы почувствовали метко — **как** я пишу: не от себя пишу, а будто — из простых душ и сердец, **через** них беру жизнь, ибо я — весь от «малых сих», неискушенный мышлением тонким. Это я смутно чувствовал всегда, и всегда чувствовал, что без «инструментов» плотничаю. «На глаз»! Душой меряю. Обнимаю Вас братски, — единственный Вы для меня на свете — духовно родной, ласкающий. Господь мне послал мудрыя Ваши чувства — мысли.

Сегодня отправил Вам 137 страниц «Няни из Москвы», из 172 написанных. И трепещу. Сомнения во мне. Не нудно ли? Мож. б., надо многое сократить... Написано — форма-то! — хаотично, с заглядкой вперед, с заворотами назад... Да ведь измученная и переполненная душонка старухина, каж<ется> мне, иначе и не может. И читателя надо подхлестывать, а если все складно, по форме сказывать, — надоест слушать. Старуха и «путается». Искренно **все** мне скажите. Я готов сто раз примерить, прежде чем отрезать. Всякое Ваше — и Наталии Николаевны — замечание — для меня важно! Не

щадите, а — беспощадно, любовно-беспощадно! Вы — избраннейшие читатели, по Вас буду судить себя. Придется еще страниц 100 — к 172 прибавить, ибо будет дана линия «пути по свету», люди, людишки, заграница... — Америка... — пока не вылупится **вся** Катичка, незадачливая и сумбурная, и нежная, и суматошная, — русская. Няня моя — слепая, спокойная, эпически на все взирающая. А Катичка — еще важней мне... — нервик родного нашего, чудится, порой, мне. Да нет, все, дол<жно> б<ыть>, неудачно, страшусь. Жду разноса. Боюсь, эта «одиссея» старухина — меня измучила. Если закончу, буду «Иностранца» писать и... — какие-то «Записки» — «перед самим собой», но не мои, а некоего «героя безвременья» или — «пропащей жизни».[114] Но до сего до-жить надо. И еще сколько «очерков» остается — «Горкина» я далеко не закончил...

О, несбыточная мечта — Вас услышать, «про философию»! Каким бы учеником — поглощающим каждое слово Ваше, был бы! Недостоин сего. **Все**, что советуете — прочитаю. Карлейля читал, давно, — и с каким упоеньем! Ваше о Гегеле **снова** прочитаю, досконально. Читаю — и **вижу**, слышу Вас, как Вы его **взяли**! Чувствую, что Вы его знаете, лучше, чем он знал свое. Феофана Затворника читал весной... — но он не очень меня захватил. Мысли его о христианском воспитании — чудесно **верны**. Но и к нему я, кажется, не готов. Ради Бога, не откажите прислать мне Ваш «Религиозный смысл философии». Жду с нетерпением.

Выучу наизусть — слышанное когда-то с эстрады — «Бывают времена, когда десница Бога...» Как хорошо, как — смиряет!

Одну статью Вашу из «кризиса демократии» — читал дважды. Именно так надо! Громите, тычьте носом щенят! Никто не делал так, ясно, неотвратимо осмысленно. Жду продолжения. Чрезвычайно счастлив, что пишете об искусстве. Обо мне что же говорить... — но важно **Ваш** анализ искусства слышать. Для многих олухов искусства это будет, знаю, откровение. Пишут — и ни черта не смыслят. Есть там, в Возр<ождении> — Гол<енищев>-

Кут<узов>...[115] — **что** же он о Паскале начихал! Гоголевский Петрушка. Обо всем может жарить.

Нет, не видал я «Рус<ского> Голоса». Если можно, прикажите мне выслать. За посвящение — благоговейно кланяюсь, — недостоин, воистину, добрый друг!

Пожалуйста, прикажите мне прислать! Все, что Вы пишете, я читаю «с очками» духовными, отогнав суету дня.

Получили ли, — думаю — да, мое письмо к 8 сентября, 26 авг.? ко дню Ангела Наталии Николаевны? Очень прошу Наталию Николаевну высказаться, какие недостатки в «Няне». Я ее не стану торопиться — печатать. Может б. и вовсе похерю, — кусочками — этюдами напечатаю кой-где.

Деньги от издателя Бартельса — милый, душевный человек! — получил, 450 фр. за журнал и первую половину — 600 фр. за книжку получил. Это меня прямо укрепило, а то... — ни-откуда ничего! Это все Вы помогли мне, нам. Так все тесно! Живешь — на Господа надеешься, на чудо какое-то. Скулить что же... — если буду здоров-жив, питаться будем. Все-то повидали... не нужда страшна, «дух уныния» страшен несказанно. Барт<ельс> обещал в начале октября выслать остаток. Я ему написал, поблагодарил от души.

Кульман **просит** Вашего разрешения ознакомиться с «системой» Питирима Иваныча, говорит, что «высоко чтит и Вашу «лирику»! Сейчас еще раз просил, виделись мы с ним. Дозволите? Дозвольте! Сказал, что «зат<а>ит в себе», и никто не услышит от него. Чего же Питириму Иванычу стыдиться... — язвительного остромыслия-то? Да на то и дар божий дан — «пока не требует Поэта»...[116] Но и тут — творчество, и немалое-с... Это «отдых» умов высоких. За-конный и — необходимый.

Целуем Вас оба — обоих, милых наших друзей. Здоровье ничего, полечиваюсь. А Вы не переставайте с перерывами в 2 — 3 недели пить бромюры, дважды в день, за полчаса до еды. И хорошо еще дополнять мал<ой> дозой гарденаля. И будет успокоение и ободрение. Я себя без сего до ужасов довел было. Вот. Обнимаю, милый Иван Александрович. Ивик спешит проститься с Capbr<eton`ом> и тащит письмо, следом за

послан<ной> рукописью. Целую руку Н<аталии> Н<иколаевне>. Олечка целует Вас и со слезами благодарит **за дружбу.**

Ваш Ив. Шмелев.

158

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<12.XI.1932>*

12. XI. 32. Севр. Соловьиная, 9 Сен-Уаз.

Дорогой и несравненный Иван Александрович,

Шлю на «Экарт Ферлаг», т. к. не знаю, где Вы обретаетесь. Последнее письмо мое к Вам было от 26 окт. из Капа[117], равно и книжка. Получены ли?

Опять на старом гнезде, топка, штопка, переборка, перевозка, — голова замоталась. Работаю над «Няней». Все меньше она мне нДравится. Буду ее жать, до соку. Многое мешает вложиться. Писал немцу-читателю, о чем уже известил Бартельса, приведя строчки из п<ись>ма ко мне директора «Остдейтче Бухханддлунг»[118]. Чудесно он написал — спать ночь — он! — не мог, прочитав. И еще, приятное. Нынче Бартельс обрадовал новым отзвуком от берл<инского> издателя, — очень меня растрогало! И **все** это — от Вас, **через** Вас, милый! Я тут только краюшком — Вы — **все**! И чудесный же душа-человек Бартельс. Такие люди вливают бодрость: есть праведники, и будет пощажена Гоморра![119] И еще — чудесное мне написал п<ись>мо Арт. Фед. Лутер! Его перевод, как писала мне К. Розенберг, — она еще не читала, а лишь пробежала первые страницы, — не только худож<ественно>-верный, но «даже изящный». Так я и знал. Он мне пишет о радости, с какой переводил — редактировал перевод Кандрейи «Под горами» — «Лиэбе ин дер Крим» — о радости от «красоты» повести... Ох, для меня **теперь** в этой повести ранней — ма-ло красоты, это — сантиментал с розовой водишкой. Но — ладно. Новость: от Кандрейи получил п<ись>мо: «Старуху» она и не думала переводить! И говорит, — честная душа! — что я ей окончат<ельного> разрешения не давал на перевод, а все писал: «ох, непере-во-димая старуха»! Так что, «Старуха» может быть переведена и использована — ! — если понадобится такая

«несъедобность», как Бог приведет. Рентш же ей прислал извещение, что на «Старуху» — не знает ее! — претензий не имеет, не гонится за старушкой, — ему ро́-маны нужны. И я доволен. Если бы «Старуха» попала в руки Арт. Лутера, — была бы ва-жная штука! Когда-то мне про старуху — т. е. не мне, а обо мне писал Айхенвальд, — если нужно, вышлю вырезку. Писал, если не ошибаюсь, что в старухе достигнуто что-то... разрешена какая-то «тайна слова», когда на какой-то высоте... «слово перестает быть только словом, а переходит в «плоть», в «вещество»... в осязаемое... — так что как бы разрешается квадратура круга<»>? Очень, помню, приятно было читать. Полез в свое барахло и раскопал айхенв<альдовскую> рецензию о «Старухе», когда повесть появилась в «Совр<еменных> Зап<исках>», каж<ется> весной 25 года[120]. (Как я себя рекламирую!) Вот выдержка, «Руль»[121]: ...«Надо рассказ Ив. Шмелева причислить к лучшим страницам нын<ешней> рус<ской> лит<ерату>ры. О событиях передает здесь некий «бывалый человек»; и вот, автор сумел приписать ему такие слова и такое расположение и темп, и выбор этих слов, что между ними и самыми событиями не остается уже почти никакой разницы, никакого расстояния. Свершилось или вот-вот готово свершиться как бы чудо этого пресуществления — пресуществления дела в слово. Свойственное Ив. Шмелеву прерывистое дыхание в манере изложения, отрывочность его беллетрист<ической> речи, некоторые трудно определимые особенности его писательского произношения в данном случае сослужили ему к<а>к раз положительную службу — потому что они совпали и с личностью «бывал<ого> чел<ове>ка», и с характер<ом> передав<аемы>х им происшествий, и с должным тоном этой передачи. И в результате развертывается такая картина ужаса, специфически рус<ско>го ужаса, специфически большевицкого ада на земле, что читатель перестает уже быть читателем, и перед ним восстает уже не литература, а сама жизнь, и сама смерть. Как будто уже достигнута писателем граница реалистической изобразительности и вплотную подведена к Вам вся выпуклость и осязательность реального существования. Именно произ-

ведения, подобные рассказу «Про одну старуху», колеблют доверие к правильности и, уж наверное, к достаточности формального метода в отношении к литературе. Формалисты правы на поверхности, там, где они снимают первые слои произведения, — можно сказать, в его преддверии; но когда произведение искусу формального анализа уже подверглось и его уже выдержало, когда оно вообще требованиям эстетики уже удовлетворило, тогда эстетика от своих дальнейших полномочий передает его обратно в ведение жизни, и мы не можем не принимать его всерьез. Тогда вступает в свои права какой-то наивный реализм, и нас перестает интересовать любимый формалистами и единственный для них вопрос: «**как** это сделано?» — нас волнует самое **что** произведения, его прямое содержание; и написанные художником фигуры, сначала от него, а потом и от нас, получают все права гражд<анст>ва, уравниваются в своих правах с действительными, не вымышленными персонажами самой реальности и из-под сени вымысла выходят в систему правды. К своему истоку возвращается искусство. И если история разменялась на судьбы отдельных личностей, в число которых попала и шмелевская старуха, то искусство и показывает историю на живом примере и материале всех этих разнообразных людей, всех этих страдающих старух». Ю. Айхенвальд.

Так, вспомнилось «доброе слово» — ох, не баловала, никогда не баловала меня русская «критика»... — а чрез тернии продирался я, — и только, когда уже не хватало сил душевных и я колебался в раздумьях — да, какой же я, Господи, пи-са-тель...? — вдруг — нежданный голос — «да, ты всерьез»! — укреплял меня. С собой я никогда не носился, не смел... — всегда только страшился **чего**-то, против чего могу погрешить... **ЧЕГО**-то! Против великого закона **Правды** творческой. (И нашей, рус<ской> лит<ературы> великой.) Этот воскрешающий голос... — о, благодарю Вас, добрый друг! — я так трепетно, так радостно слышал от Вас. И — укреплялся. И был еще, другой, голос **мой**, во мне живущий, **чей**-то — **моей** правды, моей меры, который порой замирал, но никогда

не умирал, и он-то **вел** меня, толкал, у-но-сил... — и заставлял писать. Но, кто знает, — не захирел ли бы он, не будь «голосов» с округи! Воистину благословенна рука верная, честная, чуткая... которая, копаясь в кучах писаний, умело-честно выискивает «нужное», стоящее... — и бережно относит его в верные кладовые хранимого Искусства-Правды. Она и укрепляет, как бы выдает «ярлык« на право бытия.

8-го числа отправил Бартельсу связку иностранных отзывов о некот<орых> моих книгах, копию письма Киплинга об «Это было», — оговорив, что все письма европейск<их> писателей ко мне — частное дело и использованию не подлежат. Отправил и оттиски журнала «Ди Тат», с переводом «Это было», сдел<анным> К. Розенберг. Для чтения-ознакомления. М. б. и не понравится Бартельсу. От Рентша свободно. И письмо послал. Милый Бартельс! И удивительные же немцы! Есть еще им дело до... «путей жизни», не хотят брести, прыгать очертя голову, — не скачут, как азартный шарик рулеточный, — и есть у них родственное с ам-сляв![122] С лучшею камеркою в ней. А мож<ет> это я «разнежился»? Нет, в немцах есть много... пусть отмахиваются! — славянской крови! С северо-востока, с востока Германского. Влито-с... как и в нас, помимо «восточных» кровей, есть «германка». И посему — много схваток предстоит «родственничкам» и — «объятий». Верю, хочется верить. Судьбы мира, духа человеческого, сплетены с нами и с немцами. Сейчас — сплетение роковое, чре-ва-тое. Что дальше...? Увидят потомки. А пока — потемки, с искорками в них.

Боли не прошли, а прерываются и повторяются. Не могу все же часами писать. Замучила меня «Няня». Далась — и не далась она мне. А Вы... — скажите словечко, хоть я и страшусь... Но с Вами-то я обя-зан считаться. Пока я не учую, что надо дописать, пока не поставлю, после долгих сомнений, подписи, — когда?! — не выпущу из рук. А жить трудно, ох, трудно. Живем едой на 10-15 франк<ов> в день. Налоги, уголь... одежа... — ну, даст Бог день — даст и пищу. — Нобелевское улыбнулось русским. «Пара гнедых»... — только и есть литературы рус-

ской! Бунин — да, за него я, как русский, не постыдился бы. Но получи Мер<ежковс>кий... — по-зор! **Такой**... — представитель родной литературы! Нет, пусть совсем не дают, но не **такому** выражать, представлять Дух и Плоть русской литературы. Подлинная, она никогда не была ни «кликушей», ни болтушкой, ни «мудрилкой», ни «низалкой», ни... подделкой, ни — ремеслом потливым, ни ерничеством-хитрюгой. И я... — доволен, что ни-кому не дали. Я бы не отказался, правда, но, по совести, но, правду сказать, не в «форме» на такую скачку. Да таким, как я, никогда не дадут: таких, обычно, не признают «в европейской орбите», — не утешители это, а «теребители», что ли. За это по головке не гладят, шершавых. И все же... порой — хоть бы полегче пожить, напоследок нужды не терпеть. А мож. быть и — изгадился бы, будь обеспечен! И все же, хотелось бы мне, чтобы именно «Пеньки» проникли к шведам. Нет ли у Бартельса там связей деловых или — «идейных»? Хотя... шведы — *трезвый* народ, вряд ли их тро-нет что! А м. б. я и ошибаюсь. Мне писать о сем Бартельсу неудобно. М. б. закинете словечко? Держит шведская переводчица, М-м. Эллен Риделиус — классиков переводила — мою «Форфрюлинг» считает «прелестной», но что выйдет — не знаю. А сама затребовала. Трудно издаться в Швеции. Но «Человек из рест<орана>» был издан и удостоился чудесного — в письме — отзыва Кнута Гамсуна. Но, каж<ется>, не дал денег издателю — Альб. Бонье. Не ко двору я шведам: «Неупиваемая» бродит по издательствам сколько лет! О ней когда-то один русский доцент — Хандамиров читал сколько-то лекций на словесном факультете университета в Лунде.

Да когда же известите, куда могу Вам писать? Большое письмо послал Вам 26 X, на Отель — на Курфюрстендамм, Тонн, 200. И книжку. Получили ли? Сегодня с восхищением от ясной и крепкой мысли, читал Ваш III оч. — Голосование. Продолжайте, милый И<ван> А<лександрович> — расшибайте «твердыню», потрясайте «элементарностью»! Все сильное — всегда — **просто**. А писк Юниусов[123] — мозоли отдавлены. Это, каж<ется>, сынишка Винавера[124], никогда его не могу читать, а «писк» читал: пи-иск! Глушите,

тараньте, крепче, резче, «сапогом в плешь»! С **ними** чем ядреней — лучше: уважают-с. Потрошите, полощите, выколачивайте, рубельте их, «всю жизнь врущих в свою пользу»! Жду статей об искусстве. Когда Гегеля послать, куда? Ну, Господь с Вами, крепко обнимаю Вас и благодарю веч-но. Вам и Наталии Николаевне поцелуй от О<льги> А<лександровны>. **Все**, кто бывает, любуются на Ваши фото, — о-чень дамам ндравитесь, и... прекрасным девам. Целую руку Наталии Николаевны. Будьте оба здоровы. Сердечно и довеку

Ваш обласканный Ив. Шмелев.

<Приписка:> Ломит и вертит под ложечкой — есть пора?! 7 ч. 15 м. веч. А «щастливые швейцары-то»!

<Приписка:> Прошу Вас, известите, как Ваше здоровье — это нас так беспокоит! Молюсь о Вас, как сердце может. Только бы здоровы были.

159

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<13.XI.1932>***

Ноября 13.

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Знаю, что Вы опять на Россиньолях, и пишу в Сэвр. Мы тоже переехали и с трудом соскабливаем в пустую квартирку всякую необходимую мебелишку. Но к делу.

1) Считаю затруднительным и даже непозволительным судить о Вашем новом детище («Няня из Москвы»), которое Вы нам доверили в полурожденном виде. Доверие это нам необычайно трогательно и дорого. Что же тут трогать и перебирать пальцами? «Ты сам свой высший суд — всех строже рассудить умеешь ты свой труд...»[125]

Читали мы ее как лакомство, по вечерам, после чая и были огорчены и даже несколько растеряны, когда оказалось, что подошла 137 страница и что дальше продолжения нет. И вечера наши вдруг увяли... Надо ждать... Ждать конца и *целого*. Не обозревая и не обозрев целого — как *судить*? Но чтобы Вы не подумали, будто я неискренно виляю и прячусь — вот мои *предварительные*, осторожные вопросы. Это не критика — а вопросы.

Замысел дать большой роман через маленькие очки болтливой старушки — смел, нов, почти дерзновенен. Он требует необычайно дифференцированного художественного созерцания. Особенно потому, что *Вы* и *нянька* решительно *не* тождественны, тогда как напр<имер> повествователь г. Гр.[126] (в Бесах у Достоевского) в основном массиве своего созерцания почти тождествен с Достоевским.

Получается такая лаборатория:

Задача: — вложить свет Вашего ви́дения: столько раз потрясавшего меня своею глубиною, точностью и пророческою силою, в нянькин глаз — художественно претворить свое око в ее глазок: довести ее глазок до художественно-бытовой простоты, точности, естественности и притом вложить туда верность совестного суда — — — эта задача чрезвычайная и разрешена она Вами с властным спокойствием истинного мастера, с простотой, доведенной до шаловливой грации.

Предписав мне дать худож<ественную> критику этой неоконченной эпопеи, Вы заставляете меня рассматривать прочтенный фрагмент как *сырой материал*. Пытаюсь понудить себя к этому и ставлю вопросы.

1) Может быть Ваше намерение чуть-чуть утрясти поток ее речи (сокращая, но не сильно, *кое в чем*) — и вправду имеет за себя некоторые основания? Эмпирическая нянька может говорить без конца. Художественная нянька обязана «экономить» поле внимания у читателя; и не смеет утомлять его чрезвычайным обилием блошиных прыжков. Чтобы не вышло *у читателя* в душе, как у чеховского дьячка, «запутала ты меня, старая»...

Привыкаешь ли при чтении, или нянька меняет стиль рассказа — но есть небольшое ощущение эволюции ее стиля — вначале он как будто комичнее, больше играет словами, вызывает больше лексикологического наслаждения; потом становится эпичнее, трагичнее, глубже, спокойнее. Не *смею судить*: может быть *так и нужно*. Но ощущение это — будто нянька в своем комизме угомоняется — в душе остается.

3) Нянька как человек передней и кухни — не может без сплетен. В плане художеств<енной> о́бразности — это *верно*. Но в плане художеств<енного> *предмета* —

нянька *судья мира.* От некоторых деталей ее художественного сплетничания про «господ» — в душе читателя меркнет доверие к ней как судье мира. Бытовая «типичность» (кажется мне) не должна мешать читателю слушать в *ее* лице *свою* совесть. Некоторые «сплетни» ее расхолаживают читательское ожидание того, что в ковровом платке упрятана сама нац<иональная> мудрость. А в этой нац<иональной> мудрости весь огнедышащий вулкан — сам *Предмет* романа (насколько я чувствую).

4) Сцена «оплевания», на которую обратил внимание Кульман — *психологически* (план образа) совершенно естественна; но по содержанию она так раздирающе-отвратительна, что выбивает читателя из *созерцания*, из установки художественного восприятия, вызывая в его душе судорогу отвращения и напряжение посторонних страстей — ни автору, ни роману не нужных. Как психологический ход — это верно, реалистично; так могло быть; может быть это было и неизбежно. Но у читателя делается легкая дурнота*. Это вроде гоголевского портрета, вылезающего из рамы. М. б. достаточно дать чувство, что она недостойно неистовствовала над ним, и прикрыть прочее целомудренным флером?...

5) Не предвижу и не смею предвидеть дальнейшего. Но душа нестерпимо жаждет апофеоза

нянькиной мудрости и Катиной святости.

Жаждет и не смеет спросить — возможно ли то и другое, и как то и другое будет художественно оправдано.

Вот, дорогой друг — мои несметные вопросы. Если они *помешают* Вам дальше творить эту чудесную вещь, то я «вырву грешный мой язык». Ради Бога не думайте о *размерах* вещи: Вы покроете *всякий* размер. Хоть втрое. *Неоправданный* размер *Вы не сможете и создать.* Я возражал бы только против ложной скромности у Вас: нянька не должна бояться ни судить, ни осуждать, ни даже пророчествовать. Это русская *пифия*, а самовар — (пары) — ее *треножник.* А если кто найдет

* Так бывает иногда у Мопассана.

«длинным» — то потому, что он сам *короток*. Художник решительно не обязан шить кафтаны на одних блох. Напротив. А некогда — так и шут с тобой — ходи в киношку или играй в дурачки.

Наслушавшись комплиментов от Вас и от Ю. И. Лодыженского[127] — Бартельс вообразил себя *создателем издательства*; и повел себя по отн<ошению> ко мне лакеем. Ради Бога не пишите ему больше ни комплиментов, ни вообще приятных писем. Он затевает *выпереть* меня совсем из издательства (что *юридически* легче легкого). Морально же, духовно и литературно — это было бы *последним хамством*. Когда я начал его обрабатывать — издательство гибло от пустоты, глупости и беспомощности; за время моей самоотв<ерженной> и упорной работы — оно получило европейскую репутацию. А нынче они хотят меня выставить — и литературно, и материально на улицу. Я иногда задыхаюсь от бессильного гнева, но таковы нравы туземцев: использовать и вышвырнуть. А ведь я *даже и не начался* еще в его издательстве; я только еще дорожки размел от мусора... Словом — иметь дело с тупой и лакейской душой *нестерпимо*. Я всегда знал, что он мелок и глуп; но такую дозу хамства за его «сахаром» я все-таки не предполагал. Он уже говорит со мною, как с безработным нищим — с покровительственным снисхождением!!

Вот наш адрес: Berlin-Wilmersdorf. Sodener Str. 36 III.

Пожалуйста, милый, пришлите мне заказною бандеролью первый том моего Гегеля и напишите мне, выслать ли Вам имеющуюся у меня часть чудесной няньки?

Как Ваше здоровье? Прошел ли бронхит у Ольги Александровны? Мы все здесь вылечиваем гриппы и бронхиты русским травяным декоктом «Пантелеймоном» — горькое, разрешенное здешним медиц<инским> управлением питье — по чайной ложке перед едой. Помогает удивительно, повышает аппетит, сбрасывает температуру, залечивает даже tbc.[128] процессы. Если Ольга Александровна согласится пить, я пришлю ей пару флаконов. Я их получаю бесплатно.

На днях войду в сношения с Käte Rosenberg.

Если католики предложат Вам издаваться — то *не отказывайтесь*. Освобождаю и *Старуху* и *Свет Разума — с Бартельсом дела сойдут на нет.* «Пеньки» он, конечно, будет распространять. Подписан ли у Вас с ним договор? Если нет, то напишите ему, что просите его, *не откладывая, закрепить* «Пеньки» на бумаге. Со всякого след<ующего> издания не менее 10% с розничной цены экземпляра. Выплата при напечатании вперед.

Душевно обнимаю.

Ваш И. И.

1932. XI.13.

160

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<21.XI.1932>*

21. XI. 1932. Севр.

Дорогой Иван Александрович,

Ваше письмо от 13 XI явилось для меня чудесным художественным произведением! И я — в какой уже раз! — убедился, как русское словесное искусство огра-блено тем, что Вы не имеете журнала, широких путей — высказываться о русском творческим словом, наставлять, учить, **вести**, карать, обличать, — ставить пишущих на надлежащее место, руководить художественною мыслью читателей, вскрывать им ценное, воспитывать их в законах восприятия и суждения, что касается художественной литературы. Помимо эстетической стороны, как бы могли Вы **влиять**! Тот провал, который все мы видим в области художественно-философской-словесной критики, — отсутствие мастеров-мыслителей, авторитетов с широким кругозором, с тонким чутьем, с глубоко прощупывающим «зондом», с Богом в душе — с каким угодно, лишь бы был прочный фундамент у критика, его «кредо»! — тот провал, который я так ясно вижу, и уже давно, в литературе нашей, — был бы заполнен блистательно, если бы Вы, дорогой друг, имели возможность свободно писать-влиять. В Вас — для меня это несомненно — литература — при сложившихся условиях — теряет великую ценность, — если разрешите, скажу —

Белинского **нашего** времени, — Белинского по влиянию — не по духу! — по проникновенности, — о, она у Вас и обоснованней, и глубже! — по кипенью... но по образованности Вашей — Белинского, возведенного в Энную степень. Да этого и не выскажешь.

Все верно, что написали о «няньке» моей. Как будто Вы смотрели в мою душу. Я **знаю** все недочеты, и всю сложность, и громоздкость, и «мышью беготню» старухину... — и вот почему я все топчусь, все мараю, все переписываю, в 4 — 5 раз... — а конца так и не написал! Он — или «откроется» мне, или я — брошу.

Крепко благодарю: все — верно! Тон, да, меняется... меньше шутки, смешка, отступлений... Иногда кажется мне, что потому это, что спокойную вначале, усевшуюся за чаек старуху, болтунью... пережитое, поднявшееся в рассказе, **уносит**... мучает, и ей уже не до «отдыха» за чайком, а... душа захвачена. Знаю, как трудно вынуть свой «глаз» и вставить «глазок». И еще боюсь, что обвинят в «обобщении»... — а я, просто, хотел посмотреть на **все** глазами простого человека. **Как** же миллионы-то, еще не потерявшие своего здравого — пусть и ограниченного «смысла», своей совести, как они-то оценивают, объясняют, смо-трят... на **все**?! Все давно высказались. Все, да, кроме... — «всей жизни», народа, русской простой, совестливой, массовой души. Я делаю попытку. Когда-то мой Скороходов-лакей[129] высказывался... Теперь — тоже, «слуга» высказывается, ибо весь наш народ, все «чистии сердцем» — слуги божьи и людские. Пусть скажут, зачем через такое тусклое, **узкое**, подслеповатое окошко — смотришь-показываешь? хотим широких, зеркальных окон! Да что поделаешь, когда «подслеповатых»-то миллионы?! **Надо же** и с ними посчитаться, их душу принять в вес, попробовать ихними глазами оценить-окинуть, — и через то — мож. быть, **понять** и нужное, чего через зеркальность и не увидишь. К малым сим спуститься, м. б. и у них чему-нибудь поучиться... Судия мира? Ну, куда уж «няньке» до этого!.. Но... мож. быть, чуть и — судия. Ибо основы-то жизни слишком просты — и посему ускользают от «разумных», — чтобы не знать их — простому сердцу. «Что скрыто и т. д. — открыто младенцам». Вот

оправдание мое. А хватит ли мудрости у старухи — не знаю, страшусь. Эта «мудрость», смешанная с глупостью, — проходит по рассказу **тенью**. Ну, конечно, это — не «мудрость мира сего». Катичка... — не знаю... — как она получится в итоге, не знаю. Я **никогда** не знаю, до последней точки, что у меня получится. А не получится... — пропали 7 мес. работишки. Ну, пусть тогда остается — просто — рассказ, немного растянутый, ну... опыт словесный, перетряхиванье старья. Я уже стянул на 15 проц., повыкинул... смягчал, марал, отходил, отравлялся, — и что-то мне говорит — кончай, пригодится чему-то, кому-то... хоть **простым** людям почитать, какое-то «зернышко» в душу заронить. Не Гадомовичам и Худосеичам, ни бициллам (?!), ни бемам, ни прочим подобным — **не** пригодится и не понравится, — знаю. На них мне наплевать. Им и «Пеньки» — ни-как, никак не чукнул, только Айхенвальд дал цену. О Вас я не говорю. Вы не в рядовой счет. Гиппиусиха, помню, обронила в Посл<едних> Нов<остях>, — только-только вышла кн<ижка> «Совр<еменных> Зап<исок>» с повестью, забежала и прошамкала-обронила 2 с полов. строчки — «как это скучно... никчемно, нельзя сравнить со «Старухой». И все. Со мной всегда так: меня всегда били моим же, ранее или замолченным, или — похуленным. То же было и с «Чел<овеком> из ресторана». Напиши это Б<унин> или М<ережковск>ий... — желал бы я посмотреть! (Как о них говорили бы, **судили**! чтобы сделать вывод о... беспристрастии.) Или — «Чашу» бы дали... или — «Росстани»... или «Человека», или — «Это было», или — да, да, да! — «Историю любовную»... Я знаю, мне 75 проц. «ценителей» не прощают, **как** я смел **так** писать. Правда, они, в б<ольшей> части лишены **уха**, им мой стиль — звук, мой размер — не слышится. И Айхенв<альд> часто писал о моем «прерывистом дыхании». Его надо уметь слышать. Когда я **сам** читаю, у меня эти «дыханья-задышки» — объяснимы, и уха не затрудняют... я их обосновываю «волненьем рассказа», — они — законны. Иначе я не писал бы. Для моего у меня — **мое** ухо. И мое чувство. И мир мой, заветное мое — не **общи**. Но через мой мир, **необщий**, в конце концов — **общее** все

же смотрится. Иначе — я — ни-что. И если бы я убедился, что это так, ни-что, я бросил бы писать, лучше уж замереть, влачиться.

Еще раз — великое Вам спасибо, милый друг. И доброй слушательнице — и, знаю, ценителю — Наталии Николаевне.

Рукопись бросьте, она мне не нужна, не стоит присыла. После нее было 4 рукописи. Книгу завтра высылаю, заказом, — Вашего Гегеля — спасибо! — как и это письмо, т. к. сегодня в город не спускаемся. Получил восторженное и оч<ень> друж<еское> п<ись>мо от Томаса Манна — о «Пеньках». Обещает повидаться, когда зимой будет в Париже. — Потрясло Ваше сообщение о Барт<ельсе>. Да не сгущаете ли Вы? Вы же писали — славный человек, плакал над книжкой! Никаких комплиментов никогда ему не писал, а поблагодарил за внимание к книге. Вы же мне писали — напишите ему поласкивей. Да я на своем «французе» и не могу много написать. А «духовности» его я верил... — но я не виноват. Меня потрясло, и в сердце укололо за Вас. Кругом — ложь, грязь, обман... тьфу! О чем же Вам говорить с К. Розенб<ерг>? Ну, кончено с Барт<ельсом> — что поделаешь. Католики мне не предлагали издаваться, к<а>к Вы знаете из моего п<ись>ма от 13 XI что ли, посланного Вам в адрес Бартельса. (Я получил лишь славное п-мо от директора «Остдейтче Бухханд.».) Получили? Я не знал Ваш<его> нов<ого> адр<еса>, а на Отель Тонн — не рискнул, — м. б. давно съехали. Получили ли нем<ецкую> книжку с надписью — «Твоя от твоих», послан<ную> Вам из Ланд 26 еще окт.? Пож<алуйста>, сообщите, а то я беспокоюсь — ну, скажете — и свинья же! А я Вам первому послал. Как мне больно, оскорбительно за Вас! Господи, управь, возмерь, призри! Нам плохо, достатков ни-откуда. Только твердых — 600 фр. в месяц, от Югославии — ссуда. Надолго ли? С год к<а>к урезали: давали по 1000. И все. Печататься — **негде**. Книги не издаются. Надежда, что «нянька» даст на хлеб, но... «Совр<еменные> Зап<иски>» — с хлеба на квас живут, сбирают, и — возьмут ли еще мою болтливую! Мы сникли с О<льгой> А<лександровной>, но не отчаиваемся.

Вот, премия дана миллионеру Голсуорти[130]. М. б. — по праву. Она ему не нужна. Но я рад, что не М<ережковско>му! Если бы Вы зна-ли!.. Вчера был Кульм<ан>, расска-за-ал... Пусть сие даст Бог, сохранится в истории совр<еменных> лит<ературных> нравов — в наставление потомству. Да, чтобы не забыть, — «Пантелеймона», если не затруднит, пришлите флакончик. Или — где в Пар<иже> достать? — А теперь к «нравам»: У-мора! гнусность!! Сик.[131] Прелюд: Прокляв, понятно, Голсворти, что «дано», М<ережковск>ий, говорят, написал ему — и раньше писал — и по-лу-чал от него «пособия»! — что «описан» весь, уже пухнет с голоду с семьей. А т. к. Голсв<орти>, по слухам, хочет отказаться от денег ради «доброго дела», как пишут, — М<ережковский> будто бы просил «поделиться», попросту дать ему, **первому** из кандидатов. Табло. Но это — по слухам, что ве-роятно. Но вот — факты: М<ережковск>ий сам отправился к Андрею Левинсону, худож<ественному> критику, пишущему в «Кандиде», на квартиру пришел — редкость! — и — рассказывала жена Левинсона Кульману! — озирая квартиру, ныл: «какие вы счастливые... у вас есть стулья, кресла... а у нас «все описано»!.. мы погибаем...» — Ложь! Это — Иудушка. Это — болезнь?! Не знаю. М<ережковск>ий получает от Сербов на два пая по 600 в мес., от Чехов — 380 — мес. От фр<анцузов> — таинственно, причем собратья обошли и меня, и Зайцева, и Рем<изова> — на два пая по 500 в мес. — с Гип<пиус> — итого — твердых 2580 фр. в месяц! Не считая, что выгонят они двое в Пос<ледних> Нов<остях>, в «Возр<ождении>» и в «Сегодня», не считая «Совр<еменных> Зап<исок>», изданий книг и — таинственных «капель с неба», ибо они уме-ют сие. Кварт<ира> довоенная, недорогая. Имеет секретаря, прислугу. Ездил -ит в «трэн блэ»[132] только. Сбирали ему по свету, мно-го! С ручкой канючили, уме-ют! И — счастливые, сту-льчики имеете...! Хорошо. Пришел к Зайцевым.. — счастливые, у вас мебель, теплый угол... — Зайц<евы> живут оч<ень> скромно, кварт<ира> 400 в мес. — а у Мер<ежковских> — барская. И канючит: «погибаем, возьмите нас, кормите, дайте уголок, мы бу-

дем сми-роно сидеть, доживать...» Табло. Факт. Мало того: зачем пришел?! Просил-умолял Лев<инсона> — напишите в Канд<иде>, что вот, был единств<енный> первый бесспорный кандидат, сколько сотворил... и опять — погибающему — не дали, а дали Гельсв<орти>! Левинсон написал, появ<илось> в Кандиде. Еще не читал, Кульм<ан> пришлет. Что же дальше? Тут речь о Б<унине>. **Уверенный**, что ему дадут, Бун<ин> остервенился, не получив, прочит<ав> Кандид<а>, узрел, что М<ережковский> — «единств<енный>» кандид<ат>, — и освирепел. Написал Левинс<ону> протест<ующее> письмо, копию Кульману, — и вставил, для разумения, в письмо Л<евинсо>ну выписку из п<ись>ма М<ережковско>го к Б<унину>: «конечно, я понимаю, насколько Ваше творч<ество> выше... Вы — неоспор<имый> кандидат... а я — антибольшевик-де, неприемлем, меня не терпят, за мой протестующий против мира тон, а вас всячески поддерживают «большевизанствующие еврейчики-критики и репортеры тут и в Швеции!» Вот, теперь Левинсон — еврей, милый человек, — про-чтет! И пойдет по Парижу гулять сия ми-на. Для сего, д<олжно> б<ыть>, копия письма послана и Кульману. Как зависть, честолюбие распаляет-то! Поглупеть так, дойти до доносов... — публиковать почти! И это — прости, Господи! — во-жди литературы. И это... когда безработица, люди стреляются, тоскуют о родине... — а «великие», обеспеченные и работой, и избалованные вниманием критиков — Бунин пожалов<аться> не может, к<а>к и М<ережковск>ий, в волоса др<уг> др<угу> вцепи-лись! Тьфу! Я не судья, не «нянька», и не для сплетни пишу, а... — отмеча-ю. Да как же так?! Литература русская — называли ее — совестливой, мировой совестью... — и... — старейшины готовы выцарапать зеньки! Ну, подерись, ну, в ухо дай — сгоряча будет... а подбираться под душу, рассылать выдержки из писем, тайно изобличать..! чтобы напакостить, чтобы «еврейчиками» хлестнуть и — утопить... — это «нарушение правил игры», это хуже всяких баб-судомоек... эта — «погоня за лаврами», с подножками, с доносами, с выжалобливаньем, «крива-крива ручка»... — подайте, милостивцы, на построение штанов, когда... сек-

ретари, трэн-бле, и пр. Когда-то М<ережковски>й, увидя скромную кварт<иру> одного писателя, сказал, на его укоризну, что вот, живем же... а у вас какая квартира!.. — сказал: «да, но вы уж на дне лежите, а мы еще плывем и вовсе не хотим на дно!» Теперь он канючит: «возьмите к себе, кормите нас, мы будем тихо в уголку... Что за «розановщина», мармеладовщина, Иудовщина...! Нет, притворяется подо все, а сам хитрей хитрого! Воображаю, что было бы — получи он эту при-Ноб<ель>! Уж сейчас говорит — или намекает — у Иудеев — Бог-Отец, у христиан — Бог-Сын... у — ? — М<ережковско>го? — Дух Святый! Куда метит-то!... — и — в волосья вцепился! и — подайте забракованному первому кандидату, вы, сэр! Тьфу! Ох, старуха... права: «а уж эти антилегенты, барыня... уж такие завистливые на деньги... не дай Бог... сколько видала! ну, не все, а... повидала». Ну, отвел душу, почесал язычок.

Будьте же здоровы, милые друзья, не осудите за болтовню. А ежели я согрешил — простите. Все мы слабые. Я хотел бы получить приз, но... надоело нуждаться, и кругом бы помог, не расшвырял бы на транблюшки.

Договор от Bart<els'a> я попрошу, конечно, но как я его учту, Б<артельса>, если он такой «шаткий» мужчина?! И не знаю я, к<а>к идет книжка. Эх, всегда-то у меня сойдет с рельс! Впрочем, я и не питаю никак<их> надежд. Книжка — не для широкого чтения, не роман. Не везет. Обнимаем обоих Вас, милые.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Простите за многописание. Вожусь с «няней», мажу, а конца не вижу, **«апофеоза»**-то. Она еще поболтает, но я ее буду одергивать. Важно, симметрия чтобы была. А как Ваше здоровье?! аржаны?![133] Сегодня я получил 150 фр. и — ободрился. Налог не платил! Но — sa-va[134]!

161

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<8.XII.1932>***

<Открытка>

8.12.32.

Дорогой, милый друг, Иван Александрович!

Получили ли Гегеля, письмо от 20 XI, большое, и — спрашивал я — нем<ецкую> книжку авторск<ую> — «Твоя от твоих»[135].

Перечитываю В<аше> письмо о «няне», восторгаюсь и учусь. Пишу все, конца не видать, первые 180 стр. переработал, остается около, по плану внутреннему, стр<аниц> с сотню — и все. За-дал я себе — рО-ман! Но — поехал с горы, терпи до поры. Ничего даром не дается: блохи только кусают даром, да... собак мажут скипидаром. А то — платись. Ничего другого не пишу и посему ничего не имею. Катичка яснеет, к<ак> б<удто>? А нянька — толстеет. Иногда сам смеюсь — пишу. Порой — сомненье. Но — докачусь.

Ваша статья о «художественности» — уди-ви-тельная, для многих — откровение — и, для художника — вознесение труда его, его подвига, и — гордость светлая. На эту пробу — не многие выдержат! Вы *должны* издать книгу об искусстве. Это будет — памятник! — Нем<ецкий> издат<ель> не посылает мне никак<их> критич<еских> отзыв<ов> о книге, ник<аких> свед<ений> не имею. У-то-ну-ло. Получ<ил> от голл<андского> проф<ессора> литературы русской п<ись>мо: книжка вызвала восторг, и не у него одного. Это прф. ван Вейк, Лейден. *Здоровы ли? оба?* Мы мерзнем.

Боли отпустили, и я бросил все лекарства. Колю дрова да няньку пишу, и письма не пишу никому, не отвечаю. Декокт, если мож<но>, — вышлите. На случай, грипп будет. Коррект<ирую> «Лето Господне». Напишу Барт<ельсу> — вернул бы нем<ецкие> отзывы о книгах. Переслал ли он Вам п<ись>мо от 13 XI?

Обнимаю сердечно, будьте же здоровы.

Ваш Ив. Шмелев.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. — I. Ilyin
Sodener Str. 36 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne

1933

162

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<6.I.1933>***

<Открытка>

24.XII.32. 6.I.33.

С праздником Рождества Христова, дорогие!

Спасибо, милый Иван Александрович, за высокую честь, оказанную Вами рабу Ивану. Чудесная статья! На днях пошлю «Лето Господне». Побаливаю.

Ваши Шмелевы. Целуем.

<Приписка:> Здоровы ли Вы? Писал Вам дважды.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. — I. Ilyin
Sodener Str. 32 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne

163

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<16.I.1933>***

1933, 16 янв.

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

С новым годом и с прошедшим праздником Рождества Христова поздравляем Вас и Ольгу Александровну. И да утешит Вас Господь тем духовным утешением, которое излито Вами в Ваших созданиях!

Не браните меня за долгое молчание. Все от Вас я получил. И письма, и книжечку («Ваша от Ваших») и последнюю открытку. Все силы уходили на борьбу. 1. с материальными трудностями, 2. с квартирою, которую надо было как-нибудь при всем безденежьи обставить, 3. с остатками сердечного нейроза. И все было тревожно — тревожило и требовало напряжений. Одни эти аукционы, по которым приходилось ходить, дежуря часами, чтобы урвать задешево стол или стул... Какая чернь! Какие рожи! Какие вопли! Кажется — вот треснешь от отвращения, а стоишь и держишься. А домой придешь озябший и переутомленный. У меня сейчас только и есть утешения, что музыка (треснул, а достал сносный пианин) и

мои фельетоны по искусству в Возрождении[1]. Был бы счастлив думать, что этот фронт мой пользуется Вашим сочувствием. Их еще задумана целая фаланга... Между прочим, напишите мне, где Вам было бы приятнее видеть мою статью о Вашем искусстве — в Возрождении или в Россия и Славянство? Думаю, что Возрождение будет корректно и верно своему слову и напечатает все, что я пришлю. Даже не сомневаюсь в этом.

До апреля кое-как авось дотянем. А с апреля у меня есть кое-какия пере-спективы, но пока они еще совершенно не-до-спективы. Все в Воле Божией... Но к стыду моему бывают и часы уныния, всегда связанные с нейрозом.

Жажду вестей от Вас. Если бы Вы знали, как мы читаем Ваши письма — по скольку раз — просто высасываем! Напишите о здоровье и о внешнем, и о бюджете, и обо всем. Поправилась ли Ольга Александровна. С лекарством, к сожалению, образовалось таможенное затруднение...

А что же «**Няня**»[2]? Договорила ли? Родилась ли? Собираюсь упоенно читать ее! Когда? Какою радостью будет нам «Лето Господне»! Каким духовным утешением! Когда?

Не колите дров! Берегите себя!

Бартельс стал опять сносен и приличен. Но без денег! Он на днях хотел Вам писать. Напомню ему об отзывах.

Пожалуйста, если у Вас будут какие-нибудь отзывы о моем новом эстетическом фронте (фельетошки), то сообщите мне. Сейчас написал: «Талант и творческое созерцание». 1. «Талант». Потом напишу 2. «Творческое созерцание». Потом: «Искусство и зависть». Потом: «Эстетическая совесть»[3]. Потом «Самопознание художника»[4]. А там можно будет начать конкретную критику из всех областей, начиная с Шмелева и кончая дивной муниципальной площадью в Сиене.

«**Ня-ню**» мне!

До свиданья, дорогой друг! Берегите себя и да хранит Вас Господь! Да возродит Он наперекор всем иноземцам нашу Россию!

Братский привет мой Вам обоим. И от Наталии Николаевны.

Ваш крепко, до конца Иоанн (имя ему).

<Приписка:>7/20 мое «именино»; потрудитесь поздравить хоть открыточкой! Или Книгою!

<Приписка:> К сожалению, не умею вырезать из бумаги профили, а то вырезал бы профиль «знака масонска, в просторечии кукиш рекомого» и послал бы Димитрию Сергеевичу[5]. Прими, люби и помни!

164

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<17.I.1933>*

17 — 4 Января 1933. 5 ч<асов> веч<ера> Севр

Дорогой друг, именинник наш драгоценный,
Иван Александрович,

С Ангелом Вас, в обе щечки, в сахарные — златые — уста! От уцелевших остатков сердца — измочалила же его неверная жизнь! — от всех остатков шлем Вам горячие пожелания долгих дней, доброго здоровья, во всех начинаниях и творчестве — успеха, радости, осуществлений, и да достучит сердце Ваше до Светлого Дня — Российского! Не разумеем Вас отделимым от друга дней — и нежных, и суровых — от милой-тихой-светлой Наталии Николаевны — и в наших чувствах к Вам — чувства к ней, слиянно-неразрывно. Господи, пролей благость Твою на всех нас!

И без Вашего письма — по-мнил, и собирался с утра еще раз написать Вам, послать привет ко Дню Собора св. Иоанна Предтечи и Крестителя Господня. И жена помнила. И вот, гуляя в садике, обрел в половине 12-го письмо Ваше. И носил, не распечатывая, искушая себя и О<льгу> А<лександровну>. А она, из кухонного окошка, требовала — «рас-печатай, рас-печатай!» — как искушающий глас — гоголевскому почмейстеру. Догулял — распечатал. Как всегда, это «мальчику на хлеб», пря-ник. Ибо живого Вас чувствуешь в оживляющих строках Ваших. А мы было душевно захирели... — боялись, не заболели ли? И я уже отчаивался. Я всегда на худшее настраиваю себя, «меня настраивает».

Месяц, до 1 нашего января, я проваландался с болями, обычными. Но перемогся, не ложился в доску, а внутри постанывал. Думал — отошла от меня болезнь — кто ее определит?! — ведь с месяц перед тем я все стал вкушать и перестал есть каолин... — пришлось сна-ча-ла. Ныне чувствую позывы «няниться», и уже третий день взялся за «Няньку» опять, перевалив за 45 глав. Теперь она у меня «в руке», если ничто не помешает, через три недели завершу. Но и в болях я ее гладил и украшал, и переписал до 200 стр. Но — где же ее печатать?! Во-прос. «Совр<еменные> Зап<иски>» ослабели, тянут с авансом — 1000 фр!-то!! — **теперь** приняли новую манеру — печатать большие вещи с выбросками, кусками... а я не смею решиться на это уродство, и — решительно отклонил. Они словно и готовы пойти мне навстречу — но... — хитрые, упрашивают дать им ознакомиться... видите ли, о-чень любопытные они! — с романом. У них уже начаты и приняты романы — Зайцева, Алданова, Зу-рова... переговоры с Буниным, которому тоже предлагают со-кра-щения, — и моя «Нянька» могла бы идти с 53 — 54 книжки, а вышло 50 — т. е. через 8 — 10 мес. Я решительно отклоню и «любопытство» их **не** удовлетворю. Я положу «няньку» в стол, под стол, забуду про нее, про многое забуду, что и делаю помаленьку, но никогда на «анатомию» не пойду. Пусть печатают «упражнения словесностью» для времяпровождения в прохладце. Лучше я из «няньки» — пока — лучины нащеплю, понаделаю «очерки», где-нибудь совать буду — ох, нет у меня газеты! — но на «совет нечестивых» не соглашусь. «Ибо еще побредем, Марковна...» — как писал Аввакум[6]. Бре-дем... доколе стучит сердце. Правда, бедствуют, прогорают «Совр<еменные> Зап<иски>» — без денег, без твердых подписчиков, а розничная продажа по 12 фр., — рекламная, ни-чего не приносит. Да и мой, якобы «высший» у них гонорар — 600 фр. лист, сводимый ныне, за скидкой 10 проц. — общая их економия! — к 540 фр. — очень сомнителен. Возьмут, дадут аванс, начнут... — и — получи угольками. Все возможно. Так вот, радость-то моя какая от «Няньки»-то! Болтала, болтала — в пустом стакане ложечка.

(А прочтут, дух не понравится «Современ<ным> Зап<искам>») Пло-хо-с. Поверите ли... заработок мой... за эти два с половиной месяца 293 франка — вот как хочешь. Если бы не 600 фр. от ссуды благодетельской — как хочешь. Итог 38 лет писательства, 37 иностр<анных> книг, 25 томиков своих, не считая неизданного. Итог сладких и горьких мук. 293 франка! По 118 фр. на месяц. Но... сатис-сатис... сатискве аффатим[7]... садись-ка да хватим! Но, к несчастью, не могу и «хватить» — бо-лезнь. И курить могу лишь три папироски в сутки. За непокорство — платись. Плачусь.

Из возможного — «Мэри» кто-то из немцев хочет напечатать в журнале, но что дадут, и дадут ли — ?

«Лето Господне» — Божие наказание. Эта «Издат<ельская> Комиссия» в Белграде! Вы-шла, слыхал, но ее нет в Париже, и мне прислали два экз<емпляра> — екстренно, из коих один я послал, по требованию критика, в Ригу — уже 6-го янв<аря> хочет дать мне статью, но статьи не вижу до сего дня, и газеты не вижу, — перестали присылать, из экономии? — «Сегодня»-то. А на днях напечатали мой очерк «Искушение», денег пока не видно. Другой экз<емпляр>, тоже трепаный, у меня. Я два письма послал в Белград, прошу авт<орские> экз<емпляры,> спрашиваю — что же с книгой творится? Жду. Видел в «Посл<едних> Нов<остях>» — от «Дома Книги» — книжная лавка — поступило для отзыва — «Лето Господне»... — и все. И нигде в объявлениях нет, ни в «Возр<ождении>». Запросил кн<ижный> склад «Возр<ождения>». Знакомый завед<ующий> пишет: «от Вас только узнал, что книга вышла, у нас нет... затребую сам из Белграда». Каково? Чи-новники, на жалованьи, там... — и вот, яма для книг это «наше» издательство, призванное к жизни — дабы поддержать русских писателей! И дали всего 1169 фр. аванса! Губят книги. Но... негде издаваться. Теперь не знаю, что делать с другой книгой — «Богомолье»! Душевная моя... Не дам, не дам Белграду. Ткну под стол, в «шапку-подкладку», но не дам. Из-да-дут когда-нибудь... из-да-дут. Если я что путное написал — так это же оно, «Богомолье», — слышит душа моя. Я **пел**, душа моя пела,

сердце играло в тихости и благостности перед Божьим Миром... Время лоренсовой похабщины, «упражнений-испражнений» пустодушья, «игры словес»... — нет, это же «опоздало» — «Богомолья» эти! Ви-жу. Куда тебя несет, са-лоп! Так вот. Ждал авт<орских> экз<емпляров>. Пока не дождался. И О<льга> А<лександровна> сказала: пошли хоть **свой**, разрезанный, измявшийся в дороге — плохо завернули в Белграде! — пусть помятый, но пошли, к — Ангелу! Примите — и простите. Правда, лучше такое, чем — ничего. А я пока побуду безо всего. Пришлют. А хотели к Рождеству выпустить... — и вот, нет в Париже, хотя, будто, и есть!?? Тьфу!.. **Так мы** делаем **свое, родное**. Кризис, книги не идут, не покупает обедневшая эмиграция, а кто имеет деньги — **меня** не покупает, — «не ко двору». Вспомнишь — ах, где же ты, родной читатель?! Остается утешение — «нет пророка во отечестве своем»?? Если бы **это**...

Еще раз благодарю за честь, которую Вы оказали мне, недостойному, посвятив очерк — «Искусство и вкус толпы». Это покрыло все невзгоды и лишения. Пишите, творите, втолковывайте, рас-крывайте непосвященным. Одно горько — видеть в той же газете таких «словесников», как Худосеичи... — потливы гордые, самоуверенные мощи (Мережковский) египетские-вавилонско-халдейские, «штоссы» (Лукаш) и «чуркиных» маститого Коровина, решившего зашибать деньгу «охотничьими анекдотами». Но... стало быть, по сеньке и шапка; по дерьму — черепок. Но не смущаюсь: выбираю «ягодки» и на пустыре. Украшайте. Деревенская лавочка... все должна держать — такова «гуща» эмигрантская. Не знаю, что в газете творится, никого не вижу, нигде не бываю — забился в щель... Смотрю на небо, слежу, как почки распускаются на розах... мороз хватил. Топлю печи, оглядываю в жути убывающую горку угля. Радио, в лучшие дни заведенное, — недоразумение, — «непродажное», ибо никто не возьмет, а возьмет — не заплатит, — поет по вечерам... — а мы, у печки, стареющие, одинокие, оба-одно, жи-вем... «ино еще побредем, Марковна...» — доколе Господь укажет.

Вы спрашиваете, где печатать статью о творчестве Шмелева? Уже сомневаюсь — **есть** ли таковой... и его

тво-рче-ство. Но если мальгрэ-ту[8] — есть, то все же лучше... ежедневный орган, чем... «перемежающийся», хотя мне и приятный. Подумайте, при всей своей бедности, они напечатали мое «Богомолье», платили честно, по франку строка, и дали мне всего **хлеба** почти 10 тыс.! А в «Возр<ождении>» вот скоро 4 года отсутствую. Таков «перст судьбы», и я его слуга. — От Бартельса ничего приятного, неск<олько> отзывов критики. Все замерло. Все уже переведенные книги, семь — в анабиозе, без причала. И лишь Кандрейя надеется устроить «Мэри» и что-то еще. «Няню» — где ей перевести?! И кому интересно читать — неприятности? Иностранцам-то, говорю. — Счастливый, музыку «умеете»! Радио — что! Будьте здоровы, дорогие, милые, Господь с Вами. Не весело я пишу. Угла не завели, одни старые чемоданы, пара чашек, ложечки, штаны покупать надо... рубахи порвались... сам стригусь, научился, сзади! Но с голоду не*) помру. Хотелось бы в тепле пожить. Солнышко выше ходит, весна скоро... — а я, было, помирать думал, так меня прихватило. И — за Вас все тревожился. Кульманы навещают, Бальмонт, никого больше. Ивик приходит. Но надо — за «Няньку» — дорвать душу.

Целуем, обнимем душой обоих.

Ваши все — Иван — Ольга Шмелевы.

<Приписка:> Одновременно шлю книгу *не* заказом, м. б. дойдет. И. Ш.

С новосельем! Купили бы старый диван — и вдруг нашли бы та-ле-ры!

165

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<30.I.1933>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо, спасибо. Спасибо за книгу! И за то, что ее написали. И за то, что прислали, и за то, что оторвали от себя авторский уникум. И еще за милое письмо.

Эта книга — философическая*. Я давно твержу людям, что стихия православия не мироотвергающая, а ми-

*) Есть на хлеб, утаенное от лучших дней, о, немного-немного!

* Если выпущу когда-нибудь мою философию Религии, то с указанием на нее!

ропреемлющая. Облагодатить быт — и тем переродить его. Освятить каждое дыхание — *не* «возвращая Богу» «входной билет» и не секуляризируя себя и человеческую жизнь. Ваша книга — живое иллюстративно-прочувствованное, художественное доказательство правоты этого понимания. Великолепно! Мы пьем из этой чаши, нередко со слезами умиления в глазах.

Берегите няню! Конечно, можно и кусками! А в Современные Записки *напишите прямо* — что *сие есть работа филигранно-ювелирная* и что кромсанию ее *невозможно* предавать. Пускай берут хоть половину, но благоговейно.

Мне тоже *очень* трудно в материальном отношении. Туземная жизнь выпирает меня вон как пробку — и в то же время *все время* предлагает *бесплатно* выступать и писать. Каждую марку считаешь!

Имеете ли Вы связь с Русским Голосом — газета в Нью-Йорке? Она переходит с еженедельной на ежедневную в скором времени. В Америке вообще начинается духовное пробуждение русской среды. Я не знаю ихнего адреса. Узнайте в Париже и пошлите им что-нибудь. У них по-видимому есть средства, а страна валютная.

До свиданья, дорогой друг! У меня сегодня опять трудный (нейрозный) день. Берегите *себя,* ради Христа! Не колите дров! Не кушайте запретного! Не раздражайтесь на людскую пошлость и подлость! Молюсь за Вас Господу Сил и Любви!

Целую ручку Ольги Александровны.

Наталья Николаевна шлет Вам свой привет и Ольге Александровне. Повидаться бы нам!

Ваш иподиакон Иерихонов

1933.I.30

166

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<12.II.1933>***

12.II.33.вечером.

Вот север, тучи нагоняя...
Дохнул — и —2°.

Здравствуйте, милый друг Иван Александрович,

Нет бумаги хорошей, а эта — «машинная», и пишу ма-шинкой, уж простите ремесленника, машинописца.

Но не машинально пишу, а — от полноты сердца, пусть уставшего, но еще чувствующего. Слава Богу, если мое «Лето Господне», сохранившее то благостное, что **было** на нашей земле, или, казалось, было, благостно тронуло сердца ваши, друзья. Столько, ведь, мерзостей старались находить в русской жизни враги и друзья даже, и писатели иные, русские, за что получали благоволение и поощрение от «князя тьмы», что в должное я себе поставил порыться в сердце, вспомнить себя и объяснить себе, да откуда же во мне тоска по родному, вздохи и слезы порой, откуда же... — не от мерзостей же, не от дикости, не от «темного царства». Сон ли приснился в детстве? Его не выдумать, такой сон. Дай Бог жить книжечке... — да время теперь такое, что, как ребенку в толпе бегущей, легко и затеряться и погибнуть. Нигде в газетах не видел, что книжка вышла и продается... — таковы порядки белградского издат<ельст>ва. Писал, взывал, а книжки даже в кн<ижном> маг<азине> «Возр<ождения>» нет, не прислали! — но где-то все же продается. Была ст<атья> Пильского в «Сегодня» — в Риге, фельетон, любовный. Обещал А. В. Карташев[9] написать в «Возр<ождении>»... — давно хотел, да занятой человек... — м. б. и напишет постом. Но все равно, родилась книжечка, и я чувствую себя успокоенным чуть: будто ненапрасно в России родился, жил. О любимой пишу, ее пою. Ах, «Богомолье», где-то его издам, или издадут?

«Няню» написал, уф. Последнюю четверть — начерно, в четыре дня. Ну, запарила меня, старушка. До чего сварлива! И пришлось кое-что подновлять в первых главах. Не знаю, удалось ли. Я провел Катичку через теснины, она ломалась, терзалась, терзала, хвостом играла... Выбрал же я при-ем! Руки связал себе, свободы себя лишил, как рассказчика, который волен дополнять и уяснять. Взял такой примитивный аппарат, как старухин язык, — да это же — что блоху подковывать молотком кузнечным, — от блохи что останется? Ограни-чил себя, но... и «упростил», будто? И получился — **плач**... «на реках вавилонских», у 77 дорог. Ску-ли, старуха... выдирайся на бережок, спа-сай силой, тебе присущей... Иконка, куча муравьиная, тальма со стеклярусом, скрипучая

улитка, Василиса-Премудрая... — все. То, что и надоело, словно, и без чего **нельзя**, без чего — страшно на бездорожьи... то, чего не ценили, чего не ведали всерьез, на что ворчали, и — без чего **не** могут, что неизменно, верно, хоть бы **все** вверх ногами стало. Так мне грезится моя Дарья Степановна Синицына, Тульской губ... — правда и душа-совесть русская, «элемен-тар-ность» — не боюсь! — русская. Ну, не мне разбирать... я — сапоги сшил — пожалуйте, сударь.

Но где же буду я ее печатать?! «Совр<еменным> Зап<искам>» **не** хочу отдавать на суд и «вырезывание»-«обрезание». Пусть дерюжку жуют свою, береберинок печатают и сиринов-поющих[10]. **Что**-то во мне упорствует. Ведь «старуху» мою можно было бы фельетонами пускать в газетах, и ждали бы след<ующего> №, чувствую. Есть антерес, а о художестве не мне судить-говорить. А за язык спокоен. Живой, не крапленый, не сведенный, не предумышленный. Ну, спи, старуха!

Вышла итал<ьянская> «Чаша» у «Каза Биетти», в универс<альной> библ<иотеке> «Рекляме», за 3,5 лир, а в ларях продается за... 1,5 — такие порядки там. В на-род пошла! И с ней... при ней... кобылка моя — ! — «Мэри» и еще «Марс»!! Нежданно. И не заплатили за добавку, а за «Чашу»... 240 франков!!!!! Ибо — могут грабить. Конвенции де не было, а написано эн когда! Зато перевод хороший, любовный. Но Бог не без милости: в февр. — март. №№ мюнх. журнала — 46 г. изд. — «Дойтче Цайтшрифт» — «Кунстварт», печатается «Мэри»! Обещают чего-то дать. И еще: в Цюрихе есть издат<ельство> — об<щест>во издания «хорошей книги», издает «Мэри» — предлагает по кр<айней> мере 15 тыс. экз. по 50 сант швейцр., а мне около 750 фр<анцузских> фр<анков>. Что же, что волку в зубы — Егорий дал. Переводят голландцы, но устроят ли — ? — А. Лютер прислал милое письмо, обрадовало его — пишет — «Лето Господне», называет — чудная книга и говорит об «устоях, формах, ри-тме», чтó мир утратил и скользит теперь..., о том, что было, что так сладко зовет в «Л<ете> Г<осподнем>», что благостно отзывается в душе. Я рад. Амфит<еатров> написал восторж<енное> письмо, где — прости, Господи, ставит

«Лето Господне» рядом с «Детск<ие> годы Багрова», «Сем<ейные> Хрон<ики>»[11], и впереди — ?! — «Детства....» Толстого. Перехватил, понятно. «Не подберу «Лету» в наш<ей> и мировой литературе — рóдни. О языке... — занес в «свой Даль»[12] много слов... «а я ли не москвич, я ли не знаю **слова**?» Правда, она слова зна-ет. Если не комплимент, а он не любит комплименты, — то — занесу в кредит счета моего.

Теперь — буду эти недели — 2 — 3 — подшивать подол нянькин, выглаживать. А мне «католичка, хромгорбатенькая», графинина сестра, в Париже, — пригодилась! И Авд<отья> Вас<ильевна> — лавошница пригодилась! И «синема», этот символ сумасшедшей технојизни, этот «бенгаль» — очень пригодилась! Катичка завертелась... кругом лапы, рыла, хватают... а она летит поверх сего, и только края платишка мажутся где-то... а ее **несет**... — и навязавшаяся неотвяза, старуха... тщится, стоит, как какое-то «огородное пугало»... «Пши-проклятые!» Это не роман, это — «фантастика», кошмар, бред... — страшен сон, да милостив Бог... — но мы же, мы же — в сне сем, в кошмаре, на воздусях! И хочется крикнуть — «нянь, поди сюда...!» — как в детстве, в ночи, в страхах невидимых.

Но... что с нами будет — не ведаю. Отболели, словно, а О<льга> А<лександровна> голос потеряла, ноги болят, нервы воспалены, д<олжно> б<ыть>, но не лечится... А мне ставила банки. Опять завернули морозы. Я так опустошен всем, и работой, и житием, и пустотой жития, что... — да что же я смогу **еще**-то написать?! Иногда мне мелькает мысль: ах, если бы перевести «Лето Господне»! Но не Кандр<ейе>, конечно, она **не** совладает, там каждое слово осмотрено, поставлено к месту, поскольку чутья хватало. Там каждое слово — из души. Перевести мог бы только А. Лютер, чую, да — издателя не найдется, да и согласился ли бы? Боюсь и поднимать вопрос. Знаю, что не время ныне, что — все под ???? Но как мечту — вскрываю. Но для познания — ***нашего***, для европейцев — замазанного кровью-грязью-зверствами, кнутьями, жандармами, каторгой, виселицами, всем гнусным сгущеньем зла и ненависти — ох, не мешало бы европейцам по-

казать — вдунуть в них — благостное дыхание того «сердечка», без которого не было бы великого народа. **Эту** Россию — мало кто ведает. Россию — грубую, да, простецкую, да, наивную, да, прожорливую — да, пышную — да, благую — да, тянущуюся, слепо часто, к Свету Христову, взыскующую Света... — мало кто ведает. Немцам она — ближе, понятней. Французы — ни-чего не поняли бы, — им неинтересно было бы, — пресно, слишком наивно. Нет, решительно говорю, — у нас страшно много общего с немцами, в ду-хе, во вкусах, в устремленностях, в стремленьи страстном — **быть** и **влиять, велеть**. Мы неизжиты, мы — страшно живуче-молоды. Мы — духовны, мы — от «груди Господней», мы — прильнем к Лону Его, мы Его «заставим», дерзновением да — принять нас! «Толцыте — и отверзится». Ну, голова замутилась, истомленная голова. — У вас — перемены. Новые пути. Конвульсии — или выпрямленье? Во-прос... Предвижу — великие трясенья, распады, страшную химич<ескую> реакцию и какой-то важный кристалл в конце. Германский дух не может сыграть впустую. Если для себя и сыграет — для округи — *и-то-го будет*. Теперь немцы могут декламировать, маленько погодя: «Блажен, кто посетил сей мир». Лишь бы Вам не пришлось быть «собеседником»!

Поцелуйте от нас, от О<льги> А<лександровны> и меня, Наталию Николаевну. Господь да будет с вами, милые, будьте здоровы. Читаете по-итальянски? Тогда пошлю Вам «Чашу».

Обнимаю, редкий, далекий друг!

Опять — бромюры, а то спокоен был. Но эти 3 дня какие-то «флюиды», неспокоен, приступы томленья. Или это — «что ж непонятная грусть тайно тревож<ит> меня... Или жаль мне труда, молчалив<ой> скучн<ой> ночи?...»

Ваш довека Иван Старухин.

167

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<13.III.1933>*

13.III.33. Севра

Дорогой друг, милый Иван Александрович!

Давно не писал Вам, а сколько событиев-то... но они мимо прошли, души не коснулись; весь я был в «романе и романе страшном», завершал «Няню», — истрепала меня старуха, не дала старику мне покою... — иссякнул и телом, и духом, и... доходишком. Ну, ладно. Большое письмо написал Вам никак с месяц тому, бо-льше... — между работой и днем и ночью. Не знаю, дошло ли. Не знаю — и что с Вами. С громадным наслаждением читал Ваши очерки об искусстве, особливо последний, — о таланте и вдохновении. Чудесно Вы сказали, превосходно доказали, по-казали! — и за вихры потаскали, и ткну-ли неосмыслёных. Редко вижусь с людьми, но с кем видался — слыхал об их великом удовлетворении и восхищении. Хра-нят Ваши очерки! А сегодня прочитал о «все для народа»... — и поикалось, думаю, Вам, милый. Ведь **так** никто не говорил, никто так не лупил по мордасам демократическим, по головенкам пустым, по глоткам-хайлам демагогическим! Юниусы оплевали себе усы, если только имеют оные. И «искусство», и «демократию» надо Вам издать книжками, обяза-тельно. На-столь-ными должны быть руководствами, «родителям» нашим в утешение, отечества — которого, увы, все еще нет, — на будущую пользу. «Да будет **ему** триумф!»

«Няня» рождена бесповоротно и безпоправно, и точка поставлена, и на подоле замызганном стоит подпись родителя — аз, грешный, рукоприложил.

Читанные Вами 138 страниц — увы! — во многом уже не те, и не 138 их, а 122, и всей «Няни», не 250, как грезилось, а... 289! Последняя треть — такой стремительный скат с горы, что старуха счет потеряла, исплакалась, иссмеялась, изовралась, — уж так-то напужёна! — издергалась, истошнилась, что у читателей дух захватит, и живот схватит... — в Аме-рике побывала, королей повидала, душу исплевала и даже изблевала! Но... — Катичка осталась «как хрусталек чистой... ягодка свеженькая, без по-

минки». Была старушка в Париже, в Англии, в Ирмании, в Константинополе, у греков, у вингерцев, у сербиков, в Э-ндии... обезьянов видала и городских слонов, ученых... и тигру видала... и в самом змеином месте была... и в Америке была, в дыму самом... и пакеты у Абрашки клеила, для скуки... и, чего только не видала! И... по-двиг совершила, баушка моя... весь роман на своих плечах вытащила... Не знаю — **что**-то вышло?! Лучше не мог. Читал одну сцену одному чуткому *казаку*-поэту (потомку <*неразб.*>), культу-рному, стихи пишет, и *не* печатает, знатоку и почитателю Тютчева... — о, как он про Вас...! Он наизусть цитировал Вашу посл<еднюю> статью-этюд о «таланте и вдохновении»... — так вот... читал ему... а он, чудак, заплакал. Правда, когда я писал эту сцену, я заревел, без-звучно. Так же беззвучно, как слезы моей старушки-няни. Но... — это ничего не доказывает. Я знавал людей, которые и над дохлым тараканом слезы проливали. И мож. быть весь-то мой роман — слезы над пустым местом. Хотя... и у-мору есть, старуха моя порой разыграется — веселит. Да роман — это между прочим... — просто, хотелось мне самому послушать кой-чего от простой души. Но с какими психологическими трудностями столкнулся я при постройке этого романа, второй его половины! Не мастер я фабульное писать, с душами возиться... а тут нужно было через глазок простой пропустить... иные сложности. Боюсь, боюсь... Вашего суда боюсь, неподкупного. Ну, ладно. Не знаю, что теперь с этим романом делать. Он взял у меня почти год трудов, съел меня. Я не могу печатать его с купюрами. «Совр<еменные> Зап<иски>» просили прислать рукопись... Ну, прочтут... и все же скажут — не можем **весь**. А в нем 16 лист. сорокатысячных энов! Что мне делать? Пи-сать но-вый роман. Так говорит О<льга> А<лександровна>, решительно восставшая против купюр. И это — впервые! — восстала-то. Это не «упражнение в словесности», смею думать про свой роман: это с душой беседа. Если бы я не утратил «прессы», мож<ет> быть как-нибудь договорился бы с тем же «Перерождением», печатать мой роман. **Знаю**: он дал бы повышение тиража. Правда, это не «англ» роман-подвал, но и в нем есть

мно-го «приключений», и начнет читатель читать... и будет ждать «прод<олжение> след<ует>». Жене ни слова не говорю, боюсь — что обдаст меня холодным и укоряющим взглядом... но иногда мне — искренно говорю, исповедаюсь перед Вами, отче! — иногда мне впивается в голову досадная мысль... ах, досадно, лишен всего, некуда податься. Смотрите: «Лето Господне» вышло 2 с полов<иной> месяца... и только «Сегодня», — еврейская, ведь, газета, дало статью Пильского[12]. Посылаю ее Вам на-ура, если дойдет через рогатки возможные цензуры немецкой, ни одна наша парижская газета ни словом, ни запятой не отозвалась! — ни-как. Обещался Карт<ашев> написать... — пи-шет...? И если бы не «Мэри» моя, забытая лошадка... я бы не знал, чем завтра протоплюсь, чем завтра обойдусь. Мюнх<енский> журнал «Дейтче Дайтшрифт» — «Кунстварт» напечатал ее в перев<оде> Кандрейи — в февр<альской> и март<овской> книжке. Что-то получу. Др. Браун, сотрудник этого журнала и близкий к большой мюнх<енской> газете «Мюнх<ен> Цайт» — написал перево<дчи>це — шлите короткие новеллы Шмелева, мы будем печатать охотно. Там пла-тят. Перевела как<их-то> три рассказика — послала, ждем. И еще заскакала моя «Мэри»... В Цюрихе какое-то «воспитывающее вкус», педагогич<еское>? — издат<ельство> «Гуте Шрифт» — Хорошая Книга, предложила издать «Мэри» в колич<естве> 15 тыс. по 50 сант. швейц... и я получил 735 фр.! — французских... — и это счастье. Столько же — Кандрейя. И еще м. б. поскачет «Мэри»: редактор «Дейтче Шр<ифт>» написал Кандр<ейе> — что м. б. издаст помимо печатания в журнале — дешевой книжкой. (Но — вряд ли, нет вестей.) Немцам о-чень понравилась «Мэри», а Др. Браун даже писал Кандр<ейе> — жду с нетерп<ением> окончания... и предчувствую грустный конец! Нет, это очень трогательно. «Мэри» нежданно принесла мне маленько, как когда-то старому жокею... Не ждал. И еще заскакала «Мэри»... в Италии. Вышла — писал я Вам? — и, каж<ется>, запросил, прислать ли, читаете ли по-итал<ьянски>? — Вышла «Чаша», и в ней — фуксом[13] — оказалась «Мэри» и «Марс»... в универс<альной> библ<иотеке>. Ни гроша

не заплатили. Теперь послал Кандр<ейе> «Няню»... Но что она сделает! Язык будет, конечно, смазан... и потеряет 90 проц. жизни. Ну, не до успеха, лишь бы кусок. И вот, томит меня подлая мысль... — неужели я не проживу без газетных тисков, унижений, поклонов?! Да нет, сам я не пойду, сдохну, а не пойду. Другое дело, если бы мне предложили, если бы я мог выговорить свободу себе... и если бы принесли извинения. Это было бы другое дело. И — если бы согласились печатать роман мой*. Я говорю, — да, увы... — о «Перерождении». Дорогой, с кем Вы там связаны? Не прощупаете ли почву, ради сдавленного тисками жизни... романиста! Да нет, вряд ли что может получиться. Они сжимаются, а роман денег стоит. Это не англ. перевод, не про сыщиков. Хотя... — бьюсь об заклад, читаться будет. И издать-то негде. Да как же издавать, раз не получено за журнальное печатанье, а это самое главное. За «Ист<орию> люб<овную>» я когда-то 10 тыс. получил в «Совр<еменных> Зап<исках>», а книга дала мне пока — в русск<ом> изд<ательстве> 1600 — 1700. Правда, тираж — продажа маловата, ибо многие прочитали в журнале. Но ныне книгу не покупают, а в библ<иотеке> читают. Пло-хо. Я не посылаю Вам романа, он слишком велик, и на посылки-то денег в обрез... и что же я буду время отнимать у Вас! Да и боюсь — ну-ка пропадет рукопись. А у меня всего два экз. — один у переводчицы. Да мож<ет> она и откажется — поймет — не по силам ей. Да и кому по силам? Ну как язык такой передать! Я его сам творил... по внутр<еннему> слуху...

Не знаю, что делать, что с нами будет, куда понесет, где сяду за работу... ибо время подходит, и надо выселяться. Неужели я год труда — задарма! М. б. свыше сотни возможных рассказов и повестей брошено в роман, — хотя их можно и выудить и развивать... Одна сцена с «дядюшкой» в Париже дала бы повесть листа на три! — «Наследство».

---

* <На этой странице от руки поверх текста письма написано:> Нет, это крикнула моя слабость, временная; беру назад свою просьбу! Не хочу!! Пусть нянька спит. Пусть гуляет в заграничном платье... — *свое* свалилось. <Потом эта приписка была зачеркнута карандашом, с указанием слева на полях даты:> 14 III.

Ну, довольно. Благодарю Господа, что дал мне сил — закончить работу. Что не катался вот ужс два месяца — не сглазить бы! — от живота. Что весна, теплей, меньше возни с печами... что жена шьет мне пиджак, что есть еще дрожанье сердца, и воображенье еще не оскудело. Что-то я должен писать, но не схвачу желанье, не уловлю... — а что-то должен.

Ну, будьте здоровы, добрые друзья наши! Новое у Вас там, как-то Вы чувствуете... спокойны ли? И что из сего всего получится в наш кредит! «Демократия» вопит и скрежещет, «лиги прав мирового гражданина» кипят шправедливым негодованием, требуют «открытия границ» и прибежища, М. Ганфман[14] в «Сегодня» разражается передовицами и предрекает общую гибель «всех свобод»... одним словом, — закаркали вороны к непогоде, дождь будет. Мы присутствуем при истинном «пире богов» — мир стремится найти себя... И ни один «демократ» не скажет, разведя руками, как все они говорят о **нашем**, — «ну, и цто вы хотите... производится грррандиозный эксперимент, и трудно, и тгудно быть судьей...» — как недавно писал мне г. Томас Манн. **Теперь** гг. демократам вовсе не тгудно быть судьей, ибо производится не «опыт», а — погхом, — так они все вопят. И требуют для обиженных «открытия границ». А я, грешный... представляется мне, что гладкости не будет, что много — много будет «экстра-вагантностей», и многие еще удивят мир «злодейством». У вас становится, как будто, прохладней... — у нас может стать жарче. А в бедной России — горше. Не сдвиги какие-то происходят, мир — или грохнет в провал и окончательно сгинет культура... или — воистину — просветлеет человечество: сейчас стрелка судьбы дрожит на нейтрале... **что**-то должно свалиться на ту или другую чашку. Давно не дрожала так. Одно ясно: рождение нового мира будет происходить в страшных муках, покоя не узнает целое поколение... — а может быть для этого поколения покой и не дорог вовсе. «А он, мятежный, ищет бури...» Несомненно ищет бури... и браунинг для него теперь — вещь первой необходимости. Вот тут и пиши! вот тут и воображай! вот тут и **служи**... искус-ту-искусну!.. Явно: в казарму, в тяжелые гвоз-

дяные сапоги, под ружье-команду просится молодое человечество... — так спокойней. Атавизм дает себя знать. Хотят «бивуака, костров, знамен, скальпов, звериных шкур» — раз. И — «да здравствует мое племя!» — два. И — да к черту все остальное — три! Ясно: человечество провалилось на экзамене словоблудия. Выдержит ли экзамен — «приложения сил». Нелегка эта механика.

Прилагаю статью П. Пильского: **что**-то, будто, ухвачено, но... не все-то ро́вно. И на том спасибо. Это — Рига, это еврейская газета. А русские — а, «Лето Господне»... на-плевать. Им не до этого. И читатель не знает даже, что книжка вышла: издательство не разослало даже книги по редакциям! И я... махнул рукой. Когда-нибудь... читатель русский, тихая душа... узнает книгу и... погрустит, и воздохнет... — меня не будет. Да ведь я же **для себя** писал! Да, душе искал покойной заводинки... и плакал, и рождался вновь. И благодарю Создавшего меня, давшего мне сердце, душу, чувства... и такой язык... вселенский, наш язык — благодарю, благодарю за то, *что* дал мне силы **помнить** и воссоздать погибшее! Я счастлив: я же «Богомолье» написал, — поклон **РОДНОМУ**! Лучшего не напишу: нельзя. Вот только... кто издаст?! когда?! Не дам Белграду.

Неужели мне надо заказные письма Вам писать? Но у меня на марки — скудость. На-ура пускаю.

Кланяемся Вам обоим и обнимаем братски. Не забывайте. Здоровье Ваше как? Господь с Вами, милые.

Ваш опустошенный до́нельзя Иван Отшельник
сиречь Ив. Шмелев.

Наталии Николаевне — низкий поклон, целую руку. С удов<летворением> читаю газету Карпат<ская> Русь. Там начали печатать 2-ую часть «Рассказы Странника Дух<овному> своему отцу». Чудесно! (Рукопись найдена в келье Опт<инского> старца Амвросия[15]).

<Приписка:> Были у нас мощи Св. Пантелеймона. Молимся перед Сиенской Богоматерью — Вашей.

<Приписка:> 14 III 9 ч. утра. Восстав от сна, вскрыл запечатанное письмо, дабы приписать:

1) Вчера ночью прочитал В<аш> «Кризис демократии» — «Все для народа»[16] — О<льга> А<лександровна>

и я получили великое вознаграждение за полуночное бдение — Статья-этюд кристально-ясна, гранитно-крепка, бьет точнейше. Удиви-тельное мастерство ясности, неотвратимой правды — простоты — силы. 2) Продумав в подсознании (?) ночью, полагаю — просить Вас — все же не отказать — пощупать почву в «Перерождении». Некуда податься!

168

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<17.III.1933>*

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Сегодня праздник — письмо от Вас. Как всегда читается и высасывается каждая строка, «дегустируется» всякий оборот и оборотик. Читается в строках, над строками, за́ строками и все многоточия, строкоточия и насыщенные паузы.

Конечно — я свинтус, дождался от Вас ласки, не ответив на прежнюю; ну что ж — суди меня, судья не праведный!

Ну, пойдем по пунктам.

1. Нянька приветствуется урою!! Хорошо, великолепно! Теперь бы дорваться и начать заново с начала — и до конца тянуть сие вино доброе, долгостойное и благоуханное. Но Вы, конечно, не получая от меня известиев, предпочли отправить рукопись кандрюшкам на безмозглый прочит, стильное растерзание и беспомощноеперепертие. Хорош! А еще кум, и друг! И что стоило *послать мне* с обязательством по прочтении ей на самую швейцарскую лысую гору. И мы переслали бы за *наш* счет, конечно. А теперь, что делать? Мне даже страшно умолять о пересылке сюда. Не потому что прижим или возобновление «пира» у «всеблагих». А потому, что я мысленно и духовно с Вашей Няньки пылиночки сдуваю. А рыск всегда есть. Два экземпляра *мало*! *Объективно* мало. Один надо в незагорательный шкап, другой переводчице, третий себе, четвертый «приятелю председателя» на целомудренный и боговдохновенный прочит. А так — не знаю, что начать! По губам текло — в рот не попало. А у

нас в Отечестве говорилось: «Саша, хочешь шоколаду?» — «Хочу!» — «Хоти, хоти-и!» Конечно, я вчера смотрел на улице в дальнозоркую трубу за 10 пфеннигов — Юпитера с кольцами и спутниками! Хорошо! И даже сознание унес домой — «вот Юпитер, губы вытер и сияет как луна». Неужели с Нянькой так? Даллой кандрюшку! Она мне теперь по гроб жизни не только ведьма, но и соперница.

2. По-итальянски я читаю и даже смогу почувствовать. Непременно пришлите мне для пополнения моих «Шмелёвиана»! Буду ждать. Заказным не надо. Все доходит хорошо и верно.

Тут есть одна сентиментальная евреечка, по-русски плохо говорит, но к выдающим людям пристраивается и, пристроившись, тянет за каждым ихним словом: «Я е-та то-жя а-щю-щя-аю!» (гнусаво, горловито и в нос). Так вот я при Вас: эта евреечка. Что вы ни напишете и не скажете, то

«Я-е-та-то-жя-а-щю-щя-ю»...

И по-итальянски — «то-жя»...

3. Четырнадцатого марта послал письмо Семенову, прося его передать Абраму[17], что позиция их по отношению к здешним «пирам» — хорошая, верная и полезная. А потом — запросил, согласны ли они напечатать два моих клеветона *об искусстве Шмелева*[18]. Это да будет начальным и пробным шаром. Будь я в Ваших краях — я бы атаковал Абрама многажды на рейде и причинил бы ему все необходимые пробоины *по* «ватер»линии и *ниже* «ватер»линии. Но письменно трудно. Бывает, что они на письма *вовсе* не отвечают; а бывает, что через 10 дней. Все *решает Абрам*, сам; и, конечно, и такой вопрос будет решать он сам и один. Труден еще вопрос о гонораре; они сговаривались со мною строка — 1 франк; а теперь идет уже строка — 35 сантимов. Жмотничают там вовсю. Муратов не имеет «жалованья», получает построчно и только. Болезнь оставила бы его без заработка; и все в этом роде. По совести говоря — даже поместив мои фельетоны о Шмелеве, я все-таки буду писать им о Няньке с чувством крайней неуверенности, неуверенности даже в том, что Абрам *вообще мне* ответит... Но ко-

нечно, сделаю, как Вы хотите. Думаю, что об «извинении» etc. и думать нечего. Не такие люди и не с такой шкурой.

4. У Пильского есть хорошие слова и чувства; но есть и левоушибленные странности. Спасибо Вам, что прислали!

Написал бы уж Карташев! Что он тянет? Какой-то он скользковатый — вроде угря.

Газета Münch<en> Zeitung хорошая. Я знаю лично ее редактора. Его зовут Fritz Seger; несколько раз писал очень хорошо о моих выступлениях и книгах. *Наверное* читал по-немецки и На пеньках. Сколько они платят — не знаю.

5. Спокойствия у меня (по случаю нового) нет ни малейшего. Люди эти совершенно лишены силы сужденья; мышление им не свойственно; люди эмоций и воли; сильны в «нет» и слабы в «да»; в *качестве* человеческих душ не умеют разбираться нисколько; ответа нет.

6. Я до такой степени мало откликов имею на мою «Эстетику», помещаемую в Возр<ождении>, что думал даже прекратить всю серию. Ваше письмо меня подбодрило. Может быть напишу еще что-нибудь в этом роде. По крайней мере захотелось еще. А то — словно все в мертвую вату ложится.

Господи, как бы мы Няньку прочли!!

«Лето Господне» — благоухает навек. Не забудется, пока Россия будет.

Если бы Вы прислали мне «Рассказы Странника»[19] — я бы вернул заказным. Но лучше пришлите мне адрес «Карпатской Руси» — я выпишу себе из редакции, будет *свой* экземпляр.

Душевно Вас обнимаю и целую ручки Ольги Александровны. Наталия Николаевна шлет сердечные приветы.

Самочувствие мое колеблющееся — то выше, то ниже.

Ваш в любви и благодарности

ИАИ.

1933.III.17.

<Приписка:> Случился ужас: Любовь Столица[20] прислала мне на критику в рукописи — свою *ужасную* поэму — «Голос Незримого» — ссылается на мои фельето-

ны в Возрожд<ении> — «вот богоданный критик» сказал ей голос — что делать?

<Приписка:> Если у Кандрюшки хватит ума отказаться от Няньки, то я берусь снестись с Лютером.

169

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<20.III.1933>***

20.III.33. 11 ч. 25 м. вечера-ночи.

Буря мглою небо скроит!

Милый друг, Иван Александрович,

Нет, нет... я сдурел, измученный работой, в отчаянии от «няньки без места», и, не сказавшись премудрой моей Ольге, опрометчиво написал Вам о запросе в газете. Нет-нет, беру назад дурацкое свое легкодушие. Ради Бога — нет! Это — бесцельно — I. и второе — это недопустимо... мне, обиженному, идти в такую неприятную «каноссу»: я не Генрих IV, а там... какие же там Григории VII-ые![21] Там — Курапеты[22]... И — прошу прощения, глазам больно на бел-свет глядеть. О, слабость, легкодушие... но, паче всего, раздрызганность всей системы: ведь я одурел от работы над романом... боюсь за него!.. Ведь я такую чепуху написал — относительно последовательности событий в романе, что не будь любящей души возле меня, моей мудрой-тихой Оли... я, пожалуй, проглядел бы, а критики меня взяли бы под жабры, если бы когда и редакция проглядела, что легко возможно. Хотя пустяк, и Вы его никогда не узнаете, ибо исправлено уже... просто июнь оказался **раньше** апреля, по ходу событий романа, в рассказе моей болтушки-няни.

Это — раз. Второе: я пишу Кандрейе и прошу ее... переслать Вам роман. На суд. Суди меня, судия праведный![23] Но... — нет сил что-либо менять, дополнять: я вы-дохся, я теперь бутылка из-под рому, — был ро-ом! — что провалялась на чердаке лет трид-цать, в ней пыль, паутина, мухи дохлые, мышачий помет... и пахнет не ромом, а... дер...е...мом! Но Вы мне совестливо напишите... а? **Лучше** ей-ей не могу, так печь испекла, а перекладывать печь... — по-здно-поздно. Такая вышла из рук Печника... пирожки пекет не воздушные, а с корочкой, порой подгорит, порой с уголка подтреснет...

Вы ей вернете, как я пишу, дней через десять, а?... — А я почему не послал Вам? Бо-ялся... Я всего боюсь, напужён, бром надо пить.

Нет, нет... продолжайте писать-радовать об искусстве! Не-кому же писать. И не в вату глас, а в глубокое место... пусть немного глубоких, но учиться искусству **надо**!? Уве-рен, что Вы завершите труд философии и психологии творчества, анатомии и физиологии искусства, да-с! И дадите затем — хрестоматию, да — искусства словесного. Так ск<азать> — «семинарий» составите. Мне представляется, что Вы приложите Ваши выводы к произведениям образцового искусства нашего... на Толстом, Гоголе, Лескове, Чехове, Достоевском, — на лучшем у них. Это м. б. будет второй частью Вашего труда об Искусстве Словом. — Посылаю Вам «Чашу»-итальяну. Посылаю и «Карпатскую Русь». Я иду пред благословение и Покров Миссии Православной. На днях был у нас о. Савва[24] — сын П. Струве, — иеромонах с Прикарпатии, с мощами Целителя Пантелеимона, он мне и дал газету. Я с радостью детской читал. Я пел с О<льгой> А<лександровной> молебен, перед Целителем, перед Вами дареной Сиенской Богородицей... У меня нет образов, все только оттиски... да ведь и квартирки нет, имущества нет. Покупать — хотелось бы ста-арый Лик, опетый-обмоленый... — где же! Отцовское благословение — Троица... — увы... **там**! Господи, почему мы — я, я, я! — почему я **не знал** раньше радости ИКОНЫ! О, на 3 четверти скверно-впустую прогляденная жизнь! И вот, когда начинаешь постигать иные Радости... — склон, сумрак... сень смертная. Да... так о. Савва прислал письмо мне. Называет мое «Лето Господне» замечательным и просит разрешить им перепечатывать в газете некот<орые> очерки, начав с «Пасхи». Они дадут и понятие о русском писателе, статейкой — для чистых людей, православных, бедных карпатороссов, и вообще... православных. Я им с радостью разрешил. И хочу — думаю — отдать им на издание — «Богомолье». Пусть хоть кому-то послужит... пусть сперва покроют **все** траты, и только когда прибыль будет — дадут мне по праву-правде. Довольно писал — «Няней», м. б. и кончу житейское... — хотел бы отдать

себя — близкому духу, церкви, Господу. Хочу очерк о Св. Пантелеимоне писать — какая те-ма-то! под заглавием «Серебряный сундучок»! Тут встретится малютка-Ваня, старая-старая Москва, конца 70-х... уклад, старый дом... про-чность... сила и слава наша... и... разгром наш, юр[25] наш, стояние на ветрах, с ловящими ушедшее глазами, с глазами в слезах, — и старый Афон, русский, народный Афон — хранитель Православия, крепкий, с защитой силы, и нынешний, загнанный, гонимый, ограбленный, искусственно старимый и изводимый демократической — !!! властью былой Эллады! И серебряный сундучок, смененный ныне на кивотик[26] из дерева, носимый... сыном известного ученого... а когда-то простачки монахи носили... а ныне академик-монах, смиренный о. Савва, милый русский, осколок интеллигенции, Бога ищущей... И — Он, неизменный, он, Целитель, красавец-юноша, врач, умудренный благодатью Господа! Он, неизменный, в веках прославленный Русью и Православной Верой, Он... мученик и целитель... Он, столь нам нужный ныне... вечно юный. Это будет очерк, один из многих, как в «Лете Господнем», как «Царица Небесная», но... с проекцией к нашему бездолью... к болезням нашим, чающим исцеления...

Письмо от редакции «С<овременных> З<аписок>» — третье. Все пробуют «сойтись», но я не соглашусь на «выдержки», не искалечу «няньки». Я лучше, как бедный разносчик, помните, арбуз на куски-то резал? — изрежу рукопись — временно! — на куски — по копейке кусок! — и в розницу буду где-то печатать — на хлеб и квас. Но они приедут ко мне, редактора на сих днях, и я хочу им прочитать главку-другую, дабы поняли они, что **нельзя** вынимать главы... а м. б. и по всему тону-духу не подойдет нянька к «Запискам», как няньке не подходит быть стрЫженой и прыгать в фокс-тротте, и мазаться ружой[27].

А нем<ецкий> журнал мюнх<енский> «Дейтче Шрифт» что-то не шлет гонорар за Мэри, Канд<рейя> боится — не засадили ли издателя. Вот так — ри-ко-шет! Ну, воля сильных мира сего. На бедного макара напала кома-ра. Пришлите обратно Карп<атскую> Русь, Олечка еще не все прочитала и себе, и Ивику.

Ну, Господь да будет со всеми нами! Милые друзья, будьте здоровы. Вас обнимаю, родной, у Наталии Николаевны целую руку. О<льга> А<лександровна> целует Вас обоих.

О, как я устал!

Ваш неизменно Нянькин отец — Иван-Усталый,
а когда-то Ив. Шмелев.

<Приписка:> Меня донимает Б. А. Никольский[28] — для «Нов<ого> Пути», просит статейку Красное Яичко, — но я вы-дохся! Мне легче очерк писать, чем статью. Нет у меня такого настроения! Заступитесь за меня. Я уже писал ему, но он опять донимает. Он милый человек, и я дал бы, но сил нет. Если смогу — пришлю, но вряд ли. Будете писать — вступитесь, оправдайте словечком. Читал Ваши сердечные и сильные и, к<а>к всегда, *блестяще*-мудрые слова в Нов<ом> Пути.

Как я Вам по-хорошему завидую!

Ив. Ш.

170

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<14.IV.1933>***

14. IV. — I. IV. 1933. Севра.

Св. Великий Пяток, Страсти Христовы

†

Х. В.

<В этом месте нарисовано пасхальное яйцо с надписью посередине:> Х. В.

Христос Воскресе... Воистину Воскресе!

Милые, дорогие во Христе, Наталия Николаевна, Иван Александрович!

Поздравляем, милые, со Днем Светлого Христова Воскресения, и да осияет Вас Свет Немеркнущий! И да скажет Вам сердце Ваше, что из глубины душевной летит к Вам радостный возглас наш — Христос Воскресе! Вы это чувствуете — **знаете**. Немного у нас друзей, — увы, а может быть и лучше, что немного до-брых друзей! — больше ценится!! — и млеет сердце, когда вчувствуешься, что **есть** Вы, пусть хоть и редко-редко увидишься. Порой заноет душа от пустоты вокруг, от остро колющего порой

одиночества-сиротства... Но, Господи! В этот день, в этот сияющий светом воспоминаний Христов День... — не может быть одиночества, ибо — вся и во всем Христос![29] В онь[30] же благословим Христа во веки.

А я вот уже две недели опять занемог, опять валяюсь, и не пишу. Отбыл повинность грошевую, куда-то чего-то дал, для хлеба, из рассказиков, через силу, через великую усталость... — побираюсь по далеким газеткам, не имею верного места, «без места» я, шомер[31] выхожу, безработный... — и вот, лежу часами, не думаю, считаю механически до тысяч, если не в силах читать. И только вечная труженица, Ольга Александровна, пчелой неутомимой собирает хлебушек — напитать. А я, со «Старухой» — безработный. Ничего не выйдет с «Совр<еменными> Зап<исками>» — нет у них силов все печатать, а растерзывать, выкраивать шесть платимых листов, хоть бы «из первой части» — не могу позволить. Не стоит говорить, надоели мне эти разговоры, письма, крохоборство, «тришкин кафтан» издательский.

По моей просьбе Кандрейя еще 24 марта послала Вам заказным рукопись «Няни», — я писал ей — на десять дней только, — и от 9 апр<еля> получил п<ись>мо, что еще не вернулась к ней рукопись, ждет: чешутся руки переводить.

Вашего суда — страшусь, но... не могу, не умею, сил нет сделать лучше... М. б. — будь силы — и сократил бы, да... — спи, Старуха! Довольно писать, некчему!

За «Мэри» получил из нем<ецкого> журнала — 300 фр. На розговины. Слава Богу. Еще Кандрейя устроила «Лик скрытый» в журнале «Эвропеише ревю» какого-то принца Рогана — ! — пацифиста... — будто бы редактор трри раза прочитал, и в востор-ге — ?! Обещает даже и отдельной книжечкой издать... — на-до, говорит, это... А это было написано в 1915 году, да-вно, горькое мое, предчувствие мое... — **обман** все-общий... этот «Лик». О, в каких муках писал его. И посвятил... «Моему сыну». Господи... когда-то в аудитории Политехнич<еского> Музея читал... тысячи слушали!... Про-шло, утонуло, как **все**.

«Лето Господне»... Получил чуд<есное> письмо от гимназисток из Белграда, с «Христос Воскресе» — они «учатся познавать Россию»... — по мне (?!). Это было мне пасхальное яичко, вчера получил. И еще получал и получаю... — трогательно. Благодарят за «святые слезы». Так, да. Но наша печать... — молчит. И не скажет. И — не надо. Перетерпел, скрепился. Книжка найдет друзей — верю. Любовь и скорбь ее написала, и свет в душе. Важно, что написана. Дорого, что написано и «Богомолье». Придет время — издастся, кого и порадуем, м. б.

Так вот, как же мне не дать Кандрейе переводить?! Она меня нет-нет — а и подкормит. Горько, понятно, если не одолеет всего, но хоть устроит для заработка. Если бы из всего написанного мной осталось в родном слове только «Богомолье» — самое задушевное мое — и «Лето Господне»... — почел бы оправданием для себя невеселое бытие мое на сей земле! Господи, и я для чего-то **был**?.. Если бы Свет Христов отозвался мне — «не всуе и ты был»...!

Ну, милые, Господь да просветит Вас и осияет нас, убогих! Целуем Вас обоих в сей Светлый День Воскресения Христова и обнимаем. Смешал и от Марфы и от Марии... и свет души, и недуги, и суету дней. Прости, Господи, уныние и празднословие.

Ваши навсегда душой Ольга-Иван Шмелевы.

У-стал! ох, устал.

171

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<15.IV.1933>*[32]

Христос Воскресе!

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Не писал давно от трудных дел и плохого самочувствия. Простите за молчание!

«Няню» давно получили и читали ее долго, медленно смакуя, не торопясь и переваривая. *Очень* хорошо. *Великолепно.* Обозревая литературу — не вижу подобных созданий, ни по содержанию, ни по форме. Эстетическое задание единственное в своем роде; перевоплощение совершенно законченное; духу русского, слова русско-

го — источники первозданные и неиссякаемые. Но в *перевод* на иностранный язык верю с трудом. Разве передашь эти обертона, унтертона, естественное, чисто русское словоиграние, густоту быта, вкус стиля, душевно-духовные оттенки страдания, прежде всего *русского*, до конца русского, и лишь потом общечеловеческого. Кто найдет *слова* и *меру* для всего этого и адекватность передачи? Не Кандрейя же — она *половину и сама про себя не поймет*.

Дорогой мой! Разрешите мне послать ее *на прочтение* Артуру Лютеру! И выждем немножко, что он скажет?! А?

Очень хочется иметь вести *от Вас* — чем подробнее, тем лучше. И очень не хочется писать о себе. Взяли ли «Няню» Совр<еменные> Зап<иски>? Будут ли платить?! Как Ваше здоровье? Как встречаете Пасху? Мы оба христосуемся с Вами, с Ольгой Александровной и с Ивиком.

Меня изводит безработица, матер<иальные> затруднения и оживившийся от забот и удручения нейроз сердца. Может быть все это кончится в течение ближайших двух недель — сулят некие твердые перспективы. Но м. б. и так, что все опять сорвется. Если бы не вера и молитва, то давно не жил бы на свете.

С нежностью духовной и братской обнимаю Вас. Да пошлет Вам Господь сил и здоровья.

Возр<ождение> ответило: — писать о Шмелеве можете свободно и спокойно, сколько влезет. То-то!

1933.IV.15 Великая Суббота.

Ваш ИАИ.

172

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<18.IV.1933>***

18.IV.1933. Третий День Св. Пасхи.

Христос Воскресе!

Дорогой друг, милый Иван Александрович, обнимаем Вас и Наталию Николаевну и целуем — христосуемся братски! Да пребудет с вами и с нами Господь и обрадует дух наш!

Сегодня получил Ваше письмо, обрадовало оно нас, как привет друзей. Я послал Вам в Великую Пятницу

письмо пасхальное — не знаю, похоже ли оно на пасхальное, в скорби писал? — и еще отослал Вам италийскую «Чашу».

Горько слышать, что и Вам невесело, трудная жизнь и у Вас, милые. Нельзя, нельзя печалиться в эти дни, — воистину воскресе Христос! И знаете, как же Вы правы, написав: «если бы не вера и молитва, то давно не жил бы на свете!» Понимаю, очень понимаю. И на днях так **узнал** это!

Недели три опять болею, и так духовно ослаб, что не глядел бы на свет. В церковь пойти-подняться — нет воли. Томилась и О<льга> А<лександровна>. И молиться не мог. В трудную минуту я Вам писал, через силу. И вот, подошла Великая Суббота... Прекратившиеся, было, боли — поднялись, когда стало сердце сосать: да как же я, так и не поднимусь сходить в церковь, душу открыть молитве! Слабость, ни рукой, ни ногой... И О<льга> А<лександровна> говорит грустно — ну, куда же, в такую даль... на Подворье... останемся. А мы уж три года у Заутрени не были, уезжали на дачу, а то — болел. И вот, почувствовал я, как же ей больно — без церкви. Нет, надо пре-о-до-леть, **все**! И решился. Боли угнетали. И вот, выступили мы, в 8 с полов<иною> вечера... через весь Париж, из Севра-то. Боли донимали, скрючившись сидел в метро... В десять добрались до Серг<иева> Подворья. Святая тишина обвеяла душу. Боли ушли. И вот, стала наплывать-нарождаться... ра-дость! Стойко, не чувствуя ни слабости, ни болей, в необычайной радости слушал Заутреню, исповедывались, обедню всю выстояли, приобщились... — и такой чудесный внутренний свет засиял, такой покой, такую близость к несказанному, **Божиему**, почувствовал я, что не помню — когда так чувствовал! Как бы прикоснулся к Тайне: нет смерти, все отшедшее — **есть**, здесь вот, около... И когда я так чувствовал, вглядываясь сквозь слезы в над-иконостас, ввысь... — это было между Заутр<еней> и обедней... — странное случилось! Я думал о нашем мальчике, отшедшем, о Сережечке нашем... — в душевной тихости думал — нет смерти, **здесь**, с нами он... и все с нами и нет ни «было», ни «будет», а — **есть**, вечно **есть**... И вот, сидевший от меня

шагах в трех у стены Карташев почему-то поднялся и подойдя ко мне, шепчет!.. — «да ведь это же какая победа сегодня празднуется!... надо только внять...! ведь нет смер-ти... все умершие — жи-вы... и нет ни живых, ни мертвых... а все, все — одно... вечное!... отбитое у смерти, у ада! великим чудом Воскресения Христа!...» Я лишь смысл передаю. Но так это слилось с **моим**, так под-твер-ди-ло мое интимное, что осияло меня! Я же с ним **не** говорил об этом, и он не мог знать, о чем я думал... — он лишь сбоку сидел, не видал моих глаз, лица... **Передалось**! Ибо **это** — истина. Вот, какую радость нашел я, переборов слабость, искушение Злого, что удерживало меня — не ходи, трудно, не одолеешь. Пошел, — и кончились боли, и приобщился, и такой радости, такого Светлого Праздника давно не переживал, пожалуй — что ни-когда еще не переживал! Бодрые, пошли мы в половине четвертого разговляться к Карт<ашевым>, полчаса пешком шли, а в шесть утра сели в первое метро, к восьми были в солнечном саду нашем в Севре, три часика соснули и весь день были радостны, принимали добрых людей. Такой Пасхи не упомню. Правда, и погода же... какое солнце! И сейчас спокоен, и болей почти не ощущаю, и вернулся аппетит, а то три недели не мог смотреть на еду. Нет, да разве без церкви можно! Мечтаю — дожить бы до Вел<икого> Поста, и все, все службы стоять и — жить Господом! А Вел<икая> Пятница, стихиры у плащаницы! Да никакой Пушкин, Гете, все гении не могли бы дать — и не дали — ничего равного по силе! И это только перевод, с греческого! Займусь разработкой сего, все изучу, чтобы **своим** стало. Благословил Господь порадоваться.

Проходит Пасха, грустно... — опять суета дергающая, томящая, надо уезжать, выгоняет судьба, хозяйская воля, лишаемся угла, как всегда. А трудно подняться, ничего не заработаешь... лежит роман! Я Вам в письме от Вел<икой> Пятн<ицы> уже писал о «Совр<еменных> Зап<исках>» — не сговоримся, не могу ломать вещи. Больно бить, вырывать куски и показывать осколки читателю... Буду чего-то ждать..?

Я немного успокоился за «Няню», узнав Ваш отзыв. Не так уж слабо? не так уж ненужно?.. Ну, не мог я луч-

ше... такая печка, так уж испекла, с подгорелостью, пожалуй... — но... силы нет! Я так Вам признателен за желание мне помочь с переводом... глубоко ценю, милый друг... но — *не могу изменить слову*! Ведь я обещался Кандрейе дать! Ведь она так силится помочь, помогая и себе, понятно... многое она устроила. Отдать другому — наплевать в душу. Все равно, пусть **всего** не поймут, лишь бы мне деньжонок поскорей: не для иностранцев писал, не для них это, — *для нашего* писал. Милый, не обидьтесь на меня. И знаю: не сможет Лютер взяться, а если бы и взялся... — где гарантия! Но поверьте: великой бы радостью для меня было, если бы Лютер переводил! Да ведь и горького было бы сколько; не переносного! Как бы я мог смотреть в глаза Кандрейе!? Ради Бога, пошлите ей рукопись, она истерзалась, думаю... Сейчас ей напишу, что получит. Она уже беспокоится. Изломает она «няньку» мою, но... — ведь я же нищий! ведь негде печататься, изгой я... Грошами набираю с газеток, от кусочков.

Пришли гости, надо кончать, и скорей отправить письмо с нарочным, уходящим в город, чтобы не залежалось. Милый мой, Иван Александрович... если бы я в силАх был! Бессилен, беден... А то бы я Вас с Наталией Николаевной по телеграфу выписал сюда, и поехали бы мы с Вами по Франции... — отдохнули бы, и я слушал бы Вас, мыслителя, радующего, укрепляющего, прорывающего для меня — темного! — завесы тайн! Люблю Вас, как никого никогда не любил — не чтил. Вы же мне силу давали... благодаря Вашим словам — речам и книгам, и статьям я укреплялся, я получал силу жить и писать, и думать. И Ваше посещенье 25 апреля, в субботу, в 1931 году, по-мню... боли у меня были! Оно, беседа с Вами... укрепили меня в желании приступить к роману, только не знал — **как** начну, **каким** приемом. Помните, я Вам что-то плел, сам не зная... про «иконку»? А Вы, и Наталия Николаевна слушали, а мне было стыдно, что я както не так рассказываю...

Пошлите, милый, рукопись... Кандрейе, у ней, чай, сердце изорвалось. Получаю отклики о «Лете Господнем»... и много свидетельств, трогательных, что дошло до сердца... Пусть не пишут в париж<ской> печати... — все

равно дойдет! Доходит. Милые девушки — 32 души — из Белград<ской> гимназии — прислали привет пасхальный — за «Лето». Господь укрепляет.

Спасибо за Ваше утешительное слово о «Няне». Знаю, много там нехваток, надо бы сократить на 25 проц., но... не стало сил снова переписывать. Впустую вышла работа, не могу обменить на деньги, пропал год. И нет охоты писать еще, пуста голова, пусто в душе...

Рад, что нет запрета писать о Шм<елеве>, есть еще у них там чувство, не вовсе задавили. Обидели *они* меня неправдой своей — за мою **правду**! Отняли у меня **моих** читателей. Ну, все же побираюсь кой-где.

Целуем, милые, Господь с Вами.

Ваш Ив. Шмелев.

Молюсь за вас, да вернет Вам Господь здоровье и силы — жить.

173

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<20.IV.1933>***

<Открытка>

Дорогой мой! У меня нет адреса Вашей переводчицы Кандрейи. Знаю, что в Швейцарии — но где — не знаю. Пришлите поскорее.

Спасибо Вам за чудесное письмо с Светлой Заутрени. Да хранит Вас Господь. Скоро надеюсь написать.

Ваш И.

1933.IV.20.

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwane Chméof
9-rue des Rossignols
Sèvres (S. et. O.)
Frankreich. France.

174

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<22.IV.1933>***

<Открытка>

22 IV. 33

Дорогой Иван Александрович,

Кажется, в мартовс<ком> п<ись>ме писал адр<ес> переводчицы. Вот он: M-me Dr. R. Candreia, Schloss

Haldenstein, bei Chur (Coire), Suisse. Ох, заждалась Канд<рейя>! Скверно переведет, да лишь бы чего заработать. И зачем я «Няню» писал! Горько, негде печатать. Съел себя. А всем, будто, ндравится..? Буду уж «Крестный Ход» писать, доделывать **родное**. Где-ниб<удь> буду притыкать. А ро-маны... нет, не в силáх. Только что был на Серг<иевом> Подворьи, прощались с Пасхой. Люблю Субботу Пасх<альную>! Получили артоса[33]. Утешение — душе — Подворье. Когда-то опять приведет Господь..? Целуем Вас обоих. Господь да будет над Вами, милые. Да смилуется тяжелая жизнь.

Ваш Ив. Шмелев.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. — I. Ilyin
Sodener Str. 36 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne

175

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<1.V.1933>***

<Открытка>
1 мая 1933

Дорогой друг, милый Иван Александрович,

Снимаемся с зимней стоянки — на летнюю ковыляем, увы! Без надежд, без сил, без воли, без до-ли.

Будет желание — порадуйте весточкой на новоестарое место се жура[34] нашего, рьяного (?!). Жизнь взяла под ребра, и даже жа-бры. Ничего в волнах не видно. Светлое вчера внезапно услыхал, о погибшем мальчике нашем, от его соратников, как он спас человека от верной смерти. И я вспомнил **его**, светлого. И снова его дела пронзили душу. О, Господи!

Опять болен, и душой, и телом. К<а>к всегда. Когда же мученья кончатся! Пишу в хаосе отлета.

Бумаги нет. От «Няни», кому пришлось читать кусочками, — все в очаровании (?!). А я все недоволен. Будь силы и средства — сократил бы на 1/3. Но... все равно, негде печатать. Кончал базар Коля, хочешь шоколаду — хотю. Ну, хоти-хоти! Ничего не надо!

Привет Н<аталии> Н<иколаевне> и Вам, друг.

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Дорогой, переслали ли рукопись романа M-me R. Candreia? Адр<ес> ее: Schloss Halgenstein, bei Chur. Suisse.

<Приписка:> Чудесно. Ваше слово — суровая школа. Всем оч<ень> ндравится! Верррно!

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. — I. Ilyin
Sodener Str. 36 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne

176

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<9.V.1933>*

9. V. 33. — 9 ч. в. Заря свежая, поют соловьи,
и в животе поет-ноет.
Ланды...ши!

О, дорогой, милый, далекий Иван Александрович!

«Гонимы вешними лучами», даввимы жжжи-зни обручами — ?!! — какова ри-ф-ма-то!!? — таков уж нашей жизни тон... — мы вплыли в тихий Кап-бре-тон. Ибо должны были куда-то «вплыть», или, вообще, плыть, — хозяин севрский вступил в свои права, взял метлу — и... — «гонимы вешними лучами» и т. д. И так уж который год?.. Шумит суровый Океан, слезу роняет Иоанн... Ну, это так, для красного словца, никакой слезы не роняется, ибо уже нечего ронять стало: все давно обронёно. Пуста душа моя, при мне моя «Старуха»[35], ворчит-нашептывает в папке — «уж я старая — беспричальная, сирота я безначальная... и чего меня **он** таскает-выматывает, чисто я **ему** нанялась мотаться! лежала бы в небылом где, лежала-а... не маялась бы — не дышала-а, а так бы — нигде-э... вилами по воде-э..» Молчи, несчастная... мне тошней!

Пуста душа, не просится ничего, «не носится»... Опять, до болей растресся. И всего-то и есть хорошего, что в дороге прочитал «Одинокого художника», и сие дало мне силы дотащиться на перекладных, с ночевкой в Борде, как говорила одна «неарийка» — так я буду говорить отныне! — торговавшая старыми «обувями» в Капе[36], года три тому, а ныне уже собст<венная> вилла,

авто, и — по-прежнему — «а мой му-уж отъехал в Борду за товаром... са ва бьён![37]» Здорово Вы **дали**... не сказать! С каждой новой частью большого целого — об искусстве — Вы разворачиваетесь величаво и глубже вбираете душу и ум читателей. Как незаметно, Вы напитываете **искусством**, вводите в свой «университет». Воистину — **орошаете** нашу духовную пустыню. И какая ясность и какая предметная четкость изложения наисложнейшего — **искусства**! Никогда **такого** ни у кого не читал, клянусь. Такой «духовной» насыщенности, «хлеба живого»... такого глубоко целомудренного — по сознанию ответственности, — подхода не встречал... такого величия искусства не ведал!

Вы поднимаете уроненное искусство и ставите его, воз-дви-гаете как **животворящее** и крестоносное — ! — на величественную престол-Голгофу... а с ним и творцов его, истинного — Слова-Бога. Вот, именно, **таким**-то и должно было бы быть искусство. Таким оно бывало — истинное — и как же опоганили и разменяли его! Не могу писать в письме о сем, — надо с глазу на глаз, сердцем к сердцу говорить, ибо тут и современность, самую жгучую, пришлось бы зацепить... Слава Вам, показывающему нам... — **свет**.

Сегодня читал «Не уходите!» Верно, нужно, — именно — край ризы Божией — и скажу — «не умолкайте!»

Как я устал... — не высказать. И нет у меня, словно, этого «края ризы Господней»... — порой. Молюсь, хочу молиться... тает воля. И вот, совсем пуста душа... стыдно, ловлю слова, истаявшие мысли... — нет их, нет. А сколько хотел сказать!.. Никнет голова... слышу, соловей поет чу-уть... Ночь. О<льга> А<лександровна> устало перебирает посудой..., и жалко мне нашей одинокой и бесцельной... склоняющейся жизни, так в угол вышедшей... «Веянье края ризы...» — если бы внять ему, почувствовать освеженье этого веянья!.. Нет, устал.

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Посылаю непосланное когда-то, неоконченное, почти семилетнее[38].

<Пометка рукой И. А. Ильина:> Получено мною в конце 1939 года[39].

177

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<10.V.1933>***

10.V.33. Ланды и — ши.

Дорогой друг, милый Иван Александрович,

«Гонимы вешними лучами...», — такой уж нашей жизни тон, — даввимы жжизни обручами, — ?!! — опять вползли мы в Кап-бре-тон! Шумит за лесом Океан, слезу роняет Иоанн... — но это так, для словца, нечего уж ронять стало, все обронёно. Со мной «Старуха», поварчивает в чемодашке — «и чего **он** меня мотает без причалу!» Да, лучше бы оставалась в небылом. Пуста душа. Ничего не просится, ничего не «предносится». Ищу во все глаза «нетронутаго стола», по словоизвержению Худосеича — «перенесенного из России так, что и чернильница даже не сдвинулась...» — и не — увы! — не усматриваю. Ах, словоплут, желчевик, модернист-гнильца! Мало ему, что по четвергам вот уж лет шесть все в советской литер-?-помойке роется, вылавливая жемчуга... что Вовки-Познера «Панораму» прославляет, где кадил шустрый «неариец» — так теперь принято называть — совп<и>сателям и мазал слюной писателей русских... — за что я в свое время и оттрепал публично в редакции сего желчевика-гнильцу... — он еще вот продолжает плевать на литературу нашу здешнюю и корить огульно, что, мол, благодушествуют писатели, будто ни-чего и не случилось! Школ ему нужно... — **нового**! Или это заведомая гнусность — облить! — или — тупоумие. А вернее — злость змеи: не может — **не** «выпускать». Со спокойной совестью прохожу я мимо сего «выпускания». Не только не переносил стола, но и чернила-то совсем иные. Не мне судить, но я-то **знаю**. И все-то им формочки да школочки, да футлярчики, да ярлычки... За себя отвечаю перед собой. Но зачем же такая злостность и ложь?! Впрочем, я уже давно вне поля змеиного зрения, а особливо после «трепки». А Семенов нонче дельно написал! Я даже про себя похвалил. Очень хорошо, особливо про «Путивль»-то. Упущено еще важное одно: в былое время не было такой кабалы для писателей, как на чужбине. Жмут совсюду, не **дают** говорить свободно, творить. Сколько на

меня собак вешали за «Солнце»! за «Пеньки»![40] и мстили мне за все написанное, — левенькие-то! — не упоминая о моих книгах. Да, есть что переоценить и «по-новому» описывать и принимать. Только начал «Солдат», порожка не построил — ведь на три-четыре томища д<олжно> быть! — а меня уже «приняли» разные Кулишеры-Александровы[41] и Гадомовичи, за один только «обыск» у с<оциал>-д<емократки>!.. за нагайку-порку семинариста-хулигана[42]! Я и «Старухе»-то шепчу — не скворчи, дура, лежи в чемодане, — хуже будет, начнут тебя драть за барыню, да за барина, да за «леворюцию», да за «иврпу», да за... мол-чи! «Пеньки»... Меня немцы куда лучше поняли, чем наши дуботолы. Оглядывая созданное **здесь**, я — покоен. Но саднит на душе, когда слышишь — о «никчемности» нашей литературы. Кой-кому можно было бы бросить упрек в прекраснодушии и благодушии-самоусладе. Но так разделываться — неприлично для литератора, как бы узколоб он ни был. Худосеич всегда «потел» и «сосал», всегда по планчику пригонял, сей писарь литерат<урного> комиссариата... — вот он и требует но-вого, недоумок, шко-ол! Тьфу! Всегда меня тошнило от ярлыков, «формальных» и проч. «методов»... — от этих прописей ремесленного закоулка. **Все** ответил Худосеичам один только мой профессор из «Пеньков» — на **все** ответил. И на многое — до-ктор из «Солнца», и... **моя** «Панорама» сказала — словечками Варшева[43]. Нет, вижу: надо теперь не «старуху» выпускать, а... другого профессора! И если будут силы, я скажу кре-пче... про **человека**. Лишь бы не сглотали и на гладь не обрекли. Идиоты не желают постичь, что иному писателю, просто, **негде** столика поставить, а что уж о... благодушии и самодовольстве говорить! Есть и благодушествующие...

Что это я расстроился как..? Да ведь и назойливая мушонка иной раз остервенит, по глазу себя ударишь, а она уже на г...е сидит-радуется! в помойке пляшет-высасывает чего-то. Шко-лки им! Забавка им искусство! солитер выкладывать фигурный? Нет, эту пыль Вы не выбьете, дорогой И<ван> А<лександрович>, из этих мертвецов жизни не вызовете Вашими сильными, яркими, глубокими очерками по искусству! У них — искусст-

во — формочки для отливок фигурок и самодергалок-куколок, а у Вас — Бог. И у нас, истинных, — Бог. У них — сменка мод, а у нас — **вечное** и «стон на Путивле»... «Одинокого художника» читал на дороге, и сие придало мне сил. С каждой новой частью большого целого — будущего труда Вашего! — об искусстве, Вы разворачиваетесь величаво и властно, забираете душу и ум читателя. Незаметно, Вы напитываете искусством, вводите в свой «университет». Такого — ни у кого не вычитывал, никогда. Такой духовной насыщенности, «хлеба живого»... такого целомудренного, по ответственности, подхода не встречал... такого строгого, требовательного и величавого искусства не ведал. И как же перед **этим** — ничтожны и фальшивы все эти «школки» и «новые пути»! Путь — **един**, гласы многи. Но Боже упаси «подбирать» гласы, путей не ведая, **пути** не чуя, а... ища новизны. Предоставим сие — «неарийцам» современности, они мастера. И эти мастера забрали в свои лапки руководительство искусством, «критику»... — и на-пра-вля-ют! Вы делаете великое дело: поднимаете уроненное искусство и воздвигаете его, к<а>к животворящее, как крестоносное, на великий престол-Голгофу... а с ним и служителей его — воистину, слова-Бога. Чувствую, **каким** должно быть высокое Искусство: Бога оно открывает, Бога ищет, Бога покажет... — пусть в отдаленнейшей точечке... в сердечке человеческом... и — **всюду**! И — как «слово-Бог» — преображает жизнь. Тво-ря-щее искусство, которое заставляет алкать и жаждать Правды, тосковать, лю-бить. Скоты! Не понимают, что мы кровью творим... ведь у нас вся духовная ткань прорвана!... на чем же «узоры»-то нам вышивать?! С метриком нельзя подходить к нам, а говорить о «перенесении благополучном столов» — подло! Гадина так может. Не могу, разбередился весь... вот, и гадина может что-то делать... — гадина-то и жалит, на то она и гадина. С глазу бы на глаз о мно-гом поговорить! Чем вызван такой «всеобщий учет неарийства»? В печати не вижу объяснений. Думаю — у вас там выходит много интересных книг и статей, у нас — ничего, ни звука, все в особенном преломлении. А я доискиваюсь ло-гики, смысла, доводов, причин. Откуда же так все — сразу?! Не пойму и не пойму. Аудиатур ет альтера парс[44].

Сегодня читал В<ашу> статью «Не уходите!» Да, край ризы Божией... Не умолкайте! — скажу. Прочтешь Ваше — свежестью обвеет. А я устал. И нет у меня этого «края ризы»... Порой смёртная тоска валит. Жизнь наша с О<льгой> А<лександровной> в угол вышла. И церкви тут нет поблизости.

Как Вы живете, удалось ли устроиться прочней, как предполагали — найти определенный труд? Сможете отдыхать поехать? Дал бы Бог! Ну, Господь да будет над Вами, милые. Поцелуйте за нас Наталию Николаевну. И не забывайте. Ольга Александровна целует Вас.

Нет, на чью мельницу работают г.г. Х<о>д<асеви>чи? **Там**-то поликуют: «что, мы всегда говорили, что у «белой сволочи» никакой литературы, а — мертвецы! Горький все-о точно определил!» Вот-с. И это позволяет давать газета с национ<альным> духом. Чего ждать от П<оследних> Н<овостей>! Да, по мен<ьшей> мере, — недопустимо так — «поливать», и лживо. Да что, полячкам, побирающимся возле Пушкина, — что им **родное**! У них — **свое** «родное». Господи! Ведь мы, иные, мы духовное тело Родины ищем, ищем, вспомнить хотим, воскресить «в уме»! Раскрыть Ее выстегнутые глаза, отмыть Лик опоганенный... — **Икону** нашу! Да *где* бы я мог написать Богомолье?! Только тут — мог. И «Лето Г<осподне>». И — все мое. Мы ищем, воссоздаем подлинную, «пропущенную», прогляденную нами Россию! И зачем — «Литер<атура> ***в изгнании***»? Как посмел?! Мы **ушли** добровольно, мы **выбирали**. А чтобы — плюнуть! Он умеет различать слова, гад!

Простите. Обнимаю.

Ваш Ив. Шмелев.

Я опять болен.

<Приписка:> Порадуйте «летним» письмецом! Оч<ень> одиноки!

178

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<23.VI.1933>*

23.VI.33.

«Небо, сосны да песок...
Невеселая дорога...»[45]

Сколько, словно, годов пролетело, дорогой Иван Александрович, как писал я Вам, — в первой половине мая, — ждал, не отзоветесь ли... Увы! — нет радости. А только и радости нам, что получишь отклик от **человека**. Косвенно — все же я получил отклик: писал мне Бартельс-издатель, что думает напечатать в журнале мою «Старуху», в переводе Др. Лютера. Я ответил, что она свободна. Понятно, это Ваш отклик, горячо Вас благодарю. Пусть немного — а для меня **все** много, таковы дни тяжелые.

С великим захватом читали Вашу статью о н<ационал>-с<оциалистах>[46], первую. Великая Вам слава — за истинное, и за доблестное Ваше. Бо-льшая правда. На днях читал старческое лепетанье в «распоследних», само-гО. Вокруг да около, да осторожно, обходя острые углы, — и — «с уважением», его же не скроешь и бормотаньем. Не знаю, печатали ли Вы еще что: порой пропадают газеты, и, помнится, № от 31 мая, середа, не дошел до нас, — не было ли там Вашей статьи?

Ждал — «об искусстве». Как дей-ствует-то Ваше! Намедни Худосеича просматривал, его «амурничанье» с Выпи-усом[47]: в конце об искусстве нотацию запустил... от Вас набравшись, Вашими же словами, елико возмог. Дей-ству-ет! Думается все мне: много у Вас тревог-забот, и все больше думается, ибо нет весточки. Но вот сегодня... — а я и стеснялся, правду сказать, запрашивать Вас, в тревогах-то, а, м. б., и в нездоровьи, не дай Бог! — но вот сегодня прочитал о В<ашем> слове вдохновенном на «дне Культуры». И вот, позволяю себе постучаться в замкнутую дверь. У меня — страшный упадок духа, всяческая усталость и ресиньяция[48], и «ох, не милы мне зайцы..!» — и опять: для чего **так** быть? кому какая польза?.. «Минують дни, минують ночи» — «чи я живу. чи доживаю, чи так по світу волочусь?... бо вже не плачу, не

сміюсь...»[49] Пу-сто, не сказать — как пу-сто! Впрочем, недавно как бы просияло... — на Троицу, в ливень целодневный, нежданное письмо, два п<ись>ма! От неизвестных мне, неведомых... друзей-читателей! От «Русского Дома» в Сэн-Женевьев дэ Буа. Свыше полсотни подписей — и-мен: графы, князья, бароны, — генералы, шталмейстеры и егермейстеры даже... между старыми российскими «именами» — бы-вшими... — привет-признанье, и ка-кой привет! Слезы мне прислали. И я заплакал. Плакала погода, муть в небе, муть была в душе... — Троицын-то День! — и вот, блеснуло. Все так случайно вышло, — и вот, родной привет. Не ждал — **такого**. Слово дошло, и — слезы, и — сознанье **такой** утраты... и — грехов сознанье, прошлых. Утешили. Не книги мои читали, один бывший член москов<ской> суд<ебной> Палаты несколько вечеров сряду читал собранию обитателей «Рус<ского> Дома» мои «Праздники» и «Богомолье», вырезанные из газет и сохраненные! Пишут: «мы следим за каждым Вашим очерком», разыскиваем по газетам и храним. Я был счастлив. И еще: сочувствие... — это через 4 года! — по поводу ухода из «Возр<ождения>». Жалеют — лишены возможности читать меня. И я жалею, но — что поделаешь! «Рос<сия> и Слав<янство>» — на одре болезни, если не кончины. И вот, лежит мое перышко и не ды-ы-шит... текет моя кровушка, да не пы-ы-шит. Шмель попал на мель. Да, не надо было пускаться в плаванье, шмелю несвойственное! **Негде** печататься, а посему — нет воли писать, нет «прикормки». Эхххх! Летал бы по цветочкам, сосал бы мед по стррочкам... не пристращался б к... «точкам»... — iiiii — !! — И тогда: цветы бы расцвели, «арийцы» уважали, печенки б не дрожали, каррманы не пужали, чудесны были б да-ли... поехал бы в Итали... все б ветерки шептали... гизеты[50] бы пи-тали... селя ва сан дир[51]. Не будь «Рос<сии> и Слав<янства>» — когда-то платившей, — не написал бы я «Богомолья». О<льга> А<лександровна> жалуется — а она ни-когда не жаловалась! — боли в груди, когда что съест кисленького... — плохо, все плохо. Скучно писать, и больно писать... и — к чему писать! Ну, надо довлачивать дни свои. И все грустно кругом, и гнусно. Ну, простите, милый, на таком миноре кончаю. И неужели не смогу **всего**-то сказать... о

жизни человеческой, как хотелось?! Ну, будьте здоровы, дорогой друг, низкий и братский поклон Вам и Наталии Николаевне.

Ваш, пришибленный, прихлопнутый, когда-то живой
Шмелев.

179

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<5.VII.1933>*

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за хорошее и ласковое письмо. Не писал долго потому, что очень жить трудно: и материально, и нервно, и духовно. Жаловаться не хотелось, а воздуха для свободного вздоха часто совсем нет. Душа не творит, не цветет, не отдыхает — а изводится и ужасается на людей. Но не стоит углубляться в это.

Перевод «старухи», сделанный Лютером — очень хорош. А он его в гранках еще оттачивает. Новый редактор Pfarrer Ihlenfeld говорил мне, что сначала (не читая еще) хотел «сократить», а потом, прочтя, увидел, что сокращать невозможно: все необходимо и все глубоко потрясающе! Боюсь только, что гонорар не будет на высоте... Но сделаю все возможное, чтобы вопрос разрешился лучше. Только что написал Лютеру, запрашивая его, где можно было бы выпустить *книгу* Шмелева и где я мог бы поместить мой худож<ественно>-критический очерк о Шмелеве? Скоро пошлю о Вас по-русски два фельетона в Возрождение..

Очень трогательно отозвались на Вас «отставные».

Очень советую Ольге Александровне поговорить с доктором о ее боли в груди. Это может быть чисто нервное — тогда не следует и беспокоиться. А может быть он что-нибудь укажет.

Кончаю, дорогой. На душе не весело. Если у нас улучшатся дела — так сейчас же экстренно напишу об этом.

Оба шлем сердечные приветы.

Ваш ИАИ.

1933.VII.5.

180

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<2.VIII.1933>*

2.VIII.33. Капбретон.

Дорогой, чудесный Иван Александрович, — уж так Вы меня — нас обоих, с О<льгой> А<лександровной>! — обласкали, **нашли** в нашем одиночестве больном, что слова мои бессильны высказать. В тяжелые минуты, **нехотя**, — перемогая себя и страшась новых пакостей газетного листа, развернул я в субботу «Возр<ождение>»[52], увидал Вашу статью-поэму — и не мог читать, так разволновался. Пошел бродить по городу, боясь читать. Так я отвык читать о себе, что начертание имени чужим показалось мне. Это какой-то другой Ш<мелев>, — так мне и показалось. Читали мы вместе, а потом я еще, с перерывами, три раза прочитал... Ну, что же мне говорить, — не скажешь. Это, все-таки, должно быть, не я, хоть многое мне знакомо. Мне навязчиво думается, что я должен буду все это — заслужить еще, и что у меня уже нет сил — заслужить. Вы мне, страстным талантом Вашим, в долг много отпустили, щедрый! Я читал Вас, как слушает похвалу учителя ученик, рассчитывающий проехаться хоть на троечке, а получивший неожиданно пятерку с плюсом. Но вот что... — чем больше вчитывался я, тем больше видел, — и поражался! — как насыщена Ваша речь, сколько надо духовных сил, чтобы вобрать в ум и душу этот «пир слова», слова-мысли! И чувствовал, что о каждой блеснувшей мысли — а они неустанно бегут и нагружают! — Вы можете властно говорить-учить, доказывать, обосновывать сказанное вскользь, — ибо Вы строгий и властный хозяин сказанного. Я удостоен Вами высокой чести, вряд ли и вполовину заслуженной. Вас удостоиться, Вашего разбора, — это для меня честь и счастье, — это и честь, и счастье — для всей литературы нашей, ибо Вы первый судья, бесспорно, имеющий власть и право судить и взвешивать искусство наше. Вы, при всех Ваших знаниях, многосторонних и многомерных, наделены от Бога даром художника-мастера, острым духовным глазом, горячим сердцем, пламенным словом, богатствами русской речи, потрясающими меня, в изум-

ление и восторг приводящими. Откуда это?! Я в пуще народной вырос, а Вы-то... откуда у Вас такое постиженье **слова**, такая к нему чуткость, такое знание?! Не по трудам Вашим сужу только, — а, вообще, по речи Вашей, и устной, и эпистолярной. Вы сколько десятилетий отдали на кабинетную работу... — где же Вы так наслышались **живого**, играющего слова?! Нет, не наслышались Вы, а **от недр** оно в Вас, неведомо для меня. Оно в крови у Вас, в Вашем существе неповторимом, в помазании Святым Духом. Вы — да что, у меня и слов нет. Да еще скажете — эк его, как рассыпается, подбрасывает-стелет коврики! Нет, не подбрасываю. А радуюсь, как же блестит талант русский! Что Ключевский в истории, — по слову! — то Вы — в словесности. Вы же — иной Потебня, не косноязычный и полновесный, переобремененный глубинами мысли, а удивительно ярко-ясный, легко захватывающий и уводящий в неведомые царства Слова, показывающий сокровища — жизнь и движения, и **соки** Слова — Живого слова. Вам ведомы его скрытые законы, его тайная жизнь и его потрясающая **живая** и творящая власть. И представляется мне, что Вы носите в себе неиссякаемый источник тайн слова, — какие-то еще никем ненаписанные книги о слове творческом, о законах его жизни... Вы можете — да, можете! — как-то совсем поновому дать нам — и как же это нужно теперь особенно! — и Пушкина, и Крылова, и Гоголя, и Лескова, и Достоевского, и Толстого... — весь наш Олимп, русский святой Олимп, — Афон! И мы раскроем бесценные новые сокровища в россыпях, будто бы отработанных. Вы меня называете поэтом... Пусть, кум грано салис...[53] но Вы-то воистину Поэт-Мыслитель, главой уходящий в облака, а ногами ступающий по вселенной, не только по родной земле: у Вас не отвлеченность — игра мыслей самодовлеющая, а **все** — накрепко связанное с **живым** в человечестве, с самым важным для мира-жизни, и — для **родной** земли! Гимн Вам пою? Да, пою, ибо — сердце мое смотрите! — гимнов Вы достойны не моих, одиночных, а — народных. Как бы могли Вы говорить народу! как бы могли вести! И дай Господи — дожить Вам до этого дня — счастья! Ибо у Вас сложное — силою слова —

преображает по воле Вашей — в простейшее — и важнейшее — доступное народу. Какие бы неведомые тайны радости и духовного богатства открыли бы Вы ему! Как бы могли ощутимо показывать и смысл жизни его, и пути его! Ибо — универсальны Вы, мыслитель, учитель, оратор, волшебник, взрыватель душ — и увлекатель острым словцом, невыдуманным, а естественно и мгновенно рождающимся, от преизбытка чувства, от игры мысли со словом.

Вот Вам мое признание в любви, бессвязный выжим из накопившихся во мне богатств о Вас — и Ваших. Вы столько повсюду разбросали мыслей-образов... — если бы Вы их объединили в книги — части какой-то Энциклопедии — о Жизни, о Народе, о Боге, об Искусстве, о Молитве, о — проявлениях Божества — во всем, человеку видимом, человеком творимом... о божественном естестве в человеке... С Вашей страстностью, с Вашими устремлениями — Вы могли бы быть творцом новой религии, нового толкования Мира и его смысла — новой и более близкой человеку, более **человечной** философии, системы философской — русской религиозной философии. Тут бы Вы излились, вычерпали бы все скрывающиеся в Вас, не отозвавшиеся еще возможности-богатства. Жизнь настолько запуталась — всячески и повсюду! — что начинает чуяться, что нужен какой-то новый путь, **нового** христианства... какого-то уяснения всем, по-новому, — может быть даже и со строгостями! — жизни, ее смысла, обязанностей... Человечество явно **ищет**, чтобы им управляли, вели иными путями... — в тупик и в провал вошли, — **нового** слова ищет. Наш век отменяет и отменит с яростным смехом многое «священное», казавшееся таким. Или же — забытого старого жаждет? Но — обновленного, но — по-новому уясненного. Сейчас только первые корчи и судороги, а «припадок» бу-дет, взрыв будет... — в народах, в человечестве, — и или Пришествие будет, или — новые пути откроются, когда человечество сумеет найти равновесие между новым ритмом жизни, — разумею изменение, всяческое, материальной структуры, — и основами духа, тысячелетними. Открывается что-то... — не доживем, не узрим, а — грядет! И если это **новое** — откроется в России, тогда искупятся вся

кровь и все мучения. Новая мелодия «Слава в вышних Богу[54]» — должна бы зачинаться в России, в **Новой**. Христианство, родившееся в простой жизни, двадцать веков тому, **не** привилось к человечеству... а в такой стоэтажной жизни, с такими скоростями во всем... — не привьется никак, ибо Христианство — страшно внутренно, духовно насыщено и требует тихости и простоты. Или же необходимо всем этим скоростям взорваться, провалиться к черту в дыру, необходимо **забыть** человечеству **все**, и обогащенному опытом страданий и безвыходности, властно и всеобще — начать новое христианство, спаливши все старое. Но к этому приведет сама запутавшаяся жизнь, и спрашивать согласия не будет. Как легко разрушать старое — мы знаем — по нашему **делу**, русскому... знаем и по германскому. Сейчас куется разрушение — в Америке. Слепо, а куется. Докуют до чего-то. Так вот, куда я «довертел», говоря о Вас. Чудится мне, что Вы о многом продумали, многое знаете, о чем еще не говорили, или только касались.

Ну, простите за многословие. Благодарю Вас за «Вальфар нах Брот»[55], за Ваше содействие, за заботы, за Ваше слово обо мне — опять! — в «Эккарте». Удивило меня «циркул<ярное> п<ись>мо» 120 Дихт унд Шрифтшт[56]. За-чем это?! Ну, это м. б. нужно издат<ельст>ву. О<льга> А<лександровна> все еще больна, хотя удушья реже, доктор Серов написал из Парижа совет. Это — от воспаления гланд. Я то болею, то скриплю. **Ничего** не могу писать, пу-стой. Да и стимула нет, негде печататься. Живем скудно, но... — это все переносимо. Порой что-то проходит в душе, но не принимает очертаний, — так, вихрится. И кажется все — не к чему. Понимаю я Ваши переживания, милый И<ван> А<лександрович>. Когда невесело, нет свободного воздуха дышать, душа — именно — не цветет. А как бы хотелось мне услышать — в письме бы хоть! — Ваш веселый, играющий смешок внутренний! Если бы Вы могли сюда приехать! Дешево бы устроились, вздохнули... — в соснах. Не смею верить. Целуем Вас с Наталией Николаевной, будьте здоровы, дай Вам Бог нечаянной радости!

Ваш, благодарящий, Ив. Шмелев.

<Приписка:> За 3 мес. я не написал ни строчки! Правда, проработал и раздвинул «Богомолье». Получаю приветы за «Лето Госп<одне>». Одна дама даже стихи прислала! для книги.

<Приписка:> Вряд ли что получу от Экк<арта>: ведь — мораторий? А Candr<eia> — ни-чем еще не порадовала. Экк<арт> будет для нее доппингом, надеюсь.

181

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<8.VIII.1933>***

8.VIII.1933. «Улыбчивое»

Дорогой, милый Иван Александрович!

«Богам свойственно одарять смертных». Только и могу сказать. Читали и перечитывали Ваше блестящее — «Творчество Ш<мелева>». Принимаю — как дар богов. А, как известно, боги... Но лучше, по памяти, хвачу-ка из Овидия:

Иммензаест финемкве потенция цёли
Нон хабет, эт квидквид Зупери волуэрэ — *пе румстат*![57] (соврал)?

Может быть и перепутал..? Вы восхотели — и... — сверх меры награжден. Удостоен. Отпраздновалось 60-летие жития, — стукнет 21 сент. ст. ст., а по вому, — тогдашнему — брать, — 3 IX, на 12 дней разницы. Да, Вы — «меру» в скобки! (сверходарен!) — чутко-верно установили-вскрыли: страдание, со-страдание. Эти чувства всегда жили во мне, **вели** меня, — толкнули писать. Этими чувствами я обязан — 1 — личному опыту: много мне выпало, и с очень ранних лет, — испытаний, горечи, несправедливости, прямого страдания... — мне только ведомо; это меня не ожесточило, а дало чуткости, внутреннего зрения — видеть-понимать горе, страдание вообще; я первым своим рассказом — пропавшим в рукописи — сверхнаивным — считаю рассказ «Городовой Семен»: много там слезы за бедного человека — вспомнить теперь смешно; почему мне таким одиноким представился этот выдуманный городовой? — должно быть потому, что в детстве поразила меня одинокость его «дикого» жилища у Крымского, что ли, моста, — буд-

ки?! — и 2, обязан духу русской словесности, а главное — тому обстоятельству, что я русский. Словом — Вы первый и единственный художник-критик-мыслитель, кто так углубленно, так вдохновенно-чутко — и так любовно-бережно подошли к писательству моему, и в России печатались большие ст<атьи> в «Совр<еменном> мире»[58], Рус<ском> Бог<атстве>[59], — но это — пигмеи! Я счастлив и горд, что через Ваши этюды вдумчивые читатели б<ыть> м<ожет> найдут дорогу к моей работе. Я глубоко-горячо признателен Вам, милый Иван Александрович! И скажу, как перед своей совестью, — смущен я, внутренно сжался, от какого-то ощущения оторопи и как-будто страха. Недостоин я такой полноты и высоты слов Ваших. Не смею думать о себе так... — не смею дерзать на приложимость ко мне во всех точках написанного Вами писательского лика. — Вашу — пока первую — статью я послал Кандрейе и сегодня получил от нее письмо — восхищена! Все, кто здесь, в Капе, читали, — а здесь есть-таки «дачники», — в один голос мне заявили: удивительно проникновенная, глубочайшая, захватывающая, уносящая... «поэзия искусства!» Никто *так* монолитно, «единым духом», не писал и не напишет. Все говорят, что «отвыкли читать подобное», что со времен классической критики ничего подобного не бывало. Расспрашивали, не пишете ли Вы «тома» — !? — «об искусстве» — так, наприм<ер>, выразились мои две голландки — переводчицы, дамы очень образованные. А один боевой капитан об одной руке, автор книги «Воспоминания кавказского гренадера», К. С. Попов, так выразился: «вот это че-ло-ве-ческий язык, а не тявканье Адамовичей и не чревовещание би-цил-лино[60]!» Он простак, этот Попов, георгиевец: расцеловал меня и перед всеми потрясал газетой. Между прочим, это тот самый Попов, о книжке которого «Гг. офицеры» я написал рецензию, «Возр<ождение>» — Маков<ский> **не** напечатало, и я удалился...

Письмо от Бартельса: журнал «Бохумер Анцайгер» хочет перепечатать «Старуху» и дает 40 мр. (Вас, Вас надо благодарить! Теперь мне, правда, оч<ень> тесновато, но мы, кстати, — особенно я! — и на диете возраста, и на

диете по болезни. Я отвыкаю от мяса, сыра, — ни-чего не надо. Можно жить на 10 фр. без квартиры если, можно!) Я поблагодарил, очень. А Кандрейя все еще не устроила «Лик скрытый»: «Эвропеише Ревю», в марте считавшая себя счастливой, что напечатает, молчит что-то... — опасается, очевидно? Эрнст Вихерт, нем<ецкий> пис<атель>, даст обо мне статью в «Н<ойе> Цюрих<ер> Цейт<унг>» «Старуху» он получил, д<олжно> б<ыть> от изд<ателя>. Мне все страшно и как-то неопределенно грустно-горько, что в циркул<ярном> п<ись>ме издат<ельст>во упомянуло об «ужасном» моем положении... За-чем?! Будто я вышел на уголок с ручкой... Ах, не надо бы. Но, м. б. оно это сделало по своим видам..? И все же — я поклонился, — не ругаться же! — Я в душевном остолбенении, и давно. Да и — посему — в телесном. Ни-чего не могу писать, а клочья лезут, но не обжигают, а скорей — толкают — для хлебца-то чего-нибудь напиши. Но — **некуда**, для хлебца. В «Сегодня»... — как-то душа не тянет, да и грош дают, полтинник. На сих днях дважды посетил меня некто Далинский, Сем<ен> Григ<орьевич> — ?! — разумеете?... — когда такое сочетание — Семен Григорьевич, то — уж не «неариец» ли — возникает? Это, кажется, ставленник Маковского, т. е. поступил при нем и к нему под руку, ныне, с уходом М<аковского> ставший секретарем редакции. Он и в прошлом году, приехав лечиться в Дакс, заглянул ко мне, и из разговора с ним ничего, конечно, не вышло: полномочий он не имел, уве-рен. Ныне — опять был в Пиренеях на отдыхе и лечении — ? Зондировал почву, как, мол, я... (какой роман, мол?) что пишу... не дам ли «им» рассказ, если сборник устроят... Сказал я — нет у меня рассказов. Зондировал... Сказал я — ведь Вы полномочий не имеете? он замялся, и стал уверять, что «надо все это недоразумение уладить»... — и что все уладится. Я заявил, что если хотят «улаживать», я ничего против не имею, тем более, что главный враг — М<аковский> — ныне устранился... что редакция, если хочет, может найти легкий путь... сказать несколько слов... — написать вежливо-прилично... — ну, это же малый ребенок поймет. Уехал. Уверен, что ничего из сего не выйдет, что,

м. б. — ?? — редакция даже и не узнает, что я сказал, а м. б. даже обратное узнает... Видите, я очень стал мнительный... не знаю, что это за Д<алинский>... **Знаю** только, что при гадостях М<аковского>, мне творимых, Д<алинский> присутствовал видимой тенью... Ну, я, не зная человека, не могу доверять ему. Между прочим: первый визит Д<алинского> ко мне был к<ак> р<аз> за два дня до получения газеты с первым этюдом Вашим обо мне. Я в воскр<есенье> 30 июля встретил Д<алинского> на улице в Капбрет<оне> — он шел с полковн<иком> Богдановичем[61], главой русск<их> скаутов здесь, хорош<им> моим знакомым, — м<ежду> проч<им>. Б<огданович> старался «свести» меня с Д<алинским>, чтобы я записал в газете. Встретившись, м<ежду> проч<им> сказал: прекрасную статью проф. И. А. Ильина напечатало «Возр<ождение>»[62]. Он — Далинский — сказал: да, очень хорошая статья. И ничего не сказал. Как же тут не сказать, если **хочешь** устроить дело: «видите, мол, как «Возр<ождение>» относится к вам, поверьте, мол, что оно всей душой...» и т. д. Но я уловил — а м. б. это моя мнительность? — как бы «врасплох», будто это было неожиданно для секретаря. Но это мое — ощущение... не ручаюсь за точность. Ах, такое, ведь, поганое нынче время, всем недоверяешь... т. е. не **всем**, а неопределенным всем. Мне Тарусский[63], соредакт<ор> «Часового», сказал: Дал<инский>... — это Бершкович[64]. Но... акцента не слышно, хотя — **что**-то... как будто... Ловкий, себе на уме, осторожный тип. На мой вопрос — чем теперь занимается г. М<аковски>й? — как-то захваченный нежданно вопросом, с легким замешательством на одну сотую секунды, сказал: «да... кажется перепродажей предметов искусства...» Хорошо, если только — предметов искусства! — Я признателен газете, я вижу, что там ко мне вражды нет... Но тогда — за чем же дело стало? Если бы С<еменов> написал мне два слова, что вот так и так, что старое поминать...? Я бы отозвался. И нашел бы силы давать очерки. Эти «лоскуты» облеклись бы во что-то. Да и заработать мне негде. Лежит «Няня». И вот, точит меня мысль, — м. б. я зря обижаю человека? — да не зондирует ли почву Д<алинский> —

не хочет ли знать, как у меня обстоят дела с «В<озрождением>»... нет ли у меня склонности и не налаживается ли мостик... чтобы этот мостик — подсечь? Впечатление у меня осталось двойственное — и простоты, и скрытности. Как бы сие узнать? А для меня вся «аура» г-на М<аковского> в высш<ей> степ<ени> отвратна! и — мрачно-омерзительна, и... пахнет подвально. Сейчас получил по 3 экз. газ<еты> с Вашими отзывами обо мне, присл<ал> Д<алинский>, как я просил. М. б. я неверно сужу, мню... о Д<алинском>? Нне з...зна-аю.....

Господи! Какой разброд повсюду! Будто весь мир заболел табесом[65], все движения его несоразмерны и случайны, все расхвихлялось, и только одни «неарийцы» и семя марксово — знают, что делают и куда идут. Нет в душе света, веры, и потому не накатывает напряжение... как бывало, когда мир виделся целесообразно движущимся... Доколе, Господи?! Не разброд, а гниение духа, падаль духовная.

Крепко обнимаю Вас, милый друг. И О<льга> А<лександровна> так Вас благодарит, и слезы у ней в глазах, и в сердце. Она — неразговорчивая у меня, а много чувствует. Поцелуйте за нас добрую, славную Наталию Николаевну. Спасибо ей, милой, — я слышу сердцем: и ее чувства к Вашей работе, и ее ласковость. Милый И<ван> А<лександрович>, когда же Вы отдыхать-то? когда у Вас хоть по малости наладится? Если бы мне да силы!... Скажите о себе ч<то>-л<ибо> более радостное! Преображения мира не жду.

Всегда Ваш, неоплатно, Ив. Шмелев.

11 ч. ночи.

<Приписка:> Сегодня узнал: «Мэри» только на днях изд<ана> в Швейцарии, общ<ество>м «Лучш<ей> книги» — оч<ень> хор<ошо> идет. Пишет издат<ельст>во и заявили в жел<езно>дор<ожном> киоске: затребовали вторично партию.

<Приписка:> С неделю тому я послал Вам б<ольшое> письмо. Получили?

182

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<26.VIII.1933>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за письма, вызванные моими фельетонами. Верьте, что ни любовь, ни дружба, ни даже Ваше сочувствие моим писаниям и мечтаниям — не водили моим пером. И еще верьте, что *каждую* фразу, сказанную о Вашем творчестве, я мог бы развернуть в целую статью и обосновать анализом живого материала. А потому я сказал лишь немногое из того, что мог и хотел.

Напишите *от себя* Кандрюшке, что я бы согласился оба фельетона сработать вместе на нем<ецком> языке, если она обеспечит помещение их в какой-нибудь серьезной (швейцарской) газете. Не пишите, что я *прошу*; а что я мимоходом выражал такое согласие.

Не огорчайтесь тону «открытого послания», в котором говорится о Вашем положении. *Я* бы его *не* одобрил и помешал бы ему, если бы издатель со мной посоветовался. Но он *не* посоветовался. А это уж такая манера безвластного лютеранства. Где католики *предписывают*, евангелики просят и клянчат, прибедняются. И с Вами они сделали лишь то, что делают всегда *для* себя и *за* себя. Это надо принять от них по-хорошему; что город, то норов, что деревня, то обычай. А в *трудном* положении до такой степени *все* повально, что даже упоминание об этом излишне: все про всех это знают. Однако, если бы Пушкину или Достоевскому их читатели при жизни материально помогли, то 1) было бы естественно и платою за неоплатное; 2) эти писатели чувствовали бы себя несколько иначе.

Нам удалось сделать заем и выбраться на отдых. Трудно и сложно жить стало, настолько, что если бы заглянули нам в душу, то ахнули бы. Надеюсь написать Вам скоро подробнее. Обнимаю и ставлю точку. От нас обоих душевные приветы Ольге Александровне и Вам.

Ваш И.

verte

PS. Как будто заработочный фундамент хочет подвестись под меня.

PPS. Я ликовал бы по поводу Вашего возвращения в газету. Но сам *пока ничего* не смогу сделать для этого. Есть такие мешающие обстоятельства.

Deutschland. (Konstanz am Bodensee Postlagernd).

183

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<6.IX.1933>*

6.IX.33. Капбретон

Дорогие друзья, Наталия Николаевна
и Иван Александрович,

С Ангелом Вас, и с дорогой именинницей, и дай Вам Бог здравия и благоденствия нерушимого, в делах же благого и нерушимого поспешения! Очень сей день помню — Адриана и Натальи, записано в протокол. Очень я утешен, что пребываете у вод светлых и попиваете, небось, баварское пивцо и поглядываете на горы швейцарские. И супротив Вас сидит — бей-кур[66]! — неарийка к'Андрея и настроения не портит, бо тре луан[67]. А мы иссохли, как последние кузнечики — сушь, два с половиной мес<яца> без дождей, жара, мозги текут. И прибыл после гулянок с отцом Ивик, с 5 — ! — переэкзаменовками!! а времени осталось три недели, а в голове — песок. И вот — читаю ему рацеи и ужасаюсь родителям его: все на бедную голову О<льги> А<лександровны>. И книг родительница не удосужилась прислать: учи по песку морскому. Матушка моя скончалась — получил печальную весть от сестры с Москвы, отважилась написать, просит прислать немного на Торгсин, — все годы она ходила за матушкой, покоила ее, на руках у ней и преставилась мамаша, 88 л. и 8 мес., от старости-болезни. До ста бы дожила, не попади к бесам в лапы! Мне матушка письмо с оказией послала зимой, да не получил я. Обо мне последние дни все вспоминала. 8 июня отошла, а узнал лишь на днях. Наскреб, послал на Торгсин 15 рб. зол. — боюсь, присвоят. 700 ихних рб. на похороны пошло, в долги сестрица влезла, помогли добрые люди. Все-таки и в церковь вынесли, и гроб сделали, и на Даниловском похоронили, честь честью. И порвалась для меня еще одна нить живой ткани нашей, моей жизни.

Сжалось под сердцем... да я так и ждал, что померла матушка, нет только вести, и будто давно она как бы на том свете. Ведь **там** — какой-то «тот» свет, и не свет, а тьма. Вот. Ах, надо бы зарабатывать, а негде. Я в долгу-то каком! Пять лет не мог помогать им (а раньше высылал порой): три года тому вернулись мои посылки, боялась сестра принять, напугали проклятые, и сторонкой просила сестра — не пиши, не посылай, много мы пострадали за тебя, тревожили мамашу **они**. Ну, хорошо, что на чистых руках отошла, и последнее ее слово было — «довольно». Все по-хорошему было, в гробу сняли ее, обещалась сестра мне прислать. Да, пожалуй, выкинут бесы, изорвут.

Нового больше нет ничего. У-стал я душой и телом. Пу-ста душа моя. Простите за унылое писанье. Написал я Кандрейе о своем желании увидеть Вашу работу о Ш<мелеве> в солидном журнале каком, и сообщил, что проф. И<льин> согласен сработать вместе оба фельетона на нем<ецком> яз<ыке>. Не знаю, сможет ли она что сделать тут. А Вас благодарю, милый И<ван> А<лександрович>. Сколько доброго, ласкового видел я от Вас! Ни от кого другого не видел столько. Все-таки каждому **дано** от кого-нибудь ласку видеть... — а я не от «кого-нибудь», а от Вас видел, это уже награждение сугубое, — счастливый я.

Только бы подвели под Вас заработочный фундамент! Господи, пошли!! На днях пошел на море — вздохнуть. Третий раз, за эти 4 мес. Сидел, гром слушал водяной, и жизнь свою разбирал... — и потом вроде как петушком прошелся, в мыслях, перед океаном-то! Он шумит себе, а я храбрюсь. И сказал ему, глупому: «Ты — океан, а я — Иван, но жребий нам обоим дан. Тебе — греметь, а мне — скорбеть..? Но я могу порой и петь, Могу тебя до недр объять, и мертвый голос твой понять. А ты? твой жребий, твой удел?.. Лишь вечный грохот мертвых дел, Прилив, отлив — твой вечный ход, Игра пустая мертвых вод». И убежал я от него, от маятника вселенского, мне чужого. Да, вышла «Мэри», посылаю. М. б. девчушке милой какой подорите, про лошадку. В Швейцарии вышла. Скачет «Мэри» по горам, а в кармане тарарам!

Очень хорошо продается! Но я уже отхватил 700 фр. (франц<узских>!) — ! — за 15 тыс. экз!!

Целуем Вас, милые, дорогие, близкие-близкие, душевные. Слабеет О<льга> А<лександровна>, вижу не та, не та. И вся в трудах. Задыхается. Жду осени, Парижа — зд<ешний> доктор не понимает. Будьте здоровы.

Крепко Ваш Ив. Шмелев + О<льга> А<лександровна> и Ивик.

184

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<19.IX.1933>***

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Пишу Вам на границе Швейцарии, рано утром, возвращаясь на север. Возвращаемся с тяжелым чувством. Ни мат<ериального>, ни пол<итического> спокойствия не будет. Меня уже и то беспокоили на дому в связи с ген. Л.[68], о чем Вы читали в Возр<ождении>. Помните ради Бога, что каждое Ваше письмо нам радость. Я храню Ваши письма как лит<ературную> драгоценность. Но вопросов политики в *нашей* стране не касайтесь в письмах вовсе. Разве оч<ень> аллегорически. За корресп<онденцией> следят вовсю.

Да хранит Господь Вас и нас. Только на Него вся надежда.

Адрес прошлогодний.

Обнимаю и целую Вас.

Ваш И.

1933.IX.19.

185

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<30.IX.33>***

30.IX.33. Ланды.

Дорогой друг, милый Иван Александрович,

Полагаю, что Вы уже берлините. Коротенькое письмецо Ваше от 19 IX меня огорчило: за что судьба угнетает так, и ко-го?! Да, «плохая нам досталась доля»... эх, родиться бы лет на сто на двадцать раньше... — какое же важное было время! Читали бы живого Пушкина, видели бы стро-гую Россию! — цветение-то ка-кое было, ма-

тушки-и-и! Или бы уж лет на полсотни поздней современного мирового окаянства! По крайности нового бы теста были, к г..нецу бы принюхались... — не шибало бы так. Нет, **все новое**, начисто новое идет неудержимо, как ледопор, прет. Молодежь наша говорит на новом языке... Я не плачу и не страшусь никак и ни за что. Столько наворочено кривого и грешного, столько напачкано, столько идолопоклонничали перед «пустышками», столько «переоценили», столько налицемерили и нахамили, что сама жизнь решила, стихийно, начать очистку «выгребных ям». Живем не «на пиру богов», а присутствуем при зрелище чистки после «пира богов», когда метлами не только метут, а и по шеям накладывают. Все поновому будет, и повсюду, что бы там ни лепетали Милюковы с К°, как бы ни пытались затыкать уже потекшую дермо-плотину гг. «миротворцы» (и с «і» также!) и путешественники-банкетчики и прочая сия. Болваны, даже и теперь не могут осмыслить того, что новые гости пришли-приперли «на пир богов», что они еще не умеют орудовать салфеткой и не для них писаны высокие принцыпы, напрасно еще пестрящие на фасадах казенных зданий некой республики в колпачке. Да, правду-то сказать, эти *мі* и *ми*ротворцы и сами-то никогда не уважали «принцыпов», а многие умело нащелкивали себе миллионы, (путешественник из Лиона, говор<ил>, им<еют> до 50 мл.!!) хоро-шие миллионы, получив от папаши-каменщика или тетки-куфарки одни только благословляющие слова: «а главное... наколачивай сантимы!» А очки-то втирать — и наследственное, и по наукам дошел. Молодежь — умней и честней. И проще. Сравнительно, конечно, молодежь-то, — видавшая виды, военная. Она **знает** массы, она горячей и свежей лю-бит, она не кабинетна, она слишком реалистична, она училась на ошибках и преступлениях отцов. И вот, она-то грядет повсюду — и пометет. И грубую жизнь уставит, правду, «на медных», но чи-ще! И *кроме сего*: — повсюду обнаруживается препонка нарастающему «пересмотру», — в виде извечного «бродила», в виде вечного протестующего племени, рассеянного, всегда беспокойного, всегда «пегедового»... и посему грядет нарастание расовой борь-

бы... и у многих народов откроются глаза, и метла заработает ожесточенней. Да, сам народ сей себе готовит «апофеоз»! Но сперва он приготовит такую раскалку атмосферы, что попалит его самого. И это будет его «голгофа». Но я зарапортовался. Я с этой мыслью и встаю, и ложусь. Ох, какая катастрофа идет на мир! Любопытно, мне Ант<он> Влад<имирович>[69] писал — и у него давящее предчувствие, и даже... у людей, совершенно к мистике не склонных, у экономистов-позитивистов (в одно вр<емя> получил п<ись>мо, с моим — точка в точку, говорит)...

Когда Вы получите сие письмецо, я уже буду старичком, почтенным старцем, песочком посыпающим... ибо сего 3.IX. стукнет мне сисдесят. Кончилось «пожилых лет», начинается «старость-матушка». И вот, я уже прозреваю, и каркаю: «не избежать тебе муки вечные, тьмы кромешные, скрежета зубного, червя бесконечного, огня неугасимого... готовят тебе крюки каленые!» — к<а>к писано у Мельн<икова>-Печерск<ого>[70]. И может быть родное солнышко уже на восходе, за горою светит... — дождемся ли только его восхода?.. — Мы одни. Ивик, с 5 переэкз<аменовки> отбыл проваливаться, утомив нас зело. Я не могу работать, апатия и бессилие от «окаянства». И зыбкость сучествования. А надо искать квартирку прочную. Больше уже не в силах поехать в Капбр<етон>. «Так он помаленьку и прогорел» — вот моя эпитафия. Ниоткуда ничего не предвидится.

Почему не вижу Вас в газете скоро два месяца? Горько мне. Отзовитесь. В газетах ничего неприятного не читал, д<олжно> б<ыть> не попала. Горько мне.

Пробудем здесь до конца окт<ября>. Если обрадуете письмецом...! Но не смею понуждать: знаю, как не пишется, когда душа не собрана. И молиться-то — дух не парит. Будьте здоровы, да призреет на Вас Господь! Целую руку Н<аталии> Н<иколаевне>. О<льга> А<лександровна> шлет Вам благословение.

Ваш вовеки Ив. Шмелев.

186

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<23.X.1933>*

<Открытка с изображением дороги в сосновом бору, по которой на лошадях везут бревна>

На память о покидаемых — навсегда! — Ландах.

Леса осенью.

И. Ш.

23.X.1933 Capbreton

А простые, трудовые люди — всегда и везде ***люди***, если их не гадят «сверх»-люди! или *под*лю-ди.

И. Ш.

187

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<23.X.1933>*

23.X.1933. 10 ч. веч. Ланды, Капбретон.

Дорогой Иван Александрович,

У меня сердце болит — нет ни строчки от Вас, — как Вы, здоровы ли, здорова ли Наталия Николаевна. Я не хотел надоедать Вам письмами, послал в конце сентября, ждал... — нет и нет. Я на днях во сне увидел Вас, и будто я что-то пишу, а Н<аталия> Н<иколаевна> на мою руку смотрит, и мне как-то совестно, что рука у меня то-нкая, словно детская... И все же — даже во сне — мне было **хорошо**, что Вы близко. Эти дни мне было особенно не по себе, что Вы лишаете меня своего общения, в письмах. Ох, боюсь, что трудно живется Вам, милый. И еще знаю: когда трудно — не до писем. А недавно особенно было уныло, **пустынно** в сердце: стукнуло мне 60... — старость, сказал... Ля русс. Ну, и черт с ним, плевать! Нежданно — через Candreia! — отозвался Ernst Wiechert, написал элегич<ический> этюд о Ш<меле>ве, очень взволнованно. Мне стало о-чень смутно, щемительно... Когда-то, в горечи от «гонораров», года 3 — 4 написал я Candr<eia> — вот, говорю, гонорар мне заплатил **читатель**... и сообщил случай с ломтем хлеба. Она вот, оказыв<ается>, рассказала о сем E. W<iechert`y>, а он **пустил** в этюд. Мне было больно, **зачем** он помянул о **боли** моей, о **моем**! Это — только **мое**. Я не смел, никогда не смел помянуть для других о **святом** моем, о то-лько моем

горе, муке моей. И вот, чуткий к<азалось> б<ы> человек этот E. W<iechert>... но **зачем**? В статье о старости Ш<мелева> — и **это**! Чтобы меня пожалели? От неведомых людей, от чужих людей — мне не надо сожалений. **Нельзя** осматривать и ощупывать душу другого, питать любопытство. Но я не пеняю на E. W<iechert`a> — Бог с ним. Он хотел пожалеть меня. Он хотел — мне добра. А меня всего *сжало*, и вот — как вспомню — мне не по себе. Ну, пройдет, к<а>к все.

Получил неск<олько> добр<ых> писем от неведом<ых> читателей. И все — за «Лето Госп<одне>». Это было бальзамом. Не гордыня питалась, а мое вечное сомнение — **то** ли я делаю, есть ли прок от меня — **людям**. Будто есть. Я всегда сомневался, и все еще *хочу* какого-то **отпущения**, оправдания. Это очень сложное и неопределимое чувство. А м. б. это тень гордыни?.. Мне E. W<iechert> прислал (от издателей, двоих, <)> — д<олжно> б<ыть> ***вырванную*** у них «милость» к «юбиляру»... а я и не думал о сем, ибо — **что** это за празднование — 60! Я получил 912 fr. 40 с. ... но не получил слова от сих издат<елей> Fischer`a и Reclam`a, к<а>к я узнал от Candr<eia>. И я не знаю, к<а>к мне быть. Я не тронул этих — пока! — денег. Не за аванс ли их считать? Но я не могу упрекнуть и E. W<iechert`a>: **знаю**, от всей души человек сделал. Он зовет к себе погостить летом — меня с О<льгой> А<лександровной>. Прислал свой портрет. Он стал уже года 2 пис<ать> о моих книгах добрые отзывы. И — **принял** меня, конечно, в нем<ецких> переводах только. И — полюбил. Так к<а>к же я могу его укорить?! От Eckart`a получил за перепеч<атанный> расск<аз> в Bochumer Anz — 40 мк. Поблагодарил. — Лето прошло разбитым: **ничего** не сделал, был в подавленности и тревогах непонятных: чего-то ждал. Болел. Теперь мне лучше. Пока — болей нет. Тревога спала. Но всегда, всегда беспок<оится> о Вас душа. Почему не пишете в газетах? Или Вам повредило, что Вы напечатали о Ш<меле>ве? Это было бы так горько мне! Я не знаю, недоумеваю. Моя мнительность мне мешает на многое смотреть здраво, м. б.? И еще мне силу связывает... — **негде** печататься. За-чем писать тогда? Лежит «Няня». Приятную ст<атью>

«Своя Земля» дал Пильский[71] в Сегодня, в № от 14 окт. Напечатали, нежданно для меня, и мой портрет. Поблагодарил редакцию, но ох, как не нравится мне их общий тон, — и я вот уже с апреля не даю туда **ничего**, режу сам себя.

Как живем — что говорить. Жи-вем. Сколько — хуже живет. И все как будто обрезано. Да что... — **все** обрезано. Кажд<ый> день **бьет**. Откуда брать силы? Я всегда жил для чего-то... Нет, не для себя, нет. *Я для себя* будто и не начинал жить. А м. б. я обманываюсь? Я чего-то ждал? **Теперь** вижу к<ак> б<удто>: я жил для — своего писательства? **Ждал** — что напишу — и **как** напишу? А для себя... нет, не жил. И О<льге> А<лександровне> не давал жить. Да, это правда. И она привыкла *не* жить, а вечно заботиться о муже, о его **деле**. И так всегда. А жизнь отплачивала, будто карала. А, так, не желаете... так вот вам. И — вонзила свой нож, и повернула. И вот — жизнь к концу. Правда, я что-то сделал... что-то хоть? Но для семьи — не сделал. **Прошло**. Не вернуть. Надо было — **проще**, непосредственней. Не ждать, не сгорать. Пора, мой друг, пора... Покоя сердце просит. Ибо — всегда беспокойство.

Но довольно, зачем я так?

Осень. Перелет, отлет. Ненастье пришло. Скоро в дорогу и мы. О<льга> А<лександровна> все, все лето стесняет дыхание, боли при ходьбе. Надо лечиться, надо менять квартиру: высоко ей, и не можем больше 2 раза в год подыматься. **Надо** осесть — и ждать — конца ли, просвета ли. Вечно — ждать. Больно. Нам **нечего** ждать. Ждали — дождались. Но что я все о себе?! Ответьте же, прошу, что Вы бодры, будете бодры, здоровы, что не так уж Вам тяжко. Милый, — если тяжко, — и это скажите. Легче будет. И не могу ли я как-ниб<удь>, чем-ниб<удь> пособить? Ну, скажите. Мне тяжело — и всегда было тяжело — здесь. Но нам некуда ехать. Где, где будет лучше, где я перестану **ждать**?! Но внутренно, **теперь**, мне уже невыносимо **здесь**. Этот **воздух**... это все на лжи, на низости, на самообмане! *Все* забыть, все вывернуть **так**..! Убежать, бежать, ткнуться куда-ниб<удь> и неслышно ни для кого плакать, но чтобы чувствовать, что близко **люди**,

а не потерявшие чувство правды, первичной, понятной дикарю даже. И **это** — в стране, назыв<ающей> себя **первой** по культуре, в стране, бытие которой упрочено тем народом, который ныне предается и попирается. Я не могу спокойно думать, что это «политика». Да будет она проклята. И мне трудно быть в такой стране. Но куда уйти? Некуда.

Напишите, родной И<ван> А<лександрович>, ответьте. 1-го д<олжно> б<ыть> мы отъедем.

Поцелуйте от нас Н<аталию> Н<иколаевну>. Обнимаю Вас.

Ваш Ив. Шмелев.

188

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<14.XI.1933>***

Мой милый и дорогой Иван Сергеевич!

Простите мне долгое молчание! Очень уж трудно и разорванно жилось. Я даже не помню, когда и о чем писал Вам последний раз.

11 августа мы уехали на отдых. Виртемберг, Бернские горы в Швейцарии, пять дней под Мюнхеном — и назад. Отдых был короткий на этот раз. А неприятные впечатления, скопившиеся за месяцы перед тем, очень остры. Еле удалось их рассосать. Квартирка оставалась за нами; оказалось все в порядке. За отсутствие кое-что разъяснилось и определилось. Кажется, я устроен; по-видимому, с 1 ноября буду получать определенное, для скромной жизни достаточное содержание по возродившемуся Русскому Научному Институту. Все это как будто выяснилось и установилось — и, *кажется*, я могу вздохнуть в этом отношении с некоторым облегчением. Начал семинарий для отборной молодежи по «Основным вопросам нравственной философии». Кажется, пойдет. Предстоят кое-какие выступления и на туземном языке. Нервно-душевное самочувствие могло бы быть и лучше.

Все эти дни мы переживали новую премию имени Нобеля. Я не думаю, чтобы Ваши и наши настроения и соображения по этому вопросу расходились. Очень приятно знать, что многие хлопоты увенчались успехом. По-

лезно для эмиграции. Очень утешительно для самого премированного. Очень интересно было бы знать, что именно и на каких языках читали премирователи из его произведений. Сам автор высказал предположение или даже уверенность, что шведам особенно убедительной показалась «Жизнь Авксентьева», виноват — Арсеньева. Нам отсюда на Стокгольм судить трудно. Надо всем желать *блага* и *получия*. Но я лью горькие слезы о том, что *я* не могу дать Вам, мой дорогой и несравненный, этого самого обильного *получия*.

Я часто перечитываю Вас. И всегда бываю взволнован — по существу художественной тканью Ваших созданий, и не по существу — верностью и точностью, хотя, увы, не исчезающей полнотой того, что я уже высказал о Вашей музе. Мечтаю, жажду увидеть в печати Няньку!! Когда же? Будьте добры и верьте, милый друг, что хорошее вино оценивается больше всего и лучше всего *потом*!

На этом кончаю до времени, чтобы отправить скорее. Мы оба душевно Вас обнимаем и Ольгу Александровну. Очень жду Ваших писем — всегда, на всяк день и час!

Ваш всячески Иоанн.

1933.XI.14.

Berlin. Sodener Str. 36

<Приписка рукою Н. Н. Ильиной:> Дорогой Иван Сергеевич, так скорбно бывает оттого, что люди современные не видят, не узнают, не ценят лучшего, духовнейшего, единственно реального, непреходящего! Нет в душах огня, чтобы им уразуметь огонь горящий! Может быть, доживем еще до лучших времен!

Обнимаю Ольгу Александровну и Вас еще раз.

Н. Ильина.

189

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<17.XI.33>***

17 XI 33. Севр.

Дорогой, добрый друг, Иван Александрович,

«Довлеет дневи злоба его»...[72] Каюсь, было — вспыхнуло острое чувствишко горечи, отдал дань человеческому, слишком человеческому, но «довлеет дневи...» и все

прошло — гусь опять сухой. Все вышло хорошо: достойно решил Стокгольм — прекрасный писатель Бунин, и наша великая Словесность за него не постыдится; пробит черный лед-саван, обвивший-сковавший — в мире — все наше — государственность, былую славу и силу, жертвы, достоинство, подлинную Россию, представленную здесь нами — **есть** Россия! На весь мир крикнуло из Стокгольма, м. б. против воли многих-многих, — невольно крикнуло! В нашей черной оброшенности, при всеобщем, в лучшем случае, жеманфишизме и хамстве (muflerie) — правда-то крикнула: а **этого** не заплюете — **есть**! **И Слово** плоть бысть![73] Нельзя пока учесть «сдвиг» в душе культурного европейца. Но... слава родная крикнула — я жива! Выпало счастье представить эту славу, предстательствовать за нее — Бунину. Постыдиться не можем. Великое это счастье! В этом хотя бы — сумели настоять, заставить. Это подвиг... если знать, сколько же было враждебных сил, влияний, ям, стен, ушей, клеветы, зависти, — ведь это все равно, что Иван-Царевич к Кощею добирался. Правда: то были не политики, а люди мысли и духа, науки и искусства, а для них есть законы непреложные, высшие.

И, подавляя маленькое, подспудное, я — рад. Правда, наша «русская тройка Словесности» давно облетела мир (мыслящий), с победной гремью колокольцев и бубенцов, с ямщиком — чудом Пушкиным, с крепкими седоками — Гоголем, Толстым, Достоевским, с поддужными Тургеневым, Лесковым, Чеховым, Гончаровым... Но не было удостоверено сие протоколом для мировой улицы. Ныне, в черном обмирании русском, вдруг на всю улицу зазвенело — вот она, русская словесность, победная! Конечно, в оброшенности-то нашей даже этот Стокг<ольмски>й (случайный, конечно, ибо динамитный!) протокол — явление знаменательное. Вскочил Бунин на тройку, — в бешеном ее беге, крепко вцепился и разбудил-растревожил колокольца, многим неслышные. И протокол составлен. Да-с, некая «победа под Полтавой». Под-дал! И я бы не отказался. Но для протокола, для продолбления льда Стокг<ольмско>го, — нам искони враждебного! — требовалось многое-многое, помимо лите-

рат<урной> значительности (всегда, конечно, для тех или иных, спорной): толчков, зацепок, настойчивости, терпения, удачи, приятности личной, всего другого. И это не упрек, не минус, — это необходимость для писателя всякой другой страны, а для нас, нищих, полузакопанных нужно — счастье Поликратово и сила Тезеева. Аминь.

С души камень скатился, к<а>к получилось письмо от Вас. А то — не знал, как и думать. Боялся, не больны ли, не удручены ли. Как я рад, что опять работаете, читаете курс. А мы — не хочу и писать. Я за 7 мес. не сотворил ни строчки. Не к чему! **Негде** печатать. Вот это так — премия, заслужи-ил. Смешно самому. Это вот удосто-ен. Так «обеспечен-отпремирован», что некуда. Если бы не терпение, не О<льга> А<лександровна> — белая раба-ангел, да не сербы с их 600 fr. (пока) в мес., да не остатки — фью! от бережливости скаредной (и О<льги> А<лександровны> трудов), то мог бы тихо отойти — в «славу вышних». Так меня обласкали «ближние». А... сам виноват. Вот я лет пять тому накричал в ред<акции> на Х<одасеви>ча, как смел два подвала печатать о кн<иге> «Панорама рус<ской> литературы» Вовки Познера и как редакция «Возр<ождения>» посмела напечатать эту хвалеб<ную> ст...ервозу книжке, где жиденок поливал грязью эмигр<антскую> литер<атуру> (и в т<ом> числе Бун<ина>, которого вот чествовало то же Возр<ождения>!), и хвал<ил> Горького и всю совет<скую> литературу. Причлось *все*. А вот, на днях франц<узские> газеты описывали прием у московитов, где был fleur de polit. и société[74] и «рус<ский> писатель» Вова Познер занимал обворожительно «гостей», угощая икрой и проч., и был так же предупредителен, как всегда и так же обворожителен, каким его «мы знаем все, кто пользовался услугами «Интуриста». Я оказался прав. Ныне Ход<асеви>ч благоговеет пред Б<униным> (не возражу!). Но... скучно. Что писать о снегах зимой, о хамстве и грязи в человеках! Буду крепиться. Жаль, уходит жизнь, а для меня, раз нет — где печатать — пропадает воля работать. Мало, чтобы душа хотела, надо, чтобы и «меня хотели» — куданибудь тянуло. И «Няня» — дремлет под спудом. И —

противна она мне. И зачем я пишу об этом, даже Вам?! Права О<льга> А<лександровна>: не надо **так**, это только личное. Но я не могу иногда не закричать. Ведь у меня рот заткнут! И я все чаще думаю: да это недоразумение... я ***не*** писатель, и все — сон, я ничего не писал, это кто-то другой. Довольно. Простите «зубную боль». Почему Вы ничего не даете газете? Мне голодно без Вас, холодно. А заметили, как после Ваш<их> статей об искусстве Ходас<евич> и другие стали оперировать Вашими определениями и формулировкой? Вы **дали** им света и ума. И дочего же это ясно! — Неужели меня вынудят пойти в «П<оследние> Нов<ости>», где, по словам иных, «были бы так польщены»? Простите, все мое путается. Оба больны. У О<льги> А<лександровны> расшир<ение> аорты установл<ено> рентген<овским> просвечиванием, — вот она 1/2 года чув<ствовала> боли в шее и груди! Иод пьет, запрещены подъемы, и мы ищем кварт<иру,> вон от Севра! Бродим под дождем. Я заболел, вот 3-я неделя, «прострел», не могу ночью на бок перевернуться. И все — великолепно: переезды, приобрет<ение> вещей (?!) — надо же стулья, стол, горшки... — ведь в чужом жили! И вот — ничего не находим. Кто-то обещает (псевдоним!) часть хлама. Впервые в жизни — должен принять! Но еще не нашли квартирки. А порой — так хочется — к столу! Кончены наши поездки и на дачу. В казарму сядем. Что делать! Там-то меня бы за счастливца почли. Это пустяки, а вот негде печататься. Но что я все скулю, самому омерзительно, а Вам, родному, тяжело слушать. Но я выдержу, ч<ерт> в<озьми>! Буду писать и складывать, только вот до теплой квартиры дорваться, да О<льга> А<лександровна> поправится. Я ее и в город стараюсь не пускать, сам начал ходить. А она рвется, да силы-то нет, ну и сдается. Ничего, выдержу, додержусь, ч<ерт> в<озьми>! Какое-нибудь чудо и случится, как моя старуха — на адресный билет — возьму и выиграю! А вот и будет, назло всем «арихметикам»! А вот Вам, — повеселю! — вот будете смеяться!! Письмо получил от проф. В. Н. Сиротинина[75]. «Поздр<авляю>, говор<ит>, с достойнейшей наградой... и т. д. дай Вам Бог и дальнейшей славы для счастья Родины!..» Спу-тал, старик. И тут же

приписка его старушки: «Он что-то напутал, простите его, он к вечеру всегда головой устает». Это вот про Нобеля-то. Вот я хохотал! Бедный старичок, он плох. Бывало с ним: начнет больного выслушивать, приставит трубку и... allo! — кричит. Вот и со мной так — allo!!

Милая Наталия Николаевна! Целую Вашу руку — утешительницу. И слезы у меня, от счастья. Да вот ей же ей, если у меня что и выписалось от горячего сердца, так не для хладного же льда Стокгольмского, а — для горячего же сердца, родно-го! И я счастлив, — у меня есть такие «премии», такие письма-сле-зы... Господи, благодарю Тя за дарованную мне радость бытия и познания его, во имя Твое! Аминь, други! Я счастлив бываю порой, — так счастлив — не выскажешь. Господь с нами да будет!

Целуем Вас, добрые, милые, родные.

Ваш всегда Ив. Шмелев.

Ой, не забывайте!

190

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<21.XI.1933>*

Дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо за письмо! Будь я в Вашем городе, непременно помог бы Вам найти уютное жилище и приобрести за дешево нужную мебель. В прошлом году я все ходил по сукционам и покупал за гроши. Но и *в дар* принял немало от других и обидного в сем не нашел. — Пишу лежа — продуло гланды северным ветром — распухли — температура — компресс — скребет. Но это ничего, пройдет.

Только что подписал контракт со шведским издательством, выпустят «Яд большевизма»[76], а потом и еще коечто. Как только закреплюсь, поведу разговоры о выпуске избранных вещей Шмелева по-шведски. Пожалуйста, *немедленно* напишите мне — подробно:

1) что именно из Ваших вещей вышло по-шведски?
2) в каких издательствах и городах?
3) кто переводил?[77]
4) что Вы за это получили гонорарно?

5) от кого из шведских проминентов[78] Вы имели отклики или овации?

Не забудьте ни одного пункта!

Постараюсь там — «ногою твердой стать у моря». А потом посмотрим...

Милый мой! Если Вы «молчите» долго, то значит — «зреете». Когда созреете — потянет к столу. Конечно печатание — зовет и торопит, ласкает, волнует и напрягает. Но *не* печатание бессильно зажать творческие родники или закупорить рудники. Если станет томительно ждать...

«Слушай, брат Шмелини,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти — ильинские статейки о тебе»...

Надеюсь в скором времени послать Вам красную тетрадь, содержащую мои ненапечатанные наброски и анализы по искусству. Если Вы это предложение принимаете, то я хотел бы только просить — не дольше, чем на неделю и назад пересылка заказным.

Аорта Ольги Александровны нас очень огорчила! Надо лечиться и беречься! Храни Вас обоих Господь!

Душевно Ваш Иоанн (имя ему).

1933.XI.21.

191

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<27.XI.1933>*

27 XI 1933 11 ч. у. Все еще — Севр

В том же все «фарфоре»
На горе... Фаворе!

Дорогой друг, Иван Александрович,

«Жар свалил, повеяло прохладой...» — о, если бы — «долгий день покончил ряд забот»!!! Но я это, гл<авным> обр<азом> ктому (наречие-с!), что от Вашего писания повеяло на меня «отпущением» раба Твоего — (Иоанн имя ему). Вы, слава Богу, становитесь прежним, «вумным», *славным* (как няньки хвалят!), бодрым и ободряющим, — чудесный Ваш тон-юмор, — единственный, ни у кого не встречающийся — для меня — тон снова

бодрит меня, и я счастлив, что Вы «нашли свою хворму». Мы еще повоюем, ч<ерт> в<озьми>! Это — самое светлое для меня за эти недели, месяцы. Вот те крест! Закипает в Вас мощь, свежая, как арбуз. Вот как понимаю, что такое «войти в радость господина своего»! — по свободному толкованию, о друге радоваться, со-радоваться ему.

«Неделя о лауреате», каж<ется>, протянется еще. Как же гениально прозорлив был Сквозник покойный: «И что за поганый городишко! Поставят какой памятник или просто забор... и черт их знает... откуда только нанесут совсюду всякой дряни!»[79] Есть и другое, народное: «в по́лу воду округ всякого кола г...у притычка!» Кол — лауреат. И округ его много всего крутится... всякой «дряни». Правда, и кол этот того... Короче сказать: много шуму-скандалу. Национально настроенная часть «половодья» полагала, что наконец-то «в правах утвержденная» найдет повод с высокого места что-то заявить, объявить, сделать соотв<етствующий> жест... Но сей «кол» взят в плен лиго-национным пластырем с крепким чесноком — и пущен по дипломатическо-театральному паркету. И хорошо скользит. И секретарем к нему дан Яша Сухарь (перев<одчик> с немецкого!). Жеста не получилось, и слова — окромя якания — не вышло из уст сладчайших. Ропот и раздражение в «кругах»: «так это коронация — для себя? и только?» Меня одолели. Тащили председат<ельствова>ть. Но я — куда уж мне? В виселицы для собак я не хочу. И — болен. И — потерял голову с квартирой. И — нельзя силой тащить «во праведники», если человек (Б<унин>) хочет остаться «грешником». Б<унина> учить — уче-ного-то!... Но, каж<ется>, готовится ему нотация. Получил п<ись>мо от А. В. Карт<ашева> — скажу, говор<ит>, ему *все*... обя-зан! Будет 29-го закр<ытое> заседание в «Рос<сии> и Сл<авянстве>» — Нац<иональный> Комитет и вся политич<еская> нац<иональная> эмиграция. Я не буду, но послал для прочтенья «Слово»[80]. Лауреата хотят *ткнуть* в Россию, а он не желает, — он хочет пребыть в нейтрале и личной победе... искусства. Ибо — так легче, и предстоят «деяния» и восторги всюду. А ежели «коснешься»... — поворотят носы. Вообще — скандал, внутренний. «Не

ожидали». Левые говорят — «на денежки разгорелись, рвачи», но далеко не то. Такого «хлада» от лавреята не ожидали. Ни-кому ответного привета! Спросил Ден<икин>а — не получал. Отношение — «задеря нос», импе-ра-торское, от лаптеобразования. И я не дожд<ался> хотя бы строчки от собрата, а послал телегр<амму> и даже письмецо. «Надул, собачий сын» — вспомнишь повытчика, что ли (про Чичикова).

Вечер того же числа, 9 ч. Отозван был охотой за квартирой. Устали собачьи — ни-чего. Не по карману. Куда денемся?! На улице до того расстроился, — хотел зареветь, — таким я себе жа-лким показался. Поглядел на мою, вечную... до чего же истомлена! Оба больные — бродим, нанося визиты консьержкам. 6000, 7 т., 5 1/2 т., ну а мы (О<льга> А<лександровна>) не можем свыше 4 — 4 1/2. Вернулись, разбитые. Собачий холод, в спальне +6° Ц.! Весь вечер ставил печурку, а угля кот наплакал. И все мысль — тебе бы в тепле, старик, — да доканчи вот **свое**, а ты вон шляешься... — печник негодный. Ах, стал бы я Пушкина читать, в кре-слах бы... — будь я счастливей. Прости мне, Боже! Ведь я, свинья, — блаженствую! А **там**-то...! Вспомнил, как в 1921 году, зимой, в 20° мор<оза> R<éaumur>[81] ехали с О<льгой> А<лександровной> на *одном* бревне (!!) — 50 верст, в пальтишках!! (Мытарства наши по Крыму. Только — не квартиру тогда искали...[82]) **Все** проходит: пройдет и **это**.

Получил из Швеции свои книги от переводчицы... *без* письма! На 2 моих — не ответила... а ведь **сама** 1 1/2 г. тому как ласкова была, как настаивала... и тянула, отмалчивалась, после. Книги послала... 14-го XI, через 4 дня после prix.[83] На, мо-жешь **теперь**! Связала меня на 1 1/2 года. И опытная, известная перев<одчица> — Ellen Rydelius. Загадка. Теперь хочу дознать, *какому* издат<ельст>ву предлагала. Мне она на эти вопросы *не* ответила (отмалчивается). А я *верю*, что «Ист<ория> Люб<овная>» могла бы заинтересовать шведов. Неужели она помешала (казалось, что мож<ет> помешать, — де Шлесу?).

Справка: 1) осенью 1926 вышел «Человек» (Kypare!) в перев<оде> Ruth Wedin-Rothstein, со статьей (академика-

поэта) Anders Österling. Его же статья (каж<ется>, не сохранилась) была в б<ольшой> газете в Стокг<ольме>. Издатель — Albert Bonniers, Stokh<olm>. Только всего пока и вышло. Гонорар... получил всего 1500 фр. (тогдаш<них>). Больше мне ни отчетов не давали, ни денег. Я плюнул. А каж<ется> книгу хор<ошо> приняли критики. Кн<ут> Гамсун написал переводчице (прося перевести мне) чудесное письмо. Писал так: «как начал читать, так и не мог оторваться, всю ночь читал». Горячий привет прислал. И еще сказал, пусть меня Ш<мелев> извинит, я необразованный, только на своем яз<ыке> пишу, но Вы ему переведите. Письмо у Wed<in>-Rot<hstein>... A Alb. Bonniers мне телеграмму прислал — разрешите издать «Челов<ека>»[84] — (после успеха в Париже).

Рус<ский> лектор Михаил Фридонович Хандамиров, живущий в Lund'е (Швеция, южная), читал в Лундск<ом> Унив<ерситете> о «Неуп<иваемой> Чаше» — 4 часов<ые> лекции (было в программе). Он же подписал в 24 году договор со мной на 5 лет — издать 5 — 6 книг. Но у него отбил Бонье, — я тогда спутал, дал Б<онье>, но потом возместил это Х<андамиро>ву продлением договора на 2 года и добавил — любое, по выбору. Перевела Чашу — та же хор<ошая> перев<одчица> Wegin, но — по письмам Х<андамиро>ва — они нигде до с<их> п<ор> не могли устроить «Чашу». А 2 года уже я не писал Х<андамиро>ву. — Посылал книги (нем<ецкие> перев<оды>) Сельме Лагерлеф. Писала она мне о «С<олнце> М<ертвых>» — была потрясена. Благодарила за другие. О «Liebe in der Krim» писала: «эта вещь понравилась бы читателям». О «Чаше» — «очень лирично, но читателям была бы непонятна покорность Ильи Вашего»... (Каково? И ей, стало быть — **не внятно**?!). И у меня пропала охота ей посылать. Никого в Швеции не знаю, никаких связей. Да и — теперь-то безнадежно. Есть там, говор<ил> А. В. Карт<ашев>, священник, бывший дипломат, читает в Унив<ерситете> лекции по рус<ской> литер<уре>. Фамилии не упомнил. Чувствую, мои книги могли бы читаться... а «идеалистич<еское> содержание» было бы в духе Ноб<елевского> статута. Не суждено бы-

ло. А я знал, что Б<унин> покашивался на меня. И имел, конечно, все свед<ения> о кандид<атах>. Писал мне года 2 тому N. van Vijk., проф. — он меня продвигал... Не удалось мне издателя найти для «Любви» (Forfrüling). Да я и не искал и *внезапно* Ellen Ryd<elius> **взяла** у меня, сама разыскала мой точный адрес... и — написала мне: Ваш адр<ес> я узнала у Ваш<его> нем<ецкого> издателя (!). А зачем же это-то писать?! Вот это меня ***тогда*** (1 1/2 г.) о-чень удивило. Вот, думаю, удача привалила. И — связала меня. Помню — кошки скреблись на душе. Был у меня года 4 тому молодой ученый швед, ученик проф. Агрелля (Lund. Унив<ерситет>) в Капбретоне. Говорили. Он Чашу знал. Оч<ень> восхищ<ался>. Но вот, года 2 тому, послал я ему книги (и Агреллю) — и не получил ответа. В эту пору выдвигали Б<унина> (де Шлеси). И возможно... хулили и «закрывали» Ш<мелева>.

Вчера получил коллект<ивный> привет из Белгр<ада> от писат<елей> и по-читателей. Пишут: «вдруг захотелось сказать Вам, как мы Вас чтим». Мне было радостно и... грустно. «Богом<олье>» д<олжно> выйти весной (писало изд<ательст>во). Прислало за него 1000 фр., кот<орые> меня спасли от хлада и — хозяина.

О, пришлите «Красную тетрадь»! Я буду счастлив!! На *неделю только*, верну заказным!! Пришлите! Вы не знаете, к<а>к мне дорого, все, все *Ваше*, — я впиваюсь. Это для меня — лучшее, Божье, вино!! Хочется к столу, за работу. Хочется тепла, основаться, наконец, чтобы не уезжать ни-куда... до... России. Ведь столько лет — только старые чемоданы! Нам **дали** мебелишки, теперь у меня **свой** стол, постели, комод... но нет стульев. Зато две скамейки. И обед<енный> стол — дубовый — пудов 5. Но... все **уедет**. Не знаю, переедем ли? Какой у Вас **мудрый, ясный, гармоничный** почерк, как я его люблю! Да *все* в Вас мне дорого, милый И<ван> А<лександрович>. Господь послал мне Вашу дружбу, познавание Вас. Это — благой дар Его. Целуем Вас с Нат<алией> Ник<олаевной>. Печку надо наваливать на ночь. Когда запишу?!! Ведь 7 мес. — ниче-го! Спасибо за участие.

Я бы живо оправился — только бы осесть.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Простите за разбросанность в письме — душа разбросана — ото всего.

<Приписка:> Не забывайте. Скоро еще, авось, напишу. Нов<ый> бы адрес!!

192

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<10.XII.1933>***

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Неужели Вы все еще без квартиры?! Я даже *Богу молился*, чтобы Он помог Вам обзавестись жилищем, удобным и покойным — а будь я там, у Вас, помог бы и ногами, и глазами, и советом.

Пишу кое-как — у меня вчера опять жгли гланду — жареным несло на весь докторский кабинет. Ну и после этого некоторая слабость в сочленениях и неохотный глоток. Однако бодрствую и даже помог моей барыне вымыть в кухне пол. Но после этого сомлел. Впрочем, не в этом дело, а в *миросозерцании.*

А миросозерцание мое *смутное.* Почему? *Не ценят русские люди качества.* Не умеют. Идут мимо и «покивают главами».

Захожу недавно в русский книжный магазин. Говорят — «люди ходят — Бунина покупают». «Ему премию дали, а мы не знаем, что он и писал-то». Ну — и раскупили нарасхват все пять книжек, кот<орые> пылились 8 лет на полке. А?! Нет, я говорю, а?!?!

Или вот еще. На днях говорю приятелям: «ура, приехали!» А они — «кто? куда?» — «Да Бунины! В *Ганновер*!» — А они: ну и что? — *Как, что*? По *одной общей* земле ходим! — А от них никакого сочувствия. Вот он — русский человек...

Я говорю: «в чемоданчике-то — *тетрадки* оказались!» А они мне: где? какие тетрадки? — Да у Буниной же, у Веры Николаевны — тетрадки и записные книжки!.. А не что-нибудь!! — Не понимают! Не измеряют ни глубину, ни значительность события!! И не объяснишь никак.

Я им говорю: все это *в писании* было предвидено. Ведь это недаром было сказано: «отсель грозить мы будем шведу...» Откуда — отсель? От премии Нобеля, дан-

ной Бунину. Потому что после этого, что нам швед и что мы шведу? Будем грозить — и никаких.

Или еще: «Уходит Бунин сквозь теснины».
Какие теснины? — провожающих на вокзале.
Куда? — В Стокгольм! Неужели не ясно?
Или еще: «За ним повсюду Бунин медный
с тяжелым топором скакал»...

И вдруг мне один приятель: «да, говорит, теперь по всей Европе какие-то литературные буни распускают»... Ну тут я уже, знаете, не вытерпел: «как, говорю, все говорят нет правды на земле? Но правда есть в Стокгольме! Мне это ясно как простая гамма!»... Ну и так дальше, до конца.

Но разве эмиграцию переделаешь? Да и русский человек — разве он поймет? Вот и берлинские литератели — решили чествовать. Пусть он, говорят, шествует. Ему подобает шествовать, а нам чествовать. И что же? Вот продрамма:

a) Иосиф Vergessen[85] — Бунин как сотрудник Речи и Руля.

b) Соколов-Кречетов-Петухов-Каплунов[86] — Бунин как однокашник, собутыльник и собордельник.

c) Сирин-Сирахов-Засерин[87] — Бунин, как мой предтеча в поэзии.

d) Яковлев-Кувшинное рыло и Неуважай-Корыто[88] — отрывки из произведений Бунина, как я исправил бы их в качестве учителя словесности.

Как Вам нравится эта бунявая продрамма-протрагедия?? Что Вы скажете на это взаимно-совместное обоюдно-унизительное лопоушие? И какое же после этого возможно еще миро-созерцание? Никакого! *Ни* малейшего!

Хочу в пику им объявить чествование *Мережковского*.

Вот намеченная продрамма.

a) Сам Мережковский — «Я и Аменхотеп второй».

b) Зинаида Hippius[89] — «Почему *нам* не дали Нобеля, а дали черт знает кому?»

c) Писательница Блэффи[90] — Экспромт под дэвизом «Не унывай, Димитрий Самозванец, а лопай скромно, что дают».

d) Каплунов-Петухов-Кречетов-Соколов — «Воспоминания о том, как я *пошел*, а Мережковский почему-то отказался и *не пошел*»... (цензура! где твое око?)

e) Засерин-Сирахов-Сирин — Мережковский, как мой предтеча.

f) Трио братьев Кулишер[91] — Памяти великого артиста.

По-моему, у меня здоровей!!! Что?! Здо-ро-вей!!! Сознайтесь!

Вот и все. Не могу больше, рука устала и гланда ноет.

«Пошли, Господь, свою*) квартиру
Тому, кто в зимний хлад и вой
Идет близ бунинского пиру
И ног не слышит под собой...»

Итак, да сбудется — и квартира, и кресло, и уют!

Обнимаем Вас обоих

Ваш Иоанн (имя ему).

Письмо прошу искоренить немедля и без остатка; и не показывать особенно

Кульману!**)
Деникину!
Куприну!
Бальмонту!
Рощину!
Гришину!
Мишину!
Машину!
Зайцеву Борису
Зайцеву Кириллу
Зайцеву (вообще), а также Волкову, Лисицыну и другим животнодавцам!

И одним словом никомушечки,
одной Ольге Александровне
и то под страшной клятвой (тень под землею «клянитесь!»).

---

*) т. е. соответственную, подходящую, tout comfort.

**) Знаете, что такое по-латыни значит слово culum? В средневековой латыни это соответствовало библейскому выражению «но изриши *задняя* моя»...

193

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<17.XII.1933>*

17 XII 1933. «Фарфоровая идиллия» кончилась, — и я стал «республиканцем». А посему:

2, B-d de la République
Boulogne (Seine)

Дорогой, драгоценнейший Иван Александрович!

Ваше письмо — первое, поданное мне на новой квартире, в разгроме переезда (вносили, как это странно звучит, — **мою** обстановочку!). И было мне сие в великое утешение и в светлое предзнаменование. Чудесное, веселое — после стольких моркотных[92] (не мокротных!) — письмо. Как елей на раны. Ура! «Послал Господь **свою** квартиру»! А было такое, что только, каж<ется>, и оставалось — проситься на «Господню квартиру». Но — жива душа моя! Умоли́ли Вы, дорогой друг, умолили. Имею: 21 шаг в долину́, 7 1/4 шаг. — в ширину и 2,75 mtr. — высоты. **Все**! Гор<ячая> вода, ванна, toil<ette>[93], кабинет (!!)=3 м 30 с/м × 4 м 90 с., спальная, столовая, кухня — танцуй хоть! — коридор — прямо, для перипатетиков[94]! — все на юг, солнце с зари до зари, да́ли, — ничто не закрывает кругозора! — *на* сам<ом> берегу Сены (!), у самого моста (Issy), трамвай останавлив<ается> (126 №) у парадного (!), 7 м. ходу до Parte de St-Cloud. — воистину: «послал Господь **свою** квартЕру»! 5-й эт! — лифт. И — *тихие* наверху жители!!!! Умолили. Наконец-то я прикреплю на стену, на всегдашний вид, Ваши портреты! Наконец-то у меня книжные полки, по моему плану сделанные, за 38 фр. (!) — а смотрят сверх-солидно. Но что, дорогие, говорить, и не это только — чудесное: неведомая добрая душа (имени не знаем!) **одарила** (как чудо вышло, — очевидно русская, замужем за итал<ьянцем> или испанцем): у нас и америк<анские> (!) кровати (tout complet[95]), и стол обед<енный>, дубов<ый>, америк<анский> на 25 чел.; (вкл<адные> доски я пустил на книжн<ые> полки!), стол письм<енный> (1 m 20 × 75 с.), сомье[96] (для слона!), комод-акажу с мрамором (!?), лонгшэз, посуда всякая, 2 ковра, барх<атная> скат<ерть> — для машин<ного> столика (?!), он самый, столик, две

скамьи — будто из церкви! — Го-споди-и! И откуда мне сие?!... Против воли стал из «чемоданщика» — вещником. Те-плынь! В морозы +17° у нас. Горит лампадка, цвета жидкого, розоватого вина. А Ваша Богоматерь Сиенская — у меня, в кабинете, в почет<ном> углу, над столом. Мало того: в кажд<ой> комнате — камин с зеркалом! Центр<альное> отопление. Полы — паркет. И солнца, солнца... А консьержи — Филем<он> и Бавкида[97], и дочка, замуж<няя> — красавица, приносит почту. (Бальм<онт> успел оценить!) Только пока нет стульев, сижу на ящике, ковром покрытом. И будут еще да-ры: кресла, шкаф, трельяж с зеркалом (!), кабин<етная> лампа (две, никак!). Это ли — не **чудо**?!! «Послал Господь **свою** квартиру» — вымолили, друг. И вышло *все* — сразу. Через посред<ника> Светлейшего — кн. П. П. Волконского[98], которого я *не* знал, но которому когда-то ответил на письмо (по пов<оду> «Лед треснул», статьи моей[99]). 3-го дек. экстр<енно> бросился смотреть кв<артиру> — и тут же подписал: 5500 фр. — год — за *все* + вода, но, к<а>к исключ<ение> (!?) по одной цене горяч<ая> и хол<одная> — 1 1/2 фр. за 1 m. c. , а везде — горячая — 8 — 10 — 12 f! А мне моя холодная «Соловьиная» стоила с топкой 500 фр. мес., да два переезда на лето и с лета, да за дачу сперва 4, потом 3 т. Выгадал 1500 — 1600, но теперь я к<а>к в дворце, даже жуть. И все = ?: да смею ли? да имею ли право (нравств<енное>) ***так*** жить, когда... и т. д. Ждем Св. Пантелеимона. Да благословит наше житие. **Как** я боролся, не хотел расставаться с «чемоданным житьем», да **надо**, **заставило**! Болезнь О<льги> А<лександровны>. И будто мы — **совсем**, **осели**. Грустно. Все чего-то **ждали**.

Довольно о вещах. Чего же стоило искание кв<артиры>! Не описать. Плакали!! Призрел Господь. И правда: бродили-метались — «близ бунинского пиру»... Как в горьком хмелю. И **надо** было еще как-то выкроить часы на рассказцы для двух газеток — окраинных, к Рожд<еству> — хоть на переездку добыть что-то. Теперь надо только **держаться**, чтобы не выселили. Налоги — 450 фр. — не уплачены, за «Соловьиную» задолжал до 400. Нне знаю, что будет. И «Слово» на Бун<инском> (2-м)

чест<вовании> послал, сам не мог быть. О, мно-го **всего**! Не скажешь. Напрасно развели такую истерику. Бедный Карташев! Ку-да, во **что** ломился, — **как** мог надеяться натянуть мантию пророка на плечи, приспособл<енные> для пижамы, в лучш<ем> сл<учае> — для фрака-смокинга, для «достойнейшего» и гордого шествования с эстрады к королю... Уди-ви-тель-но — Вы: «Он **шествует**, а его че-ствуют»! Так он и прошествовал. М<ожет> даже, после, и козликом пропрыгал на «пиру» Стокг<ольмско>м. Не с крепом русск<ого> писателя (в сердце хотя бы!), а с хризантемой пре-мьера. **Там**, **тем** — что! У них все есть, и самая война им — на счастие. Могут пировать-пить — душу трепать и ноги, и глотки. Но *как*, **как**, пис<атель>-эмигр<ант>, писатель горевой мученицы-родины, мог **так** бесшабашно **пи-ро-вать**, запоем? (На глазах «праздноболтающих, умывающих руки в крови»?!) Бедный Карташев! И все мы — дураки. «Эх, ты, толстоносый...! Сосульку, тряпку... принял...» за пророка! Потрясен я «Словом» Б<уни>на на банкете. **Где** же — чувство **меры**?! достоинства?! «Я — честолюбив»... (!?) И это — русский писатель! И все эти комплименты — «J'ai contracté les dettes vers la Fr. jusqu'au fin die jours»![100] А?! И **нигде** ни слова, ни вздоха... о **матери**! Будто и нет ее для рус<ского> писателя. Плохо. Недостойно. **Так** задохнуться от «счастья»... И везде — лейт-мотив: «меня оглушило, я не ждал... жил в Bellemedere... — вдруг, звонок из Стокг<ольма>...» — А-а... Скажи лучше — давно ждал. Пора бы. Дурачка строит. Все Слово — с оглядкой, все движ<ения> — разучены перед зеркалом, вплоть до... «сошествия» (достойнейшее!) с эстрады. А *мы*-то... чествовали. А он-то взял себе в секретари — Яшу! — Что за дар у Вас! ***Так*** изобразили шествование! Великий сатирик. Го-споди, — *надо* было 33 г. ждать рус<ской> литературе дня, когда **так** зашествует! Заместо Толстого, Чехова... Так он и раньше ше-ствовал, впрочем.

Да не из зависти ли говорю сие? Видит Бог — нет. Мне стыдно и больно за **наше**. Уверен: Мережк<овский> при всем его «словоблудстве» **мог** бы **тут** сойти за пророка и сказать гор-до и го-рько — правду. Пусть не достигло бы цели, но *надо* было сказать: не очень-то торжест-

вуйте! Б<унин> не сказал ни словечка и о рус<ской> литературе. Его «поправил» (да!) сам Король: «радуюсь за Вашу литературу».

По-зор. Вчера был Бальмонт. Написал экспромт. Вот:

И. А. Б.

Он философских чужд вопросов,
Он любит красоту откосов,
Садов пленительную мглу.
У нас в Москве был Абрикосов,
Его вы ели пастилу?

Я бы поправил: «Национальных чужд вопросов,
Он любит красоту откосов...»

Ко-шмар какой-то... воистину «какие-то литературные буни распускают — по всей Европе». Только это *мы* распускаем — пресса наша. Ну, П<оследние> Нов<ости>..., но и «Возр<ождение>» лезет — хочет голова в голову с П<оследними> Н<овостями> — муха жужжит в стакане, бубнит, бу-нит... — только и видишь — бу-бу-бу... вот уже месяц. И при сем шуме — и Fischer у Вас, и Tul — в Вене отклонили издание Арсеньева[101]. (Да, Арс<енье>в — во многих *частностях* прекрасно для поним<ания> **русского** читателя). И как, как мог Пьер Гальстрем на торжестве мотивировать — Бунин — певец — служит идеалам *добра и красоты*? Ну, не мне судить. Он прекрасный стилист, изобразитель чудесный... но... я бы хотел **глубины** и чувства. Мало в искусстве только «достойно шествовать», красиво шествовать и повторять Экклезиаста. Надо уж **свое** в себе найти и дать. Кн. П. П. Волк<онски>й как-то сказал — «хороший пережиток Тургенева, но я не вижу равного «Двор<янскому> Гнезду», даже «Отц<ам> и дет<ям>». Я ничего не сказал. Нельзя же «Г<осподином> из С<ан>-Фр<анциско>» покрыться. Я люблю Б<унина> за чистоту слова, за труд, за вкус, за *русскую природу*. Много сохранил нам, собрал. Большой талант. Но как же так... не сказать pro Russia?[102] Все свести — к себе? А м. б. по-своему и прав. Что взять с глухой стены «пирующих»?! И внутренно прав: это его торжество, его усилий... и благо-

приятной, «лиго-национной» конъюнктуры. (Думаю, Вы в курсе «парижской борьбы» за Бунина*).

Сильно устали мы от *всех* передряг, нет мочи! Надо все ввести в колею — и за работу. Пишет Candreia: две главы «Лика Скрытого» буд<ут> напечат<аны> в янв. в «Europeische Revue»,[103] в Берлине, м. б. 50 м. получу. С «Няней» — нет движения. Послана Rentsch'у, в Цюрих. Пока беру из нее «жилки» для рассказцев: выдерну волосок — сделаю сеточку. Что-то мерещится с фильмом, м. б. Cand<reia> что и сделает — из «Это было». Мог бы быть сильный фильм, чую. Удив<ительное> письмо получил от одной дамы из Риги: 6-ой (!) раз читает «Чашу». Прислала мне — для охранения — псал<ом> 90, вырезала из заветной книги-подарка на оконч<ание> института — Евангелия от Архиерея. Пишет: «мои внучки будут разучивать в школе эту **песнь**». Жду коррект<уру> «Богомолья» — моей заветной книжки. Оглядываюсь: **как** я мог написать ее?! Если бы Вы знали, как я страдал, к<а>к был близок к *утрате себя*, были дни, когда я чувствовал, что **пропадаю**, идет на меня тьма, ужас... потеря рассудка. Я всматрив<ался> в свою болезнь — душевную, знаю... И вот, Господь сохранил. Я **нашел** себя. О, сколько усилий! Меня, м. б. «Богомолье» спасало, «Лето Господне». Надо 3-ью книгу еще, и — «Чужестранца» буду постигать. М. б. стяну «Няню», м. б. **про-ра-ботаю**. Все больше сомнений — к чему она? Неудалась, незадалась... в целом-то. Не то бы надо. Если бы Вы знали, **как** я **искал** «Чашу», «Неупиваемую»... Смешно и непостижимо... начал я... со спорта в Финл<яндии>! Почему?!.. И вижу — запутался. И вдруг — совсем другое, **совсем**! **Кто**-то во мне писал. **Теперь** я постиг. В «Чаше» я все сказал о сути Творчества. Ведь мой Илья вовсе не раб, не покорный, а... так надо. Его ведет творч<еский> инстинкт. Чтобы **дать** великое, надо выстрадать, сломать и сжечь, перебороть **вещное**, плоть, даже красоту плоти. Он ее

*) как его тащили во праведники (Нац<иональный> Комит<ет> и Р<оссия> и Сл<авянство>), а он решил остаться грешничком.

переборол — переломил «плотскую любовь», *ночами* ломал ее и творил «лик нездешний». Из плоти, превозмогая ее, творил — **дух**, высокое. Сжег себя, поборол, пронзил вещное, и за ним — узрел. И умер — оставив «Неупиваемую» — для всех. Ее не понимают, но чуют, даже *дикие мужики*, образ потерявшие... Вот произв<едение> искусства — для всего народа — **образ**, надземное, всех притягивающее: от вещного мира пошел Илья, и через вещное проник в надвещное. Я думаю, что я инстинктом, наитием не разошелся (и когда еще!) с Вашей проникновенной концепцией худож<ественного> предмета-образа, с *конц<епцией>* искусства. И как же С. Лагерл<еф> могла писать мне, что «нашему народу будет соверш<енно> непонятна эта рабск<ая> покорность Ильи»... Какая маленькая душа! Впрочем, — все еще мы (я, я) предполагаем в европейцах каких-то «старших братьев», а они — многие-многие — и в сравнение не годятся даже с рядов<ым> русским народным **человеком**. Слишком они вещевики, ползунки. Если бы когда-ниб<удь> удалось мне устроить «Чашу» для сев<ерных> стран (буду хлопотать), надо бы дать предисловие, разъяснить вещникам... И тогда я буду молить Вас, милый друг, не отказать мне в кратком о «Чаше» путеводителе для мелкодушных.

Порадуйте еще к<а>к-ниб<удь> бодрым, сверкающим юмором и колкими остреями — письмецом. Это — лекарство мне.

У нас холода-морозы — 3 недели, бессменно. По Сене — «сало». Вост<очный> ветер, острый. Но нам — тепло, вот уже 6-й д<ень>. Переехали 12-го дек. утром, в ярк<ое> солнце. Сейчас — солнце смеется на столе.

Поцелуйте от нас милую, ласковую душу — Наталию Николаевну. Ее и Ваши чувства, верно, помогли нам мно-го!

Я счастлив — и успокоен — что Вы *нашли себя*, что бодрое в Вас. О Вашем горении-пафосе, к<а>к Вы захватывали лекциями о Гегеле молодежь в Москве голодной, в 1919 пишет в своей кн<иге> (читаю) «Горе побежденным» кн. Е. А. Волк<онск>ая. Она Вас слушала. Обнимаю!

Крепко Ваш Ив. Шмелев.

О<льга> А<лександровна> Вас целует! — так и просит написать.

<Приписка:> Ваши письма для нас с О<льгой> А<лександровной> — счастье великое. Праздник. Никогда О<льга> А<лександровна> не говорит о других — прочти скорей. К<а>к Ваше — «скорей прочти!» Вы для нас — Ильины — светы — молнии — зарницы — да, дорогие.

1934

194

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву <середина января 1934>[1]

> «Трещит на кухне дверь с морозу, кто-то говорит. Ну, слава Богу. Входит нянька. На платке снежок.
> — *Куда ходила, провалилась?..*»[2]

Ходил-то, ходил, дорогой мой, да вот — не провалился. А замучился с книгою до тла.

С прошедшим Рождеством и с наступающим Новым Годом, дорогие друзья! Дай Боже! Дай Боже!! Дай Боже!!!

Сидели под елкой, читали Святки. Хорошо!.. Елка благоухала. Сердцем были у вас.

А вот пункты.

1) Говорил мне Бартельс, что видел писательницу одну, близко стоящую по родству к издательству Diederichs. Говорила: «На пеньках» (Bericht eines ehemaligen Menschen[3]) *самая глубокая и мудрая книга*, которую она прочла за 10 лет».

2) Получил открытку от неизвестного мне туземца из Иены. Со стихами по Вашему адресу. Посылаю Вам оригинал и сделанный мною для Вас перевод.

3) Вышел № Eckart-Zeitschrift. Юбилейный за 10 лет. Все незначительно. А что значительно — наклеиваю[4].

4) Веду переговоры с Бартельсом и Эртом[5]: чтобы издать в Eckart Verlag (но с *повсюдной рекомендацией пропагандистского* характера, что может удесятерить сбыт) сборника рассказов. Благослови, Вла-ды-кооо!

Думаю включить:

Про одну Старуху
Свечка
Свет Разума
Блаженные
Сила
Железный дед.

И очень хорошо пустить еще раз На пеньках (тут же).

Запрашиваю Вашего благословенья. Рассказы должны быть сплошь анти-комм<унистические>-анти-револ<юционные>. Художественно-пророческие. «С тех пор, как вещий Судия»...[6]

Запрашиваю Вас еще: не напишется ли у Вас еще какой-нибудь такой пророческий гвоздь по этому поводу: сюда же включить?

Бартельс (он теперь еще менее самостоятелен) сказал — *«будет счастлив»* — но нужно согласие Эрта. Эрт вчера ответил полным согласием — говорит: «Надо с Бартельсом обсудить издательскую сторону». Бартельс болен. Но я буду двигать дело с иезуитской цепкостью, месторождение коей — любовь к Вам и к России. Эрт читал Ваши 2 вещи, изданные Эккартом, и оба раза приходил потрясенный. Теперь он имеет очень большое влияние там, где надо.

Бла-го-сло-виии, Вллла-дды-ккооооооо!

5) Поклянитесь! Громко — отчетливо и серьезно!!

Так, как клялись по поводу моего Выпиуса! Если поклянетесь, то пришлю Вам две забавных «Буниады». Но *только для Вас* и для О<льги> А<лександровны> — а Вы мне их вернете заказным, чтобы ими и не пахло...

a) одна стихотворная, как он тут кобенился,

b) другая прозаическая «о вреде масонской ереси».

Клянитесь! Чтобы была «шарада и каламбур»

«Ни-когда!
На-всегда!»

Ну, теперь обнимаю всячески — вдоль и поперек!

Кончаю книгу — третьего кита обличенья (о коминтерне)[7].

Наталья Николаевна шлет душевные приветы. Мы когда Вас читаем, то *очень* наслаждаемся. Спаси Вас Господь!

А Вы знаете, что Седых сломил с Бунина 10 000 франков за трехнедельное секретарство?

Ваше Чудовище Лох-Несс*) .

По поводу Вашей новой квартиры — у нас шло радование целых два дня! Пришлите нам ее плант — и где Вы сидите — все нарисуйте, а мы пришлем Вам наш *плант.*

<К письму приложена копия другого письма:>

Копия

Многоуважаемый Господин профессор!

Старый друг *«Света на Востоке»,* который прочел «Bericht eines ehemaligen Menschen» («На Пеньках») Вашего земляка Шмелева, хотел бы позволить себе выразить Вам в прилагаемых стихах — не благодарность свою, это было бы слишком мало, — но свое *понимание* этой книжечки, а также и Ваших вступительных слов. Вот эти стихи:

Если ты слышишь бедственный вопль страдающих,
Глубоко обесчещенных и в муках погибающих, —
Как мог бы ты, нося в себе сердце ученика,
Пустословить и шутить при виде такого страдания?
Ведь это *наша собственная* провинность,
Что эти братья страдают за нас, виновников;
И где то христианское сердце, которое, исполненное любви,
Не приобщило бы себя такому кресту?
Ты христианин и ты мог бы молчать,
Где к небу подъемлется такое множество стенаний?
Ведь и ты рожден для страдания во Христе,
И ты избран к братскому *со-страданию.*
Ведь тебе не надо питаться тем хлебом страдания,
Который ежедневно отпускается твоим братьям;
Ты должен только делить с ними их сновидения
И издали пребывать возле их креста.

С предрождественским приветом «Lux lucet in Tenebris»[8]
остаюсь, незнакомый Вам, но очень преданный

Карл Цергибель.

---

*) Блох-нес — да всех растерял... А красную тетрадку пришлю своим чередом.

Иена. 3 дек. 1933. (адрес)

<Приписка:> А с Бунями (Буниади-Янос) мы так и не виделись. Зато он непрерывно нюхался со Степуном...

195

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<15.I.1934>*

2/15 I — 1934 г. 9 ч. 30 м. вечера. Булонь.

Милые, дорогие наши, — воистину!

Наталия Николаевна, Иван Александрович,

Пришлось эти недели (дни и не различаю) вести самый сумбурный (и как бы «шведский», т. е. **светский**,) образ жизни, (это после стольких лет отшельничества!), всего испытать, всем переполниться, — как будто превращены были в ленту кинематографическую..., ибо и к нам народ, и мы к народам, и все это от новоселья. Уж очень всем стало любопытно, как это «они» стали жить своим домком. Много ласковости познали, и много (как-то случилось!) я похвал услыхал изустно и письменно, даже из далеких земель: «Лето Господне» и что ли, как-то нежданно для меня, пробудило в читателях (скрытую раньше?!) любовь... О, какие признания, и очень ежишься, когда начинают в глаза тебе изливаться... Но это все — между прочим. 5 дней пролежал в головокружении и упорной тошноте (чтобы не называть словца с бкв. «р».) и уже решил, что в мозгах непорядок... Но это был припадок анемии (модная болезнь: эпидемич<еское> головокружение). Оправился сердечными каплями и препаратом... лошадиной крови (как бы не начать ржать и бить копытом?). Все это от переутомления. И замоталоснованье. Но каждый день — думал о Вас, да еще пришлось очерки кой-какие (для хлеба) делать. И не видел дней. Памятовал — 7 — 20 янв. Собор Иоанна Крестителя!

Но сегодня утром, отправляясь на похороны проф. Сиротинина (чудесного человека!), был захвачен консьержем с почтальоном и получил Ваше заказное. Читал в метро, а потом дома, О<льге> А<лександров>не, и один еще. И — переполнен. «Послал Господь **свою** квартиру!...» Почувствовал, до слез, радость, что есть у нас — Вы, милые, друзья добрые. Этого чувства не описать...

Такое — в лучшие миги детства было, в большие праздники, когда сладко-сладко баюкаешься на краю сна — от яви, и светлая, радостная явь переливается в тонкий, неощутимый сон, но она есть явь еще, только тончайшая, светлейшая, преображенная наплывающей грёзой сна. Весь еще **здесь**, в яви, но — **другой**, будто бестелесный, воздушный, — счастливый земной ангелок будто. Этого не сказать, до того это необычайно и прекрасно, когда улыбка расплывается по лицу, нежно кривятся губки у ребенка — при первом сне — не сне, а его веяньи-дуновеньи. Сейчас у меня — а я был на грустной службе — на отпевании! — так на душе покойно, как давно-давно не было, забыл — когда же было? — Но опять не то. Не могу дождаться 18-го, чтобы писать Вам ко дню Ангела, — пишу сегодня.

Поздравляю, дорогой Именинник, и пошли Вам Господи здоровья и благоденствия на долгие-долгие годы, Вам обоим. Крепко-неразрывно быть и пребыть до последнего срока земного делания. Много увидите, много сотворите, — сие да будет! Оба мы, — знаю, — молимся за Вас. Вы — моя духовная опора, — **знаю**, — и Вам обязан за многие сладкие и несказанные чувстванья. Они, эти чувстванья, как-то **вливались** в мою работу — **знаю**.

С Ваших писем проливался в меня бодрящий свет, от Ваших слов-чувств, от самого мерного их — внутреннего — звучанья — ритма, в коем мне слышалось — благословляющее ободренье. Во многом Вы для меня — как бы духовник и ясновидец души моей, милый друг.

Счастлив я был — и есмь! — от письма (Карла Цергибеля), Вами мне раскрытого. Я напишу ему кратко, но боюсь спутать адрес, не могу разобрать (какие-то знаки Z. Zt.??) и еще дальше. Посылаю Вам, как Вам принадлежащее, письмо. А Вы как-ниб<удь> напишите адрес К. Ц<ергибеля>. Да, Вы многим уяснили «Пеньки». Вашим углубленным постижением — руководящим вступлением! Истинно так. Много-много сделали Вы для книг моих, для меня, — светя своим **светом**. Через Ваш **фонарь** волшебный — видят часто укрытое, чего я сам не знал, чего м. б. и нет даже. На то — волшебн<ый> фонарь.

Рад, что налаживается с книжкой. О, это было бы очень важно, а для меня и вдвойне приятно. Как же я рад! А Вы еще меня запрашиваете, как я? Да, Господи!.. Мне, (продолжаю утром 16-го) мне надо возглашать: Благослови, Влады-ко-о-ооо! Вы лучшего и не могли выбрать, т. е. «лучшего» в смысле **духа** книжки. Я наберу еще кой-чего, не включенного пока в отд<ельные> издания (сейчас переберу в папке своей). Сейчас не могу написать другого, в дополнение. А Вы уж сами решите, что следует добавить, — пошлю Вам отдельно. Теперь мне нужно отправлять «Няню» на место. Да, определилось, нашла местечко, на извозчика сажаю, едет к хозяевам..! Наконец-то послал Господь и ей местишко: в «Совр<еменных> Зап<исках>». Со след<ующей> кн<ижки> начнет служить-побираться, **вся**. Твердая[9] старушка, как сказала — так и сделала: «берите меня, какая есть, а стрыженой мне быть негоже». Взяли-таки. Только я ее маленько поглажу, лишнее что — уберу, доведу до 12 — 13 лист. сам, не выпуская ни единой главки. И аванс получила, — к<а>к раз к «терму»[10], к 15-му, благополучно минувшему. Теперь — до 15 апр. обеспечила меня пристанищем роскошным. И вот Вам «плант»: (без масштаба, уж): (плохой я рисовальщик!)

Моя квартира!

Вот какая! И мы двое в ней — как две горошинки в бутыли. *Там* бы 100 душ напхали! И что-то сжимает сердце, — до чего мы забиты утесненьем родного! А тут хоть в бабки играй.

Одним словом: когда Вы надумаете в Париж — Вы приезжайте к нам и что хотите: или спальная, или кабинет — Ваше, ибо и сомье — широкое, 1 m 15 с. Лучше — спальная, куда будет поставлен стол. Имейте в виду! Только вот **пока** нет стульев, ни одного, зато — ящики, две скамейки, 1 раскл<адное> кресло и одно креслище из оперы «Травиата» или из-под Людовика IX Святого <здесь помещен рисунок> — (похоже на жука!). Но будут и стулья. А какой вид на Медон, Бельвю, Севр! «Послал Господь *свою* квартиру». А Вы нарисуйте мне Вашу! По-жа-луйста!

Цвибак слу-пил... 10 000! — horreur![11] Ничего не пойму. За *что* же?!! За securityванье носа всю-ду... и фотограф<ии>?!

Хочется плюнуть. Да ведь Яше это ре-кла-ма, поездка-то. И секрет<арст>во! Ведь *он* долж<ен> был бы заплатить Б<уни>ну?! Он, чай, связи со швед<скими> и америк<анскими> газ<етами> завязал! Просто-та Бунин, при всей своей гордости и сметке, и — таланте! Я понимаю еще, если бы Serge Шершевский[12] с него получил за «пути»..., а то... Су-харик!

Видел я Б<уни>на. Это — ужасно, до чего ослаблен этой «стиркой». И еще, при сем, вернулась стар<ая> болезнь — геморрой. Я испугался — обескровленный старичок. И стало мне его та-ак жалко! За-чем **все** это?! Не умеют русские беречь себя и свое. Жгут — сгорают, дают себя жрать за пустое словцо и жест. Грустно. Увидал меня, случайно столкнулись в вестибюле, идя к Кульм<анам>. Бунин откинулся к стене и, — к О<льге> А<лександровне>: «нет, что-о-о он обо мне ду-ма-ет?! (на меня)... Да, я... свинья, свинья...! (он был в градусе) Заеду через 3 дня!» — Заехал, но не застал меня. Я потом навестил В<еру> Н<иколаевну Бунину>. Она живет в друг<ом> отеле (Vernet, близко от Majestic. А И<ван> А<лексеевич> в — Majest<ic>) И она очень сдала. Поговорили. Она вызвонила И<вану> А<лексеевичу>. Пришел, больной, сел — упал в пальто в постель... и сидел, истомленный-больной. И я чуть не заплакал. Мысль: вот, и прошла жизнь почти... не-че-го (ему) больше ждать. Старость его жалко стало. Ну, мож. б<ыть> он и выправится. Но он очень уж «одурел» и «ничего не понимает» (слова Веры Ник<олаевны>). Вчера вызвал доктора Серова (я был у него, у доктора, из церкви): «помираю». Расстройство кишечника. Лежит пока, лучше. Все — итоги «пира». Я не думал, что в такие годы можно было так бешено заликовать и продолжать ликованье 2 мес.! Ведь за эти 2 мес. он у себя сжег 2 — 3 года жизни. Теперь начнется **падение** — реакция. Сердцу дана работа непосильная. И грустно еще, что блудослов «Степная Курица»[13] был как бы глашатаем слова Б<унина>. О, этот умница Б<унин> прекрасно ведь **знает** «Курицу»! О, многое бы Вы могли изобразить! Вы до донышка знаете Ст<епуна>. Кое-что Б<унин>, под градусом, рассказывал у Кульмана. Но все — в парах прошло, к<а>к дым.

Словно и не был Бун<ин> в Берлине! Куда-то ездил, куда-то его **водил** Ст<епун>, «махал рукой». Хи-тря-га, этот Ст<епун> — плу-ут.

Умоляю, пришлите две «Бунияды»!!! Клянусь!!! Только мы с О<льгой> А<лександровной> прочтем — и отошлю заказом. Умо-ля-ю!! И О<льга> А<лександровна> о-чень просит. А я пошлю Вам — Бальмонтовского «Барина». Ваши «программы чествования» в прошлом п<ись>ме — шедевры! Заранее облизываюсь. Что за фарс можно было бы написать — обо всем этом Нобель-**аде**! Трагический фарс.

Вы уж, милый друг, не позабудьте кстати и тетрадку с мыслями об искусстве прислать (давно жду, и ка-ак еще!), я подумаю над ней, попью нектара Вашего, — вумней стану, многому научусь, **знаю**. Мысль у Вас — такой сгусток, как пылинка — **радия** — богатство: ею, сжатой, **витаминной** — жить можно, как бы от многих книг драгоценных. У Вас какие-то все заряды... Другой бы от одной строчки книгу наворотил. Насыщенность поражающая... и Вы играете ею, богач-бессребреник. И еще: в Вас непочатость юмора и — до сарказмы. Я счастливец: великое у меня богатство есть — письма Ваши, не говорю уж о «письменах».

Проведите день Ангела благостно с Наталией Николаевной, читая Пушкина. Как на Пасху в обедню — от Иоанна Евангелие, — так в день Ангела — своя обедня, домашняя, — **только** Пушкин. Он меня как порой утешает и закрывает — **все**. И Россию вспомнишь, и душу очистишь. А мы на Крещенье помолимся о Вас, друзья. Церковь — в 15 мин<утах>, оч<ень> приятная. Это — радость.

Заочно целуем Вас воедино. Нет дня — истину говорю, — когда мы не вспоминали бы Вас! Вы — тут, на камине, и оба — в сердцах у нас. Таких других — нет, в живых-то.

Всегда, ныне и присно и во веки веков

Ваши Ив. и Ольга Шмелевы.

Аминь.

196

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<3.II.1934>***

3. II. 1934 Boulogne s/ S
2, B-d de la République

Дорогой друг, милый Иван Александрович,

Дошло ли до Вас мое п<ись>мо от 15 янв. — с именинным поздравлением? Еще послал зак<азной> банд<еролью> 3 вырезки с рассказами для «возможной» книжки? И план «Господней кв<артиры>» начертил.

Недели три болел животом — повинность. И сейчас еще ощущаю отзвуки, — полное воздержание в еде. Все раскачиваюсь работать, да кварт<ира> и болезнь вывихнули «покой и волю». Я как мал<енький> мальчик: игрушку купили или зубок заболел, или — в теа́тр поведут... — ну, и околачивается, ножки сучит. Правил, впрочем, «Няньку», сдал в печать 100 стр. Жду-поджидаю корр<ектуру> «Богомолья». И самое «зубное» — мое «литер<атурное> чтение» 10 марта, — первое, «для хлеба», за эти 11 лет. А то — не обернуться. Благослови на брань, Отче! Что соберу на сей паперти — не вемъ[14]. А соберу тыс. 2 — смогу и поехать куда на мес., — мечу в Швейц<арию>, обещает Candr<eia> недорого устроить, в Куре. Хорошо ли там? Вы всю швейцарову палестину произошли, знаете. Да стоит ли? Или — лучше в Монте-Карло, и поставить на rouge et noir[15]? — (памятуя о штанах). Давно-давно азарту не предавался. — Только что получил «Europäische Revue» (K. A. Prinz Rohan[16]), янв., с отрывком из «Лика Скрытого». Есть тень надежды, что какое-то новое швейцар<ское> изд<ательст>во издаст «Росстани». О «Няне» пока свед<ений> не имею, чую — не возьмет «Pothapfel-Verlag». Но Candr<eia> пока не сообщает. Хочу толконуться к французам с «Ист<орией> Люб<овной>», если Denis Roch (прекрасн<ый> переводчик, перевел «Солнце»[17]) возьмется за это дело. Если болезнь не помешает — напишу до Пасхи — «Первая моя книга» и «Кр<естный> ход». Очень много посетителей, много корреспонденции. Хлопотал с вечером. — На днях был у меня од<ин> офиц<ер>, редакт<ор> журн<аль>чика «За рулем», шофер. С восторгом вспоминал

Вас: слушатель Ваш, в Моск<овском> Коммерч<еском> Инст<итуте>. Вы читали там «Филос<офию> права» и еще — Теорию — историю Права? Говорил — аудитория не дышала, би-тком... — так увлекал!... О, что бы Вы **там творили**, как бы **вели**! Го-споди, — да приидет Царствие Твое — для России! Дорогой, Ив<ан> Ал<ександрович>! Дайте нам **Вашу** — «Русскую культуру»! И-сторию просвещения. Осветите **правду**. Для *новой России надо*!...

Все жду обещанного: двух «Буниад» и кр<асной> тетради. Клянусь вернуть, затаить внутре! Если бы нам встретиться где летом? Не будете ли в Швейцарии? А мож. я посилюсь — и в Герм<анию> доберусь. Меня кстати Эрнст Вихерт звал (в Баварию). Душу бы отвести! Послушать голосу Вашего!! приобщиться мудрости и понести **«зерно»**.

Груда неотвеч<енных> писем — приветы от читателей есть, трогательные. Прилагаю (забыл тогда вложить) откр<ытку> из Iena. Сейчас идем ко всенощной — храм в 15 м<инутах> хода. Сладостна для меня всенощная.

Целуем Вас и Наталию Николаевну. Как хотелось бы послать Вам, милые, «Богомолье» к Хр<истову> Дню, да вряд ли успеют отпечатать.

Отзовитесь. Знаю, лекции у Вас. А Вы — между, хоть словцо. Б<уни>н уехал в Grasse, запарился. А — большой мастер!

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Боюсь, ну, не получили Вы письмо от 16.I?! Успокойте хоть открыткой.

197

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<14.II.1934>***

<Открытка>

Дорогой мой! Не беспокойтесь, письмо и бандероль получил в полном порядке. Не пишу потому, что очень пишу; и очень перетянут и замучен. Спасибо Вам за хорошие письма. Сегодня читаю о Бунине вторую лекцию; 23, в пятницу, — третью и последнюю. А потом *не* буду

их печатать, а пришлю Вам едино — и собственно лично на почит.

Обнимаю.

Ваш И.

1934.II.14.

<Адрес И. С. Шмелева> Mr. Iwane Chmélof
2 Bd.de la Republique
Boulogne (Seine)
Frankreich. France.

198

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<24.II.1934>***

24 II. 1934. Булонь

Дорогой друг, милый Иван Александрович,

Душа истосковалась. Да когда же Вы тетрадь-то пришлете и «песни»?! Я с этим «чтением», что грозит, «по случáю истощения», (впервые прибегал) измучился, хоть друзья и взяли все хлопоты на себя. Буду читать из «Няни»[18], из «Лета»[19] (про Ледовика, м<ожет> б<ыть>), из «Богомолья» — м. б. у Троицы на посаде. Но вот что: Вы, сами, м. б., выберете что из «Лета»?... Или — из «Богомолья», если помните. Чтобы для половины вечера — мин<ут> на 40, чуете? Никак не решу.

Новость у меня: Швейц<арское> издат<ельство> «Gotthler-Verlag» оч<ень> хочет («в восторге!») изд<ать> «Росстани» и «Лик Скрытый». Решают только — вместе или порознь, — в серии — «Die Reihe religiosen Russen»[20]. Пишут переводчице: «Мы бесконечно восхищены («restlos eigenommen[21]»)». Один из этого же издат<ельст>ва пишет — «глубоко потрясен» (Но — **чем**??). О «Няне» обсуждают еще у Rentch`a, но тоже — «в восторге» (Herr Konigez (поэт!) hat den Schmelich jolesen und ist dakom begeistert)[22]. (А они читают без последних, важных, 80 страниц.) Весь вопрос в том, купят ли книгу в Герм<ании>, т. к. в Швейцарии недостаточно читателей для большого тиража. В Sontags blatt der Basler Nachrichten[23] 11 II — напечат<ан> очерк мой «Der Ozean»[24] из «Сидя на берегу». Пойдет, м. б. «Орел». За главу «Лика» в Europ<eische> Revue (изд<атель> K. A.

Prinz Rogan) на мою долю пришлось 357 фр<анцузских> фр<анков> — на хлеб. Вчера получил запрос от (Вы не знаете, Мих. Linsky[25] (бывш<ий> секрет<арь> Посл<едних> Нов<остей>, теперь работ<ает> для кино в Берлине, Ruhlacr str. 10 Berlin-Schmargendorf) — от кого узнал мой нов<ый> адр<ес>?) — согласен ли разрешить сценарий *на сюжет* моего рассказа «Три дня» («Три часа» — ?!). Спешно! Сценарий они сделают с как<им>-то немцем-специалистом. Усл<овия> мне, будто бы 50% с гонор<ара> за сюжет, с 1 1/2 — 2 т. мар., т. е. 4500 — 6 т. фр<анцузских> фр<анков>. Немедл<енно> разрешил. Вырешится сие не далее месяца. Удивила меня спешка. Это как молодой солдат, по дороге на войну, когда эшелон останов<ился> в Орле, получ<ил> разреш<ение> *на Три часа* — забежать в родную деревню. И — бежит — туда и обратно, под страхом опоздать (эшел<он> д<олжен> уйти). Этот ***бег*** и захватил. Рассказ в 15 — 12 стран<иц>[26]. Ну, что будет. А пока — только 357 fr. и пустота. По малости все болею, с отпусками. Живем в «вихре», к<а>к Вы когда-то. Не уявися[27], что будем. Уехал бы... да некуда. Целуем Вас, милые, обоих, в глазки. Ох, отпишите, порадуйте, бла-го-сло-ви-те! Ах, мудрец... как же Вы глубоко взяли «Татьяну»[28]! Ничего подобного ни у кого не читал!! **Взят**!

Ваш Ив. Шмелев.

199

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<7.III.1934>***

<Открытка>

1934. марта 7.

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Шлем Вам ко дню Вашего чтения наше духовное присутствие и заочную овацию. Читайте, что Бог на душу положит — все будет хорошо! А я, слава Богу, начал с сегодняшнего дня пребывание в безмыслии — очень устал, переработал, переторопили меня. Потому и не пишу настоящего письма. Целый день пребываю в ошалелой дремоте. Ничего не могу, все как бы сквозь сон. И, как все всегда, кажется, что и это навсегда. Как только выйду из этого со-

стояния, напишу и пришлю многоразличное. Целую ручки Ольги Александровны, а Вас от души обнимаю.

Ваш Обмылок.

Дошла ли моя брашурка?[29]

1934. Мартобря 7.

Чуть не отправил без адреса — спросонок...

<Адрес И. С. Шмелева:> Mr. Iwan Chmelof
2 Bd.de la République
Boulogne
Frankreich. France.

200

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<15.III.1934>***

<Открытка>

15 III. 34. Булонь

Дорогие, милые, Н<аталия> Н<иколаевна>
и И<ван> А<лександрович>!

Свалил вечер. Обласкан, обхлопан, обжат, обцелован, оглушен: «Salle ekait cohiblel!»[30] Побил рекорд — всячески, читал «Ледовика», (Крещенье), сократил, На Св. Дороге, (сцена у реки, когда Федя «ку-нал»!) и II отд<еление> — 5 перв<ых> гл<ав> из «Няни»...

Все захватывало. Слушало св<ыше> 500 чел<овек> (полон мал<енький> salle Gavot[31]). Не взирая на суб<боту> (вынос Ж<ивотворящего> Креста), — прошиблись, сняв зал на 10 III. Пришли многие — из церкви. Столько «выражений»... (говорили: «теперь передохнули... **надо** верить и ждать, глотнули **родного**!»). Я счастлив. Да еще чистогана — 3100 фр. Могу заплатить за terme (15 апр.) — и уплатил должишки...

Приглаш<ены> на обеды, но — ди-е-та. Лечусь. Отлеживаюсь.

Спасибо, милый друг, Вы о-чень помогли «познаванию». Обнимаем.

И. Ш.

<Приписка:> Письме-ца-а-а-а!... ..

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. — I. Ilyin
Sodener Str. 36 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne

201

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<4.IV.1934>*

Христос Воскресе!

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Нет, нет — не «забыл», а только заездился. Весна, льду давно нет, а я все бьюсь об него, как рыба; иногда так, что кажется — вот, вот угасну. Но — жив курилка... Никогда не дорожил богатством и не пекся о нем. А за последний год — получил дар слезно молиться о послании мне материальной независимости. Иначе умру, не создав и одной трети того, что мне дадено и поручено создать.

Посылаю Вам мои три лекции о Бунине[32]. Это уникум. Посылаю их только для Вас и Ольги Александровны. Ни самому Буниади Янос, ни каким еще другим «буни-ядцам» или «буничиникам» показывать *нельзля!*

Чтение идет так. По общему правилу четвертушки записаны только с одной стороны. Но знаки → или √ → показывают, что на четвертушкиной спинке имеется вставка и что тюленя надо повернуть животиком вниз. Если же на одной страничке надобилась *другая* вставка, тогда ставится знак ⇒ или √⇒ — опять пожалуйте на спинку читать. Со спинки же пожалуйте назад на животик опять на ту строчку, где был перерывчик.

Все же сие черновик *по отделке*, но чистовик по существу.

А Вы прочтите и отзовитесь. Самое важное: видна ли критико-эстетико-литературная *лаблатория* (не смешивать с ламбулаторией)? Новый — *мэ-тод* трактирования? И убедительно ли? И продуктивно ли?

И еще — дóсмерти ли оскорбится сам Мажесте из Мажестик[33], если это где-нибудь *пропечатать*? Подумайте! Прикиньте!

Милый мой! Следили за Вашим вечером, горевали, что не могли присутствовать, радовались успеху. Как великолепно, что «няня» начнет печататься! Тогда напишу о Вас еще один клеветон...

Что меня огорчает, это неподвижность сборника Вашего у Бартельса. Опять долбил и как будто — надежды ослабли и перспективы поблекли. Страсть как много у людей двоедушия и двурушничества. Явное «да» — и ти-

хое «нет» шляются по свету рука об руку. О, сказка о Правде и Кривде! О, лукавство международного масонства! О, ничтожественная кривизна человеческих душ... О, моя горькая нищета!!

Вчера мы с Натальей Николаевной соборовались в общей исповеди и завтра приобщаемся Св. Таин.

Оба душевно обнимаем Вас обоих. Да поможет Вам во всем Господь и да утешит Он Вас в Вашем священнотворческом одиночестве.

Ваш как всегда, и даже
еще гораздо больше,
и вернопреданный

Иоанн.

1934.IV.4.

Не держите рукопись долго. Числу к 20 она мне понадобится.

Боюсь Вас разорит обратная пересылка лекций. Однако: около 10 — 15 апреля от Вас сюда поедет Сергей Дмитриевич Боткин[34]. Он мой приятель и возьмет рукопись. Он видит Вас моими глазами, ибо слушал мое чтение о Шмелеве и «отдыхал душою». Его адрес: Paris XVI. 7. Square Theophile Gauthier. Tel. Auteuil 51-41. Жену его зовут Нина Евгеньевна. Оба с нами хороши.

Созвонитесь с ним немедленно, лучше рано утром.

202

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<5.IV.1934>***

Великий Четверг, Тепло, солнце — весна!
5 апр. — 23 марта 1934 г.
Булонь на С<ене>.

Христос Воскресе, милые, родные, Наталия Николаевна и Иван Александрович! Целуем Вас, во имя связующего нас Христа Воскресшего и обнимаем братски. Да будет нам воистину Светлый День. Господи, даруй Воскресение России — во власти Твоей это. Бу-дет это, — ах, при нас бы! — Через силу хожу в церковь, — хоть бы напоследях приобщиться к сим великолепнейшим и глубочайшим службам и через них — к Свету. Болею, все болею. Все тщился писать Вам, да после хло-

пот с «вечером», да после «затрат» на вечере — через неск<олько> дней свалился. Опять, к<а>к в декабре, после переезда на нов<ую> кв<артиру>, анемия, головокружение, полное истощение. **Такое** — в 3-й раз в жизни. Первое — в мае 18-го года, итог революции, поездки в Сибирь, большевиков и — Крестного Хода вокр<уг> Кремля, в мае 18-го года. Тогда я потерял способность говорить даже, не мог связать 2 слова. Пролежал ныне 7 дней, теперь хожу как полупьяный, впросонках. О<льга> А<лександровна> впрыск<ивает> мышьяк со стрихнин<ом> и фосфором. Пью лошад<иную> кровь — какой-то злой сироп. М. б. от сего — стар<ые> боли в кишечнике, до крика, хожу в компрессах, приваливаюсь, глотаю глинку, питаюсь овсянкой (к<а>к овсянка![35]) и молоком. И страшусь — оконч<ательно> свалиться. Что же, время подходит. «Каждому приходит час смёртнай»[36].

Неужели так и не свидимся?! Ах, хотелось бы напоследок дать О<льге> А<лександровне> вздохнуть хоть месяц, избавить и от хозяйства, поехать в Швейцарию. Жду от Candr<eia> устройства «Няни». Rentch отказался, страшась риска. А роман ему понравился. Хлопочет C<andreia> дальше. «Лето Г<осподне>» переводится на голл<андский> — голл<андской> писательницей (сама просила)[37] — «прямо, очарована, — к<а>к сказки» — написала мне. В 2 года изучила русс<кий> яз<ык> — поражена его силой и красотой. Это для меня б<ольшое> счастье: «Л<ето> Г<осподне>» — в худож<ественном> переводе — писателя. Вечер мой дал мне великое утешение: полную победу! **апофеоз**, т<ак> ск<азать>. «Поднял дух» — говорили многие. Не отпускали меня с эстр<ады>, — рукоплескали... И сколько ласки было, сколько рук протянулось ко мне — пожать мою. До слез тронут. И чистых получил 3000 фр. Это по нын<ешним> вр<еменам> — ликорд[38]. Теперь — расплачиваюсь. — «Няня» скоро появится, была корр<ектура>. Идет 60 стран<иц> в апр<ельской> кн<ижке> Совр<еменных> Зап<исок>. — Поддержал и Бунин, ассигновал друзьям-беллетр<истам>, его «современникам» — 35 т<ысяч> на утешение-передышку. Мне вручили чек на 3 т. Спасибо. Это дало возм<ожность> передохнуть, расплат<иться> с

должишками, а то — петля. «С<овременные> З<аписки>» дважды д<олжны> б<ыли> снижать гонорар, еле дышат. Не доберу 45 %. Вм<есто> 600 за лист — 400 — 350. Запросили из Осло о книгах для перевода, но... улита идет, — ? Для Шв<еции>, Норв<егии>, Дании. Указал Ист<орию> Люб<овную>, <Неупиваемую> Чашу и «Л<ето> Г<осподне>». Жду «Богомолья» — корректуру. Чаще и чаще получаю трогат<ельные> п<ись>ма от невед<омых> читателей и книги — для подписания. В медв<ежьих> угл<ах> читают о Ш<мелеве> доклады, читают на вечерах — в Риге, Ревеле, Белгр<аде> и — в Куре (Швейц<ария>) — это уже Candr<eia>, цитировавшая Ваше исследование. Она от него в восхищении. — «Это — ум, великий ум!» — «О, какая проникновенность»!

Спасибо, милый друг, давно **получил** Вашу книжечку «О России» с дорогой надписью, (для меня безмерно ценнейшей)[39]. Дважды перечитал «О России» и «О путях России» — с кажд<ым> разом **новое** постигал. И ныне перечитываю — в 4-й раз — «Родина и гений». Что за кудесник! Что за сила мысли и слов! Какое проникновение, раскрытие **тайны** — Родины!! Эти страницы надо наизусть знать и читать, к<а>к молитвы. Через Вас я **вновь** постигаю творцов духа нашего, — «шестикрылого Серафима»! Воистину — осанну пропели Вы и России, и Гению ее — и указали, почему мы смеем верить и гордиться. Вы **Пасху** пропели России и ее бытию веч-ному! И буду еще и еще читать, пока не заучу. Что за **напор** мысли — чувства, и какое страстное (и четкое!) облачение словом, формой! Я жмурюсь — и представляю Вас, живого, кипящего, говорящего... О, если бы услышать Вас! Теперь, хоть с одра потащусь — услышу.

Так я и не дождался «тетради», ни «поэм» — обещанных... Д<олжно> б<ыть> настроение Ваше переменилось. Не смею настаивать.

Ничего не пишу. Сил, что ли, жду... Так, пустяки отрабатываю, для дня сего, — грошики собираю.

Господь да будет над Вами, в души Ваши войдет со Светлым Днем. Христос Воскресе! Воистину Воскресе. Оба мы обнимаем Вас вкупе.

Ольга и Ив. Шмелев

В кв<артире> тепло, светло.

Но, увы, нет севрского воздуха, много кругом фабрик... и шум от грузовиков.

Но... — не ропщу: слава Господу и добр<ым> людям.

4 1/2 ч. дня. Попил чайку и — к 12 Еванг<елиям> — сколько сил хватит. А вчера таскало меня в Серг<иево> Подв<орье> к Лит<ургии> Преждеосв<ященных> Даров — у-стал. И сейч<ас> устал.

Из церкви пойду — м. б. пасхальное что найду — пошлю *единственным*!

«... Родина... — открывшиеся нам **Лики Божии**...»[40] Это впервые *слышу*, но *это* — осветило бывшее во мне, таившееся, но не являвшееся. Вы открываете чудесные склады...

«Родина и Гений» — это афоризмы и «положения», ярчайше высказанные. Если их взять тэзами — ка-ку-ю бы **Книгу** Духа написали бы Вы о Родине! Вы даете такой экстракт, что от него мысли — вихрем, к<а>к от шампанского.

И. Ш.

203

И. С. Шмелев—И. А. Ильину ***<6.VI.1934>***

<Открытка с изображением букетика вербы и пасхального яйца>

Вдогон п<ись>му от 23 III

24 III — 6 IV 1934.

Булонь на С<ене>

Христос Воскресе! — дорогие, милые.

Отстояли 12 Евангелий, легко. Великая тишина в душе. Хотелось мгновениями плакать, — так переживалось Далекое — и Вечное. Ночь теплая. Ивик несет огонек, и много-много огоньков по Бьенауру — поползло... — глазели туземцы. Трогательно ***все***. В бедной русской лавочке возле храма, содержимой бывшими интеллигентами, д<олжно> б<ыть>, нашел всего только вот сию карточ-

ку, — лучшее. Зато — от руки дано! Сейчас 12 ч. дня, собираюсь на вынос Плащаницы. О<льга> А<лександровна> — обычно — возится с куличами, — милые повитухи быта, к<а>к пчелки — движимы инстинктом. Повезла (тесто) печь кулич — в Севр!!! Там знаком<ая> пекарня, а тут «сожгут». По-двиг!!!

Обнимаем Вас, друзья, — крепко и поем —

Хр<истос> Воскр<есе> из мертвых..!

Из окон видим весну, зеленеет по Сене.

Ваш Ив. Шмелев.

204

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<13.IV.1934>***

13 IV 1934. Булонь на/С<ене>

Дорогой друг, Иван Александрович,

Вот уже и не 2-й день Св. Пасхи, а — шестой[41], пятница, ибо опять жи-вот, старое: разрешил «пасху» — плачь! Опять глинку глотай, валяйся, корчись, скули. А то, было, гоголем ходил. Ох, как надоело мне сие мерцанье вживе, поганое «жибуле де марс»[42]. Нет болей — ну, совсем здоровый, набегают думы, тянет душу пошевелить; схватит — и вовсе «во блаженном успении», только «покоя» нет, и видишь *в себе*: конец-то надвигается, и думы никнут, не пикнув. Ну, довольно панихиды, ныне все-таки — Пасха Красная!

Посылаю Вам заказной банд<еролью> Ваши лекции о Бунине: не решился утруждать С. Д. Боткина. И первое — горячо благодарю Вас за дружеское доверие. И второе — за то богатство — мир мысли и чудесного слова, которым одарили. Я дважды прочитал (и О<льге> А<лександров>не читал, и она благодарит Вас) как высоко-художественное произведение... Ничего подобного еще не читывал — да и никому не снилось создать подобное! Вы **нашли**, открыли Бунина, показали — и доказали. Да что слова эти, мои... — они ни-че-го не выражают. Вы и мне показали Бунина, а я-то его знал прилично. Да, именно — **такой**. ***Все*** верно, и самим «Буниным» обосновано. Страницы об «усадьбе» — шедевр. Вы самое сердечко взяли, до недр докопались. И я

поражен, — что за удивительный, **верный**, и какой же **прозрачный** метод, до чего же **чист**! Работа великого анатома. Да, все коновалы были, а вот, Пирогов[43] пришел. И сильно, и **метко**, и — **не** трепыхайся. Вы воздвигли ***столп*** Бунину, достойный. Почему бы ему быть недовольным?! Частностями — да, пожалуй. Но — выводы, — своего рода *слава*, *апофеоза*. Он отныне занял **свое** и *почетнейшее* место в рус<ской> литер<атуре>, Вами означенное, назначенное, — до века. На мой взгляд, верно — **все**. Но **как** же тонко, худож<ественно> **дано**! Ваша монография — поэма. Воображаю, как бы читали ее понимающие! Это — вклад в ист<орию> литературы нашей. Предсказываю: великий успех книге, если выйдет. Великий шум (в хор<ошем> см<ысле>). Так сразу все «критики» и покажутся — ребятишками-сопляками. Я — **пил**, страницу за страницей, наслаждался: как верно, как метко, как тонко, как образно-глубоко! Какой Вы мастер слова-образа! Читал я — и видел и ощущал-слышал, как остро вскрывал Ваш скальпель и щупал зонд, — и как это красиво! О, мастерство! И что за крепкость, что за глубина мысли — провиденье! Произведение искусства подлинного. Ибо это — творчество. Творчество в изящном плане. Слово становится *плотью*. Вы — лепщик: вылепили нового и подлинного Бунина. Сотворили из **него**. Прочие — перхоть подбирали. Бунин — **зажил**. **Занял** высокое место. Тут — увековечение. Подобного я не ведал, лишь представлял, догадывался. Вы — создали. Только — вычеркните Ш<меле>ва: недостоин он сопоставлений с удостоенными. Воистину. Тогда — все будет прекрасно. Прошу Вас — устраните. Для меня — *это* портит Вашу критич<ескую> симфонию. Клянусь Вам! Ваша воля, конечно, разбирать Ш<меле>ва, но здесь — нельзя сопоставлять. И по мног<им> причинам. И по большим, и по маленьким. Во имя дружбы и во имя правды. Ш<меле>в еще не умер, не взвешен. Б<уни>н мож<ет> сопоставляться только с выверенными, как меряют каз<енным> аршином и взвешивают клейменым пудом. Sic!

Когда читал, как Б<уни>ну не удаются иные «замахи», вспомнил его «Безумн<ого> худ<ожника>».

Вот где сказалась вся Ваша правда о нем, в этом см<ысле>, т. е. когда он хочет уйти от себя. Уездный город и трактир — только хорошо тут. Остальное — бессилие, рыбка бьется на песке, пытаясь плавать.

Обнимаю Вас, милый, **славный**. Испытал радость в творчестве Вашем[44].

Теперь — дело. Союз Инв<алидов> ко «Дню Рус<ского> Инв<алида>» просит Вас (я член редакц<ионной> колл<егии>) дать какую-ниб<удь> небольшую статейку (что хотите) для газеты (Вы давали и раньше для однодн<евной> газ<еты> «Р<усский> Инв<алид>»). 9 — 22 мая. Прислать *прямо на имя генерала* N. Alexieff[45],7 13, rue Pascal, Paris, 5-e по возм<ожности> к 20 апр. Что ни дадите — все будет чудесно. Украсьте газету! Пожалуйста!! На 3 дня затянул я написать Вам, не урекайте. Ах, какой Вы — блеск! И счастлив я, что Господь привел — **знать** Вас, слушать, слушать-учиться от Вас! Ходил бы я за Вами по земле родной, как ученик, как молитвословец. Если бы судил Вам Бог говорить к народу, учить, **вести**!

Бартельс... ну, Господь с ним. У меня не было уверенности — нет и разочарования. Нового, хлебного, ничего пока нет. С «Няней» у немц<ев> — неизвестность. Все здесь одержимы лихорадкой — выиграть, посл<едние> грошики волокут, богословы даже (а м. б. и сугубей). Я 20 fr. прожил. Да нет, не могу, никогда не выигрывал даже на табачишко. Бальм<онт> — тот даже сотняги ввалил, до чего лют! По-эт!

Целуем Вас с Наталией Николаевной, милые. Никуда не едем и — не поедем, очевидно. Тошно без воздуха. Но — не ропщи! Желаем Вам как-то поправиться!

Еще — спасибо. Обнимаю.

Ваш довеку Ив. Шмелев.

204

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<7.V.1934>*

7. V. 1934. В постели. Булонь s/ S.[46]

Дорогой друг, милый, единственный
Иван Александрович,

Пишу в великой подавленности. Не знаю, смогу ли еще написать Вам, душу облегчить. Как в кошмаре я.

Жду приговора. Посл<едний> месяц много мучился от всяких болей, — и в желудке, и отраж<енных> под прав<ой> лопаткой, и заливало меня желуд<очной> кислотой, изжоги, недомогания, — через 2 — 2 1/2 ч. после еды. Сон плохой. Отпустит на 2 — 3 дня — опять! Первые 3 дня Пасхи — ни-че-го не было, разрешил себе в еде. Пошло. И полное потрясение нервов. Давно Олечка настаивала обратиться к специал<исту> по желудку и проч. — фр. Dr. (prof.) Brulé. А я оттягивал — боялся **приговора**. Трус я и мнителен до ∞, — бесконечности. И вот, решился, дабы и ее успокоить и как-то кончить этот маразм духа. Был с одной полуфранц<узской> доброй знакомой, — тоже врач — у Br<ulé> на randes-vous[47]. Всего меня прощупал, не сказал ничего (150 fr. — из милости). Велел, узнав, что я небогат, на спец<иальную> консульт<ацию> к нему в Hospital Tenon. (20 arrond![48]) Были с О<льгой> А<лександровной> 3-го в 9 ч. у<тра>. Там меня снимали — rentgen, всячески, 1/2 часа, влили литр бария-сметаны, мяли, давили шаром желудок и кишки, тыкали шаром, вдавливали его в желудок, потом подвели шар под желудок, завернули его (жел<удок>), д<олжно> б<ыть>, и — подняли меня шаром, т<ак> ч<то> я д<олжен> б<ыл> подняться на цыпочках. Всего измяли, избили, — а болей не было (м. б., в крайней моей нервозности уже не слышал). И лежа на брюхе снимали, но мне не сказали ничего. Да я и не спросил — не сказали бы. Брали еще кровь для numeration globulain[49]. Результаты, конечно, представлены Brulé. Я д<олжен> б<ыл> явиться в Hosp<ital> сегодня, 7-го, для приговора. Но, оказ<ывается>, барий застрял во мне, и в суб<боту> в 10 веч<ера> *вдруг* пронзили боли в толст<ой> кишке, живот окаменел. Я чуть не терял сознание. Ночь, О<льга> А<лександровна> заметалась, оставить меня не могла, я — погибал, казалось. Дала знать кн. Волкон<ским> в наш<ем> доме. Те добились по tl.[50] докт. Серова, нашего друга. А к фр<анцузским> вр<ачам> ночью — бесполезно. В 12 ч. н<очи> приехал Серов. Стал разминать живот, а он к<а>к сталь, от натуги. Опасались прободения или заворота. (Барий + пища за 3 дня!) Ох, как я мучился! Началась усил<енная>

рвота, облегчило. В 4 ч. у<тра> б<ыл> докт<ор>. Клизмы облегчили, и только к утру я мог уснуть. Кишечн<ик> очистился. Но я т<а>к ослаб, что не мог сегодня поехать в Hosp<ital> за решеньем. Надо ждать четверга. И вот, я под мечом. К<ак> б<удто> подходит конец. Мысли мучают, воображение уводит меня в страхи-кошмары, с диалогами, с **картинами**. Жизнь уже отошла словно. Больно за Олечку. А она говорит — я без тебя жить не буду. Как она замучена! К<а>к она за мной ходит! Боже, как мне больно за нее. Одна... она не переживет. Надо быть готов<ым> ко всему. Я оч<ень> исхудал и от болезни, и — от нервного пожара. Нервы — мука моя. Вот, лежу, едва пишу, дрожит рука. Все — отошло, ненужно. И не могу молиться, не могу сосредоточиться, ухватиться за край Ризы Господней. Но не могу не позвать Вас мысленно, не сказать Вам — милые, родные! Светлые друзья! Благодарю Вас за дружбу, за ласку, за духовную опору и за всяческую помощь. Сколько Вы, дор<огой> друг, сделали для меня! К<а>к освещали дни мои и Оли. Мысленно благословите меня, нас. Мне будет легче. Темно впереди, и так мне неисходно-страшно. Многое не исполнено. 3-ю кн<игу> о Горкине т<а>к и не написал. А «Богомолье» все еще не набирают. Господи, подай сил, крепости душевной. Ослаб я. Целуем Вас, милые, И<ван> А<лександрович> и Нат<алия> Ник<олаевна> — за все, за все. Да хранит Вас Бог.

Вечно Ваш Ив. Шмелев — на кругу мук.

206

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<16.V.1934>***

16 V 1934., 4 1/2 ч. д. Boulogne s/ Seine

Дорогой друг, милый, родной Иван Александрович,

7-го послал Вам, друзья, отчаянное, помню, письмо, в ожидании приговора Dr-a Brulé, что у меня и что со мной будет. Через два дня я узнал, что, к<а>к показали 12 снимков — Rentg.[51], у меня старая язва при выходе из желудка в 12 перстн<ую> кишку, и что лечение не может быть действительным, что l'operation s'impose[52], что эта oper — simple it benigne[53] и она даст выздоровление. Состав крови, по анализу, — нормальный, острой анемии

нет. Доктор, не видя меня 7-го V, в госпитале, куда я д<олжен> б<ыл> приехать (а я не имел сил после приступа болей в ночь на 6-ое — когда барий завалил кишки — больше литра выпил я «сметаны», для Rentg<en>!), написал посреднице, направившей меня к нему — одной молодой рус<ско>-фр<анцузской> докторше, что вот найдено то-то и то-то, и настаивал склонить меня к операции. И вот, выхода нет, и я решился, конечно. Теперь вопрос — где б<удут> оперировать. В госпитале — предл<агает> prof. dr. Brulé, где оч<ень> хор<оший> хирург, друг Brulé, но там только общие палаты, госп<италь> Tenot, на востоке Парижа, и О<льга> А<лександровна> не м<ожет> быть допущена быть всегда при мне. А я боюсь чужих, франц<узов>, — ну, что со мной случится, — так и отойду **один**! Теперь друзья ищут лечебницу, чтобы не оч<ень> дорого, где О<льга> А<лександровна> могла быть при мне. А пока Dr. назначил лечение на 10 дней, чтобы я пока окреп. И так — ожидание. Оч<ень> я подавлен. О<льга> А<лександровна> — бедняжка — едва ходит, все на ней одной. От нерв<ов> я не сплю — и начинающ<ихся> с 12 ч. до 2 — 3 ч. болей, в кишке. Ослаб я. Посл<едние> дни аппетит появился, болей днем не бывает, рвоты не было уже 7 дней. Весь пропитан лекарствами (не сильными) — глинка, висмут, капли беладонны, облатки bicarb. de Chaux, и еще впрыскивания (10) каких-то жидк. 5 с. с. — при ulcer[54] — Все это подавило боли, но нервы — ни-куда. Боюсь операции и хочу — скорей, скорей... Вчера испов<едовался> и причастился Св. Тайн. О работе — ни помысла, конечно, едва нахожу воли отв<ечать> на нужные письма. Очень меня утешает Candreia письмами — это сестра родная, воистину. Удив<ительный> человек, ду-ша! Операция д<олжно> б<ыть> будет после праздников (20 — 21) — на той неделе. Что Господь даст?.. Но жить так, инвалидом, всегда больным, с угрозой худшего... — не могу. Или — оправиться, или — конец, — я же не человек, не работник. Надо О<льгу> А<лександровну> пожалеть, до чего исстрадалась! Она и ночи со мной, и дни, и все хозяйство, и весь уход. Святая она. Знаю, если случится со мной худшее, — не перенесет. Вот, и качаются весы наши...

Больно мне, что мое «Богомолье» все не набирают в Белграде (больше года!), боюсь так и не увидишь — заветного. На дн<ях> д<олжны> выйти первые 65 стр. «Няни из Москвы». Летят посл<едние> деньги на лекарства... Да это что, куда там, если наши дни оборвутся.

Помолитесь за нас, родные! Очень я подавлен, и это мешает окрепнуть. И плохо, что нет сил, **души** — молиться. Как-то я, при всей лихорадке нервов, окаменел. И страшно при мысли: вот, последний порог, и все мое, здешнее, как-то пропадет и я куда-то денусь... Я, я внутренний... Веры нет. Молю Господа, помоги моему неверию, моей духов<ной> болезни!

Отправив Вам письмо 7-го V, узнал, что Вы в Риге, читал статьи, об успехе Вашем[55]. Голубчик, еще, еще благодарю Вас и добрую Наталию Николаевну, за все светлое, что видели мы от Вас. Как бы я послушал Вас, поглядел на Вас! Около бы посидел — и того с меня довольно — радость. Не буду скулить, пенять на участь свою. Только бы избавил Бог от длительных мучений. Голова и кружится, и теряется, к<а>к начнешь вдумываться. Не надо думать. Все-таки и светлого было в жизни, но горького б<ыло> много. Хотелось бы безболезной кончины, **вместе** с Олечкой. Хотелось бы закончить 3-ью кн<игу> — о «Горкине». «Лето Господне» перевод<ится> на голл<андский> яз<ык>.

Проф. Сорб<онны> Jules Legras написал мне — «Лето Г<осподне>» — livre delicieux[56], — и он буд. писать ст<атью> о ней во фр<анцузском> журнале.

Ну, устал. Сейчас полезу в постель, — гулял с 12 1/2 дня. Сейчас — 5 ч., впрыскивание. Меня навещают друзья. Нат. Ив. Кульман — столько внимания и любви ко мне! Столько заботы. Святая душа. И — Бальмонты тоже, и еще — милый докт<ор> мой С. М. Серов. Только бы нашлась лечебница, а там — воля Господня. Помолитесь, милые. Помоги, Господи!

Обнимаем и целуем Вас, родные души, И<ван> А<лександрович>, Н<аталия> Н<иколаевна>!

Крепко — навсегда — Ваш Ив. Шмелев.

За дружбу-любовь — о, благодарю! Да пошлет Вам Бог жизни, жизни, здоровья!

207

И. А. Ильин — О. А. Шмелевой ***<19.V.1934>***
19 мая 1934 г.

Рига

Дорогая Ольга Александровна!

Только что получили мы последнее (карандашное) письмо от Ивана Сергеевича, помеченное седьмым мая. Очень встревожены и *умоляем* Вас ответить нам сюда *как можно скорее*, какой диагноз дал профессор Brulé и как чувствует себя Иван Сергеевич теперь. Мы оба в Риге, где у меня серия лекций. Но мало что идет на ум после его письма. Долго и всесторонне вдумывался в его письмо и почти уверен, что диагноз будет успокоительный. И все-таки щемит на сердце. Письмо нам переслали сюда.

Напишите нам хотя бы несколько строк, но *авионом* — письмо пролетит тогда всего несколько часов. Ради Бога, напишите! Обнимаем Вас и его.

Ваш душевно И. Ильин.

адрес: Latvia. Riga. Elizabethes iela. 63. Herrn R. M. Sihle (для И. А. Ильина).

208

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<23.V.1934>***

1934.V.23.

Рига. Elizabethes iela. 63. bei Sihle.

Мой милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Только что получил Ваше письмо от 16 мая. Спасибо Вам за вести. Вижу Вас в воле и в милости Божией, и когда молюсь за Вас, то имею чувство, что не стучу в закрытые двери, а *вхожу в настежь открытые ворота.* И может ли быть иначе? Если бы я был возле Вас, я бы передал Вам в порыве это чувство и эту уверенность. Вы *всю жизнь молились созданиями Вашими.* Каждый кусочек, написанный Вами, есть живая молитва — и не от себя только (хотя конечно от себя), а от *лица Вашего* и *моего народа*; и не за себя, а за него; Вы всю жизнь *учили русский народ молиться* и *петь.* Ваше вдохновение было всегда молитвенным. Отдайтесь же ныне спокойно *намо-*

ленному лону своего духа и не *вынуждайте из себя больше ничего*. Верьте мне: Вы в воле и в неизреченной милости Божией. И если Вы не чувствуете себя в этой успокоенности, то *дух Ваш* всегда пребывает в ней последними корнями своими. Все совершится с Вами бережно, благостно и целительно. Ибо поистине судьба тела и земной жизни определяется необходимостью Духа; особливо же всегда это знают *Арионы*[57]; а из них, из русских Арионов, знаю, что Вы несомненнейший. Дорогой мой! Будьте уверены, что Господь с Вами и над Вами даже и тогда, когда Вы теряете царственное, подъемлющее, вдохновенное осязание этого. Не спрашивайте Его! Не испытуйте Его! Целящая Рука Его над Вами! Как над любимым дитем. Вы — его русская лира, его русская эолова арфа. *Чинит Он ее*; и слава Тебе, Господи! А починить ее — необходимо. Доверьтесь же Ему!

Операция необходима. Люди, которых я знаю, проходили через нее победно и выздоравливали; на *долгие годы*. И Вам это необходимо. Больное, страдающее тело мешает полноте вдохновения и последней зоркости. Верьте, что Ваш Ангел-Хранитель смотрит за всем: и за Вашей лечебницей, и за врачами, и за ходом выздоровления. В русском православном молитвеннике есть чудесные молитвы Ангелу-Хранителю. Велите, чтобы Вам их достали.

Есть еще один, *нервно-инстинктивный* центр, который для выздоровления должен быть *приведен в порядок*. Для этого — Куэ. Вспомните, что я Вам писал о его методе. Спокойно, *механически*, с «отпущенными» мускулами тела, *без* напряжения тела, души и духа, *без участия воли* и чувства наборматывайте себе утром и вечером по 20 раз (вроде как прическа головы, или стрижка ногтей): «с каждым днем мое душевное и телесное здоровье становится все лучше и лучше во всех отношениях»... Набормотал (чтобы *наружное* ухо *слышало* этот бормот) — и забыл. Сначала два раза в день — полупроснувшись и полузасыпая; потом — когда упрочится самочувствие — один раз. И это *не* замена молитвы; а вроде умывания инстинктивных рук перед молитвой. Я владею этим методом 2 года; инстинкту необходим оптимизм, это *утраи-*

вает его силы; молитва пессимиста и боящегося есть судорога; молитва оптимиста есть благоуханное пение. Метод Куэ — вроде протирки клавиш на рояле или смазывание скрипящей педали. *Инстинкт, когда он в судороге, не может молиться*. Молитва — вдохновение; надо сначала, чтобы прошла судорога инстинкта. Знаю и опыт православной аскетики. Верьте мне, что советую не зря.

Молимся за Вас и Ольгу Александровну. Знайте, что не отпущу Края Ризы Его, пока Он не исцелит Вас! И потому предавайтесь Его Воле, так как я Вас предаю Ей.

Наталия Николаевна всецело разделяет мои чувства и мысли и молится за вас.

Телом, душою и духом обнимаю Вас, мой дорогой арф[58]!

В воскресенье буду в Берлине. Сегодня среда, 23. Завтра, 24-го, читаю здесь в последний раз: «Основы духовного характера. Творческая идея нашего будущего»[59].

Ваш всей душой. И. Ильин.

209

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<23.V.1934>*

23 V 1934 г. 12 ч. 45 м. д<ня> Булонь на С<ене>

Дорогой, милый, — далекий, увы! —
Иван Александрович,

Получили Ваше письмецо от 18 V, par avion, — 21-го. Пишу — «пешком», т. к., говорят, авионёры по дороге-то, обычно, к куме завертывают, закусить — чайку попить. — Я все пока «на кругу мук», хотя болей вот уже дней 10 днем нет, ночью только, часа на 2, а две ночи, вразбивку, даже не было болей. Но это меня не обнадеживает. Друзья устроили мне осмотр у Dr. Du Bouchet, изв<естного> хирурга, завед<ующего> Америк<анским> Госп<италем> в Найи. Строгий, не дай Бог, и — малослов. Он предложил свой госп<италь> (т. е. америк<анский>), отказался от гонорара за свой труд и устроил скидку — за день 60 fr. вм<есто> 200. Это лучший госп<италь> в Париже. Кажется, чего же желать, лучшего-то? Вчера были на приеме у Du Bouchet, у него на дому. Исследов<ал> и расспрашив<ал> — не менее 1/2 ч.

Говорит по-русски! — хотя с акц<ентом>. Тип — американец. Когда-то был в Одессе генер<альным> консулом, уехал из России после 1905 г. Красавец, лет 60... *Не* еврей, а полу-француз, полу-америк<анец>. Известный оператор. 12 снимков рентген<овских> prof. Brulé и диагноз prof. его не удовлетворили: нужна ли опер<ация>, какая, и когда — ему не ясно. А посему посоветовал вступить в их госпит<аль>, для тщат<ельного> обследования, — он не знает, ***как*** идет пища (барий?) через duodenum[60] и дальше (?), и, значит, опять мне пить «сметану», и она может опять закупорить мне кишки, как было в 28 году и ныне, 5-го мая, когда я чуть не отошел. Будут исследов<ать> и желуд<очный> сок. Олечка повезет меня завтра, и я лягу (или — сяду?) в больнице (впервые в жизни!) — а выйду ли оттуда живым — Господь один знает. Значит — «загрязло» мое дело, — будто попал в петлю и долго ли эта петля будет меня держать?... — ? Помолитесь за раба Божия — Ивана. Я не живу, едва письма пишу, и то только сам<ые> неотложные, да Вам, дорогие. Пишите на стар<ый> адр<ес>. О<льга> А<лександровна> доставит. Целуем Вас, милые, целую руку дорогой Наталии Николаевны. Господь с Вами. Да, надо покоряться. «А когда состаришься, — препояшут и поведут другие...»[61] Вот, ведут... М. б. так и не увижу лужка, лесочка? Ах, к<а>к воли вольной хочется! Подышать! Ну, буду уповать на Высшую Волю.

Обнимаю.

Крепко Ваш Ив. Шмелев.

210

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<26.V.1934>***

<Открытка>

26 V 34. 3 ч. дня

Дорогие, нет слов — благословенно письмо Ваше!

С 24 лежу на испыт<ании> (всяческом) в лучшем госпит<але> Европы — Hôsp. Amercain (в Nenilly)[62] и наблюдаюсь у проф. Du Bouchet. Язва duoden. — установлено. А буд<ет> ли опер<ация> — ? Dr. сегодня сказал — повелит<ельных> данных, что опер<ация> *необхо-*

дима, у него нет налицо. Болезнь коварная, давняя. Лучше ли буд<ет> после опер<ации> — ? Все скажет окончат<ельно> в понедельник.

Ох, намучился я за май! Меня навещает Олечка, 2 ч. в день. Оч<ень> хоч<ется> есть. Болей нет две недели. А вчера и ночью не было намека. Скорей бы вырваться и дышать. Столько перемолото душой! Господь с Вами. Читаю-вчитываю В<аше> п<ись>мо.

Ваш Ив<ан> Больничный.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. — I. Ilyin
Sodener Str. 36 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne

211

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.VI.1934>***

4 VI 1934 г. 11 ч. у<тра> Булонь

Дорогой Иван Александрович, родной, утешитель!

С 29 V я снова дома: dr. Du Bouchet — ему было внушено это **свыше**, знаю! — решил, что нет *повелительных* оснований делать операцию, т. к. проходимость duodenum'а нормальная, пилор не затронут, желудок вполне здоровый, **молодой** даже, и старая язва 1-ой доли duodenum'а «заявила себя» т<а>к бурно — из-за грубого нарушения мною режима. Раз теперь боли прошли (дневные — недели 3, а ночные — дней 10), то надо соблюдать режим, лечиться и проч. Говорю — **свыше**, ибо есть знамение: видел во сне, еще до отправки в америк<анский> госп<италь>, где пролежал 5 суток, что на рентгенов<ских> целлул<оидных> снимках вм<есто> Jean Chmeleff pour Dr. Brulé[63] — начертано тем же цветом (бел<ым>), тонкими теми же линиями, но по-русски: ***Св. Серафим***... Проснувшись, подумал: «Я под кровом Его...»[64]

Ваше поразительное письмо из Риги меня глубоко **взяло** — и очень утешило. О, сколько было пережито... **всего**! Сколько страдала О<льга> А<лександровна>! И я томился **последней тоской**: все кончается, как же она-то, одна?... Не чаял, что вызволюсь. Тяжко и вспоминать.

6 дней — дома, болей нет. Лечусь. Питаюсь режимно, курить почти бросил. Соль запрещена. Чаю-кофею не пью, ни вина, конечно. Но мясо (грийе!) ем жадно. Столько потерял за 1 1/2 мес., что даже страшно. Начинаю набирать чуть-чуть. Слабость ужасная, едва пишу Вам. Лежу больше. Малокровие установлено. Надо бы на воздух, но — куда же? На *что* же?! Зовет Candreia, но я не могу на шею... нет. И боюсь — там, в их местечке, много детей, а комната 200 фр<анцузских> фр<анков> в мес<яц>. Но О<льга> А<лександровна> опять будет кипеть со мной, — кто же для нас готовить будет? В пансион не можем и по бедности, и по сути: О<льга> А<лександровна> оч<ень> многого не ест, — даром платить пришлось бы! — а мне нужно все б<олее> или менее — passé, т. е. протертое, грийе, т. е. на огне взятое, без жаренья в сале-масле, и больше кашицы на молоке да кисели. О<льга> А<лександровна> меня тут мозгами баран<ьими> да тел<ячьими> (грийе) питает да жидкой (passé) печенкой, да кот<лета> de mouton[65] (ох, как я ем!). Могу и яйца, жидкие, и кофе хлебный, и хлеб подсуш<енный> — грийе... Мне даже страшно: сколько *для меня* труда! Увидал много-много истинно-друж<еского> участия!

Голл<андская> писат<ельни>ца, кот<орая> переводит «Лето Госп<одне>», — прислала мне в госпит<аль> букет розов<ых> пионов! На Духов День. Нат. Ив. Кульман — **каждый** день навещала меня дома, во время болезни, и делала все, что в силах. Это такая святая, светлая душа! Она мне и литер<атурный> вечер (в марте) устроила. И теперь тщится что-то добыть — для отдыха. Но это так трудно ныне. Я все же хоть в долг возьму, — надо на воздух... Но — куда?! Мы ничего не знаем. Скажите, посоветуйте, стоит ли (и куда) поехать в Швейц<арию>. И какое время лучшее? Боюсь, с нанс<еновским> пасп<ортом> проканителят. И сколько же виза стоит?! Что-то тянет меня порой — в Швейц<арию>, будто надо спешить, а то так и не увидишь. И — сто-ит ли видеть? Посоветуйте. М. б. и во Фр<анции> можно **увидеть**. А мы ничего не видели. Посоветуюсь со здешними. — Все главные органы мои ис-

правлены, — после тщат<ельного> исследов<ания> — и печень, и сердце, и желудок, и легкие. Только — стар<ая> язва, «коварная болезнь» — по слов<ам> хирур<га> Du Bouchet. Как я устал, валюсь. Я потерял за 2 мес. до 4 кило. Но теперь начинаю набирать. Вид стал свежий, будто, — я боялся злокач<ественной> опухоли. Но Господь хранит...

О, как Вы написали — пропе-ли! Я всем, всем читаю В<аше> письмо, не могу не читать. Вы гениальный провидец, духовник-мыслитель. Писали мне из Риги — **как** Вам жадно внимали!! Даже П. П<иль>ский, «уязвленный» В<ашим> замеч<анием>, что «нет ныне критики» (а он — кри-тик!) и тот вынужден б<ыл> признать Ваше великое дарование.

Милый друг, светлый гений наш, И<ван> А<лександрович>! Да воздаст Вам Господь за ласку-доброту Вашу к нам — сиротам!

Простите, не в силах писать. Поцелуйте за нас добрую Наталию Николаевну. Очень много пережито, сил изжито. Теперь нервная опустошенность, подавленность, реакция. Как в 1918 г., когда лежал пластом, потерял дар речи...

Целую, дорогие.

Ваш Ив. Шмелев.

К<а>к я рад, что дома, лежу, и не предстоит **решение**... Готов все режимы блюсти. А подходило та-ак... вот уже ***все*** кончено, не понарошку, а взаправду — и ничего не будет! Все — будто — усмешка. Сколько было — и **все** — в ничто. Так порой, в отчаянии, чувствовал и терялся.

О, какой маловер я! Какой я ничтожный, грешник. Не **успел** — за жизнь-то! — и за **такую** жизнь — прийти к твердому! Но бывали и светлые миги. И зов мой к Святым — верю, услышан был! Ибо — случилось почти чудо. Du Bouchet колебался. И что-то его удержало. Что? Быстро начавшееся выздоровление — на глазах — и мой *волчий* аппетит. Я их поразил — требовал есть, есть, молока!!

212

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<22.VI.1934>***

Мой милый и дорогой!

Как это Вы можете предполагать неподобное по поводу моего молчания? Я просто *выпит* и *замучен*; и приходится беседовать с Вами одним сердцем издали. Неужели Вы этого не чувствуете, что я *каждый день несколько раз о Вас думаю, тревожусь и тихо веду с Вами телепатическую беседу*? Меня так угнетала в мае тревога за Вас; даже в жизненном спектре некоторые лучи стали меркнуть; а потом отпустило. И конечно я решительно ни секунды не думал ни тогда, ни после, будто тревога была «пустая». Я только писал Вам, что *тогда*, молясь за Вас, я чувствовал молитву мою *избыточною*, как если бы она просила об уже решенном деле и притом решенном именно в смысле приносимой молитвы. Если бы я мог, я бы Вам сейчас устроил покой и выпряжку, вегетативный расцвет! Прибавка Ваша в весе очень хороша. Но опасность вижу в *Вас же*. Мне *давно* уже ясно, что Вы сами себе болезнь накушиваете; — лет 5 — 6 мне это ясно. Я склонен думать, что это как-то у Вас связано с потребностями *языка*, органа одновременно *речевого* и *дегустативного*. Будь я Вашим врачом, я бы давно придумал Вам такую какую-нибудь конфетину, которая содержала бы одновременно: 1) нечто вкусо-утешающее 2) нервно-*питательное* 3) успокаивающее пище-принимательную систему (от кончика языка до нервов желудка и кишечника). Но, увы, я медицинский болван, а интуитством* одним не поможешь. Во всяком случае я знаю твердо, что Ваш организм иррационально подчинен ритму русских праздников, в том числе и в порядке вкусо-пищевом, и изо *всех сил* желает при каждом празднике Христовом: «разрешить», «вкусить» и «отведать». Сочувствую я в этом Вашему организму от всей полноты моего естества; ибо знаю по опыту, что полнота бытия дается существам «кишечно-дышащим». Но, увы, что делать... Вам необходимо *волею* оторвать эту психо-быто-

* См. Игоря *Скве*рянина: «Я интуит с душой мимозы».

потребность и «воспоститься, братие»! Знаю, что это грустно. Ибо и я — «зычник» и «язычник». Но что же делать? Св. Серафим заступился за Вас *недаром*. Вам предстоит еще *творить* и *создать*!! «Не проси, есть уже!» — этот ответ, мною полученный, был столь *уверителен* и *обещающ*, что я теперь как бы *знаю* уже то, о чем писал и говорил про Вас: что ён еще создаст!... и ка-ко-е!!...

Сейчас звонил мне Сергей Горный[66] — приподатель Бунияди Яноса[67]. Прочел «Няню» — говорил мне: «Вы были правы — *это выше!*» А я ему чуть-чуть не ответил словами Лемма Лаврецкому: «это *я* стэлал, ибо я фелики музикант»[68]. Но вовремя спохватился, что «Няню»-то сделали Вы, а *Вас*-то создал Господь; а я только всего непрошеным образом Господа восхвалил и Вас пославил. Так что очень-то гордиться и нечего мне.

А в Риге мы гостили у Ольги Иоакимовны Пиранг, вдовы русского белого генерала; сама купеческого рода. Она о Вашем творчестве иначе не говорит, как со светящимися глазами; прямо русский столб и утверждение — и в Вас созерцает Россию. Я у них два моих клеветона о Вас вслух читал. А она за Вас просфору вынимала. И тому вот Вам доказательство*. И еще посылаю письмо, где про Вас; а Вы его прочтите и верните. Спасибо Вам за внимание к моей «сказке». На днях буду читать два часа о Мережковском (дяржись, судырь-барин!) и о Ремизове. А Вам не пошлю. Потому что Вы мой «етют» о Буниади криво восприняли: я его *осадил, посадил и усадил*; а Вы восприняли это так, будто я его — *преподнес, вознес, превознес*. Я тогда же начал Вам письмо писать сердитое, да не вышло, бросил. С точки зрения художественно-эстетической я ему *приговорил*: быть в негениальных талантах, за кавалергардов не соваться, помнить третий ранжир; а у Вас так выразилось, будто он-то самый и есть, который. За это Вам Мережковского и Ремизова не пошлю, а пошлю «Назидательную гишторию о злате кобелевом» из записей смиренного Питирима. А Вы мне тоя гишторию абие вспять возвратите.

* Не нашел записочку.

Пока же Вас духом обнимаю, душою лелею и устами целую несчетно много раз. И Наталия Николаевна шлет любовь и свет. Оба целуем Ольгу Александровну.

Ваш всегда (и при отсутствии писем) Иоанн (имя ему).

1934. иуния 22/9

<Приписка:> О «лете» напишу на днях отдельно.

<Приписка:> Наталия Николаевна *тегорически* воспрещает оную гишторию кому бы то ни было показывать!! Или читать! Или ко списыванию давать! Или как иначе вслух оглашать! Ибо говорит она: «не посылай, он тебя ославит и к погибели приведет!» А я за Вас дал *клятву* — что никак не огласится, а назад придет заказным. Токмо одной другине нашей рабе Божией Ольге — *можно*.

213

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<2.VII.1934>***

20 VI 1934[69] *Булонь*

Дорогой друг, Иван Александрович,

За что обиделись, — что не ответили на мое (слабое-больное) письмо, от начала июня, где писал об исходе моей майской маеты? Из госп<италя> я вернулся 29-го V. Медленно оправляюсь. Операцию отменили. Меня Св. Серафим помиловал. Болей нет уже больше месяца, но лечусь. Силы возвращаются медленно, за 2 нед. + 2 кг. 500. Никуда не едем, — нет ни сил, ни денег. Напрасно, выходит, беспокоил Вас запросом-советом о Швейцарии. Какая тут Швейцария!

Работаю (да!) над «Няней», для 2-ой кн<иги> Совр<еменных> Зап<исок>. Пришлось сильно сжимать, иначе не могли печатать, — (в 1-ой кн<иге> ничего не сокр<атил>) — и я остался бы без гроша. Делаю так, чтобы не искорежить вещь. Но спокойный тон рассказа пострадает. Получили ли Вы мое письмо? Д<олжно> б<ыть> *не* получили (а, жаль), иначе Вы хоть словечко написали бы — я извещал Вас о **чуде** со мной, о миновании «чаши». Или Вы решили, что я напрасно бил тревогу (май), и вот — так легко **выздоровел**... — людей добрых только перетревожил — письмами. Нет, я — **погибал**.

Чудо спасло меня. Днями лежу, не могу думать, — так все это сказалось на моих силах. Ваше письмо из Риги меня потрясло и — успокоило. Об О<льге> А<лександровне> уж не говорю, — она совсем разбита, за мою болезнь измаялась. К<а>к все, что пишу Вам, невесело, серо, нудно. Нет радостного возбуждения. Нервы — никуда.

Ну, простите за докуку. Спасибо Вам за все, за **все**! Поцелуйте от нас Наталию Николаевну. Упивался Вашим словом о духовн<ом> см<ысле> сказки. Все, как всегда у Вас, глубоко, богато мыслью, образно, прекрасно. Жаль, что редко читаешь Вас. Обнимаю Вас, милый, дорогой. О<льга> А<лександровна> горячо благодарит и целует Вас.

Простите эти больные строки. Нет еще силы.

Ваш Ив. Шмелев.

<Продолжение письма:>

2 VII 34. 1 ч. дня, перед киселями, пюрами, грий`ями, сухарями, каша́ми, но зато под музыку (радио).

Булонь (<на> С<ене>)

Давно-давно не получал такого ха-ро-шего письма, как Ваше, 22 VI, чудесный, добрый Иван Александрович!

Вознесся горе, расцвел. Все тишки во мне взыграли, и даже 12-перстная как бы пе-ла, сиречь молчала. Прибавляю весу и скоро буду, воистину, человеком «с весом». За нов<ые> 14 дней + 2 kl. 100 gr., итого во мне 52 kl. 300., это после 45,5! Значит — обновляюсь. «Сухо дерево» — болей, сл. Богу, нет (уже 45 дн.) и все хорошо. А главное — душа стала хотеть — писать, ищет, скулит сладко, но еще ничего не предстоит, определившегося. Знаю, что все же буду писать 3-ю кн<игу> («Л<ета> Г<осподня>» и Богом<олье>) — 20 очерков. И еще ... ? Но — что придет. О **чуде** со мной обязат<ельно> напишу в Прикарп<атскую> Русь. Прославлю, грешный, Св. Серафима. — Правы Вы, милый: накушивал я себе болезнь. Начал с того, что 23 г. тому — напостил ее себе, накурил, и вот — накушиваю. Но... не буду. Я крепок.

Ах, Ваше письмо из Риги! Да это... Вы же исключительный. Никто из миллионов эмигр<антов> не мог бы **так** говорить, писать, **нести** в себе! Чудесник Вы, брилли-

ант, законченный Великим Гранильщиком. Вы и не чуете, д<олжно> б<ыть>, какой и какой многогранный блеск! Враги сникают — покоренные, как звери Орфеевой свирелью. Г-же Пиранг будете писать — поблагодарите за молитвы. Меня молитвы-то и спасли, **знаю**. Чьи только? Нет, не мои: я недостоин. Но есть души чистые... Г-жа Земмеринг мне не раз писала, прислала псал<ом>: Жив<ый> в помощи Вышн<его>...[70] *Кто* она? *Не знаете ли*? Она не глупа. Как она о «Чаше» моей... И я ей, помнится, где-то о «Чаше» уяснил, накатило. Она меня запрашивала — звала в Ригу, давно. Скажите: может ли Рига дать что-ниб<удь> стоющее? Я не о *«для души»* говорю (для души она даст и мне, и слушателям), а в см<ысле> **звонком**? Мне оч<ень> туго. Я мог бы 1-2 литер<атурных> чтения *дать*, я **умею** читать. В Париже был бл<естящий> успех, челов<ек> 500 — и все — ввоон как!! Даже так — рты разевали! И... даже врагов покорил. Похвалюсь: я занял в Пар<иже> 1-ое место — среди литераторов и артистов — чтецов. Общий глас. Но довольно гречнев<ой> каши. Посоветуйте. Могу ли тыс. 3 фр. заработать, *сверх всех расходов*? Тогда стоило бы поехать. Ибо мне нужно — на пут<ешествие> в Ст. Иерусалим. А пока едем (билеты уже) под Гренобль, в поезде «для бедн<ых> родственников». Но где осядем — не знаем. Деникины обещали сыскать в Allemont (Isère), горной деревне, но там все занято, это совс<ем> дикая деревня. Обилие земляники, малины, грибов всяк<их> сорт<ов>, черники — и все на разн<ых> высотах, и в разн<ые> сроки. Го-ры!!... ледники. Едем со страхом — не оборваться с капиталами. Никогда не было такой скудости. Ниоткуда, ни-чего. В «Возр<ождении>» это пока случайно — и конечно без гон<орара>! По просьбе полк. Богдановича я написал о лагере, а где он напечатает — дело не мое[71]. Возр<ождение> дало место. А буду ли печататься — ? Я бы хотел, ибо скоро не будет на режим. Мы оборвались. Болезнь взяла последнее. Надежд нет. Нельзя же ухлопать то, что — на гроб, на саван! Едем в суб<боту> 7-го. Пишите, в случае, пока: Maison M. Manin, Allemont, (Isère) France. Посылаю Вам отт<иск> «Няни». Я ведь кое-что выправил, ср<авнительно> с ру-

коп<исью>, Вам посылавшейся, по-мните? Не хуже стало? Я Вашим советам очень внимал... и напрасно Вы отмахиваетесь от Лемма: Вы — фелики музыкант! Под Вашу скрипку счастлив петь и плясать — только играйте, только указуйте, только бодрите, одергивайте, шпорьте, шенкеляйте, благословляйте. Что, **что** еще могу, посмею я написать?! Пишите, ён со-здаст... ка-кое еще! Мне страшно. Разве я еще не выболил себя? Не выкричал, не выдохнул еще?! И разве еще Милости Божьей станет на мою долю? Молюсь Св. Серафиму: дух мой вознеси на достойное делание! во — имя!... И страшусь. — А Вы напрасно меня за Бунина: я верно высказал. Вы дали гениально-верно и **тем самым** воспели! Не плохая высота, кот<орую> Бунину определили. Вы его *поставили*, да, но как же верно и высоко — относительно. И я писал на В<аш> вопрос — не врагом ли станет Б<унин>, если опублик<овать>. И я ответил — нет, если он не дурак и не в самообмане.

Перерыв — обед, лежанье 1 час.

Нет, будьте для меня волшебной скрипкой, Ментором, Мэтром, дорогой И<ван> А<лександрович>! Но... **что** я могу еще?! Мне приходится жать «Няню», для журнала, и я жму, но не выбрас<ываю> ни единой главы. От сего сжимания страдает тон рассказа, утрачивается аромат сказа, (дураки не понимают!). Но что делать? Для книги, если буд<ет> когда, я восстановлю. Что за отзывы кри-ти-ков! Что за скоты! Прочитал Гадомовича, — прохвост, не слепой, а сознат<ельный> прохв<ост>: *не принято* одобрять И<вана> Ш<мелева>. И он **знает**. И что за Худосеич! Подождем. И что за Пильский. Один Ваш мизинец покрывает и прихлопыв<ает> всех. О «Няне» я получаю письма. Ка-ак ее начин<ают> любить! И она — **центр**. По-няли. Отмеч<ают> язык. Ждут — дальше и негодуют на журн<ал>: дозировочка! С. Горный присл<ал> восторж<енное> и — расплывающ<ееся> п<ись>мо. Но он по-нял все же, говорит: «**шуршит** Наша Няня». Но в письме у него много пачули-беллетристики и прихорашиванья. — Сейчас, после обеда, телегр<амма> из Allemont от Ден<икиных>: Venez, attendons, tout s'arrengera[72]. Бом!

Какие В<аши> замечания на «Няню». Посылаю Вам оттиск. Посылаю и «Гишторию». Крепко, какой язык и как **сделано**! Читал и читал. Лловко, о. Питирим! Живот надорвешь. Если бы Б<унин> отведал! Метко — **все**. Браво. Премия! Эх, издать бы все Ваше, **такое**... (— о *не* таком и не говорю!) И как Вас хватает! Удив<ительные> эти философы! Но тут не филос<офия>, а — дарование многоцветное. Вам необходимо чаще *говорить* перед народом. Ибо Вы и трибун, и **учитель**. Только *через Вас* постигаемы Вы толпой.

Приезжайте же в Париж по осени, и знайте, если б<уду> жив, я первый Ваш слушатель и сам<ый> верный. Я — жажду слышать Вас. Именно в Париже Вы д<олжны> б<удете> прочитать о писателях — круг лекций об искусстве. И все рижские. Ведь аудитория будет ломиться. И загребете славы и денег. Первое, впроч<ем>, у Вас есть. 2-ое — надобно. Я б<ыл> бы рад, если бы прислали о Мережк<овском> — в Allemont. Пришлете? А я пришлю Вам *поэ-му* — о. Питирим! Или юбил<ейные> ст<атьи> и некрологи, что ли, о писателях — соч<инения> врагов и друзей, параллели.

Просил Бальм<онт> написать Вам, не дадите ли ему В<ашу> книгу — труд о Гегеле. Если можно — на немецк<ом> яз<ыке>, если нельзя на рус<ском>. Я обещался ему напис<ать> Вам — исполняю. Он Вас очень чтит. А *кто не* чтит? Таких не знаю.

Милый друг, за все, за все, за все благодарю. Всегда молюсь за Вас и Наталию Николаевну. А думаю — сколько на дню? Подумаю — и душа ласково застонет. Как цыпленок под наседкой, когда в тепле, засыпая, запоет! Я счастлив одним сознанием, что живу в одно время с Вами, что смею писать Вам, что удостоен счастья читать Вас и одарен благодатью — дружбой Вашей. И если я еще имею силу писать и надежду — писать, тут я обязан многим-многим — Вам. Я м<ожет> б<ыть> давно бы **уснул**. А Вы меня бодрите, гладите. Но знайте, я и кнутик снесу. Целуем Вас и Нат<алию> Ник<олаевну>. В суб<боту> 7-го в 11 ч. 45 ночи уезжаем. Напишу, Бог даст, из Allemont.

Ваш неизреченно Ив. Шмелев.

<Приписка:> Ваши письма будут читаться как Чеховские, если не сильней! Во всяк<ом> случае, они *глубже*, а об юморе — ни-как не уступят.

214

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<7.VII.1934>*

<Открытка>

7 VII 1934. Boulogne (S.)

Дорогой, милый друг Иван Александрович,

Пожалуйста, перешлите посылаемую (еще) откр<ытку> С. Горному. Сегодня, в 11 ч. 45 уезжаем с train du Savoyard[73] (трубочистов) или с поезд<ом> для бедн<ых> родственников. Слава Богу, я пока чувствую себя хорошо, спокоен, хочу писать (да!). С «Возр<ождением>» сладилось, но гонор<ар> — ох — слё-зы. Но — главное — общение с читат<елем> возобновляется. М. б., запи-шу. Адр<ес>: Allemont (Isère) Maison M. M. Manin. Жара и духота гонит. Я посл<ал> на днях Вам зак<азное> п<исьмо>. Целую и обнимаю Вас. Целую руку Н<аталии> Николаевне. Господь да пребудет с Вами.

Ив. Шмелев.

Тащу с собой и кучу медикаментов. Если бы у Вас нашлось что-нибудь почитать, — *что* Вы сочли бы полезным мне послать — об искусстве, что Вы признаете нужным для меня — малоумного! Ваша чуткость скажет Вам, — как бы целительное чтение! А о Мережк<овском>? Не дадите?

Ваш вечно (!) И. Ш.

<Адрес И. С. Шмелева:> Ju. Chmélov
2, B-d de la République
Boulogne (S.)

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. — I. Ilyin
Sodener Str. 36 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne

215

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<15.VII.1934>*

<Открытка>

15. VII. 34 — *«La Jaure»* (урочище)! *Allemont (Isère)*

Милые, родные!

Донес Господь. С 8-го в горах. Не описать. **Родная** природа. Ореха — си-ла. Земляника, черника, синие колок<ольчики>. Снега! Сегодня в горах была метель!!! Ледники... Мы запоздали и нашли хибарку на высоте, багаж втащили мулом на... салазках! (по камням). Крепну, прошел уже kil. 40. Ем. О<льга> А<лександровна> только — по ровному! Водим ее. С нами Yves. Здесь Деник<ин>ы. Они-то и сманили. Н. Ив. Кульм<ан> собрала на дорогу. Это наш добр<ый> Ангел. К<а>к я счастлив — **быть** и чувств<овать> **родное**! Осинки!! Подосиновики, белые — все, что хоч<ешь>. А вверху — незабудки, там еще — апрель-май? О, пришлите о Мережк<овском>!! Верну!! Молюсь за Вас, милые, — и на — Вас! Все. Целуем.

Ваш вечно И. Ш.

Напишите.

<Приписка:> См<отрите> ↓ — наше гнездо[74].

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. I. Ilyin
Sodener Str. 36 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne

216

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<27.VII.1934>*

<Открытка>

27 VII 34. — «La Jaure», Allemont (Isère)

Вот наше гнездо ↓[75]. Вышибли орла и влезли!

Милые! Т<а>к хорошо — не сказать. Какую радугу видим — бери руками, катится. Метели видели там, на вершинах. Двое погибли, молодые альпинисты. А у нас было 14°. Теперь — ярко, тепло. Цве-тов!.. Красота Божья. Начал баловаться пером. Прочтете пустячок.

Корректир<ую> 2-ую часть «Няни». *Пока* — здоров! Душа светла, несм<отря> на скудость, а, главное, на вонь из мира. Газета — будто в чуд<есный> сад потянуло помойкой. Приходят мысли. И еще б<ольше> укрепляюсь, что писал **правду** (Пеньки). Чел<овечест>во валится в яму, **само**. Валят — «мы» валим, т. е. сухоумие. Целую, ***жду***.

Ваш И. Ш.

<Приписка:> Всем доволен. Все есть. Только Вас взыскую.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. I. Ilyin
Sodener Str. 36 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne

217

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<7.VIII.1934>***

Милый и дорогой друг!

Я получил от Вас много, а не писал Вам ничего. Я получил письмо от 2 июля, открытку от 7 июля, открытку от 15 и открытку от 27 июля. Каждая была мне *радостью* — и больше всего то, что Вы уехали, видите Божию красоту, отдыхаете, — что зашевелились и зашептали в Вас струи, что Вы меня помните. Помоги Вам Господь! *Обрадуй* Вас Господь! Все, что Вас касается, я впитываю в себя — как свое, родное, драгоценное; каждый день о Вас думаю в разных лучах. Не писал же Вам, чтобы не огорчать — врать не мог, а *мне очень тяжко*.

В начале июля я был уволен вместе со всеми другими соотечественниками с того места, которое занимал 12 лет — уволен за русскость. Это большой удар во всех отношениях, и я его весьма ответственно, тягостно и с волевыми выводами переживаю. Материально я еще прокормлюсь вероятно несколько месяцев, но духовно и патриотически — это целое событие — целый крах. Мне бесконечно грустно, что не могу Вам раскрыть всего; все это событие довожу до Вашего сведения крепко-доверительно, не сообщайте об этом другим, это могло бы многому хорошему повредить, но поймите, что в душе я перетираю

пудовые камни. Я нисколько не Сальери — но невольно вспоминаю — «в награду любви горящей, самоотверженья, трудов, усердия, молений»[76]... Чувствую себя так: снова лег мне на главу перст ангела, ведающего все и ведущего, — и снова трепеща — спрашиваю: «куда ведешь? и ведешь ли? не оставил ли меня? и если оставил, то за что? и *стóит ли жить дальше*?» — И еще: страшное сознание своего одиночества, своей *ненужности*, своей черной *ненужности* для чудесной нашей родины — легло на меня камнем. Конечно — *честь и верность* моя со мною и я знаю, хорошо знаю те часы, в которые я *их* предпочел всяческому личному устроению. Но, Господи Боже мой! Что за страшное время выпало нам на долю, что негодяям, законченным лжецам и бесстыдникам пути открыты — а нам — поток унижений! Ах, не выскажешь в письме ничего! Но, Вы, чудесный художник, поймете все и так![77]

Сижу на месте. Отдых необходим, а путей к нему пока не видно. Обертываюсь назад — и содрогаюсь, видя *сколько раз* и из *каких ям* и петель — вынимал меня Перст. И только в минуты малодушия — унываю и отчаиваюсь.

Вот, дорогой, почему не писал Вам. Не браните. Но и не расспрашивайте о деталях. Верьте, что я все время и до конца — совсем предметно и совсем нелично служил делу — и именно поэтому отнадобился. Quos vult perdere dementat[78], а моя личная судьба в Руце — в Руце! И еще верьте — что бы со мною в дальнейшем ни случилось, какие бы пути ни открылись — на этих путях я всегда буду искать и найду возможности быть Вам полезным.

Кто читал начало «Няни», все восхищаются. Дошел ли до Вас мой фельетон «Борьба за художественность»? — будет еще окончание. Хотел прямо сказать, что школа экономии, насыщенности и лаконизма, в том числе и в больших романах — *Шмелев* см. «Няню» — где видимый «водолей» весь насквозь лаконичен и необходим — но потом решил — не тыкать, назвать рядом условно Бунина (у которого водолей часто не более, чем водолей) — а о «Няне» написать потом отдельно.

Очень хорош был очерк о встрече с Чеховым[79]. Превосходно! И как хорошо, что Вы вернулись в газету!!

Попытаюсь послать Вам Мер<ежковского>, а м<ожет> б<ыть> и Ремиз<ова>.

До свиданья, мой дорогой! Жена шлет Вам обоим ласковый привет. Бог даст, Ольга Александровна вздохнет и отдохнет в горах. Обнимаю Вас обоих.

Ваш Иоанн Рыдалец.

1934.VIII.7.

218

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<14.VIII.1934>***

1 — 14 VIII 34.

«La Jaure» (не щучий)
Allemont, (Isère)

Милый друг, Иван Александрович,

С Вашим письмом пал на душу камень, но не придавил, нет, а только смутил мысли, на часы я растерялся в горечи... — и потом как-то грустно-покойно стало. Грустно, потому что Вам *сейчас* тяжело... покойно — да потому *что* 1) все это преходящее, что 2) Вы не из мягкой глины, и Вас ничто людское раздавить (дух Ваш) *не* может. Вы найдетесь и, кажется мне — уже «нашлись». Для чего это, *как* мож<ет> быть *у Вас* такое... — сознание своей ненужности?! Когда уже в сам<ом> факте, о чем писали, — опровержение: именно — **нужность** и **важность** Ваша?! Да *что же*, что доброе и нужное ныне не опрокинуты?! Когда всякий смысл опрокинут во всей вселенной? Я, к<а>к и Вы, конечно, предпочитаю в дан<ном> случае роль объекта. Но не мне, не мне говорить Вам об этом. Вы, учитель родной и *над*-родной Истины и Блага, и мне лишь внимать Вам. А эти вздохи духа Вашего, эти «пени» — так они понятны в **живой** душе! «Гефсимания» — удел и Святого Духа, очеловечивающегося. За Гефсиманией следует Победа. Она у Вас будет. Она уже и есть — в чести и верности, и в сознании горечи момента: значит **изживается** момент, не поглотит горечь, не угладит, не углодает. Вас не углодает. Вы найдетесь, **должны** найтись. Да не мне Вам писать это. *Все* испиваем и часто сверх **чаши**. Временно, углубитесь в **мышление** (но Вы всегда **мыслите**!), в ином, духовном тоже, найдете применение гремящему в Вас **огню**. За **родное**, — крещусь

Вам! — у меня нет страха! Вот как победит, и вот как посрамлено будет (!) **все** и вся. Дал бы только Господь при сем быти. А не дарует — все равно, **познаем**! И радость тогда будет еще чище, полней. Не ограничимся же сим «видением презренным»! Только бы хватило хлеба земного жить и видети, и на ус мотати, за неимением лучшего. Да и отдохнуть, про-дохнуть надо от всего этого — «смердит», во всем мире. И все-таки — к хорошему движется. В смысле, что хоть «истории» надо верить? если в Смысл не можем? «Крот ро-ет»! — Буди — буди! — Если вздумаете в Париж, только скажите — 2, 13-d de la Rep[80]. — Ваш. Ключи у моего приятеля, только скажите. Когда Вам случится пожел<ать> приехать, по-мните: у Вас есть «гнездышко» — и это нам в радость великую. Если у Вас есть мал<ейшая> возм<ожность> отдохнуть — на воздух, в горы куда-ниб<удь>. Ничто, к<а>к я в этом только теперь убедился, — ничто так не поднимает душу, к<а>к — в горах дышание. Я словно шампан<ского> нализался. Спать не могу порой, т<а>к хочется **дня, завтра**! К<а>к мал<енький> ребенок — ах, за-втра-бы! Гадкая ночь! Когда потемки втекают в душу, — на воздух! — и рассеялись. Пе-шком десятки верст! Я, полукалека, хожу, хожу, трудно усидеть на месте. И все — восторг. К<а>к года 3 — 4 тому у Вас, в Швейц<арии>, когда Вы **пели**. Вы будете петь. Милый друг, Ив<ан> Але<ксандрови>ч! Да Вы же и теперь поете, всегда пели и всегда будете. Ваша «Борьба за худож<ественность>» — катехизис по искусству. Для меня же это — чудесное купанье в шампанском: оно подымает жизнь духа! Я почувствовал засыпавшую, было, страсть к работе! — до посл<еднего> вздоха, — и это после чтения-медитирования. И вот теперь в 4-й раз переписыв<аю> 3-ью часть «Няни». Даже свои пустячки — о Чехове — давнее, давнее воспоминание, я (2 фельет<она>) 3 раза изорвал в клочья. И жалею, что отослал 1-ю полов<ину> «Книжники... но не фарисеи» (о Чехове)[81]. Надо было повычеркивать кое-что. Вы у́чите. И я жду, жду, *когда* Вы найдете время дать все эти этюды — трудом, капит<альной> книжищей, когда Вы дадите истор<ико>-литер<атурные> примеры, ссылки «борьбы за ху-

дож<ественность>» из *Пушкина*, Гоголя, Гончарова (опр<еделенно> о-чень любопыт<но>). (Интер<есно> франц<узское> изд<ание> о Флобере и его «муках творчества».) О му-ках творческих Вы напишете? Вы **так** дадите (и уже даете), что после Вас, т. е Ваших худож<ественных> исследований, — писателю, если он ист<инный> писат<ель>, уже *нельзя* будет бездельничать и свистать о **своем**, а читатель, м. б., вернет себе былое благоговение перед **Словом**! Вы этому и тому уже послужили — и еще послужите в наше поганое, беспардонное, безбо-ж-н-ое время! Вы еще покажете, ***почему*** (осязательно покаж<ете>!) в наше время нет или почти нет великого творчества, огня, опаляющего душу, служения словом, восторгов до слез... слез очищающих — через творч<ест>во! Измельчали, опошлились, оторговились, опохабились... обазарились, обрыночнились... Читаю Вас... — какое же **знание** Слова, какое естественное купание в слове! Сколько у Вас — *Ваших* слов, и они — все моими стали, они — **родные**, они из духа языка. Именно — *рождаемый* Вами язык! (оригинальный) производимый духом Вашим жи-вым, из него родится. Из неживого не мож<ет> рождаться, а лишь измышляется. У Бициллы[82] вот, измышляется. Не вы-ношу! М. б. перст-то Вас и ведет к сему творчеству. Хочу Вашего **светлого** письма. До-ждусь.

О себе что сказать? Пока, каж<ется>, здоров. Болей нет. Дух чуть оперяется. И все это *через* чувствование, что пока, по Мил<ости> Божией, отсрочено умирание. И — горы! Буду дорожить, хочу дорожить кажд<ым> мигом (хочу так нетерпеливо «завтра»! — видеть, впитывать, внимать). К<а>к вспомню апрель-май, минувшие, — трепет проходит. Воистину я был ногой во гробе! **Все** — погасало... И какой-то миг явился перело-мом! М<ожет> б<ыть> Ваши чувства, Ваши родные во́ления, насыщенность духом слов-мыслей Ваших — мне. Но **знаю**, что *тут,* как Вы мне *тогда сказали*, Господня Воля была, веяние Господней Ризы — Милосердия и Мудрости. И знаю, надо бы оправдаться... Но как, чем?... Вздернут дух, но как он оформится, чем и для чего, во имя чего? Сейчас идет корректура «Богомолья», 3-ий лист. И я с трепетом думаю: да **дальше** я не могу идти. Я уже — пришел.

И *это* нужно, эта моя книжка, и это я уже сделал. Я — восславил, как мог, я разыскал в тайнике забытом — ласки и свет жизни. И — пусть, кто может, приобщится сему свету, детскому, простому. К мудрованию я не чувствую склонности... — м. б. как-то **само** накатится...? — Живем 3: О<льга> А<лександровна>, Ив и аз[83]. Собираем чернику (для киселей, сушим, очень полезно моей болезни), грибы, малину, землянику. Рискнул я — в горы, на 1800 м. прошел 10 кил., был в горах 9 час. — чего повидал. И ничего, бодр, спал. А утра-а!... <*неразб.*>, на высот<ах> навалило снегу. 13 чел. погибло там за эт<от> мес<яц>! занесло! разбились, замерзли, бел<ое> кладбище. Но к<а>к **говорит! как зовет**! Т<а>к бы здесь и остался — доживать! Тут, у поселян, учишься **правде** труда, к<а>к у наших, бывало. Завтра Усп<енский> День, у них, вся деревня печет большие пироги — ватрушки с черникой... Шумят потоки, плывут над окнами облака, бери метлу и будь Зевсом-тучегонятелем! небесным т<а>к ск<азать> дворником. — После болезни все принимаешь, как подарок Жизни, Господа снисхождение. С как<им> восторгом собирал я лилов<ые> колокольчики, крокусы! Принес Ив с высот незабудки... — посылаю Вам с Наталией Ивановной[84], к<а>к знак-символ **высоты** горней, весны, чистоты, снежного возрождения, незабвенности. Посылаю и крокус, *мною* найденный на высоте 1600 м., в воскрес<енье>. Они у меня в стакане, у портрета нашего мальчика... С какой детской радостью я находил бел<ые> грибы, в камнях, под елями! слушал вóды, ел по крошке — яичко! Видел — первозданность! И... 10 лет просидеть в Capbreton`е! Что за дурак я был! Будем здесь до конца сентября. Здесь жизнь на 25% дешевле. Помогли мне Кульманы, иначе не смог бы! Кварти-ра ведь! Они мне достали на дорогу и на «дачу» — гнездо орла. — Голландцы — только что узнал от перев<одчи>цы, самовольно издали «Человека» и ни копья не заплатили. Даже и книжки не прислали. Она написала изд-ву протест, горячий (она — голл<андская> писательница Clemence Bauer. И — любит Ив. Шмелева, переводит сейчас «Няню» и Лето Г<осподне>). Любит — Россию! **нашу**... И это благодаря **нашей** литературе! через нее!

Она выучилась (у эмигр<антов>) языку, и теперь для нее Россия — ***выше*** всего. Она хоч<ет> проникнуть в «ее чарующую мистич<ескую> душу». Вот, я ей предложу скоро «Богомолье»... Чудесное письмо (русское) написала мне! Вот ***что*** делает **Слово**! Да, да, да: Россия невидимо оживает и **проявляется** в мире. И — проявится истинная! Вот тогда, м<ожет> б<ыть>, понятна будет вся прол<итая> кровь, все слезы... все неправды... Рождение в муках — для мира, для научения, для оправдания, для искупления его. Кто знает?! И все же — делается. Вам *надо* вздохнуть. Сколько еще сил в Вас, милый? Целуем Вас и Нат<алию> Ник<олаевну> — все. О<льга> А<лександровна> благословляет Вас. Она — святая. Благословляет.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Простите, я писал все это оч<ень> взволнованный, и почерк мой — волна в зыби, мелкой сеткой и крючком.

219

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<16.VIII.1934>***

16. VIII.1934. «Ля Жор» Алемон, Изер.
Ля-Мажор!!!

Дорогой Иван Александрович, бо-га-тый друг мой (не в валютах!)! Я неспокоен, меня томит: не договорил в пр<ошлом> п<ись>ме, д<олжно> б<ыть>; не **то**, м<ожет> б<ыть> сказал, не досказал, не так подошел к душе В<ашей>, к<а>к хотелось бы? Томит. И вот, хочется подойти ближе, нежней, ласковей к душе прикоснуться. Вижу — не горечь желчи или хинина в Вас, в п<ись>ме В<ашем>, а осинки родной горьковина, осенней поры русской, ладанная, божественная, грустная, святая горечь... Голубчик! Да Вы же сделали один столько, сколько не сделала вся наша эмигр<ационная> толпа. То, что Вы делали стальным — серебряным, звучным, и крепким, и раскрывающим словом Вашим, в котором — **дело**, действие, — так это слово метко, четко, ярко и изобразительно! — сделали и для своих, и для тех, среди

которых пребываете неизмеримо ныне. Ведь Вы — и это Вы должны знать, и знаете! — спасали, предостерегали, сдерживали, образовывали — души, дух! — **вели**, тыкали носами, звали, «угрожали»... — в десятках Ваших выступлений перед тысячами «слепых». Ведь Вы же были — и есть — русский Фихте, гражданин, учитель, философ, — не люблю это словцо, — мыслитель-водитель, пророк!.. И во всем «отрезвлении», которое пришло, и которое должно быть благотворно, — Вашего меда не капля только, а хо-ро-ший ушат. Так после этого-то, какая же может быть го-речь?! Да Вы сам себе и Сотворившему Вас — с легким сердцем псалом петь должны бы и восклицать ежечасно — «ныне отпущаеши..»[85]! Вам одно бы надо сейчас пожелать, а Вам — выполнять: ды — шать! вовсю дышать — вздохнуть, отдохнуть, уйти к тому, что приближает к Богу, что заменяет все лекарства, что услаждает все навкушавшиеся горечи уста, что лечит все раны, что дает новые силы, — к красоте Божией, к природе-матери! Родной Вы наш Иван Александрович, мне плакать хочется, — и плачу сердцем, — как подумаю — а эти дни все вот в душе ношу, — что Вы подавлены, разочарованы, говорите — великую хулу! — «зачем жить?» А вот — чтобы дышать, отдышаться Вам, — радоваться тому, что Вы сделали, пусть хоть и не прямо для **своего**, — сделали для жизни по правде, по Правде, хотя бы в той стране, в которой живете вот уже 12 лет бессменно. Чтобы видеть и радоваться, как Слово Истины оправдано: «блаженни есте, егда...... на не лжуще мене ради!»[86] Приобщились к лучшим, к избраннейшим... — а Вы — «зачем жить»?! Не мне Вам говорить это, Вы **все** знаете, только — «плоть же немощна», и я, лишь как пролетающая птичка, — пропела коротенькое, простенькое «коленце». А птичку и великие Отшельники и Разумники слушают. Одно меня тревожит: у Вас всегда с Вами опора-друг, Наталия Николаевна, мудрость и крепость, и ласковость, и умность сердечная... а вот только неопределенность заработка Вашего тревожит... — а «поля» для делания... — по-ля! Вы их найдете, их Вас никто не лишит. Велик-широк свет, не клином сошелся. И инструментов у Вас — оркестр. Не на барабане Вы играете, только, — а всё,

вплоть до покрывающего всё органа. И все мелодии, и все ритмы, и все мажоры-миноры — в Вас. И вся палитра, все цвета радуги и подцве-та! И все лучи, и ультра, и за-ультра, — видимые и невидимые. Пообвисли струны — подтянуть надо, нервы тоже колка требуют и «подтяжки»-ключа. И только одна она, родившая нас по Слову, Природа — может помогать человеку. На себе испытал, и на Вас сколько раз видал! Ваши блуждания по горам в Швейц<арии> года четыре тому, три... — как смеялась душа Ваша, как играла, детски! Вот, надо деткой Вам на месяц-другой стать, и какими же светлыми, **детскими**, глазами смотреть будете, и к<а>к далёко видеть! В мае я погибал... готовился отходить... Чудо Божие, милос<т>ь Его отсрочили этот трудный, непостигаемый нашей сутью миг. И вот, на грошах, без «завтра», при таком паскудстве в мире, при такой пошлой всеобщей подлости, когда выворотили недра Правде, все недра, — и кто же! — «умные и разумные», водители народов, — я говорю в отношении их к разбойникам и убийцам жизни, что пируют не только на нашей земле, а пляшут и пьянствуют с европейскими фраками и кормят их кровавой икрой, при вое и стонах сотен миллионов полумертвецов... — при всей этой кабацко-майданной пляске-свалке и «духовном совокуплении»... — я уехал из Парижа, слабый, с сотнями неудач в дороге, при поддержке добрых людей, — и с легким сердцем «принял» поддержку! — и вот, стал духовно и телесно оперяться... **Что** же мне давало и дает силы?! Она, Природа, Русской природы отраженье... воздух, **наш** воздух... от горьких осинок, от березок... да, да, от «русских березок», над которыми так изощряются критики-болтуны, душевный сухостой, проклять эта, еще неизжитая даже вне родины! Да, вот эти «березки»... — ах, хотел бы я написать-оттрепать, кого следует, за эти прихихикиванья — «бе...резки»! Эта сволочь с панелей питерских, не отличающая гречихи от капусты, березы от осины, эта сволочь, всегда жившая **чужим**, всячески чужим, эта сволочь, нестоющая даже пыли самого последнего дождевичка, эта плесень, водящаяся в литературе... Да, черт с ней, отсохнет... Здесь воздух — впервые почувствовал во Франции, — наш, только чуть не хватает...

брусники не найду! Вчера пошли с О<льгой> А<лександровной> — калеки — пройтись к вечеру, по горизонталям. Вижу — откосы от дороги, мелкая поросль березки и осинника... Стой! Па-хнет, как **там**, когда-то в начале августа! Э, да тут **должны** быть, не могут не быть подберезнички, подосиновички! И я полез, **зная**, что они тут, наши, они оказались — тут! **Те же**, с серыми крапинами на ножках, у березовых — на кривых чуть, у подосиновиков — на толстых, крепких! И лики — шляпки — те же, привычных образцов. И все — **то же**! Я собрал с десяток, и мы несли их в руках, как дары... улыбку Родины. И пили горьковатое, августовское вино рощ осиновых... и я думал, что тут должны быть рябчики. Нынче идем опять — пить вино родное. Заряжаться. Иван Александрович, надо отдыхать Вам, милые... зарядиться. «Перст», конечно, правит Вас и направит... но надо же, чтобы Персту было — **кого** направлять. Мы — как на валах морских — то яма, то — на гребень. Смена удач и ударов, ямок и крутизн... лишь бы отдалить для существа нашего ту, последнюю, яму... **Надо** — писал мне недавно А. В. Карт<ашев> из Англии, где «зарядился»... — надо нам пережить, всеми когтями телесными и духовными стараться — пережить, пересидеть всех этих — Сталиных, Молотовых, Кагановичей... всех мерзавцев-убийц и убивающих... всех с ними ядящих и пиющих плоть и кровь человеческую, — надо «найтись», надо же силою подталкивать замедлившуюся где-то Правду. Для сего надо держать себя «в порядке». Как вымирает интеллигентщина российская. И странное дело — многих не жалко... Отзвонили, откоптили, отделали, отпраздновали — иные! — **свое**. Милые иные, при-ятные... чи-стые... — но я бы предпочел заведомых злодеев и мерзавцев, но... покаявшихся, оплакивающих свое мерзавчество! А вот, редко каются чистые, приятные... общественники... Никогда не терпел Андр<ея> Белогорячечного, как Буренин[87] окрестил А. Белого. Бормотун-шаман и искренний, до слез, пакостничек, «всего-искатель», чистейший выродок-выкидыш интеллигентщины, порождение развратницы-аристократки и полусумасшедшего математика, м. б. очень тонкого-чудака-математика... — словом, —

«цветок», который только могла дать наша вырождающаяся интеллигенция... Но этот выкидыш, с цыплячьим пухом на кочерыжке, зло и верно изобразил многих представителей плесени подлой нашей! И Мережковских, и... Трудно читать «Начало века» — А. Б<елого> — но есть верное... Я отклонился: надо пере-жить, дожить, чтобы увидеть **новое** племя, незнакомое, и дать ему путь и план — выстраданные. Но надо, после дел творенья, и отдыхать, а не воздыхать. Вы завоевали себе это право. Вы должны смеяться гордо, ибо «честь и верность» — никто не посмеет вымарать на щите Вашем! Они выжжены навсегда. Как никогда жду и жду, и жаждаю, — увидеть и услышать Вас, милый И<ван> А<лександрович>. Вас надо слушать — в горах, на горах, откуда далеко видно. В этой чудесной тишине, при шепоте потоков, в родном воздухе — в осеннем вине, родном. Господи, даруй ми! Да, надо пережить **их**, надо дожить! Господи, даруй нам сие! — это наша первая и последняя молитва. Смешно, но я даже принялся по утрам обтираться водой, и делать гимнастику: Господи, даруй — ...!

Посылаю Вам, для укрепления — незабудку и крокус (весну!). Да объюнит дух Ваш, омолодит! А чудак С. Яблон<овский>[88] — ка-кую панихиду-то развел, для дебюта! Тьфу! Тогда **за-чем** он пишет?! Заработать себе на гроб — на саван?! «Дурак на свадьбе!» Ведь мировой свадьбы ждем — и должны дождаться. Свадьбы России с Правдой, Светом.

Братски обнимаем обоих Вас! Аминь.

Ваш Иван Помнящий.

И какой там Вы — Рыдалец, когда Вы — Ив. Великий!

220

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<26.VIII.1934>***

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за оба письма, в ответ на мое мракопустное (или мра-капустное). Читал их оба как ласковую утеху и утешался Вашей ласкою. С тех пор дела мои несколько неожиданно скристаллизовались, и я рассчиты-

ваю даже (довольно твердо) начать через неделю мой запоздавший лет...[89] тьфу! *осенний* отдых. Когда и куда нас понесет — Вы увидите из дальнейших моих скорых панденцей[90], а пока не пытолюбствуйте! Письма Ваши читаются у нас обыкновенно так: *раз* — спросонок, слипшимися глазами в постели; *два* — за кофеем, оупроснувшись и оумывшись в оумывальнице; *три* — вечером за вечерним чаепитием, с вареньем и кирпиченьем. Это — минимум. И все слагается в незримые недра внутренних свершений*.

Трогательные цветочки! Крокусики горные и незабудки влажные! Спасибо Вам за них! *Теперь* Вы поняли, *почему* мы все в горы ездили и Вас звали?! Там — все диво. А почуяли Вы, что гора не просто пуп, а *земля, к Богу вздыбившаяся*, воздохнувшая к небу, да так и застывшая; что гора своим величием *к Богу молчит*, тишиной молится, молитвой воздымается и, воздымившись, таинственно Богу уподобляется и человека *бытию* учит!! — Уж я не я, коли обо всем тому однажды не напишу. Какое смиренное величие! Какая беседа вершиною с небесами; какое — то допущение, то недопущение человечков на лысую мудрь мразных вершин! Хочется — не то *ей* молиться, не то *с ней* молиться. А она уже и задумалась о́блаками небесными...

Ннндда!!

И все-таки, дорогой, берегитесь в горах. Вот правила, опытом выстраданные нами.

1) Ничего чрезмерно. Чрезмерная горность утомляет <u>*сердце*</u> и <u>*нервы*</u>. Чрезмерность эта может довольно долго не замечаться, а потом хлопнуть индивида надрывным утомлением.

2) Не ходить много *вверх*. Вверх *ехать*, вниз идти.

3) Не быть в горах слишком долго. До 1000 метров можно подольше. От 1000 — 1400 не больше 4 — 6 недель.

4) Во время жизни в горах не предъявлять к себе никаких внутренних требований: ни творческих, ни непри-

* Простите негигиеничное пятно — капнулось за вужином! <здесь на бумаге имеется какое-то пятно>.

ятно-компанейских; не ложиться поздно; есть всласть; спать всласть.

5) В горах *легкие* дышат иначе — до глуби. Отсюда: кровообращение сильнее (поэтому не усиливать его еще утомительными прогулками); желудок варит иначе — усваивается все, высасывает все из съеденного (в горах не надо ни недокармливать его, ни перекармливать). И главное: не утомлять сéрдца!

6) Очень коварно в горах *солнце*: *не сидеть* на нем! *не лежать на нем*! Только *ходить* по солнцу. *Голову* беречь от него. *Солнечное сплетение* беречь от него. Как только станет неприятно — уходить с него немедленно.

7) Главный биен-этр-женераль[91] — бывает *после* гор! И творческий подъем. Если сердце и нервы начинают уставать от гор, значит надо *съехать пониже*. Иногда довольно на 200 метров. Вот и все.

Очень мы устали за это лето: и неопрятности, и неприятности, и необъятности, и ранние боятности. Нат<алия> Ник<олаевна> такая бледная и усталая, что я иногда в сердце вскрикиваю и потом рычу ко Господу. Планы наши серьезные, зреют в тишине сердца и в молчании уст. У Тургенева сказано «довольно». У Достоевского «merci, merci, merci». У Горбунова[92] «пшел к черту». У Ал. Конст. Толстого «осерчаю». А впрочéм все в воле Божией.

Между прочим в предвидении попыток к церковному примирению отправляю отцам Митрополитам нижеследующий адрес, для того чтобы с своей стороны и сюда влить, как сказано у Шмелева, «хо-ро-ший ушат меда». Предлагаю этот адрес здешнему объединению национальных организаций, но они, кажется, не решаются отправить его! О, робость, — это ты!

1. Мирись, мирись, Митрополит,
И протяни другому лапу!
Храня надуто-чванный вид,
Ты тешишь дьявольский синклит
И католического папу.

---

2. Преосвященнейший Антоний!
Оставь Кирилловы права!
И всех похабных антимоний
И матершиннейших зловоний
Забудь презренные слова!

---

3. Преосвященнейший Евлогий!
Ересиархов сократи!
Отринь советские подлоги,
Не чти масонских антологий, —
От них не будет нам пути.

---

4. Единой Церковью повиты,
Смиритесь, о митрополиты!
Зане: от дьявола гордец!
Забудьте нашепты и вздоры,
Словес пустые перекоры,
И мир уставьте наконец!

---

5. И пусть умолкнет похоть власти,
Уснут монашеские страсти,
И учинится дух един!
Об этом просим мы смиренно,
Молитвенно, объединенно
Весь верный русский Ваш Б — н[93]:
Я — Боткин,
Лямпе
и Ильин!

Одобряете ли *Вы*? Если да, то я пошлю это от себя; конец предлагаю так:

О сем прошу я Вас смиренно,
Припав коленопреклоненно
К стопам возвышенных седин!
Со дерзновением: Ильин.

Подчеркиваю достоинства этого адреса:
Искренность и точность;

1) дерзновенную правдивость;

2) различение *грешного лица* и *возвышенных седин сана*;

3) нарастание строф, подъемлющихся от 5 строчек к 6 и даже к семи

и как бы просительно долбящих аккумуляцией рифм!

Но если Вы не одобрите, то я, пожалуй, воздержусь. Однако отправляю в Возрождение статью «Путь Православия»[94].

Об Андрюшке Белом мы с Вами единомышленники. Надеюсь однажды его причесать, посадив его аки Иова на гноище.

Еще неделю наверное просидим тута. Но оставим на почте распоряжение.

Всею душою обнимаю Вас. И целую ручки Ольге Александровне. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет самые дружеские приветы.

Непременно напишите мне подробно, *как* девствуют на Вас горы. Дыхание! Сердце! Желудок!

Ваш Иоанн (имя ему).

1934. августа 26 дня.

221

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<30.VIII.1934>*

30 VIII 1934. «La Jaure», Allemont (Isère)

Милый друг Иван Александрович,

Сегодня — светлое в почте — письмо Ваше! И день после туманов — светлый, с крепким, солнечным, холодком, как, бывало, в Москве, в августе, когда зачинаются Кр<естные> Ходы, пышно цветут астры, в росе, и нежатся подсолнухи... горами лежат арбузы, яблоки в соломе золотятся на болоте и надалёко слышен их сладкий дух.

Обвеяло меня радостной лаской п<ись>мо Ваше. Чую — будет хорошо Вам, *д<олжно>* ***б<ыть>*** хорошо! Да, у Тургенева — satis, у Дост<оевского> — merci... — прррa-вильно! Хорошо пиво пи-ти, но еще лучше — самим собою бы-ти. И да будете! И — добудете.

Горные «скрижали» Ваши («како на горах жити») — *шедёвр*. Верно, *как на Синае*. Соблюду. Да вот, здесь не

Швейцария: мало доступных горн<ых> прогулок. А что доступно в смысле «ехать вверх», т. е. в автокатном, в маршрутном, трудно — в карманном см<ысле>. Сплю — маловато, но нет слабости и вялости: объясняю радостн<ым> волнением — ах, что-то «завтра»! Сердце к<ак> б<удто> не дает о себе знать. Желудок — паинька, пока... но блюдусь, принимаю висмут и проч. Ах, милый И<ван> А<лександрович>! Понимаю: иной раз схватишь глазом, к<а>к О<льга> А<лександровна> устала... — и крик в душе, бессильный. Но здесь она чув<ствует> себя лучше Capbreton`a. — Чудесно «послание» к митрополитам! Пушкинская сталь! «Единой Церк<овью> — повиты... Смиритесь, о, Митрополиты!» или — «к стопам возвышенных седин!» Или — «и протяни другому... **лапу**!..» К<а>к ярко, точно. Наши — оба — urs`ы[95], (из бурсы) — и вида медве-жьего. Схвачено! И оба — **взяты** — впечатаны! Браво! Шлите без сумления. Жажду Вашей статьи-этюда — «Путь Православия». — И особенно — Вас жажду и — гадаю. — Напишите же о горах (гимн горам!), не откладывайте! Да — Горе имеем сердца! О, я бы исходил все горы, да... О<льга> А<лександровна> *не* может, да и мне многое не под силу. Здесь не Швейц<ария>. Там — и фюникюл, и — все. А тут — глушь. Дикие тропы — прешь, прешь... На днях пёр... да туман окутал. И еще, на днях: чуть *не бросился* в пропасть, *потянуло*! Испугался, упал на тропке, схватился за шифер. *Едва* совлад<ал> с собой: сердце упало, пустота потянула... — кинься! Обратно меня вели, окружив конвоем, чтобы не кинулся, а я закрывал глаза, правый, ***искавший*** бездны! Это состояние **необъяснимо**. У меня сильный астигматизм — и вот, головокружение на высоте. Животные этого не знают, и — кровельщики.

NB Внезапно пришла в башку мысль — поехать «читать» в Ниццу — автоходом, через Альпы, — спутало во мне все... — и вот, продолжаю письмо — уже 2 сент. 11 ч. у<тра>.

Два дня — в молоке-тумане, ливни, холод собачий, угнетенность духа, и вот, сегодня, — открылись горы...

Зи-ма! Даже подступы к высотам «все бело, кругом!..» — все ярко. И оттуда — арбу-зом! Крепким, морозным, ост-

рым дыханием зимы! Так, бывало, в Москве, после метели. «А знаешь... не велеть ли в санки кобылку бурую запречь?» На грозное мое письмо грабителям-голландцам получил... 3 экз. «Человека» — в переплете и... обещание «*если* книга даст прибыль — *уплатить по соглашению*» — ?? К<а>к Вам это...? Подовторю — угрожу. А издание прекрасное и стоит на франки — 40 фр. книжица. В Ниццу меня несет необходимость что-ниб<удь> приработать. Но что там добудешь?! Одни комары да старички у моря греются, зажав в кулаке последние франки?.. Правда, есть там по-читатели... вот, получил признание в любви от А. Н. Наумова[96], — бывшего министра — земледелия? — у него вилла своя «Волга»... да что толку? **Негде** пристать, а в отеле — и обдерут, и паспорт у меня (recepisse[97]) просрочен, (а деньги уплачены за новый, да «все неготов»!). Мостов там нет — ночевать, не Париж... — Стащут в участок! Да надо — после «зимы» — лето повидать. Д<олжно> б<ыть> так выйдет, что — что̀ заработаю — то и пропью. Хочу повидать Ментону (там моя англ<ийская> перев<одчи>ца, Цитович в Maison Russe[98]), м. б. загляну на Карлушину Горку[99] и — по-ста-влю 10 фр. М. б. навестим Лауреата[100], вспомним, к<а>к в 23 году жили в Grasse, на Mont-Fleury. М. б. искупаюсь разок в теплом море (20 лет не купался!). Из чего Вы заключите, что я в некотор<ом> борзо́м самочувствии. Как бы не прогореть? Оттуда вернемся в Allemont, ибо у нас билеты retour[101], от Гренобля. Бог даст, недельку поживем в Allemont`е — до 27 — 8 сент. — и на Boulogne s/ S., в солнечную квартирку.

Ваше «послание Митрополитам» — могу ли сообщить Кульману? — с оговоркой, что вот — творение «истиного сына Церкви», дабы уразумели языцы! (не называя Вас, а — «один Профессор»?) Необходимо это **пустить** в народ! Ибо это — 1) великолепно, 2) вразумительно и 3) **верно**! Господи — и это **наша история**!! Нет, необходимо **пустить**. Ответьте. У меня руки (и сердце) чешутся.

Близится памятный день — 26 авг. — 8 сент. — Наталии. Поздравляем добрую, славную, **верную**, чуткую, **сильную** Наталию Николаевну с новым Днем Ангела. Господи! Пошли рабе дивной Наталии — тихих и свет-

лых радостей бытия, всегда радостного Ивана Александровича (отнюдь *не* Рыдальца!), удач в делах житейских и житийных — и на пользу общую, **нашу**, и главное — узреть Россию, Освященную, Обновляющуюся! Приветствуем и целуем Вас, милые!

Как действуют на нас — горы? **Хорошо**. Подбодряют. Дают давно забытое — радование Божьим Миром. Ни тоски, ни страхов, ни ущемлений. Возможно, что это — след выздоравливания? Пока, слава Господу и Св. Серафиму, — не было и ощущений болевых в нутре — с 25 мая. Молю Бога — да продлится это «без болей». Но твердо следую режиму: не пью чаю (молочко-с!), кофею (кофе на молоке, ячменное), не ем никак<их> супов, никаких «жареных». Только на вертеле или решетке кусочек баранины, *без* жира. Пюре морковное и протчее... Творог!

Оторвала почта. Прочитал Ваше — «Путь Православия» — обнимаю, поклоняюсь. ***Так***, ярко, осязательно, просто, глубоко и вдохновенно-религиозно сказать — показать — никто не мог бы! Наши иеро-сиархи только мя-кают мякину свою, подпираясь, как калеки... — текстами («всуе»!). В Вас соединено *все*: высокая образованность, (широкость), художественный дар (сверхстепени!), ***большое*** сердце, **ум**, **язык** (!!), на основе мыслителя. (Вам-то вот философское образование впрок (и какой!) пошло, а не засоряет мозги; как у большинства, которое (больш<инст>во) только играет и жонглирует семиэтажными и стопудовыми словесами!) Вы одной этой **картиной** сделали больше, чем все ересиархи и проч. за 16 лет. А Вы еще говорите — ***к чему***?!!! Не гневите Господа! И как я счастлив, что могу писать Вам, жить в одно время с Вами, ощущать ***токи*** Вашей творящей мысли! *NB* Перевести надо Ваш «Путь православия», и — папе, кардиналам, прелатам, езуитам, ересиархам и всем нашим из митры — палитым! Аминь. Бегу в Fondery (200 м вниз) опустить п<ись>ма. Свети Вам Господь — с Ангелом! О<льга> А<лександровна> благословляет Вас обоих.

Ваш Ив. Шмелев.

С нами Ив. Помогает.

222

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<2.X.1934>***[102]

2.X.1934.

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Не писал Вам давно потому, что очень тяжело было на душе. Об этом отдельно. В конце августа мне удалось получить «аванс» за давно уже сданную книгу, а тут звали в Белград лекции читать в начале октября — дорогу туда-назад оплачивают. Мы и снялись на отдых[103]. С заездами ехали. 3 сент. уехали из Берлина, 11 приехали в Рагузу, где и пробыли. 1 окт. рано утром выехали через Сараево в Белград. Море дивное. Какие закаты! Какая бухта с черными горами в Катарро! Какие стены в Рагузе (т. е. Дубровнике!) — Но я ходил все время печальный, угнетенный и очень беспокойный, мало ел и плохо спал. Загорел, но исхудал. Часто с любовью думал о Вас, а жаловаться не хотел. И вот, все-таки жалуюсь.

Туземцы той страны, где я постоянно живу, поступили так со мною.

За то, что я

а) нисколько не сочувствую ни разговорам, ни планам об отделении Украины[104];

b) категорически отказался насаждать антисемитизм в русской эмиграции[105];

c) абсолютно никакого сочувствия не обнаружил и не обнаружу к насаждению их партии среди русских эмигрантов;

они

а) лишили меня права на работу и заработок в их стране;

в) уволили меня из Рус<ского> Научного Института (*нами* созданного) с лишением жалованья;

с) запретили мне политическую деятельность в их стране под угрозой концлагеря;

d) распустили обо мне систему слухов[106], политически у *них* порочащих (масон, франкофил, жидолюб, порабощен жидами и т. д.);

е) выпустили по-русски клеветническую брошюру[107], которая рассылается *и по другим странам,* где между прочим утверждается,

что я «не выслан, а *прислан большевиками*»,

что я грибоедовский «Удушьев, Ипполит Маркелыч»,

что я объявил себя *до* них — юдофилом, а *при* них — стал антисемитствовать и читать лекции об арийском начале,

что я след<овательно> переметная сума, карьерист и масон. И *все* одна ложь!

Это за все, что я сделал у них и для них по борьбе с коммунизмом! Подумайте, ведь задохнешься от человеческой подлости! Но не это еще главное. А вот главное: надо *повернуться* и *уехать. А у-ехать — не-ку-да!* То, что я себе готовил с июня в другой стране — повисло на волоске именно вследствие их гнусной клеветнической кампании: одни там поверили, что я подделываясь к антисемитам и стал антисемитствовать, другие решили, что если меня травят эти человеки, то значит принятие меня будет им неугодно и вызовет дипломатические (?!) осложнения.

Вот когда задохнешься! Я никогда не стану масоном. Но и к дикому антисемитизму ихнего лагеря совершенно не способен. Этот антисемитизм *вреден России,* опасен для нашей эмиграции и совершенно не нужен внутри страны, где антисемитизм давно уже разросся до химеры. Не говоря уже о его элемент<арной> несправедливости.

Еще одно. Я *никогда* не хотел и не хочу делать политической карьеры. И всякую реальную политическую комбинацию *непременно* и *неизбежно* передал бы русским патриотам-непредрешенцам. Я ни о чем теперь так не мечтаю, как уйти *совсем* от политики и дописывать начатые мною *семь книг. Я совсем не болею честолюбием*; или точнее — мое честолюбие в том, чтобы мои книги *после моей смерти еще долго строили Россию.* В стране, где я жил, я всегда помнил, с *кем* имею дело; никогда не связывал себя *никакими* обязательствами, не страдал никаким «фильством», не торговал русским достоянием и *свято блюл русское достоинство.* Мои книги знают по *всей* стране; в газетах и рецензиях много раз писали обо мне самые высокие, конфузящие слова. Но я *не* ихний. Я русский. И *ныне мне там совершенно не место.* Я сделал *все*, чтобы не упустить для России ни одной возможно-

сти; но теперь мне там делать нечего. Русская нац<иональная> карта там бита; из эмигрантов преуспевают — политически одни прохвосты. И если мне будет некуда уехать, то передо мною нищета, что при моем здоровии означает медленное умирание.

Поймите, мой дорогой! Мне надеяться *решительно не на кого кроме Бога.* Я стыжусь моего малодушия и моих жалоб. Ибо в *таком* положении — непартийного созерцателя, который вследствие своей непартийной предметности и непоклонности зажат *насмерть* между двумя партиями — я *не в первый раз в жизни.* Так было, когда кассовцы[108] завладели московским университетом и за мое выступление на диспуте Струве лишили меня курса и пытались сдать в солдаты, а кадеты (впоследствии устыдившиеся) воображали, что я против них «интригую». Кончилось это тем, что кассовцы и кадеты (профессора) вместе *единогласно* дали мне степень доктора за магистерскую диссертацию[109]. Так было при большевиках, когда я пять лет ежедневно ждал ареста и расстрела; и это кончилось (после 6 ордеров на арест и процесса в трибунале) — изгнанием[110]. И так обстоит ныне: я не могу быть ни масоном, ни антисемитом. Для меня один закон: честь, совесть, патриотизм. Для меня одно мерило — русский национальный интерес. Но это неубедительно никому. И вот, я снова перед провалом — и на этот раз. Впервые, не просто зову *Его* на помощь, но, увы, — зову *с ропотом.*

Всею жизнью моею свидетельствую: до конца честно и совестно борящийся — не бывает *Им* покинут. А я вот — валюсь в яму и не вижу исхода. Ибо всякий «исход», убивающий мое духовное творчество, есть не исход, а *яма и умирание.* А я, клянусь вам, имею еще коечто сказать и России, и о России.

Какой же вывод из всего? Помолитесь за меня хорошенько Господу, поручите меня Ему и пойдите возьмите на *свое* имя *для меня* одну десятую билета в нац<иональную> лотерею, тираж которой 9 октября. Не говорите об этом *никому.* И в письме ко мне не называйте этого билета «моим»; в нашей стране запрещено брать чужестранные билеты. Пусть он называется *Аллемонским* билетом.

И еще. Я пришлю Вам в машинописи письмо с изложением всей этой истории. Оно будет иметь форму *личного* письма к Вам. Будет *без* подписи. Кончаться словами «вот и все». Сохраните его. Не давайте его *никому* переписывать, или уносить; а когда я Вам пришлю список имен, то *этим* людям и *только* им, под *чрезвычайной доверительностью,* прочтите вслух. Всякая неосторожность может стоить слишком многого; в той стране не церемонятся; там *настоящий террор.* И это надо будет сказать в предисловии *каждому.*

Из двух возможностей, что куда-нибудь пригласят преподавать на жалованье и что найдется меценат, который будет давать мне триста марок в месяц, чтобы я мог спокойно проработать несколько лет, *уехав из той страны,* я положительно верю больше во *вторую* возможность, *как это ни глупо.* Ибо все академические лодки полны уцепившимися за края — и люди не постесняются новому цепляющемуся ударить ножом по пальцам...

Довольно об этом.

Дорогой мой! Напишите мне о себе! Что вышло в Ницце? Как Вы вернулись в Париж? Как Ваше самочувствие? Пишите ли Вы что-нибудь? И что? С радостью читали мы Ваши воспоминания о Чехове. Свадьба это целый показ, целый комментарий к творчеству Чехова! Как Вы повидались с Буниным?[111]

Я много думал о Вашем переживании в горах. Решил про себя, что это был взрыв художественного отождествления — ушедшего в материю: позвало до отождествления пространство, потянула прорва, художник рванулся к единобытию с зияющим и всасывающимся миром воздуха. Я чуял это не раз в горах, но никогда в такой остроте... Спас ангел.

Простите мне это письмо. Но кому же мне высказаться, как не Вам? Кто поймет? Кто отзовется? «Что ж» — скажут в эмиграции — «пусть сядет в автомобиль! Не он первый, не он последний. От сумы не открещивайся». Тогда может быть лучше уж в «человеки из ресторана»?! Эдак хоть никого не задавишь!

Душевно Вас обнимаю. Оба шлем самый чистый братский привет Вам обоим.

Адрес: Белград. Poste restante.

В Белграде мы пробудем недельки две. Туда можно писать. Но письмо, имеющее прийти в мою постоянную страну, должно быть *очень* осторожным! Помните: *террор, перлюстрация, доносы* — а я под ударом.

Впрочем, Вы всегда мудры и осторожны.

Несколько месяцев — два, три — до января — я вероятно протяну еще кое-как... Но дальше?!

223

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<17.XI.1934>***

17 XI 1934 Булонь на Сене

Дорогой друг, милый, забывший нас, (о, не укор!)
Иван Александрович,

У меня (у нас) сердце изболелось, — столько пережито, столько ударов за эти недели! И об Вас ничего не знаем. Известите хоть кратко, где Вы, здоровы ли, когда свидимся? Я написал Вам на Белград, к<а>к Вы указали, от 5 — 6 окт. еще! — и не знал, куда мне писать после.[112] Я так и сник, когда 9 окт. (26 сент., в день моих именин) пришли друзья час<ов в> 6 веч<ера> и сообщили об убийстве Государя Александра[113]. И с той минуты — упало сердце, — такая тоска и такое тягостное чувство, будто конец — вот-вот. Не могу отделаться. И ряд смертей, не жизнь, а одно — вечная память — **всему**. К этому идет. Здешний воздух мне все невыносимей. Но **где** же — лучше? Я поехал бы к сербушкам, если бы мог там найти близкого человека. Но там у меня нет никого. Есть читатели... — только. Счастье не улыбнулось и на «соломинку» утопающих. Взял и одному другу (в презент) — нет, не улыбнулось. Попробую на след<ующий> раз, к 4 дек. продолжить[114]. С издательствами — ни-чего. Только в Голландии взяли в газету «Мэри» — заработаю... 200 — 250 fr. Писателям здесь — все горше. Счастлив И. Б<унин> — обеспечился на старость. Ну, какие же толчки для творчества? Растерялся, не знаю, **чего** душа просит, раз она **сна** просит. Устала от потерь и ударов. Нужно переполнение ей, а какое же «переполнение», когда она вся в прорезах и ранах! Чи-тать — и то сил нет. Попалась

мне пошлятина и бездарь серости, воняющая хамом соборянским — покойным С<оюзом> Р<усского> Народа, — тьфу! Можно только плюнуть и высморкнуть эту грязь и чушь — и забыть. **Только**. А никак не возмущаться. Бездарность все убивает. Да это же — выживший из ума Рамзей как<ой>-ниб<удь> или отставной шпик из портерной. Тьфу!

Отзовитесь и известите, как Вы и что̀ Вы. Стоит ли мне поехать, если доживу до весны на берега старой Адриатики. Читал диалоги Платоновы — устал. Берусь за Гомера. Посоветуйте, что мне прочесть из древних, чтобы напитало душу. Что *непременно* из философов — *не* нынешних. Укажите мне захватыв<ающее> чтение. Я — так мало знаю, и так опустошен. Вся вера рушится. Лучше Гомера — не знаю. Евангелие — *не могу, сейчас не могу. Хорошую* старую книгу. Историю как<ую>-ниб<удь>? Чтобы **унесло**. Мифы? Что?! Да, Шекспира перечитаю. Я хочу с прежними жить: Геродота? Ну, кого же?! Безыскусственное: только не **вопросы**, не о жизни и смерти... Все гадание на гуще. Все — случай. Во всем — случай и злая человеческая воля. Мир брошен (да и был ли когда **носим**?). Самое желанное, что остается у меня еще **живого** — видеть и слушать Вас: увидеть и услышать. Это, каж<ется>, неосуществимо. Едва нахожу силы вызывать из детства пустяки — при теперешнем, это — пустяки же, знаю. Но это — единств<енный> способ уйти от себя, ныне. И никому это не нужно. Но м. б. скоро както все развяжется, м. б. полетит вихрь какой-то и закрутит, и сметет, — и не буд<ешь> уже — «мыслящим тростником»!? Ибо к чему же мыслить в бессмыслице? При моем душев<ном> сост<оянии> честнее было бы написать Вам открытку, а я вот растекаюсь в ное. Простите. Ответьте, по силам. Поклонитесь от нас доброй душе Наталии Николаевне. Все мы здешние — как-то в придавленности и окостенении — по инерции двигаются, **живут**. Говорю — о пожилых. Молодежь, если не забил голод и нищета, конечно, живет-жительствует, от избытка жизненности, к<а>к молодая трава, пробивающаяся даже через асфальт и камень. И слава Богу. Ни одному русскому поколению, каж<ется>, не выпадало **такого**.

Многое **познать**, «на пиру Богов» побывать и — так, взашей быть вытолкнутым! И коленом-то наподдал какой-то ро-бот! И не услышит никак<их> доводов или проклятий, ибо — не может. И чувствуешь, как он неотвратимо продолжает выпирать, — и совестно тебе, и обидно, но... а ничего не можешь. И знаешь, что все это несправедливо, нагло, подло, бесстыдно, — и не можешь противиться. Обнимаю и сникаю.

Ваш Иван Скорбящий.

<Приписка:> Перечитал Фауста — никакого следа, — как же все это *теперь* ма-ло, наивно, даже бездарно! А Фауст — дурак — пустышка! и болтун! И Мефистофель — жалкий «Приготовишка»!

<В письме прислана фотография И. С. Шмелева, с надписью на обратной стороне:>

Милый друг, посылаю Вам с отчаяния некоего мрачного «европейца», не то Рокфеллера, проигравшего миллиарды и вписывающего о том в grosse-бух, не то отставного «Кина»[115]. Это — не я, это немочь моя. И какая-то лисица с рогами, за рукой. Снимок от 15 X сего 1934 года. Без ретуши, **сырой**. А ру-ки... будто свело ревматизмом. Гляжу: То́-ник[116], ты ли это, паршивец?! Американский дьячок какой-то из богадельни, пишущий: 61 лето с мелочью получил и растратил, в чем и распису-юсь...

17 XI 1934 Ив. Шмелев — Парижский.

224

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<12.XII.1934>*

<Открытка>

12 XII 34. Boulogne, s/S.

Ради Бога, дорогой Иван Александрович, что с Вами и где Вы? Я очень удручен, кажд<ый> день спрашиваю себя, жду и — отчаиваюсь. Я писал Вам и в Белгр<ад> от 4 — 5 окт. Затем, в десятых числ<ах> ноября, на берл<инскую> кв<артиру>. Видел лишь од<ин> очерк Ваш в газете. Душа изныла от неизвестности. Чувствую — по молчанию, — что радостного нет, но, Господи, да будет же печаль — «радости залогом»! Милый, здоровы ли Вы,

здорова ли Наталия Николаевна? Гвоздит меня дума, не поехать ли летом, если б<удем> живы в Катарро, а там — литер<атурные> чтения в Белгр<аде>? И *надо*, и душа просит воздуху. Здоровье, Сл. Богу, — нет болей, вот уже 6 мес. Стр<огий> режим. Хочу писать, бодрюсь, но оч<ень> задавл<ен> корресп<онденцией>. Все нов<ые> п<ись>ма от невед<омых> читат<елей>. Одно даже — из Австралии. «Няня» и «Лето» — новый приток изъясн<ений> в любви. Это — укрепляет. «С<овременные> З<аписки>» выдумали для «Няни» цензуру-с. Пока отбивался, но — 2 строчки пришл<ось> снять. Не в бровь, а в... ухо! Целую. Откликн<итесь>!

Ваш И. Ш.

<Приписка:> Один раз выиграл мал<ую> толику — кап-нуло (тыща, а то <*неразб*>). Два раза брал для себя и друга — 0! Взял на 1 дек. для себя и для друга — празд<ничный> подарок.

<Адрес И. С. Шмелева:> Iv. Chmélov
2, B-d de la République
Boulogne s/ Seine.
priere de faire suivre[117]

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. — I. Ilyin
Sodener Str. 36 III
Berlin — Wilmersdorf
Allemagne

225

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<17.XII.1934>***

Мой милый и дорогой друг, Иван Сергеевич!

Вот он я — в Берлине на прежней квартире. Не беспокойтесь обо мне: я жив и даже до известной степени здоров. 3 сент. уехали, 7 дек. вернулись. Очень усталые — потому что с начала окт<ября> и до самого возвращения люди нас 1) плохо содержали 2) скверно гонорировали 3) зато вовсю не щадя «использовали» — т. е. изводили нервы, силы и время на эмигрантскую болтовню. Поэтому, приехав сюда, мы сели в бест[118] и только сегодня 17-го я позвонил двум приятелям (друзей у меня здесь нет) — что я тут.

Странное чувство я вывез из этой поездки. Как будто я заглянул в бездну Тифона[119] — вероятно это всл<едствие> убийства Короля и Архиепископа (последнего я лично знал и бесконечно ценил)[120]. И еще такое чувство — будто я умер и теперь смотрю, что без меня делается — вероятно всл<едствие> того, что я извлекаю и почти извлек *волю* из хода событий — точка для приложения силы, созданная за 12 лет здесь, отпала, — а новой не появляется. И вся та политическая эмигрантщина, которую я за это время видел, это смесь из близорукой партийной копошни (выражаясь в стиле Муссолини — masturbatione politica[121]) и пр*и*зрачности. Лучшие — это тени; средние — это самопрокармливатели; худшие — интриганы и злодейские марионетки. Не весело? Что делать! Главное: все, что ныне совершается в мире, *не дело* человеческих рук. Подымай *выше* и опускай *ниже*. У кого есть *свое* *призвание* — стой за ним, делай его и тем кормись. А в остальном — по русской поговорке: баба вертит задом, вертит передом, а дело идет своим чередом.

Поэтому, дорогой друг, не пишите людям 1 000 000 писем, а творите, ради Господа, новое художество. На то Вас Господь весной исцелил. Творения строят Россию, а обыватели ее растрясают. Или пишите, каждому 2 приветственных слова... Не более. Пущай «граф» хранит автограф.

Нового места работы я пока еще не добыл. Страна маленькая. Обещания неопределенные. Однако книжку заказали. Пожалуйста, напишите мне точно, на каких литер<атурных> гонор<арных> условиях выходите Вы и г. Мережковский там же? Это мне нужно и важно знать. Может быть буду печатать что-нибудь и там, где был в мае. М. б. еще что-нибудь в научных трудах русской акад<емической> группы в Праге. Но что? И как этим прожить? Пока имею с грехом пополам перспективу до апреля. Но скудно. А дальше? Только что вышла моя книга в Швейцарии по-немецки. Сейчас послал в Возр<ождение> 2 фель<етона> речь памяти Короля и 1 фель<етон> к концерту Метнера. Теперь пишу большую худ<ожественно->критич<ескую> статью о музыке Метнера для Америки — пишу по-немецки — перево-

диться будет на англ<ийский> и франц<узский>. Впрочем же все темно. Главное — очень утомленно в душе и очень *отрешенно*. Поэтому я молчал долго. Что же с того света напишешь?

У Мавры были кое-какие лавры. Одну посылаю Вам[122]. Рисовано в 1 ч. времени, углем, в нат<уральную> величину, художником русским Хризогоновым в Белой Церкви. Нос короток, подбородок длинен, на лбу сверху шишка. А впрочем — прими, люби и помни. Вашу фотографию «читал» не без протеста — гоните его, если еще придет — не умеет он; разве *так* больших людей снимают?!

А о Кирове знайте: по-моему, «разделишася на ся» — и пусть расправляются по слову Достоевского в Карам<азовых> — насчет гадов. Лиха беда начать.

А сейчас сижу с компрессом на гландах — очередное раздражение изживаю. Температуры нет. Погода скверная. Не выхожу. Хрипота.

Дорогой мой, Ваши билетные похождения вызывают во мне самую трогательную и нежную благодарность. Вот эта-то ниточка — чтобы надежда цеплялась и была мне — психологически нужна — а Вы это постигли!

Ваше отношение ко мне меня *бесконечно* трогает — земно Вам кланяюсь. Кант говорит — если человек тебе средство — то это безнравственно. И правильно. А я может всего трех человек на свете имею, которые согласны видеть во мне *цель*.

1 сент. в Возр<ождении> был мой фельетон Путь Православия. 18 окт. был там же ответ Александра Волконского (католика)[123]. Попался ли он Вам? Если нет — прочтите! Что это значит? Просил поместить ответ 18 окт., а 18 окт. взял и внезапно умер. Как понимать?

А это не моя вина, что Возр<ождение> взяло манеру печатать меня *раз в месяц*. Я уж ругал их!

Ах да — еще Лавра у мавры! В Праге меня чествовали на еписк<опском> Подворье — чай был — Еп. Сергий речь говорил о моем фельетоне и даже incredibile auditu[124] обо мне — потом краткое молитвословие — и пели мне много ли это[125], и он мне поклонился рукой до земли — потом я говорил о православии и католицизме краткую

импровизацию — потом опять — много ли это!? — уж я в пальто, а они все «много ли это?!» — я чуть не спиной ушел из двери — очень застенчиво и деликатно-неделикатно. А статью потом перечитал (свою) и нашел, что «очень замечательная». Это такой швейцар был глупый — два отзыва имел всего-навсего обо всем — «есть отчасти» и «очень замечательно». Так статья моя по *второй* категории.

А Ваши фельетончики мы все любовно собираем и художественно выпиваем — тоже «очень замечательно».

Ваша знаменитость меня радует. Это хорошо, что пишут — есть же живые сердца! И Ваш «Катарр»альный план меня очень интересует — это большое будет впечатление — мы Там были.

Цензура Сов<ременных> Зап<исок> — психологически понятна — и конечно возмутительна.

Не грустите, дорогой, пишите что-нибудь новое и великое! Мы оба обнимаем Вас и Ольгу Александровну.

Помните, что Господь Вас хранит — и пойте ему! Ваш И.

<Приписка:> Если встретите Худо-сеича Пустомелича, наглого полячишка — то дайте ему от меня по морде — но чтобы он не заметил, что это *Вы* дали, а то будет мстить, гадюка подколодная.

1934.XII.17

<Приписка:> А я изобрел новую мухоловку. Вырежу любой фельетон Тимашева — и повешу или разложу — так мухи от скуки так и мрут, так и валятся. Ну куда же ему до Теффи! Там по крайней мере мухи улыбаются — а здесь просто дохнут — и животы беленькие!

PPS.

Пожалуйста, напишите, *на кого*, по какому адресу Вы писали мне в Белград. Я хочу *вытребовать* это письмо. Оно мне дорого. Я его не получил.

Хвороба моя была обычная — грипп после возвращения с юга и безголосие.

Ваш отзыв о «Приятии мира» драгоценен мне. Кому Вы послали его в Америку и что Вы хотите сделать с переводом?

КОММЕНТАРИИ

Автографы писем И. А. Ильина к И. С. Шмелеву хранятся в Мичиганском Архиве философа (Courtesy of Special Collections, Michigan State University Libraries, East Lansing, MI 48824-1048) кор. 57, пакет 1 (1927 — 1931), пакет 2 (1932 — 1935), пакет 3 (1936 — 1945), пакет 4 (1946 — 1947), пакет 5 (1948 — 1950). Все письма пронумерованы. Почтовые открытки находятся в пакете 5 А. Автографы писем И. С. Шмелева к И. А. Ильину хранятся там же: кор. 62, пакет 1 (1927 — 1931), пакет 2 (1932 — 1935), пакет 3 (1936 — 1945), пакет 4 (1946), пакет 5 (1947), пакет 6 (1948), пакет 7 (1949 — 1950). Все письма пронумерованы.

Коллекция была передана для публикации в настоящем Собрании сочинений профессором русской словесности Алексеем Евгеньевичем Климовым (Вассар-Колледж, США), которому мы выражаем за это самую глубокую признательность, а также за всяческое содействие настоящему изданию. Благодарим Тамару Михайловну Полторацкую, в настоящее время владелицу Архива И. А. Ильина в Мичигане, давшую нам право издать эти уникальные материалы.

В данном издании мы помещаем также четыре ильинских письма, отсутствующие в нашей коллекции, которые были обнаружены в архиве Ивестиона Андреевича Жантийома (сына Ю. А. Кутыриной, проживающего в настоящее время во Франции) сотрудниками Российского Фонда Культуры Еленой Николаевной Чавчавадзе и Еленой Анатольевной Осьмининой, которым мы признательны за это. Благодарим Российский Фонд Культуры и его президента Никиту Сергеевича Михалкова за предоставление копий этих писем Ильина.

Все тексты воспроизводятся по указанным копиям с автографов.

За содействие в работе над письмами И. А. Ильина (1927 — 1934) благодарим Наталию Михайловну Афанасьеву.

Письма И. С. Шмелева были расшифрованы Ольгой Владимировной Лисицей, ею же была проделана текстологическая подготовка, уточнение датировок и упорядочение писем. При этом нельзя было ограничиться хронологическим принципом, за определяющий был взят смысловой принцип.

Читателю необходимо учесть следующие особенности стиля писем Шмелева.

У И. С. Шмелева часто встречаются не грамматические, а ритмические и смысловые знаки препинания (особенно запятые — там, где по правилам их быть не должно). Бывает, что запятая отсутствует, а она должна бы быть по правилам. Это обусловлено явным нарушением

ритма прозы. Вообще говоря, рукописные шмелевские письма, которых в данной коллекции большинство, похожи на партитуру музыкального произведения (о чем говорил сам писатель) — так много в них особенностей, передающих певучесть (или, как замечал сам Шмелев — **напевность**) его прозы.

В своих машинописных письмах Шмелев обычно писал иноязычные слова (большей частью — латинские) русскими буквами.

Ударение проставлял в готовом письме вручную, а в машинописном тексте ставил прописную букву вместо строчной (напр., «кашА» — «каша» с ударением на втором «а»).

Характерен такой прием — написание нескольких одинаковых букв подряд, например, «умолляю»!

В тексте писем часто бывают вставки: на полях, между строк, прямо по напечатанному тексту. В нашем издании приписки на разных страницах письма различаются.

Авторские сноски обозначаются в тексте так же, как у Шмелева, — * или *). Все остальные, в том числе и перевод иноязычных слов — даны в комментариях; таким же образом — перевод иноязычных слов, написанных русскими буквами.

Приписки, сделанные над словами, вставлены в основной текст, чаще они помещались Шмелевым в круглые скобки.

Почти не выделены красные строки в рукописных письмах. Подчас о начале абзаца можно догадаться по такому формальному признаку: предыдущая строка не дописана до конца, а новое предложение начинается со следующей строчки, при этом учитывается и изменение смыслового содержания. Или начало нового абзаца отделяется тире, поставленным в той же строке. Видимо, Шмелев писал так, чтобы сэкономить бумагу. И, за крайне редким исключением, каждая страница письма дописана до конца.

После обычных знаков препинания — разделителей предложений (! ? .) — порою не ставится прописная буква.

Большое количество сокращений слов. Часто не поставлена точка в конце сокращения. Воспроизведены полностью практически все слова за небольшим исключением, каждое нерасшифрованное слово обозначается — <*неразб.*>, слова расшифрованы, так сказать, с точностью до окончания (при этом, возможно, не всегда выявлены все омонимы).

В письмах, как правило, указываются две даты — по новому и по старому стилю.

Шмелев обычно делал смысловые выделения слов в тексте письма. У нас авторской разрядке соответствует выделение слова жирным шрифтом, подчеркиванию одной чертой — выделение курсивом, подчеркивание двумя чертами — курсив с подчеркиванием, тремя чертами (что хотя и редко, но встречается) — разряженный подчеркнутый курсив, подчеркнутой разрядке — полужирный курсив. Аналогичные выделения приняты и для писем Ильина.

Обычно рядом с какой-либо важной просьбой Шмелев ставил на полях пометку «NB». Она внесена в текст в соответствующее место в скобках.

В текстах часто встречается слово «Она» (с большой буквы); в тех случаях, когда оно не относится к Божией Матери и усопшей жене писателя — Ольге Александровне, оно означает «Россия».

Сведения об опубликованных произведениях И. С. Шмелева взяты из книг:

Sorokina O. N. The Life and Art of Ivan Shmelyov. — California, 1987 (Сорокина О. Н. Жизнь и творчество Ивана Шмелева. — Калифорния, 1987);

Шаховской Д. М. Иван Сергеевич Шмелев. Библиография. — Париж, 1980.

1927

[1] «Свет Разума» (Декабрь, 1926 г. Севр). Впервые опубликован в парижской газете «Возрождение», № 584, 7 янв. 1927.

[2] Слова-мысли дьякона — главного героя рассказа «Свет Разума». См.: Шмелев И. С. Собр. соч. Т. 2. Въезд в Париж. — М., 1998. — С. 85.

[3] Имеется в виду И. А. Бунин. Иван Сергеевич Шмелев и его жена Ольга Александровна выехали из России 20 ноября 1922 г., сначала обосновались в Берлине. Официальным поводом к поездке были: необходимость поправки здоровья писателя, подорванного его пребыванием в Крыму во время большевистского террора, потерей единственного сына Сергея (1897 — январь 1921), офицера Белой армии, отказавшегося покидать Россию вместе с войсками Врангеля и расстрелянного без суда и следствия большевиками, а также сбор материала для нового произведения «Спас черный». За их возвращение поручился издатель литературно-художественного альманаха «Недра» Н. С. Ангарский. Но несмотря на это, находясь за рубежом, писатель принял решение не возвращаться в Россию. Во второй половине января 1923 г. Шмелевы приехали в Париж. Первое время они были очень дружны с И. А. Буниным и его женой Верой Николаевной. На вилле Буниных в Грассе Шмелев работал над эпопеей «Солнце Мертвых». Позднее их отношения охладились.

[4] Речь идет о полемике вокруг книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» (1925 г.). Либеральные круги русского зарубежья и коммунистическо-большевистские литераторы в Советской России выступили решительно, хотя и с разных позиций, против книги, против идей и против самого Ильина. Об этой обширной полемике см. в Приложении «Pro et contra»: т. 5 наст. Собр. соч.

[5] *Бердяев* Николай Александрович (1874 — 1948) — философ, литератор, публицист, общественный деятель. В журнале «Путь» (№ 4 за

июнь — июль 1926 г.) опубликовал резкую статью «Кошмар злого добра» против книги Ильина.

[6] *carte blanche* (*фр.*) — неограниченное полномочие.

[7] Мк., 2, 27.

[8] Любимейшая поговорка, употребляемая как Ильиным, так и Шмелевым, принадлежит персидскому писателю и мыслителю XIII века страннику Саади.

[9] Муромцева-*Бунина* Вера Николаевна (1881 — 1961) — жена И. А. Бунина.

[10] Эпопея «Солнце Мертвых» впервые опубликована: альманах «Окно». Париж, 1923.

Повесть «Неупиваемая Чаша» впервые опубликована: сборник «Отчизна». — Симферополь, 1919.

Повесть «Это было» впервые опубликована: альманах «Недра». — Москва, 1923.

[11] В феврале 1927 г. Ильин выступал с лекциями на немецком языке в «Немецком клубе» Аугсбурга «Ueber die geistigen Quellen des Bolschewismus» (О духовных источниках большевизма) и в Баварском Отечественном Союзе Мюнхена «Deutschland und Russland» (Германия и Россия).

[12] «Чужой крови» впервые опубликовано: альманах «Кольцо». — Москва, 1922.

[13] Имеется в виду рассказ «Христова Всенощная»// «Возрождение». — 1927. — № 628 (20 февр.).

[14] Шмелев все еще надеялся, что его сын Сергей все-таки чудом спасся.

[15] *Миркин-Гецевич* (псевд. Борис Мирский) Борис Сергеевич (1892—1955) — ученый-правовед, один из ведущих сотрудников «Последних новостей», где часто писал политические передовицы. Автор книги очерков «В изгнании» с предисловием Милюкова (Париж, 1922).

[16] *Милюков* Павел Николаевич (1859 — 1943) — политический деятель, историк, публицист, один из основателей партии кадетов.

[17] «Кошкин Дом» впервые опубликован в сборнике «Свет вечный. Посмертное издание рассказов 1895 — 1950». — Париж, 1968.

«Учитель» и «Спас Черный» — не написаны и остались только в замыслах писателя.

[18] Роман «Человек из ресторана» впервые опубликован: сборник «Знание». — СПб., 1911. — № 36.

[19] *specula mundi* (*лат.*) — высота мира. У Ильина, по-видимому, в первом слове орфографическая ошибка.

[20] «*Перезвоны*» — литературно-художественный иллюстрированный журнал под редакцией С. А. Белоцветова, издававшийся в Риге в 1925 — 1929 гг.

[21] Ильин И. А. О путях России//Перезвоны. — Рига, 1927. — № 32. — С. 1010 — 1013.

[22] Сведений об этой публикации И. С. Шмелева отыскать не удалось.

[23] *Струве* Петр Бернгардович (1870 — 1944) — экономист, историк, философ, литературный критик, публицист, политический деятель. Первый редактор газеты «Возрождение».

[24] *Свержевский* Людвиг Иосифович — врач, профессор Высших женских курсов. В 1917 г. проживал в Москве по адресу Воздвиженка, 11. В справочнике 1929 г. уже не числился.

[25] *кроки* (*фр.* croquis) — набросок чертежа, рисунка.

[26] «Иностранец» впервые опубликован в журнале «Русские Записки» № 4, 5 за 1938 г.

[27] «История любовная. Роман моего приятеля» впервые опубликован: «Современные Записки». — № 30 — 35; 5 — 63; 5 — 70; 19 — 84; 27 — 91; 76 — 135; 73 — 127. — 1927.

[28] *Семенов* Юлий Федорович (1873 — 1947) — журналист, редактор «Возрождения». Идеолог Русского национального объединения, бывший председатель областного комитета партии народной свободы в Тифлисе. В то время он — заместитель П. Б. Струве в газете «Возрождение».

[29] *Тэффи* Надежда Александровна (урожд. Лохвицкая, в замужестве Бучинская) (1872 — 1952) — прозаик, поэтесса, фельетонист, драматург.

[30] Известный в те годы мужской вокальный квартет Н. Кедрова.

[31] Имеется в виду письмо от 28. III 1927 г.

[32] Имеется в виду письмо Ильина от 18. III 1927 г.

[33] В первой половине мая 1927 г. Ильин выступил с рядом лекций в Чехии, в том числе в Пшибраме и в клубе у К. П. Крамаржа.

[34] *Юон* Константин Федорович (1875 — 1958) — русский и советский живописец.

[35] *Деникин* Антон Иванович (1872 — 1947) — генерал-лейтенант Генштаба, в начале первой мировой войны — генерал-квартирмейстер 8-й армии генерала Брусилова, в марте 1917 г. — помощник начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Поддержал выступление генерала Корнилова, сидел с ним в Быховской тюрьме, откуда бежал 19 ноября 1917 г. После смерти генерала Алексеева 25 сентября/8 октября 1918 года стал командующим Добровольческой армией, затем Главнокомандующим «Вооруженными силами Юга России». 22 марта 1920 г. передал командование генералу Врангелю. 23 марта/5 апреля 1920 года эмигрировал с семьей в Англию, затем перебрался в Бельгию, а в 1926 году — во Францию. Написал «Очерки Русской Смуты» в пяти томах.

[36] *Бальмонт* Константин Дмитриевич (1867 — 1942) — поэт, переводчик, эссеист. С 1920 г. в эмиграции, жил в Париже и его окрестностях, временами — на Атлантическом побережье в Капбретоне (1926 — 1928 и 1930 — 1932).

[37] *Булгаковы* — имеются в виду *Булгаков* Сергей Николаевич (1871 — 1944) — философ и богослов, экономист, публицист, общественный деятель и *Булгакова* (урожд. Токмакова) Елена Ивановна (1873 — 1945) — литератор, жена С. Н. Булгакова с 1898 г.

[38] «Въезд в Париж» впервые опубликован: «Современные Записки». — Париж, 1926. — № 27. — С. 158 — 166.

[39] *«Современные Записки»* — журнал, издававшийся в Париже в 1920 — 1940 гг.

[40] «Степное чудо. Сказки» впервые опубликованы в серии «Книга для всех». — М., 1919. Имеется в виду издание: Париж: Возрождение, 1927.

[41] *à fond perdu* (*фр.*) — безвозвратно, без отдачи.

[42] Срв.: «Не по Сеньке шапка».

[43] Имеется в виду книга «Степное чудо. Сказки» — Париж, 1927.

[44] *Villa «A l'alouette»* (*фр.*) — Вилла «Жаворонок».

[45] *au fond* (*фр.*) — в сущности.

[46] Речь идет о философии *Карсавина* Льва Платоновича (1882 — 1952) — историка-медеевиста, философа, публициста, поэта.

[47] Подразумевается творчество *Степуна* Федора Августовича (1884 — 1965) — философа и писателя, критика, теоретика театра и кино, мемуариста. О презрительном отношении к России (собственно, это подразумевает Ильин под степуновщиной) Ф. А. Степуна говорится в воспоминаниях Ильина «Встречи и беседы», № 30 — 33. См.: Собрание сочинений, дополнительный том «Письма. Мемуары. (1939 — 1954)». — М., 1999. — С. 344 — 348.

[48] *пачули* — полукустарник, из зеленой массы которого изготовляется эфирное масло; здесь: дурной запах.

[49] *София* (*греч.* σοφια — мастерство, знание, мудрость) — понятие в античной и средневековой философии, связанное с представлением о смысле и устроенности вещей. У Владимира Соловьева и его последователей П. Флоренского, Л. Карсавина, С. Булгакова и др. София стала предметом богословского исследования и представляла собой «идеальную личность мира». Часто ее отождествляли с личностью или ипостасью Иисуса Христа, а иногда приписывали «четвертую ипостась». Софиология о. Сергия Булгакова официально не считается православной и относят ее к личному опыту и богословскому мнению самого Булгакова.

[50] *Даватц* Владимир Христианович (1883 — 1944) — математик, приват-доцент Харьковского университета, известный публицист, офицер Белой армии, редактор многих газет: харьковской «Новой России», крымских «Юг России» и «Таврический Голос», в эмиграции — белградской «Новое Время», парижской «Россия и Славянство», давнишний друг И. А. Ильина. Во время второй мировой войны служил в Русском корпусе в Югославии, погиб в бою в ноябре 1944 г.

[51] *Гримм* Иван Давидович — профессор Московского университета.

[52] *Цуриков* Николай Александрович (1886 — 1957) — юрист, участник первой мировой войны, дроздовец, в 1920 г. эвакуировался в Константинополь, с 1923 г. в Чехословакии, участник Российского Зарубежного съезда, сотрудничал в правоцентристских эмигрантских изданиях.

[53] *Арсеньев* Николай Сергеевич (1888 — 1977) — богослов, культуролог, историк, писатель, приват-доцент Московского университета. В 1920 г. эмигрировал в Западную Европу, в 1948 г. — в США.

[54] *Гефдинг* Владимир Федорович (лит. псевдоним Василий Федоров) (1887 — 1959) — ученик П. Б. Струве по Политехническому институту, экономист, в эмиграции сотрудник всех изданий Струве. Автор ильинского журнала «Русский Колокол». Жил в Берлине до 1945 г., когда был арестован. В 1948 г. бежал из тюрьмы в Потсдаме и перебрался в США.

[55] Имеется в виду статья «О путях России»// Рига: Перезвоны, 1927. — № 32.

[56] *Ключевский* Василий Осипович (1841 — 1911) — русский историк.

[57] *Хомяков* Алексей Степанович (1804 — 1860) — русский религиозный философ, писатель, поэт, публицист, идейный вождь славянофилов.

[58] «На пеньках»// Современные Записки. — 1925. — № 26.

[59] *эфемерида* (*греч.*) — поденка, однодневка.

[60] *Зайцев* Борис Константинович (1881 — 1972) — прозаик, мемуарист, переводчик. С 1922 г. в эмиграции.

[61] *Алданов* (наст. фамилия Ландау) Марк Александрович (1886 — 1957) — прозаик, драматург, публицист. С 1919 г. в эмиграции.

[62] *Зайцев* Кирилл Иосифович (1887 — 1975) — критик, богослов, главный помощник П. Б. Струве по работе в редакции «Возрождения» и других газетах. По образованию юрист, преподавал на юридических факультетах в Праге и Харбине. После смерти жены принял монашество и закончил свои дни как Архимандрит Константин в Св.-Троицком монастыре в Джорданвилле (США).

[63] *Познер* Владимир Соломонович (1905 — 1992) — поэт, беллетрист, критик, публицист, киносценарист, переводчик. В 1921 г. эмигрировал во Францию.

[64] *Вишняк* Марк Вениаминович (1882 — 1975) — политический деятель, публицист, мемуарист. С 1919 г. в эмиграции.

[65] *Бережанский* (псевдоним; наст. фам. Козырев) Николай Григорьевич (1884 — 1935)— журналист с большим опытом. До революции сотрудничал в ряде петербургских изданий, в том числе в газете «Новое Время» и журнале «Нива». В Риге был одним из основателей газеты «Сегодня» в 1920 г., но уже в 1921 г. ушел из-за разногласий с

редактором Я. И. Брамсом. Затем был берлинским корреспондентом «Рижского курьера» (1921 — 1925), редактировал в Берлине ряд литературных и политических альманахов, в 1926 — 1929 гг. — рижскую газету «Слово», где часто печатался Ильин, а в 1930 — 1932 гг. — «Новый голос». После 1921 г. всегда враждебно относился к газете «Сегодня», что и высказывал в своих статьях.

[66] Шаховской Дмитрий Алексеевич (1902 — 1989) — князь, архиепископ Иоанн Сан-Францисский, поэт, писатель, критик, философ и богослов.

[67] Рассказ «Прогулка» (посвящен И. А. Бунину) впервые опубликован: Возрождение. — 1927. — № 814 (25 авг.).

[68] *Добужинский* Мстислав Валерианович (1875 — 1957) — график, иллюстратор, живописец, театральный художник. В 1924 г. покинул Россию как литовский гражданин. Проживал во Франции, Англии, США. Скончался в США, но похоронен в Париже.

[69] См.: Как нам быть. Из писем о России//Русский Колокол. — № 1. — С. 18 — 31.

[70] *Михайловский* Николай Константинович (1842 — 1904) — русский социолог, публицист, литературный критик, народник.

[71] *bonne encre* (*фр.*) — доброкачественные чернила.

[72] *Auditur et altera pars* (*лат.*) — следует выслушать и другую сторону.

[73] Имеется в виду издание: Про одну старуху. Новые рассказы о России («Про одну старуху», «Два Ивана», «Марево», «В ударном порядке», «Свечка», «Орел», «Чудесный билет», «Письмо молодого казака»). — Париж, 1927.

[74] *Гукасов* Абрам Осипович (1872 — 1969) — нефтепромышленник, меценат, владелец и издатель газеты «Возрождение». О нем см.: Ольтин (В.), Нерсесян (В.), П. К. Светлой памяти Абрама Осиповича Гукасова// Возрождение. — № 215. — Париж, 1969.

[75] *Лукаш* Иван Созонтович (1892 — 1940) — писатель, автор популярных в эмиграции произведений на исторические темы, журналист, выпускник юридического факультета Петербургского университета, участвовал в Добровольческой армии, эмигрировал в 1920 г. в Константинополь, потом — Галлиполи, Тырново, Софию, Вену, Прагу, Берлин, Ригу, Париж. В книге А. И. Серкова «История русского масонства. 1845 — 1945» указывается, что в числе посвященных в масонскую ложу «Астрея» был «берлинский масон писатель И. С. Лукаш» (с. 225).

[76] Соколов-Кречетов Сергей Алексеевич (1879 — 1936) — поэт, публицист, бывший владелец московского издательства «Гриф», директор берлинского издательства «Медный всадник», один из основателей «Братства Русской Правды» — эмигрантской организации, попавшей под надзор ГПУ. (В молодости С. А. Соколов был мартинистом, а в 1922 г. вступил в масонскую ложу «Астрея»).

[77] *Амфитеатров* Александр Валентинович (1862 — 1938) — прозаик, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик. Противник Советской власти. В 1921 г. выехал в Финляндию. Очень ценил творчество Шмелева.

[78] *fixe* (*фр.*) — точно определенная сумма вознаграждения.

[79] *Муратов* Павел Павлович (1881 — 1950) — писатель, искусствовед, переводчик. Регулярно печатался как художественный критик в «Аполлоне». В 1922 г. выехал в научную командировку за границу и не вернулся. Жил в Германии, позже в Италии.

[80] *Terra Nova* (*лат.*) — новая земля.

[81] Срв. Ин. 15, 5.

[82] Рассказ «Княгиня» (посвящен К. Бальмонту) впервые опубликован: Возрождение. — 1927. — № 831—№ 832 (11,12 сент.).

[83] *эманация* (позднелат. emanatio — истечение, исхождение, распространение, от лат. emano — вытекаю) — популярный термин античной философии, обозначающий исхождение низших областей бытия из высших, когда высшие остаются в неподвижном и неисчерпаемом состоянии, а низшие выступают в постепенно убывающем виде вплоть до нуля.

[84] Лермонтов М. Ю. «Нищий» (1830).

[85] В письме четко написано «Авдиевы», а должно бы быть — «Авгиевы». Αὐγείας — Авгий, царь Элиды, скотный двор которого очистил Геракл.

[86] Неясно, о какой статье Даватца идет речь.

[87] *pneu* (*фр.*) — письмо по пневматической почте.

[88] *épicerie* (*фр.*) — бакалея.

[89] *papeterie* (*фр.*) — писчебумажный магазин.

[90] Рассказ «Журавли» впервые опубликован: Возрождение. — 1927. — № 935 (25 дек.).

[91] *Бриллиант Дора* Владимировна (Вульфовна) (по мужу Чиркова) (1879/80 — 1907) — родилась в Харькове в купеческой семье, стала фанатичной революционеркой, известной террористкой из московской боевой организации Бориса Савинкова, с 1902 г. в партии эсеров, участница терактов на министра внутренних дел В. К. Плеве, убитого Е. С. Сазоновым, и на Великого Князя Сергея Александровича, убитого И. П. Каляевым. Во время последнего она хранила у себя динамит, готовила бомбы и передала их непосредственным исполнителям Б. В. Савинкову и И. П. Каляеву. Была арестована во время изготовления новых бомб и посажена в Петропавловскую крепость, где после долгого заключения психически заболела и умерла.

[92] Рассказ «Железный Дед» впервые опубликован: Возрождение. — 1927. — № 901 (20 нояб.).

[93] *Чебышев* Николай Николаевич (1865 — 1937) — сенатор, был близок к ген. Врангелю, соратник П. Б. Струве в газете «Возрождение», автор двухтомных воспоминаний «Близкая даль».

[94] *Ладыженский* Владимир Николаевич (1859 — 1932) — прозаик, поэт, общественный деятель. С 1919 г. в эмиграции.

[95] *Айхенвальд* Юлий Исаевич (1872 — 1928) — литературный критик, эмигрант. Обосновался в Берлине. Был ведущим критиком-публицистом газеты «Руль». Его статья против Ильина «Злое добро» появилась в рижской газете «*Сегодня*», № 196 от 3 сентября 1926 г. См. перепечатку в наст. Собр. соч., т. 5, с. 395 — 397.

[96] «За свободу!» — журнал, издававшийся в Варшаве в 1921 — 1932 гг. (в 1920 г. — под названием «Свобода»); «Сегодня» — газета, издававшаяся в Риге в 1919 — 1940 гг.; «Россия» — газета, издававшаяся в Париже в 1927 — 1928 гг.

[97] В нижеследующем письме от 22.XII.1927 Ильин вернул присланную ему газетную вырезку с надписью, сделанной рукою Шмелева: «2458 15/XII 27 четв<ерг> Посл<едние> Нов<ости>».

Статья называлась «Современные Записки». Приводим часть ее, касающуюся И. С. Шмелева:

«История Любовная» И. С. Шмелева продолжается. Она длится уже четвертую книжку, причем печатается очень большими кусками. В этой книжке, например, Шмелевым занято целых 64 страницы. Похоже на то, что редакция «Современных Записок» думает заменить отсутствующего, за окончанием «Заговора», Алданова, тройными порциями Шмелева. Вряд ли найдется у «Современных Записок» хоть один читатель, который был бы такой заменой польщен.

Шмелев, конечно, писатель «с заслугами». Нельзя не признать, что в его прежних, «довоенных» еще, произведениях, нашумевшем «Человеке из Ресторана», хотя бы, было «что-то», какая-то «свежесть» или подобие ее. В «Истории Любовной» нет ничего, кроме беспокойного, «вертлявого» языка, стремящегося стенографически записывать «жизнь», и, как всякая механическая запись — мертвого во всей своей «живости». Содержание — любовные переживания гимназиста — ничтожно. Впрочем, «отложим суждения до окончания романа», как говорят рецензенты».

[98] *Гиппиус* (псевдоним Антон Крайний) Зинаида Николаевна (1869 — 1945) — поэтесса, прозаик, литературный критик; жена Д. С. Мережковского.

[99] Понять это место и ниже можно из следующей цитаты из брошюры графа Д. А. Олсуфьева, которую читал Шмелев: «*Большевизм наш враг*; *он наш дракон*, который в своей пасти сжимает всю русскую жизнь, как в пределах России, так и за границей. И в такое-то время некоторые наши церковники-кастраты поют своими фальшивыми, елейными дискантами, что Церковь должна быть аполитичной, т. е. оставаться нейтральною по отношению к дракону, поедающему не только нас и детей наших, но и самою Церковь! А голоса из России даже призывают нас примириться с этим драконом и выдавать ему еще какие-то расписки о лояльности! Не расписки о лояльности следует

ему получать от нашего духовенства, а анафематствование на всех перекрестках.

И есть заграничные, следовательно свободные, русские газеты, которые даже приветствуют такое примиренческое направление наших церковных иерархов, уверяя публику, что таким подчинением диаволу иерархи проявляют величайший акт самопожертвования во имя спасения Церкви. Да, ведь, диавол-то, скажем мы, только и желает *такого* спасения Церкви. Он говорит Церкви: «поклонись только мне, и весь мір отдам под твою власть», ибо диавол знает, что власть такой, поклонившейся ему Церкви, будет уже не христианскою властью, а его собственною. Напомним и единственный достойный для Церкви ответ на такое диавольское искушение: «отойди от меня, Сатана! Ибо сказано: одному Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи»» (О л с у ф ь е в А. Д. Мысли Соборянина о нашей Церковной смуте (с предисловием Митрополита Антония). Памяти всех погибших в святой борьбе с большевизмом. Париж, 1927. С. 23 — 24).

100 *Горчаков* Михаил Константинович — Светлейший князь, основатель парижского издательства «Долой зло!». Главные темы изданий: «козни темных сил» и «церковные раздоры». Список издаваемых книг: Б е з р у к о в В. Из царства сатаны на свет Божий. Париж, 1927; Жертвенный убой. — Из книги Вас. Вас. Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. Париж, 1929; М а р к о в Н. Е. Война темных сил. Париж: Кн. I, 1928, Кн. II, 1930; Сионские протоколы. Париж, 1927; Т а л ь б е р г Н. Д. Святая Русь. Париж, 1929; Т а л ь б е р г Н. Д. Возбудители раскола. Париж, 1927; Г о р ч а к о в М., князь. Итоги политики митр. Сергия и Евлогия. Вып. I, 1929; Вып. II, 1930; О л с у ф ь е в Д. А. граф, член Церковного Собора 1917 — 1918. Мысли соборянина о нашей церковной смуте. Париж, 1928; Т а л ь б е р г Н. Д. Церковный раскол. Париж, 1927.

101 Имеется в виду жена Шмелева — Ольга Александровна, урожд. Охтерлони; ее отец — генерал Александр Александрович Охтерлони был героем обороны Севастополя во время Крымской кампании.

102 *Львов* Николай Николаевич (1867 — 1944) — земский деятель, крупный землевладелец. Депутат 1, 3 и 4-й Государственной Думы.

103 А. С. Пушкин «Поэту» («Поэт! Не дорожи любовию народной...») (1830).

104 Известно, что Ильин принадлежал к Русской Православной Церкви Заграницей и отрицательно относился к Митрополиту Евлогию и к провозглашаемой им «аполитичности» и «невмешательству церкви в политическую жизнь». Суть евлогианской позиции изложил сам Митрополит в своем письме к Митрополиту Сергию (Страгородскому) от 30 авг. 1927 г., в котором он объяснял, что его заботою являлось: «сосредоточение церковно-общественной деятельности *исключительно* на религиозно-нравственном воспитании паствы, с

невмешательством Церкви в политическую жизнь, причем это последнее достигнуто мною путем долгой и тяжелой борьбы и ценой тяжких страданий».

Эту позицию Митрополита Евлогия поддержали левые и либеральные круги русской эмиграции, в частности «Братство св. Софии» во главе с А. В. Карташевым и прот. Сергием Булгаковым, философы Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Б. П. Вышеславцев и другие сотрудники «Богословского Института» в Париже.

[105] *Антоний* (Храповицкий Алексей Павлович) (1863—1963) — Митрополит Киевский и Галицкий, ректор Московской духовной академии, избранный первым (из трех) кандидатом в патриархи на Всероссийском Церковном Соборе в Москве осенью 1917 г., глава Русской Православной Церкви Заграницей.

[106] Иерархи, участники Церковного Собора 1921 г. в Сремских Карловцах, — столь же сознательно, как и ранее в Крыму, — не исполнили распоряжение Патриарха Тихона от 25 сентября 1919 г., *запрещавшего духовенству борьбу с большевиками.* И именно в целях усиления этой борьбы с сатанистами Собором постановлено было «1) призвать Зарубежье к молитвам о восстановлении в России Монархии с Домом Романовых во главе; 2) приветствовать *противобольшевическое воинство — Русскую Армию* и 3) обратиться с посланием к *мировой конференции*, прося не общаться с большевиками и, напротив, *помочь Белой армии* свергнуть большевиков».

Это постановление Собора было выполнено председателем его, Митрополитом Антонием, отправившим должное послание на Генуэзскую конференцию, проходившую весной 1922 года.

1928

[1] Слова из рождественского тропаря: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови Свет Разума» (Минея, месяц декабрь, 25 день).

[2] См.: «Возрождение» № 933 от 22 дек. 1927 г.

[3] *Ходасевич* Владислав Фелицианович (1886 — 1936) — поэт, прозаик, критик, мемуарист. С 1922 г. в эмиграции. Возглавлял литературный отдел газеты «Возрождение» с 1927 по 1939 г.

[4] *Маковский* Сергей Константинович (1877—1962) — поэт, искусствовед, литературный критик, издатель. С 1920 г. в эмиграции.

[5] *каблограмма* (*фр.* câblogramma) — телеграмма, переданная по подводному кабелю.

[6] *Франс* Жозеф Ирвин (1873 — 1939) — по образованию врач, но вскоре ушел полностью в политическую деятельность, сначала на уровне своего родного штата (Мэриленд), затем был выбран сенатором от этого штата (1917 — 1923). Занимал крайне консервативные пози-

ции (был против входа США в Лигу Наций), но одновременно ратовал за увеличение торговых связей с Советским Союзом, был в Советской России в 1921 г. для ознакомления с положением дел. Его первая жена скончалась в 1927 г., и он в том же году женился в Париже на молоденькой русской эмигрантке Татьяне Владимировне Дехтеревой (1906 — 1944). Они развелись в 1938 г. за год до его смерти, но она через суд сумела добиться статуса вдовы и тем самым доступа к его значительному капиталу.

[7] Видимо, имеется в виду рассказ «Наше Рождество»// Возрождение. — 1928. — № 949. — 7 янв..

[8] Речь идет об отзыве Шмелева «Русский Колокол»// Возрождение. — № 933. — 22 дек. 1927.

[9] *Шульгин* Василий Васильевич (1878 — 1937) — русский монархист, член Государственной Думы, политический деятель правой русской эмиграции, сотрудник газеты «Возрождение».

[10] *РДО* — Республиканско-Демократическое Объединение было создано в 1924 г. Милюковым. Представляло собой леволиберальное движение, считавшее, что большевики неизбежно эволюционируют, и выступало против излишнего антикоммунизма эмигрантской среды, по его мнению, мешавшего этому процессу. РДО выпускало журнал «Свободная Россия».

[11] *Марков* Александр Прокофьевич — автор книги об экономическом положении в Советской России, секретарь экономического отделения Русского научного института.

[12] *Мельгунов* Сергей Петрович (1879 — 1956) — историк, публицист, редактор и издатель, политический деятель. Автор многочисленных известных книг по истории большевистской революции. В 1922 г. выслан из Советской России и, как Ильин, лишен российского гражданства.

[13] *Тимашев* Николай Сергеевич (1886 — 1970) — социолог, правовед и историк общественной мысли. В августе 1921 г. в связи с угрозой ареста по делу Петроградской боевой организации («заговор Таганцева») вынужден был бежать с женой и младшим братом в Финляндию. Проживал в Германии, в Праге, с 1928 г. в Париже, где работал в газете «Возрождение» и вел «русский отдел», публикуя там заметки по вопросам внутренней политики СССР. С 1932 г. в США.

[14] *Гессен* Иосиф Владимирович (1865/1866 — 1943) — юрист, один из основателей кадетской партии, член ее ЦК, депутат II Государственной Думы, журналист, главный редактор берлинской газеты «Руль».

[15] *«Руль»* (1920 — 1931) — берлинская ежедневная газета, основанная И. В. Гессеном, И. А. Каминкой и В. Д. Набоковым.

[16] *«Россия»* — парижская еженедельная газета (28 августа 1927 — 26 мая 1928), «орган национальной и освободительной борьбы», редактируемая Петром Струве, который создал ее вместе с частью ушедших с ним из «Возрождения» сотрудников.

[17] *РЦО —* Российское Центральное Объединение — одна из группировок под председательством А. О. Гукасова, возникшая после Русского Зарубежного Съезда, проходившего в 1926 г. и переименованного в 1937 г. в Российское национальное объединение.

[18] *Братство Русской Правды* — боевая антибольшевистская организация, основанная в 1921 г. герцогом Г. Н. Лейхтенбергским, публицистом С. А. Соколовым-Кречетовым и генералом П. Н. Красновым. Действовала подпольно, состояла из автономных боевых групп, которые вели партизанскую борьбу на территории Советской России. Руководители (Великий Круг) этой организации обратились к Ильину быть независимым арбитром в связи с тем, что в эмигрантской печати появились статьи, в которых говорилось о проникновении большевистской агентуры в их ряды.

[19] *Врангель* Петр Николаевич (1878 — 1928) — барон, генерал-лейтенант (1918), один из главных руководителей Белого движения. 25 августа 1918 г. вступил в Добровольческую армию, в 1920 г. Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России, преобразовал их в Русскую Армию. В ноябре 1920 г. эвакуировал Русскую Армию в Галлиполи и на остров Лемнос. В 1922 г. переехал в Сремски Карловцы (Королевство сербов, хорватов и словенцев), 1 сентября 1924 г. создал Русский Обще-Воинский Союз, Верховное командование которым ради консолидации сил отдал Вел. Кн. Николаю Николаевичу, оставаясь Главнокомандующим и председателем РОВС.

[20] *Жантийом* Ивестион (род. 1920) — сын Юлии Александровны Кутыриной, племянницы жены Шмелева Ольги Александровны, по профессии математик, окончил Сорбонну. Его крестным отцом был И. С. Шмелев, а крестной матерью жена А. В. Карташева Павла Полуэктовна. Воспитывался главным образом Иваном Сергеевичем и Ольгой Александровной, которые окружили его своей огромной любовью как родного сына. В настоящее время Ивестион Андреевич живет в городе Безансон во Франции.

[21] *Епиходов* — персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад».

[22] Имеются в виду рассказы «Журавли» и «Железный Дед».

[23] Речь идет о статье И. С. Шмелева «Анри Барбюс и российская корона», которая была опубликована 21 янв. 1928 г. в газете «Возрождение» (№ 963).

[24] См.: «Наша масленица» (с посвящением А. И. Куприну)// Возрождение. — 1928. — № 999. — 26 февр. Позднее включена в «Лето Господне».

[25] *ни пиля* — идиоматическое выражение, происходящее от латинского слова pilus — волос. Встречается в таких выражения, как «ни на волос не меньше», «ни во что не ставить». Здесь: ни одного слова.

[26] *Князь Николай Николаевич* Романов (1856 — 1926) — Верховный Главнокомандующий в 1914 — 1915 гг. С 1922 г. поселился на юге Франции в Антибе. В описываемое время проживал в Шуаньи, под

Парижем. С декабря 1924 г. принял на себя верховное руководство русскими военными зарубежными организациями, объединившимися в Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) под председательством генерала П. Н. Врангеля. Был признан «вождем эмиграции» на Всезарубежном съезде в 1926 г.

[27] *Духонина* Наталия Владимировна — не установлена. См. письмо Н. Н. Ильиной к ней в 2-м томе писем: И л ь и н И. А. Собрание сочинений. Письма. Мемуары (1939 — 1954). — М., 1999.

[28] *Урекать* — укорять, корить, поминать лихом.

[29] *«Борьба за Россию»* — журнал, издававшийся в Париже в 1926 — 1931 гг., редактируемый С. П. Мельгуновым.

[30] Имеется в виду издание «Свет Разума. Новые рассказы о России». — Paris, 1928. Туда вошли: «Голос зари», «Свет разума», «Новый год», «Гунны», «Прогулка», «Блаженные», «Сила», «Железный Дед», «Музыкальное утро», «Весенний плеск». См. письмо И. С. Шмелева И. А. Ильину от 10.IX.1927.

[31] В начале 1928 г. в советской России на экраны вышел фильм «Человек из ресторана» (режиссер Я. Протазанов), в котором сюжет романа был полностью искажен. 28 января 1928 г. И. С. Шмелев выразил свой протест по этому поводу, разослав его во все эмигрантские газеты.

[32] На письме имеется предположительная дата, поставленная позже рукою Ильина: «лето 1928 (?)». Имеется пометка Н. П. Полторацкого: <Может быть, письмо — 1929 года? В письмах И. С. Шмелева за 1928 г. отклика на это письмо обнаружить пока не удалось. 23.8.81 — *Н. П.*>.

Но, судя по всему, именно на него отвечает И. С. Шмелев своим письмом от 16.III.1928.

[33] Видимо, речь идет о книге рассказов «Свет Разума. Новые рассказы о России» («Голос зари», «Свет Разума», «Новый год», «Гунны», «Прогулка», «Блаженные», «Сила», «Железный Дед», «Музыкальное утро», «Весенний плеск»). — Париж, 1928.

[34] Подразумевается статья Н. Н. Ильиной «Арион Пушкина», помещенная в журнале «Русский Колокол», № 3, Берлин, 1928.

[35] Имеется в виду преп. Серафим Саровский.

[36] Рассказ «Наша Пасха» впервые опубликован: Возрождение. — 1928. — № 1048 (15 апр.).

[37] Имеется в виду статья И. А. Ильина «Будущее русского крестьянства» в № 3 «Русского Колокола» за 1928 г.

[38] *Серов* Сергей Михеевич (1884 — 1960) — опытный доктор, не имевший своей лицензии как не сдавший квалификационный экзамен и поэтому работавший под патронажем французских врачей. Постоянно лечил И. С. Шмелева и его жену.

[39] *Алексинский* Иван Павлович (1871 — 1945) — хирург. В 1919 г. примкнул к Белому движению, работал в военных госпиталях. С

1920 г. в эмиграции. Близко сотрудничал с Врангелем, принимал участие в создании эмигрантских политических организаций, возглавлял в Париже Общество русских врачей им. Мечникова, оказывал медицинскую помощь русским эмигрантам, часто безвозмездно.

[40] Речь идет о семье генерала Кутепова. *Кутепов* Александр Павлович (1882 — 1930) — генерал от инфантерии, 24 декабря 1917 г. вступил в Добровольческую армию. В 1921 г. эвакуировался с частями сначала в Галлиполи, затем в Болгарию. В 1922 г. назначен заместителем Главнокомандующего Русской армией. В марте 1924 г. освобожден от этой должности в связи с переездом в Париж и переходом в распоряжение великого князя Николая Николаевича. В Париже организовал и возглавил тайную работу на Россию (которая была под надзором ГПУ, о чем идет речь в письме). 29 апреля 1928 г., после смерти П. Н. Врангеля, возглавил РОВС. 26 января 1930 г. был похищен агентами советской разведки и, по версии московской еженедельной газеты «Неделя» (№ 49 за 1989 г.), скончался «от сердечного приступа» на советском корабле по пути в Новороссийск.

[41] Мать И. С. Шмелева — Евлампия Гавриловна, урожд. Савинова. У Ивана Сергеевича было три сестры (София, Мария и Екатерина) и два старших брата — Николай и Сергей (умерший в младенчестве). Имеется в виду Николай Сергеевич Шмелев.

[42] *Герасимов* Осип Петрович (1862 — 1920) — русский писатель. Проходил по делу «Тактического центра» в 1920 г. Входил в «Национальный Центр». Умер в ЧК во время следствия.

[43] *Зернов* Михаил Степанович (1857 — 1938) — выдающийся врач-терапевт, общественный деятель. Около 20 лет состоял гласным Московской городской думы. С 1921 г. — в эмиграции. Был одним из самых известных русских врачей в Югославии. С 1927 г. жил в Париже. Много внимания уделял благотворительной и общественной деятельности.

[44] *Villa «Riant Sejour»* (*фр.*) — вилла «Приятное жилище».

[45] Возрождение. — 1928. — № 1223 (7 окт.).

[46] Возрождение. — 1928. — № 1177 (22 авг.).

[47] *Барбюс* Анри (1873 — 1935) — французский писатель и общественный деятель.

[48] Возрождение. — 1928. — № 963. — 21 янв..

[49] См.: Возрождение. — 1928. — № 1177. — 22 авг.

[50] *Рощин* Николай Яковлевич (1896 — 1956) — прозаик, журналист. В эмиграции с 1919 г. В декабре 1946 г. вместе с 360 реэмигрантами возвратился в СССР.

[51] Имеется в виду статья И. С. Лукаша «Мережковский: По поводу его книги «Наполеон», напечатанная в «Возрождениии» 28 марта 1929 г.

[52] *мрс.* (*англ.* Mrs.) — миссис.

[53] Рассказ «Росстани» был впервые издан «Книгоиздательством писателей в Москве», 1913.

Росстань — перекресток двух дорог.

[54] *Набоков* Владимир Дмитриевич (1869 — 1922) — юрист, публицист, один из лидеров партии кадетов, управляющий делами Временного правительства, погиб в 1922 г. в Берлине от пули русского монархиста.

[55] Упоминается Маковский С. К.

[56] Журнал, издававшийся в России до революции.

[57] Имеется в виду Муратов П. П.

[58] Имеется в виду Зайцев Б. К.

[59] Имеется в виду Ходасевич В. Ф.

[60] Имеется в виду строфа стихотворения В. Брюсова «Творчество» (1895): «Фиолетовые руки//На эмалевой стене//Полусонно чертят звуки//В звонкозвучной тишине».

[61] *Зеелер* Владимир Феофилович (1874 — 1954) — юрист, политический деятель, генеральный секретарь Союза русских писателей в Париже, издатель газеты «Русская мысль».

[62] *Струве* Михаил Александрович — публицист, сотрудничал в журналах «Воля России», «Молодая Россия», «Современные записки» и др.

[63] *О. Георгий Спасский* (? — 1934) — был до революции священником Черноморского флота. После Крымской эвакуации флота в Бизерту стал там духовным водителем эмиграции. После ликвидации русского флота в Бизерте по требованию французских властей переехал в Париж. Митрополит Евлогий, приблизивший его к себе, вспоминает о нем: «Одаренный человек, прекрасный оратор, литературно образованный, довольно светский (любитель театра), он являл тип священника нового склада» (см.: Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С. 380). Умер 16 января 1934 г. от разрыва сердца во время чтения своей лекции «О догмате».

[64] *Евлогий* (Георгиевский) (1868 — 1948) — митрополит, в зарубежье окормлял многие приходы, не входившие в Русскую Православную Церковь Заграницей, создатель парижского Богословского института. Автор воспоминаний «Путь моей жизни».

[65] Речь идет о воспоминаниях генерала Врангеля, опубликованных после его смерти в двух последних книгах (5 и 6) «Белое Дело: летопись Белой борьбы». Берлин, 1928.

[66] Упоминается издание: «Мэри» («Мэри», «Мой Марс», «Последний выстрел»). — Париж, 1928.

[67] Имеются в виду Мережковский Д. С. и Гиппиус З. Н.

[68] *Вейдле* Владимир Васильевич (1895 — 1979) — критик, историк искусства, публицист. С 1924 г. в эмиграции. С 1925 по 1952 г. преподаватель и профессор христианского искусства в парижском Богословском институте.

[69] Имеется в виду Съезд русских писателей, проходивший в Белграде в сентябре 1928 г.

[70] *ex Oriente lux* (*лат.*) — с Востока (идёт) Свет.

[71] Роман Шмелева «Солдаты» остался неоконченным.

[72] Возрождение. — 1928. — № 1265. — 18 нояб.

[73] Заметка, подписанная псевдонимом Аэль, опубликована в газете «Возрождение» № 1252 от 5 ноября 1928 г.

[74] *der Herr Professor wird durch ganz Deutschland gefeiert* (*нем.*) — господин профессор станет знаменитым во всей Германии.

[75] Зачем облек меня Ты в мощные доспехи,
Когда народ не требует меня.
(Перевод с немецкого З. Г. Антипенко).

[76] Имеются в виду редакторы газеты П. Б. Струве и К. И. Зайцев (позже архимандрит Константин).

[77] *Сикорский* Игорь Иванович (1889 — 1972) — русский конструктор и ученый в области вертолето- и самолетостроения. Работал в США.

[78] *Адамович* Борис Викторович (1870 — 1936) — генерал-лейтенант. С 1919 г. в Добровольческой армии, командовал «сводным кадетским корпусом», который в 1920 г. эвакуировался в Сараево. Позже его корпус слился с Крымским кадетским корпусом и получил название «Русский кадетский корпус в Королевстве СХС».

[79] *rossignol* (*фр.*) — соловей.

[80] *менажка* — ж. род от сл. *мень* — рыба-калека, здесь: что-то мелкое, ненужное, либо от menu (*фр.*) — в значении мелочь, незначительное.

[81] *pia desiderata* (*лат.*) — благие пожелания.

[82] *Ксюнин* Алексей Иванович (1882 — 1938) — председатель Союза русских писателей и журналистов в Югославии, сотрудник газеты «Новое Время».

[83] *revue* (*фр.*) — ревю.

[84] *Plon* — парижский издатель.

[85] *L'Ami du Peuple* (*фр.*) — Друг народа.

[86] *centime* (*фр.*) — сантим, 1/100 франка.

[87] Письмо датировано по упоминаемой в нем статье И. С. Шмелева.

[88] Имеется в виду статья И. С. Шмелева «Жестокая утрата. Светлой памяти Юрия Исаевича Айхенвальда»// Возрождение. — 1928. — № 1300. — 23 дек.

[89] Речь идет о статье Н. Бердяева «Кошмар злого добра»// Путь. — Париж, 1926. — № 4.

[90] Упоминаются труды Русского научного института в Берлине.

1929

[1] Статья Ильина «О приятии мира» была опубликована в «Русском Колоколе» № 6 (Берлин, 1928) и посвящена «Его Высокопреосвященству Архиепископу Анастасию Иерусалимскому».

[2] Этот эпиграф (отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «Французских рифмачей суровый судия...» (1833) имела не указанная статья, а статья «Кризис современного искусства» (См.: Русский Колокол. 1927. № 2).

[3] *Шкапская* Мария Михайловна (1891 — 1952) — поэтесса, высоко ценившаяся Максимом Горьким и о. Павлом Флоренским. О ее трудной жизни в Советской России и творческой деятельности см.: Ф и л и п п о в Б. О замолчанной. Несколько слов о поэзии Марии Шкапской//Вестник РСХД. 1971. №100. С. 237 — 280.

[4] *Гумилев* Николай Степанович (1886 — 1921) — русский поэт, глава акмеизма. Был арестован по доносу провокатора и расстрелян большевиками как участник контрреволюционного заговора.

[5] *Чириков* Евгений Николаевич (1864 — 1932) — прозаик, драматург, публицист. В 1920 г. эвакуировался из Крыма при отступлении Белой армии в Константинополь. Потом переехал в Болгарию, а затем в Прагу.

[6] См.: «Возрождение», № 963 от 21 января 1928 г.

[7] *Яблоновский* Александр Александрович (1870 — 1934) — прозаик, фельетонист, публицист. В эмиграции с 1920 г. Один из ведущих сотрудников «Возрождения» с 1925 г. по 1934 г. Создал цикл памфлетов о советских правящих деятелях — Ленине, Троцком, Дзержинском, Калинине, Красине, Литвинове, а также о видных советских писателях; выступал с осуждением французских писателей А. Барбюса, А. Франса, приветствовавших советскую власть.

[8] *Mont-Blanc* (*фр.*) — Монблан. Вершина в Западных Альпах, самая высокая (4807 м) в Западной Европе.

[9] В то время Ходасевич совместно с Берберовой писал обзоры советской литературы под псевдонимом «Гулливер».

[10] *Анастасий Иерусалимский* (Грибановский Александр Александрович) (1873 — 1965) — митрополит Русской Зарубежной Церкви, возглавлял ее с 1936 г.

[11] Т. е. статью «О приятии мира».

[12] «Тому, кто непосредственно не испытал на себе тяжких времен и лихих годин, довольно трудно, а точнее — почти невозможно, представить их себе как данность. Воображение тут бессильно. Мало на что способна и отвлеченная мысль. Тому же, кто намерен получить представление о конкретном процессе революции, о большевистском господстве и экспроприации, я бы очень рекомендовал внимательнее прочитать поразительную по своей выразительности книгу одного гениального русского художника. Она переведена на добротный немецкий язык и всякому будет доступна; это человеческий, скорее даже общечеловеческий, документ высочайшего класса. Я имею в виду книгу Ивана Шмелева «Солнце Мертвых».

Пройдут века, но этот труд своего значения не утратит. Все описанное в нем пережито автором непосредственно, глубоко прочувство-

вано, до конца продумано; это в своем роде единственная вещь, в которой с потрясающей силой выражен чудовищный дух безбожного разрушения, разрушительного безбожия. А о том, что в результате получилось из него и что, возможно, еще только предстоит западноевропейскому обществу, вы узнаете сами от этого великого пророка и мыслителя: он и вразумляет, он и предостерегает».

(*Перевод З. Г. Антипенко*).

[13] Автограф хранится в частном архиве Ивестиона Жантийома (Безансон, Франция). Копия письма любезно предоставлена для публикации Российским Фондом Культуры (президент Н. С. Михалков).

[14] Достоевский Ф. М. Бесы. Часть вторая. Глава вторая «Ночь (продолжение)» (II).

[15] *Зуров* Леонид Федорович (1902 — 1971) — прозаик. Доброволец, служил в армии ген. Юденича. С 1920 г. в эмиграции. Осн. произведения — сборники рассказов «Кадет», «Древний путь», «Зимний дворец», «Марьянка».

[16] Видимо, газета «Новое Слово».

[17] В августе, сентябре и особенно в октябре, декабре 1928 г. и в январе, феврале 1929 г. Ильин многократно выступал (42 выступления, на которых иногда присутствовало до 5000 слушателей) с лекцией «Die Enteignung in Russland» (экспроприация в России) перед членами Союза немецких домовладельцев и земельных собственников в многочисленных городах Германии — Гёрлиц, Инсбрук, Гера, Берлин, Гамбург, Алтона, Гамбург-Вандсбек, Гамбург-Ралштадт, Киль, Бремен, Хилдесхайм, Торгау, Нюрнберг, Циттау, Хиршберг, Беутен, Дрезден, Штеттин, Эрфурт, Магдебург, Бранденбург, Лейпциг, Эрбельфельд, Крефельд, Дюссельдорф, Кобленц, Кёльн, Дуисбург, Карлсруэ, Халле, Потсдам, Кёнигсберг, Неутерсдорф, Виттенберг, Любек, Дессау, Дортмунд. Его труд «Коммунизм или частная собственность. Постановка проблемы», как итог этих выступлений, была опубликована на немецком языке в 1929 г. Русский перевод этой работы впервые опубликован в т. 7 наст. Собр. соч. (М., 1998).

[18] Не установлена.

[19] Речь идет о том, что И. С. Шмелев собирается отправить выдержку из лекции, присланную И. А. Ильиным в письме от 6.I.1929 г., переводчице книги «Солнце Мертвых», вышедшей в Берлине в 1925 г., К. Розенберг и издателю этой книги С. Фишеру.

[20] *«Русский Инвалид»* — ежемесячная военно-научная и литературная газета. Главный редактор — Н. Н. Баратов до 1932 г., после — М. Н. Кальницкий. Выходила в Париже в 1929 — 1940 гг.

[21] *Баратов* Николай Николаевич (1865 — 1932) — генерал от кавалерии. С 1918 г. в Белой армии. В 1919 г. тяжело ранен (ампутирована нога) во время покушения на него. В эмиграции с 1920 г. занимался по поручению генерала Врангеля помощью военным инвалидам. С 1930 г. — председатель Зарубежного союза военных инвалидов и глав-

ный редактор ежемесячной военно-научной и литературной газеты «Русский инвалид».

22 *Левитский* Валерий Михайлович — близкий к РОВСу журналист, работал в Париже, выступал с лекциями о «Международном положении и событиях в СССР». Автор многочисленных брошюр: «О любви к отечеству» (Константинополь, 1921); «Коммунистическая пропаганда и борьба с ней» (Париж, 1931); «Красная власть и белая» (Париж, 1935); «Планы разложения эмиграции» (Париж, 1936) и др.

23 Статья Ильина «Дар повиновения», о которой идет речь, была опубликована в «Русском Инвалиде», № 31, Париж, 1929.

24 Ильин И. А. Музыка Метнера// Русский Колокол. — № 7. — Берлин, 1929.

25 Дается указание перейти сразу к 4-й странице письма.

26 Речь идет о газете «Руль».

27 Возрождение. — 1929. — № 1384. — 17 марта.

28 Возрождение. — 1929. — № 1414. — 16 апр.

29 Дается указание перейти к 6-й странице письма, написанной на обороте 3-й страницы.

30 Имеется в виду книга *Познера* Владимира Соломоновича, сына историка российского еврейства Соломона Владимировича *Познера*, «Panorama de la littèrature russe contemporane» («Панорама современной русской литературы»), 1929 г., включившая главы о русских литераторах от И. Анненского до пролетарских писателей.

Posener'a — fils (petit. Pose-nère) (*фр.*) — Познера-сына (маленького позе-нёра).

31 Как ноль.

32 *Попов* Константин Сергеевич (1893 — 1962) — капитан. Герой войны 1914 — 1917 гг., награжден орденом Св. Георгия и Георгиевским оружием. Был тяжело ранен (потерял кисть руки). В июле 1917 г. под командованием генерала Корнилова, с декабря 1918 г. — в Добровольческой армии на Кавказе под началом генерала Врангеля, в 1919 г. тяжело ранен в ногу и чудом спасся. В 1920 г. был эвакуирован на Кипр. С 1931 г. секретарь газеты «Русский Инвалид». Литературно одаренный, автор многочисленных статей и нескольких книг, которые были заметны в эмиграции. Среди них: «Воспоминания кавказского гренадера. 1914 — 1920» (Белград, 1925) и очерки «Гг. Офицеры» (Париж, 1929). В 1931 г. в издательстве «Возрождение» вышла его двухтомная история Лейб-Эриванского полка под названием «Храм Славы». После второй мировой войны К. С. Попов продал свою небольшую ферму с огородом и все вырученные деньги вложил в издание своей последней книги: «Лейб-эриванцы в Великой войне».

33 Шмелев И. С. Г. г. Офицеры. Очерки К. Попова// Возрождение. — 1929. — № 28 (8 июня).

34 Имеется в виду Берберова Н. Н.

[35] *«Последние новости»* — милюковская газета, издававшаяся в Париже в 1920 — 1940 гг.

[36] Шмелев И. С. К родной молодежи. Славные русские девушки// Русский Колокол. — № 6. Берлин, 1928.

[37] Речь идет об операции «Трест», проведенной ОГПУ против эмигрантских русских сил.

[38] *Неандер* Борис Николаевич (? — после 1954) — председатель Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), выступал на Российском Зарубежном съезде от имени группы национальной молодежи.

[39] *Пурим* (*евр.* — жребий) — название праздника иудейского 14 или 15 февраля, установленного в память избавления иудеев от Амана — первого князя при персидском царе Артаксерксе, задумавшего истребить живущих в царстве иудеев. Еврейка Есфирь, жена царя, добилась от него не только казни Амана, но и права иудеев защищать себя от врагов. Воспользовавшись этой милостью, иудеи не только получили защиту, но и возможность убить от 70 до 80 тысяч своих врагов. (Библейская энциклопедия. М., 1891. С.39).

[40] У Шмелева явная описка. На самом деле «Vössische Zeitung» — известная немецкая газета.

[41] *Волошин* Глеб Федорович — главный редактор (1928 — 1934) еженедельной газеты «Слово». Также редактировал «Голос Труда» (София) — еженедельную общеполитическую газету, орган РОВСа в Болгарии.

[42] Речь идет о книге: Булгаков С. Н. Лествица Иаковля. — Париж, 1929.

[43] *Дон-Аминадо* Аминад Петрович (наст. имя и фамилия: Аминодав Пейсахович Шполянский) (1888 — 1957) — прозаик, поэт и сатирик. С 1920 г. в эмиграции. Поселился в Париже. Стал крупнейшим в эмиграции сатириком.

[44] Возрождение. — 1929. — № 1421. — 23 апр.

[45] Возрождение. — 1929. — № 1433. — 5 мая.

[46] На этой странице сверху зачеркнуто начало другого письма к И. А. Ильину.

[47] *levures vitae. Bene!* (*лат.*) — на пропитание есть. Хорошо.

[48] *Рысс* Яков Петрович (1870 — 1948) — правый кадет, редактор, публицист, входил в группу «Борьба за Россию».

[49] *ein Riss in der Zeitung* (*нем.*) — рвань в газете (обыгрывается Рысс и Riss).

[50] Имеется в виду вилла «Жаворонок», на которой Шмелевы отдыхали в 1929 г.

[51] Напомним, что Шмелев в эти годы зимой жил в Севре — городе, являющемся центром производства французского севрского фарфора, которое было основано в 1756 г.

[52] Шутливый намек на адрес проживания И. А. Ильина — Страсбург, с пушкинских времен известный своими пирогами.

[53] *Бенедиктов* Владимир Григорьевич (1807 — 1973) — русский поэт.

[54] *Цветаева* Марина Ивановна (1892 — 1941) — русская поэтесса.

[55] *Иванов* Вячеслав Иванович (1866 — 1949) — поэт, мыслитель, филолог, переводчик. С 1924 г. в эмиграции.

[56] *Северянин* Игорь (наст. фам. Лотарев Игорь Васильевич (1887 — 1941) — поэт, переводчик. В 1921 г. после отделения Эстонии от России принял эстонское гражданство.

[57] *Ахматова* (наст. фам. Горенко) Анна Андреевна (1889 — 1966) — русская и советская поэтесса.

[58] А. К. Толстой «Исполать тебе, жизнь — баба старая...» (<1859>).

[59] *Сноуден* Филипп (1864 — 1937) — министр финансов Великобритании в 1-м (1924) и 2-м (1929 — 1931) лейбористских правительствах.

[60] Имеются в виду Н. К. Кульман и А. И. Деникин.

[61] На Российском Зарубежном съезде в марте 1926 г. Ильин выступил с докладом, в котором, в частности, подверг критике всякую партийность, столь присущую тогдашней русской эмиграции.

[62] *Кульман* Николай Карлович (1871 — 1940) — профессор, историк литературы, окончил историко-филологический университет в Петербурге по кафедре русского языка и словесности. Эмигрировал вместе с Добровольческой армией, поселился в Париже, где читал лекции по истории русского языка. Его жена — Кульман Наталья Ивановна; его сын, ставший впоследствии епископом Мефодием, был духовником И. С. Шмелева.

[63] Имеется в виду разрушение часовни Иверской Божией Матери в Москве.

[64] Речь идет о первой книге мемуаров А. Белого «На рубеже двух столетий», которую он начал писать в начале февраля 1929 г. и закончил 11 апреля 1929 г. По всей видимости, в «Руле» были напечатаны фрагменты из нее: «Апостолы гуманности», которые публиковались в России в журнале «Красная новь» в № 7 за 1929 год.

[65] *Головин* Николай Николаевич (1875 — 1944) — генерал, участник первой мировой войны, профессор военного дела, бывший академик Генерального Штаба в Санкт-Петербурге, участник Белого Движения. По поручению Вел. Кн. Николая Николаевича организовал и был руководителем «Высших военных курсов» в Париже и Белграде. Общепризнанный теоретик военной мысли, автор двух капитальных трудов: «Военные усилия России в Мировой войне» и «Российская контрреволюция в 1917 — 1918 гг.». Во время второй мировой войны жил в Париже, сотрудничал с ген. Власовым.

[66] *prince de Bourbon* (*фр.*) — принц Бурбонский.

[67] *à livre ouvert* (*фр.*) — без подготовки.

[68] *propudenda* (*лат.*) — бесстыдства.

[69] *o vil flatteur* (*фр.*) — о, презренный льстец.

[70] Такая дата стоит в письме. Очевидно, это ошибка. И. С. Шмелев отвечает на письмо Ильина от 23.VIII. Если он писал его 28 авг. по нов. ст., то должно было бы быть: 28 авг./15 авг. 1929 г. Если же писал 1 сентября по нов. ст., то должно было бы быть: 19 авг./1 сент. 28 и 1 числа не могут считаться указанными по ст. ст., т. к. в данном письме упоминается день ангела Наталии Николаевны — 26 авг. по ст. стилю — 8 сент. по нов. стилю. И. С. Шмелев поздравляет с этим днем заранее. Значит, письмо написано до 8 сентября, скорее всего, именно 28 августа (а не 1 сентября) по нов. ст.

[71] *Пейзаны* (*фр.* paysan — крестьянин) — фальшиво, слащаво изображенные крестьяне в художественных произведениях конца XVIII и начала XIX вв.

[72] *Angelus* (*лат.*) — ангел.

[73] *revenu* (*фр.*) — доход.

[74] *гевалт* (*идиш.*) — здесь: шум.

[75] *Ренан* Жозеф Эрнест (1823 — 1892) — французский писатель. Автор «Истории происхождения христианства», в которой по своему излагал евангельские события. Писал также на исторические еврейские темы.

[76] *vil flatteur* (*фр.*) — дешевый льстец.

[77] *Кульман* Наталия Ивановна — жена Н. К. Кульмана.

[78] Имеется в виду Н. К. Кульман.

[79] Намек на мужа З. Гиппиус Д. Мережковского, автора исторических романов, связанных с Египтом.

[80] *Антон Крайний* — псевдоним З. Гиппиус.

[81] *zurück zu Kant* (*нем.*) — назад к Канту.

[82] Речь идет о богословских взглядах о. Сергия Булгакова.

[83] *Virago Duplex* (*фр.*) — двойной вираж.

[84] *frutti di mare* (*итал.*) — дары моря.

[85] Имеется в виду пребывание там М. Горького, который с начала апреля 1924 г. и до мая 1928 г., когда он впервые поехал в Советский Союз, почти все время проживал в Сорренто (близ Неаполя). Только в мае 1933 г. Горький окончательно переехал в СССР.

[86] А. С. Пушкин «Евгений Онегин», гл. I, XLIX.

[87] *muge* (*фр.*) — кефаль.

[88] *Беседовский* Григорий Зиновьевич — один из первых «невозвращенцев», советник полпредства в Париже, убежавший через забор посольского сада в 1929 г. С 1929 по 1932 г. редактор журнала «Борьба», выходившего в Париже. Написал книгу: На путях к термидору. Из воспоминаний бывшего советского дипломата. В 2 т. Париж, 1930 — 1931.

[89] *Азеф* Евно Фишелевич (1869 — 1918) — провокатор, с 1893 г. — секретный сотрудник департамента полиции. Один из основателей партии эсеров и ее боевой организации, руководитель ряда террористических актов. В 1908 г. разоблачен В. Б. Бурцевым.

[90] Такого письма И. А. Ильина в нашей подборке писем нет. (Вероятно, имеется в виду либо открытка с изображением Гинденбурга, либо его портрет на конверте или марке).

[91] Видимо, имеется в виду письмо от 9.X.1929.

[92] *Italia — Grünewald* (*нем.*) — Италии — Грюневальд.

[93] Отсутствуют.

[94] *Pallanta-Cathedrale di S. Leonardo* (*ит.*) — Палатинский собор Св. Леонарда.

[95] *Аппиева дорога* — первая мощеная дорога, проложенная в 312 до н. э. между Римом и Падуей (при цензоре Аппии Клавдии).

[96] Предки писателя были государственными крестьянами, чье родословие восходило к XVII веку, проживали они тогда в деревне Гуслицы Богородского уезда.

[97] *Immensa est finemque pubenlia coeli non habet et quidquid Superi voluere* (*лат.*) — нельзя объять необъятное, как бы кому того не хотелось.

[98] Из рассказа Чехова «Жалобная книга». См.: Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 2. — М., 1975. — С. 359.

[99] По аналогии с Козьмой Прутковым.

[100] Имеется в виду Гукасов А. О.

[101] Берлинский Светочь.

[102] *«Земгор»* — объединенный комитет Земского и Городского союзов, созданный 10 июля 1915 г. для помощи правительству в организации снабжения русской армии.

[103] Упоминается издание «Въезд в Париж. Рассказы о России зарубежной» («Въезд в Париж», «Песня», «Птицы», «Тени дней», «Сидя на берегу», «На пеньках», «Два письма», «Журавли», «Христова всенощная», «Яичко»). — Белград, 1929.

[104] «Праздники» позже вошли в «Лето Господне».

[105] Речь идет о белградской ежедневной газете «Новое Время», редактором-издателем которой был М. А. Суворин — сын известного Алексея Сергеевича Суворина, издававшего до революции одноименную газету в России.

[106] *Суворин* Борис А. — автор газеты «Новое Время», публиковал статьи аналитического и историко-политического характера. Очевидно, что Шмелев путает его с редактором-издателем.

[107] Имеется в виду З. Гиппиус.

1930

[1] Автограф хранится в частном архиве Ивестиона Жантийома (Безансон, Франция). Копия письма любезно предоставлена для публикации Российским Фондом Культуры.

[2] Издевательская фраза, дважды произносимая в рассказе «На пеньках» одним из его героев, шепелявым дегенеративным сыном дворника, ставшим впоследствии «ответственным работником» у большевиков.

[3] Из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» (1826).

[4] *Шевырев* Степан Петрович (1806 — 1864) — русский критик, историк литературы, поэт, академик.

[5] *Немирович-Данченко* Василий Иванович (1848/1849 — 1936) — русский писатель и военный корреспондент. Родной брат основателя МХАТа Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

[6] *«Исаие, ликуй...»* — первые слова торжественного песнопения, поющегося во время таинств крещения, венчания, рукоположения в священный сан.

[7] *Марциновский* Евгений Иванович (1874 — 1934) — советский паразитолог и инфекционист, организатор и руководитель Тропического института.

[8] *Ольденбург* Сергей Федорович (1863 — 1934) — советский востоковед, академик.

[9] *Ферсман* Александр Евгеньевич (1883 — 1945) — советский геохимик и минералог, академик.

[10] *Абрикосов* Алексей Иванович (1875 — 1955) — советский патологоанатом, академик.

[11] *кэк-уок* (*анг.* cake-walk) — танец.

[12] Пс. 67, 2.

[13] Речь идет о публикации в парижской газете «Россия и Славянство», № 73 (19 апр. 1930 г.).

[14] Имеется в виду издательство, основанное дочерьми Рахманинова Татьяной и Ириной и получившее название «Таир» от сокращения этих имен.

[15] Имеется в виду роман «Солдаты», публиковавшийся в это время в журнале «Современные Записки» (1930, № 41, 42), издававшемся в Париже в 1920 — 1940 гг.

[16] *Штреземан* Густав (1878 — 1929) — германский рейхсканцлер (авг. — нояб. 1923) и министр иностранных дел, один из основателей (1918) и лидер Немецкой народной партии.

[17] От *proprietaire* (*фр.*) — домовладелец.

[18] А. В. Кольцов «Песня пахаря» (1831).

[19] Имеется в виду *Одоевцева* Ирина Владимировна (Гейнике Ираида Густавовна) — поэт, прозаик, мемуарист. Ученица Н. Гумилева, жена поэта Георгия Иванова. С 1922 г. в эмиграции. Незадолго до кончины, в 1990-х гг., вернулась в Россию.

[20] *«Ангел Смерти»* — первый из четырех романов И. Одоевцевой, изданный в Париже в 1927 г.

[21] *Леонтьев* Константин Николаевич (1831 — 1891) — русский философ и писатель.

[22] Капитан *Бураев* — главный герой романа «Солдаты».

[23] *Маклаков* Василий Алексеевич (1869 — 1957) — один из лидеров кадетов, адвокат, депутат 2 — 4-й Государственной Думы. В 1917 г. посол России во Франции.

[24] *Neuve Littérateure* (*фр.*) — Новая литература.

[25] *Левинсон* Андрей Яковлевич — литературовед, публицист, автор «Современных Записок».

[26] Упоминается повесть «Неупиваемая Чаша», вышедшая в Испании в 1927 г., а в Италии в 1932 г.

[27] *ihren kleinen Fliegendreck grad mir auf die Nase* (*нем.*) — немножко нагадила ему на нос.

[28] Деян. 10, 11 — 13.

[29] Имеется в виду статья Н. Н. Ильиной «Домовой»// Русский Колокол. — № 9, Берлин, 1930.

[30] По-видимому, речь идет о Романе Гуле.

[31] Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...» (1836).

[32] Общая молитва повечерия, часов и других служб.

[33] Упоминается Сергиево Подворье в Париже.

[34] Ольга Александровна Романова.

[35] Имеется в виду издание «Родное. Про нашу Россию» («Родное», «Веселый ветер», «Верба», «Росстани», «Миша», «Как я стал писателем», «Как мы открывали Пушкина», «Как я узнавал Толстого»). — Белград, 1931.

[36] *Pour bien savoir le russe* (*фр.*) — чтобы хорошо знать русский.

[37] Из Великого Славословия.

[38] Из молитвы преп. Ефрема Сирина.

[39] *En avant! plus vite!* (*фр.*) — Гони! Поскорее!

[40] Тут перечислены названия лекарств.

[41] Имеется в виду повесть «Под горами» (1910). На самом деле публикация этой повести во всемирно известной серии «Рекламной универсальной библиотеки» была очень лестным событием, так как там до этого из русских писателей издавались только произведения Чехова, Короленко, Андреева, Горького.

[42] *Vorlesung* (*нем.*) — лекция, доклад.

[43] *«Die moderne russische Kunstliteratur. Einleitung»* (*нем.*) — Современная русская художественная литература. Вступление.

[44] *«Die moderne russische Kustliteratur. Schmeljoff»* (*нем.*) — Современная русская художественная литература. Шмелев.

[45] *«Welt vor dem Abgrund»* (*нем.*) — Мир перед пропастью.

[46] Из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» (1826).

[47] *Liebe in der Krim* (*нем.*) — «Любовь в Крыму», немецкое название повести «Под горами».

[48] *Einleitung* (*нем.*) — Вступление.

[49] *Nachwort* (*нем.*) — Заключение.

[50] Речь идет о статье *М. Критского* «Хозяйственная дифференциация крестьянского класса» из книги «Мир перед пропастью».

[51] *Die Lage der Arbeiter* (*нем.*) — Положение рабочих.

1931

[1] Из Рождественского тропаря.

[2] См. 1 ирмос Рождественского канона.

[3] *Простянка* — телега-порожняк.

[4] Подразумевается, что это письмо — машинописное.

[5] Имеются в виду преп. Сергий Радонежский, преп. Савва Сторожевский, преп. Стефан Пермский.

[6] Перифраз из речи Достоевского о Пушкине: «Смирись, гордый человек...»

[7] Упоминаются Тэн Ипполит (1828 — 1893) — французский литературовед, философ, родоначальник культурно-исторической школы; Брандес Георг (1842 — 1927) — датский литературный критик, глава движения «Прорыв», направленного против романтизма; может быть, Лютер Мартин (1483 — 1546) — немецкий реформатор, здесь как переводчик Библии на немецкий язык, родоначальник общенемецкого литературного языка.

[8] *Потебня* Александр Афанасьевич (1835 — 1891) — украинский и русский филолог-славист.

[9] *Ремарк* Эрих Мария (1898 — 1970) — немецкий писатель, издавший в 1929 г. свою первую книгу «На Западном фронте без перемен», сделавшую его знаменитым.

[10] *Синклер* Льюис Генри (1885 — 1951) — американский новеллист и социальный критик, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1930 г.

[11] *Лагерлёф* Сельма (1858 — 1940) — шведская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1909 г.

[12] В частности, она писала: «Восхищаюсь вашим талантом художника. Но меня печалит, что все это могло произойти в наше время и в нашей Европе». (См.: Сорокина О. С. 167).

[13] Имеется в виду повесть «Человек из ресторана».

[14] *Гамсун* (наст. фам. Педерсен) Кнут (1859 — 1952) — норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии за 1920 г. В своем письме И. С. Шмелеву от 11 янв. 1927 г. Гамсун писал, что читал всю ночь это произведение и считает его «гениальным, глубоким и великолепным» по живости рассказа.

[15] Имеется в виду: «года три назад».

[16] «Liebe in der Krim» — «Любовь в Крыму» (название немецкого издания повести «Под горами»).

[17] Возглас священника на утрене, после которого поется Великое Славословие.

[18] «довлеет дневи злоба его» (*церк.-сл.*) — «довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6, 34).

[19] Шмелев.

[20] Персонаж «Богомолья», «Лета Господня» и др. произведений Шмелева.

[21] Молитва св. Симеона Богоприимца (Лк. 2, 29-32).

[22] Имеется в виду «Солнце Мертвых».

[23] *Лазарь* — брат Марфы и Марии, живший со своими сестрами у горы Елеонской в Вифании, которого Господь воскресил из мертвых на четвертый день после смерти. (Ин. 11, 1-46).

[24] *Abgrund* (*нем.*) — пропасть.

[25] Преп. Феодора — прислуживала преподобному Василию Новому (конец IX — начало X вв.). Здесь имеется в виду знаменитый рассказ Феодоры о своей посмертной участи, записанный учеником преп. Василия Григорием: «... увидала я множество эфиопов, стоявших вокруг одра моего; лица их были черные, как сажа и смола, очи горели как угли огненные, и весь вид их был столь же страшен, как вид огненной геенны. И начали они производить шум и смятение: одни ревели, как скоты и звери, другие лаяли как псы, некоторые выли как волки; при этом все они, с яростью смотря на меня, грозили мне, набрасывались на меня, скрежеща зубами, и хотели тут же поглотить меня. <...> И была убогая душа моя в великом страхе и трепете. Тогда претерпевала я не только муки смертные, происходившие от разлучения души с телом, но также жесточайшие страдания от видения тех страшных эфиопов и грозной ярости их, и это было для меня как бы другою смертию, более тяжкою и лютою. Я старалась отвращать взор мой от видения то в одну сторону, то в другую, чтобы не видеть мне страшных эфиопов, не слышать голосов их, — но никак не могла избавиться от них, — ибо везде было их бесчисленное множество, и не было никого, кто бы помог мне». См.: Жития Святых, 26 марта.

[26] Имеется в виду «Мир перед пропастью».

[27] Речь идет об издании «Родное. Про нашу Россию» («Родное», «Веселый ветер», «Верба», «Росстани», «Миша», «Как я стал писателем», «Как мы открывали Пушкина», «Как я узнавал Толстого»). — Белград, 1931. (Русская библиотека).

[28] Главу о Мережковском Ильин не стал включать в свою книгу «О тьме и просветлении».

[29] *Краснов* Петр Николаевич (1869 — 1947) — генерал, политический деятель, прозаик, исторический романист.

[30] О творчестве этих писателей Ильин говорил только в своих лекциях, которые отдельно так и не были опубликованы.

[31] Имеется в виду статья К. Д. Бальмонта «Горячее сердце. Иван Сергеевич Шмелев» //Сегодня. — Рига, 1927. — № 246. — 30 окт.

[32] *Die russische Literatur der Neeuzeit und Gegenwart* (*нем.*) — русская литература нового времени и современность.

[33] *«die bedeutenste schriftstellerische Kraft, die in der russischen Einigration sich befindet» — «er wird einmal zu den Grossen der russischen Literatur gerechnet werden»* (*нем.*) — значительнейшая писательская сила, явившая себя в русской эмиграции, когда-нибудь будет причислена к великой русской литературе.

[34] Это письмо Иван Сергеевич писал, еще не получив предыдущего письма И. А. Ильина (№ 98).

[35] *Манн* Томас (1875 — 1955) — немецкий писатель, Нобелевский лауреат 1929 г. Ценил творчество Шмелева.

[36] Речь идет об отзыве Томаса Манна на повесть «Под горами» (в немецком издании называвшейся «Любовь в Крыму»).

[37] *Городецкая* Надежда Даниловна — публицист.

[38] *ассассин* (*фр.*) — убийца.

[39] Подразумевается журнал «Современные Записки».

[40] *эскиз* (*фр.* esquisse) — предварительный набросок; *динашеве* (*фр.* d'inachevé) — неоконченное, недосказанное.

[41] *Тейтель* Яков Львович (1851 — 1920) — писатель, проживал в г. Ницца. Известна его книга «Из моей жизни за 40 лет». — Париж, 1925. — 240 с.

[42] Из Великопостной молитвы преп. Ефрема Сирина.

[43] Притча о десяти девах. Мф. 25, 1-13.

[44] *Валери* Поль (1871 — 1945) — французский поэт.

[45] *cum tacent, clamant* (*лат.*) — букв.: в молчании, вопиет; молчит, но кричит. Известное выражение Цицерона о «вопиющем молчании в Римском Сенате». Здесь: «Молчание — красноречиво».

[46] *Вербицкая* Анастасия Алексеевна (1861 — 1928) — русская писательница.

[47] *Франс* Анатоль (наст. имя и фам. Анатоль Франсуа Тибо) (1844 — 1924) — французский писатель.

[48] Имеется в виду композитор Скрябин, увлекавшийся мистическими учениями.

[49] *Крафт-Эбинг* (Krafft-Ebing) Рихард фон (1840 — 1902) — немецкий психоневролог, особенно интересовался сексуальными отклонениями и сексуальной патологией. Его книга «Psychopathia Sexualis» (1886) была крупной научной работой на эту тему и наделала много шума, вызвав также большой интерес в «декадентских кругах» (*Примечание А. Е. Климова*).

[50] *Ломброзо* Чезаре (1835 — 1909) — итальянский психиатр и криминалист, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве.

[51] Бульонные кубики.

[52] См. коммент. 41.

[53] Из утренней.

[54] Видимо, имеются в виду акции или облигации банка «Национальный Кредит».

[55] В нашей подборке писем нет сообщения от И. С. Шмелева, связанного с Суздалем. Возможно, это была открытка, вложенная в письмо.

[56] Видимо, И. А. Ильину и И. С. Шмелеву удалось повидаться, и они обменялись фотографиями. Архив И. А. Ильина, В 71, Е 16.

[57] Фотография находится в семейном архиве Ивестиона Жантийома (Франция). Передана для публикации Российским Фондом Культуры.

[58] *Торквемада* Томас (ок. 1420 — 1498) — глава испанской инквизиции (великий инквизитор).

[59] Выделенное каллиграфически слово, по всей видимости, означает «с тех пор» (нарочитое выражение).

[60] В своем следующем письме Ильин объясняет Шмелеву это слово.

[61] Имеется в виду *Бицилли* Петр Михайлович (1879 — 1953) — историк, филолог, литературный критик.

[62] Так в тексте, хотя издательство называется «Rotapfel».

[63] История любовная.

[64] *Geschichte* (*нем.*) — история, происшествие.

[65] *Vorfrühling* (*нем.*) — ранняя весна.

[66] Деликатность просьбы подчеркивается тем, что Шмелев упоминает о неумирающем, несмотря на его общеизвестность, образе старухи из сказки Пушкина о рыбаке и рыбке.

[67] *Liebes geschichte* (*нем.*) — любовная история.

[68] *Geshichte von sieben Pfund Zichte* (*нем.*) — история о семи фунтах свечей.

[69] *Die Liebe* (*нем.*) — любовь.

[70] *«Meine erste Liebe», «Erste Liebe»* (*нем.*) — «Моя первая любовь», «Первая любовь».

[71] *«Das Liebesleiden»* (*нем.*) — любовное страдание.

[72] Так произносит слово «естество» Гришка, один из героев романа «История Любовная».

[73] Имеется в виду Бернард Шоу.

[74] Имеется в виду строка «Счастлив, кто посетил сей мир//В его минуты роковые» из стихотворения Ф. Тютчева «Цицерон» (1830).

[75] Речь, по-видимому, идет о конференции пацифистов.

[76] Цитируется М. Курдюмов (под этим псевдонимом писала Мария Александровна Калаш, знакомая В. В. Розанова, выехавшая за границу): О Розанове. — Париж, 1929. — С. 85. В этих воспоминаниях из слов одного из ближайших друзей Василия Васильевича (по-видимому, это был Дурылин Сергей Николаевич), бывших рядом с

ним в последние часы его жизни, Розанов произнес: «Сметанки хочется... Каждому человеку в жизни хочется сметанки». Тема «сметанки» в последний голодный год жизни Розанова в Совдепии известна: «безумно хочу сметаны!» (см.: Николюкин А. Н. Голгофа Василия Розанова. М., 1998. С. 460), «Сметаны хочется. Творожку хочется» (из неопубликованного письма 1918 г. Розанова к Виктору Романовичу Ховину), «Главное ТВОРОГ и *со сметаной*, коей я весь грустный год даже не пробовал» (Письма В. В. Розанова к Э. Голербаху. Изд. Е. А. Гутнова в Берлине, 1922. С. 104). В этом сильнейший пророческий мотив Розанова, когда человек перед смертью на мгновение возвращается к своему началу: молоку, сметанке, творожку — исходному питанию человека.

[77] *Розанов* Василий Васильевич (1856 — 1919) — русский философ.

[78] Видимо, это «фейерверк».

[79] Имеется в виду Жигалов, персонаж пьесы А. П. Чехова «Свадьба».

[80] Имеется в виду — Бог.

[81] *Макдональд* Джеймс Рамсей (1866 — 1937) — один из основателей и лидеров Лейбористской партии Великобритании, премьер-министр в 1924, 1929 — 1931 гг.

[82] *Бриан* Аристид (1862 — 1932) — неоднократно (1909 — 1931) премьер-министр Франции и министр иностранных дел.

[83] *этатизм* (от фр. état — государство) — направление политической мысли, рассматривающее государство как высший результат и цель общественного развития.

[84] *Respublica Romana* (*лат.*) — Римская Республика.

[85] *Аттила* (? — 453) — предводитель гуннов с 434 г. Возглавил опустошительные походы на Восточно Римскую империю, Галлию, Северную Италию. Здесь: разрушитель.

[86] Ин. 19, 37.

[87] *Liebessturm* (*нем.*) — любовный ураган.

[88] Ильин И. А. Яд большевизма. Женева, 1931.

[89] *S. Fischer* — глава берлинского издательства, которое публиковало произведения Шмелева — «Солнце Мертвых» (1925), «Неупиваемая Чаша» (1926), «Человек из ресторана» (1927), «История Любовная» (1931).

[90] *«Liebe in der Krim»* (*нем.*) — «Любовь в Крыму» — немецкое название ранней повести Шмелева «Под горами» (1910).

[91] *Лютер* Артур Федорович (1876 — 1955) — немецкий филолог-русист, историк литературы и переводчик, преподавал в Московском университете (1903 — 1914). Позже проживал в Лейпциге и работал в «Немецкой библиотеке».

[92] *finis Germanial* (*лат.*) — Конец Германии.

[93] Тонкая стружка или порошок магния горят ярким белым пламенем.

[94] *verte* (*лат.*) — продолжение. Указание перейти на следующую страницу письма.

[95] *Wahrheit* (*нем.*) — правда, *dichtung* (*нем.*) — поэзия.

[96] Имеется в виду генерал Деникин Антон Иванович, который обычно проводил лето в Капбретоне вместе с Бальмонтом, Шмелевым и др.

[97] В. А. Жуковский «Двенадцать спящих дев» (Баллада первая. Громобой).

[98] *собойонный* (*старин.*) — особый; *фряжский* (*старин.*) — французский, заморский, иностранный.

[99] Видимо, имеется в виду «Яд большевизма».

[100] Имеется в виду Россия.

[101] Ретирадное место — отхожее место при доме.

[102] Упоминается книга «Welt vor dem Abgrund» («Мир перед пропастью»).

[103] Так в рукописи.

[104] κακόν τὸ δῆμος (*греч.*) — плохой народ.

[105] Здесь: «не М<ихаил> И<ванович Глинка>».

[106] Игра слов: имеется в виду Дмитрий Мережковский и его драма «Дмитрий Самозванец».

[107] *Пазухин* Алексей Михайлович (1851 — 1919) — прозаик.

[108] Имеется в виду А. С. Пушкин, создавший образ самозванца в трагедии «Борис Годунов».

[109] Подразумевается вложенная в конверт открытка.

[110] «The Story of a Love» (*англ.*) — «История Любовная».

[111] Речь идет о нью-йоркском издательстве Е. Р. Dutton & Co.

[112] «Forfrühling» (*нем.*) — немецкое название «Истории Любовной».

[113] *Савельев* (наст. имя и фам. Савелий Григорьевич Шерман, псевд. А.) — публицист, литературный критик, автор «Современных записок», «Русских записок», «Нового Града» и др.

[114] Имеется в виду статья в берлинской газете «Руль».

[115] Упоминается профессор-славист Николай ван Вийк (Голландия), который включил творчество И. С. Шмелева в программу русской литературы Лейденского и Амстердамского университетов.

[116] Имеется в виду письмо С. Лагерлёф.

[117] Неясно, о чем идет речь.

[118] По всей видимости, у Шмелева описка: имеется в виду немецкая знаменитость того времени *Фробениус* Лео (1873 — 1938) — немецкий этнограф и археолог, исследователь культуры народов Африки. Выдвинул свою теорию культуры как обособленного социального организма.

[119] *Клагес* Людвиг (1870 — 1956) — немецкий психолог и философ-иррационалист, представитель философии жизни. Рассматривал дух как «акосмическую» силу, разрушающую целостность душевной жизни.

[120] Шмелев родился в доме 13 по Калужской улице (с 1950 г. переименованной в Ленинский проспект) в Москве.

[121] Имеются в виду сотрудники газеты «Последние Новости».

[122] Речь идет о Нобелевской премии.

[123] Упоминается внук учредителя Нобелевских премий Эммануэль Нобель (1859 — 1932). До революции 1917 г. возглавлял предприятия семьи Нобелей в России. С 1918 г. — в Швеции.

[124] Имеется в виду издание «Истории Любовной» в нью-йоркском издательстве E. P. Dutton & Co.

[125] Имеется в виду издание «Истории Любовной» на немецком языке под названием «Ранняя весна» в издательстве «Rotapfel» (1931).

[126] См. коммент. 116.

[127] *Кони* Анатолий Федорович (1844 — 1927) — русский юрист и общественный деятель, член Государственного Совета, почетный академик Петербургской Академии Наук (1900).

[128] Речь идет о повести «Человек из ресторана» (получившей высокую оценку К. Гамсуна).

[129] *Oeuvres Libres* (*фр.*) — независимые труды. Имеется в виду издание «Неупиваемая Чаша». — La vie des Peuples, 1929. — № 68. — С. 577—612.

[130] Руфь Кандрейя.

[131] Имеется в виду возвращение после летнего отдыха из Капбретона (Ланды) в Севр.

[132] Пс. 102, 15.

[133] frèr<e> fin (*фр.*) — лукавый, хитрый брат.

[134] *Ковалевский* Максим Максимович (1851 — 1916) — историк, юрист, социолог, профессор Московского университета. В 1908 г. открыл первые после запрета масонские ложи в России.

[135] А. С. Пушкин «Воспоминание» (1828).

[136] Возможно, это будущий главный герой «Путей Небесных».

[137] Это издание «Неупиваемой Чаши» вышло в 1932 г. в Милане. Содержало также рассказы «Мэри» и «Мой Марс».

[138] Подразумевается конвенция международных прав писателей. У автора могли и не просить разрешения на перевод его произведений.

[139] *Le Calice inconsumabile* (*фр.*) — Чаша неисчерпаемая.

[140] Американское издание «Истории Любовной».

[141] Немецкое издание «Истории Любовной».

[142] *veto* (*лат.*) — запрещаю.

[143] Подразумевается Бунин И. А.

[144] *finita la com<m>edia* (*лат.*) — «представление окончено».

[145] «Kypare!» — шведское название «Человека из ресторана» (Стокгольм, 1926).

[146] Главный герой повести «Неупиваемая Чаша» — крепостной художник Илья Шаронов.

[147] «Новая Цюрихская газета».

[148] *«Liebe in der Krim»* (*нем.*) — немецкое название повести «Под горами».

[149] *en bloc* (*фр.*) — оптом, целиком.

[150] Имеется в виду издание «Человек из ресторана». — Берлин, 1926.

[151] *Михель* — глуповатый человек (нарицательное имя у немцев).

[152] Мф. 25, 13.

[153] *Весы* — мифологический символ божественного правосудия (особенно загробного). На одну чашу Весов помещается судимое сердце (душа). В Ветхом Завете: «И вот что начертано: мене, мене, текел, упарсин. Вот и значение слов: мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; Текел — ты взвешен на весах и найден очень легким; Перес — разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5, 25 — 28). В представлении христиан архангел Михаил взвешивает души умерших. См. также рассказ Шмелева «Лик скрытый» (1916).

[154] Имеется в виду рецензия Ильина к юбилейному выпуску «Собрания сочинений» Г.-В.-Ф. Гегеля, изданная Германном Глокнером: «Rezension zur jubilaumsausgabe der «Sämtlichen Werke» von G. W. F. Hegel durch H. Glockner»// «Deutsche Literaturzeitung» 52 (1931). Heft 28 (12 juli). Stuttgart 1927/30, S. 1302 ff.

[155] Упоминается Н. К. Кульман.

[156] Речь идет о переводчице Р. Б. Кандрейе.

[157] Имеется в виду роман «История Любовная», вышедший на немецком языке.

1932

[1] Речь идет о немецкой лекции «*Geist, als Not und Problem des Gegenwart*» (*нем.*) — «Дух как проблема и нужда современности», произнесенной Ильиным 8 декабря 1931 г. в Цюрихе в читательском кружке Хоффинга. Надо отметить, что 9 декабря 1931 г. в Литературном клубе Ильин прочел лекцию «Schmeljof, Dichter des Weltschmerses» — «Шмелев — поэт мировой скорби».

[2] Имеется в виду издание «Лето Господне. Праздники». — Белград, 1933 (Русская библиотека). Книга посвящена Наталии Николаевне и Ивану Александровичу Ильиным.

[3] «*Kellner*» (*нем.*) — «Официант», немецкое название повести «Человек из ресторана» (Берлин, 1927).

[4] В списке выступлений на немецком языке, составленном самим Ильиным, даты немного другие: 7, 8 и 9 декабря соответственно.

[5] Имеется в виду немецкое название для «Истории Любовной».

[6] *Neue Züricher Zeitung* (*нем.*) — Новая цюрихская газета.

[7] *Berliner Tageblatt* (*нем.*) — берлинская ежедневная газета.

[8] Упоминается рассказ «На пеньках».

[9] Имеется в виду публикация этого очерка из «Богомолья» в газете «Россия и Славянство». — 1932. — № 154. — 5 дек.

[10] Подразумевается рассказ «Про одну старуху».

[11] *«Die Zeit»* (*нем.*) — «Время».

[12] Лазаря воскрешающий (Ин. 11, 1-46).

[13] Речь идет о немецкой лекции Ильина «Современная русская художественная литература. Лекция I. Введение», написанной им 9 декабря 1930 г. См. т. 6, кн. III наст. Собр. соч.

[14] Имеются в виду «Солнце Мертвых» и «Под горами».

[15] *motto* (*um.*) — девиз, лозунг.

[16] *De profundis clamari ad te domine* (*лат.*) — из глубины воззвах к Тебе, Господи. Пс. 129.

[17] Пс. 129, 1.

[18] Имеется в виду рассказ «На пеньках».

[19] «На пеньках».

[20] «*Die Tat*» (*нем.*) — «Дело».

[21] «*Der Bund*» (*нем.*) — «Союз».

[22] «*Bücherschau*» (*нем.*) — «Книжное обозрение».

[23] *Wir haben seit langer Zeit Kein schöneres Buch mehr gelesen!* (*нем.*) — давно мы не читали более прекрасной вещи!

[24] *Das Schmeljof aus einem an sich so undichterischen Fall ein Kunstwerk hat machen Können, zeugt erneut von seiner grossen Dichterichen Begabung* (*нем.*) — то, что Шмелев из столь непоэтического по сути своей случая сумел создать произведение искусства, является новым свидетельством его великого поэтического дара.

[25] Имеется в виду: читать лекцию о Ремизове.

[26] Речь идет о лекциях Ильина «Творчество Шмелева», «Православная Русь. «Лето Господне. Праздники» И. С. Шмелева», «Святая Русь. «Богомолье» Шмелева», «Художество Шмелева». См. т. 6, кн. II наст. Собр. соч.

[27] Пс. 113, 9.

[28] «Человека из ресторана».

[29] Этот случай упоминается в рассказе «У старца Варнавы» (1936).

[30] Главный герой «Неупиваемой Чаши».

[31] *obstupui* (*лат.*) — поражен.

[32] *Вихерт* Эрнст — писатель.

[33] <Над этой строкой приписка сверху:> (Степан — Карих) <имеются в виду герои этого произведения>.

[34] 1 Ин 3, 2.

[35] Мф. 12, 34; Лк. 6, 45.

[36] См. коммент. 45 к письмам 1931 г.

[37] «Человека из ресторана».

[38] *Федотова* Гликерия Николаевна (1846 — 1925) — русская актриса, народная артистка республики, в 1863 — 1905 гг. вела основной репертуар Малого театра.

[39] *Abschied vom Leben* (*нем.*) — расставание с жизнью.

[40] *Adieu à la vie* (*фр.*) — прощай жизнь.

[41] Автограф хранится в частном архиве Ивестиона Жантийома (Безансон, Франция). Копия письма любезно предоставлена для публикации Российским Фондом Культуры.

[42] Не установлена.

[43] Имеется в виду первый рассказ Шмелева «У мельницы».

[44] «Истории Любовной».

[45] Речь идет об издании рассказа «На пеньках».

[46] Имеется в виду роман «Солдаты».

[47] Такого письма в нашей подборке писем нет.

[48] Речь идет о будущем романе «Няня из Москвы».

[49] Из молитвы Господней. Мф. 6, 11; Лк. 11, 3.

[50] Пс. 102, 1; 103, 1.

[51] Думер Поль (1853 — 1932) — президент Франции в 1931 — 1932 гг. Смертельно ранен русским эмигрантом П. Горгуловым.

[52] «Человеке из ресторана».

[53] *Eckart-Zeitschrift* (*нем.*) — Экарт-Журнал.

[54] *specialté* (*фр.*) — лекарство, патент.

[55] *echantillon* (*фр.*) — образец.

[56] *Гессе* Герман (1877 — 1962) — швейцарский писатель, писал на немецком языке.

[57] Bücherwurm (*нем.*) — книжная моль, перен.: книжный червь, человек, постоянно углубленный в книгу. Здесь: издательство под таким названием.

[58] Швейцер Бюхерботэ (*нем.*) — швейцарский книжный курьер.

[59] ист фон эйнер Анмут (*нем.*) — своего рода грации.

[60] бешвингтен (*нем.*) — окрыленный.

[61] юберашт (*нем.*) — завораживать.

[62] гевиннт (*нем.*) — покорять.

[63] аус унзерн Таген (*нем.*) — наших дней.

[64] Дихтунг (*нем.*) — поэтическое творчество.

[65] бевART (*нем.*) — хранить.

[66] Эрцелер (*нем.*) — новеллист.

[67] дас ист гевисс эйне Зельтенхейт эрстен Рангес (*нем.*) — это, конечно, в высшей степени редкость.

[68] Имеются в виду Мережковские.

[69] Лк. 17, 21.

[70] Мф. 21, 9; Мк. 11, 9-10; Лк. 19, 38; Ин. 12, 13 и Лк. 2, 14.

[71] А. С. Пушкин «Бесы» (1830).

[72] правИло — прави́ло.

[73] *Prophet der Krise* (*нем.*) — предвестник кризиса.

[74] *Iwan Schmelof und Seine Kunst* (*нем.*) — Иван Шмелев и его искусство.

[75] Prophète (*фр.*) — пророк.

[76] См.: E. Wiechert «Vorfrüling»// Die Literatur. — № 34 (1931/1932).

[77] *Ювель фон айнер... Идилле* (*нем.*) — Сокровище... идиллии.

[78] *Синдетикон* (*греч.* связующее, скрепляющее) — название различных жидких клеевых веществ.

[79] В этой книге журнала был опубликован рассказ «На пеньках» в переводе А. Лютера, с предисловием И. А. Ильина.

[80] Имеется ввиду приписка, сделанная на обороте страницы «вверх ногами» и приведенная далее до конца этого абзаца письма.

[81] Речь идет о процессе над русским эмигрантом П. Горгуловым, который смертельно ранил президента Франции Поля Думера.

[82] А. С. Пушкин «Два чувства дивно близки нам...» (1830)

[83] *вир берейтен данн фюр ден авг аух ди Друк легунг дер Бухаусгабе фор унд верден Инен данн им Ляуфе дес Авг одер Анфанг Септ, аух дас Инен дафюр цустеенде Гонорар убервейсен* (*нем.*) — тогда мы подготовим для Вас на август также сдачу в печать книги и затем в течение августа или начале сентября переведем Вам также причитающийся за нее гонорар.

[84] «Человека из ресторана».

[85] *dans le doute, abstiens toi* (*фр.*) — в сомнении — воздержись.

[86] Как указано в предыдущем письме, это письмо было написано в августе 1930 г., но отправлено только через 2 года.

[87] *ab ovo* (*лат.*) — букв.: с яйца; с самого начала.

[88] *a priori* (*лат.*) — априори, до опыта.

[89] *jeu des mots* (*фр.*) — игра слов.

[90] *аус дем фасс* (*нем.*) — из бочки.

[91] *Herr* (*нем.*) — господин.

[92] *licentia poëtica* (*лат.*) — поэтическая вольность.

[93] *Брешко-Брешковская* Екатерина Константиновна (1844 — 1934) — одна из организаторов и лидер партии эсеров.

[94] *дуазо* (*фр.*) — крылья птицы.

[95] См. коммент. 55.

[96] *comprimé* (*фр.*) — таблетка.

[97] Так употребляет слово «интуиция» П. Равка.

[98] Имеется в виду бромсодержащее лекарство.

[99] *сэ кельк-шоз* (*фр.*) — это нечто.

[100] Народное предание о трех юродивых, которое Л. Н. Толстому поведал один певец. См. т. 6, кн. II, с. 450 наст. Собр. соч.

[101] *Тургеневская библиотека в Париже* — русская общественная библиотека в Париже, уникальный центр русской культуры. Создана в 1875 г. И. С. Тургеневым и Г. А. Лопатиным. Имя Тургенева присвоено библиотеке в 1883 г. Ее посещали Л. Толстой, Ф. Достоевский. К 1925 г. ее фонд составлял 50 000 томов. Некоторые писатели русской эмиграции передавали на хранение библиотеке свои архивы. В 1940 г. ее фонд составлял более 100 000 изданий. В 1940 г. после оккупации Франции Германией библиотека была закрыта, после чего начался

вывоз книг в Германию, большая часть ее погибла при бомбардировках и только около 5 000 томов было возвращено в Париж. На этой основе и с поступлением других зарубежных русских собраний книг библиотека возродилась только в 1959 г. В настоящее время ее фонд составляет около 40 000 томов.

102 *Discours sur la methode* (*фр.*) — речи о методе.

103 *Meditations* (*фр.*) — размышления.

104 *Голенищев-Кутузов* Арсений Аркадьевич (1848 — 1913) — граф, поэт.

105 «Бывают времена, когда десница Бога...» (1901).

106 См. статьи в т. 6, кн. II наст. Собр. соч.

107 *menschliche Würde* (*нем.*) — человеческое достоинство.

108 *пост рестант* (*лат.*) — до востребования.

109 *Каннитферштан* (*нем.*) — не понял, не может ничего понять.

110 Оригинал письма Р. Киплинга от 9 марта 1924 г. Шмелев переслал Ильину, но тот, по всей видимости, вернул этот ценный документ его владельцу. Публикуем это письмо по фотоснимку оригинала, хранящемуся в архиве Ивестиона Жантийома (Франция), опубликованного в русском переводе книги Сорокиной О. Н.

«Mar. 9/24

Dear Monsieur Chmelov,

I have to thank you very much for the kind letter which has followed your novel of Russia. I found the work <to be> one of an interest alike horrible and exacting. One begins through it to comprehend in some small measure the deehs through which your land is passing.

From the westernpoint of view, the tale is, as Edgar Poe has said, «out of space and out of time», but one perceives in it possibilities that may some day become terrible realities in other countries.

With renewed thanks for your goodwill and kindness,
believe me,
sincerely yours
Rudyard Kipling».

(Дорогой господин Шмелев, Я весьма благодарен Вам за Ваше любезное письмо, полученное вместе с Вашей повестью о России. Я нахожу это произведение одним из интересных, одновременно страшных и суровых. Едва начав читать, начинаешь постигать в меру своих малых сил бездны, через которые прошла Ваша Родина.

С западной точки зрения, эта повесть, как сказал Эдгар По, «вне пространства и вне времени», но в ней ощущаются возможности, которые в один прекрасный день могут стать страшными реальностями и в других странах.

С бесконечными благодарностями за Вашу доброжелательность и любезность,

верьте мне,
искренне Ваш
Редьярд Киплинг.

Перевод с английского Ю. Лисицы).

[111] *па тро фасиль а сэзир* (*фр.*) — нелегко ухватить.

[112] *Верк хат Аншпрух ауф унзерен Эйнзатц* (*нем.*) — произведение является заявкой на наше участие в нем.

[113] Имеется в виду «Человек из ресторана». Т. Манн неоднократно писал о И. С. Шмелеве: «Томас Манн у русского писателя» (Возрождение, 11.02.1926), «О Шмелеве и Мережковском» (Возрождение, № 436 от 12.VIII.1926), «Об Иване Шмелеве» (Возрождение, 12.5.1927).

[114] Имеются в виду будущие «Записки не-писателя».

[115] *Голенищев-Кутузов* Илья Николаевич (1904 — 1969) — филолог, поэт, критик.

[116] А. С. Пушкин «Поэт» (1827).

[117] Имеется в виду Капбретон. Дата последнего письма указана ошибочно.

[118] *Остдейтче Буххан длунг* (*нем.*) — восточнонемецкая книготорговля.

[119] Быт. 18, 32.

[120] Современные Записки. — 1925. — № 23. — С. 55 — 86. Рецензия от 14 сентября 1927 г.

[121] Рецензия от 14 сентября 1927 г.

[122] *ам-сляв* (*фр.*) — славянская душа.

[123] Здесь: американцы (от USA).

[124] Речь идет о Винавере Евгении Максимовиче, писателе, авторе журналов «Звено», «Встречи».

[125] Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэту» (1830). Верно:

Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.

[126] Имется в виду Грановский Тимофей Николаевич (1813 — 1855) — историк, общественный деятель, глава московских западников. Он стал прототипом Степана Трофимовича Верховенского — одного из главных героев романа Достоевского «Бесы».

[127] *Лодыженский* Юрий Ильич (1888 — 1978) — врач, в 20-е и 30-е гг. был главой Международного Комитета «Pro Deo» («Во имя Бога») в Женеве, организации для помощи беженцам из коммунистических стран, руководителем Российского Красного Креста в Женеве, членом бюро Лиги Обера (Лига борьбы с III Интернационалом).

[128] туберкулезные.

[129] Главный герой «Человека из ресторана».

[130] Голсуорси Джон (1867 — 1933) — английский писатель. Лауреат Нобелевской премии (1932).

[131] Sic (*лат.*) — так.

[132] *трэн блэ* (*фр.* trian blue — голубой поезд) — скорый поезд, состоящий из шикарных вагонов и следующий по маршруту Париж — Ривьера. Стоимость проезда была весьма значительной.

[133] *аржаны* (*фр.*) — деньги.

[134] *sa-va* (*фр.*) — все в порядке.

[135] Имеется в виду надпись на посланной книге.

1933

[1] Имеются в виду статьи Ильина «Искусство и вкус толпы», «Талант и творческое созерцание». См. т. 6, кн. II наст. Собр. соч.

[2] Упоминается роман Шмелева «Няня из Москвы».

[3] Эта статья не появилась.

[4] Статья получила название «Одинокий художник».

[5] Имеется в виду Мережковский Д. С.

[6] *Аввакум* Петрович (1620 или 1621 — 1682) — глава и идеолог русского раскола, протопоп, писатель. Выступал против реформ Патриарха Никона. В 1666 — 1667 гг. осужден на церковном соборе, сослан и провел 15 лет в земляной тюрьме. Сожжен по царскому указу.

[7] *satisque affatim* (*лат.*) — полное удовлетворение.

[8] *malgré tout* (*фр.*) — несмотря ни на что.

[9] *Карташев* Антон Владимирович (1875 — 1960) — богослов, историк церкви, церковный и общественный деятель.

[10] Имеются в виду Н. Н. Берберова и В. В. Набоков.

[11] Упоминаются произведения *Аксакова* Сергея Тимофеевича (1791 — 1859) — русского писателя. Автобиографичекая книга «Семейная хроника» вышла в 1856 г.

[12] Подразумевается свой словарь, по типу словаря В. И. Даля.

[13] *фуксом* (*разг., устар.*) — неожиданно, случайно, без всяких оснований.

[14] *Ганфман* Максим Ипполитович (? — 1934) — журналист.

[15] *Св. Амвросий* (Гренков) (1812 — 1891) — иеромонах из Оптиной пустыни, старец. Канонизирован в 1988 г.

[16] Напечатана в «Возрождении» — Париж, 1933. — № 2841. — 13 марта. — С. 2.

[17] Упоминается Гукасов А. О.

[18] Имеются в виду статьи Ильина «Искусство Шмелева» и «Творчество Шмелева».

[19] Речь идет о книге «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу». Первые четыре рассказа были написаны русским автором во второй половине прошлого века и распространялись в рукописном и печатном виде. Они обнаружены и переписаны на Афоне настоятелем Черемисского монастыря Казанской епархии игуменом

Паисием и им же изданы. Позже в бумагах преподобного старца Амвросия Оптинского были найдены после его смерти еще три рассказа, которые были изданы в 1911 г. Точное авторство этого сочинения до сих пор неизвестно.

[20] *Столица* Любовь Никитична (урожд. Ершова) (1884 — 1934) — поэтесса, драматург. С 1920 г. в эмиграции.

[21] *Каносса* — замок в Северной Италии, где германский император Генрих IV в январе 1077 г. униженно вымаливал прощение у папы Григория VII, с которым до этого вел продолжительную политическую борьбу; «Идти в Каноссу» — каяться, смиряться, идти на унижение перед противником.

[22] Это слово Шмелев использовал, назвав так одного из героев романа «Няня из Москвы» (гл. XXVI).

[23] Срв.: «Суди меня, судия неправедный!» — фраза Феклуши из пьесы А. Н. Островского «Гроза» (действие II, явление 1).

[24] Имеется в виду *Струве* Константин Петрович (1903 — 1948) — выпускник Богословского института в Париже. Стал монахом, позже архимандритом в одном из монастырей Прикарпатской Руси.

[25] *юр* — бойкое, открытое место, где всегда толкотня; *на юру* — на сквозном ветру.

[26] *Кивот* — деревянный ящик для хранения святынь.

[27] *ружа* (*устар.*) (от *фр.* rouge — красный) — губная помада.

[28] *Никольский* Борис Александрович — друг и соратник Ильина. Работал в Лиге Наций.

[29] Кол. 3, 11.

[30] Т. е. в оный, в который (день).

[31] *chômer* (*фр.*) — безработный.

[32] Это письмо написано до получения предыдущего письма И. С. Шмелева.

[33] *Артос* — хлеб, который освящается в день св. Пасхи особой молитвой. Всю Светлую неделю он хранится в храме, а в пасхальную субботу раздается верующим.

[34] *s'est jour* (*фр.*) — приемный день.

[35] Имеется в виду главная героиня романа «Няня из Москвы».

[36] Здесь: в Капбретоне.

[37] *Ça va bien* (*фр.*) — все в порядке.

[38] Речь идет о том, что это письмо, написанное в 1933 г., было послано почти через семь лет — в конце 1939 г. См. об этом письмо И. С. Шмелева к И. А. Ильину от 5.XII.1939.

[39] Это письмо было послано Шмелевым вместе с письмом от 5.XII.1939 г.

[40] Упоминаются «Солнце Мертвых» и «На пеньках».

[41] Подразумевается *Кулишер* Александр Михайлович (?— 1942) — публицист, печатавшийся под псевдонимом М. Александров.

[42] Речь идет о критических статьях в газете «Последние новости» от 5 мая 1930 г.: Адамович Г. «Солдаты», Александров М. «Во-время».

[43] Имеется в виду рассказ «Панорама»// Возрождение. — 1928. — № 1223. — 7 окт.

[44] *Audiatur et altera pars* (*лат.*) — следует выслушать и другую сторону.

[45] Из стихотворения Н. А. Некрасова «Школьник» (1856).

[46] Имеется в виду статья Ильина «Национал-социализм. 1. Новый дух»// Возрождение. — Париж, 1933. — № 2906. — 17 мая. — С. 2 — 3.

[47] Имеется в виду З. Гиппиус.

[48] *Резиньяция* (*фр.* résignation) — безропотное смирение, полная покорность судьбе.

[49] Т. Г. Шевченко «Минають дні, минають ночі» (1845).

[50] *гизеты* — официантки.

[51] *sela va sans dir* (*фр.*) — само собой разумеется.

[52] Искусство Шмелева// Возрождение. — Париж, 1933. — № 2978. — 28 июля. — С. 2 — 4.

[53] *Cum grano salis* (*лат.*) — «с крупинкой соли», с умом; с иронией, язвительно.

[54] Лк. 2, 14.

[55] *Wahlfahrt nach Brot* (*нем.*) — паломничество за хлебом.

[56] *Dichter und Schriftsteller* (*нем.*) — поэтов и прозаиков.

[57] Как ни упорствуй в желании быть как небесные боги,
Их мощью верховной безмерной — не обладать.
(*Перевод с латинского З. Г. Антипенко*).

[58] Имеется в виду статья Л. Н. Клейнборта «Беллетристы-социологи». — СПб., 1913. — № 12. — С. 148 — 170.

[59] Имеется в виду статья А. Дермана «И. С. Шмелев». — СПб., 1916. — № 6. — С. 74 — 95.

[60] Имеется в виду Бицилли П. М.

[61] *Богданович* Павел Николаевич (1883 — 1973) — полковник Генштаба. Участник первой мировой войны, во время окружения армии генерала Самсонова попал в плен, из которого бежал в Голландию. В 1925 г. приступил к созданию Национальной Организации Русских Разведчиков (НОРР), которую возглавлял до начала второй мировой войны.

[62] Речь идет о статье «Творчество Шмелева».

[63] *Тарусский* (наст. фам. Рышков) Евгений (? — 1945) — белый офицер, участник гражданской войны, заместитель главного редактора журнала «Новое Слово». Конец второй мировой войны застал его в казачьем стане в Австрии. Когда англичане выдали казаков Сталину, Тарусский застрелился.

[64] Не установлен.

[65] *Табес* (*лат.* tabes — истощение, изнурение) — сухотка спинного мозга, хроническое сифилитическое заболевание нервной системы.

[66] Имеется в виду место проживания Р. Кандрейи — кантон Chur.

[67] *beau tres loin* (*фр.*) — далеко не красавица.

[68] Может быть, речь идет о генерале А. А. фон Лампе.

[69] Карташев.

[70] *Мельников* Павел Иванович (псевд. *Андрей Печерский*) (1818 — 1883) — русский писатель. Создал романы о жизни заволжского старообрядческого купечества.

[71] *Пильский* Петр Моисеевич (1879 — 1941) — критик, публицист, беллетрист. Много писал в газетах («Сегодня», «Сегодня вечером» и др.) об Ильине и о Шмелеве.

[72] Мф. 6, 34.

[73] Ин. 1, 14.

[74] *fleur de polit.* и *societe* (*фр.*) — сливки общества.

[75] *Сиротинин* Василий Николаевич (1856 —1934) — врач-терапевт. Во время гражданской войны был председателем медицинского совета при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале Деникине. С 1924 г. жил в Париже. За научные заслуги был награжден орденом Почетного Легиона.

[76] См.: Professor I. Iljin «GIFT. Bolsjevismens anda och väsen». — Svea Rires Förlag. — Stockholm, 1933. — 70 s.

[77] Брошюру «Яд. Дух и сущность большевизма» перевел на шведский и написал предисловие G. Nordstrand.

[78] *проминент* (*фр.*) — знаменитость.

[79] Из «Ревизора» Н. В. Гоголя.

[80] Как редко публиковавшееся, приводим его целиком. (Печатается по тексту: Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. — Вып. 4. — Воронеж, 1995).

«И. С. Шмелев

Слово на чествовании И. А. Бунина

Сегодня мы празднуем событие не зарубежное, а как бы российского мерила: в свете его проблескивает духовное величие России. Мы отвыкли радоваться. Раз в году мы празднуем «День Русской Культуры», и это нас утверждает в сознании, что мы не какие-то случайные пришельцы в мир, а носители и хранители русского богатства. Но сегодня мы празднуем особенно знаменательное событие: не мы себя утверждаем, а наше духовное богатство признается миром. Этим событием обязаны мы нашему славному писателю Ивану Алексеевичу Бунину.

Комитетом при Шведской Академии Наук, впервые за 33 года, отмечен признанием русский писатель И. А. Бунин. Это творческая его победа, во славу родной литературы, во имя русское. Это признание утверждается определенным актом, и об этом оповещается мир. Событие знаменательное. Признан миром русский писатель, и этим признана и русская литература, ибо Бунин — от ее духа-плоти; и этим духовно признана и Россия, подлинная Россия, бессмертно запечат-

ленная в ее литературе. Эта «бессмертность» — невольное обращение со словом, воистину так и есть. Лет 18 тому назад И. А. Бунин написал глубокое по мысли, прекрасное по форме стихотворение:

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

Народ говорит: «Все минется, одна правда останется». Письмена — вот эта ПРАВДА. Эту нетленную Правду хранит литература наша, хранит Россия. Россия не только БЫЛА... она — ЕСТЬ, истленная, ЖИВАЯ — в «письменах». Все — тленно, но «Слову жизнь дана». СЛОВО — звучит, живет, животворит — слово великого искусства. Оно сильнее смерти: оно творит и воскрешает. И если бы уже не было России, — Слово ее создаст, духовно.

Наша великая литература, рожденная народом русским, породила нашего славного писателя, ныне нами приветствуемого, — И. А. Бунина. Он вышел из русских недр, он кровно, духовно связан с родной землей и родимым небом, с природой русской, — с просторами, с полями, далями, с русским солнцем и вольным ветром, со снегом и бездорожьем, с курными избами и барскими усадьбами, с сухими и звонкими проселками, с солнечными дождями, с бурями, с яблочными садами, с ригами, с грозами... — со всей красотой и богатством родной земли. Все это — в нем, все это впитано им, остро и крепко взято и влито в творчество — чудеснейшим инструментом, точным и мерным словом, — родной речью. Это слово вяжет его с духовными недрами народа, с родной литературой.

«Умейте же беречь...» Бунин сумел сберечь — запечатлеть, нетленно. Вот кто подлинно собиратели России, ее нетленного: наши писатели и между ними — Бунин, признанный и в чужих пределах, за дар чудесный.

Через нашу литературу, рожденную Россией, через Россией рожденного Бунина признается миром сама Россия, запечатленная в «письменах».

Давно гоголевская «птица-тройка» вынеслась за российские пределы с чудесными колокольцами и бубенцами — величаво-великолепным звоном, с ямщиком-чудом Пушкиным, с дивными седоками — Лермонтовым, Гоголем, Достоевским, Тургеневым, Толстым, Лесковым, Гончаровым, Чеховым... Чуткие мира слышат этот глубокий звон... слышат и восхищаются. Но широкая мировая улица — не знала, не слыхала этого звона-пенья. Нужно было громко сказать о нем. Теперь и она услышит: русский писатель признан — и утвержден.

Многие теперь услышат — «тройку». За рубеж вылетела она, и дай же ей Бог звонить русскую славу миру.

А там... на родной земле...

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий:
Мутно небо, ночь мутна.

Метель... И слышится... — Узнаете ли голос из метели, голос дивного ямщика? —

...«Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи,
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам...»

Ну, что же... «Птица-тройка» найдет дорогу... метели знакомы ей. И будут звучать русские «письмена», пока будет жива истинная душа народа. А пока «тройка», вольная «птица-тройка»... крылатая, многоликая... звонко играет-мчится в вольных просторах мира...

Вот знаменательное событие. Вот оно, наше торжество. Воскликнем же от полноты душевной:

Нашему Ивану Алексеевичу — слава.
Великой литературе нашей — слава.
И всему народу православному — слава».

[81] По шкале Реомюра.

[82] Искали расстрелянного большевиками сына.

[83] Имеется в виду: после приза — присуждения Нобелевской премии И. А. Бунину за 1933 г.

[84] «Человек из ресторана».

[85] *Vergessen* (*нем.*) — забвение. Обыгрывается фамилия Иосифа Гессена.

[86] Речь идет о поэте Сергее Соколове-Кречетове.

[87] Речь идет о Владимире Набокове, писавшем под псевдонимом Сирин.

[88] Речь идет о Яковлеве Александре Евгеньевиче (1887 — 1938) — живописце, монументалисте, сценографе, педагоге. В эмиграции с 1919 г., проживал в Париже.

[89] Гиппиус.

[90] Речь идет о Н. Тэффи.

[91] Имеются в виду братья Кулишеры — Александр Михайлович, Евгений Михайлович и Иосиф Михайлович (1878 — 1934), — последний экономист, историк народного хозяйства.

[92] *Моркотно* (от слова морговать) — нудно, мутит на душе; горько, тяжело на сердце.

[93] *toilette* (*фр.*) — туалет.

[94] *Перипатетики* — ученики и последователи Аристотеля, который имел обыкновение прогуливаться в Лицее со своими слушателями (*греч.* περιπατέω — прохаживаюсь).

[95] *tout complet* (*фр.*) — полный комплект.

[96] *Сомье* (от *фр.* sommier) — матрац, тахта.

[97] *Филемон и Бавкида* — благочестивая супружеская пара из Фригии в греческой мифологии. За гостеприимство, оказанное ими посетившим их в виде странников Зевсу и Гермесу, были награждены долголетием и возможностью умереть одновременно; после смерти оба стали деревьями, растущими из одного корня.

[98] *Волконский* Петр Петрович (1872 — ?) — Светлейший князь, первый секретарь посольства России в Вене.

[99] См.: Возрождение. — 1929. — № 56. — 21 дек.

[100] *Jai contracte les dettes vers la Fr. jusqu'au fin die jours* (*фр.*) — Я в неоплатном долгу перед Францией.

[101] «Жизнь Арсеньева».

[102] *pro Russia* (*фр.*) — за Россию.

[103] *Europeische Revue* (*нем.*) — Европейское ревю.

1934

[1] Датировка, сделанная позже рукою И. А. Ильина: «1934, середина января».

[2] Цитата из «Лета Господня», глава «Круг царя Соломона».

[3] *«Der Bericht eines ehemaligen Menschen»*. Die Evangelische Gemeinde, Febr. 1933.

[4] Здесь приклеена вырезка из газетной статьи на немецком языке «Иван Шмелев: Рассказ бывшего человека», рецензия на рассказ «На пеньках» в переводе А. Лютера с предисловием И. А. Ильина.

[5] *Эрт* Адольф (псевд. Крамер) (1902 — ?) — немецкий писатель, публицист, критик, государственный и общественный деятель, соавтор книги «Entfesselung der Unterwelt» (Разнуздание черни), в которую вошла и работа Ильина. Написал книгу о меннонитах в России (Das Mennonitentum in Russland von seiner Einwanderung bis zur Gegenwart. Berlin, u.a., 1932. — 175S.). Под псевдонимом «Cramer» он редактировал сб. «Das Notbuch des russischen Christenheit» (Книга бедствий русского христианства). В 1930-х гг. был в НСДАП, затем вышел — под влиянием церкви, весной 1933 г. был приглашен главой Отдела II/4 министерства пропаганды Германии возглавить так называемый «Антикоминтерн», в который входили различные организации, включая Русский Научный институт, и который оказывал заметное влияние на внешнюю политику Третьего рейха.

[6] Неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Пророк» (1841).

[7] Речь идет о книге Ильина «Большевистская политика мирового господства. Планы III Интернационала по революционированию мира», изданной на немецком языке в 1935 г. Русский перевод см. в т. 8 наст. Собр. соч.

[8] *Lux lucet in Tenebris* (*лат.*) — Свет во тьме светит.

[9] «Няня из Москвы» публиковалась в № 55, 56, 57 этого журнала за 1934 г.

[10] *Terme* (*фр.*) — срок квартирной платы за 3 месяца.

[11] *horreur*! (*фр.*) — ужас!

[12] *Шершевский* Сергей. — врач.

[13] Речь идет о Ф. А. Степуне.

[14] *не вемъ* (*ст.-сл.*) — не знаю.

[15] rouge et noir (*фр.*) —красное и черное.

[16] K. A. Prinz Rohan — не установлен.

[17] «Солнце Мертвых».

[18] «Няня из Москвы».

[19] «Лето Господне».

[20] *Die Reihe religiosen Russen* (*нем.*) — Линия русской религиозности.

[21] *restlos eigenommen* (*нем.*) — захвачены без остатка.

[22] *Herr Konigez hat den Schmelichjow gelesen und ist da vom begeistert* (*нем.*) — Господин Конигец Шмелева прочитал и от него в восторге.

[23] *Sontags Blatt der Basler Wachrichten* (*нем.*) — воскресный листок «Базельских новостей».

[24] *Der Ozean* (*нем.*) — океан.

[25] *Мих. Linsky* — не установлен.

[26] Неизвестно, был ли снят фильм по сценарию И. С. Шмелева. Интересно, что такой же весьма характерный сюжет воплощен во всемирно известном фильме «Баллада о солдате».

[27] *уявися* (*ст.-слав.*) — стать явным.

[28] Подразумевается статья Ильина «Татьянин день»// Возрождение. — Париж, 1934. — № 3171. — 6 февр. — С. 2.

[29] Речь идет о брошюре Ильина «О России. Три речи. 1926 — 1933»// София: За Россию, 1934. — 32 с.

[30] *Salle etaitt cohiblel* (*фр.*) — зал был переполнен.

[31] *Salle Gavot* (*фр.*) — зал Гавот.

[32] Речь, по-видимому, идет о первых главах книги «О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев», которую Ильин начал писать в это время и закончил только в 1939 г.

[33] Игра слов. Мажесте из Мажестик — дословно: Маэстро из гостиницы Мажестик (там проживал И. А. Бунин).

[34] *Боткин* Сергей Дмитриевич (18? — ?) — камергер, с 1914 г. первый секретарь русского посольства в Берлине.

[35] Здесь: как птичка овсянка.

[36] Срв.: «Каждому приходит час последний» («Лето Господне», гл. «Крещенье»).

[37] Имеется в виду голландская писательница Clemence Bauer.

[38] Образование от слова *«рекорд»*.

[39] Статья посвящена Шмелеву.

[40] См.: «О России. Три речи».

[41] В начале письма зачеркнуто: 9 IV 1934. 2-й День Св. Пасхи.

[42] *жибуле де марс* (*фр. идиоматическое выражение*) — весенние ливни.

[43] Имеется в виду великий русский хирург *Пирогов* Николай Иванович (1810 — 1881).

[44] В этом месте приписано рукой И. А. Ильина: След<овательно> я прав и в Шмелеве.

[45] Алексеев Николай Николаевич (1875 — 1955) — генерал-лейтенант Генштаба. Участник первой мировой войны, с 1918 г. в Добровольческой армии, командовал войсками северной группы Донской армии. С 1922 г. в эмиграции. С 1923 г. в Париже. Был бессменным председателем Союза Российских кадетских корпусов.

[46] Булонь на Сене.

[47] *randes-vous* (*фр.*) — на свидании.

[48] *20 arrond* (*фр.*) — ровно 20.

[49] *numeration globulain* (*фр.*) — уровень глобулина.

[50] по телефону.

[51] Имеются в виду рентгеновские снимки.

[52] *l'operation s'imposée* (*фр.*) — операция необходима.

[53] *oper — simple et benigne* (*фр.*) — операция — простая и неопасная.

[54] *ulcer* (*фр.*) — язва

[55] Ильин успешно выступал с циклом лекций в Риге.

[56] *livre delicieux* (*фр.*) — восхитительная книга.

[57] *Арион* (7 — 6 вв. до н. э.) — древнегреческий поэт, легенда о чудесном спасении которого дельфином, зачарованным его пением и вынесшим на берег, стала источником вдохновения для других поэтов.

[58] Здесь: как бы эолова арфа мужского рода.

[59] Эта лекция Ильина была опубликована в «Возрождении», а позже, в 1937 г., вышла отдельной брошюрой.

[60] *duodenum* (*лат.*) — двенадцатиперстная кишка.

[61] Ин. 21, 18 (неточная цитата).

[62] Упоминается Американский госпиталь в Найи.

[63] вместо Ивана Шмелева для др. Брюле.

[64] В декабре 1934 г. это знаменательное событие было подробно описано И. С. Шмелевым в рассказе «Милость Преподобного Серафима» (Православная Русь. — Ладомирово, 1935. — № 1, 2, 3).

[65] *de mouton* (*фр.*) — из баранины.

[66] *Горный* Сергей (наст. имя Оцуп Александр-Марк Авдеевич) (1882 — 1949) — поэт, прозаик. В 1919 г. служил в подразделениях Деникина. После ранения и пленения махновцами выехал на Кипр. С 1922 г. жил в Берлине.

[67] Т. е. Ивана Бунина.

[68] Тургенев И. С. «Дворянское гнездо».

[69] Письмо было написано, но не отправлено; оно продолжено 2.VII по получении письма от И. А. Ильина.

[70] Пс. 90, 1.

[71] Имеется в виду статья «Русский лагерь в Капбретоне»// Возрождение. — 1934. — № 3312. — 28 июля.

[72] *Venez, attendons, tout s'arrengeta* (*фр.*) — приезжайте, подождем, все уладится.

[73] *train du Savoyard* (*фр.*) — поездом из Савуяра.

[74] Этим значком указано на лицевой стороне открытки с горным пейзажем Allemont'a место, где находилась дача И. С. Шмелева.

[75] Этим значком на лицевой стороне открытки отмечено место, где находилась дача И. С. Шмелева.

[76] А. С. Пушкин «Моцарт и Сальери» (сцена I).

[77] Слева на полях напротив этого абзаца стоят знаки: ?!

[78] *Quos vult perdere demendat* (*лат.*) — всякого хотят лишить разума. Имеется в виду пословица: «Кого Господь захочет наказать, того лишает разума».

[79] Имеется в виду очерк «Как я встречался с Чеховым»// Возрождение. — 1934. — № 3343. — 29 июля.

[80] Парижский адрес И. С. Шмелева.

[81] Возрождение. — 1934. — № 3364. — 19 авг.

[82] Подразумевается П. М. Бицилли.

[83] Ив и я.

[84] Так в тексте. Видимо, описка. Среди близких И. С. Шмелеву людей была Наталья Ивановна (Кульман).

[85] Лк. 2, 29.

[86] Мф. 5, 11.

[87] *Буренин* Виктор Петрович (1841 — 1926) — поэт, критик, публицист.

[88] *Яблоновский* Сергей Викторович (? — 1954) — публицист, театральный критик.

[89] Недописано слово «летний».

[90] Здесь: объявлений.

[91] *биен-этр-женераль* (*фр.*) — самочувствие в общем хорошее.

[92] *Горбунов* Иван Федорович (1831 — 1895/96) — русский писатель, актер. Мастер устных рассказов из народного быта.

[93] Так в тексте.

[94] См.: Возрождение. — Париж, 1934. — № 3377. — 1 сент. — С. 2.

[95] *ursus* (*лат.*) — медведь.

[96] Не установлен.

[97] *recepisse* (*фр.*) — расписка.

[98] *Maison Russe* (*фр.*) — Русский дом (старческий дом при русском кладбище в пригороде Парижа).

[99] Подразумевается Монте-Карло с его игорными домами.

[100] Имеется в виду И. А. Бунин.

[101] *retour* (*фр.*) — обратные.

[102] Это письмо было впервые опубликовано в газете «Русская мысль» (Париж, 1994. — № 4028. — 5 — 11 мая) и в журнале «Вопросы философии» (публикация А. Е. Климова). Здесь печатается по автографу.

[103] С женой Наталией Николаевной.

[104] Допросы Ильина в гестапо почему-то касались вопросов отношения его к отделению Украины от России.

[105] Эрт предложил Ильину вести антисемитскую пропаганду в Русском Научном институте в Берлине. Ильин отказался и фактически был уволен за это. См. документы из немецких архивов в дополнительном томе наст. Собр. соч. «Дневник. Письма. Документы (1903 — 1938)».

[106] См. доносы на Ильина в гестапо в дополнительном томе наст. Собр. соч. «Дневник. Письма. Документы (1903 — 1938)».

[107] Речь идет о брошюре некоего Соборянина «Лжеучители. (Документы и мысли о высылке ученых из Советской России в 1922 г.)» (Берлин, <1934>), изданной тиражом 5 тыс. экз., которая была направлена главным образом против Ильина. Раскрыть подлинное имя автора этой брошюры пока не удалось. Однако после раскола Русской Православной Церкви на Синодальную, возглавляемую Митрополитом Антонием, и отошедшую от нее часть, возглавляемую Митрополитом Евлогием, представителей последней стали именовать «евлогианцами», а представителей первой — «карловчанами», но иногда «соборянами». Об этом «территориальном размежевании» говорит автор уже цитированной нами брошюры: «Беженец, случайно поселившийся в епархии митр. Евлогия, должен быть, по их мнению, евлогианцем; а проживающий в Югославии, пожалуй, может быть и соборянином.<...> Евлогиане говорят соборянам: «Вы подумайте, кто за вами стоит: черносотенцы Марков, Скаржинский». А соборяне им отвечают: «А за вами кто? Милюков, Керенский, масоны, жиды!» (см.: О л с у ф ь е в Д. А. Мысли соборянина о нашей церковной смуте. Париж, 1929. С. 9, 11). Ясно, что брошюру против Ильина написал человек его же лагеря, либо это откровенная провокация.

[108] Сторонники министра просвещения Л. А. Кассо, уволившего в 1911 г. за революционную активность ряд преподавателей высших учебных заведений. В знак протеста часть профессоров Московского университета подало в отставку.

[109] Ильин защитил диссертацию 19 мая по старому стилю 1918 г. Его оппонентами были проф. Новгородцев П. И. и проф. Трубецкой Е. Н. (оба кадеты).

[110] Ильин арестовывался 6 раз, был дважды судим и под страхом расстрела в сентябре 1922 г. был выслан за границу наряду с другими философами, учеными и литераторами. Позже ВЦИК лишил его гражданства и конфисковал имущество.

[111] Веселенькая свадьба// Возрождение. — 1934. — № 3392. — 16 сент.

[112] Этого письма в данном собрании писем нет.

[113] *Александр I Карагеоргиевич* (1888 — 1934) — король Югославии с 1921 г. (до 1929 г. Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев). Убит в Марселе хорватскими националистами.

[114] Видимо, речь идет о покупке лотерейного билета для И. А. Ильина, которая не привела к выигрышу.

[115] *Кин* Эдмунд (1787 — 1833) — знаменитый английский трагический актер, герой пьесы А. Дюма «Кин, или Гений и беспутство».

[116] Шуточный псевдоним И. С. Шмелева.

[117] *priere de faire suivre* (*фр.*) — просьба переслать адресату.

[118] *best* (*нем.*) — самый лучший.

[119] *Тифон* — в греческой мифологии сын земли Геи и Тартара, стоглавое огнедышащее чудовище.

[120] Речь идет о гибели архиепископа Иоанна Рижского (Помера), убитого агентами НКВД на его даче под Ригой в 1934 г.

[121] *masturbatione politica* (*итал.*) — рукоблудная политика.

[122] Речь идет о рисунке Хризогонова, сделанном с фотографии И. А. Ильина.

[123] Волконский Александр Михайлович (1866 — 1934) — русский офицер, полковник Генерального Штаба, публицист, писал под псевдонимом Волгин, автор книг «Вооруженные силы Италии» (1908), «Имя Руси в домонгольскую пору» (1929), «В чем главная опасность?» (1929), «Малоросс и украинец» (1929). В конце жизни стал униатским священником.

[124] *incredibile auditu* (*фр.*) — невероятные слухи.

[125] Игра слов. Срв.: «многая лета...».

СОДЕРЖАНИЕ

Ильин И. А.

И46 Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1927 — 1934)/Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Расшифр. и текстол. подгот. писем И. С. Шмелева О. В. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. — М.: Русская книга, 2000. — 560 с.

В этом томе впервые публикуются 222 письма русского религиозного философа, национального мыслителя и ученого-государствоведа И. А. Ильина и великолепного православного писателя И. С. Шмелева из коллекции мичиганского Архива И. А. Ильина (США) и 3 письма из частного архива И. Жантийома (Франция) периода 1927 — 1934 годов.

«Переписка двух Иванов» выходит в рамках Собрания сочинений И. А. Ильина.

ISBN 5 — 268 — 00485 — 9 **УДК 1/14**
ISBN 5 — 268 — 00486 — 0 **ББК 87.3**

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН

Собрание сочинений

ПЕРЕПИСКА ДВУХ ИВАНОВ
(1927 — 1934)

Редактор **Т. И. Киреева**
Художественный редактор **Г. Л. Шацкий**
Технический редактор **И. И. Павлова**
Корректор **Н. Д. Бучарова**
Компьютерный набор **О. В. Лисица**
Компьютерная верстка **В. В. Горшкова, А. М. Токер**

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 010058 от 23 октября 1996 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 15.03.2000.
Формат 84×108/32. Бумага типографская. Гарнитура таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,93 (в т. ч. вкл. 0,53).
Уч.-изд. л. 30,09 (в т. ч. вкл. 0,43).
Тираж 4182 экз. С-08. Изд. инд. НА-68. Заказ № 445.

Издательство «Русская книга»
Комитета Российской Федерации по печати.
123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38.

Отпечатано на Государственном издательско-полиграфическом
предприятии «Вятка»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

И.А.ИЛЬИН